

1801— 1901.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

Поманѣхъ дин дрѣвнѣа, поѣчнѣа...
(Ис. 142).

УТВЕРЖДЕНІЕ
РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
НА КАВКАЗЪ.

Томъ IV-й.

Часть 2-я.

Подъ руководствомъ бывш. начальника штаба Кавказск. воен. округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго.

Изданіе Военно-Историческаго отдѣла при Штабѣ Кавказскаго
военнаго округа.

Подъ редакціей генераль маіора Потто.

ТИФЛИСЪ.

Электропечатня штаба Кавказскаго военнаго округа, Лорисъ-Меликовская ул., д. казенный.
1908.

Время Ласкевича.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1828 1829 годы.

Составили: Генеральнаго Штаба Полковникъ *Веселовзоръ*.
Генераль-Лейтенантъ *Потто*.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей.—Манифестъ Императора Николая I-го.—Затруднительное положеніе Паскевича.—Что представляло собою тогда Закавказье.—Турецкія владѣнія въ Азіи и ихъ боевыя силы.—Распоряженіе Паскевича о возвращеніи войскъ изъ Персіи.—Планъ войны.—Дѣйствующій корпусъ и забота Паскевича объ устройствѣ его матеріальной, продовольственной и госпитальной части.—Выборъ операціоннаго пути и разработка путей сообщенія.—Сосредоточеніе главныхъ силъ въ Гумрахъ.—Открытіе военныхъ дѣйствій 3

ГЛАВА ВТОРАЯ. Переходъ дѣйствующаго корпуса черезъ границу. - Боевой его составъ—Первое столкновеніе съ турками—Слухи о турецкой арміи.—Письмо Кіосъ-Магометъ-паши къ карсскому коменданту—Кавалерійскій бой 19-го іюня подъ стѣнами Карса.—Результаты этого боя и мнѣніе о немъ графа Паскевича.—Карсъ 1828 года.—Стратегическое значеніе его въ древности.—Приготовленіе къ осадѣ Карса—Рекогносцировка 20-го іюня и первая встрѣча русской пѣхоты съ турецкой.—Выборъ пункта для веденія осады.—Заложеніе осадныхъ батарей въ ночь съ 22-го на 23-е іюня. 21

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Расположеніе русскихъ войскъ подъ Карсомъ въ ночь съ 22-го на 23-е іюня.—Бомбардированіе крѣпости.—Поручикъ Лабинцевъ.—Внезапный бой и постепенное его развитіе.—Борьба за кладбище, взятіе турецкаго лагеря и штурмъ Армянскаго предмѣстья.—Прибытіе къ войскамъ графа Паскевича—Бой за обладаніе передовыми городскими форштадтами и занятіе города.—Начало переговоровъ.—Категорическія требованія Паскевича.—Сдача Карса.—Административное устройство карскаго пашалыка. Извѣстія о турецкой арміи и распоряженіе Паскевича.—Чума въ русскомъ лагерѣ—Приготовленія къ дальнѣйшему походу 39

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Тяжелое положеніе Паскевича по взятіи Карса.—Дальнѣйшія военныя дѣйствія.—Ахалкалаки и ея гарнизонъ.—Штурмъ крѣпости и значеніе его въ исторіи Ширванскаго полка. Взятіе крѣпости Хертвиса—Прибытіе резервовъ изъ Грузіи.—Путь отъ Ахалкалакъ къ Ахалцыху.—Ахалцыхъ и его историческое прошлое.—Бой 5-го августа подъ Ахалцыхомъ.—Разгромъ турецкаго вспомогательнаго корпуса 57

ГЛАВА ПЯТАЯ. Дѣйствія Паскевича послѣ разгрома вспомогательнаго турецкаго корпуса.—Ахалцыхъ и его укрѣпленія.—Русскія осадныя батареи и размѣщеніе войскъ.—Результаты бомбардированія.—Распоряженія къ штурму.—Полковникъ Бородинъ съ его ширванскимъ полкомъ.—Бой въ армянскомъ предмѣстьи за обладаніе костеломъ.—Тяжелыя потери ширванцевъ.—Взятіе кладбища и костела.—Бой въ еврейскомъ кварталѣ.—Пожаръ мусульманской части города и отчаянное положеніе гарнизона.—Сдача Ахалцыха.—Потери обѣихъ сторонъ и русскіе трофеи.—Награды Паскевичу.—Новая штурмовая пѣсня, сложенная ширванцами.—Устройство Ахалцыхскаго пашалыка—Покореніе Ахсура и Ардагана 85

II.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ русскаго корпуса.—Баязетскій пашалыкъ.—Князь Александръ Чавчавадзе.—Сдача Баязета.—Походъ въ Алашкертскій санджакъ и покореніе Топрахъ-кале.—Встрѣча съ курдами за деревней Чалкалы.—Движеніе части отряда въ Мушскій пашалыкъ для сбора продовольственныхъ запасовъ.—Бой у Софикента.—Тревога въ Эрзерумѣ и сборъ сильнаго турецкаго отряда для овладѣнія Алашкертской долиной.—Князь Чавчавадзе встрѣчаетъ турокъ въ Мушскомъ пашалыкѣ.—Кровавыя бои у Патноса и Гракома.—Возвращеніе отряда въ свои границы.—Помощь, поданная ему изъ Карса.—Отозваніе князя Чавчавадзе и назначеніе на мѣсто его генерала Панкратьева.—Паскевичъ и князь Чавчавадзе 107

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Гурія, Мингрелія и Имеретія при началѣ войны.—Средства для обороны края. Софія Гуріели.—Письмо къ ней Паскевича.—Осада и взятіе Поті.—Политическое состояніе Гуріи.—Сношенія княгини съ турками. Прокламація Паскевича и ея вліяніе.—Вмѣшательство въ гурійскія дѣла аджарскаго бека.—Послѣднее предостереженіе Паскевича.—Занятіе Гуріи русскими войсками.—Бѣгство княгини въ Турцію.—Новое управленіе Гуріей.—Уничтоженіе ея автономіи.—Дальнѣйшая судьба владѣтельной гурійской фамиліи. 129

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Анапская экспедиція.—Значеніе Анапы для насъ и для Турціи.—Вліяніе турокъ на горцевъ черноморскаго побережья.—Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.—Переписка князя Меншикова съ г-жею Бухгольцъ.—Составъ экспедиціоннаго отряда.—Прибытіе его къ Анапѣ.—Начало осады.—Вылазка турокъ 7-го и бой съ черкесами 8-го мая.—Новое расположеніе войскъ на позиціяхъ.—Упорныя битвы 18-го и 28-го мая.—Сдача Анапы.—Отзывъ князя Меншикова о войскахъ его отряда.—Высочайшія награды 143

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Результаты кампаніи 1828 года.—Надежды въ войскахъ на продолженіе военныхъ дѣйствій зимою.—Мнѣніе о томъ Паскевича.—Роспускъ войскъ на зимовыя квартиры.—Приготовленія турокъ къ кампаніи 1829 года.—Смѣна въ Эрзерумѣ начальствующихъ лицъ.—Силы турокъ и русскихъ.—Затруднительное положеніе Паскевича.—Переговоры его съ Персіей, съ курдами и аджарцами.—Сформированіе имъ 4-хъ конно-мусульманскихъ полковъ и конницы Кянгерлы.—Положеніе дѣлъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ.—Внезапное открытіе турками военныхъ дѣйствій среди глубокой зимы и первое извѣстіе о блокадѣ ими Ахалцыхы.—Распоряженія Паскевича.—Замѣчательное движеніе Бурцева черезъ Боржомское ущелье на помощь осажденной крѣпости

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Первая извѣстія о приближеніи непріятеля.—Ночная тревога.—Распоряженія князя Бебутова.—Военный совѣтъ.—Отбитый штурмъ и осада Ахалцыхы.—Переговоры Бебутова съ Ахмедъ-бекомъ.—Появленіе Бурцева и бѣгство турокъ.—Событія въ Гуріи.—Ожиданіе нашествія турокъ.—Пораженіе ихъ при Лиманѣ.—Тревожныя извѣстія изъ Персіи 177

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. Назначеніе Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при Тегеранскомъ дворѣ.—Дѣятельность его въ Тавризѣ.—Поѣздка въ Тегеранъ и аудіенція у шаха.—Политическая программа Грибоѣдова.—Исторія Мирзы-Якуба.—Возмущеніе тегеранской черни и истребленіе русскаго посольства.—Смерть Грибоѣдова.—Могила погибшихъ въ Тегеранѣ.—Торжественное перенесеніе праха Грибоѣдова въ Тифлисъ и погребеніе его въ церкви св. Давида.—Милости Государя, оказанныя его семейству .

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Волненія вызванныя въ Закавказьи извѣстіемъ о смерти Грибоѣдова.—Народный бунтъ въ Грузіи и мѣры, принятыя Паскевичемъ къ его усмиренію.—Персидскія дѣла.—Мнѣнія Паскевича объ участіи въ нихъ англичанъ.—Двуличное поведеніе Персіи.—Прекращеніе съ ней дипломатическихъ сношеній.—Затруднительное положеніе Паскевича, въ виду возможности персидской войны 211

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Возобновленіе переговоровъ съ Персіей.—Интрига англичанъ и разнорѣчіе во взглядахъ на нихъ Паскевича и графа Нессельроде.—Прибытіе Мирзы-Массуда въ Тифлисъ.—Секретное сношеніе Аббасъ-Мирзы съ Паскевичемъ.—Неудовольствіе графа Нессельроде.—Назначеніе въ Тавризъ князя Долгорукова.—Политика, принятая имъ относительно Персіи.—Возстановленіе дружескихъ отношеній между Россіей и Персіей.—Посольство принца Хосровъ-Мирзы въ Петербургъ.—Торжественный пріемъ его императоромъ Николаемъ I.—Пребываніе принца въ Петербургъ.—Дальнѣйшая его судьба 233

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Первые слухи о наступленіи турокъ.—Движеніе генерала Бурцева къ Ахалцыху.—Бой у д. Цурцаки.—Приготовленія къ кампаніи 1829 года.—Планы и намѣренія непріятеля.—Сосредоточеніе главныхъ силъ Паскевича подъ Карсомъ.—Вторичная попытка турокъ овладѣть Ахалцыхомъ.—Блистательная побѣда Муравьева и Бурцева при Дигурѣ и Чаборіо.—Празднованіе этой побѣды въ главномъ лагерѣ.—Составъ дѣйствующаго корпуса и наступленіе Паскевича 251

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Расположеніе русскаго корпуса у с. Катанлы въ виду Соганлугскихъ горъ.—Первыя извѣстія о непріятелѣ.—Лагерь Гагки-паши у Милидюза.—Переходъ черезъ Соганлугъ.—Движеніе Паскевича въ тылъ Гагки-паши.—Пораженіе передового отряда у Бардуса.—Неожиданная встрѣча съ сераскиромъ.—Бой у Каинлы.—Разгромъ сераскирской арміи 271

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Ночь послѣ побѣды.—Сосредоточеніе войскъ въ Караурганѣ.—Движеніе Паскевича къ Милидзю.—Штурмъ гагки-пашинскаго лагеря.—Бѣгство турокъ и плѣненіе Гагки-паши.—Дѣйствія въ бою русской кавалеріи.—Трофеи побѣды.—Неудовольствіе Паскевича за малое число ихъ.—Возраженіе Сакена.—Назначеніе офиціальнаго слѣдствія.—Заключеніе по этому дѣлу графа Паскевича

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Дорога къ Эрзеруму.—Зивинскій замокъ.—Графъ Паскевичъ въ Гасанъ-кала.—Тревожная ночь и внезапный походъ.—У воротъ Эрзерума.—Посольство князя Бековича-Черкаскаго.—Переговоры его съ сераскиромъ.—Народный мятежъ въ Эрзерумѣ.—Геройское поведеніе князя Бековича.—Штурмъ Эрзерума.—Сдача города и плѣненіе сераскира.—Русскіе въ Эрзерумѣ.—Трофеи побѣды 311

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Заботы графа Паскевича объ административномъ устройствѣ Эрзерумскаго пашалыка.—Занятіе передовыми отрядами Хныса и Бейбурта.—Ожиданіе Паскевичемъ подкрѣпленій.—Письмо его къ государю.—Событія въ Лазистанѣ.—Новый анатолійскій сераскиръ.—Бейбуртская катастрофа и смерть генерала Бурцева.—Движеніе графа Паскевича къ Бейбурту.—Бой подъ сел. Хартомъ и разгромъ сераскира. 333

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Попытка гр. Паскевича проникнуть къ Трапезонду или Сивасу.—Занятіе Кялкитъ-чифтлика.—Извѣстія о тревожномъ положеніи дѣлъ въ тылу и на флангахъ.—Возвращеніе гр. Паскевича къ Балахору.—Экспедиція въ Гюмишъ-хана.—Оставленіе Паскевичемъ Бейбурта и возвращеніе въ Эрзерумъ.—Заговоръ въ Эрзерумѣ.—Сношенія его жителей съ курдами.—Борьба съ курдами въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ 351

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Дѣйствія на лѣвомъ флагѣ.—Положеніе Баязетскаго пашалыка при началѣ кампаніи 1829 года.—Генералы Поповъ и Панютиновъ.—Намѣреніе Ванскаго паши овладѣть Баязетомъ въ іюнѣ 1829 года.—Начало осады.—Крѣпость и ея оборонительныя средства.—Двухъ-дневный кровопролитный штурмъ.—Продолженіе блокады.—Отчаянное положеніе гарнизона.—Паскевичъ и его распоряженія.—Внезапное отступленіе турокъ отъ Баязета.—Вторичная осада въ августѣ мѣсяцѣ.—Новый начальникъ баязетскаго отряда генералъ Реутъ.—Движенія его отъ Эрзерума къ Баязету.—Выручка крѣпости.—Экспедиція въ Мушъ и покореніе мушскаго пашалыка.—Послѣдняя стычка на р. Муратъ 371

IV.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Дѣйствія на правомъ флангѣ.—Сношенія наши съ аджарцами.—Новый начальникъ Ахалцыхскаго пашалыка баронъ Остенъ-Сакенъ. Инструкція, данная ему графомъ Паскевичемъ.—Не своевременность аджарской экспедиціи.—Бѣдственный походъ и причины его неудачи.—Дѣйствія въ Гуріи Усиленіе турецкихъ войскъ въ Кобулетахъ.—Пораженіе турокъ при Муха-Эстате.—Попытка Гессе овладѣть Батумомъ.—Неудачный штурмъ Цихисдзири.—Пораженіе отряда Гессе. Опасное положеніе Гуріи 391

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Событія въ Ольтахъ и Нариманѣ —Дѣйствія полковника Шумскаго.— Прибытіе въ Ольты отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова.—Блистательная дѣла конно-мусульманской бригады при д. Сурпъ-Саркисъ и въ окрестностяхъ Ольты.—Сдача Ольтинской цитадели.—Роспускъ дѣйствующаго корпуса на зимовыя квартиры.—Новый сераскиръ Османъ-паша и дѣйствія его въ Терджанскомъ санджакѣ.—Наступленіе сераскира къ Эрзеруму.—Послѣдній бой полъ Йейбуртомъ.—Полный разгромъ сераскира.—Извѣстіе о заключеніи мира 413

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Миръ, заключенный въ Адрианополѣ 2-го сентября 1829 года.—Причины поздняго полученія извѣстія о немъ на Кавказѣ.—Торжество въ русскомъ лагерѣ. Общественное мнѣніе о побѣдахъ Паскевича въ Европѣ и Россіи.—Малая заботливость о выгодахъ Кавказа при заключеніи мира —Графъ Нессельроде и переписка съ нимъ Паскевича.—Мнѣніе императора Николая.—Неудавшаяся попытка исправить трактатъ. —Производство Паскевича въ фельдмаршалы. Поѣздка его въ Петербургъ —Возвращеніи войскъ въ Россію. Памятники турецкой войны 429

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Глава I.

Война Паскевича, — война этическая!

(Слова графа Лорисъ-Меликова).

Извѣстіе о разрывѣ съ Турціей. Манифестъ Императора Николая I-го. — Затруднительное положеніе Паскевича. — Что представляло собою тогда Закавказье. — Турецкія владѣнія въ Азіи и ихъ боевыя силы. — Распоряженіе Паскевича о возвращеніи войскъ изъ Персіи. — Планъ войны. — Дѣйствующій корпусъ и забота Паскевича объ устройствѣ его матеріальной, продовольственной и госпитальной части. — Выборъ операціоннаго пути и разработка путей сообщенія. — Сосредоточеніе главныхъ силъ въ Гумрахъ. — Открытіе военныхъ дѣйствій.

еще не замолкли громы персидской войны 1826—1828 годовъ, а политическія обстоятельства въ Европѣ сложились такъ, что сдѣлали неизбѣжнымъ для Россіи столкновение съ Турціей. Въ Петербургѣ не знали еще о славномъ мирѣ, заключенномъ съ Персіей, а въ Закавказскій край уже летѣлъ курьеръ съ секретными депешами о разрывѣ съ Портой и неотложной необходимости Кавказскому корпусу готовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ.

Былъ мартъ 1828 года. Счастливый побѣдитель Персіи, графъ Паскевичъ-Эриванскій возвращался изъ Тавриза въ Тифлисъ. Онъ ѣхалъ черезъ Маранду, въ то время какъ курьеръ, спѣшившій къ нему навстрѣчу, взялъ изъ Эривани направленіе черезъ Карабахъ, и они разминулись. Не заставъ главнокомандующаго въ Тавризѣ, курьеръ поспѣшилъ назадъ по слѣдамъ его и нагналъ Паскевича 20-го марта уже на первомъ ночлегѣ за Эриванью. Прочитавъ депеши, графъ тотчасъ выѣхалъ въ Тифлисъ, пославъ приказаніе чтобы туда же слѣдовали всѣ полки, возвращавшіеся изъ Персіи. Начиналась турецкая война.

Прошло уже семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Турція была потрясена возстаніемъ въ Валахіи, Морехъ и на греческихъ остро-

вахъ. Въ Валахіи оно подавлено было скоро, но въ Греціи приняло широкіе размѣры и сопровождалось крайними жестокостями съ обѣихъ сторонъ. Европа оставалась безучастною зрительницею этой кровавой борьбы, и маленькая православная Греція, казалось, была обречена ею на гибель. Императоръ Николай I-й, по восшествіи на прародительской престолъ, сразу далъ рѣшительный оборотъ европейской политикѣ, и въ 1827 году соединенные флоты Россіи, Англіи и Франціи отплыли къ берегамъ Мореи для защиты грековъ. Ультиматумъ, предъявленный союзниками, былъ, однако, отвергнутъ Турціей, — и тогда произошло 8-го октября 1827 г. морское сраженіе, въ которомъ весь турецкій флотъ былъ истребленъ союзными эскадрами подъ Навариномъ. Въ отвѣтъ на это султанъ далъ повелѣніе своимъ войскамъ—„потопить грековъ въ ихъ собственной крови“, и въ то же время объявилъ войну Россіи.

„Турція,—говорилось по этому поводу въ манифестѣ императора Николая I, —вызываетъ Россію на брань, грозя ей войной истребительной, воздвигаетъ на нее поголовное ополченіе, объявляетъ ее непримиримымъ врагомъ своимъ. Она попираетъ всѣ прежніе договоры, провозглашая открыто, что самое заключеніе мира было съ ея стороны только предлогомъ къ сокровищу военныхъ ея приготовленій. Таковъ былъ плодъ великодушныхъ усилій Россіи къ сохраненію съ Портою мира... Но есть и самому великодушію предѣлы,—преступить которые воспрещаетъ достоинство Имперіи и неприкосновенность правъ ея и славы. Не прежде, какъ измѣривъ все пространство сихъ обязанностей, и удостовѣрясь въ строгой ихъ необходимости, съ прискорбіемъ, но вмѣстѣ съ твердою увѣренностью въ правотѣ Нашего дѣла, повелѣли Мы войскамъ Нашимъ двинуться съ помощью Божьей противъ врага, поправшаго святость мирныхъ союзовъ и правъ международныхъ“.

Главныя силы русской арміи, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Витгенштейна, стягивалась къ Дунаю. Кавказскому корпусу предстояло дѣйствовать въ Азіатской Турціи. Мы остановимся только на дѣйствіяхъ послѣдняго, но предварительно посмотримъ въ какомъ положеніи находились обѣ противныя стороны, и ка-

кими силами располагала каждая из них для войны за Кавказомъ.

Извѣстія, привезенныя курьеромъ, мучительно тревожили Паскевича, такъ какъ дѣйствующія войска не могли прибыть изъ Персіи раньше конца апрѣля, а до тѣхъ поръ вся пятисотъ-верстная русская граница, простиравшаяся тогда отъ гурійскихъ береговъ Чернаго моря до Талыни, и оттуда, по окраинѣ бывшаго Эриванскаго ханства, до Арарата,—лежала открытою передъ непріателемъ. Малочисленные гарнизоны, разбросанные на огромномъ пространствѣ, достаточны были развѣ только для нуждъ внутренней службы. Даже четыре пункта, открывавшіе непріятелю удобнѣйшіе входы въ русскіе предѣлы: постъ Чахотаурскій—на границѣ Гуріи и Имеретіи, Боржомское ущелье—со стороны Карталиніи, крѣпость Цалка въ Сомхетіи и Гумры въ Шурагели,—даже эти важные пункты едва лишь охранялись. Такъ, въ Цалкахъ стояла одна рота, въ Гумрахъ—двѣ, и эти слабые заслоны, конечно, не могли бы остановить рѣшительнаго наступленія турецкой арміи.

Въ самыхъ русскихъ предѣлахъ, при ихъ сосѣдствѣ съ Турціей, не было увѣренности въ полной безопасности. Если массы населенія уже научились цѣнить, принесенныя русской властью блага внутренняго спокойствія и привыкли къ мирной дѣятельности, то среди нихъ все еще оставались элементы, жившіе преданіями прошлаго, способные внести въ край смятеніе и безпорядки.

На самомъ правомъ флангѣ русскихъ владѣній лежала Абхазія, представлявшая въ этомъ смыслѣ наиболѣе опасности. Еще при самомъ началѣ персидской войны, когда Ермоловъ сосредоточивалъ всѣ наличныя средства и силы къ Тифлису, уже являлась необходимость серьезно подумать объ оборонѣ побережья Чернаго моря. Покинуть Сухумскую бухту и Абхазію—значило бы отказаться отъ послѣдняго вліянія на народы восточнаго черноморскаго побережья,—вліянія столь важнаго для жизни всего Закавказья. А между тѣмъ, при томъ состояніи, въ которомъ находилась крѣпость Сухумъ, защищаться въ ней было невозможно, и оставалось одно изъ двухъ: либо заблаговременно принять мѣры

къ ея укрѣпленію,—на что требовались деньги и войска, либо теперь же вывести изъ нея гарнизонъ и взорвать на воздухъ ея стѣны. Въ Петербургѣ не ожидали въ то время близкаго разрыва съ Портою, и государь не изъявилъ согласія на разрушеніе Сухума, полагая, „что оное предчтется къ излишней осторожности“. Онъ приказалъ для защиты крѣпости занять ее достаточными силами, а для прикрытія съ моря расположить у береговъ Абхазіи небольшую часть крейсерской флотиліи. Опасенія Ермолова тогда не сбылись: Абхазія во время персидской войны оставалась совершенно спокойною. Но за то теперь, на случай появленія турецкаго десанта, она готовилась къ возстанію. Открытая совершенно съ моря и съ суши воздѣйствіямъ турокъ, страна не могла не относиться сочувственно къ ихъ пропагандѣ, и на сухумскій гарнизонъ скоро начались непрерывныя нападенія, стѣснившіе его съ теченіемъ времени такъ, что нѣсколькихъ шаговъ за крѣпость невозможно было сдѣлать безъ конвоя.

Къ Абхазіи примыкали Мингрелія, Имеретія и Гурія. Населенныя христіанами, они, казалось бы, не должны были внушать особыхъ опасеній. Дѣйствительно, на вѣрность мингрельцевъ и имеретинъ можно было положиться вполне, и генераль-адъютантъ Сипягинъ, посланный Паскевичемъ для обзора этихъ провинцій, писалъ, что онъ нашелъ въ нихъ наилучшія расположенія къ Россіи. Владѣтель мингрельскій вызвался даже выставить до 4-хъ тысячъ вооруженной милиціи; имеретины съ своей стороны собирали земское ополченіе. Но положеніе дѣлъ въ маленькой Гуріи было совершенно иное. Властолюбіе тогдашней правительницы ея княгини Софіи угрожало увлечь страну на скользкій путь авантюры; она вела тайные переговоры съ турками, даже отправила къ нимъ въ аманаты своихъ дѣтей и получила за то отъ султана фирманъ и подарки. А между тѣмъ, приморское положеніе этой ничтожной по пространству страны доставляло ей весьма важное значеніе, и если бы турки появились въ Гуріи,— то спокойствіе сосѣдней Мингреліи и Имеретіи неминуемо было бы нарушено.

То же самое можно сказать и о Грузіи, составлявшей центръ и основаніе могущества нашего за Кавказомъ. Эта многострадаль-

ная страна искони вѣковъ была театромъ хищническихъ набѣговъ со стороны сосѣдей. И если въ мирное время буйные лезгины, карапахи и курды, несмотря на присутствіе въ ней русскихъ войскъ, ежегодно уводили отсюда многочисленныя стада и нерѣдко захватывали въ плѣнъ жителей, то теперь, съ объявленіемъ турецкой войны, надъ ней висѣла серьезная угроза новыхъ вторженій. Гроза надвигалась на нее со стороны Ахалцыха и Карса и со стороны тѣхъ полукочевыхъ племенъ, которыя всегда служили какъ бы передовыми аванпостами для турокъ. Самая политическая жизнь страны требовала особеннаго наблюденія. Еще живы были люди, помнившіе своихъ царей, время относительной своей независимости — и подъ ихъ вліяніемъ, имя бѣглаго царевича Александра могло взволновать умы пылкой грузинской молодежи.

Далѣе, за Грузіей, лежала вновь покоренная Армянская область, соприкасавшаяся съ персидскою границею. Правда, ослабленная проигранною войною, лишившаяся почти всей своей регулярной арміи, Персія сама по себѣ не представляла серьезной опасности, но тѣмъ не менѣе вполне положиться на спокойствіе тогдашней границы, при извѣстномъ непостоянствѣ и легкомысліи персидскаго правительства, было невозможно.

Затѣмъ среди остальной части Закавказскаго края, въ бывшихъ татарскихъ ханствахъ, мнжно было ожидать также общихъ волненій.

Мусульманскія провинціи, державшіяся Аліевой секты (шіиты), еще могли оставаться спокойными, но въ областяхъ, населенныхъ суннитами, уже замѣчалось броженіе. Особенное колебаніе умовъ давало себя чувствовать среди населенія Джарской области, занятой у насъ всего двумя баталіонами. „До меня доходятъ уже слухи, — писалъ Паскевичъ, — что они принимаютъ къ себѣ въ союзъ дагестанскихъ лезгинъ, всегда бывающихъ наемниками ихъ во время бунта. Въ неискренности джарцевъ меня убѣждаетъ то, что они отказались прислать ко мнѣ депутатовъ и не выставляютъ хлѣба, слѣдующаго съ нихъ по раскладкѣ“.¹⁾ Въ то же время весь сѣвер-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Отношеніе графа Паскевича къ графу Нессельроде 26-го мая 1828 г. № 51.

ный Дагестанъ волновался подъ вліяніемъ какого-то новаго, еще невѣдомаго тогда религіозно-политическаго ученія. Чечня разбойничала. Кубани вновь грозили замолкшіе было въ послѣдніе годы набѣги. Повсюду требовались войска.

Турція находилась въ положеніи несравненно выгоднѣйшемъ. По всей границѣ ея съ Россією, на всѣхъ удобныхъ въ стратегическомъ отношеніи пунктахъ, стояли сильныя крѣпости или укрѣпленные замки, вполнѣ ихъ замѣнявшіе: Поті, Батумъ, Кобулеты, Ацхуръ, Хертвисъ, Ахалцыхъ, Ахалкалаки, Карсъ, Магазбертъ, Кагызманъ и Баязетъ составляли оплотъ мусульманскаго могущества въ этой исторической странѣ, бывшей постояннымъ театромъ внѣшнихъ и внутреннихъ междоусобныхъ войнъ. Границы, такимъ образомъ, были укрѣплены хорошо, но имъ не доставало живого оплота,—турецкаго войска.

Турція въ то время переживала тяжелые дни: янычары, составлявшіе издревле ядро боевыхъ силъ оттоманской имперіи, почти передъ самою войною, были истреблены султаномъ, и собранная взамѣнъ ихъ и обученная по европейскому образцу регулярная армія ко времени открытія военныхъ дѣйствій только что начинала еще проявлять слабые признаки своего существованія. Европейскій строй трудно прививался къ туркамъ, и еще труднѣе свыкались они съ дисциплиной, сковывавшей ихъ природныя военные качества.

Но если регулярная армія и не соотвѣтствовала въ полной мѣрѣ своему назначенію, то этотъ недостатокъ съ избыткомъ пополнялся самимъ населеніемъ, съ дѣтскихъ лѣтъ владѣвшимъ оружіемъ и полнымъ религіознаго фанатизма. Въ немъ сохранялись еще старо-турецкіе порядки, и это населеніе представляло собою прекрасный матеріалъ для формированія народныхъ ополченій, съ которыми впослѣдствіи намъ и пришлось считаться серьезно. Таковы были делибаши,—эта легкая, безумно-смѣлая конница, напоминавшая собой янычаръ; таковы были пѣшіе лазы, аджарцы и кобулетцы, изъ коихъ первые считались лучшими стрѣлками во всей Малой Азіи.

Въ административномъ отношеніи вся Азіатская Турція дѣлилась во то время на нѣсколько отдѣльныхъ областей, управляемыхъ пашами. По границамъ Россіи, начиная отъ Чернаго моря до Персіи, лежали пашалыки: Трапезондскій, Ахалцыхскій, Карсскій и Баязетскій; а за ними—Эрзерумскій, Ванскій и Мушскій. Последние шесть пашалыковъ составляли, такъ называемую, Турецкую Арменію, а Трапезондскій, Діарбекирскій, Сивассскій, Токатскій и Моссульскій образовали Анатолію. Всѣ эти одиннадцать областей подчинялись одному общему правителю, въ лицѣ сераскира эрзерумскаго, которому ввѣрялось безконтрольное владычество надъ Арменіей и Анатоліей. Достоинство это почиталось въ турецкой имперіи однимъ изъ важнѣйшихъ, и сераскиръ эрзерумскій обладалъ полною деспотическою властью: онъ вѣдалъ всѣми войсками и администраціею края, учреждалъ налоги и подати, смѣнялъ и назначалъ начальниковъ, изрекалъ смертные приговоры.

Но это, повидимому, строго проведенная централизующая власть далеко не достигала своихъ цѣлей. Въ административномъ отношеніи пашалыкъ дѣлился на санджаки, которыми управляли беки, упорно стремившіеся удержать нѣкогда принадлежавшую имъ самостоятельность. Беки поставлены были въ зависимость отъ пашей, которымъ представлялось право назначать и смѣнять ихъ поличному усмотрѣнію; но право это оставалось чисто номинальнымъ. Обыкновенно бекъ, глава воинственнаго поколѣнія, вовсе не повиновался пашѣ. Происходя изъ древняго знатнаго рода, искони наслѣдственно пользовавшагося въ санджакѣ деспотическою властью, онъ, со стороны соплеменнаго ему населенія, признавался единственнымъ законнымъ владыкою, пользовался его безграничнымъ и безусловнымъ повиновеніемъ и, въ концѣ концовъ, былъ сильнѣе паши, которому беки оставляли, такимъ образомъ, только его почетный титулъ. Эти порядки, напоминавшіе феодальныя отношенія, выросшія вѣками на исторической почвѣ, охранялись со стороны бековъ всѣми силами, и нерѣдко правительственныя войска, посылаемыя для усмиренія непокорныхъ, были безсильны сломить сопротивление. Особенною извѣстностью въ этомъ смыслѣ пользовались въ Карсскомъ пашалыкѣ санджаки Магазберскій и Гечеван-

скій, владѣтели которыхъ жили въ укрѣпленныхъ замкахъ, построенныхъ на неприступныхъ скалахъ. Турецкіе паши и не пытались подчинять своей власти подобныхъ бековъ, доставлявшихъ постоянныя безпокойства своими наѣздами то на сосѣдей, то на русскія границы, которыя они переходили открыто. Случалось не разъ, что на жалобы русскихъ властей, паша съ чисто восточной логикой отвѣчалъ, что виновный бекъ слишкомъ силенъ, чтобы можно было его наказать.

Нужно было принять мѣры, чтобы на случай войны, возстановить въ странѣ порядокъ и единство дѣйствія. И вотъ, константинопольскій дворъ, сосредоточивая всевозможныя средства въ Азіатской Турціи для предстоящей борьбы, понялъ необходимость назначить высшимъ правителемъ ея наиболѣе довѣреннаго, опытнаго и искуснаго сановника. Въ Эрзерумъ отправленъ былъ трехъ-бунчужный Галибъ-паша, которому не только отданы были подъ непосредственное начальство одиннадцать пашалыковъ, обыкновенно составлявшихъ Эрзерумскій сераскиріатъ, но и верховное право требовать изъ всѣхъ азіатскихъ владѣній Порты войска и всѣ средства, какія по мѣстнымъ обстоятельствамъ, онъ самъ признаетъ необходимымъ для успѣшнаго веденія войны.

Новый сераскиръ пользовался большимъ довѣріемъ въ Константинополѣ и имѣлъ на то неотъемлемое право. Галибъ-паша долго жилъ въ Парижѣ посланникомъ Блистательной Порты при дворѣ императора Наполеона I, участвовалъ, какъ рейсъ-эфендій, при заключеніи съ Россіею Бухарестскаго мира и былъ, наконецъ, нѣкоторое время великимъ визиремъ. Принадлежа къ сословію янычаръ, Галибъ-паша первый подалъ мысль о необходимости ихъ преобразованія. Онъ даже посланъ былъ въ Эрзерумъ съ порученіемъ исполнить фирманъ султана и успѣлъ покончить съ янычарами безъ кровопролитія, принудивъ ихъ однимъ убѣжденіемъ покориться волѣ падишаха. Словомъ, дипломатическія и государственныя способности Галибъ-паши не подлежали сомнѣнію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ, не обнаружившій ничѣмъ военныхъ дарованій и не имѣвшій даже военной опытности. Султанъ, отдавая въ его распоряженіе судьбу военныхъ дѣйствій въ Азіатской

Турціи, разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на его глубокой умъ, столь важный въ эти минуты для управленія обширнымъ краемъ, а въ помощь ему, въ качествѣ вождя дѣйствующихъ войскъ, назначенъ былъ человекъ, закаленный въ бояхъ,—Кіось-Магометъ-паша, нѣкогда сражавшійся въ Египтѣ вмѣстѣ съ мамелюками противъ Наполеона I и потомъ участвовавшій въ четырехъ европейскихкихъ кампаніяхъ, противъ русскихъ, сербовъ и грековъ. Отъ сочетанія этихъ двухъ выдающихся людей ожидались наилучшіе результаты.

Дѣйствительно, энергическій Галибъ-паша дѣятельно принялся за приготовленія къ войнѣ и въ короткое время успѣлъ сдѣлать многое. Пограничныя турецкія твердыни, начинавшія дряхлѣть, столько же отъ лѣтъ, сколько отъ обычной безопасности азіатскихъ правителей, теперь получили иной видъ. Повсюду кипѣли крѣпостныя работы, строились укрѣпленные лагеря, свозились орудія, порохъ, запасы; гарнизоны всюду были усилены.

Въ то же время главная турецкая армія формировалась въ Эрзерумѣ. Тамъ собирался сорока-тысячный корпусъ и находился самъ Кіось-Магометъ-паша. Не ограничиваясь собственными средствами, онъ вошелъ въ сношенія съ нѣкоторыми болѣе значительными беками стараго Эриванскаго ханства и послалъ эмиссаровъ во всѣ татарскія провинціи, стараясь возжечь пламя мятежа въ самыхъ русскихъ владѣніяхъ. Одновременно съ тѣмъ они пытались поднять и христіанское населеніе, разсчитывая при помощи его овладѣть важнѣйшими приморскими пунктами, чтобы лишить Закавказье всякаго содѣйствія со стороны Чернаго моря. Внести же смуту въ коренную Грузію, брались бѣглые грузинскіе царевичи Вахтангъ и Александръ, нашедшіе въ то время себѣ пріютъ въ землѣ кобулетцевъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда грфъ Паскевичъ, вернувшись въ Тифлисъ, долженъ былъ изыскивать средства не только отвратить, а если возможно, то и предупредить вражеское нашествіе. Къ счастью для насъ, турки вовсе не были готовы къ войнѣ, и формирование дѣйствующаго корпуса въ Эрзерумѣ шло очень медленно. Энергіи Галиба и Кіось-Магомета пашей приходилось

бороться почти съ неодолимыми препятствіями,—съ дальностью разстояній, откуда ожидались войска, съ дурными, совсѣмъ неразработанными, часто непроходимыми дорогами, полнымъ неустройствомъ провіантской части и, наконецъ, съ общимъ злоупотребленіемъ, на которые способны только были турецкіе паши.

А между тѣмъ, пока эрзерумскія власти дѣлали свои распоряженія, къ намъ стали уже подходить полки, возвращавшіеся изъ Персіи и постепенно располагались по границамъ частью въ Армянской области, а частью въ Сомхетіи, Бамбакѣ и Шурагели. Одна Карталинія оставалась еще беззащитною. Сюда ожидали прибытія гренадерской бригады, но она позже всѣхъ выступила изъ Тавриза, и графъ Паскевичъ безпокойно, по часамъ, рассчитывалъ время, когда могутъ подойти гренадеры.

До срока оставалось еще двѣ недѣли, какъ вдругъ къ Паскевичу явился тифлисскій комендантъ съ докладомъ, что оба полка—Грузинскій и Херсонскій уже вступили въ городъ. Великая энергія русскаго солдата сказала въ этомъ удивительномъ походѣ. Получивъ на маршѣ приказаніе Паскевича слѣдовать въ Тифлисъ, гренадеры поняли, что имъ придется только мимоходомъ заглянуть въ свои штабъ-квартиры, чтобы переимѣнить одежду, забрать патроны, и съ однихъ полей битвъ, съ маловоинственными, нестойкими персіянами, перейти на другой театръ дѣйствій, гдѣ ждала ихъ борьба съ народомъ многочисленнымъ, храбрымъ и стойкимъ. Стараюсь перещеголять другъ друга въ скорости марша, полки отъ самого Асландуза пошли безъ маршрутовъ, измѣряя переходы уже не верстами, а силой и выносливостью кавказскаго солдата. Стояла прекрасная весна; войска располагались ночевать подъ открытымъ небомъ, не теряя времени на разстановку и укладку палатокъ. Въмѣсто девяти дневокъ они сдѣлали четыре; два перехода соединяли въ одинъ и спали однимъ глазомъ, чтобы не прозѣвать ранняго выступленія сосѣдей въ походъ. Двигаясь этимъ изумительнымъ маршемъ, гренадерская бригада пришла въ Тифлисъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ ожидалъ ее Паскевичъ.¹⁾

¹⁾ Кавказскій Сборникъ, т. I. Андреевъ. Воспоминаніе изъ Кавказской Старины.

Съ прибытіемъ войскъ положеніе русскаго главнокомандующаго нѣсколько облегчилось; но нужно было, однако, имѣть въ виду, что двухлѣтніе походы причинили большую убыль въ полкахъ, привели почти къ полному уничтоженію транспортовъ, значительно разстроили матеріальную часть и лишили кавалерію лучшаго конскаго состава. Довольно указать на одинъ Нижегородскій полкъ, въ которомъ не доставало 400 человекъ и еще большаго числа лошадей,—слѣдовательно цѣлой половины штатнаго состава. Объ уланской дивизіи нечего и говорить—она находилась еще въ худшемъ положеніи. Что же касается пѣхоты, то и здѣсь рѣдкій баталіонъ имѣлъ по 600 штыковъ, а въ прочихъ не было и по 500, вмѣсто положенныхъ 1000. Но объ укомплектованіи нельзя было и думать—приходилось начинать военныя дѣйствія съ тѣмъ, что имѣлось подъ рукою.

По общему плану войны, начертанному государемъ, передъ войсками Кавказскаго корпуса лежали двѣ задачи: 1) отвлечь турецкія силы отъ Дуная и 2) овладѣть въ Азіатской Турціи мѣстами, необходимыми для округленія и обезпеченія русскихъ границъ. Для достиженія этихъ цѣлей полагалось достаточнымъ покорить два пашалыка—Карсскій и Ахалцыхскій и взять двѣ приморскія крѣпости—Поти и Анапу. Дальнѣйшія предпріятія, по крайней ограниченности средствъ, предполагались „слишкомъ обширными и даже безнужными“.

Въ случаѣ, если бы Персія подъ вліяніемъ турокъ рѣшилась разорвать договоръ, то государь предписалъ образовать изъ всѣхъ покоренныхъ областей—Тавриза, Хоя, Урміи, Мараги, Ардебиля, Астрабада, Гиляна и Мезандерана независимыя ханства и ограничиться въ нихъ лишь строгою обороною. Что же касается Турціи, то государь требовалъ здѣсь дѣйствій наступательныхъ, „ибо—какъ писалъ баронъ Дибичъ—лучшее средство для обороны съ малыми силами противъ азіатскихъ народовъ, безъ сомнѣнія, есть рѣшительное на нихъ нападеніе.“ Исходя изъ этой точки зрѣнія, государь полагалъ, что быстрое движеніе на Карсъ или Ахалцыхъ обезпечить русскія границы лучше, чѣмъ неподвижныя ожиданія самимъ нападеніемъ непріятеля.

Въ этихъ видахъ, по плану, сообщенному изъ Петербурга, генераль Красовскій съ войсками, расположенными въ Эриванской области, долженъ былъ быстрымъ наступленіемъ захватить въ свои руки Карсъ, а въ то же время генераль-адъютантъ Сипягинъ съ войсками, находившимися въ Грузіи (третьи баталіоны шести кавказскихъ полковъ), овладѣваетъ Ахалкалаками. По взятіи этихъ двухъ крѣпостей, оба отряда соединяются, подъ общей командой генерала Красовскаго и приступаютъ къ осадѣ Ахалцыха.

Увѣдомляя объ графѣ этомъ Паскевича, Дибичъ прибавлялъ, что въ случаѣ, если Персія останется спокойной, то самая умѣренность предположеній побуждаетъ государя уменьшить составъ Кавказскаго корпуса, а потому войска, прибывшія на Кавказъ во время персидской войны: Сводный гвардейскій полкъ, 20-я пѣхотная и 2-я уланская дивизіи, вмѣстѣ съ шестью донскими казачьими полками—должны быть немедленно возвращены въ Россію. Паскевичу разрѣшалось, впрочемъ, въ случаѣ крайней надобности, задержать ихъ на Кавказской линіи въ видѣ резерва и даже употребить для взятія Анапы.

Очевидно распоряженіе это было основано на недостаточно вѣрныхъ свѣдѣніяхъ о средствахъ, которыми могла располагать Порты, и потому на практикѣ должно было встрѣтить громадныя затрудненія. Паскевичъ спѣшилъ возразить, что, за отправленіемъ въ Россію 20-й пѣхотной дивизіи, корпусъ его будетъ гораздо слабѣе, чѣмъ при Ермоловѣ, при самомъ открытіи персидской кампаніи, тогда какъ теперь прибавились еще двѣ новыя области, которыя для своей охраны требовали не менѣе шести баталіоновъ; что изъ уланской дивизіи необходимо оставить хотя одну бригаду, такъ какъ Нижегородскій полкъ не въ состояніи вывести въ строй болѣе четырехъ эскадроновъ, а остальные три останутся въ Царскихъ-Колодцахъ, впредь до укомплектованія, котораго, однако, вскорости ожидать нельзя, и что на театрѣ военныхъ дѣйствій вмѣсто 30-ти эскадроновъ регулярной кавалеріи, явится только четыре.

Донесеніе это Паскевичъ отправилъ съ нарочнымъ курьеромъ, и съ курьеромъ же получилъ отвѣтъ, прежде чѣмъ возвратились войска изъ Персіи. Ему разрѣшалось оставить на Кавказѣ всю

20-ю пѣхотную дивизію; Навагинскій же и гвардейскій полки предписано немедленно возвратить, первый—на линію, а второй—въ Европейскую Россію. Въ Россію-же возвращалась и 2-я уланская дивизія, выдѣливъ изъ своего состава одинъ сводный четырехъ эскадронный полкъ (по одному эскадрону отъ каждого полка), который и долженъ поступить въ дѣйствующій корпусъ. Что же касается Анапы, то для взятія ея предназначалась особая бригада изъ войскъ, расположенныхъ въ Россіи.¹⁾

Такимъ образомъ, въ распоряженіи Паскевича находилось теперь за Кавказомъ всего 52 баталіона пѣхоты, 11 эскадроновъ кавалеріи, 17 казачьихъ полковъ и 144 орудія. Силы эти, казалось, были весьма солидныя, но дѣло въ томъ, что большая часть ихъ, именно: 37 баталіоновъ, 3 эскадрона и 10 казачьихъ полковъ, при 86-ти орудіяхъ, оставались или въ персидскихъ предѣлахъ, впредь до уплаты намъ контрибуціи, или занимали такіе пункты, откуда оторвать ихъ было нельзя.

1) Въ Персіи, въ Хоѣ и Урмѣ,—отрядъ генераль-маіора Панкратьева, пѣхотные полки: Нашебургскій, Козловскій и Кабардинскій—всего 6 баталіоновъ, 2 казачьихъ полка и 16 орудій.

2) Въ Эриванской области, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Чавчавадзе,—два баталіона Севастопольскаго и шесть ротъ 41-го Егерскаго полковъ одинъ казачій полкъ и 8 орудій.

3) Въ бывшемъ Нахичеванскомъ ханствѣ, подъ командой генераль-маіора Мерлина,—два баталіона Тифлискаго полка съ двумя орудіями и мѣстная конная милиція.

4) Въ татарскихъ провинціяхъ, въ Карабагѣ, Шеки, Ширвани и Талышахъ,—два баталіона Тенгинскаго полка, баталіонъ апшеронцевъ, баталіонъ 42-го Егерскаго полка, Каспійскій морской баталіонъ, казачій полкъ и 16 орудій.

5) Въ Дагестанѣ—три баталіона Куринскаго и два баталіона Апшеронскаго полковъ, три сотни казаковъ и 12 орудій.

6) На Алазанской линіи и въ Джарской области—баталіонъ Грузинскаго полка, баталіонъ ширванцевъ, три эскадрона ниже-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г № 42 и Кавказскій Сборникъ т. I, статья Андреева.

городскихъ драгунъ (въ кадровомъ составѣ), три сотни донскихъ казаковъ и 10 орудій.

7) Въ Черноморскомъ районѣ— въ Абхазіи, Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, подъ начальствомъ генераль-маіора Гессе,—Мингрельскій пѣхотный и 44-й Егерскій полки въ полномъ составѣ, т. е. шесть баталіоновъ, одинъ донской казачій полкъ и 14 орудій.

8) На границѣ Ахалцыхскаго пашалыка, для прикрытія Боржомскаго ущелья,—два баталіона херсонскихъ гренадеръ, казачій полкъ и 4 орудія.

9) Въ самой Карталиніи—для содержанія карауловъ въ Тифлисѣ, для охраны штабъ-квартиръ, путей сообщеній и военно-грузинской дороги—шесть ротъ 41-го Егерскаго полка и по одному баталіону отъ полковъ Херсонскаго гренадерскаго, Эриванскаго карабинернаго, Тифлисскаго и Кабардинскаго пѣхотныхъ, 14 орудій и три донскихъ казачьихъ полка.

Всего 37 баталіоновъ, три эскадрона, 10 казачьихъ полковъ и 86 орудій.

Затѣмъ, собственно для наступательныхъ дѣйствій на Карсъ и Ахалцыхъ оставалось только 15 баталіоновъ пѣхоты, 8 эскадроновъ кавалеріи, 7 казачьихъ полковъ и 58 орудій. Боевая сила этого корпуса не превышала 12-ти тысячъ человѣкъ,—слѣдовательно, менѣе одной современной намъ дивизіи. Но зато это были войска, испытанныя въ трудахъ и лишеніяхъ боевой жизни, покрытыя славою недавнихъ побѣдъ, предводимыя вождемъ, имя котораго грозою пронеслось по всѣмъ странамъ Востока.

Но прежде чѣмъ начать военныя дѣйствія, Паскевичу пришлось позаботиться о матеріальныхъ нуждахъ корпуса, и на этотъ предметъ ушелъ весь май мѣсяцъ. Прикрывъ на сколько было возможно границы, онъ спѣшилъ воспользоваться бездѣйствіемъ турокъ, чтобы прежде всего организовать продовольственную часть и необходимыя для того перевозочныя средства. Персидская война показала на дѣлѣ, какъ мало можно было надѣяться на мѣстные ресурсы азіатскихъ земель; а между тѣмъ, трехлѣтняя кампанія истощила почти всѣ военные запасы Закавказья; транспорты разстроились, магазины опустѣли; хлѣбъ пришлось закупать въ

Крыму или подвозить моремъ изъ Астрахани, откуда всѣ караваны по примѣру того, какъ это дѣлалось во время персидской войны, доставлялись въ Сальяны, потомъ на плоскодонныхъ лодкахъ перевозились вверхъ по Курѣ до селенія Пиразы, а далѣе слѣдовали къ войскамъ на арбахъ или вьюкахъ. Для этой надобности на первый разъ было законтрактовано Паскевичемъ 540 наемныхъ аробъ и 2250 вьюковъ. Казенные-же транспорты онъ ограничилъ до 500 повозокъ, а впослѣдствіи и вовсе ихъ уничтожилъ. Опытъ указалъ ему, что наемные обозы несравненно удобнѣе и выгоднѣе, нежели казенные: они не требовали ни заботъ о фуражномъ довольствіи, ни пополненія убыли, ни назначеніе въ помощь къ нимъ особыхъ командъ отъ полковъ, что при казенныхъ транспортахъ являлось неизбѣжнымъ. Въ персидскую войну расходъ нижнихъ чиновъ на этотъ предметъ простирался нерѣдко до трехъ тысячъ человѣкъ, что для корпуса, и безъ того малочисленного, составляло ущербъ слишкомъ важный. Правда, съ перваго взгляда могло показаться, что издержки на наемный транспортъ, простиравшіяся въ мѣсяцъ до 40 тысячъ рублей, слишкомъ велики, но за то эти транспорты подражались только на срокъ, держались отъ начала до конца кампаніи и распускались вмѣстѣ съ расположеніемъ войскъ на зимовыя квартиры. Въ общемъ, казна, по исчисленію Паскевича, выигрывала отъ этой мѣры ни менѣе полумилліона рублей. ¹⁾

Наконецъ, заботы его о медицинской части выразились въ учрежденіи госпиталей: въ Герюсахъ — на 300, въ Цалкахъ — на 200 и Манглисѣ — на 1000 человѣкъ. Кромѣ того, при дѣйствующемъ корпусѣ былъ образованъ подвижной госпиталь также на 1000 человѣкъ, при которомъ находилось и отдѣленіе подвижного ка-рантина, на случай появленія чумы.

Разработкѣ коммуникаціонныхъ путей и устройству военныхъ дорогъ естественно должно было предшествовать подробное опредѣленіе того направленія, по которому предполагалось вести военныя дѣйствія и выборъ того пункта, къ которому должны сосредоточивать-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1828 г. № 22 и 1829 г. № 258.

ся войска и всѣ ихъ боевыя и жизненныя средства. По первому взгляду, казалось бы, что выгоднѣе всего открыть кампанію походомъ на Ахалцыхъ. Дѣйствительно, быстрое покореніе его дало бы весьма значительный перевѣсъ начинавшейся войнѣ, по тому вліянію, которое имѣла эта сильная крѣпость на обширную часть Азіатской Турціи, населенной преимущественно воинственными племенами аджарцевъ и лазовъ. Но съ другой стороны, если бы только русскій корпусъ пошелъ на Ахалцыхъ, турки, оставшіеся въ Карсѣ, конечно воспользовались бы слабою охраною границъ на всемъ протяженіи Карскаго пашалыка и прежде, чѣмъ разбросанные на ней ничтожныя русскіе отряды могли сосредоточиться, они стояли бы уже у воротъ Тифлиса. Напротивъ, съ движеніемъ на Карсѣ, никакія покушенія непріятеля со стороны Ахалцыха не представляли бы особыхъ опасностей. Дикія Боржомскія тѣснины не позволили бы туркамъ провезти артиллерію, а безъ орудій все дѣло съ ихъ стороны должно было ограничиться только набѣгами летучихъ отрядовъ.

Такое положеніе Карса само указывало уже на важность его стратегическаго значенія, тѣмъ болѣе, что съ его паденіемъ Ахалцыхъ оказался бы отрѣзаннымъ отъ главнаго центра страны, и операціонный непріятельскій базисъ былъ бы разорванъ. Русская армія становилась тогда въ центрѣ круга, откуда дѣйствія ея были бы совершенно свободны. И такъ, въ маѣ мѣсяцѣ, когда вопросъ о движеніи на Карсѣ былъ рѣшенъ окончательно, Гумры, лежавшія на р. Арпачаѣ, въ Шурагельской области, естественно должны были получить значеніе главнаго операціоннаго пункта, на который опирались бы дѣйствующія войска, и гдѣ сосредоточивались бы всѣ жизненные и боевые припасы. Являлась необходимость поэтому обезпечить и сдѣлать удобными пути сообщенія этого пункта съ Тифлисомъ. Главная, сколько нибудь разработанная дорога пролегла черезъ высокія горныя хребты Акзыбіюкъ и Безобдалъ. При движеніи въ Персію, войска испытали уже всю трудность переваловъ черезъ эти, возносившіяся до облаковъ, громады, а потому Паскевичъ приказалъ тремъ баталіонамъ, высланнымъ впередъ, проложить новую дорогу черезъ Башкичетъ и Мокрыя горы, устроить

повсюду мосты, плотины и отводныя каналы. Работа закипѣла, черезъ мѣсяцъ дорога была уже готова, и по ней безконечной вереницей потянулись въ Гумры арбы и вьючныя караваны изъ отдаленнаго Зардоба, изъ Карабага, съ Лорійской степи и, наконецъ, изъ самого Тифлиса. Въ то же время другіе два баталіона усиленно разрабатывали дорогу изъ Эривани, откуда ожидалось движеніе осадной артиллеріи. ¹⁾ Наконецъ, въ исходѣ мая 1828 года, въ Гумры стали сходятся со всѣхъ сторонъ и русскіе полки, назначшіеся въ составъ дѣйствующаго корпуса.

Еще недавно Гумры были довольно богатымъ городомъ, населеннымъ частью татарами, а частью армянами, изъ которыхъ многіе вели заграничную торговлю съ Карсомъ. Вторженіе Гассанъ-хана, въ самомъ началѣ персидской войны, разомъ уничтожило все его благосостояніе. Татары ушли тогда къ туркамъ за Арпачай, армяне—въ Джелаль-оглы, и городъ опустѣлъ. Русскія войска не могли защитить частное имущество, и оно сдѣлалось добычею курдовъ и карапаховъ; самое селеніе превращено было въ груду развалинъ. Грозное время, однако, миновало; Гумры начали кое-какъ возставать изъ развалинъ и были обнесены даже каменными стѣнами съ бастіонами. Но за стѣнами и бастіонами оставались все тѣже слѣды опустошенія, и въ 1828 году лишь 50 армянскихъ семействъ жили въ возобновленномъ форштадтѣ. Это было все населеніе городка. Теперь обычная тишина его смѣнилась шумнымъ движеніемъ, и полки приходили сюда за полками. 9-го іюня въ Гумры прибылъ графъ Паскевичъ, сопровождаемый начальникомъ своего штаба, барономъ Остенъ-Сакеномъ и оберъ-квартирмейстеромъ корпуса полковникомъ Вальховскимъ. Войска встрѣтили своего главнокомандующаго съ довѣріемъ и общимъ восторгомъ.

Нѣсколько дней, проведенныхъ Паскевичемъ въ Гумрахъ, не были потеряны даромъ. Посланные за границу лазутчики возвратились съ вѣстями, что всѣ армяне Карскаго пашалыка обезоружены и что до самаго Карса деревни оставлены жителями. Ивѣстія эти не представляли ничего утѣшительнаго. Дѣйствія въ опустошен-

¹⁾ Архивъ Эриванскаго областного правленія. Дѣло 1828 г. № 28.

номъ краѣ должны были встрѣтить несомнѣнно большія затрудненія, и Паскевичу приходилось имѣть дѣло прежде всего съ самимъ населеніемъ. Чтобы поколебать непріязненность, внушенную народу турецкимъ правительствомъ, Паскевичъ прибѣгнулъ къ своему обычному средству—прокламаціямъ. „Ополчаясь за дѣло правое и вступая въ землю вашу, —говорилось въ одной изъ нихъ,— мы не нарушимъ спокойствія мирныхъ поселянъ, не коснемся ихъ собственности. Войска государя нашего будутъ сражаться только съ тѣми, кто дерзнетъ имъ противиться. Пребывайте безбоязненно въ домахъ вашихъ, и вы не почувствуете тяжести войны. Такъ поступали мы въ побѣжденной Персіи, и персіяне съ удивленіемъ превозносятъ великодушіе русскихъ“.

Въ тоже время глава магометанскаго духовенства въ Закавказскихъ провинціяхъ, Миръ-Фетта-Сеидъ, бывший мудштейдъ Тавриза, обратился къ жителямъ съ воззваніемъ религіознаго характера. Онъ писалъ, что Богъ устами пророка заповѣдалъ народу повиновеніе добродѣтелямъ и могуществу,—а дѣйствіе императора русскаго есть благость и милосердіе. „Я, служитель Бога, потомокъ святыхъ имамовъ, спѣшу вразумить васъ,—говорилось въ одномъ изъ воззваній,—да не подвергнусь самъ гнѣву Божьему. Принесите покорность государю великому и тѣмъ, исполнивъ заповѣдь корана, спасете себя отъ гибели“... ¹⁾

Между тѣмъ, никакихъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ въ рукахъ Паскевича не было. Носились темные слухи, что гдѣ то, за далекимъ Соганлугскимъ хребтомъ, собираются турецкія силы; но всѣ попытки разгадать планъ и намѣреніе турецкаго сераскира оставались тщетными. Эта таинственность заставляла Паскевича предполагать, что туркамъ извѣстно все, что дѣлается въ русскомъ корпусѣ, и въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ горько упрекаетъ въ этомъ „нескромность эчмѣадзинскаго духовенства“. ²⁾ Но это было однако едва ли справедливо; турки знали о русскихъ, какъ показали послѣдствія, еще менѣе, чѣмъ русскіе о туркахъ. Паске-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г. № 23.

²⁾ Тамъ же. Отношеніе графа Паскевича къ графу Нессельроде 10-го іюля 1828 г. № 173

вичъ, по крайней мѣрѣ, могъ быть увѣренъ, что до самыхъ стѣнъ Карса онъ не встрѣтитъ турецкой арміи; сераскиръ же не зналъ даже того, что русскія войска стоятъ въ Гумрахъ, и не сегодня—завтра двинутся къ Карсу.

Дѣйствительное положеніе дѣлъ у непріятеля было слѣдующее:

Высылая главныя силы къ Дунаю, султанъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ предписалъ Галибъ-пашѣ со всею анатолійскою арміею громить, насколько возможно, русскія владѣнія за Кавказомъ. Въ Эрзерумѣ былъ собранъ по этому поводу большой военный совѣтъ, рѣшившій сосредоточить къ Карсу шестидесяти-тысячную армію, подъ начальствомъ Кіосъ-Магометъ-паши, и дѣйствовать оттуда по двумъ направленіямъ—на Гумры и Эривань. Паша ахалцыхскій въ то же время долженъ былъ вторгнуться въ Имеретію, и такимъ образомъ, концентрическимъ движеніемъ со всѣхъ сторонъ подойти къ Тифлису.

Для выполненія этого плана не доставало подъ рукою только одного – войска. Эрзерумскій корпусъ, какъ извѣстно, формировался медленно, а до появленія его на театрѣ войны, ахалцыхскій паша рѣшилъ держаться выжидательнаго образа дѣйствій. Впрочемъ, съ точки зрѣнія эрзерумскихъ властей, торопиться особенно было нечего, такъ какъ, по словамъ лазутчиковъ, въ русскихъ владѣніяхъ свирѣпствовалъ голодъ, войска были разстроены персидскою войною, и самъ главнокомандующій одержимъ тяжкою болѣзнью. Послѣднее изъ этихъ извѣстій было справедливо, но только отчасти. Графъ Паскевичъ, дѣйствительно, страдалъ тогда отъ простуды и ушиба ноги, но болѣзнь эта не внушала никакихъ серьезныхъ опасеній и не помѣшала ему 5-го іюня выѣхать изъ Тифлиса для командованія арміею.

Между тѣмъ, сераскиръ, введенный въ заблужденіе своими лазутчиками, вѣрилъ безусловно этимъ обманчивымъ слухамъ. „Душа моя полна радости – писалъ онъ въ началѣ іюня къ пашѣ, начальствовавшему въ Карсѣ—врагъ нашъ, Паскевичъ, на краю гроба. Да поразитъ его пророкъ холодомъ смерти и да померкнетъ счастливая звѣзда этого страшнаго гяура, въ войнѣ непобѣдимаго.

Теперь мы легче совершимъ предпріятія наши; сообщи мнѣ о твоихъ дѣйствіяхъ". ¹⁾).

Но Эминъ-паша карскій былъ совершенно иного мнѣнія, чѣмъ въ Эрзерумѣ. Онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ болѣе точныя свѣдѣнія: паша зналъ, что отъ Тифлиса къ Гумрамъ прокладывается большая колесная дорога, по которой ежедневно движутся полки и справедливо заключилъ, что собственной резиденціи его грозитъ большая опасность. Опровергая вымышленныя показанія лазутчиковъ, Эминъ-паша настаивалъ на томъ, чтобы какъ можно поспѣшнѣ обратить всѣ наличныя силы для встрѣчи и отпора Паскевича и предлагалъ съ своей стороны пока послать четырехтысячную конницу, подъ предводительствомъ отважнаго карапаха Шерифъ-аги къ Арпачаю. Въ случаѣ наступленія русскихъ, конница эта должна была пропустить ихъ мимо себя и, уклоняясь отъ боя, нападать въ тылу на наши транспорты и парки. Это было, по мнѣнію Эминъ-паши, единственное средство задержать наступленіе русскихъ и дать возможность Кіосъ-Магометъ-пашѣ подоспѣть на выручку Карса. Къ несчастью для сераскира донесеніямъ этимъ въ Эрзерумѣ не вѣрили, приписывая ихъ то излишней осторожности, то просто робости карскаго коменданта.

А тѣмъ временемъ, пока турецкіе курьеры скакали съ депешами изъ Карса въ Эрзерумъ и обратно, — русскія войска перешли уже границу и вступили въ предѣлы Турціи.

¹⁾ Письмо это попало въ руки Паскевича, вмѣстѣ съ другими бумагами Эминъ-паши по взятіи Карса Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло № 258. Отношеніе Паскевича графу Нессельроде 10-го іюля 1828 г. № 173

Глава II.

Переходъ дѣйствующаго корпуса черезъ границу.—Боевой его составъ.—Первое столкновѣніе съ турками.—Слухи о турецкой арміи.—Письмо Кіосъ-Магометъ-паши къ карсскому коменданту.—Кавалерійскій бой 19-го іюня подъ стѣнами Карса.—Результаты этого боя и мнѣніе о немъ графа Паскевича.—Карсъ 1828 года.—Стратегическое значеніе его въ древности.—Приготовленіе къ осадѣ Карса.—Рекогносцировка 20-го іюня и первая встрѣча русской пѣхоты съ турецкой.—Выборъ пункта для веденія осады.—Заложеніе осадныхъ батарей въ ночь съ 22-го на 23-е іюня.

~~~~~

Въ восходѣ солнца, четырнадцатаго іюня 1828 года, на возвышенномъ берегу Арпачая, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость Александрополь, выстроился весь дѣйствующій корпусъ. Въ 8 часовъ утра пріѣхалъ Паскевичъ. Въ походной церкви Эриванскаго полка отслужено было напутственное молебствіе, и войска тронулись къ арпачайской переправѣ. Казачья бригада генерала Сергѣева первая перешла заповѣдную рѣчку, и донцы громкимъ „ура“ привѣтствовали турецкую землю. За нею двинулись остальные полки.

Вся пѣхота дѣйствующаго корпуса, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго, была раздѣлена на три бригады: ¹⁾

Въ *первой бригадѣ*, генерала Муравьева, были полки: Эриванскій карабинерный и Грузинскій гренадерскій, 8 орудій батарейной № 1-й и 6 орудій легкой № 2-й ротъ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

Вторая бригада, генерала Берхмана, состояла изъ двухъ Егерскихъ полковъ: 39-го и 40-го, при 8 орудіяхъ батарейной № 1-й и 6-ти легкой № 2-й ротъ 20-й артиллерійской бригады.

Наконецъ, въ *третьей бригадѣ*, генералъ-маіора Королькова, находились полки: Ширванскій пѣхотный, 42-й Егерскій и 8-й піонер-

¹⁾ Приказъ по корпусу 30-го мая 1828 г. № 69.

ный баталіонъ, а при нихъ 8 орудій батарейной № 1-й и 4 горныхъ орудія № 5-й резервной батарейной ротъ 21-й артиллерійской бригады.

Всѣ полки были двухъ баталіоннаго состава.

Кавалерія, подѣ начальствомъ генераль-маіора Раевского, состояла изъ полковъ: Нижегородскаго драгунскаго и Своднаго уланскаго,—по четыре эскадрона въ каждомъ.

Казакѣ, подѣ начальствомъ своего походнаго атамана генераль-маіора Леонова, также были раздѣлены на три бригады:

Въ первой бригадѣ, полковника Побѣднова: донскіе полки Иловайскаго и Извайлова.

Во второй,—полковника Сергѣева, полки Леонова и Сергѣева.

Въ третьей бригадѣ, генераль-маіора Завадовскаго—донской полкъ Карпова и 4-й конный полкъ Черноморскаго казачьяго войска.

При кавалеріи состояла донская конно-артиллерійская № 3-й рота—12 орудій и полурота конно-линейной казачьей № 5-й роты 6 орудій.

Всего находилось въ строю 13 баталіоновъ пѣхоты, 2 полка кавалеріи и 7 казачьихъ полковъ, при 40 пѣшихъ и 18 конныхъ орудіяхъ.¹⁾

Сверхъ того, особо при главной квартирѣ, въ конвоѣ главнокомандующаго, находились Сборный линейный казачій полкъ и 175 человекъ грузино-татарской конницы. Это были двѣ новыя части, производившія, по словамъ современника, необыкновенное впечатлѣніе богатствомъ азіатской одежды, ловкостью всадниковъ и подвижностью ихъ коней.²⁾

Не всѣ войска, однако перешли границу 14-го іюня: грендерская бригада Муравьева еще оставалась въ Гумрахъ и должна была слѣдовать вторымъ эшелономъ, вмѣстѣ съ осадною артиллеріею; 3-й эшелонъ образовали артиллерійскіе парки, двигавшіеся изъ Эривани, подѣ прикрытіемъ Крымскаго пѣхотнаго полка.

Отъ Гумровъ до Карса, черезъ селенія Тихнисъ, Палдырванъ и Мешко, считалось 65 верстъ. Дорога была отличная, и многочисленные обозы слѣдовали „въ порядкѣ удивительномъ, превосходящемъ всякое ожиданіе“.³⁾ Двѣ тысячи аробъ, двѣ съ половиною

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1828 г. №№ 106 и 252.

²⁾ Кавказскій Сборникъ т. I. „Воспоминаніе о Кавказской Старинѣ“ Андреева

³⁾ Записки Муравьева. -Русскій Архивъ. 1899 года.

тысячи вьюковъ и цѣлыя табуны рогатаго скота, скученнаго вмѣстѣ, шли одною общею колонною, окруженныя, какъ рамой, русскими войсками: впереди—конница, по сторонамъ—баталіоны пѣхоты. Густая пыль, вздымаемая обозами, стояла на семиверстномъ пространствѣ неподвижнымъ облакомъ и закрывала колонну. Издали казалось, что движется огромное войско.

Первый ночлегъ корпусъ имѣлъ около Тихниса на поляхъ, прославленныхъ побѣдою графа Гудовича 18-го іюня 1807 года. На слѣдующій день, съ утра стали показываться непріятельскіе пикеты, быстро снимавшіеся при нашемъ приближеніи. Къ вечеру войска переправились черезъ Карсъ-чай у Джемуслинскаго брода и ночевали у Палдырвана, на знаменитомъ впослѣдствіи кюрюк-даринскомъ полѣ. Здѣсь къ корпусу присоединился Муравьевъ съ гренадерской бригадою, а вмѣстѣ съ нимъ прибыли 12 осадныхъ орудій. 17-го числа корпусъ перешелъ въ Мешко.

Съ горы, лежавшей въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ русскаго лагеря и занятой передовыми казачьими пикетами, вдали уже былъ виденъ Карсъ. По прямому направленію до него было верстъ 15 или 16. И здѣсь то суждено было раздаться первому выстрѣлу и пролиться первой крови въ наступающую войну. Когда уже смерклось, по линіи аванпостовъ вдругъ загорѣлась перестрѣлка. Въ лагерь ударили тревогу, и весь корпусъ сталъ въ ружье. Но дѣло скоро объяснилось: человекъ 30 конныхъ турокъ—это были делибаши, выѣхавшіе изъ Карса,—внезапно бросились на казачій пикетъ; одного казака изрубили, другого схватили въ плѣнъ. Ни одинъ изъ сосѣднихъ пикетовъ не успѣлъ дать помощь во время, и турки безнаказанно ускакали въ крѣпость.

Случай самъ по себѣ былъ ничтожный, но отважность этой конницы, рѣшившейся на такое большое разстояніе удалиться отъ Карса, подтверждала полученныя свѣдѣнія, что гарнизонъ его составленъ изъ лучшихъ войскъ. Лазутчики опредѣлили численность ихъ въ 10 тысячъ пѣхоты и конницы, да, сверхъ того, съ часу на часъ туда могли подойти турецкая армія изъ Эрзерума и лазы изъ Ахалцыха. Было извѣстно, что въ самый день выступленія русскихъ изъ Гумръ, Эминъ-паша, видя близкую опасность,

отправилъ уже нѣсколько гонцовъ къ Кіосъ-Магометъ-пашѣ съ просьбою о помощи. Турецкій главнокомандующій стоялъ въ то время по ту сторону Согоанлугскихъ горъ, ожидая послѣднихъ подкрѣплений и транспортовъ со снарядами. Онъ не былъ еще готовъ къ движенію, но тѣмъ не менѣе 18-го іюня выступилъ съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ, извѣстивъ Эминъ-пашу, что будетъ подъ Карсомъ черезъ пять дней, т. е. 23-го числа. „Войска твои храбры, — писалъ онъ ему, — Карсъ неодолимъ, русскіе малочисленны. Мужайся, и умѣй одушевить гарнизонъ, пока прибуду.“ Въ то же время сераскиръ, узнавъ о приближеніи русскихъ къ Карсу, послалъ ахалцыхскимъ лазамъ вторичное приказаніе спѣшить къ нему со стороны Ардагана, а трапезондскому пашѣ — сосредоточить сильныя резервы на рѣкѣ Чорохѣ.¹⁾ Но ни тотъ, ни другіе не успѣли дать своевременной помощи, и когда черезъ нѣсколько дней Кіосъ-паша появился передъ нашимъ лагеремъ. — Карсъ уже былъ взятъ русскими.

Рекогносцировка, произведенная съ бивака у Мешко, утвердила Паскевича въ мысли, занимавшей его еще въ Гумрахъ, начать атаку Карса не со стороны ближайшихъ къ намъ Карадагскихъ высотъ, а стать на его сообщеніяхъ съ Эрзерумомъ, и, такимъ образомъ, отрѣзать всякую помощь, которую сераскиръ захотѣлъ бы дать осажденнымъ.

Съ этою цѣлью, 18-го числа, въ тотъ самый день, когда Кіосъ-Магометъ-паша отправилъ свое письмо къ карсскому коменданту, весь дѣйствующій корпусъ сошелъ съ большой дороги и двинулся проселками влѣво, въ разстояніи 8-ми — 9-ти верстъ отъ крѣпости. Шелъ сильный дождь, дороги размылись и движеніе колесныхъ обозовъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Вся русская конница, при которой находился самъ Паскевичъ, двигалась ближе всѣхъ къ крѣпости, и однимъ поворотомъ направо, могла стать фронтомъ къ непріятелю, если бы онъ сдѣлалъ вылазку. Но непріятель только слѣдилъ съ высокой крѣпостной стѣны за движеніемъ русскихъ войскъ по обширной открытой равнинѣ, но не предпринималъ ничего.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа Дѣла 1828 г. №№ 106 и 252

--„Походъ сей, говоритъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, былъ болѣе похожъ на триумфальное шествіе, въ коемъ, однако же, колесницы замѣнялись грузинскими арбами.“

Уже вечерѣло, когда войска подошли, наконецъ, къ Азаткеву и стали на правой сторонѣ Карсъ-чая, недалеко отъ большой эрзерумской дороги, откуда, въ неясныхъ очертаніяхъ сгущавшихся сумерокъ, виднѣлись крѣпостное предмѣстье и грозныя твердыни карсской цитадели.

Еще на пути, подходя къ Азаткеву, авангардъ имѣлъ незначительную стычку. Казаки, спустившись въ ближайшій оврагъ, внезапно наткнулись на турецкихъ фуражировъ и часть изъ нихъ изрубили, а нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Плѣнные эти объявили Паскевичу, что въ Карсѣ съ часу на часъ ожидаютъ войска изъ Эрзерума и Ахалцыха, и что жители въ виду этого рѣшили защищаться вмѣстѣ съ гарнизономъ. Паскевичъ отправилъ ихъ обратно въ Карсъ и приказалъ Влангали, дипломатическому чиновнику, состоявшему при главной квартирѣ, отправить вмѣстѣ съ ними письмо на имя муфтія, главы карскаго духовенства. „У стѣнъ вашихъ, писалъ Влангали, стоитъ непобѣдимый вождь російскій, съ непобѣдимымъ воинствомъ,—тотъ самый вождь, отъ могущественной руки котораго пали твердыни Персіи: Аббасъ-Абадъ, Сардаръ-Абадъ и Эриванъ, по слову котораго преклонили колѣна Тавризь, Хой, Урмія и Ардебиль. Сколь могущественъ онъ во брани, столь же великодушенъ къ покорнымъ“... Какое дѣйствіе произвела прокламація, осталось неизвѣстнымъ—отвѣта не послѣдовало.¹⁾

Наступило 19-е іюня. Рано утромъ войска поднялись изъ Азаткева и двинулись дальше. Вагенбургъ, подъ прикрытіемъ полтора баталіона пѣхоты, 250 казаковъ и 10 орудій, перешелъ на эрзерумскую дорогу, а остальные войска, подъ личнымъ предводительствомъ графа Паскевича, двинулись къ Карсу, чтобы произвести рекогносцировку, и если удастся, то, выманивъ гарнизонъ въ открытое поле, дать ему здѣсь сраженіе. Войска шли въ боевомъ порядкѣ: впереди донской казачій полкъ съ 6-ю кон-

¹⁾ Дѣло архива штаба Кавказскаго военнаго округа 1828 г. № 23

ными орудіями, поддерживаемые піонернымъ баталіономъ; за нимъ наступала пѣхота въ двѣ линіи: въ первой—40-й и 42-й Егерскіе полки, имѣя между собою 12 батарейныхъ орудій; во второй—Ширванскій и 39-й Егерскій полки; въ третій линіи шла вся кавалерія, имѣя при себѣ донскую батарею; резервъ составляла гренадерская бригада и вся остальная артиллерія.

Съ послѣдней возвышенности у сел. Ниж. Караджуранъ, склонявшейся къ крѣпости пологимъ скатомъ, туркамъ ясно обозначалась наша боевая линія. Съ кургана, гдѣ стоялъ главнокомандующій, видно было, какъ открылись крѣпостныя ворота, и непріятельская конница, выѣхавшая изъ нихъ въ числѣ 4—5-ти тысячъ, расположилась на равнинѣ, прорѣзанной болотистымъ ручьемъ, черезъ который мостъ былъ уничтоженъ. Когда піонерный баталіонъ подошелъ къ переправѣ, на томъ берегу ручья уже кипѣла перестрѣлка. Делибаши, послѣдніе остатки нѣкогда страшной турецкой конницы, столкнулись съ казаками Сергѣева и ихъ опрокинули. Главнокомандующій, внимательно слѣдившій за непріятелемъ, тотчасъ приказалъ своему конвою скакать на помощь. Линейный казачій полкъ, грузины и татары вихремъ понеслись на выручку, и, въ свою очередь опрокинувъ делибашей, разсыпались въ лаву; не смотря на свою малочисленность, они стойко держались на мѣстѣ, не позволяя обойти себя съ фланговъ. Линейцы перестрѣливались съ кавказской джигитовкой. Но эти ученики суровыхъ адыговъ не любили долго жечь пороха тамъ, гдѣ можно было покончить все однимъ ударомъ. И вотъ, едва турецкая цѣпь, разгоряченная боемъ, далеко отдѣлилась отъ своихъ резервовъ, линейцы съ гикомъ ринулись впередъ и, выхвативъ на-скаку шашки, смѣшались съ непріятелемъ. Минута,—и делибаши повернули уже назадъ, ища спасенія въ бѣгствѣ. Масса турецкой конницы двинулась на выручку къ нимъ.

Между тѣмъ къ мѣсту боя подошла русская пѣхота. Передъ нею обрисовался уже громадный валъ, прикрывавшій юго-восточное предмѣстье Карса, которое плѣнные называли Орта-кепи. Тамъ еще продолжались работы городскими жителями, а на валу стояли войска, развѣвались знамена и группами развѣзжали турецкіе военнопленные.

Какъ только пѣхота перешла ручей, съ крѣпостныхъ башенъ загремѣли орудія; русская артиллерія, выдвинувшись впередъ, стала имъ отвѣчать. Колонны остановились. Два донскіе казачьи полка Сергѣева и Леонова, поддержанные Нижегородскимъ полкомъ, развернулись на правомъ, и три—Карпова, Иловайскаго и Извайлова—на лѣвомъ флангѣ боевого порядка. Сюда же, къ лѣвому флангу, отошелъ и линейный казачій полкъ съ грузинскою конницею. Сводный уланскій полкъ остался въ резервѣ.

Масса, развернувшейся русской конницы, озадачила турокъ,—но не надолго. Большая часть ихъ потянулась вправо, т. е. къ нашему лѣвому флангу, а меньшая стремительно понеслась прямо на бригаду Сергѣева.

Паскевичъ приказалъ казакамъ подаваться назадъ, чтобы заставить турокъ какъ можно дальше отойти отъ Карса, а между тѣмъ начальнику корпуснаго штаба барону Остенъ-Сакену велѣлъ взять изъ резерва Сводный уланскій полкъ и отрѣзать непріятелю путь къ отступленію. Въ то же время 8-й піонерный баталіонъ скрытно выдвинулся впередъ, почти къ подошвѣ Карадага, чтобы не допустить турецкую конницу укрыться въ другомъ предмѣстьѣ—Байрамъ-паша.

Уланы только что размундштучили лошадей, готѣясь навѣсить имъ торбы, какъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ двинуться на рысяхъ въ боевую линію. Мундштучить снова было некогда,—и полкъ поскакалъ на трензеляхъ. Турки во-время замѣтили опасность и повернули назадъ,—но было уже поздно. Стройно, какъ на ученьи, развернувъ свои эскадроны, неся Сводный уланскій полкъ, шумя флюгерами наклоненныхъ пикъ, и, подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій, ударилъ во флангъ непріятелю. Казачья бригада наѣла на него съ фронта, а линейцы съ подполковникомъ Верзилинымъ и грузины съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ, прискакавшие сюда съ лѣваго фланга, отрѣзали его отъ Карса. Вся непріятельская линія, сбитая съ своего направленія, кинулась вправо, прямо подъ огонь піонернаго баталіона, и, не имѣя другого выхода, проскакала вдоль его фронта, преслѣдуемая батальными залпами. Сколько непріятель потерялъ убитыми и ранеными—неизвѣстно, но наша конни-

ца привела 40 плѣнныхъ и между ними нѣсколько офицеровъ. Паскевичъ полагалъ, что баронъ Остенъ-Сакенъ слишкомъ поспѣшно выдвинулъ уланъ; если бы онъ выдержалъ и позволилъ туркамъ еще дальше удалиться отъ Карса, то непріятель былъ бы отрѣзанъ уже не одною горстью линейцевъ, а цѣлымъ уланскимъ полкомъ—и пораженіе его было бы еще значительнѣе. Преслѣдованіе продолжалось почти до самыхъ стѣнъ городского предмѣстья.

„Размунштученныя лошади уланъ,—говоритъ Остенъ-Сакенъ,*)—не слушали трензелей, и полкъ рассыпался. Я приказалъ трубить сборъ; но уланы нескоро справились съ своими лошадьми, и блистательный ударъ могъ бы обратиться намъ во вредъ, если бы турки не потеряли голову“. Въ тоже время горячій бой шелъ и на лѣвомъ флангѣ русской позиціи. Тамъ стоялъ генералъ Завадовскій съ тремя донскими полками. Старый запорожецъ, всю жизнь проведеній въ бояхъ, онъ сразу искуснымъ маневромъ навелъ турецкую конницу на огонь казачьей артиллеріи, и послѣ нѣсколькихъ картечныхъ залповъ, ударилъ въ пики... Пораженіе турокъ на лѣвомъ флангѣ вышло еще сильнѣе, нежели на правомъ.

Сражаясь на глазахъ цѣлаго корпуса, русская конница покрыла себя въ этотъ день славою: въ подвижности она не уступала турецкой, а въ рѣшимости къ удару холоднымъ оружіемъ далеко превосходила ее. Не участвовали одни нижегородскіе драгуны—гроза персидскихъ наѣздниковъ; Паскевичъ берегъ ихъ для рѣшительной минуты, и они до конца простояли въ резервѣ. Пѣхота также не принимала участія въ дѣлѣ, а составивъ ружья въ козлы, спокойно отдыхала, въ ожиданіи приказа итти впередъ. Самъ Паскевичъ находился во время боя передъ первою линією и затракалъ, какъ говоритъ Муравьевъ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Съ турецкихъ башенъ долго еще и послѣ сраженія гремѣли крѣпостныя орудія, но русская артиллерія мало по малу замолкла. Начальникъ артиллеріи генералъ Гилленшмидтъ, проѣзжая по линіи батарей, приказывалъ прекратить огонь. Паскевичъ всплилъ и наговорилъ Гилленшмидту дерзостей, напоминая, что въ при-

---

*) „Мысли о конницѣ“ графа Остенъ-Сакена.

судствіи главнокомандующаго никто распоряжаться не смѣетъ. Пальбу опять начали. Но Гилленшмидтъ, не выходя изъ границъ уваженія, настойчиво началъ доказывать, что снарядовъ мало, и что ихъ нужно беречь для болѣе важнаго случая. Онъ настоялъ на своемъ, и артиллерійскій огонь былъ прекращенъ.

„Удивительно,—говоритъ Муравьевъ,¹⁾—знавшій хорошо характеръ Паскевича,—что случай сей не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшую службу Гилленшмидта, и онъ успѣлъ удержаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ нашимъ начальникомъ“.

Впрочемъ, отзывы Н. Н. Муравьева относительно Паскевича вообще слишкомъ рѣзки, если не сказать пристрастны. Описывая дѣло 19-го іюня, онъ склоненъ относиться отрицательно ко всѣмъ его распоряженіямъ. „Съ какимъ намѣреніемъ,—говоритъ онъ, — было предпринято это общее движеніе, я не понимаю. Крѣпость мы разомъ взять не могли, на полевое сраженіе не могло быть надежды; для рекогносцировки не нужно было выводить весь корпусъ, а дабы прикрыть движеніе обозовъ, достаточно было части войскъ, тогда какъ другія могли бы итти и занять новый лагерь“... „Поэтому, продолжаетъ онъ, движеніе сіе предпринято было безъ всякой цѣли, какъ и многія подобныя движенія Паскевича. По крайней мѣрѣ изъ этой рекогносцировки мы больше ничего не узнали, какъ то, что въ крѣпости находится достаточное число орудій, но мы не выбрали и не утвердили мѣста, съ котораго намъ надо было начать осаду, ибо на сіе, какъ кажется, было обращено малое вліяніе. Произнося этотъ суровый приговоръ, Муравьевъ совершенно выпускаетъ изъ виду нравственное значеніе этого дня какъ для насъ, такъ и для нашихъ противниковъ. Духъ нашихъ войскъ былъ поднятъ высоко первымъ успѣхомъ и, наоборотъ, у турокъ являются полнѣйшій упадокъ нравственной силы. Видя съ городскихъ стѣнъ разгромъ своей конницы ничтожною горстью русской кавалеріи, замѣчая въ тоже время спокойную увѣренность отдохавшей русской пѣхоты, гарнизонъ не могъ не испытывать гнетущаго чувства. И, дѣйствительно, результаты погрома были такъ

1) Записка его. Русскій Архивъ, 1899 г.

ощутительны, что въ послѣдующіе дни осады, турецкая конница не проявляла даже признаковъ своего существованія, давая намъ полную возможность свободно фуражировать, посылать разъѣзды и не опасаться уже за свои сообщенія съ Гумрами.

Еще большее впечатлѣніе день 19-го іюня произвелъ на умы окрестныхъ армянъ и грековъ. Согнанные съ родныхъ пепелищъ въ началѣ войны, напуганные слухами о многочисленности турокъ, ожидая неминуемую гибель русскихъ войскъ, они волей или неволей должны были перейти на сторону нашихъ враговъ и всячески содѣйствовать успѣхамъ ихъ оружія. Теперь настроеніе жителей мгновенно перемѣнилось. Едва разнеслась молва о пораженіи турецкой конницы подъ самыми стѣнами Карса, какъ на слѣдующій же день, 20-го іюня, къ Паскевичу явились армянскіе старшины съ просьбою о позволеніи вернуться имъ въ покинутыя деревни. Ихъ обласкали и даже навстрѣчу возвращавшимся армянамъ отправили часть русскихъ войскъ, которыя должны были прикрыть ихъ движеніе. Тогда возвратились до 750 армянскихъ семействъ,—и пустынный край сталъ оживляться.

По отношенію къ русской пѣхотѣ,—¹⁾ сраженіе 19-го числа замѣчательно было также тѣмъ, что она впервые наступала противъ турокъ, построенная въ колонны. Румянцевъ, какъ извѣстно, первый отбросилъ рогатки и началъ строить войска въ каре, чтобы доставить имъ большую подвижность. Паскевичъ, еще во время персидской войны отбросилъ каре, и первый рѣшилъ замѣнить ихъ колоннами. Теперь эту же тактику, испытанную имъ въ бояхъ съ азіатцами, онъ перенесъ и на турокъ.

Въ 5 часовъ пополудни весь русскій корпусъ, оставивъ на позиціи только гренадерскую бригаду, отошелъ къ Кичикъ-кеву на р. Карсъ-чаѣ, куда уже прибылъ нашъ вагенбургъ. Муравьевъ стоялъ до самаго вечера передъ крѣпостью, откуда все время продолжалась рѣдкая ружейная и артиллерійская пальба. Наконецъ, Муравьевъ отступилъ; непріятель его не преслѣдовалъ.

На слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, люди всѣхъ полковъ, стоявшихъ въ лагерѣ, вызваны были на линію. Графъ Паскевичъ

---

¹⁾ Ушаковъ. Исторія войны въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 г.

верхомъ объѣзжалъ войска, привѣтствовалъ храбрыхъ своихъ подвижниковъ съ первою побѣдою,—предтечею будущихъ славныхъ подвиговъ и особенно благодарилъ кавалерію за молодецкое дѣло. Онъ слышалъ общую радость, видѣлъ порывы къ новымъ трудамъ, видѣлъ довѣріе къ себѣ кавказскихъ войскъ,—а съ этимъ довѣріемъ не трудно было рѣшиться на осаду и штурмъ неприступнаго Карса.

Теперь необходимо указать, что представлялъ собою Карсъ 1828 года, когда къ нему подступилъ Паскевичъ.

Тѣхъ грозныхъ линій передовыхъ укрѣпленій, которыя впослѣдствіи возникли на Шорахскихъ и Чахмахскихъ высотахъ, опоясавшихъ крѣпость по лѣвому берегу Карсъ-чая съ сѣвера и сѣверо-запада, тогда еще не было. Вся оборона Карса заключалась лишь въ его цитадели, да крѣпостныхъ стѣнахъ, фланкированныхъ множествомъ башенъ, приспособленныхъ къ обстрѣливанію дальнимъ огнемъ всей лежащей впереди нихъ мѣстности. Самыя стѣны, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до четырехъ сажень высоты, были сложены изъ огромныхъ каменныхъ плитъ и увѣнчаны зубцами, между которыми располагались орудія.

Внутри крѣпости, въ сѣверо-западномъ углу ея, на высокой скалѣ Нарынъ-кала, возвышалась цитадель, унизанная въ три яруса пушками. Подступы къ ней были возможны только съ востока и юга, т. е. со стороны самаго города, а съ сѣвера и запада она была неприступна. Карсъ-чай, огибающій крѣпость съ сѣвера и частью съ сѣверо-запада, протекаетъ здѣсь среди утесистыхъ скалъ, на глубинѣ болѣе чѣмъ 40 сажень; и эта разсѣлина обрамлена съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсными берегами. Для добыванія воды изъ этого ущелья, цитадель имѣла ходъ подъ каменными сводами, съ крутой лѣстницей въ триста ступеней, настолько узкій, что два встрѣтившіеся на ней человѣка расходились съ трудомъ. Вверху этотъ ходъ запирался желѣзною подъемною дверью, ключи отъ которой всегда хранились у коменданта.

Съ трехъ сторонъ къ крѣпостнымъ стѣнамъ примыкали три большіе форштадта. Къ югу, къ сторонѣ русскаго лагеря, простиралось обширное предмѣстье Орта-кепи, защищенное, помимо ка-

менной стѣны, двумя бастіонами, изъ которыхъ одинъ Юсуфъ-паша, сильно укрѣпленный, расположенъ былъ на юго-восточномъ выдающемся углу форштадта.

Къ востоку отъ крѣпости тянулось другое предмѣстье, Байрамъ-паша, доходившее уже до самой горы Карадагъ, на вершинѣ которой стоялъ сильный редутъ на 14 орудій, обстрѣливавшихъ подступы къ крѣпости. Отъ этого редута тянулась на западъ небольшая стѣнка, упиравшаяся въ крутой обрывъ праваго берега Карсъ-чая и сложенная также изъ деревянныхъ срубовъ, наполненныхъ внутри землей.

На югѣ, между предмѣстьями Орта-кепи и Байрамъ-пашою простирался болотистый пустырь, находившійся подъ тройнымъ перекрестнымъ огнемъ турецкихъ орудій и прикрытый землянымъ валомъ, связывавшимъ между собою оба эти предмѣстья.

Наконецъ, на западѣ лежало, переброшенное уже на лѣвый берегъ Карсъ-чая, Армянское предмѣстье. Эти зарѣчныя жилища, разбросанныя по утесистымъ высотамъ, защищались отдѣльными каменными стѣнками съ бойницами. Древній замокъ, стоявшій впереди предмѣстья противъ его середины, составлялъ главнѣйшую опору зарѣчныхъ укрѣпленій, командуя не только всѣми предмѣстьями, но даже южною стѣною крѣпости. Тамъ же на полугорѣ, находилось большое турецкое кладбище.

Далѣе, къ югу, между Армянскимъ предмѣстьемъ и Орта-кепи расположился турецкій укрѣпленный лагерь, а къ сѣверу, на утесистыхъ скалахъ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ грозный фортъ Лекъ и начиналась, такъ называемая, англійская линія—устроены были каменные шанцы.

Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ фортовъ, всѣ эти укрѣпленія, въ ихъ общей связи, представляли для атакующихъ, при тогдашнемъ состояніи ружейнаго и пушечнаго огня, трудности почти неодолимая,—и Карсъ, по справедливости, считался крѣпостью первоклассною.

Стратегическое положеніе его понималось уже съ самыхъ древнихъ временъ и, чтобы удержать его за собой, здѣсь отчаянно боролись разнообразныя народности. Самое первоначальное названіе

города Карасъ-калакъ, — „городъ дверей“, указываетъ на то значеніе, какое онъ имѣлъ въ эпоху чужеземныхъ нашествій на Грузію и Арменію. Нѣкогда, во времена династіи Багратидовъ, онъ былъ столицей армянскаго царства; потомъ, переходя то къ персамъ, то къ византійцамъ, то къ туркамъ-сельджукамъ, онъ окончательно остался во власти послѣднихъ, и нынѣшняя крѣпость построена была султаномъ Амуратомъ III, съ именемъ котораго связаны въ Азіи всѣ памятники военнаго могущества турокъ. Грозныя твердыни Карса устояли даже подъ ударами великаго завоевателя Шахъ-Надира, который, разбивъ подъ стѣнами его стотысячную турецкую армію, бесполезно истощалъ усилія для покоренія крѣпости и вынужденъ былъ, наконецъ, отступить. На Шорахскихъ высотахъ и доселѣ видны слѣды укрѣпленій, прикрывавшихъ нѣкогда станъ Шахъ-Надира. Таковы были твердыни, передъ которыми стояли теперь русскія войска.

Имѣя передъ собою съ одной стороны крѣпость съ ея гарнизономъ, съ другой, ожидая ежеминутно нападенія Кіосъ-Магометъ-паши, Паскевичъ расположилъ свой лагерь въ видѣ одного большаго каре, въ срединѣ котораго помѣстилась главная квартира и вся кавалерія. Осадныя орудія, транспорты, парки и маркитанты, со своими духанами, поставлены были нѣсколько поодаль. Небольшой редутъ, переброшенный на ту сторону рѣчки, прикрывалъ лѣвый флангъ русской позиціи; тылъ ея былъ обезпеченъ рѣкою; на правомъ флангѣ также воздвигался редутъ, а фронтъ былъ прикрытъ четырьмя люнетами. Въ такомъ расположеніи можно было не только встрѣтить, но и отразить съ успѣхомъ нападеніе Кіосъ-паши, не снимая осады. Муравьевъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ,¹⁾ что помощь со стороны сераскира могла быть достигнута иными окольными дорогами; но и онъ не отвергаетъ того подавляющаго нравственнаго вліянія, которое должно было имѣть на духъ гарнизона это смѣлое движеніе русскаго корпуса, ставшаго на главныхъ сообщеніяхъ крѣпости.

Рекогносцировка показала, что осаду можно вести только съ одной юго-западной стороны, съ Шорахскихъ высотъ, которыя

¹⁾ Русскій Архивъ 1899 г.

командовали не только окрестностями, но и самым городом; осадные батареи, поставленные здѣсь, могли анфилировать всѣ укрѣпленія Карса, а волнистая мѣстность позволяла осаждающимъ приблизиться къ нимъ на самое короткое разстояніе. Непріятель самъ сознавалъ слабую сторону своей обороны и потому-то поставилъ впереди Армянскаго предмѣстья свой укрѣпленный лагерь.

20-го іюня, съ самаго утра въ лагерьъ кипѣла необычайная дѣятельность; осадную артиллерію ставили на лафеты, рабочія команды, посланныя въ парки, принимали лопаты, мотыги и кирки; войска приготовлялись къ осадѣ. Предполагалось сдѣлать усиленную рекогносцировку съ Шорахскихъ высотъ, чтобы окончательно выбрать мѣста, съ которыхъ слѣдовало начать осадныя работы. Чтобы скрыть настоящее намѣреніе и отвлечь вниманіе турокъ, Паскевичъ рѣшилъ сдѣлать демонстрацію противъ сѣверо-западнаго фаса крѣпости. Въ два часа пополудни войска выступили, подъ личнымъ начальствомъ самого главнокомандующаго. Можно было ждать сильной вылазки со стороны турокъ, а потому Паскевичъ, зная, какое впечатлѣніе должна произвести на нихъ первая встрѣча съ русской пѣхотой, взялъ съ собою лучшія боевыя силы. Пошла гренадерская бригада съ Ширванскимъ пѣхотнымъ полкомъ, линейные казаки и донской полкъ Карпова, столько разъ уже отличавшійся въ бояхъ съ персіянами.

Переправившись на лѣвый берегъ Карсъ-чая, отрядъ остановился на Шорахскихъ высотахъ, возлѣ развалинъ старинныхъ окоповъ, оставшихся еще послѣ Шахъ-Надира. Турки открыли по немъ безвредный орудійный огонь изъ цитадели, а между тѣмъ, часть непріятельскихъ стрѣлковъ тотчасъ выступила изъ укрѣпленнаго лагеря и засѣла въ каменныхъ шанцахъ среди береговыхъ утесовъ. Скоро на помощь къ нимъ подошли изъ Армянскаго предмѣстья еще одинъ или два баталіона, и въ передовыхъ цѣпяхъ завязалась слабая перестрѣлка. Паскевичъ, лежа на буркѣ, спокойно разговаривалъ съ нѣкоторыми генералами, не обращая вниманія на турокъ. Начальникъ штаба баронъ Остенъ-Сакенъ нѣсколько разъ подъѣзжалъ къ нему, прося позволенія подвинуть войска впередъ, чтобы заставить непріятеля покинуть шанцы; но

Паскевичъ повидимому не хотѣлъ завязывать серьезнаго дѣла и думалъ ограничиться одною демонстраціей. Между тѣмъ приближался вечеръ и Сакенъ, подѣхавъ еще разъ, доложилъ, что турецкая цѣпь уже наступаетъ. Тогда Паскевичъ выдвинулъ впередъ роту Эриванскаго полка, которой велѣлъ оттѣснить непріятеля. На пути лежалъ большой оврагъ, и едва эриванская цѣпь спустилась внизъ, какъ въ то же мгновеніе была атакована массою турокъ. Штабсъ-капитанъ Музайко, подоспѣвшій съ ротою, выручилъ ее изъ опаснаго положенія, но не могъ оттѣснить непріятеля. Пришлось на помощь къ нему выслать еще двѣ роты эриванцевъ, сотню линейныхъ казаковъ и два орудія, подъ командой генерала Муравьева.

Ознакомившись съ мѣстностью, Муравьевъ приказалъ ротѣ штабсъ-капитана Музайко итти въ обходъ непріятельскихъ шанцевъ, а обѣ прибывшія роты, подъ командой подполковника Кошутина приготовились штурмовать укрѣпленіе съ фронта. Ночь уже наступила и съ каждой минутой темнѣло все болѣе и болѣе. Пробыло 9 часовъ вечера, когда Музайко, лѣпясь по скаламъ, обошелъ наконецъ шанцы и подалъ условный сигналъ, по которому войска съ двухъ сторонъ устремились на приступъ. Сотня линейцевъ, спѣшившись, шла въ передовой цѣпи; два орудія картечнымъ огнемъ помогали штурмующимъ. Ночная темнота скрывала движеніе русскихъ войскъ, и турки едва успѣли дать два-три невѣрныхъ залпа, какъ Музайко вскочилъ уже на утесъ и сбросилъ ихъ въ ложбину. Шанцы были взяты съ потерей трехъ человѣкъ ранеными. Непріятель укрылся въ Армянскомъ предмѣстьи и заперся въ башнѣ Темиръ-паша.

Это было первое столкновеніе турецкой пѣхоты съ русскою, и главнокомандующій естественно интересовался знать мнѣніе Муравьева о томъ, какъ сражаются турки.— „Нельзя сказать,—отвѣчалъ Муравьевъ,—чтобы турки защищались стойко, но, во всякомъ случаѣ, они будутъ драться несравненно упорнѣе, чѣмъ персіяне.¹⁾“

Часовъ въ 11 ночи Паскевичъ возвратился въ лагерь съ линейнымъ казачьимъ полкомъ, а весь отрядъ, подъ командой Му-

¹⁾ Записки Муравьева. Русскій Архивъ 1899 года.

равьева, остался на Шорахскихъ высотахъ, откуда предполагалось начать осадныя работы.

Нужно указать, что пока бой на сѣверныхъ утесахъ привлекалъ вниманіе турокъ въ ту сторону, піонерные офицеры, подпоручикъ Богдановичъ и прапорщикъ Пущинъ, выбрали мѣсто для заложенія первой батареи, какъ разъ напротивъ праваго фланга непріятельскаго лагеря. Ширванскій полкъ въ ту же ночь приступилъ къ постройкѣ ея, и къ разсвѣту 21-го числа четыре батарейныя орудія Кавказской гренад. артиллер. бригады стояли уже на мѣстахъ и открыли огонь. Къ сожалѣнію, ядра ихъ едва достигали до непріятельскаго лагеря. Тогда Муравьевъ поставилъ на ближнюю высоту два легкія казачьи орудія, и ихъ снаряды стали ложиться въ турецкихъ палаткахъ. Шансы уравнились. Шесть турецкихъ пушекъ, выдвинутыхъ изъ лагеря, не могли состязаться съ казачьимъ взводомъ, и огонь ихъ мало по малу умолкъ. Муравьевъ, свидѣтель этого замѣчательнаго артиллерійскаго боя, съ особенною похвалою говоритъ о казачьемъ есаулѣ Зубковѣ, командовавшимъ этимъ взводомъ. Вообще кавказская артиллерія стяжала себѣ справедливую боевую извѣстность въ персидскую войну; но пальму первенства передъ всѣми батареями, какъ говоритъ Муравьевъ, нужно было отдать конно-артиллерійской линейной казачьей ротѣ, отличавшейся особымъ проворствомъ прислуги, лучшимъ сортомъ лошадей и мѣткостью выстрѣловъ. Самъ Зубковъ, командовавшій этой ротой, былъ выдающійся офицеръ: онъ всегда наводилъ орудія самъ, не любилъ діоптровъ и замѣнялъ ихъ своими указательными пальцами, которые ставилъ на тарель орудія. И выстрѣлъ, произведенный съ его батареи, рѣдко миновалъ своей цѣли.¹⁾

Въ полдень, 21-го числа, на смѣну Муравьеву пришла бригада генерала Берхмана, и гренадеры возвратились въ лагерь. Тамъ шли дѣятельныя приготовленія къ осадѣ. Времени терять было нельзя и приходилось спѣшить съ развязкой, пока не подошелъ Кіось-Магометъ-паша. Въ этотъ день и въ слѣдующій 22-го чис-

¹⁾ Тамъ же, и Кавказскій Сборникъ т. I. Записки Андреева.

ла, Паскевичъ лично производилъ рекогносцировки, и самъ указалъ мѣста для заложения трехъ новыхъ батарей. Изъ нихъ: № 2-я и № 3-я, каждая на 4 батарейныхъ орудія, возводились на Шорахскихъ высотахъ противъ фронта укрѣпленнаго лагеря, а № 4-я изъ 12-ти батарейныхъ орудій и 4-хъ двухъ пудовыхъ мортиръ—на правомъ берегу Карсъ-чая, противъ предмѣстья Орта-кепи. Такъ должна была образоваться первая параллель, начальникомъ которой назначенъ былъ полковникъ Бурцовъ.

Самую постройку батарей рѣшено было произвести въ ночь съ 22-го на 23-е іюня съ тѣмъ, чтобы при первой возможности овладѣть подъ ихъ прикрытіемъ высотами передъ укрѣпленнымъ лагеремъ и тамъ заложить вторую параллель. Затѣмъ, день 25-го іюня уже назначался по плану графа Паскевича для штурма Карса. Это былъ день рожденія императора Николая Павловича, и Паскевичъ, среди общаго празднества Россіи, желалъ поздравить государя съ трофеями и завоеваніемъ перваго оплота Азіятской Турціи.

Съ вечера 22-го іюня войска распредѣлены были по работамъ, а тѣмъ временемъ чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ этого пункта, рѣшено было произвести усиленныя демонстраціи противъ Карадага и турецкихъ шанцевъ, взятыхъ уже разъ Муравьевымъ. Къ Карадагу двинута была кавалерійская бригада генерала Раевского, а къ шанцамъ баталіонъ ширванцевъ. Скоро пушечный выстрѣлъ далъ знать, что непріятель замѣтилъ Раевского. Встревоженный Эминъ-паша выслалъ навстрѣчу часть своей кавалеріи, которая скоро вернулась назадъ съ извѣстіемъ, что русская конница идетъ мимо восточныхъ укрѣпленій, въ обходъ Карадага и заходитъ въ тылъ цитадели. Не успѣли поставить гарнизонъ въ ружье, какъ передъ Карадагомъ загремѣли русскіе барабаны, зазвучали трубы, заиграла музыка, и грянуло „ура“! скоро потонувшее въ гулъ пушечныхъ и ружейныхъ залповъ. Черезъ минуту все смолкло. Тогда загремѣлъ Карадагъ, и пушечная пальба, направляясь преимущественно на бой барабановъ и звуки кавалерійскихъ трубъ, не прекращалась до самаго утра. Между тѣмъ, гонцы прискакали съ новымъ извѣстіемъ, что русскія войска уже атакуютъ сѣверную сторону крѣпости. Это ширванцы, съ полковникомъ Бородинымъ,

пошли на приступъ каменныхъ шанцевъ. Турки боялись вторично потерять этотъ важный пунктъ, и резервы ихъ поспѣшно двинутые изъ города, сдѣлали сильную вылазку. Ширванцы остановились и медленно стали отходить назадъ. Опасаясь новой атаки, турецкіе баталіоны остались подъ ружьемъ, и канонада вмѣстѣ съ ружейнымъ огнемъ не умолкала всю ночь.

Тѣмъ временемъ работы наши по возведенію батарей были окончены, и съ восходомъ солнца 26 орудій внезапно открыли огонь по укрѣпленному лагерю. Это былъ только первый подготовительный шагъ къ кровавому дѣлу—штурму. И никому не приходило въ голову, что наступившій день—и будетъ днемъ паденія Карса.

Глава III.

То были вѣкъ богатырей...

Расположеніе русскихъ войскъ подъ Карсомъ въ ночь съ 22-го на 23-е іюня. Бомбардированіе крѣпости.—Поручикъ Лабинцевъ.—Внезапный бой и постепенное его развитіе.—Борьба за кладбище, взятіе турецкаго лагеря и штурмъ Армянскаго предмѣстья.—Прибытіе къ войскамъ графа Паскевича.—Бой за обладаніе передовыми городскими форштадтами и занятіе города.—Начало переговоровъ.—Категорическія требованія Паскевича. Сдача Карса.—Административное устройство карскаго пашалыка.—Извѣстія о турецкой арміи и распоряженіе Паскевича Чума въ русскомъ лагерѣ.—Приготовленія къ дальнѣйшему походу.

Въ ночь 23-го іюня 1828 года занимаетъ въ исторіи русскихъ подвиговъ совершенно особое мѣсто, выходящее изъ ряда подвиговъ даже необыкновенныхъ. Передъ малочисленнымъ корпусомъ, почти неруководимымъ опредѣленными приказаніями вождя, а ведомымъ лишь исключительно той силой духа, передъ которой нѣтъ недоступимаго—пала первоклассная крѣпость, видѣвшая много разъ грозныхъ завоевателей у стѣнъ своихъ, но никогда въ стѣнахъ.

Заложеніе первой линіи осадныхъ батарей представляли собою слишкомъ незначительныя средства, чтобы можно было рассчитывать на успѣхъ штурма. И распоряженія о немъ не было. Но борьба, случайно разгорѣвшаяся на небольшомъ пространствѣ, вовлекла постепенно въ бой, быстро принявшій колоссальныя размѣры, всѣ русскія войска, и участь Карса была рѣшена. Не получая никакихъ указаній, отдѣльные полки баталіоны и даже роты, предводимые испытанными въ бояхъ начальниками, сами знали что надо дѣлать,—и отчаянное сопротивленіе турокъ было сломлено.

Къ утру 23-го іюня русскія войска стояли подъ крѣпостью на слѣдующихъ позиціяхъ:

Съ запада, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, на высотахъ противъ турецкаго лагеря и Армянскаго предмѣстья:

На осадной батарее № 1-й—батальонъ 39-го Егерскаго полка.

На осадной батарее № 2-й—Крымскій пѣхотный полкъ, только что накануне прибывшій изъ Гумрь съ послѣдними транспортами, и

На осадной батарее № 3-й—42-й Егерскій полкъ.

Высоты противъ цитадели, гдѣ были непріятельскіе шанцы, занималъ батальонъ ширванцевъ, производившій ночную атаку.

Всѣ эти войска находились подъ общемою командою генераль-маіора Королькова и тутъ же присутствовалъ начальникъ всей пѣхоты генераль-лейтенантъ князь Вадбольскій.

На правомъ берегу Карсъ-чая противъ Орта-кепи расположилась осадная батарея № 4-я, занятая Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ, подъ командой бригаднаго командира генерала Муравьева; за нею во второй линіи былъ Грузинскій гренадерскій полкъ, подъ командой графа Симонича.

Сводная кавалерійская бригада Раевского стояла противъ Карадага.

Въ общемъ резервѣ, въ лагерь, оставались 40-й Егерскій полкъ, и по батальону отъ Ширванскаго и 39-го Егерскаго полковъ, при 26-ти орудіяхъ; эти войска защищали лагерь и наблюдали за эрзерумскою дорогою.¹⁾

Съ первыми лучами восходящаго солнца, со всѣхъ осадныхъ батарей началась канонада по турецкому лагерю, и скоро артиллерія его, взятая подъ перекрестный огонь, была сбита. Въ отвѣтъ на это сильнѣйшій огонь со всѣхъ ярусовъ цитадели, изъ крѣпости и съ башенъ предмѣстья обратился на главную, № 4-ю батарею. Шестнадцать русскихъ орудій съ трудомъ могли отвѣчать на эту адскую канонаду. „Врядъ ли мнѣ случалось во всю мою службу быть въ сильнѣйшемъ огнѣ, чѣмъ въ этотъ день—говоритъ Муравьевъ, участникъ Бородина, Лейпцига и Парижа,—продолжись такая пальба еще два часа, и батарея была бы скрыта до основанія. Къ счастью, обстоятельства внезапно перемѣнились—въ это самое время загорѣлось жаркое дѣло на лѣвомъ берегу Карсъ-чая.“²⁾

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 258.

²⁾ Записки Н. Н. Муравьева. Русскій Архивъ 1899 года.

Когда батареи турецкаго лагеря, сбитыя нашимъ огнемъ замолчали, часть непріятельской пѣхоты, выйдя изъ Армянскаго предмѣстья, заняла кладбище, лежавшее на полугорѣ и стала оттуда поражать наши траншеи. Командиръ 4-й роты 39-го Егерскаго полка поручикъ Лабинцевъ, стоявшій въ передовой цѣпи, безъ приказаній, по собственной инициативѣ, бросился впередъ, чтобы выбить непріятеля изъ его закрытій. Турки почти въ упоръ дали залпъ и встрѣтили егерей штыками и ятаганами. Произошла рукопашная свалка. Новыя толпы турокъ бѣшенно принесли сюда изъ лагеря, и рота, несмотря на всю свою храбрость, была отброшена. Въ эту опасную минуту Лабинцевъ, со свойственнымъ ему хладнокровіемъ, снова сомкнулъ свою роту, одушевилъ ее короткою рѣчью, и впереди всѣхъ опять бросился въ сѣчу.

Изъ траншей, между тѣмъ, увидѣли опасное положеніе передовой цѣпи и послали помощь. Первыми подоспѣли съ № 3-й батареи три роты 42-го Егерскаго полка съ подполковникомъ Миклашевскимъ¹⁾ и вмѣстѣ съ ротою Лабинцева²⁾ ворвались на кладбище. Овладѣть имъ было, однако, не легко. Частые могильные камни и памятники давали непріятелю возможность держаться отчаянно, и каждый шагъ надо было брать съ боя, каждую могилу отнимать штыками. „Казалось,—говоритъ одинъ очевидецъ,—турки, благоговѣя къ памяти почившихъ, хотѣли охранить спокойствіе гробовъ,—и прахъ соотечественниковъ одушевлялъ ихъ новою отвагою“.³⁾

Но и мужество русскихъ солдатъ не имѣло предѣловъ. Непріятель, наконецъ, былъ выбитъ изъ кладбища и егеря, преслѣдуя бѣгущихъ, бросились вверхъ по горѣ къ укрѣпленному лагерю. Это

1) Миклашевскій, впоследствии полковникъ, командиръ 42-го Егерскаго полка, принадлежалъ къ однимъ изъ выдающихся дѣятелей Кавказской войны. Горцы называли его „кара“ (черный) полковникъ—въ переносномъ смыслѣ: грозный, страшный. Онъ убитъ 1-го декабря 1831 года при штурмѣ Чумкескента, защищаемаго Казы-Муллою.

2) Иванъ Михайловичъ Лабинцевъ впоследствии командовалъ Кабардинскимъ егерскимъ полкомъ и былъ родоначальникомъ его исторической славы въ Кавказской войнѣ. Съ нимъ связаны имена: Буртуная, Аргуани, Ахульго, Ичкеринскаго лѣса и Даргинскаго похода. Затѣмъ онъ командовалъ на Кавказѣ же 20-ю пѣхотною дивизіею и былъ начальникомъ лѣваго фланга. Въ 1843 году онъ перешелъ въ Россію, гдѣ командовалъ сначала 5-ю пѣхотною дивизіею, въ которой участвовалъ въ Венгерской кампаніи, а потомъ командовалъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. По упраздненіи корпусовъ, онъ былъ зачисленъ по арміи, въ запасныя войска и скончался въ 1883 году, въ семидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. Последнею наградой его былъ орденъ св. Александра Невскаго, украшенный брилліантами.

3) Кавказскій сборникъ т. I. Воспоминанія Андреева.

былъ шагъ чрезвычайно опасный; положеніе становилось слишкомъ серьезнымъ. Напрасно нѣкоторые офицеры хотѣли остановить порывъ зарвавшихся храбрецовъ.

— „Стойте братцы! Остановитесь! — кричали они, — дальше не надо! это такъ только фальшивая атака“.

— „Никакъ невозможно, ваше благородіе! — отвѣчалъ на бѣгу одинъ изъ солдатъ. — Мы знаемъ этого нехриста, пока его по зубамъ не треснешь, онъ никакъ этой самой фальшивой атаки понять не можетъ“.¹⁾

Солдаты были страшно одушевлены; рота Лабинцева и 2-я рота 42-го полка капитана Черноглазова, насѣвши на бѣжавшихъ турокъ, вмѣстѣ съ ними вскочили въ лагерь, — и часть палатокъ, пять знаменъ и два орудія тотчасъ перешли въ ихъ руки. Это были первые трофеи, добытые въ этотъ день русскою кровью; Лабинцевъ былъ контуженъ, а Черноглазовъ получилъ три раны пулями, всѣ на вылетъ.

Такимъ образомъ, занятіе укрѣпленныхъ высотъ, то, чего едва надѣялись достигнуть послѣ двухдневнаго бомбардированія, неожиданно осуществилось въ два—три часа времени. Теперь для всѣхъ стало ясно, что если передовой баталіонъ будетъ поддержанъ, то внѣшнія укрѣпленія Карса могутъ быть взяты. Начальникъ пѣхоты князь Вадбольскій тотчасъ рѣшилъ воспользоваться неожиданнымъ оборотомъ дѣла и приказалъ полковнику Реуту (извѣстному защитнику Шуши) спѣшить съ пятью остальными ротами 42-го Егерскаго полка на помощь къ Миклашевскому съ тѣмъ, чтобы удержать за собою отнятую у турокъ позицію.

Полковникъ Реутъ не могъ однако подоспѣть во время. Пока онъ взбирался на громадный утесъ, преградившій ему путь, неприятель въ превосходныхъ силахъ вышелъ изъ Армянскаго предмѣстья и ударилъ на отбитый лагерь. „До двухъ тысячъ турокъ, — рассказываетъ Муравьевъ,²⁾ — съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ и съ страшнымъ крикомъ, неслись на Миклашевскаго“. Съ главной батареи тотчасъ открыли по нимъ огонь черезъ рѣку. Но картечь и

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Записки Н. Н. Муравьева. Русскій Архивъ 1899 года.

гранаты не могли остановить удара. Зарвавшийся баталіонъ мгновенно былъ опрокинутъ, и турки погнали его назадъ къ кладбищу. Человѣкъ тридцать, съ самимъ Миклашевскимъ, были отрѣзаны, и, прижавшись къ скалѣ, отбивались отчаянно. Въ то же время часть турокъ атаковала и колонну Реута. Застигнутая на крутомъ подъемѣ, она не могла развернуться, и головныя части ея были смяты. Весь лѣвый русскій флангъ пришелъ въ замѣшательство. Тогда Вадбольскій, не теряя присутствія духа, быстро собралъ всѣ остальные роты егерской бригады, еще стоявшія на батареяхъ и лично повелъ ихъ въ бой. Но онъ былъ еще на пути, а баталіонъ Реута уже оправился и снова полѣзъ на скалы. Еще минута - и егеря на самомъ краю утеса вступили въ рукопашный бой. „Всѣ перепитіи кровавой борьбы были прекрасно видны съ осадной 4-й батареи.“ Я былъ свидѣтелемъ боя, — рассказываетъ Муравьевъ — уже давно вышедшаго изъ обыкновенія; люди смѣшались съ толпами, какъ рисуютъ ихъ на картинахъ; солдаты кололи штыками, турки рубили саблями“.

Въ это время на главную батарею прискакалъ Паскевичъ, встревоженный сильною канонадою и боемъ, начавшимся безъ его приказанія. Остановившись на лѣвомъ флангѣ батареи, на самомъ открытомъ мѣстѣ, гдѣ каменистая почва не позволяла возвысить брустверъ, онъ ясно видѣлъ, что дѣлалось за рѣкою: и массы нападающихъ турокъ, и опрокинутый отрядъ Миклашевскаго, и отчаянный бой, шедшій на скалахъ у Реута... Непріятельскіе снаряды осыпали главнокомандующаго и многіе изъ свиты его были убиты или ранены. Паскевичъ ни на что не обращалъ вниманія; онъ сошелъ съ коня и нѣкоторое время, какъ говоритъ Муравьевъ, оставался въ положеніи человѣка, изумленнаго нечаянностью, не знающаго что предпринять. Онъ былъ встревоженъ и обрушился на Муравьева въ рѣзкихъ и незаслуженныхъ укорахъ, говоря о какихъ то интригахъ, грозя кого-то предать военному суду. „Мнѣ нечего было отвѣчать на это, добавляетъ Муравьевъ, ибо я зналъ только свою батарею и не имѣлъ никакого участія въ молодецкой атакѣ Вадбольскаго. Я отошелъ въ сторону“.....¹⁾)

---

¹⁾ Тамъ же.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ становилось все болѣе опаснымъ. Нужно было рѣшиться немедленно на что нибудь, такъ какъ пораженіе лѣваго фланга могло стать гибельнымъ для всего малочисленнаго русскаго корпуса. Командиръ Грузинскаго полка графъ Симоничъ, герой персидской войны, подошелъ къ Паскевичу и просилъ позволенія взять часть своего полка и итти на помощь Вадбольскому. Муравьевъ съ своей стороны поддерживалъ это предложеніе „Хорошо, но вы отвѣчаете за все своими головами“, сказалъ Паскевичъ.

Три роты Грузинскаго полка быстро спустились къ рѣкѣ, но, не найдя переправы, вынуждены были итти къ зарѣчному форштадту дальней окольной дорогой,—а бой происходилъ всего какихъ нибудь въ двухъ или трехстахъ саженьяхъ отъ главной батареи. Гренадеры не шли, а бѣжали. Между тѣмъ, обстоятельства на мѣстѣ сраженія быстро измѣнялись на глазахъ самого Паскевича.

Разсказываютъ, что когда опрокинутый баталіонъ Миклашевскаго бросился къ кладбищу, передъ нимъ внезапно явился священникъ Крымскаго пѣхотнаго полка Андрей Бѣлицкій и перегородилъ ему дорогу. Онъ былъ въ эптрахили, и, высоко поднявъ надъ головой животворящій крестъ, крикнулъ солдатамъ: „Дѣти! остановитесь! Неужели вы оставите здѣсь и меня, и крестъ распятаго Господа? Если вы не русскіе, не православные—бѣгите! Я одинъ сумѣю умереть за васъ“!¹⁾

Не всѣ слышали слова его, но всѣ, пораженные величавой фигурой священника, остановились. Офицеры воспользовались этой минутой, привели ихъ въ порядокъ и снова бросились на турокъ. Черезъ нѣсколько мунуть Миклашевскій былъ вырученъ, и егеря соединились съ колонною Реута. А тутъ подоспѣлъ и Вадбольскій съ своими резервами. Тогда на высотахъ, занятыхъ турецкимъ лагеремъ, произошла послѣдняя, отчаянная схватка. Ружейный и пистолетный огонь, камни, штыки, ятаганы и сабли—все было пущено въ ходъ для взаимнаго уничтоженія. Хлоднокровное муже-

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло о наградахъ за 1828 годъ

ство восторжествовало, наконецъ, надъ дикимъ фанатизмомъ,—и турки бросились бѣжать по направленію къ предмѣстью; солдаты неслись за ними по пятамъ. Кучи, набросанныхъ по дорогѣ камней, рядъ каменныхъ стѣнокъ, новое кладбище, затѣмъ начинающіяся строенія—все, на каждомъ шагу, давало туркамъ возможность обороняться, но имъ не давали время опомниться. И Вадбольскій на ихъ плечахъ ворвался въ Армянское предмѣстье.

Полковникъ Бурцевъ съ ротою 39-го Егерскаго полка тотчасъ отдѣлился отъ колонны и кинулся къ башнѣ Темиръ-паша, которой принадлежала важнѣйшая роль въ системѣ обороны Карса.

Грозно возвышались ея каменные стѣны. Напрасно съ самаго утра громили ихъ русскія батареи—ядра отскакивали отъ нихъ какъ мячъ, и множество ихъ лежало кругомъ расколотыми.

Трудно было овладѣть такою башнею, но Бурцевъ взялъ ее штурмомъ, и, поставивъ на ней два орудія легкой № 2-й роты 20-й артиллерійской бригады, принялся картечью очищать улицы предмѣстья.

Почти одновременно со взятіемъ Темиръ-паши, начальникъ артиллеріи генераль-маіоръ Гилленшмидтъ, двигавшійся съ артиллеріею по слѣдамъ князя Вадбольскаго, занялъ покинутыя высоты турецкаго лагеря, и тамъ, гдѣ въ наши дни возникло укрѣпленіе Чимъ-табія, поставилъ батарею изъ двухъ казачьихъ и четырехъ батарейныхъ орудій Кавказской гренадерской бригады. Въ то же время полковникъ Бородинъ съ Ширванскимъ баталіономъ выбилъ непріятеля изъ каменныхъ шанцевъ и на высокомъ утесѣ устроилъ еще батарею на два орудія. Такъ совершенно случайно, образовалась 2-я параллель, и три батареи (Бурцова, Гилленшмидта и Бородина) уже съ самаго близкаго разстоянія принялись громить цитадель и городъ, чтобы тѣмъ препятствовать движенію резервовъ.

Въ Армянскомъ предмѣстьѣ продолжалась между тѣмъ кровавый бой, но ни многочисленность врага, ни твердая защита его не спасали турокъ: они потеряли девять знаменъ и вынуждены были, наконецъ, укрыться въ послѣднемъ отдаленнѣйшемъ кварталѣ, примыкавшемъ уже къ самой рѣкѣ. Егеря, буквально истом-

ленные боемъ, остановились. Князь Вадбольскій понялъ, что сдѣлать болѣе того, что было сдѣлано въ этотъ день, люди не могли: имъ не доставало физическихъ силъ и нуженъ былъ хотя кратковременный отдыхъ. Но съ другой стороны этимъ отдыхомъ могли воспользоваться турки, чтобы подвести резервы. Положеніе становилось критическимъ. Но какъ разъ въ эту минуту подоспѣли свѣжія силы.

Это былъ Крымскій пѣхотный полкъ, выведенный изъ траншей № 2-й батареи генералъ-маіоромъ Корольковымъ. Онъ занялъ тѣ высоты, на которыхъ стояли ширванцы, а ширванскій баталіонъ, оставивъ свою батарею подъ прикрытіемъ крымцевъ, быстро спустился внизъ къ атакованному кварталу и здѣсь встрѣтился съ тремя грузинскими ротами Симонича. Два свѣжіе баталіона, смѣнивъ усталыхъ егерей, единодушно, безъ предварительнаго соглашенія, пошли на штурмъ и смѣлымъ натискомъ очистили послѣднюю часть Армянскаго предмѣстья. Теперь только одна глубокая трещина, на днѣ которой шумѣла рѣка, отдѣляла войска отъ непріятельскаго города. Но оказалось, что въ этой части форштадта находился прочный каменный мостъ, и ширванцы, перебѣжавъ черезъ него первыми, засѣли въ обывательскихъ домахъ, раскинутыхъ по крутизнамъ при подошвѣ самыхъ стѣнъ крѣпости. Вслѣдъ за ними переправились и остальные войска.

Внезапный оборотъ сраженія на лѣвомъ флангѣ, блистательные успѣхи Вадбольскаго, громъ батарей, поселившихъ смятеніе въ городѣ, наконецъ мужество, какимъ проникнуты были солдаты, воодушевили самого Паскевича. Минута вызвала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Онъ приказалъ начальнику штаба барону Остенъ-Сакену взять баталіонъ эриванцевъ и двѣ роты Грузинскаго полка, и съ ними овладѣть южнымъ предмѣстьемъ Орта-кепи; затѣмъ оставался бы только Карадахъ, съ паденіемъ котораго мы отнимали у турокъ всѣ внѣшнія ихъ укрѣпленія.

Подъ картечнымъ огнемъ колонна Остенъ-Сакена дошла до форштадта, защищеннаго съ фронта двумя бастіонами, вѣрнѣе башнями, соединенными между собою невысокой каменной стѣнкой со рвомъ. Лѣвый бастіонъ моментально былъ взятъ подполковни-

комъ Кошутинымъ съ ротой эриванцевъ, а остальные три роты, имѣя во главѣ командира полка барона Фредерикса, ворвались въ самое предмѣстье; двѣ Грузинскія роты оставались въ резервѣ. Скоро предмѣстье было взято, но держалась еще правая башня, носившая названіе Юсуфъ-паша. Оттуда дѣйствовали картечью и наносили намъ весьма ощутительный вредъ; баронъ Остенъ-Сакенъ приказалъ подвести двѣ пушки и подъ ихъ прикрытіемъ взводъ Грузинскаго полка, съ полковникомъ Вальховскимъ, овладѣлъ ею приступомъ. Въ предмѣстьи взято нами семь знаменъ и четыре орудія.

Когда оба бастіона находились уже въ нашихъ рукахъ, 12 батарейныхъ орудій, взятыхъ по приказанію Паскевича съ № 4-й батареи, поставлены были правѣ Юсуфъ-паши и принялись обстрѣливать цитадель. Городъ въ трехъ мѣстахъ былъ зажженъ гранатами, и противъ дома Эминъ-паши взлетѣли на воздухъ три неприятельскихъ зарядныхъ ящика.

Теперь очередь была за Карадагомъ.

Еще въ то время, какъ въ улицахъ Орта-кепи кипѣла рукопашная схватка, Паскевичъ отправилъ на подкрѣпленіе Остенъ-Сакену три роты Эриванскаго полка съ генераломъ Муравьевымъ. На главной батарее, гдѣ все еще находился Паскевичъ, остались только четыре мортиры и въ ихъ прикрытіи сводный баталіонъ гренадеръ. Всѣ остальные войска были введены въ дѣло.

Убѣдившись, что Остенъ-Сакенъ не нуждается въ особомъ подкрѣпленіи, Муравьевъ присоединилъ еще къ себѣ роту Грузинцевъ и двинулся къ послѣднему восточному предмѣстью Байрамъ-паша. Итти приходилось по открытому полю и подъ огнемъ крепостной артиллеріи, но турки очевидно подверглись уже полной деморализаціи, и предмѣстье Байрамъ-паша, лежавшее на полугорѣ, было занято безъ выстрѣла. Отсюда пришлось подниматься уже безъ всякихъ дорогъ по крутымъ тропинкамъ на высокую гору, увѣнчанную редутомъ. Эриванцы тѣмъ не менѣе шли съ барабаннымъ боемъ. Градъ неприятельскихъ снарядовъ и пуль летѣли въ нихъ изъ редута, но то были уже замиравшіе отголоски карскаго штурма. Смѣлое наступленіе Муравьева поразило турокъ, и грозный Карадагъ оставленъ былъ ими безъ боя.

Такимъ образомъ всѣ передовыя укрѣпленія Карса теперь были взяты, и русскія батареи сосредоточили весь свой огонь на самый городъ. Наступила минута рѣшительная.

И вотъ, единодушно, какъ бы по данному сигналу, войска, невидѣвшія другъ друга за большимъ разстояніемъ, безъ всякаго приказанія, разомъ пошли на крѣпость. Ихъ встрѣтили безпорядочнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, но это не могло уже вырвать побѣду у войскъ, одушевленіе которыхъ было доведено до величайшей степени. Повсюду повторялись однѣ и тѣже сцены. Армяне помогали русскимъ взбираться на стѣны; солдаты по одиночкѣ спрыгивали внизъ и бѣжали отворять ворота. Это былъ рядъ подвиговъ настоящаго геройства, истиннаго самопожертвованія,—и не одинъ десятокъ отважныхъ бойцовъ заплатилъ за нихъ своею жизнію. Скоро всѣ бастіоны и башни были взяты; Эминъ-паша съ остатками гарнизона заперся въ цитадели, остальные турецкія войска и народъ метались по городу, оглашая воздухъ криками и мольбой о пощадѣ.

Въ это время вся кавалерія, стоявшая во время штурма передъ Карадагомъ, сѣла на коней и приготовилась кинуться на турокъ, если бы они вышли изъ крѣпости. Но изъ крѣпости уходили только одиночные всадники или мелкія партіи, за которыми гоняться не было цѣли. Такъ ей и не удалось принять участія въ этомъ славномъ бою, начатомъ и конченномъ одною пѣхотою, при замѣчательномъ содѣйствіи ея артиллеріи. Когда войска ворвались уже въ городъ, Паскевичъ отозвалъ всю кавалерію обратно въ лагерь, оставивъ при главной квартирѣ только Сводный уланскій полкъ.

Между тѣмъ вопросъ о томъ: будетъ ли защищаться цитадель или не будетъ, оставался еще не рѣшеннымъ. Войска готовились уже къ новому штурму, какъ вдругъ на стѣнахъ цитадели разомъ появились два бѣлые флага—и все умолкло: крѣпость сдавалась. Паскевичъ приказалъ прекратить огонь и черезъ полковника князя Бековича Черкаскаго предъявилъ коменданту слѣдующія условія: 1) паша признаетъ себя военноплѣнникомъ; 2) защитники цитадели получаютъ свободу и по сдачѣ оружія отпускаются домой на

Штурмъ крѣпости Карса 23-го іюня 1828 года.

Картина Машкова.

честное слово не служить противъ насъ въ эту кампанію и 3) остальной гарнизонъ сдается безусловно на милость побѣдителя. Эминъ-паша однако колебался принять эти условія и просилъ два дня отсрочки. Кадій и муфтій, два первенствующія лица карскаго духовенства, отправились къ Паскевичу на главную батарею и возвратились оттуда назадъ съ категорическимъ отвѣтомъ главнокомандующаго; „Пощада неповиннымъ, смерть непокорнымъ, часъ времени на размышленіе.“

Время тянулось въ томительномъ ожиданіи, и русскія войска теряли терпѣніе. Нѣсколько разъ то спускался, то поднимался снова турецкій флагъ. Наконецъ, штабсъ-капитанъ Эриванскаго полка Потебня, соскочивъ съ коня, принялся стучать въ ворота, требуя, чтобы ихъ отворили „для визиря русскаго сардаря“. Ворота отворились, и Остенъ-Сакенъ, въ сопровожденіи князя Бековича-Черкаскаго, войдя въ цитадель, направился прямо къ Эминъ-пашѣ, котораго нашелъ въ маленькомъ домикѣ вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками города. Они то и были главною причиною медленности переговоровъ. Собственно говоря, представители города были правы: цитадель, имѣя крытый ходъ къ рѣкѣ, достаточное количество запасовъ и множество орудій, могла еще продолжать оборону, а между тѣмъ Кіосъ-Магометъ-паша, находившійся съ своимъ двадцатитысячнымъ корпусомъ въ одномъ переходѣ отъ Карса, могъ подоспѣть на помощь. Русскіе разъѣзды дѣйствительно видѣли передовыя турецкія партіи въ 5—6-ти верстахъ отъ кичикъ-кевскаго лагеря. Но тѣ же самыя обстоятельства побуждали и Паскевича къ послѣднимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе Сакена, очутившагося вдвоемъ среди наглухо замкнутой цитадели, было чрезвычайно опасно; но онъ, какъ выражается Муравьевъ,—имѣлъ душу не робкую, и съ побѣдоноснымъ видомъ потребовалъ капитуляціи. Въ то же время въ русскихъ войскахъ, скучавшихъ бездѣйствіемъ, поднялся шумъ: „Сдавайтесь! —а то полѣземъ!“, кричали ширванцы. Угроза, поддержанная рядомъ сверкавшихъ штыковъ и фитилями, кутившимися у пушекъ, сломили колебаніе, и капитуляція была подписана. Эминъ-паша со всѣмъ своимъ штабомъ признавалъ себя военноплѣнникомъ, а гар-

низонъ сдавался, и, положивъ оружіе, долженъ былъ выйти изъ крѣпости. Въ 10 часовъ утра баталіонъ Грузинскаго полка, по распоряженію барона Остенъ-Сакена, вступилъ въ цитадель и занялъ въ ней караулы.

Картина крѣпости теперь быстро измѣнилась.

По узкимъ, извилистымъ улицамъ города и предмѣстій съ разныхъ сторонъ двигались русскія роты, спѣшившія разставлять охранные посты у воротъ, у складовъ и разныхъ общественныхъ зданій; вездѣ ходили конные разъѣзды уланъ, введенныхъ въ городъ для возстановленія порядка. Жителей въ первое время нигдѣ не было видно и только въ глухихъ переулкахъ по одиночкѣ перебѣгали испуганные люди. Кругомъ крѣпости вплотную придвинуты были батареи полевыхъ орудій; за ними въ колоннахъ стояла собранная и приведенная въ порядокъ пѣхота: войска держались наготовѣ, чтобы встрѣтить турецкій корпусъ, если бы съ его стороны было какое—либо покушеніе на лагерь или крѣпость.

На небольшомъ возвышеніи, саженяхъ въ трехстахъ отъ стѣнъ покоренной крѣпости за брустверомъ мортирной батареи, развѣвались разноцвѣтныя турецкія знамена,—кровавые трофеи, добытые на штурмѣ. Тамъ находился Паскевичъ. Отъ этого возвышенія въ крѣпость, и изъ крѣпости къ мортирной батарее, то и дѣло скакали адъютанты, ординарцы и казаки. Изъ Карса между тѣмъ выходили толпы обезоруженныхъ турецкихъ солдатъ и направлялись къ Кичикъ-кеву. Проѣхалъ наконецъ верхомъ и самъ двухъ-бунчужный паша, окруженный нарядною толпою своихъ офицеровъ. Прибывъ на батарею, онъ медленно сошелъ съ коня, и, приблизившись къ главнокомандующему, подалъ ему свою саблю.

Церемонія сдачи Карса окончилась. Было три часа по полудни; накрапывалъ дождикъ. Паскевичъ сѣлъ на коня и мимо турецкихъ войскъ, все еще выходившихъ изъ крѣпости, поѣхалъ къ воротамъ цитадели; за нимъ везли турецкія знамена. При самомъ въѣздѣ въ крѣпость его ожидалъ священникъ Крымскаго пѣхотнаго полка Андрей Бѣлицкій, который, послѣ славнаго подвига въ Армянскомъ предмѣстьи, не оставлялъ войска во все время боя. Онъ встрѣтилъ Паскевича привѣтственной рѣчью и поднесъ ему бу-

кетъ бѣлыхъ розъ, нарванныхъ имъ въ саду турецкаго коменданта. Осмотрѣвъ крѣпость и цитадель, Паскевичъ остановился на самой высокой батарее и приказалъ водрузить на ней георгіевское знамя Грузинскаго полка. Здѣсь онъ принималъ поздравленіе и благодарилъ начальниковъ Вадбольскаго, Муравьева и Сакена. Онъ долго всматривался вдаль, туда, гдѣ черною полоскою едва-едва виднѣлся, разбитый турецкими ядрами, брустверь № 4-й батареи, съ которой началось все дѣло, и, обратясь къ Муравьеву, сказалъ: „кто-бы могъ подумать и воображали ли турки, что отъ этой черной полосы рѣшится участь карсской твердыни.“

Въ сумеркахъ Паскевичъ переѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ турецкаго паши. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Кіосъ-Магометъ-паша, узнавъ о взятіи Карса, отступилъ къ Ардагану. Паскевичъ немедленно отправилъ для наблюденія за нимъ гренадерскую бригаду, два полка казаковъ и 10 орудій, подъ начальствомъ генерала Муравьева, которому поручилъ собрать самыя точныя свѣдѣнія о мѣстопробываніи турецкой арміи. А между тѣмъ въ ту же ночь курьеръ поскакалъ въ Петербургъ и повезъ императору Николаю I слѣдующее короткое донесеніе:

„Знамена Вашего Императорскаго Величества развѣваются на стѣнахъ Карса, взятаго штурмомъ сего числа въ 8 часовъ по утру.“

„Изъ рапорта моего государю—писалъ онъ вслѣдъ затѣмъ къ барону Дибичу—вы увидите нечаянность одержанной побѣды, храбрость солдатъ, неустрашимость офицеровъ и распорядительность начальниковъ. Въ чаду этой побѣды я не могу опомниться, чтобы описать подробно. Саблю паши и пистолеты его, взятые на батарее, осмѣливаюсь поднести Государю Императору; оружіе же одного изъ знатнѣйшихъ подъ нимъ предводителей покорнѣйше прошу принять отъ меня на память.“¹⁾

Такъ пала одна изъ важнѣйшихъ твердынь Азіатской Турціи. Счастливому и невѣроятно быстрому исходу штурма болѣе всего способствовала взаимная поддержка частей, неожиданныхъ на то приказаній и самостоятельность тѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго гоеннаго округа. Дѣло 1828 г. № 28 и 1829 г. № 258.

начальниковъ, которые не затруднялись принимать на свою отвѣтственность все, что касалось чести и славы русскаго оружія.

Трофеями карскаго штурма были: 151 орудіе, 33 знамени, повелительный жезлъ карскаго паши и 1350 человѣкъ плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился самъ Эминъ-паша со всѣмъ своимъ штабомъ. Остальные защитники цитадели, согласно капитуляціи, распущены были по своимъ домамъ. Съ нашей стороны потеря сравнительно была ничтожна: убитъ одинъ офицеръ ¹⁾ и ранено 13; нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя 248 человѣкъ.²⁾

Карсъ, взятый штурмомъ, вопреки военнымъ обычаямъ того времени, не былъ отданъ на разграбленіе. Жителямъ объявлена полная амнистія, и 24-го числа главнокомандующій обратился къ нимъ съ слѣдующею прокламаціею: „Твердыня карсская пала передъ побѣдоноснымъ оружіемъ русскихъ. Права войны предоставляли наказъ жителей города, взятаго штурмомъ; но правила русскаго императора чужды всякаго мщенія. Именемъ Великаго Монарха я изъявляю прощеніе гражданамъ и призываю всѣхъ обитателей пашалыка Карскаго подъ высокое покровительство Россіи, обѣщая имъ ненарушимость богослуженія, обычаевъ и собственности. Я не потребую отъ васъ новой подати, но приложу заботы, чтобы облегчить и ту, которая доселѣ лежала на васъ. Да не отяготѣтъ надъ вами правленіе побѣдителей!“³⁾

Начальникомъ Карскаго пашалыка назначенъ былъ полковникъ князь Бековичъ-Черкасскій; судебная власть оставлена по прежнему въ рукахъ мусульманскаго духовенства, а полицейская—въ рукахъ туземныхъ чиновниковъ, подчиненныхъ только надзору русскихъ офицеровъ. Довѣріе къ новому правленію установилось сразу, и народъ въ тотъ же день обратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Опять учредились базары, открылись лавки, и армяне бойко принялись торговать, благодаря щедрости побѣдителей.

¹⁾ Это былъ поручикъ Апшеронскаго полка, прикомандированный къ 42-му Егерскому полку поручикъ Штокфичъ, - отецъ извѣстнаго защитника Баязета въ 1877 году.

²⁾ Матеріалы: Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1828 г. № 28 и 1829 г. № 258 и дѣла о дѣйствіи Паскевича въ Турціи.— Записка Муравьева-Карскаго. Русскій Архивъ 1899 г. Записки Н. Н. Пушина. Рус. Стар. т. 41 1884 г.; Кавказскій Сборникъ т. I и другіе рассказы современниковъ.

³⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа, Дѣло 1828 г. № 23.

На слѣдующій день, 25-го іюня, въ день рожденія императора Николая Павловича, весь дѣйствующій корпусъ былъ выстроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла главная осадная № 4 батарея. Служилось благодарственное молебствіе, и едва произнесено было многолѣтіе, какъ въ ту же минуту поднялся русскій императорскій флагъ надъ карсскою цитаделью. Крѣпость привѣтствовала его единодушнымъ залпомъ изъ всѣхъ турецкихъ орудій, а полевая артиллерія вторила ей 101 пушечнымъ выстрѣломъ. Затѣмъ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ, и гр. Паскевичъ весело здоровался съ каждымъ взводомъ и всѣхъ поздравлялъ съ побѣдой.

„Взгляните храбрые товарищи,—говорилъ онъ въ своемъ приказѣ по корпусу,—на тотъ утесъ, гдѣ нынѣ развѣвается знамя Имперіи, на тѣ стѣны, отъ которыхъ сильное воинство Шахъ-Надира, послѣ долговременной осады, отступило; вспомните о числѣ своемъ и вознесите теплую молитву къ Господу Силь за дарованную вамъ знаменитую побѣду“.

Государь, желая сохранить въ потомствѣ Паскевича память объ этомъ событіи, предоставилъ ему выбрать два орудія изъ числа взятыхъ въ цитадели. Остенъ-Сакену пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 3-го класса, а Муравьеву, Вальховскому, Фридериксу, Бурцову, Лабинцеву и Черноглазому тотъ же орденъ 4-й степени. ¹⁾

Въ то время, какъ въ русскомъ лагерѣ все предавалось празднествамъ и ликованіямъ, Муравьевъ произвелъ усиленную рекогносцировку къ сторонѣ Ардагана, но не встрѣтилъ нигдѣ даже слѣдовъ непріятеля. Впослѣдствіи выяснилось слѣдующее: при первомъ извѣстіи о вторженіи русскихъ въ Карсскій пашалыкъ, Кіось-паша, пренебрегая всѣми затрудненіями, безъ достаточнаго числа артиллеріи и продовольствія, покинувъ въ горахъ обозы и тяжести, только съ 4-ми орудіями и лучшими войсками бросился къ Карсу. Съ пути онъ извѣстилъ Эминъ-пашу, что 23-го іюня будетъ подъ стѣнами крѣпости,—и дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе. Извѣстіе о паденіи Карса застало его въ 5-ти верстахъ отъ кичикъ-кевскаго лагеря; Карсъ капитулировалъ въ 10 часовъ утра,

¹⁾ Князь Вадбольскій, главный виновникъ побѣды, имѣлъ георгіевскій крестъ 2-й ст. еще за наполеоновскія войны 1813 года.

а въ 11 часовъ турецкій корпусъ могъ уже быть на мѣстѣ боя. Такимъ образомъ, продержись цитадель одинъ лишній часъ—и русскія штурмовыя колонны имѣли бы въ тылу у себя 20 тысячъ свѣжаго войска. Всѣ эти обстоятельства бросали сильную тѣнь на дѣятельность карскаго коменданта; пошли разные слухи, обвинявшіе его то въ чрезвычайномъ малодушіи, то прямо въ измѣнѣ. Говорили даже, что онъ былъ подкупленъ Паскевичемъ, и замѣчательно, что слухъ этотъ, несмотря на всю свою несостоятельность, держится въ народѣ до настоящаго времени. Между тѣмъ правильнѣе было бы искать причину быстрого паденія Карса въ личности самого Эминъ-паши. Нѣкогда простой мулла въ сел. Тегишъ, онъ получилъ пашалыкъ только вслѣдствіи протекціи и большихъ связей, которыя имѣлъ въ Константинополѣ. Однако званіе двухъ бунчужнаго паши не принесло ему съ собою ни военныхъ талантовъ, ни талантовъ администратора, и Эминъ-паша по прежнему ставался тѣмъ же ничтожнымъ и слабодушнымъ человѣкомъ; звукъ оружія слишкомъ сотрясалъ его нервы, говоритъ Муравьевъ, и слабый Эминъ вовсе не былъ похожъ на правителя области, а тѣмъ болѣе на предводителя войска. Для насъ всѣ эти толки имѣли однако крайне невыгодную сторону, такъ какъ самое взятіе Карса турки стали приписывать не силѣ русскаго оружія, а только обидной случайности, результату крайней неспособности Эминъ-паши.

Кіосъ-Магометъ-паша и самъ раздѣлялъ это общее настроеніе, но тѣмъ не менѣе не рѣшился безъ артиллеріи и продовольственныхъ запасовъ тотчасъ же итти на приступъ, чтобы силою вырвать у русскихъ занятый ими городъ. Онъ долго колебался, не зная что предпринять, но наконецъ отошелъ къ Ардагану, чтобы прикрыть, по крайней мѣрѣ, этотъ важный пунктъ въ томъ предположеніи, что русскіе пойдутъ на Ахалцыхъ. Но и этимъ соображеніемъ не суждено было осуществиться.

Едва Муравьевъ съ своей гренадерской бригадой вышелъ изъ лагеря, какъ лазутчики дали знать Кіосъ-пашѣ, что весь русскій корпусъ двинулся къ югу на Эрзерумъ, стоявшій теперь совершенно открытымъ. Встревоженный паша не далъ труда провѣрить это извѣстіе, какъ слѣдуетъ и, бросивъ Ардаганъ, въ тотъ же день

ушелъ за Соганлугскія горы. Онъ двигался съ такою поспѣшностью, что дѣлалъ переходы по 60 верстъ и остановился только у Гассанъ-кала, съ намѣреніемъ прикрыть столицу Анатолиі.

Но Паскевичу въ то время было не до Эрзерума. Страшное бѣдствіе, равно ужасное, какъ въ мирныхъ хижинахъ, такъ и въ ратномъ станѣ, внезапно разразилось надъ русскими войсками—въ лагерьъ появилась чума. Для борьбы съ нею потребовался цѣлый мѣсяцъ, въ теченіи котораго военныя дѣйствія по необходимости должны были пріостановиться. Учреждены были карантинныя лагерь передвинули на другое, болѣе высокое мѣсто; каждую часть поставили отдѣльно и окружили особою цѣпью часовыхъ. Всѣ сообщенія полковъ, какъ между собою, такъ и съ покоренною крѣпостью были прекращены. Чума, какъ оказалось, занесена была изъ Эрзерума съ тѣми подкрѣпленіями, которыя прибыли въ Карсъ, и отсюда перешла на наши войска послѣ штурма, когда соприкосновеніе съ турками являлось неизбѣжнымъ. Строгія карантинныя мѣры не дали развиться однако смертоносной болѣзни и остановили ея ужасныя дѣйствія въ самомъ началѣ; но тѣмъ не мѣнѣе каждый день чума то въ томъ, то въ другомъ полку вспыхивала, какъ огонь изъ подъ тлѣющаго пепла и уносила жертвы за жертвами. Заболѣвающій вдругъ начиналъ чувствовать чрезмѣрную слабость, сопровождаемую частыми обмороками; взглядъ его становился блуждающимъ, безпокойнымъ, появлялась головная боль, рвота, страшная жажда, затѣмъ наступали судороги,—и смерть. У нѣкоторыхъ въ самомъ началѣ болѣзни появлялись карбункулы; у другихъ они обнаруживались только послѣ смерти. Немногіе умирали черезъ сутки, большинство мучилось отъ 8 до 9 дней. Медицина была безсильна; надъ больными испробованы были всѣ способы тогдашняго лѣченія: имъ пускали кровь, ставили мушки, заставляли пить сладкую ртуть, хину или крѣпкій настой александрійскаго листа съ горькою солью; но если однимъ эти средства облегчали страданія, то другихъ еще быстрѣе сводили въ могилу. Вообще замѣчено было, по наблюденію медиковъ, что только крѣпкіе тѣломъ и духомъ могли противиться болѣзни,—слабые въ большинствѣ умирали. Благодарная память современниковъ со-

хранила имя начальника подвижного карантина, храброго въ бою и ревностнаго исполнителя всѣхъ обязанностей службы, полковника Бородина, командовавшаго въ то время Ширванскимъ полкомъ. Забывая о себѣ, онъ весь отдался помощи страждущему человечеству и появлялся всюду, гдѣ только замѣчалась опасность. Его неустанной энергіи и дѣятельности мы были обязаны тѣмъ, что бѣдствіе не приняло слишкомъ большихъ размѣровъ, и черезъ подвижной карантинъ прошло всего 203 человека. Въ іюлѣ чума мало-по-малу стала ослабѣвать и, наконецъ, совершенно прекратилась.¹⁾ Теперь надо было торопиться возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, и графъ Паскевичъ приказалъ войскамъ готовиться къ дальнѣйшему походу.

На очереди стоялъ Ахалцыхъ.

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г. № 106 и 258. Кромѣ того источниками для описанія, изложенныхъ во II и III гл., служили: дѣла 1828 г. № 99 со Всеподданнѣйшими рапортами Паскевича отъ 19-го іюня и 10-го іюля 1828 г. Акты Кавказской археографич. комиссіи т. VII, №№ 753, 754 и 755. Приказъ по корпусу 25-го іюня 1828 года, Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. III.

Глава IV.

Тяжелое положеніе Паскевича по взятіи Карса. — Дальнѣйшія военныя дѣйствія. — Ахалкалаки и ея гарнизонъ — Штурмъ крѣпости и значеніе его въ исторіи Ширванскаго полка. — Взятіе крѣпости Хертвиса. — Прибытіе резервовъ изъ Грузіи — Путь отъ Ахалкалакъ къ Ахалцыху. — Ахалцыхъ и его историческое прошлое. — Бой 5-го августа подъ Ахалцыхомъ — Разгромъ турецкаго вспомогательнаго корпуса.

Отъ Карса на Ахалцыхъ лежали двѣ дороги, и на каждой изъ нихъ стояла сильная крѣпость: на одной—Ардаганъ, на другой—Ахалкалаки. Паскевичъ избралъ послѣдній путь, чтобы держаться ближе къ русской границѣ и сблизиться со своими резервами. Положеніе его, послѣ взятія Карса, было еще затруднительнѣе, нежели при самомъ открытіи кампаніи. Тогда у него было 15 свѣжихъ баталіоновъ, а теперь, за отдѣленіемъ шести изъ нихъ для защиты Карскаго пашалыка, въ дѣйствующемъ корпусѣ оставалось всего 9 баталіоновъ, шесть конныхъ полковъ и 46 орудій. Силы эти были слишкомъ недостаточны для покоренія Ахалцыха, съ завоеваніемъ котораго, главнымъ образомъ, сопряжено было спокойствіе Грузіи,—и Паскевичъ потребовалъ, чтобы всѣ резервы, которые только можно взять безъ крайняго ослабленія пограничной полосы, были направлены къ Ахалкалакамъ.

17-го іюля, оставивъ въ Карсѣ Крымскій пѣхотный, 39-й и 40-й Егерскіе полки, Донскую казачью бригаду и 12 орудій 20-й артиллерійской бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Берхмана, графъ Паскевичъ съ остальными войсками двинулся къ Ахалкалакамъ, куда еще наканунѣ выступили всѣ обозы. Первый ночлегъ корпусъ имѣлъ при деревнѣ Заимѣ, а на слѣдующій день, миновавъ нѣсколько опустѣвшихъ селеній, догналъ свой вагенбургъ у

деревни Кюмбетъ. Крутые спуски по всему пути задержали здѣсь обозы на цѣлыя сутки, и чтобы дать имъ время стянуться, войскамъ пришлось 19-го числа сдѣлать дневку на берегу обширнаго Чалдырскаго озера. Отсюда начинается уже подъемъ на громадный Чалдырский хребетъ, за которымъ лежали Ахалкалаки. Дорога, то поднимавшаяся на крутые почти отвѣсные утесы, то сбѣгавшая внизъ въ глубокія пропасти, становилась часъ отъ часу труднѣе. Колеснаго пути не было; обозы тащили на рукахъ и назначали къ нимъ въ помощь посмѣнно цѣлые баталіоны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы расширить дорогу только на одну повозку приходилось рвать порохомъ огромныя каменныя глыбы; въ другихъ — встрѣчались болота и надо было устраивать перекидные мосты или гати. Остановки являлись почти на каждомъ шагу.¹⁾ Тѣмъ не менѣе, войска, хотя медленно, но упорно подвигались впередъ и 21-го іюля ночевали уже на самой вершинѣ Гекъ-дага, высочайшей отрасли Чалдырскихъ горъ. Здѣсь еще царила зима, и туманъ, покрывавшій вершины безлѣсныхъ горъ, скрывалъ отъ глазъ даже ближайшія окрестности. Костровъ развести было нечѣмъ, и солдаты, одѣтые по лѣтнему, провели крайне тяжелую ночь.

Взошедшее солнце разсѣяло, наконецъ, туманъ, и съ вершины Гекъ-дага передъ войсками, въ неясной дали обширной равнины, заблѣли стѣны Ахалкалакской крѣпости. Это были тѣ самыя Ахалкалаки, съ которыми у каждого, служившаго въ то время на Кавказѣ, соединялось такъ много историческихъ воспоминаній. Невольно возставали картины минувшихъ дней: и страшный штурмъ Гудовича, безплодно положившаго на этихъ сѣрыхъ стѣнахъ большую часть своего корпуса, и блистательный разгромъ персидскихъ и турецкихъ полчищъ отважнаго Пауллучи, и, наконецъ, взятіе Ахалкалакъ Котляревскимъ съ двумя баталіонами Грузинскаго полка, — георгіевскія знамена котораго, какъ памятники славнаго боя, теперь, по прошествіи 17 лѣтъ, опять развѣвались передъ тѣми же самыми стѣнами.

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Военный журналъ по генеральному штабу 1826—1830 г.г.

Спустившись съ горъ, отрядъ ночевалъ въ селеніи Гендары, и Паскевичъ, съ частью авангарда, произвелъ рекогносцировку крѣпости. На обширной равнинѣ у подошвы Чалдырскихъ горъ, тамъ, гдѣ спіянiе двухъ рѣкъ Топорванъ-чай и Гендеръ-су образуетъ острый мысъ, доступный только съ юга,—стояли Ахалкалаки. Нѣкогда окруженныя предмѣстьями, а потому многолюдныя, Ахалкалаки во времена Паскевича представляли только груды развалинъ, едва вмѣщая въ стѣнахъ своихъ одну мечеть и до сорока бѣдныхъ, ничтожныхъ саклей. Самая крѣпость была окружена громадной каменной стѣной и башнями, но не имѣла рвовъ, которые замѣнялись съ двухъ сторонъ гигантскими утесами обѣихъ рѣчекъ. Трое массивныхъ воротъ, окованныхъ желѣзомъ, вели изъ крѣпости на сѣверъ, западъ и югъ, но всѣ были завалены съ обѣихъ сторонъ большими камнями. Выхода изъ крѣпости не было; не было въ нее и входа. Внутри Ахалкалакъ, въ юго-восточной части, возвышалась цитадель съ обороною въ два яруса, а внѣ крѣпости, въ самомъ углу, гдѣ сливались рѣчки, были видны слѣды большого форштадта, уничтоженнаго, еще Гудовичемъ.

Самая крѣпость, имѣвшая важное значеніе по своему стратегическому положенію на соединеніи двухъ дорогъ, идущихъ изъ Грузіи къ Ахалцыху, представляла видъ такого запустѣнія, что казалось непріятель давно ее покинулъ. Болѣе часа русскіе конные патрули разѣзжали подъ стѣнами ближе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ,—и гарнизонъ ничѣмъ не обнаруживалъ своего присутствія. Но едва показались русскія колонны, какъ въ углу одного изъ бастіоновъ, вдругъ развернулось турецкое знамя, и пестрые значки, какъ по сигналу, сразу заколыхались на крѣпостномъ валу. Парламентеры, посланные въ Ахалкалаки, не были допущены въ крѣпость и привезли гордый отвѣтъ гарнизона:

„Мы не эриванскіе и не карсскіе жители, -- мы Ахалцыхцы; съ нами нѣтъ ни женъ, ни имущества; мы умремъ на стѣнахъ, но не сдадимъ крѣпости. Изстари ведется пословица, что одинъ карсскій бьетъ трехъ эриванскихъ, а двое карсскихъ не стоятъ одного ахалцыхца.“ ¹⁾

¹⁾ Ушаковъ, Исторія войны въ Азіатской Турціи 1828 — 29 года.

Еще ранѣе былъ слухъ, что въ Ахалкалакахъ засѣла тысяча отчаянныхъ турокъ, которые не выйдутъ изъ-за стѣнъ въ открытое поле, а станутъ драться только на штурмъ и драться на смерть. Этотъ слухъ теперь подтвердился. Паскевичъ, не желая рисковать потерями, рѣшилъ покорить крѣпость не штурмомъ, а правильной осадой и бомбардированіемъ. Выгоднѣйшимъ пунктомъ для постановки батарей безспорно былъ лѣвый берегъ Гендеръ-су, господствовавшій надъ крѣпостью. Отсюда штурмовалъ Гудовичъ, и здѣсь же, въ трехъ съ половиною верстахъ отъ города, расположился корпусъ графа Паскевича.

Какъ только наступила ночь, колонна, подъ начальствомъ генерала Королькова, тихо приблизилась къ крѣпости и немедленно приступила къ заложению осадной батареи. 42-й Егерскій полкъ прикрывалъ работы, а на случай вылазки отряжены были на правый берегъ Гендеръ-су дивизіонъ Нижегородскаго полка, сотня линейныхъ казаковъ и два орудія. Другой дивизіонъ, также съ двумя орудіями, поставленъ въ двухъ верстахъ отъ лагеря, на дорогѣ, ведущей въ Ардаганъ, откуда турки могли получить подкрѣпленія. Начальникъ артиллеріи генералъ Гилленшмидтъ всю ночь оставался на работахъ, и къ утру 24-го іюля двѣ батареи, наскоро сложенные изъ мѣшковъ, насыпанныхъ землею, были окончены. На одной изъ нихъ, въ 170 саженьяхъ отъ крѣпости, установили двѣ двухпудовыя мортиры, восемь батарейныхъ и два легкихъ орудія. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди ея стала другая батарея, устроенная на шесть кегорновыхъ мортирокъ. Близился разсвѣтъ, а на крѣпостной стѣнѣ все еще горѣли огни, и все еще осажденные стояли подъ ружьемъ, ожидая приступа.

Съ появленіемъ первой зари, когда по обычаю мусульманъ раздался съ минарета утренній возгласъ муллы, въ крѣпости началось всеобщее пѣніе, продолжавшееся болѣе часа.

Но вотъ оно смолкло, и въ ту же минуту изъ цитадели сверкнулъ пушечный огонь, и первое турецкое ядро врылось въ парапетъ батареи; второй выстрѣлъ,—и непріятельская бомба ударила прямо въ пороховой погребъ. Страшная катастрофа грозила батареѣ полнымъ разрушеніемъ. Всѣ затаили дыханіе, но въ этотъ

моментъ два фейерверкера батарейной № 1-й роты 20-й артиллерійской бригады бросились внутрь погреба и выбросили бомбу, прежде чѣмъ она успѣла разорваться. Тогда 18 русскихъ орудій открыли по крѣпости жестокій огонь. Черезъ полчаса зубцы почти со всѣхъ башенъ были сбиты, цитадель повреждена, стѣны во многихъ мѣстахъ обрушились. Осажденные укрылись въ казематахъ, но на стѣнѣ осталось еще нѣсколько человѣкъ, которые дѣлали знаки, какъ бы желая вступить въ переговоры. Огонь прекратился. Сборнаго линейнаго казачьяго полка сотникъ Обуховъ подъѣхалъ къ воротамъ съ нѣсколькими линейцами, какъ вдругъ со стѣны грохнулъ предательскій залпъ, и Обуховъ палъ пораженный нѣсколькими пулями. Казаки отскочили назадъ, едва успѣвъ подхватить тѣло своего офицера.

Снова загорѣлась адская канонада. Въ тоже время по приказанію Паскевича четыре батарейныя орудія № 1-й роты 20-й бригады и два легкія орудія, подъ прикрытіемъ баталіона ширванцевъ, вызванныя изъ резерва, развернулись на правомъ берегу Гендеръ-су противъ цитадели и стали бить по крѣпостнымъ воротамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что храбрые ахалцыхцы сумѣли бы умереть на штурмѣ; но выдержать адскаго огня артиллеріи они не могли. Очевидно они совсѣмъ не ожидали подобнаго образа дѣйствій и только напрасно запаслись множествомъ истребительныхъ средствъ, готовыхъ обрушиться на головы русскихъ въ минуту, когда солдаты полѣзутъ на стѣны.

Но всѣ эти средства: и толстыя бревна, и огромные камни, и котлы съ кипящею водою—оказались теперь бесполезными. Надежда ахалкалакцевъ, что если они и уступятъ побѣду, то обольютъ стѣны своей старой крѣпости русской кровью, что каждый изъ нихъ продастъ свою жизнь дорогою цѣною—исчезла. Десятками ложились осажденные подъ тучею русскихъ снарядовъ, не имѣя возможности отомстить свою смерть—смертью хотя бы одного гяура: крѣпостныя пушки молчали, ружейныя пули не достигали до русскихъ. И духъ защитниковъ колебался. Большинство гарнизона бросилось бѣжать, спускаясь съ высокихъ стѣнъ по веревкамъ. Двѣ роты Ширванскаго полка тотчасъ пустились преслѣдовать бѣжав-

шихъ; остальные двѣ устремились на крѣпость и съ помощью тѣхъ же веревокъ, которыя турки въ суматохѣ не успѣли убрать за собою, поднялись на стѣны. Съ ними поднялся баронъ Остенъ-Сакенъ и полковникъ Бородинъ. „Сдавайтесь!“ кричали ширванцы, и остатокъ гарнизона, запершійся въ цитадели, положилъ оружіе. Коменданта крѣпости Фархадъ-бека уже не было, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ другими, а въ плѣнъ сдались: областной ахалкалакскій начальникъ Мута-бекъ, 16 офицеровъ, 10 знаменщиковъ и до 300 нижнихъ чиновъ; въ крѣпости взято нами 14 орудій.

Изъ бѣжавшихъ защитниковъ Ахалкалакъ почти никто не спасся. Одни изъ нихъ долго защищались въ тѣсномъ ущельѣ рѣки, среди разбросанныхъ камней и, потерявъ четыре знамени, были истреблены ширванцами. Другіе, успѣвшіе пробраться далѣе, были настигнуты Нижегородскимъ дивизіономъ и линейными казаками въ глубокихъ тѣснинахъ рѣки Ахалкалаки. Здѣсь убитъ самъ Фархадъ-бекъ, взято еще четыре знамени и изрублено до 400 турокъ. Плѣнныхъ не было. Такъ жестоко мстили линейцы за смерть своего офицера. Съ русской стороны вышло изъ строя два офицера и тринадцать нижнихъ чиновъ.¹⁾

Едва крѣпость была взята, какъ со стороны Ардагана показалась непріятельская конница; она была послана для усиленія полтуратысячи лазовъ, назначенныхъ въ ахалкалакскій гарнизонъ и уже приближавшихся къ крѣпости. Противъ нея выѣхалъ дивизіонъ нижегородцевъ, но турки, замѣтивъ, что крѣпость уже взята, поспѣшно отступили въ горы.²⁾ Вообще, нельзя не сказать, что сераскиръ безрасчетно пожертвовалъ ахалкалакскимъ гарнизонъ. Быть можетъ гораздо полезнѣе было бы для него взорвать на воздухъ старую крѣпость, а тысячу храбрыхъ защитниковъ перевести въ Ахалцыхъ, подъ стѣнами котораго должна была рѣшиться участь кампаніи.

Съ военной точки зрѣнія взятіе Ахалкалакъ представляетъ нѣкоторыя обстоятельства, достойныя особаго вниманія. Можно отда-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1827 г. № 99 и 1829 г. № 89. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича 24-го іюля 1827 г. Акты Кавказскаго археогр. ком., т. VII, № 758.

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1828 г. № 49 и 1829 г. № 258.

вать справедливость мужественной рѣшимости ахалкалакского гарнизона, но не слѣдуетъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, преувеличивать значеніе подвига и выставять его образцомъ героизма. Надо помнить, что отъ слова до дѣла далеко, и что въ послѣднюю минуту гарнизону недоставало рѣшимости умереть подъ развалинами родного гнѣзда: одни искали спасенія въ бѣгствѣ, другіе положили оружіе. Настоящими героями дня являются тѣ двѣ ширванскія роты, которыя, не задумываясь о томъ, что ждетъ ихъ впереди, смѣло ворвались въ крѣпость. Въ обѣихъ ротахъ было не болѣе двухсотъ штыковъ, а на какуюнибудь помощь извнѣ имъ уже рассчитывать было нечего. Врываясь въ крѣпость, никто не зналъ въ какихъ именно силахъ встрѣтятъ непріятеля, но всѣ знали, что этотъ непріятель, за исключеніемъ быть можетъ нѣсколькихъ малодушныхъ бѣглецовъ, поклялся умереть съ оружіемъ въ рукахъ, и потому всѣ рассчитывали не на безмолвную сдачу, а на упорный и кровавый бой. И если бы даже тѣ триста турокъ, которые положили оружіе, пошли въ кинжалы и шашки—не многимъ изъ ширванцевъ пришлось бы вмѣстѣ съ другими торжествовать побѣду. Надо было много рѣшимости, холоднаго героизма, увѣренности въ самихъ себѣ, чтобы отважиться на такое рискованное дѣло. Такъ именно и взглянулъ императоръ Николай Павловичъ, сумѣвшій увидѣть въ этомъ порывѣ проявленіе высшей военной доблести. Подполковнику Бородину пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 3-го класса,¹⁾ а барону Остенъ-Сакену алмазные знаки ордена св. Анны 1-й степени. Паскевичъ назначенъ былъ шефомъ Ширванскаго полка. Въ то же время государь писалъ изъ-подъ Варны барону Дибичу:— „Нашъ храбрый Паскевичъ опять одержалъ блестящіе успѣхи: Ахалкалаки взяты штурмомъ двумя ротами Ширванскаго полка. Я далъ Ширванскій полкъ Паскевичу—они достойны другъ друга“. ²⁾

Покореніе Ахалкалакъ успокоило пограничную часть Сомхетіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ установило для русскаго корпуса прямое и бе-

---

¹⁾ Награда эта не застала его въ живыхъ. Онъ былъ убитъ 15-го августа на штурмѣ Ахалцыха.

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 258 и 1828 г. № 357.

зопасное сообщеніе, какъ съ Гумрами, такъ и съ Тифлисомъ черезъ Цалку и Башкичетъ, откуда ожидались подкрѣпленія.

Теперь дорога къ Ахалцыху была открыта. Но на пути къ нему стояла еще одна небольшая крѣпостца, — Хертвисъ, чрезвычайно важная по тому положенію, какое она занимала почти въ неприступныхъ горахъ, гдѣ сходились дороги изъ Ахалкалакъ, Ардагана и Ахалцыха. Она стояла на правомъ берегу рѣчки Ахалкалакъ-чай, при самомъ впаденіи ея въ Куру, тамъ гдѣ эта рѣка, разсѣкая горную высокую цѣпь Цыхи-джвари, образуетъ глубокое ущелье. Скалистые берега обѣихъ рѣкъ возвышаются здѣсь сажень на двѣсти и дѣлаютъ приближеніе къ Хертвису возможнымъ только налегкѣ, безъ обозовъ. Самая дорога, вступая въ ущелье, на протяженіи двухъ верстъ, находится подъ выстрѣлами цитадели.

Для покоренія Хертвиса гр. Паскевичъ назначилъ гренадерскую бригаду, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка и 200 человекъ конныхъ татаръ, подъ начальствомъ барона Остенъ-Сакена. Пока пѣхота поднималась на горы, вся кавалерія съ однимъ казачьимъ орудіемъ, подъ командой полковника Раевского, прошла впередъ и 26-го іюля вступила въ ущелье. Скоро передъ нею показался Хертвисъ, весь окруженный густою зеленью садовъ. Тамъ уже знали о печальной судьбѣ Ахалкалакъ, и жители, не полагаясь больше на неприступность своей цитадели, толпами бѣжали въ горы. Цитадель молчала. Раевскій съ татарской конницей пустился за бѣгущими, и, пробираясь въ извилинахъ ущелья, вдругъ на одномъ крутомъ поворотѣ очутился передъ самыми стѣнами крѣпости. Съ нимъ было только 20 татаръ. Не раздумывая долго, онъ потребовалъ сдачи. Ворота растворились, и Раевскій торжественно въѣхалъ въ цитадель, гдѣ взялъ 13 пушекъ и одну мортиру. ¹⁾

Занятіе Хертвиса представляло намъ двѣ важныя выгоды. Во первыхъ, оно пресѣкало прямое сообщеніе между Ахалцыхомъ и Ардаганомъ, и потому всѣ турецкія подкрѣпленія, направляемая съ той стороны, должны были или проходить подъ самыми выстрѣлами крѣпости, или слѣдовать кружными путями по глубо-

---

¹⁾ Тамъ же Дѣла 1828 г. №№ 50 и 106

кимъ поперечнымъ оврагамъ, а во-вторыхъ, всѣ жители населенной и обработанной долины Куры, загнанные страхомъ русскаго нашествія въ далекія ущелья, теперь стали возвращаться въ свои дома, приступили къ уборкѣ хлѣба и начали охотно доставлять его въ русскій лагерь. Такимъ образомъ, въ Хертвисѣ, подъ охраной небольшого гарнизона, явилась возможность устроить значительные склады продовольствія.

Въ то время, какъ Раевскій овладѣлъ Хертвисомъ, русскій лагерь все еще стоялъ подъ Ахалкалаками, куда стали подходить резервы изъ Грузіи. Изъ Манглиса прибылъ баталіонъ Эриванскаго полка; изъ Башкичета—баталіонъ 41-го Егерскаго съ 2-мя легкими орудіями 21-й артиллерійской бригады. Изъ Гумръ—двѣ роты Козловскаго полка и, наконецъ, изъ Цалки—двѣ роты херсонскихъ гренадеръ; еще ранѣе ихъ явились 250 донскихъ казаковъ и 200 конныхъ татаръ Борчалинской дистанціи. Дѣйствующій корпусъ, такимъ образомъ, увеличился на три баталіона пѣхоты и 450 всадниковъ. Ожидали еще 6 ротъ херсонскихъ гренадеръ, направленныхъ черезъ Боржомское ущелье, но они могли придти только къ 7-му августу.¹⁾ Теперь предстояла осада Ахалцыха.

Но прежде чѣмъ говорить о кровавыхъ битвахъ подъ стѣнами этого города, необходимо сказать нѣсколько словъ о минувшихъ судьбахъ его и той исторической роли, которую ему приходилось играть въ цвѣтушія времена Иверіи, (Грузіи), когда по всему востоку гремѣло славное имя грузинской царицы Тамары,—„Тамаръ-детопали“.

Ахалцыхъ въ то время былъ столицей Верхней Карталиніи и назывался „городомъ князей“, такъ какъ въ немъ жили намѣстники, именовавшіеся тогда атабегами. Въ развалинахъ Сафарскаго монастыря, лежащаго въ мрачномъ ущельѣ, верстахъ въ восьми отъ Ахалцыха, и теперь еще видны слѣды прежняго величія и жизни этихъ восточныхъ сатраповъ. Каменная ограда, окружавшая когда-то святую обитель, давно развалилась, но за нею еще стоятъ остатки дворца атабеговъ и цѣлый рядъ надгробныхъ часовенъ, служившихъ имъ усыпальницами.

---

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1828 г. № 109.

Когда Иверія, истощивъ свои послѣднія силы въ борьбѣ съ сильнѣйшими сосѣдями, стала клониться къ упадку, Ахалцыхская область отъ нея отложила, и атабеги провозгласили себя независимыми. Вынужденные этимъ на борьбу съ грузинскими царями, они обратились за помощью къ лезгинамъ, и тогда то впервые появляются здѣсь ополченія кавказскихъ горцевъ. Многіе изъ нихъ, прельстясь роскошною природою страны, скоро забыли мрачныя вершины Кавказа и основались въ новой землѣ, гдѣ имъ не возбранялись привычныя для нихъ набѣги на сосѣднія области. Особенно страдала отъ нихъ Карталинія. Слухъ о привольной жизни сталъ привлекать сюда удалцовъ со всего Кавказа, и они то не только упрочили независимость области, но и развили въ природныхъ жителей ея воинственныя свойства, которыя скоро сдѣлали имя Ахалцыха извѣстнымъ всей Малой Азіи.

Въ концѣ XVI вѣка Ахалцыхскою областью овладѣваютъ турки. Атабеги еще удерживаютъ власть, но уже съ титуломъ турецкихъ пашей, да и это достоинство покупаютъ цѣною измѣны своей вѣрѣ и народности. Недолго, однако, пришлось ренегатамъ управлять страной даже и въ этой условной формѣ. Начались кровавыя персидско-турецкія войны, Ахалцыхъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и, наконецъ, въ половинѣ XVII столѣтія окончательно остался за турками. Съ этихъ поръ турецкій вождь Гассанъ со всѣмъ своимъ потомствомъ и наслѣдовалъ отъ грузинскихъ атабеговъ титулъ паши ахалцыхскаго. Послѣдняя тѣнь грузинской самостоятельности пала на вѣки, и владычество турокъ прочно утвердилось надъ всею Верхнею Карталиніей.

Турецкіе паши стремились прежде всего омусульманить представителей грузинскаго дворянства. Послѣдніе не оказались на высотѣ своей политической задачи, а ради полученія пустыхъ знаковъ внѣшнихъ отличій, ради корысти и личнаго благополучія, старѣйшіе грузинскіе роды оставили вѣру своихъ предковъ и склонили колѣна передъ кораномъ. Совращенный съ истиннаго пути примѣромъ своего дворянства, простой народъ скоро забылъ православныя церкви и могилы отцовъ, покоившихся подъ сѣнью христіанскихъ храмовъ. Оставшіяся безъ пастырей и паствы церкви, ско-

ро обратились въ развалины, и лишь величавые остатки ихъ по нынѣ безмолвно, но краснорѣчиво говорятъ о горькой судьбѣ обитавшаго здѣсь христіанскаго народа. Въ Ахалцыхской области водворились турецкіе порядки, и память о быломъ осталась лишь въ имени народа, который, будучи магометанскимъ по вѣрѣ, называетъ себя по прежнему „гурджи.“ Большинство его, однако, изъ политическихъ видовъ было выселено внутрь турецкой имперіи, и ко времени Паскевича населеніе пашалыка состояло не только изъ природныхъ турокъ, но изъ аджарцевъ, лазовъ, карапаховъ, курдовъ и туркменъ.

Аджарцы—это тѣ же грузины. Но такъ какъ они жили въ лѣсистой и горной странѣ, то долѣе другихъ отстаивали свою независимость и болѣе другихъ сохранили у себя стародавніе грузинскіе обычаи. Въ горныхъ санджакахъ, посреди едва проходимыхъ ущелій, поселились лазы, одинъ изъ древнѣйшихъ азіатскихъ народовъ, сохранившіе всѣ боевыя доблести предковъ.

Въ рядахъ турецкихъ войскъ они составляли лучшую пѣхоту, отличаясь мѣткой стрѣльбой и умѣньемъ держаться въ горахъ на пересѣченной мѣстности. Какъ лазы были замѣчательны способностью къ пѣшему бою, такъ карапахи, курды и туркмены представляли отличную легкую конницу. Что же касается потомковъ тѣхъ горныхъ выходцевъ, которые были извѣстны подъ общимъ именемъ лезгинъ, то они населяли преимущественно самый Ахалцыхъ и его окрестности.

По системѣ, принятой турецкимъ правительствомъ, мусульмане Ахалцыхской провинціи освобождались отъ всѣхъ податей, но зато были обязаны имѣть исправное вооруженіе и по первому требованію являться въ поле. Христіане и евреи не участвовали въ этихъ народныхъ ополченіяхъ; они отбывали подать за всѣхъ и, сверхъ того, платили по червонцу съ души на содержаніе войска. Такимъ образомъ, Ахалцыхскій пашалыкъ рѣзко отличался отъ сосѣдняго съ нимъ Карскаго пашалыка, гдѣ мирное населеніе или вовсе не участвовало, или принимало только пассивное участіе въ оборонѣ родины.

Желая по возможности болѣе усилить этотъ боевой элементъ въ краѣ, турецкое правительство издавна открыло въ него свободный доступъ всѣмъ бѣглецамъ и преступникамъ, преслѣдуемымъ

законами ихъ страны. Это были люди, которымъ терять было нечего и которымъ не было мѣста на родинѣ. Вотъ эти то бездомные люди и создали изъ крѣпкаго Ахалцыха разбойничье гнѣздо, висѣвшее, какъ дамокловъ мечъ, надъ сосѣдней Грузіей; турецкіе правители смотрѣли на это сквозь пальцы, требуя лишь чтобы жители служили прочнымъ и твердымъ оплотомъ малоазійскихъ провинцій. Зато и буйные обитатели Ахалцыхскаго пашалыка знали себѣ цѣну, и ни одинъ разъ народная сила ихъ смиряла и обуздывала неограниченную власть своихъ повелителей. Даже послѣдній султанъ, преслѣдуя и истребляя янычаръ повсюду, не смѣлъ коснуться Ахалцыхскаго пашалыка, и эти опасные враги правительства безбоязненно жили тамъ до самаго присоединенія Ахалцыха къ Россіи. Ко времени Паскевича, пашалыкъ, имѣвшій до 140 тысячъ жителей магометанъ, вмѣщалъ въ себѣ 24 санджака, т. е. въ пять разъ болѣе, чѣмъ пашалыкъ Карскій.

Съ этими то воинственными племенами Паскевичу и предстояла теперь упорная борьба.

Изъ всѣхъ пяти крѣпостей—двѣ: Ахалкалаки и Хертвисъ уже находились въ русскихъ рукахъ, но оставались еще непокоренными три: Ацхуръ,—закрывавшій входъ въ Боржомское ущелье, Ардаганъ,—на пути къ Эрзеруму, и наконецъ, самый Ахалцыхъ,—хранившій еще память о томъ, какъ за 19 лѣтъ передъ симъ онъ устоялъ передъ напоромъ русской силы, когда подходилъ къ нему самъ главнокомандующій Тормасовъ. Событіе это утвердило въ ахалцыхахъ мысль о ихъ непобѣдимости, и этотъ подъемъ народнаго духа сказался, между прочимъ, въ гордомъ письмѣ ахалцыхскихъ старшинъ къ Кіосъ-Магометъ-пашѣ, когда тотъ извѣстилъ, что идетъ къ нимъ на помощь. „Въ нашихъ стѣнахъ, писали старшины, болѣе 10 тысячъ храбрыхъ защитниковъ, и потому мы не нуждаемся въ помощи твоихъ воиновъ, которыхъ трудно будетъ про довольствовать.— Сами выдержимъ всѣ усилія русскихъ“.

Отъ Ахалкалакъ къ Ахалцыху вели двѣ дороги: одна, кружная, въ 160 верстъ, удобная для колеснаго движенія и изобильная пастбищами, шла на Ардаганъ; другая кратчайшая, имѣла всего верстъ 60, но зато проходила черезъ высокій лѣсистый хребетъ Цихисъ-Джвари,

по такимъ мѣстамъ, гдѣ до тѣхъ поръ не только не проѣзжало ни одной арбы, но и вьючная ѣзда считалась опасной. Несмотря на то, Паскевичъ избралъ именно послѣдній путь, такъ какъ кратчайшее разстояніе давало ему возможность взять крѣпость прежде, чѣмъ подойдутъ къ ней подкрѣпленія.

Но едва войска сдѣлали одинъ переходъ въ этомъ направленіи, какъ получилось извѣстіе, что турецкая армія Кіосъ-Магометъ-паши, спустившись съ Согоанлугскихъ горъ и оставивъ Карсъ въ сторонѣ, идетъ къ Ардагану. Извѣстія эти шли отъ карапаховъ. Паскевичъ тотчасъ отправилъ къ нимъ прокламацію, приглашая ихъ вступить въ русское подданство, но получилъ въ отвѣтъ, что они охотно исполнили бы его желаніе, если бы имъ не угрожало приближеніе турецкихъ войскъ, которыя идутъ въ числѣ 30-ти тысячъ и 15-ти орудій. Отвѣтъ этотъ чрезвычайно усложнилъ положеніе русскаго корпуса и снова выдвинулъ передъ Паскевичемъ вопросъ о выборѣ дороги. Сначала возникла было мысль свернуть на Ардаганъ, чтобы разбить турокъ въ полевомъ сраженіи; но съ другой стороны возникли подозрѣнія въ вѣрности самихъ извѣстій, такъ какъ карапахамъ не трудно было выдумать ихъ, чтобы найти благовидный предлогъ отдѣлаться отъ русской зависимости. Въ послѣднемъ же случаѣ, идя на Ардаганъ, Паскевичъ бесполезно терялъ драгоцѣнное время, а главное, овладѣвъ Ардаганомъ, долженъ бы былъ оставить въ немъ достаточно сильный гарнизонъ, т. е. раздробить войска, которыхъ и безъ того было немного. Колебаніе, однако, продолжалось недолго.

Не имѣя возможности по малочисленности своей кавалеріи сдѣлать сильный поискъ къ сторонѣ Ардагана, онъ отправилъ туда на развѣдки одного капитана Шемиръ-Беглярова, бывшаго при немъ переводчикомъ, а самъ повелъ войска на-прямикъ черезъ горный хребетъ Цихисъ-Джвари—одинъ изъ самыхъ недоступныхъ отроговъ Малаго Кавказа, какихъ не встрѣчается ни въ Арменіи, ни въ Грузіи. Въ тѣхъ горахъ, не исключая заоблачныхъ, существуютъ хотя какія нибудь аробныя дороги, а здѣсь не было даже вьючныхъ. Чтобы отважиться на такой походъ, нужно было имѣть дѣйствительно глубокую вѣру въ мощную натуру кавказскаго солдата. И въ военной исторіи немного

найдется примѣровъ, гдѣ бы усилія человѣка до такой степени торжествовали надъ преградами, воздвигаемыми передъ нимъ природою. Безъ путей и дорогъ шла русская армія черезъ высокія горы и дремучіе лѣса, а за нею тянулась осадная артиллерія и скрипѣли арбы ея тяжелаго и длиннаго парка. Къ каждому орудію приходилось назначать по 100 и болѣе человѣкъ рабочихъ; даже легкія повозки и тѣ тащили на канатахъ, или же подвязывали на спускахъ къ колесамъ огромныя сосновыя деревья, которыя, служили тормазами. По словамъ одного очевидца, при одномъ крутомъ поворотѣ на спускѣ, 24-хъ фунтовая осадная пушка, вырвавшись изъ сильныхъ рукъ 120 гренадеръ, опрокинулась и своею страшною тяжестью исковеркала желѣзныя дроги, на которыхъ лежала, раздавила дышловыхъ лошадей, и, покотившись внизъ, вырвала съ корнями двѣ вѣковыя сосны. По такой то ужасной дорогѣ войска въ три дня, безъ отдыха, прошли 60 верстъ,---и 3-го августа, въ лучахъ уже заходившаго солнца, передъ ними открылся Ахалцыхъ.¹⁾

На зарѣ 3-го августа авангардъ спустился съ горъ и сталъ на правомъ берегу Куры, а за нимъ постепенно подходили и остальные войска. Къ 4-му августа въ долину Куры стянулся весь корпусъ и расположился лагеремъ въ 6½ верстахъ отъ крѣпости. Здѣсь явился къ Паскевичу капитанъ Бегляровъ, ѣздившій, какъ уже сказано, на развѣдки и привезъ извѣстіе, что Кіосъ-паша уже прошелъ Ардаганъ и сегодня, т. е. 4-го августа, долженъ быть въ Ахалцыхъ. Отдаленные залпы крѣпостныхъ орудій не замедлили подтвердить это извѣстіе. Было ясно, что турки предупредили русскій корпусъ и что ему теперь придется имѣть дѣло уже не съ однимъ гарнизономъ. Между тѣмъ въ корпусѣ, со всѣми прибывшими подкрѣпленіями, считалось только 8 тысячъ штыковъ. Это были полки ермоловскаго закала, вернувшіеся изъ Персіи, испытанные въ Карсѣ,—но все же ихъ было слишкомъ мало противъ 40 тысячъ отважныхъ людей, прикрытыхъ еще грозной крѣпостью.

Къ полудню гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, которыми крѣпость, вѣроятно, встрѣчала прибывшихъ пашей, смолкнулъ. Но въ су-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 258.

меркахъ поднялась сильная ружейная перестрѣлка за Курою—это турки напали на нашихъ фуражировъ. Такъ какъ косить траву больше было негдѣ, то Паскевичъ немедленно переправилъ за рѣку баталіонъ егерей 39-го полка съ подполковникомъ Миклашевскимъ, приказавъ ему на одной изъ высотъ у деревни Чала заложить редутъ. Предосторожность оказалась далеко не лишнею, и редутъ пригодился намъ на слѣдующее же утро.

Наступило 5 августа. Оставивъ на прежнемъ мѣстѣ вагенбургъ, подъ прикрытіемъ 42-го Егерскаго полка съ 12 орудіями, Паскевичъ приказалъ остальнымъ полкамъ переправляться на лѣвый берегъ Куры. Непріятель пытался помѣшать переправѣ, но огонь изъ редута Миклашевскаго заставилъ его отодвинуться къ городу. Тѣмъ временемъ русскія войска продвинулись нѣсколько впередъ и остановились на лѣвомъ берегу рѣки Посховъ-чая, омывающей южныя стѣны Ахалцыха. Былъ полдень, солнце палило невыносимо; солдаты составили ружья въ козлы и отдыхали подъ прикрытіемъ густой завѣсы стрѣлковъ. Конныя толпы турокъ дерзко наѣздничали передъ русскою цѣпью, но стрѣлкамъ не велѣно было завязывать боя.

Графъ Паскевичъ въ это время производилъ рекогносцировку и остановилъ вниманіе на высокомъ холмѣ Таушанъ-тапа, который командовалъ крѣпостью. Съ этого пункта и рѣшено было вести главную атаку, и чтобы стать ближе къ городу, въ 4 часа пополудни, когда жара замѣтно спала, колонны стали въ ружье и съ барабаннымъ боемъ двинулись впередъ. 16 батарейныхъ орудій рысью выѣхали на позицію и открыли учащенный огонь по турецкимъ баталіонамъ, стоявшимъ въ полѣ. Турки отступили: часть ихъ потянулась въ крѣпость, другая—на противоположный берегъ Посховъ-чая, гдѣ мѣстность, изрытая оврагами, позволяла имъ незамѣтно подходить къ лѣвому флангу нашего лагеря. Высота Таушанъ-тапа занята была безъ выстрѣла, и Паскевичъ приказалъ возвести на ней сильный редутъ. Позади этого-то холма, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ восточнаго фаса города, русскія войска и разбили свой лагерь. Правый флангъ его былъ прикрытъ редутомъ, поставленнымъ еще наканунѣ, а для прикрытія лѣваго—Паскевичъ выдвинулъ на

правый берегъ рѣки баталіонъ Миклашевскаго, приказавъ ему заложить новый редутъ такъ, чтобы преградить дороги, выходящія изъ горъ со стороны небольшой подгородной деревни Марда. Туда же, на правый берегъ отправленъ былъ и сводный кавалерійскій полкъ, изъ дивизіона драгунъ и дивизіона уланъ, подъ командой полковника Раевского.

Было 6 час. вечера. Графъ Паскевичъ послалъ за вагенбургомъ, чтобы успѣть до наступленія ночи переправить его черезъ Куру; но едва переправа и движеніе русскихъ обозовъ къ лагерю обозначилось ясно, какъ вся непріятельская конница, скрывавшаяся дотолѣ въ оврагахъ, вдругъ тронулась впередъ и по обѣ стороны Посховъ-чая понеслась въ карьеръ, стараясь прорваться къ вагенбургу. На лѣвомъ берегу рѣки Эриванскій полкъ съ пѣшею батареею успѣлъ, однако, преградить ей дорогу, и турки, принятыя картечью, круто повернули влѣво, чтобы проскакать ложиной. Здѣсь они наткнулись на баталіонъ грузинцевъ, стоявшій также съ пѣшею батареею на самой оконечности нашего праваго фланга. Тогда они взяли еще лѣвѣе и встрѣтились со 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, скакавшимъ на тревогу. Нижегородцы стремительно ударили на турокъ, а тутъ подоспѣли еще два казачьихъ полка—и непріятель, потерявъ знамя, загнанъ былъ подъ самыя стѣны крѣпости.

Такъ окончилось дѣло на правомъ флангѣ. За Посховъ-чаемъ оно неожиданно приняло характеръ чрезвычайно кровавый. Егеря Миклашевскаго, застигнутые турецкою конницею, какъ разъ на построикѣ редута, едва успѣли взяться за ружья, какъ были окружены со всѣхъ сторонъ. Егеря держались стойко, но въ концѣ концовъ были бы раздавлены, если бы на помощь къ нимъ не подоспѣлъ баталіонъ эриванцевъ, бѣгомъ направленный Паскевичемъ съ праваго фланга. Замѣтивъ ихъ приближеніе, непріятель отхлынулъ отъ егерей—и всею массою обрушился на подходившіе сюда эскадроны Раевского.

Сводный полкъ только что выбрался изъ крутыхъ овраговъ, какъ первая линія его съ мѣста понеслась въ атаку. Командиръ уланскаго полка полковникъ Анрепъ самъ повелъ серпуховскій

эскадронъ и врѣзался въ густыя толпы непріятеля. Весь лѣвый флангъ турокъ былъ опрокинутъ, и уланы погнали его къ Ахалцыху. Одновременно съ этимъ 2-й эскадронъ нижегородцевъ, бывшій подъ командой маіора Казасси, смялъ правое крыло непріятеля. Въ горячемъ преслѣдованіи оба эскадрона разъединились и не могли уже помогать другъ другу, — обстоятельство, едва не послужившее причиной гибели нижегородцевъ: они занеслись слишкомъ далеко и въ одно мгновенье были окружены тысячными толпами. Видя, что въ конномъ строю устоять невозможно, драгуны спѣшились, сомкнулись въ кружокъ и въ такомъ положеніи держались нѣкоторое время. Но ряды быстро рѣдѣли, убитые кони разстраивали кругъ, оборона слабѣла—и эскадронъ, держа въ поводу лошадей, медленно сталъ отодвигаться назадъ. Только одна минута колебанія,—и пораженіе его было бы неизбежно. Но къ счастью, колебанія не было. И какъ ни тяжело было храброму эскадрону рассчитывать за свое увлеченіе, но надежда на выручку его не покидала. Дѣйствительно, подполковникъ князь Андрониковъ, командовавшій второю линією, скоро замѣтилъ опасное положеніе драгунъ и съ первымъ эскадрономъ нижегородцевъ во весь опоръ прискакалъ на помощь; съ нимъ вмѣстѣ прибыли и два донскія конныя орудія. Картечь смѣшала непріятеля. Тогда драгуны Казасси, воспользовавшись этою минутою, быстро вскочили на коней—и оба эскадрона разомъ ринулись на массу конныхъ турокъ.

Описывать этотъ бой невозможно: все смѣшалось въ одну кучу, и отдѣльныхъ подвиговъ было столько же, сколько было людей въ эскадронѣ. Такъ, нѣсколько десятковъ турокъ набросились на прапорщика Буткевича. Издалека видно только, какъ, сверкая на солнцѣ, поднимались и опускались вражескія сабли. Рядовой Макаровъ бросился къ нему на помощь, но не могъ спасти своего офицера и только отстоялъ и вынесъ изрубленное тѣло его. Въ другомъ мѣстѣ какой то отчаянный богатырь курдъ изрубилъ уже двухъ драгунъ и насѣлъ на третьяго, какъ прапорщикъ Попковъ смертельнымъ ударомъ сабли повергъ его на землю. Здѣсь драгунъ одинъ схватился съ цѣлою кучей куртинъ, но на помощь къ нему несется прапорщикъ Чавчавадзе 3-й; онъ разогналъ турокъ и

вырвалъ изъ ихъ рукъ драгуна, уже раненаго тремя ударами пикъ; подъ другимъ Чавчавадзе была убита лошадь; онъ остался пѣшимъ одинъ, отбиваясь отъ множества враговъ. Его выручилъ юнкеръ Родичъ... Тамъ офицеръ спасаетъ солдата, здѣсь солдатъ умираетъ за своего офицера. Взаимная выручка сдѣлала драгунъ неодолимыми, и тысячи турокъ, не выдержавъ этой сказочной схватки, бѣжали передъ двумя эскадронами.¹⁾

Но бой еще не окончился. Густыя сумерки уже спускались на землю, когда утомленные и разстроенные погоней наши эскадроны вдругъ атакованы были новыми, еще большими силами турокъ. На этотъ разъ гибель ихъ казалась уже неизбежною. Но тутъ то и проявилась вся мощь полкового духа. Увидѣвъ опасность, оба эскадрона быстро спѣшились, сбатовали коней и окружили ихъ своими стрѣлками съ трехъ сторонъ, а четвертый, т. е. тыломъ, прислонились къ горѣ. Въ такомъ положеніи они выдержали цѣлый рядъ атакъ, длившихся болѣе часу, пока на помощь къ нимъ не прибѣжалъ баталіонъ Миклашевскаго. Тогда драгуны снова сѣли на коней и гнали непріятеля до самого города.

Бой завершился однимъ характернымъ эпизодомъ, обратившимъ на себя особое вниманіе графа Паскевича.

Въ то время, когда большая часть кавалеріи уже введена была въ дѣло, и въ резервъ оставался только одинъ эскадронъ Борисоглѣбскаго уланскаго полка, стоявшій во взводной колоннѣ, подъ командой ротмистра Лау,—вдругъ двухтысячная толпа турокъ, никѣмъ незамѣченная, скрытно пробралась глухимъ, бездорожнымъ оврагомъ и ринулась въ тылъ борисоглѣбцамъ. Отъ этой минуты зависѣло все. Дрогги уланы,—и русскій корпусъ могъ потерять половину своей кавалеріи. Но ротмистръ Лау былъ отличнѣйшій офицеръ, обладавшій необычайнымъ спокойствіемъ духа. Внезапность его не озадачила. „Назадъ, строй эскадронъ!“ скомандовалъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, —и эскадронъ, развернувшись въ карьеръ, сталъ фронтомъ къ непріятелю. Еще секунда—прозвучала труба, пики склонились, и эскадронъ кинулся „съ мѣста маршъ - маршъ.“

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла о наградахъ за 1828 г.

Турки, пораженные моментальнымъ превращеніемъ маленькой кучки людей въ стройный развернутый фронтъ, не выдержали удара и бросились въ ту же лощину, изъ которой выскочили. Уланы остановились и, свернувшись опять во взводную колонну, рысью возвратились на прежнее мѣсто. „Стой равняйся! Пики на плечо!“, скомандовалъ Лау,—и эскадронъ сталъ, точно за минуту передъ тѣмъ и не готовился вступить въ упорную битву съ сильнѣйшимъ врагомъ. Паскевичъ съ высокаго кургана видѣлъ это молодецкое дѣло и въ подвигъ храбраго ротмистра справедливо оцѣнилъ больше всего то, что, онъ не увлекаясь погоней, поспѣшилъ возвратиться къ прямому назначенію—служить резервомъ для конницы.

Дѣло ротмистра Лау послужило эпилогомъ кроваваго боя 5-го августа. Нижегородцы и Серпуховскіе уланы вернулись въ лагерь уже ночью на взмыленныхъ и измученныхъ коняхъ. Потери были большія. Въ официальной реляціи Паскевича значится, что нашъ уронъ не превышалъ вообще 44, выбывшихъ преимущественно изъ эскадрона Казасси. Но совсѣмъ не то говоритъ въ своихъ запискахъ извѣстный своею правдивостью подполковникъ князь Андрониковъ:¹⁾ „Въ одномъ моемъ эскадронѣ—пишетъ онъ,—убито 16 нижнихъ чиновъ и ранено 41; у Казасси же, кромѣ офицера, однихъ убитыхъ было около 50 драгунъ“. Какъ бы въ подтвержденіе этого и самъ Паскевичъ писалъ государю, „что кавалерійскій бой 5-го августа есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ въ военныхъ событіяхъ, которые обращаютъ на себя особое вниманіе и даютъ настоящую мѣру для опредѣленія превосходной храбрости полковъ Нижегородскаго драгунскаго и Своднаго уланскаго.“²⁾ Онъ предавалъ такое значеніе этому кавалерійскому дѣлу, что ходатайствовалъ о награжденіи полковника Раевского орденомъ св. Георгія 3-го класса, но государю угодно было замѣнить эту награду чи-

---

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ отъ кавалеріи извѣстный побѣдитель Турокъ въ 1853 году подъ Ахалцыхомъ и въ 1854—подъ Чолокомъ.

²⁾ Подробности этого боя мы заимствовали изъ наградныхъ списковъ. Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа Дѣла 1828 года № 29 и 1829 года № 230 и изъ записокъ самаго князя Андроникова (рукопись), который вначалѣ ихъ говоритъ: „Я описываю подвиги просто и безъискусственно; они разнятся съ реляціями того времени, но вѣрны въ томъ повѣствуютъ одну истину.“

номъ генераль-маіора. Георгія 4-й степени получили полковникъ Анрепъ, маіоръ Казасси и ротмистръ Лау.¹⁾

Бой 5-го августа показалъ, что турки располагають значительной конницей, и Паскевичу пришлось прежде всего подумать о безопасности собственнаго лагеря. Съ этою цѣлью заложены были два новые редута для прикрытія нашего тыла и праваго фланга, а третій, вооруженный 9-ю батарейными орудіями и одной двухпудовою мортирою, поставленъ между курганомъ Таушанъ-тапа и крѣпостью, противъ восточныхъ воротъ ея, всего въ трехстахъ саженьяхъ отъ городского палисада. Кромѣ того, самый скатъ кургана, обращенный къ крѣпости, былъ усиленъ каменными завалами для стрѣлковъ и ложементомъ для роты пѣхоты.

Между тѣмъ, 7-го августа къ намъ прибыли послѣднія подкрѣпленія изъ Грузіи—шесть ротъ Херсонскаго полка, казачій полкъ Грекова и 4 орудія, подъ начальствомъ генераль-маіора Попова. Небольшой отрядъ этотъ, какъ было сказано раньше, еще съ начала войны отправленъ былъ въ Боржомское ущелье для разработки дороги къ Ахалцыху. Въ наши дни въ цѣлой Грузіи нѣтъ болѣе красиваго и живописнаго мѣста, какъ знаменитый Боржомъ съ его дворцами, дачами, необъятными парками и цѣлебными минеральными водами, но въ тѣ времена, когда Паскевичъ шелъ къ Ахалцыху, эта была дикая, угрюмая, пустынная мѣстность, въ дремучихъ дебряхъ которой скрывались только хищные звѣри, да еще болѣе хищные лезгины, дѣлавшіе отсюда свои набѣги на Карталинію. Изъ трехъ дорогъ, ведущихъ изъ Грузіи—боржомская была самая трудная; она лѣпилась по лѣвому берегу Куры и такъ была стѣснена нависшими скалами, что по ней едва могли проходить грузинскія арбы; а тамъ, гдѣ рѣка стремительно билась о преграждавшіе ей путь каменные утесы, и этотъ трудный путь исчезалъ. Херсонцамъ приходилось вести дорогу обходами по карнизамъ скалъ, поднимаясь нерѣдко на высоту шести тысячъ футовъ. Самый выходъ изъ ущелья, обращенный къ сторонѣ Ахалцыха, сторожилъ небольшой, но крѣпкій замокъ Ацхуръ,

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 года. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 8-го августа.

построенный на высоком отвѣсномъ утесѣ. Это былъ ключъ Боржомскаго ущелья. И здѣсь то, гдѣ тѣснина такъ суживается, что дорога пролегаетъ подъ самыми пушками замка, ацхурскій гарнизонъ преградилъ дорогу херсонцамъ. Гренадеры прогнали вылазку и, переправившись черезъ Куру подъ огнемъ непріятеля, вышли наконецъ въ долину. Турецкая конница маячила по сосѣднимъ горамъ, но не осмѣлилась помѣшать ихъ соединенію съ корпусомъ графа Паскевича.

Съ прибытіемъ Попова русскій корпусъ усилился еще на тысячу восемьсотъ штыковъ, но и этихъ силъ (всего тринадцать съ половиной баталіоновъ) было недостаточно, чтобы отважиться на штурмъ Ахалцыха, въ виду стоявшей подъ его стѣнами 30-ти тысячной вспомогательной турецкой арміи. Такъ со времени 5-го августа прошло три дня, а турки попрежнему продолжали бездѣйствовать, теряя дорогое время и давая намъ полную возможность укрѣплять свою позицію. Мы находились также въ выжидательномъ положеніи, не зная еще что намѣренъ предпринять непріятель. Но тутъ случилось одно обстоятельство, заставившее Паскевича какъ говорится, итти на проломъ.

8-го августа, утромъ получилось тревожное извѣстіе, что на помощь къ Ахалцыху идутъ еще 10 тысячъ лазовъ, подъ начальствомъ паши Мейданскаго, и что черезъ нѣсколько дней они уже будутъ подъ крѣпостью. Явилось предположеніе, что турки только потому и бездѣйствовали, чтобы дождаться прибытія лазовъ. и затѣмъ уже разомъ всѣми силами нагрянуть на русскій корпусъ. графъ Паскевичъ собралъ военный совѣтъ. Подавляющее неравенство русскихъ и турецкихъ силъ было такъ очевидно, что на рѣшеніе совѣта поставленъ былъ роковой вопросъ: оставаться ли подъ Ахалцыхомъ, или отступить черезъ Боржомское ущелье въ Грузію, чтобы собрать тамъ всѣ подкрѣпленія и только тогда уже двинуться къ Ахалцыху? Пущинъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ участвовалъ въ этомъ совѣтѣ, и, какъ младшій, первый подалъ голосъ за наступленіе. „Мое мнѣніе, сказалъ онъ, сегодня же ночью внезапно напасть на турокъ въ ихъ собственномъ лагерѣ, разбить ихъ и тѣмъ освободиться отъ блокады, въ которой они

держатъ наши войска.“ Мнѣніе это было принято единогласно.

Съ вечера были отданы всѣ приказанія. Генералъ-маіоръ Муравьевъ съ своей гренадерской бригадой, Своднымъ баталіономъ пѣхоты и тремя ротами піонеръ остался въ лагерѣ для прикрытія нашихъ редутовъ; а остальные войска—8 баталіоновъ пѣхоты, вся конница и 25 орудій предназначались для ночной экспедиціи, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго. Изъ показаній лазутчиковъ Паскевичъ зналъ, что турецкая армія стояла въ четырехъ лагеряхъ, изъ которыхъ первый располагался на высотахъ сѣвернаго фаса крѣпости; другой,—на западѣ, близъ укрѣпленной башни Кая-дага; а остальные два—у с. Су-флиса и Ашагъ-Памача на большой ардаганской дорогѣ. Атака должна была начаться съ сѣвернаго лагеря, но кратчайшій путь къ нему преграждался сильнымъ люнетомъ, сложеннымъ изъ бревенъ и укрѣпленнымъ двумя бастіонами.

Его нужно было обойти и поискать другой, болѣе скрытый путь, а это, при совершенномъ недостаткѣ благонадежныхъ проводниковъ, было нелегко. Къ счастью, нѣкто Мута-бекъ, одинъ изъ ахалкалакскихъ старшинъ, плѣненный при взятіи крѣпости, добровольно предложилъ свои услуги,—и на его то сомнительной вѣрности Паскевичъ основалъ весь успѣхъ экспедиціи. Мута-бекъ отлично зналъ окрестную мѣстность и повелъ отрядъ обходною дорогою на селеніе Цыира и Цхрутъ. Путь этотъ не представлялъ особенныхъ трудностей; но ночь была такая темная, что войска при частыхъ подъемахъ и спускахъ растянулись, а Херсонскій полкъ, слѣдовавшій въ арьергардѣ и вовсе сбился съ дороги. Стало свѣтать, а войска вмѣсто того, чтобы быть на мѣстѣ, только еще выдвигались изъ селенія Цыира и до турецкаго лагеря оставалось добрыхъ три или четыре версты. Скрывать наше движеніе дольше было нельзя:—съ люнета замѣтили русскія колонны, и пушечный выстрѣлъ разнесъ тревогу по всѣмъ турецкимъ лагерямъ. Непріятель самъ перешелъ въ наступленіе,—и графу Паскевичу пришлось, такимъ образомъ, принять бой не тамъ гдѣ онъ хотѣлъ, а тамъ гдѣ засталъ его непріятель.

Позиція, занятая нами совершенно случайно, представляла собою довольно обширное плато, очерченное съ двухъ сторонъ

глубокимъ и крутымъ оврагомъ. За этимъ оврагомъ снова поднимались высоты, на которыхъ уже стояла масса турецкой пѣхоты съ сильной артиллеріей. Оврагъ раздѣлялъ противниковъ. Но затрудняя доступъ къ нашей позиціи, онъ въ то же время давалъ непріятелю возможность скрытно и безопасно отъ выстрѣловъ подводить по дну его свои войска и укрывать резервы. Другой позиціи однако же не было и Паскевичу пришлось ограничиться ею.

Войска расположились слѣдующимъ образомъ: на *лѣвомъ флангѣ* сталъ Сводный полкъ, изъ баталіона эриванцевъ и баталіона 41-го Егерскаго полка съ шестью орудіями. Въ *центрѣ*, въ самой вершинѣ угла, образованнаго перегибомъ оврага, расположились шесть ротъ херсонскихъ гренадеръ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ генераль-маіора Попова. На *правомъ флангѣ* — Ширванскій пѣхотный полкъ, двѣ роты козловцевъ и рота піонеръ, съ двумя полевыми орудіями. *Резервъ*, составили вся кавалерія и весь 42-й Егерскій полкъ, при которомъ находился и самъ графъ Паскевичъ. Два казачьи полка отправлены были для связи съ отрядомъ Муравьева и прикрытія дороги къ вагенбургу.

Было 6 часовъ утра, когда турки повели первую атаку на нашу позицію, но, встрѣченные огнемъ русскихъ батарей, остановились въ замѣшательствѣ и послѣ получасовой канонады, отступили. Въ то же время турецкая конница, пытавшаяся прорваться къ русскому лагерю, наткнулась на два казачьи полка, стоявшіе на дорогѣ, — и также повернула назадъ.

Малочисленность отряда не укрылась отъ вниманія Кіосъ-Магометъ-паши и, раздраженный неудачею, онъ приказалъ во что бы то ни стало смять русскій корпусъ. Въ 7 часовъ утра началась вторая атака. Турецкія колонны, несмотря на страшный огонь съ нашей стороны, спустились на дно оврага и, укрывшись отъ выстрѣловъ, смѣло двинулись противъ нашего центра. Чтобы удержать ихъ натискъ, Херсонскій полкъ подвинулся къ самому краю оврага, а стрѣлковая цѣпь его спустилась еще ниже на полускатъ — и здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтилась съ поднимавшеюся турецкою пѣхотою. Обѣ стороны столкнулись и кинулись другъ на друга съ ожесточеніемъ. Начался упорный штыковой бой — и оврагъ пе-

реходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Цѣлый часъ шла въ этомъ пунктѣ отчаянная борьба, но турки наконецъ обратились въ бѣгство. Стрѣлки, увлеченные погоней, сами перескочили оврагъ и раскинули цѣпь уже на противоположныхъ высотахъ. Эта запальчивость не прошла для нихъ даромъ. Въ тотъ же моментъ изъ-за сосѣдней горы внезапно выдвинулись высокія остроконечныя шапки делибашей,—и турецкая конница ринулась на цѣпь, не успѣвшую даже сбѣжаться въ кучки. Херсонцамъ пришлось отбиваться по одиночкѣ штыками и прикладами. Съ нашей стороны баталіоны и всѣ батареи открыли огонь черезъ оврагъ, но, казалось, что спасти херсонцевъ уже было невозможно: за турецкою конницею ихъ не было видно, и наши снаряды поражали равно и чужихъ, и своихъ. Паскевичъ, слѣдившій съ высокой горы за этою сценой, отвернулся и сказалъ съ досадой: „Не надо было такъ далеко высылать стрѣлковъ—вотъ и пропали!“ Но стрѣлки не пропали. „Ваше сіятельство!—Стрѣлки уцѣлѣли!“ крикнулъ кто-то изъ его свиты, Паскевичъ оглянулся и увидѣлъ, что херсонцы стоятъ стройными кучками, а делибаши во весь опоръ уносятся за сосѣднія горы. Паскевичъ велѣлъ узнать фамилію офицера, командовавшаго стрѣлками и послалъ ему, минуя другіе ордена, прямо Владимірскій крестъ. Порѣдѣвшую цѣпь тотчасъ отвели назадъ за оврагъ.¹⁾

Наступило получасовое затишье. Турки готовились къ третьей атакѣ, и ихъ колонны опять формировались на днѣ оврага. Но на этотъ разъ Паскевичъ рѣшилъ предупредить ударъ, и самъ двинулъ впередъ Сводный пѣхотный полкъ: во главѣ шелъ баталіонъ эриванцевъ, а за нимъ баталіонъ егерей. Подъ сильнымъ огнемъ спустились они въ оврагъ, и эриванцы первые ударили въ штыки. Турки въ свою очередь приняли эриванцевъ штыками же, и кровь буквально полилась рѣкою: въ нѣсколько минутъ всѣ ротные командиры баталіона, пять офицеровъ и до 100 нижнихъ чиновъ выбыли изъ строя. Несмотря на страшную убыль, побѣда склонялась уже на сторону эриванцевъ, какъ вдругъ грянулъ оглу-

---

¹⁾ Кавказскій Сборникъ т. I. Записки Андреева.

шительный трескъ, и земля всколыхнулась. Непріятельская граната попала въ зарядный ящикъ, стоявшій при одной изъ ротъ 41-го полка и взорвала его на воздухъ. Въ одно мгновеніе несчастная рота потонула въ густыхъ клубахъ чернаго дыма, изъ котораго, среди огненныхъ языковъ, мелькали въ воздухъ растерзанные трупы. Пальба на мгновеніе смолкла. Турки воспользовались замѣшательствомъ въ нашихъ рядахъ, — и ихъ резервы, скрытые дотолъ высотами, выдвинулись на гору. Эриванцы еще разъ отбили нападеніе; сдѣлать больше того, что сдѣлали они въ этотъ день, было нельзя, и Сводный полкъ отвели назадъ. Эриванцы шли гордо, съ сознаніемъ исполненнаго долга, и живымъ свидѣтелемъ этого служили развѣвавшіеся впереди ихъ два отбитыя турецкія знамени.

Было уже два часа пополудни. Усталость и зной заставили обѣ стороны пріостановить дѣйствія. Уже восемь часовъ шла непрерывная битва; русскіе отразили всѣ нападенія, но сами не подвинулись ни шагу впередъ, и турки по прежнему сохранили свои позиціи. Овладѣть оврагомъ тоже не удалось, и три полка, послѣдовательно ходившіе отбивать его у турокъ, потеряли, какъ говорятъ очевидцы, болѣе пятисотъ человекъ.¹⁾ Положеніе становилось серьезнымъ. Паскевичъ сидѣлъ на батарее въ самомъ мрачномъ настроеніи духа: онъ видѣлъ, что турки готовятся къ четвертой атакѣ, и ихъ колонны опять стояли въ роковомъ оврагѣ.

Въ это время къ Паскевичу подъѣхалъ Пущинъ, успѣвшій обрекогносцировать окрестную мѣстность. Этотъ обзоръ навелъ его на счастливую мысль, которую онъ тотчасъ же передалъ главнокомандующему. — „Взять и удержать за собою оврагъ, доложилъ онъ невозможно. Все дѣло въ сильномъ люнетѣ, который мы миновали ночью, и который стоитъ у самаго устья оврага. Надо взять его, и тогда сѣверныя высоты падутъ сами собою“. Паскевичъ сразу оцѣнилъ вѣрность этого замѣчанія и тутъ же отдалъ приказаніе начальнику штаба барону Остенъ-Сакену.²⁾ Но прежде, чѣмъ штурмовать люнетъ, явилась необходимость отвлечь вниманіе непріятеля отъ этого важнаго пункта, и главнокомандующій приказалъ полков-

¹⁾ Тамъ же и записки Н. Н. Пущина. Русская Старина 1884 г. № 42.

²⁾ Записки Н. Н. Пущина.

нику Раевскому сдѣлать сильную демонстрацію къ сторонѣ Суфлиса (Су-Килисы), гдѣ были собраны турецкіе обозы и подвижные магазины. Кавалерійская бригада съ 4-мя конными орудіями, татары и Донской казачій полкъ Карпова быстро перенеслись на ардаганскую дорогу и своимъ появленіемъ, дѣйствительно, произвели такой переполохъ, что почти вся непріятельская конница бросилась къ угрожаемому пункту. Кіосъ-Магометъ-паша, встревоженный за участь своихъ магазиновъ, двинулъ туда же значительную часть пѣхоты, и турецкій фронтъ растянулся, такимъ образомъ, почти на десять верстъ. Четвертая атака, къ которой готовились турки, разстроилась. Вотъ этимъ то моментомъ Паскевичъ и рѣшилъ воспользоваться, чтобы овладѣть люнетомъ. Для штурма назначены были Ширванскій и 42-й Егерскій полки, еще не принимавшіе участія въ дѣлѣ и баталіонъ эриванцевъ, вызванный изъ главнаго лагеря.

Атаку началъ 42-й Егерскій полкъ во главѣ съ генераль-маіоромъ Корольковымъ. Онъ первый подошелъ къ люнету и былъ изумленъ, что турки ни единымъ выстрѣломъ не отвѣчали на огонь русской артиллеріи, которою распоряжался самъ генераль Гилленшмидтъ. Это дало поводъ предполагать, что укрѣпленіе или вовсе брошено, или защищено очень слабо. Отчасти подъ этимъ впечатлѣніемъ, отчасти, видя уже приближеніе ширванцевъ съ одной стороны и колонны Муравьева съ другой—Корольковъ бросился на приступъ съ одними егерями. Лихая казачья конно-артиллерійская рота Зубкова вынеслась впередъ и, снявшись съ передковъ въ разстояніи 80-ти сажень, открыла картечный огонь. Между тѣмъ, непріятель, молча, подпустилъ егерей на сто шаговъ и вдругъ почти въ упоръ встрѣтилъ ихъ убійственнымъ залпомъ. Опѣшенные егеря отшатнулись назадъ. Генераль Корольковъ одинъ бросился впередъ, чтобы ободрить солдатъ, но тутъ же палъ, пораженный двумя пулями въ грудь и голову. Смерть его окончательно смутила полкъ, и егеря открыли беспорядочную пальбу по люнету. Тогда турки сами сдѣлали вылазку и бросились на нихъ въ штыки и ятаганы. Участь полка висѣла на волоскѣ; но въ это время подоспѣли храбрые ширванцы. Въ грозной тишинѣ и порядкѣ велъ полковникъ Бородинъ свои баталіоны, не обращая вниманіе на то, что происходило передъ его глазами. Въ эту ми-

нугу тяжелыя грозовыя тучи, давно надвигавшіяся съ запада,— закрыли весь горизонтъ и разразились сильнымъ ливнемъ съ громомъ и молніею. Скользя по мокрой травѣ, съ намокшими ружьями, ширванцы обогнули егерей и подъ проливнымъ дождемъ, съ грознымъ крикомъ „ура“, ринулись на приступъ. Въ тоже время раздалось „ура“ и съ другой стороны—то штурмовалъ люнетъ первый баталіонъ эриванцевъ, приведенный сюда самимъ Муравьевымъ.

Турки, сдѣлавшіе вылазку, теперь были отрѣзаны и бросились обратно въ люнетъ, но нашли его уже занятымъ русскою пѣхотою. Тѣмъ отчаяннѣе закипѣлъ бой подъ самымъ люнетомъ, но егеря уже оправились, и послѣдняя опора турокъ, каменные шанцы, были ими взяты. Укрѣпленіе пало. Паскевичъ въ своемъ донесеніи говоритъ: „Атака, на укрѣпленный бастіонами лагерь, сдѣлана съ удивительною храбростію. Это одно изъ лучшихъ дѣлъ, которое я видѣлъ въ моей жизни. Офицеры удивительной храбрости“... Главная потеря выпала на долю эриванцевъ; баталіонный командиръ подполковникъ Кашутинъ, три ротные командира и большая часть офицеровъ были убиты или ранены въ рукопашной схваткѣ.

Съ паденіемъ люнета палъ и раскинутый на сѣверныхъ высотахъ турецкій лагерь. Изъ числа 1500 турокъ, находившихся въ ретраншаментѣ, болѣе трети легло на мѣстѣ; остальные бѣжали, увлекая за собою и войска, бывшія въ лагерѣ. Самъ Кіосъ-Магометъ-паша, пытавшійся возстановить порядокъ, былъ раненъ въ ногу и отвезенъ въ Ахалцыхъ. Паника охватила всю турецкую линію.

Теперь и демонстрація, предпринятая Раевскимъ, обратилась уже въ настоящую атаку. Два Донскіе казачьи полка и татары на плечахъ бѣгущихъ ворвались во второй, кая-дагскій, лагерь; драгуны и уланы въ третій. Выбитый ими изъ Суфлиса, непріятель пытался было удержаться въ садахъ, примыкавшихъ къ этой деревнѣ, чтобы прикрыть отступление своей артиллеріи и многочисленныхъ обозовъ, но деморализація была уже такъ велика, что едва Нижегородскій полкъ, спѣшившись, подошелъ къ садамъ, какъ передъ

нимъ все обратилось въ бѣгство. Драгуны, уланы и казаки, преслѣдуя бѣгущихъ, мимоходомъ захватили четвертый лагерь у сел. Ашагъ-Памачъ, взяли 500 человѣкъ плѣнныхъ, часть артиллеріи и всѣ обозы и парки.

Херсонскіе гренадеры и Сводный пѣхотный полкъ, двинутые Паскевичемъ вслѣдъ за кавалеріей, не успѣли въ дѣло, которое начато и кончено было одною кавалеріею.

Весь вспомогательный турецкій корпусъ теперь разсѣялся, и турки, пробираясь по одиночкѣ лѣсными тропами, бѣжали къ Ардагану.

Трофеями нашими были: 10 орудій, 10 знаменъ, четыре лагеря со всѣмъ имуществомъ, которое турки не успѣли забрать, всѣ ихъ обозы, подвижные магазины, склады, транспорты и парки. Недешево досталась и русскимъ эта блестящая побѣда: одно орудіе было подбито, одинъ зарядный ящикъ былъ взорванъ. Дѣйствующій корпусъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, потерялъ одного генерала, 32 офицера и 455 нижнихъ чиновъ, но по словамъ современниковъ, потеря русскихъ была гораздо значительнѣе. Русская пѣхота ночевала въ отбитомъ люнетѣ; кавалерія—за 20 верстъ отъ Ахалцыха, тамъ, гдѣ окончила свое преслѣдованіе.

На слѣдующій день весь экспедиціонный отрядъ возвратился въ лагерь.

Глава V.

Дѣйствія Паскевича послѣ разгрома вспомогательнаго турецкаго корпуса. Ахалцыхъ и его укрѣпленія.—Русскія осадныя батареи и размѣщеніе войскъ.—Результаты бомбардированія. Распоряженія къ штурму. Полковникъ Бородинъ съ его ширванскимъ полкомъ —Бой въ армянскомъ предмѣстьи за обладаніе костеломъ.—Тяжелыя потери ширванцевъ.—Взятіе кладбища и костела.—Бой въ еврейскомъ кварталѣ.—Пожаръ мусульманской части города и отчаянное положеніе гарнизона.—Сдача Ахалцыха.—Потери обѣихъ сторонъ и русскіе трофеи.—Награды Паскевичу. Новая штурмовая пѣсня, сложенная ширванцами. Устройство Ахалцыхскаго пашалыка —Покореніе Ацхура и Ардагана

спомогательный турецкій корпусъ былъ уничтоженъ, и Ахалцыхъ стоялъ передъ русскими одинъ, безпомощный, но грозный твердою рѣшимостью погибнуть или отстоять свою вѣковую независимость. „Прежде надо снять мѣсяцъ съ неба, а потомъ уже луну съ ахалцыхской мечети“,—отвѣчалъ комендантъ на предложеніе Паскевича сдать крѣпость. Русскимъ войскамъ предстояло показать, что можно снять луну съ ахалцыхской мечети, не помышляя о мѣсяцѣ въ небѣ. И Паскевичъ рѣшилъ приступить къ правильной осадѣ¹⁾.

Ахалцыхъ лежитъ на лѣвомъ берегу Посховъ-чая, верстахъ въ семи отъ впаденія его въ Куру, въ тѣсномъ ущельѣ, посреди гористой и чрезвычайно пересѣченной мѣстности. Съ юга его ограждаетъ высокій хребетъ Цхенисъ-цхали, голые и неприступные утесы котораго образуютъ какъ разъ противъ крѣпости правый, нагорный берегъ рѣки, и, такимъ образомъ, доступъ къ Ахалцыху съ той стороны почти невозможенъ. Съ сѣвера къ нему подходятъ отроги Карталинскихъ горъ, которыя, охватывая городъ съ востока и запада, постепенно сливаются съ высотами праваго берега.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 259 Тамъ же описаніе осады и взятія Ахалцыха, сдѣланное Бурцевымъ. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича 11 го сентября 1828 г. Дѣло № 99.

Какъ разъ противъ сѣверной части города, одинъ изъ этихъ горныхъ уступовъ образуетъ собою довольно обширную, возвышенную плоскость, господствующую надъ крѣпостью. Это и есть такъ называемая сѣверная высоты, которыя соединялись съ ближайшими домами католическаго предмѣстья узкимъ перешейкомъ, идущимъ между двумя оврагами. Съ юго-запада, обрываясь крутыми спусками въ рѣку, подступала къ самому городу, а частью даже входила въ черту его, высокая гора Кая-дагъ, составлявшая продолженіе береговыхъ утесовъ Цхенись-цхали. На этой горѣ стояла большая круглая башня, которая обстрѣливала не только окрестное поле, но и почти всю внутреннюю площадь города.

Только своею восточною стороною Ахалцыхъ выходилъ въ небольшую низменную долину рѣки; но крутые утесы, на которыхъ раскинуты были здѣсь крѣпостныя линіи и скученность домовъ, подымавшихся одинъ надъ другимъ непрерывнымъ амфитеатромъ, не представляли ни малѣйшей выгоды осаждающимъ. Но если такова была мѣстность, окружающая Ахалцыхъ, то еще внушительнѣе смотрѣлъ самъ укрѣпленный городъ, болѣе трехъ столѣтій не видѣвшій въ своихъ стѣнахъ чужеземныхъ знаменъ.

Собственно Ахалцыхская крѣпость состояла изъ двухъ отдѣленій; крутая голая скала, съ двойною каменною стѣною, составляла цитадель, а нѣсколько ниже примыкала къ ней такъ называемая верхняя крѣпость, обнесенная также двойнымъ рядомъ стѣнъ, фланкированныхъ башнями. Сорокъ орудій обороняли эти стѣны, слежавшіяся вѣками въ такую плотную массу, противъ которой безсильно было дѣйствіе нашей артиллеріи. Въ крѣпости помѣщались всѣ казенныя зданія, домъ паши и главная ахалцыхская мечеть, при которой имѣлась одна изъ богатѣйшихъ библіотекъ мусульманскаго востока.

Но главная сила Ахалцыха заключалась не въ этой крѣпости, а именно въ самомъ городѣ, съ его 25-ти тысячнымъ вооруженнымъ населеніемъ; онъ лежалъ ниже крѣпости, и вся наружная оборона его состояла изъ четырехъ бастіоновъ, соединявшихся между собою толстымъ сосновымъ палисадомъ, съ бойницами, прорубленными въ нѣсколько ярусовъ. Этотъ палисадъ имѣлъ 7 аршинъ

высоты и былъ такъ проченъ, что не только ядра батарейныхъ орудій, но даже снаряды осадной артиллеріи не всегда могли про- извести въ немъ поврежденія.

Два глубокіе оврага прорѣзывали всю городскую площадь и раздѣляли ее на три неравныя части. Въ срединѣ между этими оврагами и обитало все коренное мусульманское населеніе, и здѣсь то на пространствѣ квадратной версты, среди страшно изрытой буграми и ямами мѣстности, въ хаотическомъ безпорядкѣ разбро- сано было до 5-ти тысячъ домовъ; не было тамъ ни площадей, ни улицъ, и городскія жилища, висѣвшія однѣ надъ другими, едва раздѣлялись кривыми переулками, которые и составляли единствен- ные пути сообщеній. Всѣ вообще дома построены были въ два яруса, съ плоскими крышами, представлявшими собою возвышен- ные террасы, и каждый домъ, взятый отдѣльно, могъ уподобиться небольшому, но крѣпкому замку.

Далѣе, за этими оврагами и у сѣверной окраины жили исклю- чительно евреи и армяне-католики. Почти на краю сѣвернаго квар- тала, въ армянской части города, возвышалась, замѣтная своею архитектурою и древностью, армяно-католическая церковь, съ вы- сокимъ и узкимъ куполомъ, со стрѣльчатыми окнами и съ цѣлымъ лабиринтомъ темныхъ и узкихъ корридоровъ внутри. Только одинъ этотъ пунктъ изъ всѣхъ городскихъ построекъ и равнялся высо- тою съ верхней частью крѣпости. Остальной городъ лежалъ внизу, и крѣпость командовала имъ настолько же, насколько цитадель командовала самой крѣпостью. Такимъ образомъ, ахалцыхская обо- рона располагала огнемъ въ три яруса: первый составлялъ го- родской палисадъ съ его бастіонами, второй—стѣны крѣпости, и самый верхній— цитадель. И нелегко было штурмующимъ войти по этимъ тремъ ступенямъ, чтобы снять съ цитадели турецкое знамя.

Послѣдній отвѣтъ, присланный изъ Ахалцыха, заключался въ томъ, что крѣпость не сдастся, пока не будетъ перебитъ весь 15-ти тысячный гарнизонъ и не погибнетъ послѣдній человѣкъ изъ 25-ти тысячнаго его населенія. Эту отчаянную рѣшимость при- писывали тогда особой настойчивости Кіось-Магометъ-паши, ко-

торый, опоздавъ къ Карсу и потерявъ полевое сраженіе подъ Ахалцыхомъ, хотѣлъ упорною защитою крѣпости возстановить свою пошатнувшуюся военную репутацію. Но если эта рѣшимость заслуживала полного уваженія, то еще большаго изумленія достойны настойчивость и энергія графа Паскевича, поставившаго себѣ задачей, съ тогдашнимъ оружіемъ и съ тѣми ничтожными средствами, которыми располагалъ, покорить Ахалцыхъ, когда число защитниковъ его въ пять разъ превышало силы его корпуса.

Еще 9-го августа, когда войска ночевали на полѣ сраженія, Паскевичъ, несмотря на общую усталость, уже распорядился осадными работами. Занятіе сѣверныхъ высотъ значительно облегчало эту задачу, такъ какъ наиболѣе удобный пунктъ для атаки представлялъ собою именно сѣверный армянскій кварталъ, гдѣ была католическая церковь. Съ ея возвышенія легче, чѣмъ откуда нибудь, можно было проникнуть въ самый центръ мусульманскаго города, и здѣсь же удобно было устроить батарею противъ цитадели. Къ осаднымъ работамъ приступили въ ночь съ 10-го на 11 августа, и къ разсвѣту, на сѣверныхъ высотахъ, намѣстѣ отбитаго люнета, выросла уже громадная батарея: четыре осадныя 24-хъ фунтовыя пушки, четыре 2-хъ пудовыя мортиры, два единорога, 12 батарейныхъ и 6 легкихъ орудій установлены были на платформы и грозно смотрѣли жерлами изъ своихъ амбразуръ на городскія укрѣпленія. Къ нимъ присоединились еще 8 орудій, находившихся ночью въ прикрытіи рабочихъ и 10 турецкихъ пушекъ, отбитыхъ наканунѣ; но ихъ размѣстили уже на валу и приспособили для стрѣльбы черезъ банкъ. Утромъ 11-го августа, едва забрезжилъ свѣтъ, Паскевичъ пріѣхалъ на батарею, и по его знаку 46 орудій, находившіяся отъ городского палисада въ разстояніи всего двухсотъ саженой, открыли жестокую канонаду.

Между тѣмъ осадныя работы постепенно развивались и на другихъ пунктахъ русской позиціи. Правѣ главной батареи, гдѣ находился главнокомандующій съ Эриванскимъ полкомъ и 6-ю ротами херсонскихъ гренадеръ, поставленъ былъ редутъ, занятый двумя ротами козловцевъ съ 4-мя орудіями, а позади его расположились Ширванскій и 42-й Егерскій полки, такъ что всякое

покушеніе турокъ противъ сѣверныхъ высотъ легко могло быть уничтожено.

Еще ближе, чѣмъ главная батарея, въ разстояніи всего 130 саженой отъ сѣверо-восточнаго угла городскаго палисада, возникли—брешь и демонтиръ-батареи, обѣ на 6 осадныхъ и батарейныхъ орудій; а еще черезъ день появилась другая брешь-батарея на четыре 12-ти фунтовыя пушки, поставленная всего въ разстояніи 80 ти сажень отъ сѣвернаго бастиона, защищавшаго входъ въ армянское предмѣстье.

Затѣмъ, батарея впереди Таушанъ-тапа была уничтожена, а на мѣсто ея, только ближе къ крѣпости, возведена новая на 7 батарейныхъ орудій и 8 кегорновыхъ мортиръ противъ восточнаго бастиона. Наконецъ, послѣдній редутъ устроенъ былъ на южныхъ высотахъ противъ цитадели, на мѣстѣ бывшаго турецкаго ретраншемента. Эта батарея возведена была на 5 орудій, размѣщенныхъ по тѣснотѣ мѣста въ два яруса. Весь правый берегъ Посховъ-чая находился подъ наблюденіемъ 41-го Егерскаго полка; Грузинскій полкъ расположился противъ восточнаго фаса крѣпости, а двѣ роты херсонскихъ гренадеръ заняли старыя кладбища у Кая-дага, гдѣ стоялъ второй турецкій лагерь. Кавалерійская бригада находилась у Суфлиса. Такимъ образомъ, крѣпость была обложена, и со всѣхъ сторонъ сообщенія ея прерваны.

Начались обычныя бѣдствія осады: башня Кая-дагъ была разбита, и турки вынуждены были снять оттуда орудія. Дома, башни, мечети и минареты—все рушилось, погребая подъ своими развалинами войска и жителей. Положеніе города съ каждымъ часомъ становилось безнадежнѣе, но духъ защитниковъ не колебался. Сначала у насъ имѣлась надежда, что значительная часть христіанскаго населенія Ахалцыха облегчитъ осаду внутреннимъ междоусобіемъ; но теперь стало извѣстно, что Кіосъ-паша принялъ противъ этого свои мѣры и обезоружилъ всѣхъ, находившихся въ городѣ, грузинъ и армянъ. Оставалось одно—взять крѣпость штурмомъ, но успѣхъ его можно было основывать развѣ только на безпримѣрной отвагѣ кавказскаго солдата. Обѣзжая передъ вечеромъ 14-го августа лагерь, графъ Паскевичъ остановился у Ширванскаго полка

и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ: „А завтра, братцы, городъ надо взять“!

„Возьмемъ, ваше сіятельство“! отвѣчали ширванцы съ такимъ единодушіемъ, что командиръ полковникъ Бородинъ тутъ же просилъ Паскевича предоставить полку славу и опасность первой атаки. ¹⁾

Штурмъ предположено было начать 15-го августа въ 4 часа пополудни, и главнымъ пунктомъ атаки назначена была высота съ католической церковью и прикрывавшимъ ее бастиономъ. Штурмъ предоставленъ Ширванскому полку, а непосредственно за нимъ долженъ былъ слѣдовать 8-й піонерный баталіонъ съ турами и фашинами, чтобы рубить палисадъ и по взятіи католической церкви на кровлѣ ея тотчасъ же устроить батарею для продолженія осады. На прочихъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты штурма, дѣйствія предположено было ограничить только однѣми демонстраціями.

Наступило утро 15-го августа. Былъ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, особенно чествуемый русскимъ народомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полковой праздникъ Ширванскаго полка. Несмотря на предстоящій бой, въ русскомъ лагерѣ своимъ чередомъ совершалась обычная церемонія. Въ Турціи, какъ и на родинѣ, ширванцы начали этотъ день молитвою, а потомъ, по окончаніи парада, устроенъ былъ обѣдъ, явилось шампанское — „и близость боя, говоритъ одинъ современникъ, нисколько не помѣшала общему бивуачному веселью“ ²⁾.

Въ исходѣ 4-го часа, когда обыкновенно производилась въ траншеяхъ смѣна рабочихъ, штурмовыя колонны стали въ ружье. Прошло еще съ полчаса, — и вотъ, подъ громъ сильнѣйшей канонады, загорѣвшейся въ эту минуту по всему протяженію осадныхъ батарей, два баталіона Ширванскаго полка съ распущенными знаменами и музыкой, вышли изъ редута. „Пѣсенники впередъ“, командовалъ Бородинъ,

„Ой, во полѣ липонька стояла“, —

¹⁾ Кавказскій Сборникъ т. I-й. Воспоминанія Андреева.

²⁾ Тамъ же.

затянули ширванцы, и подъ эту задушевную народную пѣсню двинулись къ проломамъ полуразрушеннаго бастиона. Впереди шли 200 человѣкъ охотниковъ,—лучшіе люди, выбранные изъ полка, подъ начальствомъ маіора Рыдзевскаго. Все ближе и ближе подходятъ къ крѣпости баталіоны, а мелодичная пѣсня смѣнилась уже веселымъ русскимъ мотивомъ. „Не будите меня молоду раннимъ рано по утру“, гремитъ хоръ, ему вторятъ рожки, звенятъ тарелки, громяхаютъ бубны. Крѣпость молчитъ; но тѣмъ тревожнѣе бьются сердца въ ожиданіи рокового залпа, тѣмъ страшнѣе смотрятъ изъ своихъ амбразуръ широкія жерла турецкихъ пушекъ. Вотъ, обѣ ширванскія колонны поднимаются уже по отлогости холма, на которомъ стоитъ бастионъ. „Выгоняйте вы скотину на широкую долину“,—весело заливается хоръ,—какъ вдругъ грянулъ страшный, убійственный залпъ. ¹⁾ Передніе ряды ширванцевъ повалились, какъ скошенные; но въ отвѣтъ на это грянуло „ура“, и охотники Рыдзевскаго хлынули въ открывшіеся передъ ними проломы. Бастионъ былъ взятъ моментально. Храброе, но малочисленное прикрытіе его, состоявшее всего изъ 70-ти человѣкъ, не подалось ни шагу назадъ и геройски пало подъ штыками.

Нѣсколько знаменъ, стоявшихъ на бастионѣ и три орудія, обрызганныя кровью своихъ защитниковъ, были первыми трофеями ахалцыхскаго приступа. Вслѣдъ за охотниками, оба баталіона ширванцевъ, имѣя во главѣ полковника Бородина, перескочили черезъ палисадъ и, ворвавшись въ городъ, очутились на узкомъ перешейкѣ, съ двухъ сторонъ очерченномъ крутыми оврагами. Прямо передъ ними возвышалась старинная католическая церковь, закрывавшая собою дальнѣйшій входъ въ центральную, мусульманскую часть города. Взять этотъ костелъ было необходимо, но предварительно нужно было очистить овраги, изъ которыхъ начался перекрестный огонь. Первый баталіонъ Ширванскаго полка, подъ командою подполковника Юдина, немедленно сталъ пробиваться вправо; второй, подполковника Овечкина—влѣво; колонна охотниковъ, прибывшая изъ взятаго ею бастиона, осталась въ центрѣ, про-

¹⁾ Тоже.

тивъ самага костела, связывая своею густою цѣпью фланги обоихъ баталіоновъ.

Въ это время турецкій резервъ, спокойно отдыхавшій внутри католической церкви, выскочилъ на тревогу. Вѣсть что русскіе взяли сѣверный бастіонъ, что они уже въ городѣ, съ быстротою молніи распространилась по всѣмъ закоулкамъ Ахалцыха—и черезъ нѣсколько минутъ весь городъ былъ уже на ногахъ. По тѣснымъ переулкамъ, ведущимъ отъ крѣпости къ армянскому предместью, поспѣшно двигались турецкія колонны, и вся эта масса враговъ лицомъ къ лицу столкнулась съ ширванцами. Первый ударъ долженъ былъ вынести центръ, гдѣ стояли охотники, съ которыми въ этотъ моментъ былъ и самъ Бородинъ. На помощь къ нимъ подоспѣлъ второй баталіонъ, а первый—ударилъ во флангъ непріятеля. Бой шелъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. То непріятель отступалъ, опрокидываемый штыками ширванцевъ, то подавались назадъ ширванцы и, снова нападая, опять отбрасывали турокъ. Такъ раненый левъ отступаетъ назадъ, чтобы съ новою силою и яростью сдѣлать свой смертоносный скачокъ. Обѣ стороны оказывались въ борьбѣ достойными другъ друга. Не одинъ разъ ширванцы, преслѣдуя турокъ, пытались овладѣть костеломъ, даже взбирались на его высокую кровлю, но только устилали ее своими трупами и снова скатывались внизъ. Гибеленъ и страшенъ былъ этотъ бой за обладаніе костеломъ. Уже полчаса кипѣла битва,—а костель и примыкавшее къ нему кладбище, густо усыянное надгробными памятниками, все еще были въ рукахъ непріятеля. Тѣмъ не менѣе, ширванцы не отступали. Крѣпко держали они то, что попало въ ихъ руки, и турки, какъ волны, набѣгавшія на утесъ, съ рокотомъ и безсильною злобою отбрасывались назадъ.

Въ это время къ намъ подоспѣла помощь. Въ городѣ грянулъ первый нашъ орудійный выстрѣлъ и гулко раскатился тысячнымъ эхомъ вдоль тѣсныхъ улицъ Ахалцыха. - Это есауль Зубковъ, успѣвшій перетащить свои два орудія черезъ палисадъ, взобрался на высокій бугоръ и открылъ огонь черезъ головы ширванцевъ. Громъ пушечнаго выстрѣла разомъ оживилъ нашихъ утомленныхъ бой-

цовъ. „Слава Богу, теперь устоимъ“, пронеслось по рядамъ, и второй баталіонъ стремительнымъ ударомъ вырвалъ кладбище изъ рукъ непріятели. Прочно стали теперь ширванцы на занятомъ ими пунктѣ. Но недешево достались и имъ эти нѣсколько сажень земли: здѣсь былъ убитъ храбрый Бородинъ; здѣсь палъ Рыдзевскій и тяжело раненъ командиръ 2-го баталіона подполковникъ Овечкинъ. Это была уже шестая рана, полученная имъ на службѣ. Прострѣленный въ поясицу на вылетъ, онъ силою воли преодолѣлъ страданіе и, поддерживаемый солдатами, не оставилъ своего мѣста впереди баталіона.

Команду послѣ Бородина принялъ полковникъ Бурцевъ. Онъ успѣлъ ввести еще три орудія и съ помощью ихъ удержался на своей позиціи. Между тѣмъ въ городъ вступилъ весь піонерный баталіонъ и тотчасъ приступилъ къ устройству ложементовъ. Работать приходилось подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, и въ короткое время изъ трехъ піонерныхъ ротъ выбыло 7 офицеровъ, въ томъ числѣ Пушинъ, тяжело раненый пулею въ грудь на вылетъ и болѣе ста нижнихъ чиновъ. Но остальные все-таки dokonчили ложементы, за которыми и укрылись стрѣлки и орудія.¹⁾

Въ шестомъ часу пополудни къ мѣсту боя стали наконецъ подходить подкрѣпленія. Первымъ пришелъ баталіонъ Херсонскаго полка, и полковникъ Бурцевъ, воспользовавшись этимъ, рѣшился тотчасъ же овладѣть костеломъ. Приказавъ первому баталіону ширванцевъ очистить отъ турокъ церковную площадь, онъ со вторымъ баталіономъ Ширванскаго полка и баталіономъ херсонцевъ устремился на приступъ: послѣ жестокаго боя костелъ былъ взятъ, но зато первый баталіонъ, со всѣхъ сторонъ охваченный турками на площади, очутился въ критическомъ положеніи. На помощь къ нему подоспѣлъ баталіонъ эриванцевъ, посланный Паскевичемъ изъ главныхъ силъ, а между тѣмъ и Бурцевъ, втащивъ на кровлю католической церкви горный единорогъ, принялся громить и площадь, и прилегавшія къ ней улицы. Турки укрылись за крайними домами мусульманской части города, и затѣмъ наступило ми-

¹⁾ Записки Н. Н. Пушина. Русская Старина, т. 42

нутное зловѣщее затишье. Обѣ враждебныя стороны, одинаково утомленныя, одинаково ослабленныя, прекратили огонь, приготавлиаясь къ новымъ еще болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Въ это время прибылъ еще баталіонъ 42-го Егерскаго полка, подъ командой полковника Реута, которому приказано было взять смежный съ армянскимъ предмѣстьемъ, еврейскій кварталъ. Егеря смѣло подошли къ городскому палисаду, но взять его не могли: въ одну минуту девять офицеровъ изъ баталіона были убиты или ранены. Къ счастью, подоспѣвшая рота піонеръ быстро свалила палисадъ,—и тогда обѣ стороны, и турки, и егеря, съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга. Пока шла рѣзня, саперы изъ бревенъ палисада успѣли устроить черезъ оврагъ довольно прочный перекидной мостъ, по которому лихо перенеслись въ карьеръ два донскія казачьи орудія. Ихъ тотчасъ установили на крышѣ ближайшей сакли; но крыша не выдержала тяжести, рухнула, и одно орудіе провалилось въ саклю. Произошло минутное замѣшательство, турки, воспользовавшись этимъ, отбросили егерей и прорвались къ самымъ орудіямъ. Прислуга, состоявшая изъ 8-ми человекъ, кинулась въ шашки, и пока отстаивала свои орудія, егеря оправились, снова перешли въ наступленіе, и еврейскій кварталъ былъ занятъ

Во все это время свыше пятидесяти русскихъ орудій съ командующихъ высотъ громили городъ и своимъ грохотомъ заглушали мелкую дробь ружейной перестрѣлки. Сраженіе разгоралось. Ширванскій полкъ и баталіонъ херсонцевъ опять перешли въ наступленіе. Теперь католическая церковь, вся заваленная трупами, осталась позади—и передъ ними лежалъ обширный городъ съ узкими улицами, гдѣ не было никакой возможности сражаться сомкнутымъ фронтомъ, а между тѣмъ, каждый домъ приходилось брать приступомъ. Эриванскій баталіонъ прикрывалъ нашъ тылъ и, занявъ костелъ, обратилъ его въ неодолимый редюитъ.

Было 7 часовъ вечера; сгущались сумерки и „величественно грозной картинѣ ночного боя, говоритъ очевидецъ¹⁾), не доставало

¹⁾ Кавказскій сборникъ т. I, статья Андреева.

освѣщенія“. Вдругъ русская граната зажгла какое-то строеніе, и пожаръ начался прямо по направленію къ крѣпости. Мысль воспользоваться пожаромъ, чтобы вытѣснить непріятеля изъ города, не ускользнула отъ вниманія Паскевича, и съ сѣверныхъ высотъ поскакали ординарцы съ приказаніемъ зажигать дома и поддерживать пожаръ всѣми возможными средствами. Но дома, толсто обмазанные глиной, упорно противостояли усиліямъ огня, такъ что приходилось бросать ручныя гранаты въ окна и трубы, а это каждый разъ стоило намъ нѣсколькихъ новыхъ жертвъ. Наконецъ ввели въ городъ дивизіонъ Нижегородскаго полка съ огромными вязанками сѣна и соломы. Тогда дѣло пошло успѣшнѣе, и огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ мало-по-малу охватилъ огромное пространство. При свѣтѣ этого губительнаго пламени, среди удушливаго дыма и смрада, еще съ большимъ ожесточеніемъ шла рѣзня. Никто изъ ахалцыхскихъ жителей не хотѣлъ сдаваться, и даже женщины проникнуты были такимъ фанатизмомъ, многія изъ нихъ, стараясь избѣгнуть плѣна, добровольно кидались въ огонь; другія, вооруженныя кинжалами, шли въ бой вмѣстѣ съ мужьями и братьями.

Въ этой ожесточенной борьбѣ выдвигается на первый планъ замѣчательная личность полкового священника 41-го Егерскаго полка отца Стефаноса. Это былъ грекъ, выходецъ изъ Адрианополя. Его высокая аскетическая фигура производила впечатлѣніе даже на турокъ. Его видѣли повсюду, гдѣ былъ сильнѣе огонь, гдѣ гуще свистала картечь, гдѣ больше ломалось штыковъ и больше гибло людей въ бою и въ пламени пожара. Съ крестомъ въ рукѣ, онъ самъ водилъ солдатъ на приступъ послѣднихъ домовъ, воспламеняя ихъ мужество, но въ тоже время и сдерживая ихъ дикіе разрушительные инстинкты, зарождавшіеся подъ вліяніемъ крови. Въ этомъ случаѣ услуги, оказанныя имъ, были неоцѣнимы; и множество турокъ, особенно женщинъ и дѣтей, обязаны были ему своимъ спасеніемъ. Къ общему удивленію онъ вышелъ изъ боя невредимъ, но его одежда, эпитрахиль и даже крестъ были испещрены картечами. ¹⁾

---

¹⁾ Тамъ же.

Между тѣмъ положеніе турокъ съ каждымъ часомъ становилось все гибельнѣе и гибельнѣе. Изъ числа четырехъ наружныхъ бастіоновъ, три уже находились во власти русскихъ. Сѣверный бастіонъ палъ ранѣе другихъ; полковникъ Реутъ, по взятіи еврейскаго квартала, овладѣлъ другимъ сѣверо-западнымъ бастіономъ, а рота Эриванскаго полка, направленная отъ католическаго монастыря, захватила и сѣверо-восточный бастіонъ. Съ потерей ихъ турки уже не имѣли силъ держаться въ отдаленныхъ кварталахъ, и послѣдній восточный бастіонъ, противъ котораго стояли грузинцы и самый Кая-дагъ, были ими брошены. Къ разсвѣту весь городъ находился уже въ нашихъ рукахъ, и турецкія войска заперлись въ крѣпости. Наступило утро 16-го августа. Пожаръ еще мѣстами продолжалъ свое разрушительное дѣло; Ахалцыхъ тлѣлъ и дымился подъ пепломъ своихъ разрушенныхъ зданій, и на развалинахъ всюду валялись еще обгорѣлыя тѣла ихъ защитниковъ. Но битва смолкла. Дальнѣйшая оборона представлялась уже невыносимой, и Кіосъ-Магометъ-паша прислалъ парламентаря съ просьбой установить перемиріе на пять дней. Паскевичъ отвѣчалъ, что даетъ пять часовъ на размышленіе, и что, по истеченіи этого срока, гарнизонъ и жители испытаютъ весь ужасъ новаго штурма. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ другой парламентаръ. Кіосъ-паша соглашался сдать крѣпость, если гарнизонъ будетъ отпущенъ съ оружіемъ. Мы имѣли всѣ средства принудить осажденныхъ сдать-ся безусловно и принять такую капитуляцію, какая будетъ предписана; но Паскевичъ не хотѣлъ жертвовать для этого снова тысячами жизней. Плѣненный гарнизонъ немногимъ увеличилъ бы славу русскаго подвига, а отпущенный - не могъ быть опасенъ. И Паскевичъ изъявилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы все оружіе, пушки, знамена и все казенное имущество остались бы трофеями штурма. Послѣ недолгаго колебанія Кіосъ-Магометъ-паша подписалъ условіе, и крѣпостные ключи, вмѣстѣ съ повелительными жезлами пашей, отправлены были къ русскому главнокомандующему. Въ 8 часовъ утра Грузинскій полкъ вступилъ въ цитадель и водрузилъ надъ ней свои знамена.

Только тогда Паскевичъ, окруженный своею свитой, въѣхалъ въ Ахалцыхъ; мимо него медленно тянулись обезоруженныя турецкія войска и часть жителей, входившихъ въ составъ гарнизона. Послѣдніе шли со своими семьями и съ примѣтною горестью покидали пепелища своихъ домовъ. Крѣпость и цитадель представляли собою полное разрушеніе; даже прекрасныя купола главной мечети были испещрены русскими ядрами, и золотая луна, сорванная русской бомбой, съ минарета мечети Ахмеда, лежала на землѣ, какъ эмблема ниспроверженнаго здѣсь мусульманскаго владычества. Она была приобщена къ числу русскихъ трофеевъ.

На всемъ пути, гдѣ проѣзжалъ Паскевичъ, войска встрѣчали его восторженными криками. Поравнявшись съ Ширванскимъ полкомъ, потерявшимъ во время штурма третью часть людей, онъ остановился, благодарилъ солдатъ и, между прочимъ, спросилъ: „А много ли васъ, ребята, осталось“?

— „Штурма на два хватить“, бойко отвѣчалъ одинъ изъ ширванцевъ.

Потери непріятеля вообще были громадны. Довольно сказать, что изъ четырехсотъ турецкихъ артиллеристовъ, только 50 осталось въ живыхъ; 100 человекъ янычаръ, находившихся въ крѣпости, легли на мѣстѣ всѣ до послѣдняго, изъ 1800 лазовъ убито 1300; жителей погибло при штурмѣ болѣе трехъ тысячъ и между ними до сотни женщинъ. Немаловажны были въ этотъ достопамятный день и потери русскихъ: по официальнымъ свѣдѣніямъ убито и ранено 62 офицера и болѣе 600 нижнихъ чиновъ. Но цѣною этихъ жертвъ куплена была важнѣйшая твердыня въ Азіатской Турціи и вмѣстѣ съ нею 52 знамени, 5 бунчуковъ и 67 пушекъ, изъ числа которыхъ 5 оказались русскими, потерянными нѣкогда на штурмѣ Ахалкалакъ и при осадѣ Ахалцыха. Неудачи Гудовича и Тормасова были отомщены Паскевичемъ.¹⁾

По взятіи Ахалцыха главная турецкая мечеть была обращена въ православный храмъ, посвященный Успенію Пресвятыя Бо

---

¹⁾ Дѣло штаба Кавказскаго военнаго округа. № 99 и акты Кавказскаго арх. ком., т. VIII, № 764. Всеподданнѣйшіе рапорты графа Паскевича изъ-подъ Ахалцыха 17-го августа и, 11-го сентября 1828 г.

городицы, которое празднуется въ день ахалцыхскаго штурма, а знаменитая библіотека ея, съ драгоцѣнными рукописями, въ числѣ трофеевъ вывезена въ Петербургъ и нынѣ на пользу науки хранится въ императорской публичной библіотекѣ. Кстати замѣтить, что въ числѣ ея манускриптовъ найдены были такіе, которые тщетно разыскивались учеными любителями восточной литературы во всей Персіи и въ Ардебилѣ.

„Съ чувствомъ живѣйшей признательности,— писалъ Паскевичъ въ приказѣ по корпусу,¹⁾ —благодарю васъ, храбрые товарищи! Въ продолженіи 22-хъ-лѣтней боевой моей службы много я видѣлъ войскъ храбрыхъ, но болѣе мужественныхъ въ сраженіи, болѣе постоянныхъ въ трудахъ, не знаю. Дѣянія ваши останутся незабвенными въ потомствѣ. Честь и слава вамъ, побѣдители!“

Паскевичъ научился понимать и любить эти войска, о которыхъ съ такимъ пренебреженіемъ отзывался, принимая ихъ около двухъ лѣтъ тому назадъ изъ рукъ Ермолова. И войска платили ему взаимностью.

Государю онъ послалъ короткое донесеніе: „Съ пепелища Ахалцыха, послѣ штурма, 12 часовъ продолжавшагося, имѣю счастье поздравить Ваше Величество съ покореніемъ этого города, извѣстнаго въ цѣлой Азіи“. Государь пожаловалъ Паскевичу орденъ св. Андрея Первозваннаго и приказалъ Ширванскому полку, какъ наиболѣе отличившемуся на штурмѣ, именоваться впредь полкомъ графа Паскевича-Эриванскаго.

На другой день послѣ полученія объ этомъ рескрипта, Паскевичъ принималъ поздравленія и выйдя затѣмъ къ Ширванскому полку, сказалъ короткую рѣчь, которая не лишена своего значенія.

— „Вамъ, ширванцы, сказалъ онъ, я обязанъ высокою честью, дарованную мнѣ Государемъ. Благодарю васъ, друзья мои! Мнѣ пріятно раздѣлить съ вами мою радость въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вы пріобрѣли своею кровью. Я старый воинъ и смѣло могу

---

¹⁾ Акты, т. VII, № 366. Приказы 28-го августа.

сказать, что вы показали рѣдкій примѣръ въ военномъ дѣлѣ. Вы хладнокровно, съ пѣснями, пошли на приступъ. Турки пустили въ васъ дождь пуль и картечей; знамена ваши были пробиты, многіе свалились отъ перваго залпа, но другіе замѣнили падшихъ товарищей, и вы—ружье на перевѣсъ—ворвались въ городъ безъ выстрѣла. Слѣдуйте всегда этому правилу. Стрѣльба—знакъ робости, которая ободряетъ непріятеля; храброе, хладнокровное приближеніе безъ выстрѣла всегда приведетъ его въ трепетъ. Честь и слава вашему покойному командиру полковнику Бородину: онъ вель васъ молодцами. Я много служилъ на полѣ чести, но видѣлъ только два подобныхъ примѣра—оба въ 1812 году“.

Весь день ликовали и праздновали ширванцы, а лихіе пѣсенники ихъ заливались уже новою, только что сложенною, пѣснею:

Ой, между горъ—
Ахалцыхъ стоитъ;
А вокругъ стѣна,—
Ровъ широкъ лежитъ.
Какъ возговоритъ нашъ графъ
Громкимъ голосомъ:
Ой, храбрый мой—
Мой Ширванскій полкъ!—
Поди возьми—
Поди возьми Ахалцыхъ.
Ой, тронулся—
Вотъ пошелъ Ширванскій полкъ:
Онъ шагъ ступилъ—
За ровъ махнулъ;
Другой ступилъ—
Свалилъ стѣну крѣпкую,
Рукой махнулъ—
Побилъ силу вражію.

Съ особенною торжественностью праздновалось паденіе Ахалцыха въ Грузіи и праздновалось ни какъ простое взятіе крѣпости, а какъ гибель разбойничьяго гнѣзда, съ которымъ вмѣстѣ разрушался и источникъ вѣковыхъ бѣдствій Грузіи. Когда ахалцыхскіе

трофеи возились по улицамъ Тифлиса, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей и пушечныхъ выстрѣлахъ со стѣнъ Метехскаго замка, тысячи народа сопровождали процессію. Сколько вѣковъ, страшное имя Ахалцыха было грозно для стараго Тифлиса! И вотъ его бунчуки, его знамена и самая луна, сорванная со знаменитой мечети, свидѣтельствовали всѣмъ, что наступило время мира и спокойствія, что древнее достояніе грузинскихъ царей, отторгнутое вражескою силою, возвращается нынѣ въ лоно стараго своего отечества.

При самомъ вѣздѣ въ Ахалцыхъ, на почтовой дорогѣ, стоитъ скромный монументъ, на которомъ начертанъ годъ покоренія крѣпости и имена храбрыхъ офицеровъ, павшихъ при штурмѣ ея. Это — слѣдъ пребыванія на Кавказѣ императора Николая Павловича. Проѣзжая черезъ Ахалцыхъ въ 1837 году, государь посѣтилъ могилу, гдѣ были погребены павшіе воины и повелѣлъ тогда же воздвигнуть надъ нею памятникъ. Самый памятникъ въ византійскомъ вкусѣ и на немъ скромная надпись: „Въ память воинамъ, павшимъ при взятіи Ахалцыхской крѣпости въ 1828 году“.

Не многосложна эта надпись, но какъ много говорятъ простыя слова ея тому, кто знаетъ сколько невѣроятныхъ подвиговъ и жертвъ стоила эта кровавая побѣда надъ упорнымъ и сильнымъ Ахалцыхомъ.

Съ завоеваніемъ Ахалцыха палъ главный городъ пашалыка, но самый пашалыкъ еще предстояло подчинить русской власти разумною политикою, а гдѣ нужно, то и силой оружія. Мусульманское населеніе относилось къ намъ враждебно, христіанское — не знало кого держаться, такъ какъ въ рукахъ непріятеля оставались еще два сильные опорные пункта: Ардаганъ на югѣ, и Ацхуръ на сѣверо-востокѣ. Покореніе ихъ само собою и выдвигалось на первый планъ.

Но главною заботою главнокомандующаго на первое время было возстановить внутренній порядокъ въ самомъ Ахалцыхѣ и тѣмъ привлечь на свою сторону жестоко пострадавшее отъ войны

населеніе. На другой же день по занятіи крѣпости, учреждено было областное правленіе, и начальникомъ пашалыка назначенъ генераль-маіоръ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, человекъ хорошо образованный, гуманный и большой знатокъ восточныхъ языковъ, нравовъ и обычаевъ. ¹⁾ Онъ началъ съ того, что собралъ разбѣжавшихся изъ Ахалцыха жителей и каждому изъ нихъ оказалъ посильную помощь, не разбирая степени участія его въ дѣлахъ противъ русскихъ войскъ.

Прошлое было забыто; о немъ не вспоминали и возвращавшихся жителей встрѣчали вездѣ съ привѣтомъ и лаской, какъ настоящихъ русскихъ подданныхъ. Молва о великодушіи побѣдителей быстро облетѣла окрестности и принесла богатые плоды. Еще Ахалцыхъ дымился подъ пепломъ своихъ развалинъ, еще въ поляхъ валялись неубранныя тѣла павшихъ, а въ ближайшихъ деревняхъ уже закипала обычная жизнь мирнаго времени. Народъ принимался за промыслы, торговлю и сельскія работы. Такое довѣріе къ русскимъ было столь необычайнымъ явленіемъ въ азіатскомъ краѣ, что императоръ Николай I отмѣтилъ его особымъ вниманіемъ. Въ рескриптѣ на имя графа Паскевича, онъ благодарилъ его за военные подвиги, но еще болѣе за то прекрасное поведеніе войскъ, которымъ они ознаменовали себя по отношенію къ мирнымъ жителямъ. Государь видимо гордился этою народною чертою русскаго солдата, и Паскевичъ, съ своей стороны, поспѣшилъ объявить объ этомъ войскамъ. ¹⁾

„Въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ—писалъ онъ—Его Величество Государь Императоръ повелѣваетъ передать вамъ: „Изъявите войскамъ совершенное Мое удовольствіе и признательность; поведеніе ихъ послѣ побѣды Мнѣ столько же пріятно, какъ и славнѣйшіе ихъ подвиги“. Воины!—это слова нашего Государя. Какую награду поставите выше сего!“

Одновременно съ тѣмъ, какъ широкая административная дѣятельность, направлялась исключительно къ мирному, безкровному

---

¹⁾ Впослѣдствіи знаменитый побѣдитель турокъ въ 1853 году подъ Башъ-Кадыкъ Ларомъ, а въ 1854—при Кюрюкъ-Дара.

¹⁾ Приказы Паскевича. Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа за 1828 годъ.

завоеванію турецкой области,—въ самой крѣпости кипѣли работы уже чисто военного характера: тамъ спѣшно исправляли разрушенные верхи, возводили новыя укрѣпленія, усиливали оборону, учреждали большіе продовольственные склады—на случай, если бы турки зимою возобновили военныя дѣйствія и осадили Ахалцыхъ.

Вопросъ о продовольствіи, игравшій во всѣхъ походахъ Паскевича одну изъ главныхъ ролей, былъ неразрывно связанъ съ другимъ вопросомъ—о скорѣйшемъ устройствѣ удобнаго пути сообщенія съ нашими закавказскими провинціями. Для этого нужно было выбрать одно изъ двухъ направленій: или черезъ Ханійское ущелье и селеніе Багдадъ въ Имеретію, или же черезъ Боржомское ущелье въ Грузію. Первая дорога, доходившая до Усть-Цхенись-цхальской пристани на Ріонѣ, гдѣ былъ устроенъ складочный пунктъ продовольственныхъ запасовъ, доставляемыхъ по Черному морю, была важнѣйшею, и Паскевичъ сначала остановился на ней. Но эта дорога и послѣ своей разработки оказалась настолько неудобной, что первый транспортъ, отправленный по ней изъ Багдада, едва въ восемь сутокъ могъ пройти только сорокъ верстъ, при чемъ множество вьючныхъ и даже артиллерійскихъ лошадей свалилось въ кручи. Пришлось оставить ее и обратиться опять къ старой боржомской дорогѣ. Но предвѣрительно надо было овладѣть Ацхуромъ.

Еще 17-го августа, слѣдовательно на другой день по взятіи Ахалцыха, Паскевичъ отрядилъ къ нему генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго, съ баталіономъ пѣхоты и двумя казачьими полками, при шести орудіяхъ. Сравнительно небольшому Ацхуру трудно было держаться послѣ паденія Ахалцыха, но и положеніе князя Вадбольскаго являлось крайне затруднительнымъ. Замокъ стоялъ на высокой гранитной скалѣ, а гарнизонъ его, состоявшій изъ 500 лазовъ и тысячи вооруженныхъ жителей, объявилъ что будетъ драться на-смерть. При такихъ условіяхъ открытый штурмъ стоилъ бы намъ громаднхъ жертвъ, а блокада, при обиліи собранныхъ въ крѣпости запасовъ, повела бы за собою значительную потерю драгоцѣннаго времени. Вадбольскій колебался на какомъ изъ этихъ двухъ средствъ остановиться? Тогда нѣсколько

ахалцыхскихъ старшинъ, сопровождавшихъ отрядъ, добровольно вызвались отправиться въ замокъ и переговорить съ ацхурцами. Они, какъ очевидцы, развернули передъ глазами гарнизона такую кровавую картину ахалцыхскаго штурма, что мужество защитниковъ поколебалось. Лазы первые покинули крѣпость и удалились въ горы, а жители отворили ворота,—и крѣпость съ 14 орудіями и знаменами взята была безъ выстрѣла.¹⁾

Только тогда для разработки дороги былъ вызванъ изъ Иммеретіи баталіонъ Мингрельскаго полка и работы, порученныя инженеръ-подполковнику Эспехо, поведены были съ такою энергіею, что къ концу августа колесное сообщеніе было уже установлено.

Вмѣсто горныхъ тропъ, по которымъ еще недавно пробивался отрядъ Попова, теперь прошла хорошая, широкая дорога, и изъ Ахалцыха тотчасъ потянулись по ней въ Грузію транспорты съ больными и ранеными. Устройство этой дороги, вмѣстѣ съ побѣдами Паскевича, имѣли такое вліяніе, что въ боржомскихъ лѣсахъ, искони славившихся разбоями, водворилась полная безопасность, и курьеры, даже по ночамъ, проѣзжали здѣсь безъ конвойа, съ однимъ проводникомъ-туземцемъ.²⁾

Вслѣдъ за покореніемъ Ацхура палъ и другой укрѣпленный пунктъ—Ардаганъ. Но завоеваніе его досталось уже на долю войскамъ, остававшимся въ Карсѣ. Необходимо указать, что въ Карсскомъ пашалыкѣ, со времени ухода Паскевича къ Ахалкалакамъ, царило полное спокойствіе. Тревожныя минуты пришлось пережить гарнизону только въ то время, когда Кіосъ-Магометъ-паша вначалѣ августа появился было въ окрестностяхъ Карса. Но турки быстро ушли подъ Ахалцыхъ, и всякая опасность опять миновала. Все это время намъ приходилось возиться только съ мелкими разбойничьими шайками, искавшими легкой наживы въ армянскихъ селеніяхъ. Поэтому, когда въ Карсѣ получены были извѣстія, что турецкія войска, разбитыя въ бою 9-го августа, бѣгутъ изъ-подъ Ахалцыха, генералъ Берхманъ тотчасъ выслалъ изъ крѣпости полковника князя Бековича-Черкаскаго съ двумя баталіонами еге-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа 1828 г. Дѣло № 60.

²⁾ Тамъ же.

рей, съ четырьмя орудіями и тремя сотнями конницы къ сторонѣ Ардагана, для защиты тамошнихъ жителей. Онъ опасался, что бѣгушіе турки выместятъ на нихъ свою злобу; и дѣйствительно, всѣ деревни, которыя проходилъ князь Бековичъ, были уже пусты. Мушскій паша, опоздавъ къ Ахалцыху, успѣлъ, однако же, опустошить край, и теперь гналъ армянское населеніе все дальше и дальше отъ русскихъ предѣловъ.

Бековичъ настигъ его 17-го августа, но турецкій отрядъ тотчасъ бросилъ весь армянскій обозъ и укрылся въ стѣнахъ Ардагана. Первая половина предпріятія была такимъ образомъ исполнена, но оставалась еще другая, труднѣйшая—отступленіе отряда, обремененнаго громаднымъ караваномъ переселенцевъ. Бековичъ уже зналъ, что въ распоряженіи мушскаго паши находилась тысяча отборныхъ курдовъ и до трехъ тысячъ турецкой конницы, собранной имъ изъ числа бѣжавшей изъ-подъ Ахалцыха. Можно было предвидѣть, что турки, опомнившись отъ перваго страха, начнутъ горячее преслѣдованіе. И дѣйствительно, едва обозы длиною лентою тронулись съ мѣста, какъ въ аръергардѣ завязалась живая перестрѣлка. Сотня конныхъ армянъ и двѣ сотни казаковъ очевидно не могли выдержать напора четырехъ-тысячной конницы и были опрокинуты. Курды ворвались въ обозъ, но въ эту минуту появилась наша пѣхота. При ея появленіи турецкая конница тотчасъ бѣжала въ горы, но курды вступили въ отчаянный бой, стоившій намъ до шестидесяти человѣкъ, выбывшими изъ строя. Но зато и курды понесли огромную потерю; здѣсь былъ убитъ сынъ мушскаго паши и съ нимъ 16 человѣкъ только однихъ старшихъ болѣе или менѣе знатнаго рода.¹⁾

Самая добыча, оставленная курдами въ нашихъ рукахъ, показывала, что нападавшая кавалерія была составлена изъ отборныхъ всадниковъ; между отбитыми лошадьми не было ни одной, которая цѣнилась бы менѣе 500 руб. на русскія деньги, а были кони и тысячные; уборы по красотѣ и цѣнности соответствовали конямъ.

---

¹⁾ Дѣло № 258. Военный журналъ Паскевича отъ 25-го августа.

Когда окончился бой, переселенцы были уже далеко. Страхъ подгонялъ ихъ, и, несмотря на тяжесть возовъ, на лѣнь буйволовъ, на множество скота, путавшагося среди повозокъ и на всѣ препятствія, встрѣчавшіяся на пути, они шли такъ скоро, что отрядъ догналъ ихъ уже на привалѣ. Здѣсь нужно было дожждаться прибытія еще многихъ жителей, слѣдовавшихъ по другимъ ущельямъ и также просившихъ покровительства. Съ разныхъ сторонъ до самаго вечера тянулись къ отряду тяжелые обозы и постепенно сливались въ одинъ. Солнце уже сѣло, когда князь Бековичъ поднялся съ привала и послѣ ночного марша благополучно прибылъ въ Карсъ. Такимъ образомъ, освобождены были 23 деревни, которыя, водворившись на прежнихъ мѣстахъ, убрали созрѣвшую безъ нихъ жатву и внесли въ казну подать—пшеницею.

Но едва возвратился князь Бековичъ, какъ пришло извѣстіе о взятіи Ахалцыха, и графъ Паскевичъ предписалъ карсскому гарнизону овладѣть Ардаганомъ. Генераль Берхманъ выступилъ съ отрядомъ, въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, 8-ми орудій и четырехъ сотенъ казаковъ. Первый ночлегъ былъ у озера Айгеръ-гель, а затѣмъ на слѣдующій день показались уже Алагезскія высоты,—и за ними ардаганскія стѣны и башни. На пути мы узнали, что Кіось-Магометъ-паша, въ сопровожденіи сорока всадниковъ, проѣхалъ уже въ Эрзерумъ, и что за нимъ ушелъ туда же весь гарнизонъ Ардагана. Ворота крѣпости стояли отворенными настежь, и армяне, вышедшіе къ намъ навстрѣчу, поднесли генералу крѣпостные ключи. Ардаганъ былъ занятъ—и въ немъ безъ крови и жертвъ достались русскимъ 30 непріятельскихъ орудій. Оставивъ въ крѣпости одинъ баталіонъ 40-го Егерскаго полка, генераль Берхманъ возвратился обратно въ Карсъ.⁴⁾

Ардаганскій санджакъ считался житницей Ахалцыхскаго пашалыка, и въ немъ дѣйствительно можно было найти огромные запасы хлѣба. Чтобы личнымъ наблюденіемъ ускорить сборъ провіанта, Паскевичъ съ главною квартирой самъ перешелъ въ Ардаганъ, куда вмѣстѣ съ нимъ прибыли гренадерскіе полки Му-

---

⁴⁾ Тамъ же. Дѣло 1828 г № 258.

равьева и кавалерійская бригада Раевского. Такимъ образомъ, составилъ передовой Ардаганскій отрядъ, имѣвшій цѣлью наблюдать за эрзерумскою дорогою и въ тоже время охранять Карсскую область, если бы турки спустились съ Согоанлугскихъ горъ. Здѣсь къ графу Паскевичу прискакалъ курьеръ отъ генералъ-маіора князя Чавчавадзе съ донесеніемъ, что весь Баязетскій пашалыкъ занятъ русскими войсками и вмѣстѣ съ этимъ главнокомандующему были представлены два бунчука и повелительный жезлъ баязетскаго паши.

Оставимъ на время главныя силы и посмотримъ, что происходило у насъ на лѣвомъ флангѣ со стороны Эривани.

Глава VI.

Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ русскаго корпуса.—Баязетскій пашалыкъ.—Князь Александръ Чавчавадзе.—Сдача Баязета.—Походъ въ Алашкертскій санджакъ и покореніе Топрахъ-кале.—Встрѣча съ курдами за деревней Чалкалы.—Движеніе части отряда въ Мушскій пашалыкъ для сбора продовольственныхъ запасовъ.—Бой у Софикента.—Тревога въ Эрзерумѣ и сборъ сильнаго турецкаго отряда для овладѣнія Алашкертской долиной.—Князь Чавчавадзе встрѣчаетъ турокъ въ Мушскомъ пашалыкѣ.—Кровавые бои у Патноса и Гракома.—Возвращеніе отряда въ свои границы.—Помощь, поданная ему изъ Карса.—Отозваніе князя Чавчавадзе и назначеніе на мѣсто его генерала Панкратьева.—Паскевичъ и князь Чавчавадзе.

Въ іюнь 1828 года, когда русскій корпусъ переходилъ Арпачай и вступалъ въ турецкую землю,—въ Эривани, тогда только что отвоеванной у Персіи, оставленъ былъ небольшой отрядъ, въ составъ котораго вошли: два баталіона Севастопольскаго пѣхотнаго полка, шесть ротъ 41-го Егерскаго и Донской казачій полкъ Басова, всего около 2-хъ тысячъ штыковъ и 340 коней. Съ этими ничтожными силами военный губернаторъ области генералъ-маіоръ князь Чавчавадзе имѣлъ назначеніе прикрывать обширныя границы отъ набѣговъ со стороны Баязетскаго пашалыка.

Баязетскій пашалыкъ непосредственно примыкалъ къ Армянской области ¹⁾ и отдѣлялся отъ нея только высокимъ хребтомъ Агри-дагомъ. Главное населеніе его составляли армяне, которыхъ считалось здѣсь до трехъ тысячъ семействъ или до 18-ти тысячъ душъ. Турки были гораздо малочисленнѣе, но, какъ завоеватели края, держали въ своихъ рукахъ всѣ отрасли внутренняго правленія страню. Третью народность Баязетскаго пашалыка составляли курды,—этотъ бичъ цвѣтущихъ странъ Азіи, постоянно враж-

¹⁾ Изъ завоеванныхъ въ 1828 г. графомъ Паскевичемъ отъ Персіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго былъ образована Армянская область.

довавшихъ и съ турками, и съ армянами, и со своими единоземцами. Они спѣшили воспользоваться войною, какъ случаемъ легкой наживы и бросились грабить русскіе и персидскіе предѣлы. Удачныя набѣги ихъ показали баязетскому пашѣ, что русскіе не настолько сильны въ Эривани и Хоѣ, чтобы серьезно угрожать Баязету, а потому, когда князь Чавчавадзе написалъ ему письмо, въ которомъ совѣтовалъ искать русскаго покровительства, паша отвѣтилъ, что если русскіе войдутъ въ его предѣлы, то встрѣтятъ жестокой отпоръ до послѣдней крайности.

Между тѣмъ покореніе Баязетскаго пашалыка откладывалось Паскевичемъ только до поры до времени. Онъ былъ важенъ для насъ, какъ потому, что черезъ него пролегала большая караванная дорога изъ Трапезонда и Эрзерума въ Тавризъ, такъ и потому, что покореніе стоявшихъ на этомъ пути турецкихъ укрѣпленій совершенно прикрывало лѣвый флангъ нашего дѣйствующаго корпуса. Къ тому же пашалыкъ славился своимъ плодородіемъ и большими запасами хлѣба. И вотъ, когда на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій русскіе овладѣли уже Ахалкалаками, когда персидское правительство внесло часть контрибуціи, вслѣдствіи чего Нашебургскій пѣхотный полкъ, занимавшій Салмазъ, оказался свободнымъ, гр. Паскевичъ предписалъ князю Чавчавадзе начать наступательныя дѣйствія къ Баязету.

Въ исходѣ августа мѣсяца, у подошвы большого Арарата расположился бивакомъ небольшой русскій отрядъ, при которомъ находился и самъ военный губернаторъ князь Чавчавадзе. Здѣсь были два баталіона Нашебургскаго пѣхотнаго и три роты Севастопольскаго полковъ при шести полевыхъ орудій, двѣ сотни казаковъ, и четыре сотни конной армяно-татарской милиціи—всего 1400 штыковъ и до 500 всадниковъ. Съ этими то ничтожными силами князь Чавчавадзе готовился брать Баязетъ и проникнуть въ глубь Анатолиі. Задача была трудная, но исполненіе ея принялъ на себя человѣкъ несомнѣнно талантливый, смѣлый и предприимчивый.

Князь Александръ Чавчавадзе былъ сынъ знаменитаго князя Герсевана, игравшаго такую крупную роль въ послѣднихъ историческихъ судьбахъ Грузинскаго царства. Онъ родился въ Петербургѣ въ то время, когда отецъ его находился тамъ полномочнымъ министромъ грузинскаго царя, и воспріемницей его отъ купели была сама Императрица Екатерина Вторая. Отличное образованіе, полученное имъ въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ столицы, не избавило его, однако, отъ ошибокъ и увлеченій молодости. Это были первые годы правленія Циціанова, когда вся Грузія была еще переполнена партіями многочисленныхъ царевичей, не хотѣвшихъ отступить отъ своихъ притязаній на наслѣдственную царскую власть. Молодой, 15-ти лѣтній князь, опутанный тонкими сѣтями интригъ, до того проникся идеей независимаго существованія Грузіи, что въ 1804 году тайно покинулъ родительскій домъ и бѣжалъ къ царевичу Парнаозу, стоявшему въ то время съ мятежными шайками на военно-грузинской дорогѣ. Царевичъ, какъ извѣстно, въ томъ же году былъ разбитъ и захваченъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 30-ю кахетинскими князьями.

Въ числѣ этихъ плѣнныхъ находился тогда и молодой князь Чавчавадзе. Заслуги отца спасли его, однако, отъ неизбежной кары. Императоръ не только благодушно простилъ увлеченіе юности, но вызвалъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ въ Пажескій корпусъ. Отсюда онъ былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ и въ 1811 году вернулся на родину уже адъютантомъ главнокомандующаго маркиза Пауллучи. Съ нимъ вмѣстѣ онъ находился при усмиреніи кахетинскаго бунта, былъ раненъ пулею въ ногу и вмѣстѣ съ нимъ же отправился изъ Грузіи, готовясь принять участіе въ великихъ событіяхъ отечественной войны.

Походы въ Германію и Францію не прошли для него безслѣдно и довершили, такъ сказать, практически его военное образованіе. Когда въ 1817 году, уже въ чинѣ полковника, онъ былъ опять переведенъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ родной ему Кахетіи,—то явился личностью далеко выходившею изъ общаго уровня тогдашняго грузинскаго дворянства. Служебная карьера обѣщала ему многое; на восьмомъ году служ-

бы онъ уже былъ полковникъ и почти цѣлый годъ временно командовалъ Нижегородскимъ полкомъ. Ермоловъ рекомендовалъ его государю, какъ отличнаго кавалерійскаго офицера, вполнѣ достойнаго занять мѣсто командира этого полка, но препятствіемъ къ тому послужила молодость князя. Когда же изъ Петербурга командиромъ Нижегородскаго полка назначили полковника Шабельскаго,—почти на три года моложе князя Чавчавадзе,¹⁾ послѣдній покинулъ службу и поселился въ Тифлисъ. Здѣсь онъ пользовался большою популярностью, какъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ поэтовъ Грузіи и какъ замѣчательный переводчикъ на грузинскій языкъ классическихъ произведеній персидской, русской, французской и нѣмецкой литературы; всѣ эти языки князь зналъ не хуже грузинскаго, и его переводы, выраженные въ прекрасныхъ и звучныхъ стихахъ, не уступаютъ подлинникамъ. Отъ этой мирной, чисто литературной дѣятельности, его оторвала персидская война; онъ участвовалъ въ ней вмѣстѣ съ грузинскимъ ополченіемъ, былъ произведенъ въ генералы, и послѣ отъѣзда Красовскаго въ Россію, назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ Армянской области. Въ этомъ званіи и застаеъ его кампанія 1828 года.

25-го августа небольшой отрядъ князя Чавчавадзе перешелъ высокій пограничный хребетъ Агри-дагъ и налегкѣ, безъ обозовъ двинулся къ Баязету. Непріятельская конница, встрѣтившая его на дорогѣ, была разсѣяна, и отрядъ въ тотъ же день, 27-го августа, сталъ въ трехъ верстахъ отъ города.²⁾

На слѣдующее утро, едва начала заниматься заря, какъ изъ крѣпости пріѣхалъ парламентеръ съ письмомъ, въ которомъ комендантъ Биллюль-паша предлагалъ сдать Баязетъ, но требовалъ срокъ

---

¹⁾ Князь Александръ Чавчавадзе былъ женатъ на княгинѣ Соломіи Орбелиани. Изъ трехъ дочерей его, старшая, Нина Александровна, была впослѣдствіи женою Грибоѣдова, вторая дочь, Екатерина Александровна, вышла замужъ за владѣтельнаго князя Дадіана Мингрельскаго, и послѣ его кончины была послѣднею правительницею Мингреліи; младшая, Софія Александровна, была въ замужествѣ за членомъ государственнаго совѣта барономъ Николаи, извѣстнымъ кавказскимъ дѣятелемъ.

Единственный сынъ его, князь Давидъ Александровичъ, впослѣдствіи генералъ Свѣтъ Его Величества наслѣдовалъ, по смерти отца, родовое имѣніе князей Чавчавадзе, знаменитые Цинондалы, гдѣ ему пришлось пережить тяжкія минуты плѣна своего семейства, захваченнаго Шамилемъ, при вторженіи его въ Кахетію лѣтомъ 1854 года.

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г. № 102.

до полудня, чтобы турецкій гарнизонъ могъ безпрепятственно оставить городъ. Князь согласился. Но едва парламентаръ уѣхалъ, какъ казачій разъѣздъ далъ знать, что къ Баязету подходятъ двѣ тысячи курдовъ. Опасаясь, что переговоры были только маской, за которой скрывалось желаніе выиграть время, Чавчавадзе приказалъ двумъ ротамъ Нашебургскаго полка тотчасъ занять высоты, лежавшія на южной сторонѣ города и отрѣзать у непріятеля воду. Движеніе этихъ ротъ переполошило весь Баязетъ. Со стѣнъ баязетскаго замка) загремѣли орудія; но въ самомъ городѣ уже мало кто помышлялъ о сопротивленіи. Всѣ видѣли, какъ двѣ-три тысячи курдовъ показались было на сосѣднихъ горахъ, но, удостоверившись по видимому что имъ дѣлать здѣсь нечего, повернули назадъ и скрылись. Когда же русскія батареи открыли огонь по мусульманскому кварталу, все, что находилось въ городѣ, бросилось спасаться по макинской дорогѣ,—и Баязетъ остался безъ защитниковъ. Въ часъ по полудни 28 августа войска заняли городъ безъ выстрѣла, и Биллюль-паша, еще не успѣвшій выбратъ-ся изъ своего дворца, объявленъ былъ военноплѣннымъ. „Мы встрѣтили его, рассказываетъ одинъ участникъ похода, у воротъ цитадели. Это былъ еще молодой человѣкъ, высокаго роста, съ привлекательнымъ лицомъ, на которомъ лежала скорбь и тяжесть переживаемаго униженія.“ Въ цитадели взято было 12 пушекъ, три знамени, два бунчука и повелительный жезлъ баязетскихъ пашей.³⁾

Чтобы ознаменовать день покоренія Баязета, совершившагося какъ разъ передъ тезоименитствомъ наслѣдника престола, Чавчавадзе ходатайствовалъ объ освященіи главной турецкой мечети въ православную церковь во имя Александра Невскаго. Паскевичъ однако отклонилъ ходатайство. Онъ писалъ государю: „Я не разрѣшилъ исполнить сіе, потому что ни одной подобной мѣры не допускаю въ здѣшнихъ пашалыкахъ, будучи неизвѣстенъ еще присоединятся ли они къ Россійской Имперіи.“³⁾

1) Въ восточной сторонѣ города возвышался огромный каменный замокъ, который по отношенію обороны города имѣлъ значеніе цитадели.

2) Тамъ же. Рапортъ кн. Чавчавадзе 9-го сентября 1828 г. № 999.

3) Ак. Кав. Ар. Ком. т. VII, ст. 763 Всеподданнѣйшее донесеніе Паскевича отъ 23-го сентября 1828 года.

Паденіе главнаго города пашалыка естественно повело за собою и покорность ближайших санджаков—Хамурскаго и Діадинскаго. Діадинъ былъ занятъ конною сотнею армянъ, а Хамуръ даже не занимали вовсе, довольствуясь тѣмъ, что сами старшины явились въ Баязетъ и доставили городскіе ключи. Взятіе крѣпости и покореніе двухъ санджаковъ, даже не издавшихъ русскаго войска, съ военной точки зрѣнія, конечно, не представляли ничего замѣчательнаго, въ смыслѣ какихъ либо подвиговъ; но въ политическомъ отношеніи это былъ крупный шагъ, фактически упрочивавшій русское владычество въ краѣ. Разсѣявшееся населеніе стало собираться въ свои дома, и даже курды, бѣжавшіе къ Вану, не только возвратились назадъ, но ихъ родоначальникъ Гасанъ-ага, сформировавъ изъ своихъ подвластныхъ сотню отборныхъ всадниковъ, самъ привелъ ее въ лагерь князя Чавчавадзе.

Теперь остался только одинъ Алашкертскій санджакъ, который не хотѣлъ подчиниться русскимъ и готовился отстаивать свою независимость. Самый Алашкертъ—городъ весьма небольшой, но его старинный замокъ стоялъ на вершинѣ недоступной скалы, какъ бы отторгнутой отъ цѣлой груды утесовъ и царилъ надъ всею Алашкертскою долиною. Турки называли этотъ замокъ Топрахъ-кале и сидѣли въ немъ крѣпко.

Между тѣмъ, пока князь Чавчавадзе устраивалъ областное правленіе и водворялъ порядокъ въ ближайшихъ санджакахъ, событія шли своимъ чередомъ и вызывали его къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Нужно сказать, что паденіе Баязета произвело въ Эрзерумѣ такую панику, что многіе стали выѣзжать изъ города, опасаясь, что русскіе займутъ Алашкертъ и черезъ Гасанъ-кала пойдутъ на Эрзерумъ. Встревоженный сераскиръ немедленно отправилъ особый отрядъ, подъ начальствомъ Абдулъ-Ризахъ-бека съ тѣмъ, что если невозможно отстоять Алашкертъ, то вывести изъ него всѣ магазины, всѣ продовольственные запасы, опустошить край и перегнать все армянское населеніе въ глубь Анатоліи. Сотни христіанскихъ семействъ молили русскихъ о помощи. И князь Чавчавадзе не медлилъ. Утромъ 9 го сентября получены были первыя извѣстія о появленіи Ризахъ-бека, а въ полдень Нашебургскій полкъ

съ ротой севастопольцевъ и шестью орудіями уже шелъ форсированнымъ маршемъ на помощь къ армянамъ. Кавалерія взята была сборная: донская казачья сотня, курды Гасанъ-аги и татаро-армянское ополченіе, наскоро собранное въ самомъ Баязетѣ. Смѣло и рискованно было это движеніе. Два баталіона уходили далеко въ непріятельскую землю, ничѣмъ не обезпеченные съ тыла. Правда, для защиты Баязета оставлены были двѣ роты, и туда же былъ вызванъ изъ Эривани сводный баталіонъ изъ ротъ Севастопольскаго и 41-го Егерскаго полковъ, но затѣмъ уже и въ Эриванской области почти ничего не оставалось.

Сто пятьдесятъ верстъ пѣхота прошла въ 48 часовъ; люди подбились, но шли бодро и отсталыхъ не было. Съ послѣдняго привала, сдѣланнаго ночью, князь Чавчавадзе двинулся впередъ съ одной конницей и тремя орудіями; пошли на рысяхъ, а за нимъ бѣгомъ слѣдовало 300 пѣшихъ охотниковъ, выбранныхъ изъ лучшихъ ходоковъ. Замокъ они нашли уже покинутымъ; но едва конница вскочила въ городъ, какъ изъ домовъ со всѣхъ сторонъ посыпались пули. Не обращая вниманія на перекрестный огонь, конница наша быстро пронеслась черезъ городъ, и отрѣзала часть непріятельской пѣхоты. Подполковникъ Басовъ первый бросился съ своей сотней въ пики, и турки, въ числѣ 120 человѣкъ, положили оружіе. Въ то же самое время Гасанъ-ага, бросившійся по эрзерумской дорогѣ, встрѣтилъ большой турецкій обозъ, слѣдовавшій въ Топрахъ-кале для вывоза оттуда провіанта и привелъ его съ собою къ отряду.

Пока наша конница дѣйствовала въ полѣ, охотники очистили отъ непріятеля городъ, а подошедшая пѣхота заняла покинутый замокъ. Въ это время прискакалъ армянинъ съ извѣстіемъ, что, въ 15-ти верстахъ отъ Алашкерта, Наги-ханъ съ своими карапаками напалъ на армянскую деревню Чилканы. Помочь несчастнымъ жителямъ не было возможности: конница еще не возвращалась, а посылать усталую пѣхоту за 15 верстъ было бесполезно. Только къ вечеру, когда собралась наконецъ кавалерія, удалось кое-какъ сформировать летучій отрядъ изъ охотниковъ. Куртинская сотня вызвалась итти вся поголовно; къ ней присоеди-

нилось до ста человекъ казаковъ, татаръ и армянъ, — и летучій отрядъ, подъ командой войскового старшины Епифанова, пустился въ догонку за хищниками.

Чилканы проскакали мимо. Жизнь уже оставила это многолюдное селеніе, и только обгорѣлыя каменные стѣны, какъ обезображенный трупъ мертвеца, свидѣтельствовали о страшной агоніи, въ которой погибло селеніе. Мертвецъ вопіетъ объ отмщеніи, но не скажетъ, кто его убійца, куда онъ скрылся. Такъ и Чилканы безмолвно и страшно смотрѣли теперь на запоздавшихъ своихъ избавителей. Отрядъ дѣйствительно скакалъ на удачу. Но на бѣду карапаховъ пошелъ сильный дождь, и конскіе слѣды ясно стали обрисовываться на мокрой, примятой травѣ. Попавъ на эту сакму, Епифановъ скакалъ всю ночь и подъ утро увидѣлъ наконецъ партію, только что поднимавшуюся съ привала; весь отрядъ пустился карьеромъ. Застигнутые погоней, карапахи бросили весь угнанный скотъ, а сами засѣли въ первое, попавшееся имъ на пути, ущелье. Курды Гасанъ-аги, бывшіе впереди, кинулись было на приступъ и даже ранили дротикомъ самого Наги-хана, но ворваться въ ущелье не могли. Подъѣхавшій Епифановъ не отважился съ горстью утомленной кавалеріи на новый приступъ и рѣшилъ вернуться назадъ, удовольствовавшись отбитой добычей, тѣмъ болѣе, что карапахи угрожали все равно перерѣзать плѣнныхъ, если русскіе будутъ нападать. Въ этотъ день курды еще въ первый разъ сражались противъ своихъ единовѣрцевъ и сражались хорошо: два изъ нихъ были убиты и одинъ раненъ.

Такъ довершено было покореніе Баязетскаго пашалыка, и князь Чавчавадзе, оставивъ въ гарнизонѣ Топрахъ-кале двѣ роты нашебургцевъ, съ остальными войсками вернулся въ Баязеть.¹⁾

„По занятіи Алашкерта и изгнаніи послѣдней партіи курдовъ — доносилъ Паскевичъ государю — весь Баязетскій пашалыкъ очищенъ отъ непріятеля, и знамена Вашего Величества развѣваются въ вершинахъ Ефрата“. Самаго Чавчавадзе онъ поручалъ особому вниманію императора. „Распорядительность, благоразуміе и усердіе

¹⁾ Дѣло № 258. Военный журналъ Паскевича отъ 21-го и 23-го сентября.

къ службѣ, оказанныя имъ при покореніи Баязетскаго пашалыка, поставляютъ меня въ обязанность ходатайствовать о награжденіи его орденомъ св. Анны 1-го класса“⁴).

Владѣя теперь на обоихъ концахъ пашалыка опорными пунктами, князь Чавчавадзе обратился къ другой, не менѣе важной задачѣ — сбору продовольственныхъ запасовъ въ краѣ, считавшемся житницею Азіатской Турціи. Для этого онъ занялъ центральную позицію у Діадина, который лежалъ какъ разъ на большомъ караванномъ пути и имѣлъ замокъ, хотя его обветшалыя стѣны только и свидѣтельствовали о тяжести четырнадцати вѣковъ, пронесшихся надъ этимъ городомъ. Отсюда небольшіе отряды фуражировъ разошлись въ разныя стороны, а между тѣмъ было дознано, что наибольшіе запасы хлѣба свезены въ деревню Софикентъ, лежащую въ границахъ Мушскаго пашалыка, такъ сказать, уже за предѣлами нашихъ фактическихъ владѣній. Послѣднее обстоятельство не остановило однако предпріимчиваго князя Чавчавадзе,—и въ Мушскій пашалыкъ тотчасъ отправленъ былъ Нашебургскій пѣхотный полкъ съ тремя орудіями и двумя сотнями казаковъ, подъ общемою командою подполковника Басова. Быстрымъ движеніемъ отрядъ 20-го сентября успѣлъ захватить Софикентъ и въ немъ громадныя запасы хлѣба, но долженъ былъ выдержать за то упорный двухдневный бой съ трехтысячнымъ скопищемъ курдовъ, успѣвшихъ собраться на тревогу. Всѣ нападенія ихъ были отбиты. Но такъ какъ скопище не расходилось, то Басовъ, чтобы облегчить себѣ отступление, ночью отправилъ въ Топрахъ-кале 522 вьюка пшеницы, подъ прикрытіемъ трехъ ротъ при одномъ орудіи. Курды замѣтили его выступленіе, но, рассчитавъ, что медленно двигавшійся транспортъ во всякомъ случаѣ не минуетъ ихъ рукъ, оставили его въ покоѣ, а сами со всѣми силами, на разсвѣтъ 21 числа, обрушились опять на софикентскій лагерь. Но пока длились ихъ бѣшенныя атаки, и непріятель, устилавшій поле своими трупами, безцѣльно терялъ время и силы, — транспортъ уже переправился черезъ горы, и нашебургцы, сдавши его ротамъ, выслан-

---

Всеподданнѣйшее донесеніе отъ 23-го сентября 1828 года.

нымъ на встрѣчу изъ Топрахъ-калы, возвращались назадъ. Въ четырехъ верстахъ отъ лагеря, курды, озлобленные своими неудачами, налетѣли на нихъ съ воємъ и гикомъ. Роты свернулись въ каре и стали отбиваться залпами. На выстрѣлы изъ лагеря бросился весь отрядъ Басова,—и непріятель, поставленный между двухъ огней, потерпѣлъ полное пораженіе. Потери курдовъ были такъ велики и смѣлость ихъ настолько подорвана, что черезъ день, когда нашъ отрядъ выступилъ изъ Сафикента обратно въ русскіе предѣлы, непріятель уже его не преслѣдовалъ. Задача Басова была исполнена блистательно: страхъ русскаго имени распространился далеко въ предѣлахъ Мушскаго пашалыка, а войска вывезли большіе запасы, болѣе полутора тысячи вьюковъ хлѣба, переселили до двухсотъ армянскихъ семействъ и заставили курдовъ, бѣжавшихъ сюда изъ Эриванской области, вернуться на родину.

„У насъ Чавчавадзе молодецъ, говорили солдаты: пусти его, такъ онъ съ однимъ полкомъ дойдетъ до Эрзерума. Легко ли дѣло? Съ тысячею насъ завоевалъ два пашалыка“!

Появленіе русскихъ знаменъ на берегахъ Ефрата, всего въ 90 верстахъ отъ Эрзерума и смѣлый налетъ на Мушскій пашалыкъ заставили наконецъ турецкаго сераскира принять болѣе энергическія мѣры. Всѣ иррегулярныя войска, находившіяся въ окрестностяхъ Эрзерума, двинуты были къ Топрахъ-кале черезъ Мушъ, гдѣ должны были соединиться съ курдами и затѣмъ вмѣстѣ съ ними вытѣснить русскихъ изъ Алашкертской долины.

Князь Чавчавадзе находился въ то время въ Баязетѣ, гдѣ появилась чума и требовались энергическія мѣры къ прекращенію заразы. Отлично зная характеръ туземнаго населенія, Чавчавадзе постарался прежде всего воздѣйствовать на нравственные, духовныя силы народа,—и достигъ своихъ цѣлей лучше, чѣмъ строгимъ карантиннымъ дозоромъ. По его приказанію принесено было, между прочимъ, священное копье, хранящееся въ Эчміадзинѣ, и современники говорятъ, что тамъ, гдѣ оно появлялось: въ госпиталяхъ, въ частныхъ домахъ обитателей, въ зачумленныхъ кварталахъ города—вездѣ зараза прекращала свое губительное дѣй-

ствіе. Народъ глубоко вѣрилъ въ чудотворную силу святыни—и вѣра спасла его. ¹⁾

Въ это то тревожное время получено было извѣстіе о наступленіи турокъ. Предоставивъ коменданту дальнѣйшую борьбу уже съ ослабѣвшею чумою, князь Чавчавадзе съ двумя ротами 41-го Егерскаго полка поспѣшилъ къ отряду Басова, стоявшему тогда въ Діадинѣ. Убѣдившись на мѣстѣ, что Топрахъ-кале не угрожаетъ особенной опасности, онъ тѣмъ не менѣе для ободренія жителей отправилъ туда два орудія съ ротою пѣхоты, а самъ съ остальными войсками двинулся въ Мушскій пашалыкъ на встрѣчу непріятелю съ тѣмъ, чтобы не пустить его въ русскія границы. Съ нимъ было девять ротъ пѣхоты, три сотни армяно-татарской конницы и восемь орудій; остальные двѣ роты и казаки Басова остались въ Діадинѣ. Чавчавадзе еще 23-го сентября получилъ извѣстіе отъ графа Паскевича, что въ Баязетскій пашалыкъ высланы изъ Хоя три баталіона пѣхоты съ казачьимъ полкомъ, а потому, ожидая прибытія ихъ со дня на день, онъ смѣло двинулся впередъ и 15-го октября занялъ въ предѣлахъ Мушскаго пашалыка селеніе Патнось, лежавшее въ 60 ти верстахъ отъ Алашкерта. Здѣсь онъ получилъ свѣдѣніе, что сильный турецкій отрядъ съ конницей и артиллеріей стоитъ въ Мелязгирдѣ, находившемся въ одномъ переходѣ отъ русскаго лагеря. Не довѣряя этимъ слухамъ, князь Чавчавадзе въ тотъ-же день выступилъ съ однимъ баталіономъ, четырьмя орудіями и армяно-татарской конницею, чтобы на мѣстѣ провѣрить эти извѣстія. Но между тѣмъ, какъ Чавчавадзе шелъ къ Мелязгирду, турки находились уже въ полномъ наступленіи на русскій лагерь. Противники встрѣтились въ десяти верстахъ отъ Патноса. Судя по расположенію непріятеля, остановившагося на крѣпкой позиціи, Чавчавадзе безошибочно заключилъ, что здѣсь находится отъ пяти до шести тысячъ пѣхоты и конницы. Впереди, по линіи войскъ, разъѣзжали начальники, изъ ко-

¹⁾ Дѣло 1829 года. Военный журналъ Паскевича отъ 18-го октября. Аналогическій случай былъ въ Тифлисѣ въ 1807 году, когда въ городѣ появилась чума, и графъ Гудовичъ, бывшій тогда главнокомандующимъ, приказалъ привести тоже священное копье, которымъ по церковнымъ преданіямъ былъ пробадень на крестѣ Спаситель. Съ появленіемъ святого копья, чума стала утихать и скоро прекратилась совершенно.

торыхъ татары и армяне многихъ узнавали въ лицо и называли по именамъ. Здѣсь былъ и самъ мушскій паша, сопровождаемый цѣлымъ лѣсомъ знаменъ и бунчуковъ, былъ Абдула-Ризахъ бекъ, разбитый подъ Алашкертомъ, были и куртинскіе вожди, изъ которыхъ Сулейманъ-ага славился своими разбоями по всему Курдистану. Одно присутствіе послѣдняго поколебало духъ въ нашей армяно-татарской конницѣ, изъ которой въ былое время одни (татары) не разъ приставали къ его разбойничьимъ шайкамъ, другіе (армяне) испытывали на себѣ всю тяжесть его сокрушительныхъ ударовъ. Но когда турки выдвинули впередъ пять полевыхъ орудій и открыли огонь, замаявшаюся конницу пришлось совсѣмъ отодвинуть назадъ и убрать за пѣхоту. „Съ этихъ поръ, говоритъ Чавчавадзе въ своемъ донесеніи, она служила намъ болѣе обузою, нежели помощью“.

При такихъ условіяхъ атаковать крѣпкую позицію съ однимъ батальономъ князь призналъ невозможнымъ и сталъ отходить къ Патносу. Ободренные курды, пользуясь отсутствіемъ у насъ кавалеріи, стали насѣдать вплотную. Между тѣмъ глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, доносившіеся со стороны Патноса, показывали, что непріятель атакуетъ одновременно и русскій лагерь. Тамъ оставалось пять ротъ, и за участь ихъ Чавчавадзе былъ совершенно спокоенъ; но у него явилось опасеніе, что непріятель, обойдя отрядъ, займетъ въ тылу его небольшую деревушку Гракомъ, лежащую среди неприступныхъ утесовъ и прерветъ наши сообщенія съ Алашкертомъ. Поэтому, какъ только стало темнѣть, онъ отдѣлилъ отъ своего баталіона капитана Резануйлова съ двумя егерскими ротами и приказалъ ему, какъ можно скорѣе, занять и отстаивать Гракомъ до послѣдней возможности. Ночь была темная, и пока Чавчавадзе, отходя къ Патносу, отбивался съ оставшимися при немъ двумя ротами, Резануйловъ бѣгомъ занялъ Гракомъ и предупредилъ въ немъ непріятеля. Турецкій отрядъ остановился у дер. Кизиль-кая, верстахъ въ шести отъ Патноса.

18-го октября на аванпостахъ весь день шла незначительная перестрѣлка, а передъ вечеромъ князь Чавчавадзе, видя, что непріятель не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго, отправилъ въ

Гракомъ еще три роты при одномъ орудіи, съ тѣмъ, что бы забрать оттуда склады турецкаго хлѣба. Еще въ то время, когда войска наши только что двинулись къ Патносу, онѣ мимоходомъ вывезли изъ Гракома болѣе семисотъ вьюковъ пшеницы, и теперь князь Чавчавадзе заботился о томъ, чтобы и послѣдніе остатки ея были перевезены въ патносскій лагерь.

Случайное распоряженіе это оказалось какъ нельзя болѣе кстати. На слѣдующій же день турки въ значительныхъ силахъ повели атаку на Резануйлова, и бой, начавшійся въ 9 часовъ утра, продолжался до глубокой ночи. Пять разъ турки врывались въ улицы Гракома, пять разъ отступали, и только къ полуночи прекратили наконецъ свои нападенія. Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны; по крайней мѣрѣ съ нашей стороны вышло семь офицеровъ и болѣе ста нижнихъ чиновъ. Турки потеряли знамя, но тѣла убитыхъ увезли съ собою.

Положеніе малочисленнаго русскаго отряда, зашедшаго далеко въ глубь страны, казалось небезопаснымъ. Къ курдамъ подошли новыя подкрѣпленія; Патносъ былъ обложенъ, и гарнизонъ его пять дней отбивался отъ непрерывныхъ нападеній непріятеля. Наконецъ, 24-го октября, къ намъ подошли изъ Эривани еще двѣ роты Козловскаго полка и часть сарбазскаго полубаталіона. Все это подкрѣпленіе не превышало трехъ-четырехъ сотъ человѣкъ, но князь Чавчавадзе тотчасъ рѣшилъ перейти въ наступленіе. Смѣлое движеніе впередъ до того озадачило турокъ, что они уклонились отъ боя и, покинувъ свою позицію у Кизиль-кая, отступили къ Мелязгирду подъ защиту его гранитной цитадели. Окрестности русскаго лагеря совершенно очистились отъ турокъ.

Четыре дня послѣ того отрядъ простоялъ еще въ Патносѣ, свободно забирая въ окрестностяхъ его всѣ продовольственныя средства. Непріятель ему не препятствовалъ. Князь Чавчавадзе полагалъ даже возможнымъ присоединить Патносъ, славившійся своимъ хлѣбородіемъ, во всемъ Мушскомъ пашалыкѣ, и ждалъ для того только прибытія къ нему обѣщанныхъ подкрѣпленій, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что хойскій отрядъ, который по расчету времени долженъ бы уже давно быть на мѣстѣ, даже еще не

выступалъ изъ Хоя и, слѣдовательно, могъ подойти не ранѣе, какъ черезъ три-четыре недѣли. При такомъ положеніи держаться въ Патносѣ было нельзя, и ночью 28-го октября отрядъ двинулся обратно къ русской границѣ, прикрывая громадный транспортъ болѣе тысячи вьюковъ пшеницы и до двухсотъ семействъ патносскихъ армянъ, вынужденныхъ бѣжать изъ родины. Турки по нашимъ слѣдамъ заняли Патносъ и покинутое селеніе зажжено было съ обоихъ концовъ. На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, непріятель настигъ нашъ арьергардъ и повелъ на него атаку. Сводный батальонъ Резануйлова вступилъ въ горячій бой,—и чѣмъ медленнѣе подвигался впередъ отрядъ, обремененный громаднымъ обозомъ, тѣмъ упорнѣе отбивался Резануйловъ, выносившій на своихъ плечахъ всю тяжесть боя. Уже вечерѣло, когда у деревушки Сулейманъ-Кумбатъ, въ 19-ти верстахъ отъ Патноса арьергардъ далъ послѣдній отпоръ, и непріятель остановилъ преслѣдованіе. Дальше отрядъ двигался уже совершенно свободно, и 31-го числа занялъ селеніе Кара-Килису, почти на половинѣ пути между Топрахъ-кале и Діадиномъ.

Впослѣдствіи князь Чавчавадзе узналъ, что графъ Паскевичъ, встревоженный дошедшими до него невѣрными свѣдѣніями о безвыходномъ положеніи русскаго отряда, запертаго въ Патносѣ и, опасаясь его истребленія, предписалъ генералу Берхману съ частію карскаго гарнизона сдѣлать диверсію къ сторонѣ Эрзерумскаго пашалыка. Этотъ слухъ о движеніи отряда изъ Карса прямымъ путемъ на Дели-бабу, въ тылъ мушскаго паши, заставилъ послѣдняго спѣшить обратно черезъ Драмъ-дагъ въ долину Аракса. Но Берхманъ уже остановился и, выждавъ извѣстія, что князь Чавчавадзе благополучно достигъ Кара-Килисы, счелъ свою задачу выполненной и возвратился въ Карсъ.

Этимъ эпизодомъ закончилась попытка непріятеля вытѣснить русскихъ изъ Баязетскаго пашалыка; но этотъ же эпизодъ повлиялъ, какъ увидимъ, и на всю дальнѣйшую судьбу князя Чавчавадзе.

Въ половинѣ ноября стали наконецъ подходить давно ожидаемая подкрѣпленія, и вмѣстѣ съ ними прибылъ генералъ Пан-

кратъевъ, оставившій въ Хоѣ, для обезпеченія уплаты послѣдней контрибуціи, одинъ баталіонъ Кабардинскаго полка, два орудія и двѣ сотни казаковъ. Паскевичъ предписалъ Панкратьеву принять подъ свое начальство всѣ войска, находившіяся въ Баязетскомъ пашалыкѣ, а князь Чавчавадзе отозванъ обратно въ Эривань къ прежнимъ обязанностямъ военнаго губернатора Армянской области.

Такимъ образомъ, баязетскимъ походомъ началась и имъ же, такъ сказать, окончилась военная карьера князя Чавчавадзе. Конечно, походъ этотъ не блещетъ громкими побѣдами, которыя вліяли бы на судьбу цѣлой кампаніи; но покореніе обширнаго края всего съ двумя баталіонами, та беззавѣтная отвага, съ которой горсть русскихъ войскъ проникла въ далекія, чужія, никому невѣдомыя страны, не имѣя за собой никакой поддержки; та несокрушимая вѣра самого Чавчавадзе въ мощный духъ русскаго солдата и взаимная любовь солдата къ князю Чавчавадзе,—вотъ что составляетъ само по себѣ такія прекрасныя боевыя преданія, которыя достойны украсить самыя свѣтлыя страницы русскихъ военныхъ лѣтописей.

Къ сожалѣнію, не такъ отнесся къ этому дѣлу графъ Паскевичъ, осыпавшій князя Чавчавадзе незаслуженными упреками, и, въ концѣ концовъ, удалившій его совсѣмъ съ театра военныхъ дѣйствій. Этотъ любопытный документъ, важный для характеристики самого Паскевича, приводится здѣсь въ извлеченіи, сопоставляя обвинительные пункты, предъявленные Чавчавадзе, отвѣты послѣдняго и, наконецъ, замѣчанія, сдѣланныя на нихъ графомъ Паскевичемъ. ¹⁾

Всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ десять:

1) По взятіи Баязета—писалъ Паскевичъ—вамъ не слѣдовало занимать Топрахъ-кале и Алашкертскую долину, черезъ что вы напрасно удлинити свою операціонную базу.

— По занятіи Баязета,—отвѣчалъ Чавчавадзе, — я получилъ ключи отъ всѣхъ крѣпостей пашалыка, за исключе-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г. № 102. Предписаніе Паскевича князю Чавчавадзе 29-го октября 1828 года № 445 и рапортъ князя Чавчавадзе, съ собственноручными революціями Паскевича, 12-го ноября 1828 г. № 1487.

ніемъ Алашкерта (Топрахъ-кале), занятого турецкимъ гарнизономъ. Уступить туркамъ столь важный пунктъ, какъ по своему плодородію, такъ и по значенію его въ военныхъ операціяхъ, я не могъ, не заслуживъ за то справедливаго упрека.

Замѣчаніе Паскевича: „Когда не приказываютъ, упрека быть не можетъ; отвѣчаете не вы, а ваше начальство“.

2) По занятіи Баязета вы должны были стараться снабдить войска всѣмъ необходимымъ и доставить имъ нужный отдыхъ, дабы онѣ надлежащимъ образомъ могли приготовиться къ будущей кампаніи, а не изнурять ихъ походами.

—По занятіи Баязета, я не упустилъ снабдить войска всѣмъ имъ слѣдуемымъ, о чемъ доносилъ вашему сіятельству. Что же касается до изнуренія солдатъ, то въ моемъ отрядѣ, не смотря на форсированный маршъ, не было не только больныхъ, но даже слабыхъ.

3) Не прекративъ чумы въ Баязетѣ, не проложивъ удобной дороги къ нему изъ Эривани, о которой вы сами просили, — вы все это упустили изъ виду и повели войска впередъ, не зная силъ непріятеля и не заботясь, какъ и когда можете получить секурсъ.

—Относительно предотвращенія заразы въ Баязетѣ, я принялъ всѣ мѣры, какія мнѣ были предписаны и тѣ, какія я самъ нашелъ полезными. По полученіи же донесенія отъ топрахъ-калинскаго коменданта, что четырехъ-тысячный турецкій отрядъ выступилъ изъ Гасанъ-кала, чтобы отнять у насъ Алашкертскую долину, я считалъ обязанностью итти на встрѣчу непріятеля.

Замѣчаніе Паскевича: „Зачѣмъ, если вы были увѣрены, что Топрахъ-кале можетъ держаться самъ, какъ вы мнѣ рапортовали“?

Что же касается до секурса, то я получилъ предписание вашего сіятельства еще отъ 23-го сентября объ отправленіи въ Баязетъ изъ Хоя шести ротъ пѣхоты, казачьяго полка и 10 орудій. Если бы этотъ отрядъ двигался самымъ медленнымъ шагомъ, съ короткими перехода-

ми и дневками, то и тогда могъ бы поспѣть въ Баязетъ къ половинѣ октября. Имѣя это въ виду, я считалъ себя вправѣ рассчитывать и на значительный резервъ, который могъ употребить въ дѣло въ случаѣ надобности.

Замѣчаніе Паскевича: „Я увѣдомилъ васъ не для того, чтобы вы безъ моего приказанія двигались къ Мушу“.

4) Въ первомъ рапортѣ вы говорите о неприступности Топрахъ-кале, и что тамъ даже артиллерія была бы лишнею, а потомъ доносите, что, сверхъ находящихся тамъ двухъ ротъ, отправили еще роту съ двумя орудіями. Подобными противорѣчивыми объясненіями вы поставяете начальство въ затруднительное положеніе.

— Я совершенно справедливо доносилъ о неприступности Топрахъ-кале, и если двинулся самъ въ Алашкертскую долину, то не потому, что находилъ гарнизонъ въ опасности, а чтобы не допустить непріятеля до вывоза хлѣба изъ деревень. Два орудія, съ ротою въ 65 человекъ я отправилъ въ Топрахъ-кале во первыхъ для успокоенія жителей, во вторыхъ— присутствіе въ замкѣ орудій могло обмануть непріятеля на счетъ численности гарнизона и избавить его отъ болѣе или менѣе долгой осады, а въ третьихъ—при столь малочисленномъ отрядѣ, каковъ былъ мой, я находилъ восемь орудій болѣе чѣмъ достаточно.

Замѣчаніе Паскевича: „Чѣмъ болѣе орудій, тѣмъ лучше“.

По прибытіи въ Кара-Килису, я узналъ, что непріятель пошелъ черезъ Мушскій пашалыкъ, а потому предпочелъ встрѣтить его въ его же странѣ и не допустить до нашихъ границъ, при чемъ, конечно, многія изъ нашихъ деревень были бы разграблены. Кромѣ того, я имѣлъ въ виду вывести изъ непріятельской земли и значительные запасы хлѣба.

Замѣчаніе Паскевича: „Зачѣмъ? Вы такъ и къ Мушу бы зашли“.

5) Изъ вашихъ рапортовъ вижу, что вы имѣли уже два сраженія и вѣроятно израсходовали значительное число зарядовъ, а

не упоминается, есть ли у васъ порохъ и сдѣлали-ли вы какое либо распоряженіе о пополненіи снарядовъ.

—По возвращеніи въ наши границы у меня осталось еще 567 зарядовъ на восемь орудій.

Замѣчаніе Паскевича: „Это весьма мало. Надо было въ Эривань сейчасъ послать. Зачѣмъ вы тамъ не остались?

6) Я не знаю достаточно ли у васъ провіанта для продовольствія вашего отряда.

—О числѣ провіанта, собраннаго мною, будетъ доставлена особая подробная вѣдомость. Изъ одного Патноса, какъ я доносилъ вашему сіятельству, вывезено болѣе полутора тысячи вьюковъ хлѣба.

7) Изъ послѣдняго рапорта вижу, что вы окружены непріателемъ, ибо далѣе пушечнаго выстрѣла не смѣете послать фуражировъ, и, можетъ быть, предписаніе сіе застанетъ васъ уже въ самомъ затруднительномъ положеніи.

—Справедливо, что до прибытія двухъ ротъ Козловскаго полка, мы были лишены возможности вывозить запасы изъ окрестныхъ деревень, но самый Патнось представлялъ намъ изобиліе продовольственныхъ средствъ. Вашему сіятельству извѣстно, что съ прибытіемъ двухъ ротъ непріатель былъ сбитъ съ своихъ позицій, прогнанъ къ Мелязгирду и намъ опять представилась полная свобода для фуражировокъ.

Замѣчаніе Паскевича: „Отчего-же отошли? Отъ того, что вы были въ опасности. Нужно было слушаться, а не дѣлать по своимъ мыслямъ“.

8) Вы упоминаете слегка на счетъ сообщеній вашихъ, но не доносите, какой непріательскій отрядъ стоитъ на вашей коммуникаціи.

—На счетъ своихъ сообщеній я былъ спокоенъ и если доносилъ, что дороги недостаточно безопасны то, собственно имѣя въ виду предписаніе вашего сіятельства объ отправкѣ въ наши границы знаменъ, которымъ большаго прикрытія я дать не могъ.

Замѣчаніе Паскевича: „И такъ, дороги, стало быть, были небезопасны“.

9) Такъ какъ средства ваши въ полѣ весьма ограничены, то не слѣдовало вамъ предпринимать отдаленную экспедицію. Напрасно зашли такъ далеко, не узнавъ о числѣ непріятеля и не сообразивъ, что вы можете и чего не можете предпринимать съ такими средствами.

—О числѣ иррегулярныхъ войскъ непріятеля, какъ извѣстно и вашему сіятельству, рѣдко можно имѣть вѣрныя свѣдѣнія. Ихъ оказалось больше, чѣмъ я предполагалъ, но въ командуемомъ мною отрядѣ, я находилъ довольно средствъ къ исполненію предпринятой мною цѣли, и силъ, если бы даже хойскій отрядъ не прибылъ, (что случилось въ дѣйствительности), чтобы выйти изъ Патноса, сохранивъ полную поверхность надъ непріателемъ.

Замѣчаніе Паскевича: „Вы ошиблись и чуть не потеряли отрядъ“.

10) Если бы даже невозможно было продовольствовать отрядъ безъ занятія топрахъ-калинскаго санджака, то и въ такомъ случаѣ лучше бы было отойти назадъ, нежели рисковать потерять всѣ войска. Вспомните, что до самаго Тифлиса у васъ нѣтъ сѣкурса. Если вы теперь выведете войска изъ топрахъ-калинскаго санджака, то зимою, когда непріятель разойдется, его опять можно занять для полученія продовольствія. Но я знаю, что побудительною причиною удержать этотъ санджакъ будетъ ваша мысль объ оставленіи христіанъ; но вспомните, что христіане сіи турецкіе, и что сбереженіе вашего отряда гораздо важнѣе.

—Если бы отрядъ изъ Хои подошелъ ко мнѣ даже десятью днями позже, чѣмъ я предполагалъ, то и тогда я могъ бы держаться въ Патносѣ и въ полной мѣрѣ исполнить цѣль моей экспедиціи—перевозку значительнаго количества провіанта. Но получивъ извѣстіе, что отрядъ даже не выступалъ еще изъ Хоя и стоитъ на мѣстѣ, я долженъ былъ оставить столь полезное предпріятіе.

По моему мнѣнію Алашкертскій санджакъ, содержащій въ себѣ большую часть продовольственныхъ запасовъ, необходимо удержать за собою, и тамъ до наступленія зимы должны быть сосредоточены главныя силы нашего лѣваго фланга,

Замѣчаніе Паскевича: „Вы вѣрно знали, что идетъ Панкратьевъ, старше васъ, и вѣрно не по вашему будетъ распоряжаться. Если бы я зналъ, что вы хотите итти къ Топрахъ-Кале и Патносу, то давно бы взялъ у васъ всѣ войска.“

Заключительная резолюція графа Паскевича такова: „Когда напрасно негодованіе отъ начальства, то не должно такимъ образомъ оправдываться, что вамъ сіе замѣчаю.“

Любопытно также сопоставить при этомъ два предписанія Паскевича: одно отъ 28-го октября на имя карскаго коменданта князя Бековича, другое, 29 го октября, на имя князя Чавчавадзе. Въ первомъ онъ выставляетъ Бековичу, какъ образецъ, энергическія дѣйствія князя Чавчавадзе по сбору продовольственныхъ запасовъ, и говоритъ, что Баязетскій отрядъ находится въ непрерывныхъ движеніяхъ, *и всегда съ успѣхомъ*, тогда какъ войска Карскаго пашалыка, будучи гораздо сильнѣе числомъ, стоятъ на мѣстѣ и своимъ бездѣйствіемъ ободряютъ непріятеля. Въ другомъ предписаніи на имя Чавчавадзе, онъ, какъ мы уже видѣли, въ рѣзкихъ и даже въ грубыхъ выраженіяхъ, порицаетъ всѣ его дѣйствія, которыя за день передъ тѣмъ ставилъ въ образецъ Бековичу. Впрочемъ такія противорѣчія нерѣдко встрѣчаются въ характерѣ графа Паскевича, не допускавшаго ни въ комъ никакой инициативы. Онъ болѣе всего опасался, чтобы успѣхъ не былъ приписанъ подчиненнымъ его генераламъ, и такимъ образомъ, не отнялъ бы у него часть его собственной славы. Такъ было въ Тавризѣ съ княземъ Эристовымъ, подъ Эриванью съ Красовскимъ и, наконецъ, въ Баязетѣ съ княземъ Чавчавадзе¹⁾.

¹⁾ Въ военномъ журналѣ Паскевича 21-го сентября (дѣло 1824 г № 258) сказано прямо, что взятіе Топрахъ-кале и занятіе Алашкертской долины произведено по приказанію главнокомандующаго, и въ тоже время онъ съ гордостью доноситъ государю: „Знамена Вашего Величества развѣваются на берегахъ Ефрата“.

Паскевичъ не хотѣлъ оцѣнить военныхъ дарованій, князя Чавчавадче, рѣзко выдѣлявшагося изъ среды современныхъ ему отдѣльныхъ начальниковъ, и свелъ дѣятельность этого замѣчательнаго генерала къ отвѣтственной, но невидной должности губернатора Армянской области. Съ этихъ поръ до конца турецкой войны роль Чавчавадзе ограничивается скромными рамками охраны русскихъ границъ отъ куртинскихъ набѣговъ. Но это, повидимому, незначительное дѣло требовало особаго умѣнья, особыхъ снаровокъ, такъ какъ охрана границъ могла быть успѣшна только при содѣйствіи жителей, а русская власть въ пограничномъ краѣ утвердилась тогда еще не настолько, чтобы заставить жителей повиноваться себѣ безусловно. Много нужно было имѣть жизненнаго такта и нравственнаго вліянія, чтобы въ тревожныя минуты опираться не на войска, которыхъ не было, а на любовь разноплеменнаго народа Армянской области,—и Чавчавадзе оказался на высотѣ своей задачи.

Но скоро надъ головою его и здѣсь стала собираться черная туча; дѣло въ томъ, что начальникъ кавалеріи дѣйствующаго корпуса генералъ Раевскій подвергся опалѣ Паскевича, и главнокомандующій, удаляя его съ театра военныхъ дѣйствій, предписалъ князю Чавчавадзе быть посредникомъ при приѣмѣ отъ него Нижегородскаго полка „самымъ строжайшимъ, образомъ“. Чавчавадзе видимо не желалъ принять на себя подобную роль и подалъ рапортъ о болѣзни. Это вызвало гнѣвъ Паскевича. „Я побуждаюсь, писалъ онъ князю Чавчавадзе, замѣтить, что вы неохотно исполняете долгъ свой и найдусь въ необходимости представить государю императору объ удаленіи васъ отъ службы, какъ бесполезнаго чиновника.¹⁾ Глубоко оскорбленный князь не сталъ ожидать представленій Паскевича, а самъ подалъ въ отставку. Паскевичъ поторопился направить ее по командѣ. Но не такъ взглянулъ на это дѣло императоръ Николай Павловичъ. Внимательно слѣдя за ходомъ военныхъ событій, онъ высоко цѣнилъ военныя способности князя Чавчавадзе именно послѣ его баязетскаго похода, и зная въ тоже время пылкій, раздражитель-

²⁾ Припомнимъ, что мѣсяцъ тому назадъ Паскевичъ рекомендовалъ государю особое усердіе къ службѣ, распорядительность и благоразуміе князя Чавчавадзе.

ный характеръ своего „отца-командира“)“, какъ онъ называлъ Паскевича, возвратилъ отставку назадъ. „Государь Императоръ,— писалъ по этому поводу военный министръ,—не изъявилъ Высочайшаго соизволенія на увольненіе отъ службы *сего отличнаго генерала*; но если ему нужно провести нѣсколько времени на свободѣ для поправленія здоровья или домашнихъ дѣлъ, то Его Величество увольняетъ его въ отпускъ на такой срокъ, какой ему нуженъ. Чавчавадзе воспользовался милостію Монарха и тотчасъ же уѣхалъ въ Тифлисъ²⁾).

Нельзя не отмѣтить также, что генералъ Панкратьевъ, смѣнившій князя Чавчавадзе въ командованіи Баязетскимъ отрядомъ, писалъ Паскевичу о необходимости удерживать за собой Алашкерскій санджакъ и даже не нашелъ возможнымъ ничего измѣнить въ дислокаціи, оставленной княземъ Чавчавадзе. По прежнему двѣ роты съ двумя орудіями занимали топрахъ-калинскій замокъ, а главныя силы—Козловскій и Нашебургскій полки, донской казачій полкъ Шамшева и 10 орудій стояли въ Кара-Килисѣ, имѣя позади себя въ Діадинѣ еще батальонъ кабардинцевъ съ шестью орудіями, затѣмъ двѣ роты Севастопольскаго полка съ двумя орудіями расположены были въ самомъ Баязетѣ, а казачій полкъ Басова распределенъ по всѣмъ отрядамъ и укрѣпленіямъ. Непріятель, въ числѣ 12-ти тысячъ, занималъ Пассинскій санджакъ Эрзерумскаго пашалыка, имѣя свой авангардъ у Дели-бабы, въ кара-дербентскихъ тѣснинахъ.

Въ такомъ расположеніи Баязетскій отрядъ и встрѣтилъ новую кампанію 1829 года.

1) Императоръ Николай Павловичъ началъ свою службу въ званіи командира 2-й бригады 1-й гвардейской дивизіи, которою командовалъ Паскевичъ

2) Исторія Нижегородскаго Драгунскаго Его Величества полка и Ар. Кав. в. орк. Дѣло 1829 г. Объ увольненіи въ отпускъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

Глава VII.

Гурія, Мингрелія и Имеретія при началѣ войны.—Средства для обороны края.—Софія Гуріели. - Письмо къ ней Паскевича—Осада и взятіе Поті.—Политическое состояніе Гуріи - Сношенія княгини съ турками —Прокламація Паскевича и ея вліяніе. - Вмѣшательство въ гурійскія дѣла аджарскаго бека.—Послѣднее предостереженіе Паскевича.—Занятіе Гуріи русскими войсками —Бѣгство княгини въ Турцію.—Новое управленіе Гуріей —Уничтоженіе ея автономіи. — Дальнѣйшая судьба владѣтельной гурійской фамиліи.

алеко за предѣлами главнаго театра нашихъ военныхъ дѣйствій, на правомъ флангѣ его, лежали гористые санджаки Ахалцыхскаго пашалыка, населеннаго воинственными племенами аджарцевъ, лазовъ и кобулетцевъ. Малочисленный корпусъ Паскевича, занятый покореніемъ Карса и Ахалцыха, не имѣлъ ни времени, ни средствъ обратиться къ дѣйствіямъ на своемъ правомъ флангѣ, но и оставить его безъ наблюденія было нельзя. Всѣ эти санджаки по своему положенію были сопредѣльны съ Имеретіей, Мингреліей и Гуріей, которыя необходимо было прикрыть отъ враждебнаго покушенія турокъ. Съ этою цѣлью, еще въ самомъ началѣ кампаніи, въ долинѣ Ріона былъ сформированъ особый отрядъ, подъ командой генералъ-маіора Гессе, предназначавшійся, однако, скорѣе противъ беспокойныхъ элементовъ, еще таившихся среди самыхъ христіанскихъ княжествъ, чѣмъ противъ турокъ. Мелкія династическія усобицы, усилившіяся особенно въ 1827 году, въ разгаръ персидской войны, когда русскія силы были отвлечены въ другую сторону, нарушали непрерывно спокойствіе края и разоряли жителей. Гурійцы напали тогда на Мингрелію и вооруженною рукою заняли озеро Палеостомъ, споконъ вѣковъ принадлежавшее мингрельскимъ владѣльцамъ. Сами мингрельцы вели войну съ подвластною имъ Самурзаканью, и хищные самурза-

канцы, вторгаясь по ночамъ въ Мингрелію, простирали свои набѣги до самого Зугдида. Они жгли хутора, угоняли скотъ, убивали людей, а плѣнныхъ продавали туркамъ. Князь Дадіанъ мингрельскій былъ безсиленъ потушить мятежъ, такъ какъ шайки находили безопасныя пріюты въ Абхазіи и Гуріи. Самое занятіе Палеостомы, какъ писалъ князь Дадіанъ, было сдѣлано не столько изъ желанія пріобрѣсти самое озеро, сколько изъ неблагонамѣренныхъ видовъ правительницы Гуріи противъ Россіи. Прогнавъ мингрельскіе посты, княгиня Софія приказала поставить на берегу озера сильный караулъ, подъ прикрытіемъ котораго свободно производила сообщенія съ турецкою крѣпостью Поты, чего нельзя было дѣлать, пока озеро находилось въ рукахъ Дадіановъ.¹⁾

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Приріонскомъ краѣ, когда началась турецкая война 1828 года.

Въ Кобулетахъ жили тогда два бѣглые грузинскіе царевича Александръ Иракліевичъ и братъ его Вахтангъ, сильные еще не остывшею привязанностью къ нимъ многихъ грузинскихъ князей, какъ къ представителямъ, сошедшей съ политической арены царственной династіи Грузіи. Они вошли въ сношенія съ княгиней Софіей и черезъ нее вели тайную агитацію въ Мингреліи и Имеретіи, стараясь привлечь къ себѣ эти народы призракомъ возрожденія ихъ политической самостоятельности.

Правителемъ Имеретіи былъ въ то время генераль-маіоръ Карлъ Ѳеодоровичъ Гессе. Человѣкъ въ краѣ совершенно новый, не имѣвшій за собою въ прошломъ ни громкихъ отличій, ни выдающихся подвиговъ, онъ сумѣлъ однако съ достоинствомъ выйти изъ этой тяжелой борьбы и съ ничтожными средствами охранить спокойствіе и безопасность края. Въ распоряженіи его находилось всего шесть баталіоновъ пѣхоты (Мингрельскій пѣхотный и 44-й Егерскій полки), одинъ казачій полкъ и 14 орудій. Съ этими войсками онъ долженъ былъ держать въ повиновеніи Абхазію, не допускать высадку турокъ на всемъ протяженіи восточнаго берега Чернаго моря между Анапой и Поты, сторожить Мин-

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа Дѣло № 258. Донесеніе генераль-адъютанта Силагина.

грелію и Имеретію, слѣдить за Гуріей, гдѣ уже явно обнаруживались признаки, начинающагося броженія. Къ счастью, Мингрелія и Имеретія, несмотря на всѣ происки Турціи, остались совершенно спокойными и даже выставили народное ополченіе. Одна Гурія стояла въ сторонѣ отъ общаго, единодушнаго вооруженія и невольно возбуждала къ себѣ недовѣріе. Паскевичъ рѣшилъ, однако, дѣйствовать противъ нея сначала мѣрами кротости и въ Гурію посланы были воззванія и прокламаціи. Главнокомандующій писалъ и къ княгинѣ-правительницѣ, давая ей понять, что двусмысленность ея поведенія не составляетъ для него тайны.

„Извѣщаю вашу свѣтлость,—говорилъ онъ въ письмѣ къ ней еще 9-го мая,—что вѣроломное нарушеніе Оттоманскою Портою мирныхъ условій съ Россіей, вынудило Государя Императора повелѣть побѣдоноснымъ войскамъ своимъ наказать и смирить дерзость враговъ Его. 300 тысячъ пѣхоты, 50 тысячъ конницы и тысяча пушекъ на берегахъ Дуная угрожаютъ Стамбулу. Турецкій флотъ уже истребленъ, и множество кораблей нашихъ свободно плаваютъ вездѣ для вспомошествованія сухопутнымъ войскамъ.

„Предоставляю вашей свѣтлости предусмотрѣть послѣдствія войны сей. Вспомните только, что однѣ войска, въ Грузіи находящіяся, достаточны были, дабы истребить персидскія полчища, завоевать столицу и всѣ обширныя владѣнія наслѣдника персидскаго престола, заставить Персію уступить намъ Эриванское и Нахичеванское ханства, уплатить громадную дань, коей одна только половина золотомъ и серебромъ доставлена на тысячи вьюкахъ.

„Не скрою отъ вашей свѣтлости, что, по возвращеніи моемъ изъ Персіи, до меня доходили самые неблагопріятные слухи насчетъ намѣреній вашихъ. Сіе однако не перемѣнило еще моего расположенія къ вамъ, ибо я, въ сужденіяхъ своихъ о достоинствѣ лицъ, руководствуюсь только самыми убѣдительными доказательствами и наиболѣе самыми поступками ихъ. Теперь вашей свѣтлости представляется случай совершенно оправдать себя отъ навѣтовъ, распространяемыхъ противъ васъ въ послѣднее время. Поведеніе ваше въ предстоящей войнѣ рѣшитъ все.“ Въ заключеніе онъ предупреждалъ что, въ случаѣ уклоненія ея отъ пути

чести, долга, она будетъ единственною виновницею пагубныхъ послѣдствій, которыя произойдутъ для нея и ея окружающихъ.¹⁾

Гурія притихла, но сношенія ея съ Кобулетомъ и турками въ Поти не прерывались, — княгиня облекала ихъ только еще большею тайною.²⁾

Чтобы уничтожить вліяніе турокъ и подорвать вѣру въ ихъ силу и могущество, надо было прежде всего овладѣть важною въ военномъ отношеніи приморскою крѣпостью Поти, которая, стояла при устьѣ Ріона, на самой границѣ между Мингреліей и Гуріей. И Гессе получилъ предписаніе Паскевича начать военныя дѣйствія именно со взятія Поти. Въ началѣ іюня шесть ротъ Мингрельскаго и пять ротъ 44-го Егерскаго полковъ, при 11-ти орудіяхъ, подъ личною командою генерала Гессе, выступили изъ Кутаиса. Это было первое наступательное движеніе русскихъ въ кампанію 1828 года, и 20-го іюня кутаисскій отрядъ стоялъ уже подъ стѣнами Поти. Спустя нѣсколько дней къ нему подошелъ Дадіанъ мингрельскій съ полутора-тысячной милиціей. Но едва мингрельцы разбили лагерь, какъ турки сдѣлали вылазку, и Дадіану пришлось выдержать довольно упорную битву. Турки были отбиты, и княжеская милиція преслѣдовала ихъ до самыхъ стѣнъ Поти. Въ ту же ночь самъ Дадіанъ съ своимъ ополченіемъ сталъ у озера Палеостомъ и вмѣстѣ съ русскими судами, крейсировавшими въ морѣ, пресѣкъ всѣ сообщенія крѣпости съ Гуріей; одновременно съ этимъ князь Нико Батони-швили съ другою частью милиціи спустился на лодкахъ внизъ по Ріону и захватилъ одинъ изъ острововъ, на которомъ Гессе тотчасъ заложилъ осадную батарею на двѣ 24-хъ фунтовыя пушки, доставленныя къ нему изъ Редутъ-кале;³⁾ но оба орудія оказались такъ плохи, что послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ ихъ разорвало на самой батарее, и одиннадцать артиллеристовъ поплатились за это жизнью или увѣчьемъ. Разорванныя пушки замѣнили новыми, но скоро и эти дали

---

¹⁾ Акты Кавказскаго Арх. Ком., т. VII, ст. 349. Письмо графа Паскевича къ княгинѣ Софіи 9-го мая 1828 года.

²⁾ Тамъ же, ст. 352. Докладныя записки Силягина 17-го іюня 1828 г. № 116.

³⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 258. Военный журналъ Паскевича 28-го іюня.

такія трещины, что, во избѣжаніе новыхъ жертвъ, ихъ поторопились убрать, и съ этихъ поръ дѣйствовали только однѣ полевые орудія.¹⁾ Три батареи—одна на островѣ, а другія двѣ—по обѣ стороны Ріона, неумолчно громили крѣпость въ теченіи 12-ти дней, и скоро береговая непріятельская батарея была сбита, нѣсколько турецкихъ лодокъ, пытавшихся подойти къ крѣпости, потоплены, а въ самой крѣпостной стѣнѣ пробита огромная брешь. Крѣпость отвѣчать уже не могла, и 14-го іюля, не получивъ обѣщанной помощи ни со стороны Кобулетъ, ни отъ трапезондскаго паши, выкинула парламентарскій флагъ. Командиръ ея, Османъ-Бей, сдалъ Поти на капитуляцію. Гарнизонъ, состоявшій изъ 600 человѣкъ, былъ отпущенъ съ оружіемъ, но безъ знаменъ, которыя въ числѣ 13-ти, были переданы русскимъ войскамъ. Въ десять часовъ утра 15-го іюля Гессе занялъ Поти и взялъ въ ней 44 орудія.¹⁾ Отпущенный гарнизонъ отошелъ къ устью рѣчки Супсъ и присоединился къ расположенному тамъ отряду турокъ и измѣнниковъ гурійцевъ, сражавшихся съ нами, подъ начальствомъ князя Мачутадзе.²⁾

Тягостная блокада, производившаяся въ самое знойное время и въ мѣстности крайне болотистой, породила въ войскахъ страшную смертность, такъ что общая цифра русскихъ потерь достигала до 600 человѣкъ, изъ которыхъ только 20 были убиты или ранены. Болѣзненность внѣдрилась въ средѣ войскъ до того, что когда отрядъ былъ распущенъ и возвратился въ Кутаисъ, то въ теченіи одного сентября въ немъ изъ числа 2600 человѣкъ заболѣвшихъ, 1200 умерло отъ лихорадокъ,—и на весь обширный Приріонскій край не осталось подъ ружьемъ и 3000 штыковъ, считая даже здѣсь войска, стоявшія въ отдаленномъ Сухумѣ. Всѣ славныя дѣла у Ахалцыха и штурмъ его не стоили Паскевичу такъ дорого, какъ мѣсяцъ эпидеміи, скосившей четвертую часть отряда Гессе.²⁾

Паденіе Поти показало туркамъ, какъ неосновательны были расчеты на сочувствіе къ нимъ народовъ картвельскаго племени,

¹⁾ Тамъ же

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1828 года № 5.

²⁾ Дѣло 1828 года № 258. Журналъ военныхъ дѣйствій при крѣпости Поти.

²⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій при крѣпости Поти.

которые приняли живое участіе во взятіи крѣпости. Генераль-лейтенантъ Сипягинъ, донося объ этомъ Паскевичу, писалъ, что взятію Поти много содѣйствовали владѣтель Мингреліи генераль-лейтенантъ Дадіанъ и генераль-маіоръ князь Нико Батони-швили, которые со своими ополченіями находились во всѣхъ бояхъ при осадѣ крѣпости. Имеретины также прислали своихъ представителей и только не было ближайшихъ сосѣдей Поти гурійцевъ — обстоятельство, заставившее насъ обратить особое вниманіе на внутреннее положеніе этой страны.³⁾

Послѣ разгрома Гуріи Ермоловымъ, спокойствіе въ ней было установлено прочно, и волненія начались снова только въ 1826 году, по смерти послѣдняго владѣтеля Мамія Гуріели. Наслѣдникъ его, Давидъ, былъ малолѣтній, а потому для управленія Гуріей былъ учрежденъ особый временный совѣтъ изъ тамошнихъ князей, подѣ предсѣдательствомъ княгини Софіи. Званіе владѣтельницы или правительницы Гуріи ей однако офиціально присвоено не было. Властолюбивая княгиня не хотѣла примириться съ мыслию о какой либо опека и, недовольная учрежденіемъ совѣта, начала искать сближенія съ Турціей. Въ сосѣдствѣ съ Гуріей, въ турецкомъ Кобулетѣ, проживали въ то время, кромѣ бѣглыхъ царевичей, еще нѣсколько гурійскихъ князей, изгнанныхъ изъ отечества Ермоловымъ, — и они то первые стали распространять въ народѣ слухъ, что русскіе не останутся на учрежденіи совѣта, а вывезутъ изъ края малолѣтняго наследника вмѣстѣ съ его матерью, и, такимъ образомъ, уничтожатъ автономію княжества, какъ это сдѣлали они съ Имеретинскимъ царствомъ. Слухи тревожили народъ, и въ Гуріи образовались двѣ партіи: одна благопріятствовала Россіи, другая, меньшая, но во главѣ которой стоялъ вліятельный князь Мачутадзе, владѣвшій умомъ и сердцемъ княгини, склонялась на сторону Турціи. Вооруженныя шайки сновали по краю и служили предвѣстниками готовившейся бури. Возстаніе близилось, и княжескіе замки повсюду укрѣплялись.

³⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 года № 60. Донесеніе генераль-адъютанта Сипягина.

Задумавъ полную измѣну, княгиня Софія сама ходила по домамъ знатнѣйшихъ гурійцевъ, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ, а князь Мачутадзе ѣздилъ въ Трапезондъ, Батумъ и Кобулеты для переговоровъ съ турками. Въ іюнѣ 1828 года стало уже положительно извѣстнымъ, что княгиня Софія присягнула на подданство Турціи, выдала въ аманаты десятилѣтнюю дочь свою княжну Кочибролу, вмѣстѣ съ дѣтьми знатнѣйшихъ князей, и что въ отвѣтъ на это получила милостивый фирманъ султана, которымъ онъ принималъ Гурійское княжество подъ свое покровительство, жаловалъ малолѣтнему владѣтелю Гуріи драгоцѣнную саблю, а самой правительницѣ и вліятельнымъ князьямъ различные подарки.¹⁾ Въ то же время десятитысячный турецкій корпусъ началъ стягиваться къ границамъ Гуріи, чтобы войти въ ея предѣлы при первомъ появленіи замѣшательства.

Тогда Паскевичъ еще разъ обратился съ воззваніемъ къ гурійскому народу.

„Вамъ извѣстно, писалъ онъ въ своей прокламаціи, что Россійскій Самодержецъ объявилъ войну Турціи. Сія минута представляетъ удобнѣйшій случай всѣмъ народамъ, подвластнымъ великой державѣ Россійской, показать свою вѣрность и тѣмъ заслужить возмездіе. Но, ко всеобщему удивленію, правительница ваша княгиня Софія, ослѣпленная происками турецкихъ пашей, вошла съ ними въ сношенія, приняла отъ нихъ подарки для себя и для своего малолѣтняго сына и тѣмъ, измѣнивъ присягѣ, данной Россіи, отдалась покровительству Турціи.

„Цѣлому свѣту извѣстна сила Русскаго Государя. Необдуманнѣйшій поступокъ княгини Софіи не ускользнетъ отъ заслуженной кары. Но вы, достойные жители Гуріи, обсудите съ благоразуміемъ ваше положеніе, вспомните обязанности ваши къ русскому государю и къ вашему юному князю, непричастному вреднымъ дѣйствіямъ его матери; явите поведеніемъ вашимъ примѣръ вѣрности и усердія и, собравшись вокругъ храбрыхъ и вѣрныхъ кня-

¹⁾ Акты Кавказскаго Арх., Ком., т. VII, ст. 354. Отношеніе Паскевича къ графу Нессельроде 27-го іюля 1828 года № 218.

зей вашихъ, сохраните владѣнія потомка Гуріели отъ всякаго враждебнаго покушенія.

„Да будутъ же подвиги ваши столь же славны, сколько постыдно и пагубно поведеніе правительницы вашей и я сообщниковъ.“¹⁾

Прокламація эта произвела въ народѣ сильное впечатлѣніе. Многіе не подозрѣвали даже истинныхъ намѣреній княгини и теперь, когда маска съ нея была сорвана, карты ея были раскрыты, лучшіе князья покинули княжескій дворъ и удалились въ Озургеты. Князь Георгій Гуріели, князья Вахтангъ, Гиго, Георгій и Симонъ Эристовы отправили свои семейства изъ Гуріи къ родственникамъ въ Мингрелію и Имеретію, а сами, собравъ ополченіе изъ своихъ крестьянъ, присоединились къ русскимъ войскамъ, стоявшимъ въ Чохотаури. Тоже самое готовились сдѣлать князья Накашидзе; но такъ какъ имѣнія ихъ находились на самой границѣ съ Турціей, недалеко отъ Кобулетъ, то имъ пришлось бы итти въ Чохотаури черезъ всю Гурію, а потому, избѣгая вооруженнаго столкновенія со своими единоземцами, они предпочли остаться на своихъ мѣстахъ до болѣе удобнаго случая; но въ тоже время они извѣстили генерала Гессе, что готовы и будутъ защищаться со своими крестьянами собственными силами, въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля.²⁾

Обстоятельства въ Гуріи усложнились тѣмъ, что въ дѣло вмѣшался Ахметъ-бекъ Аджарскій, обратившійся съ угрозою къ тѣмъ князьямъ, которые не хотѣли поддерживать правительницу. „Я, Ахметъ-бекъ,—писалъ онъ въ своей прокламаціи,—добропамятуя о вѣсь, предупреждаю симъ, если не желаете погубить себя, то по полученіи сего прибудьте ко мнѣ и помиритеcь съ владѣтельницею; у нея я выхлопочу вамъ милость. Въ семъ моемъ требованіи не отговаривайтесь; въ противномъ случаѣ велю аджарцамъ сдѣлать на васъ нападеніе, и вы не найдете послѣ того спасенія себѣ ни въ Турціи, ни въ Грузіи.“³⁾

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 258. Прокламація Паскевича.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Акты Кавказскаго Арх. Ком. т. VII, ст. 353.

Измѣна княгини, такимъ образомъ, не подлежала сомнѣнію, и Паскевичъ, озабоченный мятежнымъ настроеніемъ гурійцевъ, просилъ государя объ устраненіи правительницы отъ всякаго вліянія на дѣла княжества и объ учрежденіи новаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ русскаго штабъ-офицера. Государь изъявилъ на это согласіе. Но въ образѣ мыслей княгини, повидимому, совершился крутой поворотъ. Неожиданное для нея паденіе Поти, потомъ покореніе Карса, Ахалкалакъ и Ахалцыха успѣли разсѣять вѣру ея въ могущество Турціи, и она написала къ Паскевичу, что раскаивается въ своихъ заблужденіяхъ и, чтобы загладить прежнее свое поведеніе, вызывалась собственными средствами покорить Кобулеты и даже Батумъ. Паскевичъ не повѣрилъ въ искренность подобнаго заявленія. Естественно было предположить, что правительница желаетъ выиграть время и затянуть дѣло до начала зимы, когда русскимъ невозможно было бы занять гористую часть Гуріи. Не желая однако до времени обнаружить свои опасенія, онъ назначилъ для исполненія ея обѣщаній двухнедѣльный срокъ, послѣ котораго, если войска ея не выйдутъ въ походъ, то генераль-маіору Гессе приказано вступить въ Гурійское княжество и низложить правительницу. Опасенія Паскевича оказались справедливыми. Срокъ проходилъ, а княгиня не только не думала о снаряженіи войскъ, но и сама, покинувъ Озургеты, переѣхала въ деревню Макванети на турецкой границѣ, куда постепенно перевозили и ея имущество. 29-го сентября срокъ окончился, а 30-го — два русскіе баталіона, подъ личною командою генерала Гессе, вступили въ Гурію. Но чтобы внезапнымъ появленіемъ не встревожить народъ, Гессе предварительно увѣдомилъ, что слѣдуетъ въ Гурію по приглашенію правительницы для совокупныхъ дѣйствій противъ турокъ вмѣстѣ съ гурійцами и просилъ княгиню прибыть въ Озургеты для ознакомленія его съ планомъ, составленнымъ ею для овладѣнія Батумомъ.¹⁾ Испуганная княгиня, не ожидавшая такого быстрого выполненія угрозы, не знала на что рѣшиться. Она уже хотѣла ѣхать въ Озургеты, чтобы отдаться милосердію

¹⁾ Дѣло № 258. Военный журналъ Паскевича 18 октября. Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа.

русского государя, но князь Мачутадзе и другие, бывшие с нею гурійскіе князья, отклонили ее отъ этого намѣренія, говоря, что русскіе только и пришли для того, чтобы захватить ее въ свои руки. Это рѣшило ея участь, и въ ночь съ 1-го на 2-е октября она, вмѣстѣ съ сыномъ Давидомъ и старшею дочерью Екатериною, бѣжала въ Кобулеты. Съ ней вмѣстѣ бѣжали князья: Мачутадзе, Давидъ Гуріели, Георгій Тавтгеридзе, Лазарь Накашидзе, восемь дворянъ и 56 человекъ прислуги; кромѣ того сыновья князя Георгія Эристова, Константинъ и Давидъ и сынъ Гиго Эристова, Александръ, были захвачены ею, какъ аманаты.¹⁾

Между тѣмъ русскія войска заняли Озургеты, Нагомари, и два укрѣпленные замка, принадлежавшіе самой правительницѣ,—Аскано и Лихаури. Въ нихъ найдены были два брошенные знамени, шесть орудій и нѣсколько артиллерійскихъ запасовъ.²⁾ Въ Лихаури, кромѣ того, нашли покинутыхъ княгиней на произволъ судьбы двухъ малолѣтнихъ дочерей ея, Софію семи и Терезу шести лѣтъ; обѣ онѣ были въ однѣхъ только платьицахъ, и княгиня, при своемъ бѣгствѣ, оставила имъ на содержаніе всего одинъ турецкій червонецъ³⁾. Паскевичъ принялъ въ этихъ несчастныхъ дѣтяхъ живое участіе, и по его ходатайству ихъ отвезли въ Петербургъ помѣстили въ Смольный институтъ, и будущность ихъ щедро была обезпечена великодушіемъ императора Николая I. Пребываніе княгини среди кобулетцевъ заставило генерала Гессе выдвинуть на границу Гуріи, къ бывшему Николаевскому посту, двѣ роты 44-го Егерскаго полка съ двумя орудіями легкой № 2 роты 21-й артиллерійской бригады. Но едва отрядъ прибылъ на мѣсто, какъ 15-го октября былъ атакованъ сильною партіею кобулетцевъ. При первыхъ выстрѣлахъ, на помощь къ нашимъ войскамъ подошли князья Накашидзе съ своей милиціей, собранной въ ихъ собственныхъ помѣстьяхъ, и непріятель прогнанъ былъ съ большою потерей. Видя безуспѣшность своихъ дѣйствій, княгиня покинула Кобулеты и черезъ владѣнія аджарскаго бека бѣжала въ Трапезондъ.⁴⁾

¹⁾ Акты Кавк. Арх. Ком. т VII, ст. 356. Рапортъ генерала Гессе 10-го октября № 435.

²⁾ Тамъ же Журналь отъ 19-го октября.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же. Журналь 22-го октября.

Кругомъ водворилось спокойствіе. Но Гессе изъ предосторожности оставилъ на зиму тѣ же двѣ роты 44-го Егерскаго полка съ двумя орудіями на посту св. Николая, три роты въ крѣпости Поти и сводный баталіонъ Мингрельскаго полка въ Чохотаури. ¹⁾

Въ тоже время княгиня Софья за побѣгъ свой въ Турцію была объявлена лишенною всѣхъ правъ на княженіе въ Гуріи, а для временнаго управленія страной учрежденъ былъ новый совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ полковника Кулябки, изъ четырехъ князей, бывшихъ мдиванъ-бегами при покойномъ владѣтелѣ Маміи. Это были князья Георгій Эристовъ, Георгій Накашидзе, Вахтангъ и Симонъ Гугуновы. Временное правленіе дѣйствовало именемъ малолѣтнаго владѣтельнаго князя Давида, котораго Паскевичъ увѣдомилъ, что онъ свободно можетъ возвратиться на родину, не лишаясь правъ, утвержденныхъ за нимъ государемъ императоромъ. Такимъ образомъ Гурія сохранила еще на нѣкоторое время тѣнь своего политическаго существованія. ²⁾ Дальнѣйшая судьба гурійскаго княжества была слѣдующая.

Княгиня Софія, поселившаяся послѣ своего бѣгства въ Трапезондскомъ пашалыкѣ, не переставала вести тайную и явную пропаганду противъ Россіи и даже пыталась, при помощи турокъ, снова овладѣть правленіемъ гурійскаго княжества. Съ этою цѣлью она прибыла весною 1829 года съ войсками трапезондскаго паши на Кинтришскую поляну и отсюда обратилась съ воззваніемъ къ гурійскимъ князьямъ, приглашая ихъ стать на защиту ея владѣтельныхъ правъ, и правъ ихъ малолѣтнаго князя. Большинство гурійцевъ доставило эти воззванія генералу Гессе нераспечатанными. Между тѣмъ, Паскевичъ, узнавъ о появленіи княгини въ Кобулетахъ снова обратился къ ней съ нѣсколькими письмами, обѣщая полное прощеніе ей и помилованіе ея сообщникамъ, если они, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, возвратятся на родину. „Въ противномъ случаѣ,—писалъ главнокомандующій,—малолѣтній князь, какъ бѣглець, противоборствующій пользамъ отечества, будетъ

¹⁾ Тамъ же. Журналъ отъ 30-го ноября.

²⁾ Актъ Кавказскаго Ар. Ком. т. VII, ст. 357. Предписаніе Паскевича генералу Гессе отъ 31-го октября № 2685.

объявленъ измѣнникомъ и навсегда утратитъ наслѣдственное право на княженіе въ Гуріи“. Письма эти посланы были нѣсколькими дубликатами, но по странному стеченію обстоятельствъ ни одно изъ нихъ не попало въ руки княгини,---всѣ онѣ были перехвачены турецкимъ правительствомъ. Пораженіе трапезондскихъ войскъ отрядомъ генерала Гессе, какъ на Кинтришской полянѣ, такъ и въ завалахъ у Лимани,---о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, нанесло послѣдній и самый тяжкій ударъ княгинѣ. Она едва успѣла бѣжать вмѣстѣ съ сыномъ и съ опасностью жизни добралась до Трапезонды. Рядъ нравственныхъ потрясеній, пережитыхъ ею въ самое короткое время, сломилъ ея здоровье, и бѣгство изъ Кинтриши было послѣднимъ эпилогомъ ея скитальческой жизни. Она заболѣла и 7-го сентября 1829-го года скончалась въ Трапезондскомъ пашалыкѣ, въ городѣ Гогніѣ, гдѣ могила ея и понынѣ находится въ греческомъ монастырѣ св. Софіи. Малолѣтній сынъ и дочь Екатерина остались въ рукахъ у турокъ. ¹⁾

За смертію правительницы малолѣтній Давидъ навсегда былъ отстраненъ отъ княженія въ краѣ; совѣтъ упраздненъ, и Гурія обращена въ простую русскую провинцію.

„Устранивъ навсегда отъ княженія въ краѣ владѣтеля его князя Давида, — писалъ Паскевичъ къ военному министру, — я обращаюсь къ милосердію государя императора, чтобы испросить дозволеніе князю возвратиться на родину, обѣщая дать ему внутри Россіи, взамѣнъ гурійскаго княжества, достаточное имѣніе; старшей же сестрѣ его княжнѣ Екатеринѣ, по возвращеніи ея въ наши границы — пожизненную пенсію, приличную ея достоинству. Что же касается князей, находящихся въ Турціи, то, какъ виновникамъ возмущенія въ гурійскомъ княжествѣ, навсегда воспретить возвращеніе въ отечество, отдавъ имѣнія ихъ ближайшимъ родственникамъ.“ ²⁾

„Государь императоръ, -- отвѣчалъ на это военный министр, -- разсмотрѣвъ рапортъ вашъ, соизволилъ утвердить предположенія

¹⁾ Дѣл. за 1829 годъ № 258. Донесеніе Гессе отъ 21-го ноября 1829 г. № 359 Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа

²⁾ Тамъ же. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича 26-го декабря 1829 г. № 363.

ваши, какъ насчетъ присоединенія Гурійскаго княжества къ Россійской Имперіи, такъ и мнѣніе ваше относительно бѣжавшихъ князей. Что-же касается наслѣдника Гуріи князя Давида и сестры его княжны Екатерины, сопутствовавшихъ своей покойной матери княгинѣ Софіи въ бѣгствѣ ея въ предѣлы Турціи, и по нынѣ тамъ находящихся, Его Величество соизволилъ повелѣть объявить имъ черезъ одного изъ консуловъ, находящихся въ Трапезондѣ, что за участіе ихъ въ поступкахъ матери своей, они лишаются всѣхъ правъ, какъ на принадлежащія имъ наслѣдія, такъ и на вознагражденія за оное¹⁾.

Грустно, сиротливо протекали дни молодого гурійскаго князя, потомка славныхъ Гуріелей, вдали отъ родины, среди народа, искони вѣковъ враждебнаго вѣрѣ его отцовъ и его отечеству. Новымъ ходатаемъ за него является баронъ Розенъ, смѣнившій на Кавказѣ графа Паскевича. Въ письмѣ къ государю, исполненномъ горячаго чувства и убѣжденія, онъ доказывалъ, что десятилѣтній Давидъ не могъ быть виновнымъ въ поступкѣ своей матери, что ни онъ, ни сестра его Екатерина, всюду сопутствовавшіе матери, не имѣли ни силъ, ни разсудка отстать отъ нея, и что, наконецъ, тяжесть испытываемой кары: лишеніе наслѣдственныхъ правъ и изгнаніе изъ родины не за свою собственную вину, а за вину матери, можетъ образовать изъ молодого Гуріеля опаснаго врага и возродить вѣчныя тревоги и смуты на границахъ Гуріи.

Императоръ Николай Павловичъ милостиво принялъ ходатайство барона Розена, и 25-го января 1832 года объявилъ высочайшее прощеніе всѣмъ гурійскимъ князьямъ, дворянамъ и простымъ людямъ, бѣжавшимъ за границу съ покойною правительницею. Вѣстникомъ этого былъ посланъ въ Трапезондъ священникъ Шамомкедскаго монастыря Іоаннъ Канделаки,—и вотъ, 15-го сентября того же года, всѣ изгнанники вступили на родную землю въ портъ св. Николая. Съ молодымъ Гуріели прибылъ и дядька-воспитатель его, князь Мачутадзе, доселѣ слывшій главнымъ виновникомъ побѣга княгини. Но Розенъ усердно хлопоталъ снять и съ

¹⁾ Тамъ же Отзвѣвъ военнаго министра графа Чернышева 22-го января 1830 года № 144.

князя Мачутадзе это тяжелое обвинение, удостовѣряя, что вся вина его заключалась только въ неограниченной преданности къ бывшей своей владѣтельницѣ, волѣ которой онъ слѣпо повиновался. Розенъ рекомендовалъ его даже особому вниманію. „Образованіе, которое онъ далъ малолѣтнему князю при всей скудности средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи Мачутадзе,—писалъ онъ по этому поводу къ графу Чернышеву,—а главное, нравственныя качества, привитыя Давиду, дѣлаютъ полную честь его воспитателю“.

И дѣйствительно, двѣнадцатилѣтній Давидъ своею красивою наружностью, своими манерами и прекрасными качествами сердца, возбуждалъ къ себѣ общія симпатіи. Не только гурійцы, но даже кобулетцы, мингрельцы и имеретины принимали живое участіе въ грустной судьбѣ молодого князя, и тѣмъ съ большею признательностью встрѣтили всѣ царскія милости, которыя ожидали юношу при вступленіи его на родную землю. Государь пожаловалъ ему, его сестрѣ княжнѣ Екатеринѣ и князю Мачутадзе пожизненныя пенсіи, вполне обезпечившія ихъ матеріальныя благосостоянія. Молодой князь Давидъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ въ 1838 году и окончилъ свое образованіе. Произведенный въ офицеры въ лейбъ-Атаманскій Цесаревича казачій полкъ, онъ отправился служить на Кавказъ, и въ слѣдующемъ же году былъ убитъ при штурмѣ Ахульго. Съ нимъ кончилась въ прямомъ поколѣніи владѣтельная фамилія Гуріелей.

Глава VIII.

Анапская экспедиція. - Значеніе Анапы для насъ и для Турціи. - Вліяніе турокъ на горцевъ черноморскаго побережья. - Приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. - Переписка князя Меншикова съ г-жею Бухгольцъ - Составъ экспедиціоннаго отряда - Прибытіе его къ Анапѣ. - Начало осады. - Вылазка турокъ 7-го и бой съ черкесами 8-го мая. - Новое расположеніе войскъ на позиціяхъ. - Упорныя битвы 18-го и 28-го мая. - Сдача Анапы. - Отзывъ князя Меншикова о войскахъ его отряда. - Высочайшія награды.¹⁾

Совершенно отдѣльнымъ эпизодомъ въ кампанію 1828 года является взятіе Анапы, этого оплота турецкаго могущества на восточномъ берегу Чернаго моря.

Серьезное стратегическое значеніе этой крѣпости обусловливалось самымъ ея географическимъ положеніемъ у моря, по которому свободно производились всѣ сообщенія ея съ Турціей. По отношенію къ Черноморской кордонной линіи, она была тѣмъ же, чѣмъ Ахалцыхъ на границѣ Грузіи, т. е. источникомъ вѣчныхъ тревогъ и поддержкою черкесскихъ набѣговъ. При такихъ условіяхъ Анапа могла распространять свое вліяніе не только на закубанскихъ горцевъ, но и далеко внутрь Закавказья, волнуя Абхазію и Гурію, и безъ того находившихся въ вѣчномъ броженіи. Оставить ее въ рукахъ турокъ во время войны съ этою державою, значило бы имѣть за своими плечами постоянную угрозу. Не даромъ султанъ въ одномъ изъ своихъ фирмановъ прямо называлъ Анапу — „ключомъ азіатскихъ береговъ Чернаго моря“.

Въ Стамбулѣ не безъ основанія рассчитывали, что достаточно только подогрѣвать въ черкесахъ религіозный фанатизмъ, чтобы

---

¹⁾ Матеріалами къ этой главѣ служили: Описаніе турецкой войны 1828—1829 г. Лукьяновича, „Черноморцы на Кубани“ Киrolенко и Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1828 г. № 45.

держатъ этотъ народъ въ постоянномъ возбужденіи противъ Россіи. И турки не жалѣли денегъ, осыпали черкесовъ подарками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдниками. Для черкесовъ Анапа служила представительницею мусульманскаго могущества и была въ одно и то же время и арсеналомъ, и „весью“ Аллаха,—своего рода Римомъ, откуда въ ихъ землю шли одинъ за другимъ апостолы магометанства. Случилось, однажды, въ старые годы, что изъ Анапы отправлено было сразу до трехсотъ муллъ и дервишей. Краснорѣчивымъ проповѣдникамъ не доставало только одной, весьма важной вещи—знанія черкесскаго языка, и религіозная пропаганда ихъ осталась поистинѣ гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Современники этой эпохи рассказываютъ, что дервиши и муллы очутились подъ конецъ въ весьма критическомъ положеніи, рискуя даже умереть съ голоду. Но зато на сцену выступили немедленно другіе интересы, сблизившіе черкесовъ съ миссіонерами быть можетъ прочнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать религіозныя наставленія. Чтобы выйти изъ своего непріятнаго положенія, нѣмые проповѣдники принялись за торговлю юнымъ черкесскимъ человѣчествомъ,—и этотъ родъ просвѣщенія превосходно былъ понятъ и усвоенъ жадными до барышей черкесами. Красивыя женщины и мальчики, по одиночкѣ и цѣлыми партіями, находили отличный сбытъ въ Анапѣ. Закипѣла бойкая торговля и отдать теперь такое сокровище, какъ Анапа, невѣрнымъ, которые прежде всего наложили бы свою руку именно на эту запретную торговлю, уже не приходилось ни горцамъ, ни туркамъ. Они обѣщали другъ другу взаимную помощь.

Но чтобы разобщить эти то два мусульманскіе народа, взаимно поддерживавшіе другъ друга, намъ нужно было имѣть въ своихъ рукахъ этотъ „ключъ къ Черному морю,“ и взятіе Анапы, при каждой войнѣ съ Турціей, входило въ число важнѣйшихъ стратегическихъ соображеній. Три раза русскія войска занимали Анапу и три раза, по заключеніи мира, возвращали ее Турціи, по настоятельнымъ домогательствамъ султана. Теперь русское правительство готовилось брать Анапу въ четвертый разъ. Но и Порта, видя поднимающуюся на горизонтѣ грозную тучу войны и научен-

ная опытомъ, поручила французскимъ инженерамъ усилить оборонительныя верки Анапы, удвоила въ ней гарнизонъ и вмѣсто слабаго Гассанъ-паши назначила ея комендантомъ извѣстнаго своею храбростію Чатырь Османъ-оглы. Нужно сказать, однако, что храбрость была единственною добродѣтелью новаго начальника,—его предшественникъ былъ гораздо умнѣе и дѣятельнѣе.

По плану императора Николая Павловича война должна была начаться именно со взятія Анапы,—дабы паденіе ея послужило однимъ изъ первыхъ чувствительныхъ ударовъ, нанесенныхъ Портѣ“. Мысль эта зародилась въ немъ давно, когда призракъ войны только еще начиналъ вставать въ далекой перспективѣ, и князю Меншикову, посланному тогда чрезвычайнымъ посланникомъ въ Персію, поручено было, между прочимъ, собрать и самыя точныя свѣдѣнія о силѣ анапскихъ укрѣпленій. Къ сожалѣнію, отношенія между Россіею и закубанскими горцами въ то время были настолько обострены, что пришлось отказаться отъ мысли узнать черезъ нихъ хотя что-нибудь объ Анапѣ. Сохранилась однако одна любопытная переписка, свидѣтельствующая объ этихъ стремленіяхъ русскаго правительства. Необходимо припомнить, что все время съ 1807 по 1812 годъ, когда Анапа находилась въ нашихъ рукахъ, комендантомъ ея былъ генералъ-маіоръ Бухгольцъ, женатый на черкесской княжнѣ весьма знатнаго рода и черезъ нее имѣвшій въ горахъ большія родственныя связи. Къ нему-то,—онъ былъ тогда комендантомъ въ Керчь-Еникале,—и обратился князь Меншиковъ съ своею просьбою; но письмо это не застало Бухгольца въ живыхъ, и за него отвѣтила его жена.

„Разбирая бумаги покойнаго мужа,—писала она,—касающіяся передачи имъ Анапы въ 1812 году турецкимъ властямъ, я нашла подробный планъ крѣпости, который при семъ и посылаю. А такъ какъ я находилась въ то время въ Анапѣ вмѣстѣ съ мужемъ, то знаю лично, что крѣпость эта была вооруженная, но, по приказанію мужа, когда ее сдавали Портѣ, главныя укрѣпленія были разрушены и самыя контрфорсы ослаблены, а орудія свезены на флотъ. По настояніямъ паши оставлено было тогда лишь нѣсколько самыхъ негодныхъ пушекъ съ испорченными лафетами. Подробное

описаніе Анапы, какъ я полагаю, погибло во время кораблекрушенія, которое постигло судно, ибо ѣхавшій на немъ священникъ съ семействомъ, вся канцелярія и все наше имущество утонули.

„Будучи сама уроженкой Черкессіи, я понынѣ сохраняю родственныя связи, довѣріе и приверженность къ себѣ натухайцевъ шапсуговъ и абадзеховъ; имѣю даже родственницу въ самой Анапѣ. И если бы свѣдѣнія эти потребовались раньше имѣла-бы случай и твердо убѣждена въ томъ, что могла бы достать вамъ видъ настоящихъ укрѣпленій Анапы и всѣ средства ея, такъ какъ крѣпость находится теперь въ сильно-оборонительномъ положеніи. Всегда желала я доставить родинѣ моей покровительство монарха и для этой цѣли имѣла на родственниковъ моихъ непосредственное вліяніе; съ твердостью удерживаю и понынѣ средства подкрѣпляютъ мое намѣреніе, сопряженное съ искреннимъ желаніемъ отвлекать народъ сей отъ его заблужденій“.

Чѣмъ кончилась эта интересная переписка и вообще были ли успѣшны тогда попытки Меньшикова собрать свѣдѣнія объ анапскихъ укрѣпленіяхъ—неизвѣстно.

Но вотъ наступилъ 1828 годъ, война была объявлена, и Анапа первая должна была испытать на себѣ силу русскаго оружія. Но такъ какъ по отдаленному положенію ея отъ театра военныхъ дѣйствій, предположенныхъ въ Азіатской Турціи и по совершенному недостатку войскъ на Кавказѣ, она включена была въ черту дѣйствій Дунайской арміи, то изъ Севастополя отправлена была моремъ бригада 7-й пѣхотной дивизіи, 13-й и 14-й Егерскіе полки, назначавшіеся для десанта, а со стороны Кавказа двинуты были два конные (№ 8 и 9-й) и два пѣшіе (№ 5-й и 8-й) полка Черноморскаго казачьяго войска съ конною батареею, шесть ротъ Таманскаго гарнизоннаго полка, рота Нашебургскаго ¹⁾ и четыре орудія. Весь этотъ сухопутный отрядъ поступилъ въ команду полковника флигель-адъютанта Перовскаго ²⁾ и быстрымъ движеніемъ къ Анапѣ долженъ былъ обезпечить высадку десанта.

¹⁾ Два баталіона Нашебургскаго полка находились въ дѣйствующемъ корпусѣ, а третій (резервный) оставался на Кавказской линіи

²⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи былъ генераль-адъютантъ и генераль губернаторъ Оренбургскаго края. Онъ извѣстенъ походомъ въ Хиву въ 1839 г

Эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Грейга, вышла изъ Севастополя къ кавказскимъ берегамъ 21-го апрѣля и послѣ бурнаго плаванія подошла къ Анапѣ 2-го мая, слѣдовательно, когда военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи еще не начинались, а главная армія графа Витгенштейна только еще собиралась на р. Прутѣ. На слѣдующій день подошелъ и Перовскій; какъ главный начальникъ экспедиціи, Грейгъ немедленно отправилъ къ анапскому пашѣ парламентаря съ требованіемъ сдать крѣпость. Паша отказался. „Вы предлагаете мнѣ невозможное, — сказалъ онъ посланному офицеру: начальникъ вашъ исполняетъ то, что велѣлъ ему его государь, а я не измѣню своему. Судьба должна рѣшить кому владѣть Анапой“. Оставалось одно—приступить къ осадѣ крѣпости.

Анапа построена на мысѣ, глубоко вдававшемся въ море и съ трехъ сторонъ омываемымъ водою; съ четвертой же,—съ восточной, передъ ней разстилалась плоская равнина, обрамленная горами, въ которыхъ жили различныя племена черкесовъ; къ сѣверу отъ нея впадаетъ въ море горная рѣчка Бугуръ, на лѣвомъ берегу которой и расположился Перовскій, занявъ тѣсное пространство между берегомъ моря и обширнымъ болотомъ, отдѣлявшимъ ее отъ горъ. На морѣ всѣ эти дни свирѣпствовала сильная буря, препятствовавшая высадкѣ десанта, и русскій отрядъ, силой въ 900 человекъ, долженъ былъ стоять одинъ противъ сильной крѣпости. Видя, что штормъ не позволяетъ соединиться русскимъ войскамъ, и что корабли за мелководьемъ не могутъ приблизиться къ берегу даже настолько, чтобы вредить крѣпости огнемъ морской артиллеріи, турки въ продолженіи трехъ дней дѣлали непрерывныя вылазки. Перовскій, окружившій свою позицію цѣлымъ рядомъ небольшихъ полевыхъ укрѣпленій, держался стойко, но, вечеромъ 5-го мая, долженъ былъ условными сигналами потребовать помощи. Къ счастью, подъ утро вѣтеръ нѣсколько утихъ, и на слѣдующій день 13-й и 14-й Егерскіе полки съ восемью орудіями батареинной роты 7-й артиллерійской бригады вышли на берегъ, подъ команду начальника морского штаба генералъ-адъютанта князя Меншикова. Турки попробовали атаковать десантъ и отрядъ Перовскаго, чтобы помѣшать ихъ соединенію, но попали подъ

огонь кораблей и отступили. Отряды соединились и тотчасъ устроили пристань и телеграфъ для сообщеній и переговоровъ съ флотомъ. Меньшиковъ принялъ команду надъ всѣми войсками; Перовскій назначенъ начальникомъ штаба осаднаго корпуса.

7-го мая началось бомбардированіе крѣпости. Три дня громили стѣны ея морскія орудія съ флота, а въ это время на сушѣ, на правомъ берегу Бугура, на плоской песчаной косѣ, вдающейся въ заливъ, устраивалась демонтиръ-батарея, и 10-го мая два корабельныя 36-ти фунтовыя орудія и мортира большого калибра открыли огонь по угловому бастиону крѣпости. Меньшиковъ не хотѣлъ повести осаду съ открытой, наиболѣе доступной, восточной, стороны крѣпости, откуда атаковалъ Анапу Гудовичъ. Тамъ стѣны были ниже, рвы менѣе глубоки, но зато войска подвергались перекрестному огню со всѣхъ укрѣпленій. Меньшиковъ, напротивъ, избралъ для атаки сѣверный фасъ, укрѣпленный сильнѣе другихъ, но представлявшій ту выгоду, что, сбивъ орудія съ двухъ угловыхъ бастионовъ, войска уже безопасно могли приблизиться къ крѣпости, такъ какъ эти же самые бастионы закрывали бы ихъ отъ выстрѣловъ съ другихъ укрѣпленій. Сверхъ того, доставка съ флота большихъ корабельныхъ орудій и громоздкихъ снарядовъ была удобнѣе на этомъ пунктѣ, нежели на другихъ, куда приходилось бы перетаскивать ихъ на рукахъ солдатъ. Правда, рѣка, протекавшая передъ нашимъ фронтомъ, затрудняла нѣсколько переходъ въ наступленіе и даже самое веденіе траншейныхъ работъ, но черезъ Бугуръ устроили прочный мостъ, прикрытый со стороны Анапы, редутомъ, въ которомъ расположились двѣ, переброшенныя за рѣку, роты.

Турки не могли примириться съ этимъ виднѣвшимся передъ ними редутомъ и въ ту же ночь сдѣлали сильную вылазку, а крѣпость открыла огонь, стремясь разрушить мостъ и остановить переправу русскихъ резервовъ въ тотъ моментъ, когда редутъ будетъ атакованъ. Мостъ однако устоялъ, а егеря выдержали нападенія одни и безъ резервовъ отбросили турокъ.

Тогда, на слѣдующій день, послѣдовало новое нападеніе на русскую позицію, но уже съ тыла, со стороны Бугаза. Это была

лихая черкесская конница, спустившаяся внезапно съ горъ и какъ вихрь налетѣвшая на лагерь. Но въ это время тылъ охраняли хорошо знакомые ей черноморскіе казаки, съ своимъ атаманомъ Безкровнымъ. Никакая внезапность не могла смутить старыхъ сѣчевиковъ, и атаманъ, не любившій жечь пороха, повелъ ихъ прямо въ дротики. Произошла рукопашная схватка, а тутъ подо-спѣлъ еще баталіонъ егерей,—и горцы, осыпанные пулями, поражаемые казачьими пиками, унеслись назадъ. Наша потеря въ этомъ дѣлѣ была бы ничтожна, если бы человекъ тридцать, еще неопытныхъ въ кавказской войнѣ, егерей не зарвались за ними въ погонѣ: они слишкомъ отделились отъ своего баталіона и на глазахъ его были изрублены. Трудно сказать, какую потерю понесли черкесы, но въ числѣ убитыхъ былъ ихъ владѣтельный князь Сатугъ-Ханашъ-Иббинъ-Цака, извѣстный на нижней Кубани своими набѣгами. Его убилъ штыкомъ егерь 14-го полка, и князь Меньшиковъ назначилъ ему въ награду знакъ отличія военного ордена и 100 р. с.

На этотъ разъ черкесы были отражены, но за будущее трудно было ручаться, такъ какъ они легко могли собраться еще въ большихъ силахъ и прорвать нашу слабую блокадную линію. Чтобы избѣжать подобной случайности, пришлось въ тылу лагеря, между болотомъ и моремъ, протянуть цѣлую линію ретраншаментовъ, а на высотѣ, командовавшей всею окрестною мѣстностью, поставить отдѣльное укрѣпленіе. Въ то же время стало очевиднымъ, что, не прервавъ сообщенія крѣпости съ черкесами, невозможно было рассчитывать и на успѣхъ осады. Поэтому, не смотря на малочисленность отряда, Меньшиковъ рѣшилъ отдѣлить два баталіона—одинъ 13-го, другой 14-го Егерскихъ полковъ—и, переправивъ ихъ черезъ Бугуръ, расположить на равнинѣ, примыкавшей къ восточной сторонѣ Анапы. Положеніе этихъ баталіоновъ между двухъ огней было чрезвычайно опасно, а потому баталіонъ 13-го Егерскаго полка, расположившійся ближе къ крѣпости, долженъ былъ огородиться двойнымъ редутомъ, способнымъ защищаться на оба фронта. Баталіонъ 14-го полка съ двумя орудіями занялъ другой редутъ, поставленный на берегу Бу-

гура для обезпеченія переправы. Подъ прикрытіемъ этихъ то баталіоновъ у насъ и приступили къ осаднымъ работамъ отъ предмостнаго укрѣпленія къ угловому бастіону Анапы. Но едва заложили первую параллель, какъ турки съ своей стороны устроили контръ-апроши, и 15-го мая работы столкнулись. Въ траншеяхъ стояла рота 14-го полка капитана Туркула 2-го. Отважный офицеръ самъ бросился на непріятеля, выбилъ его изъ окоповъ и разрушилъ работы.

Съ этихъ поръ осада крѣпости становится болѣе энергичная и рѣшительная. Канонерскія лодки, бомбарды и другія суда Черноморской флотиліи, которымъ мелководье не мѣшало подходить близко къ берегу, неумолчно громили приморскія укрѣпленія. Три турецкія кочермы, изъ числа десяти, стоявшихъ на якорѣ подъ пушками крѣпости, были потоплены, три взяты на абордажъ и отведены на рейдъ; остальные четыре уже ничего не смѣли предпринимать противъ русскихъ крейсеровъ. Съ суши разрушеніе крѣпости также постепенно увеличивалось, а блокада становилась все тѣснѣе и дѣйствительнѣе.

Турки и черкесы были крайне смущены подобнымъ положеніемъ дѣла. Черкесы дорожили Анапой, потому что тамъ находились всѣ жизненные нервы закубанскихъ народовъ. Оттуда они получали оружіе, боевые припасы, деньги и хлѣбъ; тамъ продавали они своихъ дочерей и невольниковъ и тамъ же имѣли всегда готовыя суда для эмиграціи въ Турцію, которая по временамъ принимала довольно значительные размѣры. Въ этомъ именно и лежала причина, почему шапсуги и нутхайцы, земли которыхъ прилегали къ Анапской крѣпости, такъ крѣпко стали на ея защиту. Съ этого момента всѣ усилія горцевъ и турокъ направляются къ тому, чтобы возстановить прерванныя между ними сообщенія. И вотъ, утромъ 19-го мая, когда ретраншаментъ еще не былъ готовъ, турецкая пѣхота сдѣлала вылазку со стороны восточныхъ воротъ и въ тоже время, какъ бы по условному сигналу, показались на горахъ и горцы. Первый баталіонъ 13-го Егерскаго полка, покинувъ работы, сталъ отступать къ редуту на Бугурѣ; но редутъ стоялъ уже въ огнѣ. Черкесы со всѣхъ сторонъ атаковали распо-

ложенный въ немъ баталіонъ 14-го Егерскаго полка. Ворваться въ редутъ они однако не могли и были отброшены съ большою потерей. Тогда толпы ихъ устремились къ Анапѣ, чтобы соединиться съ турецкимъ гарнизономъ; но отступавшій баталіонъ, поддержанный еще двумя ротами, высланными изъ редута, преградилъ имъ путь, а двѣ остальные роты 14-го полка забѣжали въ тылъ и поставили ихъ подъ перекрестный огонь. Горцы въ безпорядкѣ отхлынули назадъ, но съ ближнихъ высотъ слѣдили за тѣмъ, чѣмъ кончится дѣло у турокъ. А турки были не въ лучшемъ положеніи. Покинутые горцами, далеко отошедшіе отъ крѣпости, они очутились лицомъ къ лицу съ егерями, которые стремительнымъ ударомъ смяли ихъ и обратили въ бѣгство. Въ это время принесли изъ лагеря два конные Черноморскіе полка съ своимъ атаманомъ Безкровнымъ и преслѣдованіе продолжалось до самыхъ стѣнъ крѣпости. Турки потеряли при этомъ полевое орудіе, — „храбро защищаемое, но еще мужественнѣе, какъ доносилъ князь Меншиковъ, отбитое бросившимися на него 20-ю казаками.“ Убитыхъ и раненыхъ непріятель оставилъ на мѣстѣ сраженія; въ числѣ ихъ былъ и предводитель горцевъ, владѣтельный князь Темрюкъ, погибшій вмѣстѣ съ лучшими своими узденями. Богатый панцырь его, доставшійся егерямъ, какъ трофей высокой цѣнности, отправленъ былъ государю.

Какъ ни счастливо для насъ было дѣло 18-го мая, оно показало, однако, возможность прорыва черкесовъ въ Анапу, и войска, стоявшія на лѣвомъ берегу Бугура, были усилены двумя ротами Таманскаго полка. Теперь боевой фронтъ ихъ, обращенный къ горамъ, а тыломъ къ крѣпости Анапѣ, протянулся черезъ всю равнину такъ, что правый флангъ начинался у морского берега южнѣе Анапы, а лѣвый упирался въ Бугуръ на томъ мѣстѣ, гдѣ на правомъ берегу лежали болота. На этомъ пространствѣ войска расположились слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ, ближе къ морю, стоялъ баталіонъ 13-го Егерскаго полка съ двумя орудіями; въ центрѣ противъ крѣпости—двѣ роты таманцевъ и на лѣвомъ флангѣ, въ самомъ редутѣ, баталіонъ 14-го Егерскаго полка, при двухъ легкихъ орудіяхъ. Носились слухи, что большая партія

горцевъ находится въ сборѣ, и войска были на сторожѣ; по ночамъ одна шеренга отдыхала, другая—стояла подъ ружьемъ въ полной боевой готовности. Такъ прошло нѣсколько дней, наконецъ, на разсвѣтъ 28-го мая, четыре тысячи конныхъ черкесовъ внезапно кинулись на нашу позицію. Двѣ роты Таманскаго полка не выдержали натиска: черкесы врубились и въ безпорядкѣ, съ огромною потерю, отбросили ихъ къ морю. Двѣ роты 13-го полка, подоспѣвшія на помощь, остановили бѣшеный натискъ непріятеля и хотя помогли таманцамъ спасти свою пушку, но сами попали подъ ударъ всей массы черкесской конницы. Завязался упорный бой. Нѣсколько разъ врубались черкесы въ каре и нѣсколько разъ выбрасывались штыками; рота поручика Мусницкаго въ какіе нибудь полчаса потеряла изъ 120 человѣкъ пятьдесятъ три изрубленными, но, не смотря на непоправимую убыль, все-таки удержались на мѣстѣ: молодые солдаты ни на одну минуту не позволили разстроить фронтъ и нарушить порядокъ, отъ котораго зависѣло ихъ спасеніе. Ни одна изъ ближайшихъ частей не могла между тѣмъ подойти на помощь; остальные двѣ роты того же баталіона и двѣ роты 14-го полка, высланныя изъ главнаго лагеря, удерживали въ это время натискъ турецкаго отряда, сдѣлавшаго вылазку. Но турокъ было много, и егеря, подавляемые превосходствомъ силъ, медленно отходили назадъ. Трудно сказать, чѣмъ бы окончился этотъ кровавый день, если бы 1-й баталіонъ 14-го Егерскаго полка, занимавшій редутъ, не появился внезапно въ тылу у черкесовъ. Замѣтивъ это движеніе, горцы тотчасъ прекратили бой и, подобравъ убитыхъ, ускакали въ горы, увезя съ собой и свои орудія. Турки опять остались одни и искали спасенія въ поспѣшномъ отступленіи къ крѣпости. Но укрыться въ Анапу удалось только тѣмъ, кто бѣжалъ шибче другихъ и менѣе другихъ думалъ о сопротивленіи. Два конные полка черноморскихъ казаковъ, прискакавшіе изъ лагеря съ атаманомъ Безкровнымъ, кинулись на перерѣзъ и заняли дорогу въ крѣпость. Тогда произошла страшная сцена: часть непріятельской артиллеріи, моментально была захвачена казаками; множество турокъ было изрублено, а человѣкъ 700 загнаны на высокій утесъ, висѣвшій надъ морскою бездною, и без-

пощадно сброшены въ море. Въ числѣ добычи, отбитой казаками у непріятеля, была богатая турецкая сабля, которую Безкровный отъ лица Черноморскаго войска отправилъ въ даръ Августѣйшему атаману всѣхъ казачьихъ войскъ Цесаревичу Александру Николаевичу.

Кровавая схватка эта памятна однимъ эпизодомъ, который долженъ быть сохраненъ въ исторіи, какъ примѣръ необычайнаго самоотверженія и привязанности къ начальнику русскаго солдата. Когда турки прижаты были къ кручѣ, командиръ 4-й роты 14-го Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Томиловскій схватился на самомъ краю обрыва съ турецкимъ офицеромъ. Долгая борьба эта, одинъ на одинъ, окончилась тѣмъ, что Томиловскій свергнулъ своего противника въ кручу, но, потерявъ равновѣсіе, самъ увлеченъ былъ въ бездну. По счастью, небольшая скала, выдававшаяся изъ отвѣсной стѣны берега, задержала его паденіе. Томиловскій жестоко расшибся, но успѣлъ удержаться и повисъ надъ бездною. Между тѣмъ турецкій гарнизонъ, желая спасти хотя часть своихъ товарищей, выслалъ изъ крѣпости вдоль берега, прикрытаго крутизною, небольшою отрядъ, который снизу могъ обстрѣливать край обрыва. Турки увидѣли русскаго офицера, висѣвшаго надъ бездною и, открывъ огонь, ранили его въ ногу. Изнемогая отъ потери крови, Томиловскій уже готовился къ смерти, какъ вдругъ услышалъ надъ своею головою шорохъ и шумъ скатывавшихся внизъ камней. Двое солдатъ 4-й роты, несмотря на явную смерть, грозившую имъ при малѣйшей неосторожности, спускались къ нему, цѣпляясь за выдававшіеся камни. Но вотъ передъ ними голый утесъ—дальше ползти нѣтъ никакой возможности. Солдаты, осыпаемые снизу градомъ турецкихъ пуль, кое-какъ утвердились на камнѣ и протянули Томиловскому ружья. Отъ чрезмѣрнаго усилія поднять его, одинъ изъ солдатъ потерялъ равновѣсіе и упалъ въ пропасть. Другой, видя, что одинъ не въ силахъ спасти начальника, вернулся на верхъ, позвалъ другого товарища и вмѣстѣ съ нимъ вторично началъ спускаться съ утеса. Томиловскій кричалъ, чтобы они не подвергали себя почти вѣрной смерти и приказывалъ имъ удалиться. Но солдаты, молча и настойчиво, дѣлали свое

дѣло. Связавъ вмѣстѣ нѣсколько поясовъ, снятыхъ съ убитыхъ турокъ, они бросили конецъ Томиловскому и, послѣ долгихъ усилій, втащили его наверхъ. Рота окружила своего командира и съ торжествомъ, на рукахъ, понесла его въ лагерь. Томиловскій держалъ въ рукахъ богатую турецкую саблю, добытую имъ отъ своего противника—трофей, который онъ не бросилъ даже тогда, когда, израненный и истомленный, висѣлъ надъ страшною бездною. Рана Томиловскаго была смертельна, и онъ черезъ нѣсколько дней скончался. Имена героевъ-егерей, съ такимъ самоотверженіемъ спасавшихъ своего командира, къ сожалѣнію, не помѣщены въ реляціи и теперь забыты.

Побѣда 28-го мая сдѣлала паденіе Анапы неизбежнымъ. Тотчасъ послѣ боя, на самомъ обрывѣ морского берега, тамъ, гдѣ произошла кровавая катастрофа, поставлено было большое укрѣпленіе, названное „Алексѣевскимъ“ въ честь черноморскаго атамана Алексѣя Даниловича Безкровнаго—и съ этого времени крѣпость была совершенно окружена. Чтобы отнять у турокъ и послѣднее средство сообщаться съ горами по узкой песчаной косѣ, лежавшей между подошвою береговыхъ утесовъ и моремъ, поставили особый постъ и вооружили его фальконетомъ. Спуститься съ прибрежныхъ высотъ къ морю возможно было только на веревкахъ; поэтому на постъ вызывались охотники, которыхъ спускали внизъ на канатахъ вмѣстѣ съ трехъ-дневнымъ продовольствіемъ и запасомъ патроновъ. По прошествіи этого времени ихъ поднимали на верхъ, а новыхъ—такимъ-же порядкомъ спускали на ихъ мѣсто. Чтобы въ случаѣ надобности подать посту необходимую помощь, въ недалекомъ разстояніи отъ него постоянно стояли въ морѣ два вооруженные катера.

Съ этого времени надежда на помощь горцевъ совершенно покинула турокъ. Да и горцамъ было уже не до нихъ. Атаманъ Безкровный со своими конными и пѣшими полками вступилъ въ ихъ горы и шель, предавая огню и мечу попутные аулы. Тревога распространилась по всѣмъ окрестнымъ ущельямъ, и черкесы, спасая свое имущество и семьи, покинули Анапу на произволъ судьбы. Между тѣмъ осадныя работы наши подвинулись

уже къ самому гласису крѣпости, и мы начали спускаться въ ровъ. Паденіе Анапы становилось неизбѣжнымъ. Крѣпость давно уже лежала въ развалинахъ: зубцы на стѣнахъ ея были сбиты, башни опрокинуты, бреши пробиты. 10-го іюня назначенъ былъ штурмъ, но въ это время паша, сдѣлавъ все, что было въ его силахъ, вступилъ въ переговоры. Они длились два дня и, наконецъ, 12-го іюня анапскій гарнизонъ сдался военноплѣннымъ. Комендантъ крѣпости извѣстный Чатырь-Османъ-оглы и всѣ женатые турки, по условію, получили свободу и вернулись на родину.

Въ тотъ же день войска заняли крѣпостные бастіоны и на одномъ изъ нихъ, обращенномъ къ морю, взвился флагъ начальника морского штаба, впервые послѣ его учрежденія. Флотъ салютовалъ ему со всѣхъ кораблей; крѣпость отвѣчала флоту громомъ турецкихъ орудій. Памятникомъ этихъ событій понынѣ служитъ въ Анапѣ каменная православная церковь, обращенная тогда же въ храмъ изъ главной турецкой мечети, поврежденной во время осады русскими ядрами.

Отрядъ князя Меншикова потерялъ въ бояхъ болѣе 270-ти человѣкъ, но зато взялъ 4000 плѣнныхъ, 29 знаменъ и 85 орудій. Крѣпостной флагъ и городскіе ключи немедленно отправлены были къ государю, находившемуся тогда въ Дунайской арміи.

Энергія, еще болѣе безропотное перенесеніе страшныхъ трудовъ и лишеній, съ которыми сопряжена была тревожная стоянка передъ крѣпостью, достойны особеннаго вниманія. Во все время осады, длившейся болѣе шести недѣль, войска стояли бивакомъ подъ палящими лучами солнца, не имѣя ни палатокъ, ни одного деревца, подъ тѣнью котораго можно было бы укрыться отъ сорокаградуснаго зноя. Только одинъ начальникъ отряда, князь Меншиковъ, имѣлъ у себя палатку, да невдалекѣ отъ пристани разбито было нѣсколько большихъ наметовъ изъ корабельныхъ парусовъ для подвижного лазарета. Внѣ лагеря солдаты, истомленные дневнымъ зноемъ, проводили ночи безъ сна въ ежеминутномъ ожиданіи нападеній, а между тѣмъ при этихъ тяжкихъ условіяхъ жизни, войска питались чрезвычайно плохо. Въ теченіе всей осады люди не имѣли свѣжей говядины, а варили одну кашу, иногда

да съ солониной, иногда безъ нее, а то и вовсе довольствовались одними сухарями, такъ какъ и кашицу сварить было не на чемъ: дровъ не было, а камышъ добывался съ большими затрудненіями. Правда, сосѣднія горы покрыты были мелкимъ кустарникомъ, но его стерегли черкесы, и посылать туда команды было крайне рискованно. Въ прѣсной водѣ чувствовался также большой недостатокъ, потому что въ Бугурѣ вода была болотистая, а въ колодцахъ, которые пытались рыть,— солоноватая. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій въ отрядѣ развивалась цынга, и болѣе 200 человекъ пришлось отправить въ Севастополь. Меньшиковъ въ письмѣ своемъ къ государю не находилъ словъ, чтобы выразить похвалу егерскимъ полкамъ, которые, будучи составлены изъ людей молодыхъ и неопытныхъ, впервые дѣлавшихъ кампанію, не уступали въ хладнокровіи и мужествѣ старымъ, закаленнымъ воинамъ.

На долю Черноморской эскадры выпала не менѣе тяжелая и сложная задача— блокированіе крѣпости съ моря. Она отрѣзала осажденнымъ всѣ сообщенія водою, перехватила непріятельскія суда и забрала болѣе тысячи плѣнныхъ. Моряки не были къ тому же праздными зрителями того, что дѣлалось на сушѣ: ихъ артиллерія громила крѣпостные верки, а команды матросовъ, высаживаясь на берегъ, наравнѣ съ егерями работали въ траншеяхъ.

Государь пожаловалъ Грейгу чинъ адмирала, Меньшикову орденъ св. Георгія 3-го класса и чинъ вице-адмирала; Перовскій и Безкровный произведены въ генералы и послѣднему изъ нихъ данъ орденъ св. Георгія 4-й степени и золотая сабля, украшенная брилліантами. Всѣмъ полкамъ, какъ Егерскимъ, такъ и казачьимъ, участвовавшимъ въ экспедиціи, пожалованы знамена съ надписью: „За взятіе Анапы.“ ¹⁾

Такъ совершилось паденіе Анапы съ окончательнымъ покореніемъ которой къ Россіи навсегда перешло и господство ея надъ восточнымъ побережьемъ Чернаго моря. Крѣпость уже никогда болѣе не возвращалась туркамъ. Такимъ образомъ разрушилось гнѣз-

¹⁾ По окончаніи экспедиціи 13-й и 14-й Егерскіе полки отправлены были въ Дунайскую армію, и впослѣдствіи въ полномъ своемъ составѣ поступили на сформированіе новаго лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, послѣ извѣстной катастрофы, постигшей старый полкъ въ окрестностяхъ Варны

до, гдѣ постоянно зрѣли возмущенія и созидались заговоры противъ русской власти. Хотя послѣдствія и показали, что съ покореніемъ Анапы еще не рѣшался вопросъ объ умиротвореніи черкесовъ, набѣги которыхъ съ тѣхъ поръ принимаютъ особенно кровавый характеръ, но тѣмъ не менѣе устраненіе на нихъ турецкаго вліянія быть можетъ предотвратило еще большіе ужасы, которые не имѣли бы тогда для Россіи характера только чисто мѣстныхъ, внутреннихъ смутъ.

Не лишнее сказать, что съ судьбою Анапы тѣсно связаны воспоминанья о двухъ замѣчательныхъ людяхъ, въ свое время игравшихъ крупную роль между кавказскими горцами.

Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ при сдачѣ крѣпости, былъ нѣкто Сеферъ-бей, шапсугъ по рожденію. Въ молодыхъ лѣтахъ, попавши въ плѣнъ къ русскимъ, онъ нѣкоторое время учился въ лицѣ; но не могъ примириться съ европейскою жизнью и ушелъ въ горы. Случай привелъ его въ Царьградъ, гдѣ его приняли на службу султана. Природныя дарованія его были замѣчены, а нѣкоторое образованіе, полученное имъ въ Россіи, дало турецкому правительству мысль употребить его какъ агента, не только для сношеній съ кавказскими горцами, но даже съ арабами въ Египтъ и Алжирѣ. Въ Анапу Сеферъ-бей попалъ случайно, передъ самою осадою и скоро сдѣлался душою ея обороны. Во время вторичнаго плѣна, онъ жилъ въ Базарджикѣ и, по заключеніи мира, возвратился въ Турцію.

Впослѣдствіи Сеферъ-бей, поддерживаемый Турціей и Англіей, игралъ видную роль среди черкесскихъ племенъ, особенно въ Турецкую войну 1855 года, когда турки занимали Сухумъ и Абхазію. Какъ представитель аристократическаго начала, гордившійся своею кровью и храбростью, но не особенно умѣлый политическій дѣятель, онъ тѣмъ не менѣе долго служилъ противовѣсомъ стремленіямъ другого, еще болѣе крупнаго вождя Магометъ-Амина — этого представителя демократическо-мусульманскаго принципа. Такимъ образомъ это были два противоположные полюса, и турки, нерасчетливо поддерживая того и другого, вредили только народному дѣлу, котораго брались быть защитниками. Порта не сознавала,

что этимъ поддерживала только междоусобицу, и сама наносила смертельный ударъ черкесскому народу именно въ тотъ самый моментъ, когда послѣ Крымской войны надвигались на него всѣ русскія силы. Но ни Сеферъ-бей, ни Магометъ-Аминъ, ни политика Турціи, ни интриги Англій — ничто не могло остановить этого стихійнаго напора, — и Сеферъ-бей вмѣстѣ съ остатками своего народа долженъ былъ искать убѣжища въ Турціи. О дальнѣйшей судьбѣ его въ архивахъ Кавказскаго округа свѣдѣній не имѣется.

Другой, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ въ Анапской крѣпости былъ знаменитый своею романическою судьбою Амалатъ-бекъ, герой кавказскихъ горъ ермоловской эпохи. Вынужденный бѣжать послѣ убійства полковника Верховскаго, онъ долго скитался въ горахъ, и наконецъ попалъ въ Анапу. Но здѣсь ему суждено было снова встрѣтиться съ русскими. Какъ извѣстно, Марлинскій въ своей „Кавказской были“, озаглавленной именемъ этого героя, рассказываетъ, что на одной изъ вылазокъ, 18-го или 28-го мая, ядромъ оторвало Амалатъ-беку руку, и что будто бы онъ взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ русской траншеѣ. Справедливость требуетъ однако сказать, что онъ дѣйствительно былъ тяжело раненъ на вылазкѣ, но горцы успѣли увезти его изъ крѣпости прежде, чѣмъ она сдалась. Остатокъ жизни онъ провелъ среди черкесовъ въ полной неизвѣстности и кончилъ ее, пораженный оспою.

Глава IX.

Результаты кампаніи 1828 года.—Надежды въ войскахъ на продолженіе военныхъ дѣйствій зимою.—Мнѣніе о томъ Паскевича.—Роспускъ войскъ на зимовыя квартиры.—Приготовленія турокъ къ кампаніи 1829 года.—Смѣна въ Эрзерумѣ начальствующихъ лицъ.—Силы турокъ и русскихъ.—Затруднительное положеніе Паскевича.—Переговоры его съ Персіей, съ курдами и аджарцами.—Сформированіе имъ 4-хъ конно-мусульманскихъ полковъ и конницы Кянгерлы.—Положеніе дѣлъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ.—Внезапное открытіе турками военныхъ дѣйствій среди глубокой зимы и первое извѣстіе о блокадѣ ими Ахалцыха.—Распоряженія Паскевича.—Замѣчательное движеніе Бурцева черезъ Боржомское ущелье на помощь осажденной крѣпости.

Въима 1828 года наступила ранняя. Къ октябрю мѣсяцу въ горахъ выпали уже глубокіе снѣга, сдѣлавшіе, казалось, невозможными всякія дальнѣйшія наступательныя предпріятія со стороны турокъ,—и кампанія могла считаться оконченной. Въ короткое время военныхъ дѣйствій, съ іюня мѣсяца, русскіе на своемъ лѣвомъ флангѣ покорили весь Баязетскій пашалыкъ, на правомъ—заняли Гурію и овладѣли крѣпостью Поті, въ центрѣ—войска ихъ стояли въ Карсѣ, Ахалцыхѣ, въ Ахалкалакахъ и Ардаганѣ. Въ общей сложности мы завладѣли тремя пашалыками и, не считая Анапы, взяли девять крѣпостей и укрѣпленныхъ замковъ, 315 орудій, 195 знаменъ, 11 бунчуковъ и до 8-ми тысячъ плѣнныхъ. Этотъ походъ былъ еще блистательнѣе, предшествовавшего ему персидскаго, потому что большинство первоклассныхъ крѣпостей взяты были штурмомъ, изъ которыхъ каждый по справедливости занялъ почетное мѣсто между славнѣйшими подвигами русскаго оружія. Никогда еще Азіатская Турція не терпѣла такого погрома, и ни одна кампанія, веденная русскими, не стоила такъ дешево, какъ кампанія Паскевича. Расходы исчислялись всего пятью милліонами

рублей; но это сравнительно незначительная сумма покрывалась еще тѣми доходами, которые поступали къ намъ отъ покоренныхъ санджаковъ.

Тифлисъ ликовалъ и досадовалъ только, что извѣстія о славныхъ побѣдахъ доходили до него не всегда своевременно. „Просимъ извиненія у нашихъ читателей—писалось, на примѣръ, по этому поводу въ „Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ“ 1828 года,—что мы опаздываемъ съ описаніемъ знаменитыхъ событій. Побѣды графа Эриванскаго такъ часты и такъ быстры, что ни одинъ журналъ не можетъ успѣвать своевременно извѣщать о нихъ съ надлежащими подробностями“.

Въ тогдашнее время—говорить одинъ изъ современниковъ—донесенія Паскевича съ поля битвъ читались въ Россіи съ необыкновенною жадностью и общимъ восторгомъ. Приказы его по войскамъ переходили изъ рукъ въ руки, и народная гордость находила удовлетвореніе въ разсказахъ объ этихъ чудныхъ подвигахъ и битвахъ, воскрешавшихъ въ памяти народа дѣянія былыхъ временъ Суворова.

Подъ тѣмъ же самымъ впечатлѣніемъ находились и войска Кавказскаго корпуса. Съ прибытіемъ графа Паскевича въ Ардаганъ и съ появленіемъ тамъ сильнаго авангарда дѣйствующаго корпуса, въ войскахъ сложилось убѣжденіе, что кампанія будетъ продолжаться зимой, и что изъ Ардагана пойдутъ на Эрзерумъ. Войска, одушевленные своими побѣдами, дѣйствительно рвались впередъ; но, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, увлеченія нѣкоторыхъ переходили границы возможнаго. Когда имъ говорили, на примѣръ, о малочисленности нашего корпуса, они утверждали, что намъ надо отрѣшиться отъ мысли быть вездѣ сильными и, притянувъ къ себѣ гарнизоны Карса, Ахалцыха, Ардагана и Ахалкалакъ, сейчасъ же итти на Эрзерумъ, такъ какъ самое движеніе впередъ прикроетъ крѣпости надежнѣе, чѣмъ ихъ гарнизоны, которые при томъ поглощали цѣлую половину корпуса. Вопросъ о продовольствіи ихъ также не затруднялъ ни мало: Ардаганскій санджакъ и Алашкертская долина, по мнѣнію ихъ, въ изобиліи могли прокормить и не такія силы.

—А что будетъ — возражали имъ оптимисты — если покинутыя нами и беззащитныя крѣпости пробудятъ въ массахъ народный фанатизмъ, угасшій только на время, и то, что стоило намъ въ свое время такъ много крови и жертвъ, сдѣлается легкою добычею непріятеля? Что будетъ, если при первой неудачѣ, въ тылу у насъ вспыхнетъ общее единоедушное возстаніе, — а тушить его будетъ некому?...

Продовольственный вопросъ на дѣлѣ оказывался еще сложнѣе, нежели военный. Никто не оспаривалъ, что Ардаганскій и Алашкертскій санджаки богаты хлѣбомъ; но этотъ хлѣбъ надо было еще собрать. А кто же будетъ собирать его, когда войска уйдутъ впередъ? Еще дадутъ ли его намъ жители, когда передъ ними не будутъ торчать стѣною русскіе штыки? Да если бы и дали, — то какими путями доставить его къ Эрзеруму? Сотысячныя полчища курдовъ на лѣвомъ флангѣ и аджарцевъ — на правомъ, конечно, не пропустятъ ни одной повозки, — и русскій корпусъ, голодный и отрѣзанный отъ всѣхъ своихъ сообщеній, очутится въ безвыходной блокадѣ?.. Во всякомъ случаѣ, движеніе на Эрзерумъ при тѣхъ силахъ и средствахъ, которыми въ данный моментъ располагалъ Паскевичъ, было бы весьма похоже на авантюру, такъ какъ впереди все было бы гадательно, все предоставлялось бы только одной случайности, а не зрѣлымъ, обдуманнѣмъ расчетамъ и соображеніямъ.

Самъ Паскевичъ впрочемъ и не думалъ о наступленіи. Передъ нимъ вставали другіе, еще болѣе важные вопросы — чисто административнаго свойства. Прежде чѣмъ продолжать военныя дѣйствія, ему нужно было упрочить за собою покоренныя земли, приучить народъ безусловно повиноваться русской власти и, наконецъ, заготовить продовольственные запасы на будущую кампанію, не подвергая ихъ риску или какимъ нибудь колебаніямъ.

Въ исходѣ сентября, ознакомившись на мѣстѣ съ ресурсами, которые могъ предоставить намъ Ардаганскій санджакъ, главнокомандующій рѣшилъ распустить на зимнія квартиры тѣ части войскъ, которыя оставались свободными послѣ занятія завоеван-

ныхъ нами пашалыковъ. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ Турціи остались на зиму слѣдующія части:

Въ Баязетскомъ пашалыкѣ, подъ командой генерала Панкратьева, Нашебургскій и Козловскій пѣхотные полки, по баталіону отъ Кабардинскаго и Севастопольскаго полковъ, два донскіе казачьи Басова и Шамшева полка и 18 орудій.

Въ Карсѣ, подъ начальствомъ генерала Берхмана, 39-й и 42-й Егерскіе полки, баталіонъ 40-го Егерскаго, донской казачій Измайлова полкъ и 12 орудій.

Въ Ахалцыхѣ расположился Ширванскій полкъ и рота херсонскихъ гренадеръ при трехъ орудіяхъ. Въ Ардаганѣ—баталіонъ 40-го Егерскаго полка и донской Сергѣева полкъ съ однимъ орудіемъ. Въ Ахалкалакахъ и Хертвисѣ—по одной ротѣ 41-го Егерскаго полка, а въ Ацхурѣ—рота херсонцевъ. Всего оставлено 15 баталіоновъ пѣхоты, 4 казачьи полка и 34 орудія. Общее начальство надъ войсками Ахалцыхскаго пашалыка поручено было генераль-маіору князю Бебутову. Остальныя войска: піонерный баталіонъ, шесть ротъ 41-го Егерскаго полка, вся гренадерская бригада Муравьева, Нижегородскій драгунскій и Сводный уланскій полки направлены были въ Грузію черезъ Сурамъ и Цалки, гдѣ имъ предписано было выдержать четырнадцатидневный карантинъ для предохраненія русскихъ областей отъ чумной заразы.

Замолкшій на время громъ оружія давалъ Паскевичу возможность приготовить средства къ кампаніи будущаго года, необходимыя тѣмъ болѣе, что Турція, ободренная нерѣшительнымъ исходомъ операцій на Балканскомъ полуостровѣ, съ своей стороны принимала всѣ мѣры къ продолженію отчаянной борьбы на жизнь и на смерть.

Успѣхи русскаго оружія въ Турецкой Арменіи сильно встревожили константинопольскій дворъ, и султанъ обратилъ особое вниманіе на свои Азіатскія владѣнія. Посреди бѣдствій, постигшихъ его, онъ выказалъ необычайную твердость и рѣшимость характера, сумѣвъ соединить разбитыя и разсѣянныя силы тамъ, гдѣ, казалось, ихъ уже не было. Прежніе начальники азіатскихъ областей, старый Галибъ-паша и его помощникъ Кіосъ-Магометъ-паша,

обвиненные въ слабости и недостаткѣ способностей, были смѣщены и сосланы въ отдаленныя провинціи. Мѣста ихъ заступили новые, болѣе энергичные люди. Отважный старецъ Гаджи-Салехъ-паша мейданскій, назначенъ былъ эрзерумскимъ сераскиромъ съ такими полномочіями, какихъ до него не имѣлъ ни одинъ изъ правителей этого сераскеріата, а въ помощь къ нему, главнокомандующимъ всѣми войсками въ Азіатской Турціи, былъ избранъ Гагки-паша сивазскій. Султанъ требовалъ, чтобы они не только остановили дальнѣйшіе успѣхи русскихъ, но и возвратили все, что Порта потеряла въ Азіи въ минувшую кампанію. Въ этихъ видахъ во всей Азіатской Турціи объявлено поголовное вооруженіе и военныя дѣйствія,—чего прежде никогда не было,—предполагалось начать зимою.

Новый сераскиръ не тратилъ времени даромъ и собиралъ подъ свое начальство огромную армію. Войска, уцѣлѣвшія отъ прошлогоднихъ погромовъ, расположены были отрядами по разнымъ пограничнымъ пунктамъ, а 10-ти тысячный вновь сформированный имъ корпусъ занялъ Эрзерумъ, оборонительные верки котораго были усилены. Въ тоже время значительныя ополченія шли изъ отдаленныхъ областей: Сиваса, Токата, Кессаріи, Алепы и даже Египта, такъ что въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ къ веснѣ должно было собраться до 80-ти тысячъ человѣкъ, и 66 орудій. Съ этими силами Гаджи-Салехъ-паша предполагалъ занять центральную позицію на пути отъ Эрзерума къ Карсу, въ то время, какъ 50 тысячъ курдовъ съ 50-ю орудіями должны были итти со стороны Муша и Вана на Баязетъ, а 60 тысячъ аджарцевъ, кобулетцевъ и турокъ при 40 орудіяхъ дѣйствовать отъ Трапезонда на Ахалцыхъ и Гурію. Такимъ образомъ, общая численность турецкой арміи должна была простираться свыше 200 тысячъ при 156 орудіяхъ.¹⁾

Силы, которыми располагалъ Паскевичъ, совершенно не соотвѣтствовали громаднымъ средствамъ, подготовляемымъ противникомъ. Было уже сказано, что по окончаніи персидской войны, славной для русскаго оружія, но сопряженной съ большими по-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича 21-го ноября 1828 г.

терями въ людяхъ, Паскевичъ не только не получилъ никакихъ подкрѣпленій, но еще долженъ былъ самъ отдѣлить значительную часть войска для Европейской Россіи. Турецкая кампанія 1828 г. ослабила войска его новыми потерями, и нѣкоторые полки уменьшились теперь почти наполовину, а отъ другихъ едва осталась четвертая часть. Правда, на усиленіе Кавказскаго корпуса назначено было 20 тысячъ рекрутъ, но это усиленіе являлось лишь номинальнымъ и вовсе не измѣняло положенія дѣла. Прежде всего рекруты, по громадности предстоявшаго имъ пути, не могли прибыть ранѣе, какъ черезъ 5—6 мѣсяцевъ, т. е. іюнь, когда военныя дѣйствія могли быть уже въ полномъ разгарѣ; во вторыхъ нужно было принять въ расчетъ большую смертность, неизбѣжную среди нихъ по климатическимъ условіямъ страны и наконецъ въ-третьихъ—почти половина ихъ должна была остаться на Кавказской линіи и въ турецкой войнѣ участвовать не могла. Въ результатѣ дѣйствующій корпусъ выступилъ бы или безъ всякихъ подкрѣпленій, въ половинномъ составѣ противъ кампаніи 1828 года, или же на половину составленный изъ необученныхъ новобранцевъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ не только продолжать завоеванія въ виду двухсотъ-тысячной арміи противника, но даже держаться въ оборонительномъ положеніи было бы крайне трудно, а между тѣмъ, изъ Петербурга, основываясь лишь на успѣхахъ минувшей кампаніи, требовали еще развить планъ похода, чтобы тѣмъ облегчить тяжелую войну на Дунаѣ.¹⁾

Поставленный въ столь трудное положеніе, Паскевичъ долженъ былъ обратиться къ изысканію мѣстныхъ средствъ, чтобы хотя сколько нибудь пополнить порѣдѣвшіе ряды своего корпуса. Можно бы было, пожалуй, воспользоваться добрымъ расположеніемъ Персіи и вовлечь ее въ войну противъ турокъ, тѣмъ болѣе, что Аббасъ-Мирза самъ просилъ позволенія открыть военныя дѣйствія и писалъ, что жители Багдада обѣщаютъ ему сдать городъ и область. Предложеніе это на первый разъ, казалось, не безвыгоднымъ; однако же, при болѣе внимательномъ обсужденіи

¹⁾ Тамъ же, черновые рапорты и отвѣты Паскевича.

дѣла, нельзя было не притти къ заключенію, что вмѣшательство Персіи можетъ замедлить заключеніе мира, такъ какъ Россія, сверхъ достиженія своихъ собственныхъ цѣлей, будетъ поставлена въ необходимость еще вести переговоры о выгодахъ своей союзницы. Съ этимъ можно бы было помириться только въ томъ случаѣ, если бы Персія могла оказать существенную пользу; но она была въ такомъ положеніи, что сама просила у Россіи денегъ и артиллерію. Паскевичъ благодарилъ Аббасъ-Мирзу за предложеніе, но отклонилъ его содѣйствіе подъ тѣмъ предлогомъ, что Персія, послѣ тяжелой для нея войны, нуждается въ покоѣ.

Расчеты Паскевича устремились въ другую сторону. Съ самаго начала зимы онъ энергически повелъ переговоры, стараясь привлечь на сторону Россіи на лѣвомъ флангѣ курдовъ, а на правомъ — аджарцевъ. Владѣтелю Аджаріи Ахмедъ-беку онъ предлагалъ за подданство генеральскій чинъ, орденскую ленту и 10 тысячъ пенсіи. Предложеніе было заманчиво, и старый бекъ колебался.

Сношенія на лѣвомъ флангѣ съ курдами, занимавшими обширную территорію и уже поэтому располагавшими полною возможностью оказать непосредственное вліяніе на дальнѣйшій ходъ кампаніи въ глубинѣ Анатолиі,—имѣли еще большее значеніе. Надо замѣтить, что съ занятіемъ русскими Баязета, курды поставлены были въ зависимость уже отъ трехъ государствъ, и русская опека присоединилась къ опекамъ персидской и турецкой. Послѣдней принадлежала, впрочемъ, львиная часть—большой Курдистанъ, гдѣ насчитывалось до полумилліона курдскихъ семействъ. Сѣверный Курдистанъ входилъ въ составъ пашалыковъ Ванскаго и Баязетскаго, западный—въ Мушскій и Эрзерумскій, а южный—въ Моссульскій и Діарбекирскій. Восточною частью Курдистана владѣли уже персіяне. Переходъ на русскую сторону курдовъ не только открывалъ свободный путь къ Эрзеруму со стороны Баязета, но лишалъ непріятеля лучшей конницы, которая, разлившись бурнымъ потокомъ отъ стѣнъ Баязета, Муша и Вана до самыхъ береговъ Чернаго моря, могла поставить самого сераскира въ безвыходное положеніе.

Переговоры съ ними начались зимою при посредствѣ мушскаго паши, къ которому отправленъ былъ, подъ видомъ армянскаго купца, капитанъ князь Вачнадзе. Ему поручено было условиться на первый разъ о наймѣ 12-ти тысячной конницы, которой Паскевичъ обязывался выплачивать жалованье по 10-ти тысячъ червонцевъ въ мѣсяцъ. Вачнадзе добился у паши секретнаго дозволенія войти въ сношеніе съ куртинскимъ населеніемъ и съ самаго начала повелъ переговоры настолько успѣшно, что между курдами почти всѣхъ племенъ обнаружилось явное движеніе въ пользу Россіи. Даже изъ отдаленнаго Діарбекира начальникъ племени іезидовъ, нѣкто Мирза-ага, прислалъ въ то время Паскевичу оригинальное посланіе: „Извѣщаю тебя незнакомый, но заочно любезный Паскевичъ, моя опора и слава, — что я іезидъ, и хотя имѣю небольшое число народа, но въ глазахъ турокъ считаюсь большимъ, и, съ помощью Божіей, сто человекъ моихъ курдовъ могутъ бить триста человекъ турокъ. Поэтому народъ турецкій считаетъ меня врагомъ своимъ. Я имѣю одну голову — и ту буду жертвовать за тебя, а со мною и весь народъ мой также“.

Паскевичъ съ своей стороны старался поддерживать начатые переговоры и испросилъ у государя на этотъ предметъ сто тысячъ червонцевъ. Но одновременно съ этимъ, чтобы не ставить себя исключительно въ зависимость только отъ одной чужеземной силы, главнокомандующій рѣшился обратиться и къ другимъ источникамъ, болѣе близкимъ къ нему, — къ мѣстнымъ средствамъ самаго края и создать народное ополченіе. Средство это, впрочемъ, было ресурсомъ далеко ненадежнымъ и Паскевичу пророчили полную неудачу.

Нужно сказать, что наши закавказскія мусульманскія провинціи при ханскомъ управленіи имѣли особый классъ людей „моафовъ“, освобожденныхъ отъ податей, но обязанныхъ нести повинности военной службы; къ нимъ по призыву хановъ присоединялись беки съ своими подвластными, и такимъ образомъ формировалась довольно значительная земская сила. Но войны, веденныя въ то время, состояли или въ разбойничьихъ набѣгахъ, или же въ отраженіи разбоевъ, а потому какъ въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ, жители охот-

но становились подъ знамена своихъ повелителей, ибо походы продолжались недолго, завоеванія не простирались далеко и земское войско не отвлекалось отъ своихъ хозяйственныхъ занятій. Къ этому надо прибавить, что привилегія моафства, избавлявшая отъ податей, цѣнилась высоко въ краѣ, а наступательная война каждому представляла случай нажиться и вернуться домой съ полными вьюками награбленной добычи, и что, наконецъ, помимо всего этого, ханы нерѣдко дарили отличившимся деревни, земли, мельницы, оросительныя каналы, сады, или представляли въ ихъ пользу различные сборы.

Никакихъ подобныхъ приманокъ не представлялъ походъ въ Турцію съ войсками Паскевича. Обычай европейской войны, отводившій значительное мѣсто гуманности по отношенію къ жителямъ, не позволялъ поощрять ни грабежа, ни насилія; моафы не могли также рассчитывать ни на земли, ни на сады, ни на другія благостыни—и наборъ милиціонеровъ, не поощряемыхъ никакими выгодами, казалось бы долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія. Но Паскевичъ думалъ объ этомъ иначе. Онъ подмѣтилъ въ татарахъ одну черту—честолюбіе и на ней основалъ всѣ свои соображенія. Еще въ кампанію 1828 года ему удалось собрать ополченіе, хотя немногочисленное, но служившее весьма усердно, и онъ осыпалъ его наградами. Тщеславіе и гордость мусульманъ, надѣвшихъ эполеты, или увѣшанныхъ медалями, польщено было настолько, что когда Паскевичъ въ началѣ 1829 года обнародовалъ прокламаціи о созывѣ конныхъ татарскихъ полковъ, мусульмане наперерывъ просили позволенія записаться въ нихъ, стремясь не за добычей, на которую уже не рассчитывали, а на награды и почести.

Одушевленіе охватило и Грузію. Предводитель дворянства генералъ-маіоръ князь Багратіонъ Мухранскій, явившись къ графу Паскевичу, заявилъ отъ лица дворянъ, что Грузіи будетъ прискорбно, если въ войнѣ противъ турокъ примутъ участіе одни мусульмане и просилъ дозволенія собрать грузинскую милицію. Паскевичъ благодарилъ князей, но неизвѣстно по какимъ политическимъ соображеніямъ отклонилъ до времени ихъ предложеніе. Онъ прика-

залъ собрать только четыре конно-мусульманскіе полка, въ составѣ шести сотенъ каждый, усилить число сарбазовъ въ Нахичеванскомъ и Эриванскомъ ханствахъ, сформировать въ Баязетскомъ пашалыкѣ пѣшее ополченіе армянъ и конный полкъ изъ тамошнихъ курдовъ, а въ Нахичевани, сверхъ того, образовать конницу Кянгерлы,—одного изъ самыхъ воинственныхъ татарскихъ племенъ, обитавшихъ въ области.

На этихъ то ресурсахъ Паскевичъ и основалъ, главнымъ образомъ, планъ своихъ будущихъ дѣйствій. Имѣя въ виду высочайшій рескриптъ съ изъясненіемъ воли императора, чтобы военныя дѣйствія со стороны Кавказа имѣли болѣе рѣшительный характеръ, онъ предполагалъ съ началомъ ранней весны открыть наступленіе на Эрзерумъ съ двухъ сторонъ: отъ Карса и Баязета; а между тѣмъ поднять весь Курдистанъ и, одновременно съ движеніемъ войскъ, бросить всю многочисленную куртинскую конницу по дорогѣ въ Сивасъ, чтобы стать на единственномъ сообщеніи Константинополя съ торговыми и многолюдными городами Діарбекиромъ и Багдадомъ. По взятіи Эрзерума войска должны были итти черезъ Сивасъ и Токать въ Синопъ и, открывъ оттуда сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ, угрожать Скутари. Такимъ образомъ, вся Азіатская Турція была бы разрѣзана на двое; и въ то время, какъ курдамъ предоставлено было бы хозяйничать въ лѣвой половинѣ этого раздѣла, флотъ долженъ былъ сдѣлать сильную диверсію къ сторонѣ Трапезонда, чтобы удержать тамошнихъ горцевъ отъ движенія на нашу операціонную линію.

Планъ этотъ отправленъ былъ въ Петербургъ, но въ поясненіе его Паскевичъ писалъ, что подобный образъ дѣйствій будетъ возможенъ, однако, только въ томъ случаѣ, если курды примутъ русскую сторону—иначе необходимо имѣть за Кавказомъ еще отъ 6-ти до 8-ми тысячъ пѣхоты. Графъ Дибичъ отвѣчалъ на это, что предположенія Паскевича относительно общаго плана кампаніи государь утвердилъ, но что касается до новыхъ подкрѣпленій, то высочайше повелѣно ограничиться одними рекрутами.

Февраль мѣсяцъ былъ уже на исходѣ; повсюду шли приготовленія къ новой кампаніи; переговоры съ курдами и аджарцами

были въ полномъ ходу,— какъ вдругъ громовымъ ударомъ пронеслась по Грузіи вѣсть, что турки, перебравшись черезъ заваленныя снѣгомъ горы, внезапно осадили Ахалцыхъ. Это было сигналомъ къ открытію военныхъ дѣйствій въ то время, когда приготовленія къ нимъ съ нашей стороны были далеко не dokonчены. Но бѣда никогда не приходитъ одна: одновременно съ этимъ пришло извѣстіе объ истребленіи въ Тегеранѣ русскаго посольства, моментально измѣнившее весь ходъ военныхъ и политическихъ событій. Какъ грозный призракъ встала передъ Паскевичемъ возможность новой войны съ персіянами. Весь мусульманскій міръ глухо заволновался. Наступало время знаменательное историческими событіями. Но прежде чѣмъ разобратся въ персидскихъ дѣлахъ,— надо было спасти Ахалцыхъ, отъ котораго зависѣла судьба дальнейшей кампаніи.

Съ роспускомъ отряда на зимовыя квартиры, жизнь въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ шла мирно и тихо, и ничто не предвѣщало грозы, собравшейся уже надъ нашими головами. Единственный случай, возмутившій спокойствіе области, произошелъ вскорѣ послѣ отъѣзда Паскевича, когда карапахская сотня, добровольно поступившая къ намъ на службу, послана была княземъ Бебутовымъ въ Посховскій санджакъ, чтобы оградить нашу границу съ той стороны отъ нападенія мелкихъ разбойничьихъ шаекъ. 17-го сентября сотня прибыла въ деревню Цурцкаби и, радушно принятая жителями, расположилась у нихъ по квартирамъ. Въ самую полночь деревня вдругъ огласилась ружейными выстрѣлами, крикомъ и гамомъ; цѣлая шайка, скрытая обывателями въ своихъ домахъ, внезапно напала на сонныхъ карапаховъ. Къ счастью, карапахи, сами разбойники по ремеслу, спали однимъ глазомъ и не дали захватить себя въ совершенномъ расплыхѣ. Прежде всего они бросились спасать своихъ лошадей и выручили всѣхъ, кромѣ тринадцати. Затѣмъ, пробиваясь сквозь толпы, вездѣ преграждавшія имъ дорогу, они, не смотря на темную ночь, успѣли собраться къ дому своего начальника,—и по повѣркѣ людей оказалось, что изъ 200 человекъ не достаетъ только семи; но убиты они или взяты въ плѣнъ осталось неизвѣстнымъ. До самаго разсвѣта карапахи храбро

отстрѣливались въ одномъ уголку Цурцкаби, а когда разсвѣло, и они увидѣли передъ собою партію въ 500 человѣкъ, то отступили въ порядкѣ въ сосѣднюю деревню и тамъ приготовились къ новой защитѣ. Тогда непріятель понялъ, что ему не совладать съ карапапахами и, повернувъ назадъ, ушелъ въ свои горы. Замѣчательно, что къ поступку цурцкабцевъ отнеслись въ то время какъ-то легко, и жители, благодаря нашей излишней гуманности, остались даже не наказанными за свою измѣнническую выходку.

Скоро наступила зима; погода стояла снѣжная, но теплая, и только на горахъ бушевали мятели, да крѣпчалъ морозъ, убаюкивая мысль, что ни одна разбойничья шайка не рискнетъ въ такое время нарушить покой нашей пограничной линіи. Горные хребты, покрывшіеся глубокими снѣгами, казалось, оградили область непроходимую стѣною отъ мелкихъ нападеній аджарцевъ, и даже казачьи пикеты, за исключеніемъ немногихъ, сторожившихъ горные проходы, были сняты.

Такое настроеніе не измѣнилось даже послѣ того, какъ 26-го января 1829 года, значительная конная партія, предводимая Тейфуръ-бекомъ, бывшимъ правителемъ Посховскаго санджака, внезапно напала на деревню Суфлись, находившуюся верстахъ въ пяти—шести отъ Ахалцыха; тамъ расположена была команда Ширванскаго полка изъ 24-хъ человѣкъ, занимавшаяся перемоломъ хлѣба на мельницѣ. Перестрѣлка однако же услышана была въ крѣпости, и карапахская конница, выскочившая на тревогу, выручила ширванцевъ, поставленныхъ уже въ отчаянное положеніе. Что это была за шайка, откуда она появилась—осталось не выясненнымъ; но стало извѣстнымъ, что Тейфуръ-бекъ бѣжалъ въ сопровожденіи только 12-ти аджарцевъ, которыхъ жители сами провели черезъ горы. Но и этотъ поступокъ, подобно предшествовавшему, остался также безнаказаннымъ. Прибывшія сюда двѣ роты Ширванскаго полка зажгли было деревню, но сами же и потушили пожаръ, по приказанію Бебутова, такъ какъ жители изъявили (конечно наружно) полное раскаяніе и просили пощады.

Начальникъ отряда князь Бебутовъ велъ въ это время дѣятельную переписку съ аджарскимъ бекомъ, стараясь привлечь на свою

сторону этого ближайшаго и самаго воинственнаго сосѣда Ахалцыха. Но и сераскирь съ своей стороны не щадилъ ничего, чтобы понудить тѣхъ же аджарцевъ къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій. Сераскирь понималъ хорошо, что если возможно отнять у русскихъ Ахалцыхъ, то только зимою, когда малочисленный гарнизонъ крѣпости, отрѣзанный отъ Грузіи высокими горами, заваленными снѣгомъ, не могъ рассчитывать на скорую помощь. Въ этихъ видахъ онъ выхлопоталъ даже у султана фирманъ, въ силу котораго аджарскій бекъ, въ самый день возвращенія туркамъ ихъ славной твердыни, имѣлъ право наименовать себя пашою ахалцыхскимъ.

Но лукавый бекъ, ведя переговоры съ Паскевичемъ, медлилъ принять предложеніе и, беря подарки съ обѣихъ сторонъ, ни къ одной изъ нихъ не приставалъ открыто. Такъ проходили дни за днями, а между тѣмъ январь уже былъ на исходѣ, зима приближалась къ концу, и времени для зимняго похода турокъ оставалось немного. Тогда сераскирь прибѣгнулъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ и, двинувъ турецкія войска изъ Эрзерума, извѣстилъ Ахметъ-бека, что если онъ и за симъ станетъ уклоняться или медлить походомъ, то отвѣтитъ за это своею головою. Прижатый, что называется, къ стѣнѣ, Ахметъ долженъ былъ наконецъ принять сторону турокъ. Онъ наскоро собралъ 15-ть тысячъ аджарцевъ и, дождавшись прибытія турецкаго отряда, двинулся къ русскимъ предѣламъ. Необычайная энергія турокъ простерлась до того, что они перешли снѣговыя горы на лыжахъ и перетасили на рукахъ шесть полевыхъ орудій. 16-го февраля непріятель уже вступилъ въ селеніе Дигуръ, лежавшее на Посховъ-чаѣ и на первый разъ занялся грабежомъ армянскихъ селеній. Ни одинъ изъ жителей, изъ страха турецкой расправы, не предупредилъ насъ объ опасности, и все населеніе ближайшихъ санджаковъ приняло сторону турокъ.

17-го февраля войска Ахметъ-бека подвинулись къ Ахалцыху, а особый отрядъ, подъ предводительствомъ родного брата его Авди-бека, былъ посланъ къ Боржомскому ущелью, чтобы не допустить подкрѣплений изъ Грузіи, а если будетъ возможно, то про-

рваться въ Карталинію, и, пользуясь роспускомъ войскъ на зимовья квартиры, распространить опустошеніе до самого Тифлиса. Все это облечено было въ такую тайну, что начальникъ ахалцыхскаго пашалыка князь Бебутовъ получилъ извѣстіе о наступленіи непріятеля только вечеромъ 18 го числа, когда аджарцы стояли уже въ 15-ти верстахъ отъ крѣпости.

Въ Тифлисѣ тоже не знали ни о движеніи, ни о намѣреніяхъ турокъ. Поэтому извѣстіе объ осадѣ Ахалцыха поразило всѣхъ своею неожиданностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ указывало на серьезность и важность наступившей минуты. Если бы турки успѣли овладѣть Ахалцыхомъ, то блестящіе результаты кампаніи 1828 года были бы потеряны и Паскевичу пришлось бы думать не о новыхъ завоеваніяхъ, а только о возвращеніи утерянныхъ приобрѣтеній прошлаго года, т. е. приходилось бы начинать войну снова.

Современники рассказываютъ, что первая извѣстія объ осадѣ Ахалцыха Паскевичъ получилъ отъ коменданта Хертвиской крѣпости, маіора Педяша, человѣка, извѣстнаго своею странною манерою писать такъ, что только немногіе могли читать и понимать смыслъ его рапортовъ. Когда Паскевичъ снялъ печать съ конверта, привезеннаго къ нему ночью какимъ то коннымъ чапаромъ, онъ съ изумленіемъ остановился на первыхъ строкахъ этого рапорта. Педяшъ писалъ: „По приказанію вашего сіятельства (Педяшъ разумѣлъ, конечно, распоряженія о доставленіи экстренныхъ свѣдѣній прямо въ руки главнокомандующаго)—Ахалцыхъ турками взять,“—далѣе въ неясныхъ и запутанныхъ фразахъ слѣдовало длинное исчисленіе турецкихъ силъ, имена ихъ начальниковъ, мѣръ, принятыхъ княземъ Бебутовымъ для обороны крѣпости... Положительная фраза — „Ахалцыхъ турками взять“— поразила Паскевича, и онъ не сталъ читать дальше роковой бумаги, попавшей въ его руки прежде, чѣмъ она успѣла пройти черезъ цензуру привычнаго докладчика.

Было за полночь. Во дворцѣ все спало, и только графъ Паскевичъ, встревоженный и раздраженный, большими шагами ходилъ по кабинету, ожидая начальника штаба и оберъ-квартирмейстера корпуса, за которыми послалъ ординарцевъ. Первымъ явился

генералъ Вальховскій, и Паскевичъ встрѣтилъ его восклицаніемъ:

—Ахалцыхъ взяты турками!

—Не можетъ быть, вырвалось у Вальховскаго.

— Вотъ рапортъ Педяша, крикнулъ Паскевичъ, и скомканная бумага полетѣла изъ его рукъ на полъ.

Въ это время вошелъ начальникъ штаба баронъ Остенъ-Сакенъ.

Главнокомандующій повторилъ извѣстіе: „Все пропало—Ахалцыхъ взяты!“

Вальховскій, между тѣмъ, воспользовавшись этою минутой, поднялъ смятую бумагу и, пробѣгая ее глазами, увидѣлъ, что послѣ словъ „Ахалцыхъ взяты“ — стоитъ запятая. Тогда, привычный къ писаніямъ Педяша, онъ перевернулъ цѣлую страницу, пропустилъ всѣ вводныя предложенія и, отыскавъ другую запятую, прочелъ слова: „въ блокаду.“ Паскевичъ повеселѣлъ и даже, шутя, замѣтилъ: „А вѣдь Педяшъ то доноситъ, что Ахмедъ-бекъ взялъ Ахалцыхъ по моему приказанію“... О самомъ Педяшѣ главнокомандующій остался наилучшаго мнѣнія: „Онъ написалъ глупо, сказалъ Паскевичъ начальнику штаба, а распорядился умно, и первый далъ знать о блокадѣ Ахалцыха, не смотря на то, что всѣ сообщенія уже прерваны турками.“¹⁾

Собственно говоря, положеніе Ахалцыхской крѣпости не могло внушать уже слишкомъ большихъ опасеній. Хорошо исправленная, снабженная достаточнымъ продовольствіемъ и охраняемая однимъ изъ храбрѣйшихъ полковъ Кавказскаго корпуса,—крѣпость безъ сомнѣнія выдержала бы самый отчаянный натискъ непріятеля, но продолжительная осада могла сломить сопротивленіе даже и ширванцевъ. Предпріятіе Ахмедъ-бека было опасно еще въ томъ отношеніи, что могло не только поколебать, но даже вовсе разрушить пріобрѣтенное нами обаяніе на жителей, которые безусловно уповали на защиту своихъ побѣдителей и теперь, въ критическую минуту, предоставлены были своимъ собственнымъ силамъ. Очевидно, нужны были быстрыя, рѣшительныя мѣры,—и полковни-

---

¹⁾ Кавказскій Сборникъ т. I „Воспоминанія изъ Кавказской старины“ Андреева,

ку Бурцеву, квартировавшему съ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ въ городѣ Гори, въ тотъ же день послано было приказаніе, какъ можно поспѣшнѣе, занять крѣпость Ацхуръ и, прикрывъ, такимъ образомъ Грузію, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить проходъ черезъ Боржомское ущелье другому, болѣе сильному отряду, который подъ начальствомъ генераль-маіора Муравьева, формировался изъ пяти баталіоновъ пѣхоты при 13 орудіяхъ, чтобы двинуться на помощь къ Ахалцыху.

Въ Херсонскомъ полку на лицо было только шесть ротъ; остальные двѣ находились: одна—въ Ахалцыхѣ, другая—въ Ацхурѣ, а весь третій баталіонъ разбросанъ былъ по военно-грузинской дорогѣ. Бурцевъ еще съ осени имѣлъ приказаніе стоять наготовѣ, а потому одна изъ его ротъ, подъ командою капитана Кишкина, выдвинута была въ Сурамъ, на половину дороги къ Боржому. Она то и выступила первая, а вслѣдъ за нею двинулся и Бурцевъ съ пятью остальными ротами. Подходя къ Ацхуру утромъ 25-го февраля, Кишкинъ увидѣлъ массу турецкой пѣхоты, стоявшей въ сторонѣ отъ крѣпости; это былъ пятитысячный отрядъ Авди-бека, который не рискнулъ, однако, загородить дорогу подходившей ротѣ, и Кишкинъ благополучно вошелъ въ Ацхуръ. Комендантъ укрѣпленія, ожидая съ минуты на минуту нападенія, сжегъ предместье и приготовился къ защитѣ; но турки расположились верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости въ деревнѣ Цинубанъ и ограничились только наблюденіемъ за ущельемъ.

Между тѣмъ Бурцевъ былъ еще далеко. Выступивъ 24-го числа изъ Гори, онъ 26-го едва добрался только до развалинъ стариннаго замка Гогіасцихе, гдѣ была переправа черезъ Куру. Разлившаяся рѣка во многихъ мѣстахъ затопила ущелье, разрушивъ почти всѣ береговыя работы, возведенныя съ такимъ трудомъ осенью, а плоты и поромы, построенные изъ сырого лѣса, едва могли поднимать по два человѣка. При такихъ условіяхъ переправа была чрезвычайно затруднительна и требовала много времени; а впереди предстояли еще двѣ такія же переправы. Первую — отрядъ совершилъ благополучно и тотчасъ же выслалъ сотню казаковъ, чтобы захватить и вторую. Но тамъ уже стояла турецкая

кавалерія. Двѣ тысячи турокъ двинулись на сотню казаковъ, и казаки, отстрѣливаясь, отступили, потерявъ двухъ человѣкъ убитыми и одного раненымъ, котораго турки захватили въ плѣнъ. Послѣднюю переправу, такимъ образомъ, пришлось брать уже съ боя. Къ счастью, непріятель не имѣлъ при себѣ пѣхоты. Въ этомъ случаѣ ацхурскій замокъ сослужилъ намъ добрую службу, удержавъ главныя силы Авди-бека, который такъ и не рѣшился пройти въ ущелье подъ выстрѣлами этой крѣпости. Зато онъ занялъ крѣпкую позицію въ большомъ селеніи Цинубанѣ и тамъ ожидалъ Бурцева.

Между тѣмъ, нашъ отрядъ приступилъ къ переправѣ, и по мѣрѣ того, какъ онъ переходилъ за рѣку, рота за ротою вступала въ бой. Дорога, стѣсненная горами, была однако, такъ узка, что не позволяла развернуться фронтомъ болѣе, какъ на десять шаговъ, и заднимъ приходилось стрѣлять черезъ головы переднихъ. Цѣлый день турки, спѣшившись, вели атаку за атакой; но, убѣдившись, что русскихъ остановить нельзя, взобрались на окрестныя скалы и стали спускать оттуда тяжелые камни. Гулъ пошелъ по всему ущелью; громадныя, въ сотни пудовъ, каменные глыбы, взорванныя порохомъ, со страшнымъ трескомъ и громомъ катились внизъ, сталкивались, прыгали и гудѣли, вздымая за собою цѣлыя тучи пыли. Солдаты плотно прижались къ отвѣснымъ скаламъ и ждали терпѣливо, когда, наконецъ, минетъ этотъ каменный дождь. У турокъ не могло быть въ запасѣ большого количества пороха, и, дѣйствительно, онъ скоро истощился, а вмѣстѣ съ тѣмъ перестали летѣть на дорогу и камни. Ночью конница съѣла на коней и ушла къ Авди-беку. Но положеніе полковника Бурцева часъ отъ часу становилось затруднительнѣе. Выходъ изъ ущелья все-таки былъ запертъ укрѣпленною позиціею въ Цинубанѣ, лежавшею внѣ нашихъ крѣпостныхъ выстрѣловъ, и чтобы пройти въ Ахалцыхъ, Бурцеву надо было прежде разбить Авди-бека, загородившаго ему дорогу. Но атаковать съ пятью слабыми ротами пятитысячный турецкій отрядъ, конечно, было немыслимо.

Надо было придумать что либо другое. Строго говоря, задача отряда была уже выполнена; онъ представлялъ собою, какъ сказано выше, только авангардъ Муравьева, назначенный для ох-

раны Боржомскаго ущелья, и Бурцевъ, опираясь на крѣпкій Ацхуръ, спокойно могъ дожидаться здѣсь прибытія главнаго отряда. Но съ другой стороны онъ разсуждалъ иначе. Отрядъ Муравьева составлялся изъ двухъ полковъ: Грузинскаго и Крымскаго, изъ баталіона піонеръ, казачьяго полка, карталинской милиціи и 13 орудій; на сборъ его очевидно требовалось время, такъ какъ всѣ эти части были разбросаны и стояли въ двухъ или трехъ переходахъ отъ Тифлиса. Оттуда до Ахалцыха надо было пройти 192 версты по трудной дорогѣ, которая могла задержать надолго большой отрядъ съ пушками и обозами. Словомъ, при всей поспѣшности сбора и марша, Муравьевъ не могъ подоспѣть къ Ахалцыху раньше десяти дней, когда турки могли покончить съ крѣпостью.

Съ замираніемъ сердца прислушивался Бурцевъ къ каждому пушечному выстрѣлу, доносившемуся со стороны Ахалцыха; промежутки между ними становились все больше, выстрѣлы — рѣже, и Бурцевъ, предугадывая критическое положеніе осажденныхъ, рѣшился дѣйствовать, не ожидая Муравьева, только съ своими пятью слабыми ротами. И вотъ, подъ покровительствомъ ночного мрака со 2-го на 3-е марта, отрядъ тихо поднялся съ бивака, и Бурцевъ повелъ его по страшнымъ горнымъ тущобамъ въ обходъ цинубанской позиціи. Никто не могъ ожидать появленія оттуда русскаго войска, и потому, когда разсвѣтъ озарилъ отрядъ, стоявшій уже въ тылу Авди-бека, турки, полагая, что идутъ главныя силы, не отважились вступить въ упорную битву и отступили въ горы. Крѣпкая турецкая позиція досталась Бурцеву безъ боя. Дорога къ Ахалцыху была теперь открыта, но до него оставалось еще около 60-ти верстъ, а потому нѣсколько гонцовъ немедленно поскакали изъ отряда къ Ахалцыху; цѣлый пукъ сигнальныхъ ракетъ взвился и загорѣлся въ воздухѣ разноцвѣтными звѣздочками, а на горахъ пылали маяки. Бурцевъ всѣми средствами спѣшилъ дать знать Ахалцыху о скоромъ прибытіи помощи.

Но помощи уже не требовалось: Ахалцыхъ отбилъ одинъ.

Глава X.

Первыя извѣстія о приближеніи непріятеля.—Ночная тревога —Распоряженія князя Бебутова.—
Военный совѣтъ —Отбитый штурмъ и осада Ахалцыха.—Переговоры Бебутова съ Ахмедъ-бе-
комъ.—Появленіе Бурцева и бѣгство турокъ.—Событія въ Гуріи. Ожиданіе нашествія турокъ.—
Пораженіе ихъ при Лиманѣ.—Тревожныя извѣстія изъ Персіи.

осмотримъ теперь, что происходило въ Ахалцыхѣ.

18-го февраля 1829 года, часовъ въ 11 ночи, въ крѣпость прибѣжалъ какой-то армянинъ и потребовалъ немедленнаго пропуска къ князю Бебутову. Это былъ крестьянинъ, съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ страха лицомъ, сообщившій, что часовъ въ 8 вечера огромная турецкая армія съ пушками спустилась съ горъ и заняла нѣсколько деревень, лежавшихъ всего въ 15-ти верстахъ отъ Ахалцыха; онъ говорилъ, что турки рѣжутъ христіанъ и окружили деревни такою густою цѣпью, сквозь которую никто пробраться не можетъ. Самъ онъ находился въ полѣ и только потому избѣгъ общей участи. По словамъ его, съ турецкими войсками находился самъ аджарскій бекъ; но армянинъ не успѣлъ собрать болѣе точныхъ свѣдѣній и поспѣшилъ въ крѣпость предупредить русскихъ. Извѣстіе это поразило всѣхъ, какъ громомъ. Что это не былъ простой набѣгъ—доказывало присутствіе артиллеріи, которую турки непонятнымъ образомъ перетасили черезъ горы. У насъ поднялась тревога. Въ ожиданіи немедленнаго нападенія турокъ, ротѣ Херсонскаго полка, стоявшей на самой отдаленной окраинѣ города, въ видѣ сторожевого поста, послано приказаніе

какъ можно скорѣе войти въ крѣпость; двѣ роты Ширванскаго полка даже были посланы къ ней на встрѣчу и заняли кварталъ, черезъ который слѣдовало отступать херсонцамъ и гдѣ преобладало мусульманское населеніе. Городъ проснулся; въ христіанскихъ и еврейскихъ кварталахъ началось смятеніе, и жители толпами бросились спасаться въ крѣпость. Ворота, однако, заперли и объявили, что ночью въ крѣпость никого не пустятъ, такъ какъ по пятамъ жителей могли ворваться и турки. Гарнизонъ, всю ночь стоялъ подъ ружьемъ и былъ распущенъ только съ разсвѣтомъ; херсонская рота попрежнему пошла занять передовой охранный постъ на окраинѣ города съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ сумерокъ опять возвратиться въ крѣпость; казачьи разъѣзды посланы были по всѣмъ дорогамъ верстъ на пять; но непріятеля нигдѣ не было видно. Между тѣмъ евреямъ и христіанамъ дозволено было перенести цѣнное имущество въ крѣпость и отправлять въ цитадель свои семьи. Тѣснота помѣщенія позволила дать въ ней убѣжище, однако, только семистамъ семействамъ, наиболѣе извѣстныхъ русскимъ своею благонадежностью; прочія же по неволѣ должны были остаться въ городѣ. Мужскому населенію, розданы были ружья и предоставлено право занять низенькую стѣну, въ родѣ гласиса, подъ защитою крѣпостныхъ выстрѣловъ.

По утру кое-кто изъ почетныхъ мусульманъ приходили къ князю Бебутову съ изъявленіемъ преданности. Князь благодарилъ ихъ и просилъ держать въ порядкѣ и спокойствіи городъ. Но уже было извѣстно, что многіе турки, пользуясь ночной суматохой, бѣжали изъ своихъ домовъ, а остальные, хотя и сохраняли наружное спокойствіе, но на улицахъ показывались рѣдко, а на дворахъ вездѣ стояли уложенныя арбы. Такъ прошелъ еще цѣлый день, а вечеромъ князь Бебутовъ собралъ у себя военный совѣтъ. Голоса на немъ, однако, раздѣлились. Одни требовали сжечь городъ, чтобы немедленно очистить эспланаду; другіе признали эту мѣру крайней и предлагали, въ случаѣ появленія турокъ, сдѣлать прежде вылазку и тогда уже, если понадобится, зажечь городскіе дома, чтобы удобнѣе биться за дымомъ и пламенемъ. Князь склонился на послѣднее мнѣніе—и офицеры разошлись по домамъ.

Вопросъ объ этой эспланадѣ поднимался давно. Правила европейской фортификаціи требовали пожертвовать интересами жителей, но политика ставила этотъ вопросъ нѣсколько иначе уже и выдвигала на первое мѣсто интересы жителей. Уничтоженіе почти цѣлой тысячи домовъ, уцѣлѣвшихъ на штурмѣ, могло подорвать довѣріе къ русскимъ и побудить нѣсколько тысячъ жителей, лишенныхъ послѣдняго пріюта, перейти на сторону турокъ. Чтобы примирить оба взгляда, ограничились, какъ это бываетъ часто, среднею мѣрою: разломали нѣсколько домовъ, примыкавшихъ къ крѣпостной стѣнѣ, а линію каменныхъ лавокъ, мечеть передъ самыми крѣпостными воротами и караванъ-сарай, сложенный изъ песчаныхъ плитъ со сводами, оставили съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности предоставить ихъ для защиты христіанскому населенію.

Въ сумеркахъ 20-го февраля херсонская рота опять была отозвана въ крѣпость, а за ней вернулись и казацкіе разъѣзды, доходившіе до самого сел. Суфлиса. Они привезли извѣстіе, что турецкій отрядъ дѣйствительно спустился съ горъ, но до Суфлиса нигдѣ даже нѣтъ и признаковъ его приближенія. Далѣе проникнуть они не могли, потому что встрѣчали сильныя конныя партіи, сторожившія дороги. Городъ между тѣмъ заснулъ спокойно, и въ домахъ было темно и тихо. Въ крѣпости также все улеглось съ мыслью, что непріятель еще далеко,—какъ вдругъ, далеко уже за полночь, гдѣ то на окраинѣ гулко прогремѣлъ одиночный ружейный выстрѣлъ, Кѣмъ онъ былъ сдѣланъ,—неизвѣстно; но этотъ спасательный выстрѣлъ поднялъ тревогу, и гарнизонъ едва успѣлъ стать въ ружье, какъ 20 тысячъ турокъ и аджарцевъ, вступившихъ въ городъ съ разныхъ сторонъ, устремились на приступъ крѣпости. Все мусульманское населеніе города приняло ихъ сторону. Нельзя изобразить дерзкую отвагу, съ которой непріятель, среди глубокаго мрака, взбирался на стѣны. Беспорядочныя массы его сметались нашею картечью, но новыя толпы замѣняли падшихъ, и нападеніе не ослабѣвало. Полчаса гарнизонъ былъ въ страшной опасности. Много помогли ему въ этомъ случаѣ пудовыя бомбы, которыя принялись бросать за стѣны въ тѣ мѣста,

гдѣ образовались мертвыя пространства, недоступныя ружейнымъ и пушечнымъ выстрѣламъ. Взрывы этихъ бомбъ, покрывая своимъ грохотомъ батальный огонь, скоро охладили яростный натискъ враговъ. Попытка взять крѣпость съ налета, не давая русскимъ опомниться, — не удалась. Ширванцы устояли, и турки, отхлынувъ отъ стѣнъ, засѣли въ ближайшихъ домахъ, поднимавшихся амфитеатромъ.

Между тѣмъ внутри самаго города шла не менѣе ожесточенная битва. Тамъ евреи и христіане, запершіеся въ караванъ-сарай, отбивались ружейнымъ огнемъ; но караванъ-сарай былъ взятъ штурмомъ, и защитники его были перебиты всѣ до послѣдняго. Тогда началась рѣзня въ христіанскихъ кварталахъ. Двѣ-три сотни мужчинъ и женщинъ, успѣвшихъ бѣжать изъ предмѣстій, столпились подъ самою крѣпостью за невысокимъ каменнымъ барьеромъ и съ отчаяніемъ во взорахъ взывали къ солдатамъ о помощи; многіе изъ нихъ держали въ рукахъ распятія или иконы. Вдали слышались иступленные вопли жертвъ, попадавшихъ подъ ножъ или звѣрское насиліе турокъ. Всѣ пойманныя молодыя женщины были поруганы и забраны въ плѣнъ, а старухъ и мужчинъ предавали мучительной смерти: ихъ выводили по нѣсколько человѣкъ на плоскія крыши домовъ и на глазахъ гарнизона рѣзали кинжалами. Стонъ и дикіе крики, стоявшіе въ воздухѣ, покрывались грохотомъ крѣпостныхъ орудій и перекатною дробью ружейной перестрѣлки. Молча, съ суровыми лицами, смотрѣли солдаты съ высокихъ стѣнъ цитадели на волнующіяся въ городѣ толпы непріателя, на всѣ эти кровавыя оргіи, не имѣя возможности прекратить ихъ. Было ясно, что таже участь неминуемо должна постигнуть и тѣхъ, которыхъ отдѣляла отъ русскихъ одна крѣпостная стѣна, и которые напрасно молили о спасеніи. Отворить крѣпостныя ворота было невозможно, — непріатель стоялъ всего въ 70-ти шагахъ и, конечно, не преминулъ бы воспользоваться случаемъ, чтобы ворваться въ крѣпость. Солдаты просились на вылазку. Но судьба этой вылазки была весьма сомнительна, и чувство человѣколюбія должно было умолкнуть передъ чувствомъ долга—надо было беречь солдатъ до болѣе рѣшительнаго штурма.

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, князь Бебутовъ созвалъ въ своей квартирѣ новый военный совѣтъ. Собраны были начальники отдѣльных частей и всѣ ротные командиры гарнизона. Поставленъ былъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ сдѣлать вылазку, чтобы выбить непріятеля изъ ближайшихъ домовъ, очистить эспланаду, выручить остатки избиваемаго населенія? Теперь, когда городскіе дома образовали для турокъ, такъ сказать, родъ передонныхъ укрѣпленій, излишняя гуманность, едва не послужившая къ гибели русскихъ, была уже неумѣстна, и большинство голосовъ склонилось къ тому, чтобы выжечь городъ и тѣмъ уничтожить опасное сосѣдство осаждающихъ. Мнѣніе это было уже принято и занесено въ журналъ совѣта, когда всталъ, завѣдывающій въ Ахалцыхъ всей артиллеріей штабсъ-капитанъ Горячко и просилъ выслушать его заявленіе. „Вылазка, сказалъ онъ, вовсе не соответствуетъ нашему положенію. Войска при самомъ выходѣ изъ крѣпости встрѣтятъ сильнѣйшаго противника и должны будутъ вступить въ рукопашный бой. Въ случаѣ неудачи придется или пожертвовать всѣми высланными людьми, или, спасая ихъ, доставить туркамъ возможность ворваться въ крѣпость вмѣстѣ съ отступающими. Прикрыть ретирату картечью или ружейнымъ огнемъ, не поражая въ одно и тоже время своихъ, — нельзя. Въ гарнизонѣ считается по спискамъ 1,300 штыковъ, но въ наличности ихъ, конечно, меньше, а потеря изъ этого числа 250 или 300 солдатъ будетъ для насъ гибелью.“ Замѣчаніе это, высказанное молодымъ офицеромъ съ пылкимъ убѣжденіемъ, поколебало уже составившееся мнѣніе военного совѣта. Члены его одинъ-по-одному стали переходить на сторону Горячко, — и вылазка была отмѣнена.

Такъ прошелъ первый день осады. Утромъ 21-го февраля турки рѣшили приступить къ тѣсной блокадѣ; ихъ отряды заняли всѣ дороги, ведущія къ Ахалцыху со стороны Ацхура, Хертвиса, Ахалкалакъ и Ардагана. Крѣпость была обложена такъ тѣсно, что съ этого времени, въ продолженіи двѣнадцати дней осады, не одинъ лазутчикъ не могъ проникнуть въ нее, и гарнизонъ во все это время рѣшительно не зналъ о мѣрахъ, предпринятыхъ для его освобожденія. Извѣстно было только, что братъ Ахметъ-паши, Ав-

ди бекъ, съ значительными силами занялъ Боржомское ущелье, и что сообщеніе съ Грузіей прервано.

Томительно тянулась осада. Погода все время стояла ненастная. Шелъ мокрый снѣгъ съ дождемъ, а между тѣмъ солдаты, промокшіе до костей, не имѣли времени даже обсушиться. Изъ десяти ротъ семь безсмынно стояли на стѣнахъ въ ожиданіи приступа; и только три отдыхали, составляя въ тоже время общій резервъ для крѣпости и цитадели. Чтобы сколько нибудь защитить людей отъ мокроты и сырости, князь Бебутовъ роздалъ солдатамъ порожніе провіантскіе кули,— и они мастерили изъ нихъ головные уборы. „Забавно было, говоритъ очевидецъ этой осады, смотрѣть на нашихъ солдатъ, едва ворочавшихся въ своихъ мокрыхъ рогожныхъ куляхъ. Но некрасивое убранство это все же предохраняло ихъ отъ простуды и уменьшало болѣзненность. Впрочемъ, ширванцевъ—неразлучныхъ спутниковъ ермоловскихъ походовъ,—нельзя было удивить никакими нарядами. Въ подобныхъ же костюмахъ они, съ „батюшкой Алексѣемъ Петровичемъ“, искрестили все Закубанье, Кабарду, Чечню, дагестанскія горы и, наконецъ, въ рогожныхъ же лаптяхъ явились и подъ Шамхоръ на грозный бой съ персіянами.

Между тѣмъ непріятель дѣлалъ свое дѣло медленно, но вѣрно; въ городѣ росли укрѣпленія, улицы покрывались баррикадами, у католической церкви, такъ памятной ширванцамъ кровавымъ боемъ 15-го августа, поставлена была батарея; другая появилась у горы Кая-дага, а отъ нихъ вправо и влево протянулись завалы, устроенные изъ бревенъ и камней. Этотъ страшный обручъ, сдавливавшій крѣпость, можно было разбить лишь сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, и русскія батареи гремѣли не умолкая. Только одна изъ нихъ, устроенная надъ самыми крѣпостными воротами, вынуждена была почти прекратить огонь; въ четыре дня на ней перемѣнилось два комплекта прислуги и вынуждены были замѣнить пѣхотными солдатами. Вообще, самая тяжелая служба и самыя большія потери выпали на долю артиллеристовъ. Прицѣльные выстрѣлы съ высотъ били въ наши амбразуры почти навѣрняка, а съ неуклюжими лафетами турецкихъ

пушекъ было такъ много хлопотъ, что артиллеристамъ приходилось стоять почти открытыми. Поручики Кругловъ, Андреевъ и князь Гедроштъ были уже ранены, а замѣнить ихъ было некому. Несмотря на потери, которыя росли съ каждымъ днемъ, гарнизонъ, полный вѣры въ самого себя, даже не помышлялъ о возможности паденія крѣпости. Продовольствія въ ней было достаточно, и только ощущался недостатокъ въ водѣ. Правда, въ крѣпости имѣлся фонтанъ, снабжавшій гарнизонъ хорошею водою, но турки въ первый же день осады испортили водопроводную трубу, и фонтанъ пересталъ дѣйствовать. Гарнизону пришлось брать воду изъ Ахалцыхъ-чая. Въ первыя четыре ночи доступъ къ рѣкѣ былъ свободенъ; но непріятель скоро догадался въ чемъ дѣло, и ночью 24-го августа устроилъ подъ скалою, близъ самой рѣки, заваль, откуда билъ на выборъ cadaго, кто выходилъ изъ закрытаго подземнаго спуска на берегъ. Водопой скота сдѣлался невозможнымъ. Тогда Бебутовъ рѣшился прогнать непріятеля силой. На вылазку назначены были 30 охотниковъ-ширванцевъ съ поручикомъ Лацинниковымъ; они ночью подползли къ самому завалу и, разомъ кинувшись въ штыки, взяли его штурмомъ. Непріятельскій резервъ, пытавшійся дать помощь, попалъ подъ сильнѣйшій крѣпостной огонь и отступилъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 30-ти тѣлъ, которыхъ не успѣлъ подобрать. Однако же и гарнизонъ торжествовалъ недолго. 27-го августа противъ подземнаго хода, обращеннаго къ рѣкѣ, вновь появились непріятельскіе шанцы, покрытые на этотъ разъ такимъ толстымъ накатникомъ, что даже бомбы не могли его разрушить. Попробовали солдаты ходить за водою другимъ прикрытымъ путемъ, защищеннымъ блокгаузомъ, но въ слѣдующую же ночь непріятельскій редутъ появился и противъ этого блокгауза. Людямъ пришлось довольствоваться снѣговой водою, а для животныхъ запасаться ею въ темныя ночи.

Къ этому бѣдствію прибавилось новое,—крѣпости грозила опасность взлетѣть на воздухъ. Съ первой ночи солдаты уже слышали какой-то глухой стукъ подъ воротами и стали говорить, что широкій подземный водопроводъ для фонтана можетъ послужить непріятелю готовою галлереею для заложения мины. При

дневномъ шумѣ и постоянной пальбѣ подземная работа была не слышна; но въ тишинѣ ночи, когда канонада умолкала, подземный стукъ слышался совершенно ясно. Въ одну изъ такихъ ночей пробрался къ крѣпости какой-то армянинъ и сталъ просить, чтобы его впустили для передачи важнаго извѣстія. Его перетасили на веревкахъ черезъ стѣну и доставили къ князю Бебутову. Онъ объявилъ, что подъ верхнія ворота подложена мина, которую къ разсвѣту турки взорвутъ и затѣмъ бросятся на штурмъ, и что съ этою цѣлью турецкія колонны уже стянуты за ближнія строенія. Бебутовъ приказалъ тотчасъ свезти съ батареи четыре русскія пушки оставивъ на ней только однѣ турецкія; прислугу при орудіяхъ уменьшили на половину; пѣхотныя прикрытія сняли совсѣмъ. Мучительно тянулись длинные часы для людей, которымъ предстояло сдѣлаться неминуемыми жертвами взрыва. Но взрыва не было. Тѣмъ не менѣе съ этого дня войска должны были ожидать его уже ежеминутно. Ждали и штурма, такъ какъ въ крѣпостной стѣнѣ была уже пробита значительная брешь, наскоро заваленная только провіантскими кулями. Но Ахметъ-бекъ, какъ оказалось не помышлялъ о новомъ штурмѣ, а предпочелъ вступить въ переговоры, рассчитывая силой одного убѣжденія заставить гарнизонъ сдать крѣпость на капитуляцію. Съ этою цѣлью 1-го марта къ крѣпостной стѣнѣ подѣхалъ парламентаръ и вручилъ бумагу слѣдующаго содержанія:

„Его сіятельству, любезному брату моему Бебутову, — писалъ Ахметъ-бекъ. — Привѣтствую васъ по повелѣнію, Божіей милостью и небесами возвеличеннаго, моего султана. Уже 10 дней какъ я осаждаю крѣпость, и мнѣ легко войти въ нее. Но войска, вошедшія силой, удержать уже будетъ нельзя. Такъ какъ я питаю къ вамъ любовь и дружбу, то почитаю долгомъ объявить вамъ послѣднее слово. Вы рассчитайте сами, но не берите на себя грѣха въ жизни толикаго числа солдатъ и жителей. Если докладъ мой вы сочтете за дружбу, то Божією и султанскою милостію, я проведу васъ благополучно и безъ вреда“.

Князь Бебутовъ ухватился за эти переговоры, какъ за якорь спасенія, и постарался продлить переписку, чтобы выиграть время

и дать возможность подоспѣть отряду изъ Грузіи. Онъ отвѣчалъ;

„Почтеннѣйшій Ахмедъ-паша! Храбрость русскихъ солдатъ вамъ извѣстна; они умѣютъ брать и умѣютъ защищать крѣпости. Съ помощью Бога и съ сими храбрыми солдатами я во всякое время готовъ встрѣтить васъ. Хотя вы полагаете, что вамъ легко войти въ крѣпость, но я думаю напротивъ. Предложеніе ваше сдать крѣпость и быть въ безопасности почитаю я за дружбу ко мнѣ съ вашей стороны, но предварительно прошу объяснить мнѣ, что означаютъ слова ваши: „я выведу васъ благополучно и безъ вреда,“—ибо для меня они непонятны.

Началась пересылка обоюдныхъ писемъ и своего рода полемика.

„Въ письмѣ вашемъ—отвѣчалъ Ахмедъ-паша 2-го марта, — вы извѣщаете, что храбрость русскихъ солдатъ мнѣ извѣстна, и что сіи солдаты умѣютъ брать и защищать крѣпости. Вы точно справедливо судите, однако, по обстоятельству все можетъ измѣниться. Вы пишете, что не поняли словъ моихъ: „выведу васъ благополучно и безъ вреда“. На это увѣдомить честь имѣю, что такъ какъ между султаномъ и вашимъ государемъ часто происходили во время войнъ занятіе крѣпостей по капитуляціямъ, то и я предоставляю вамъ оную для благополучнаго вашего отступленія. Русское войско, шедшее къ вамъ черезъ Боржомское ущелье, разбито на голову моимъ братомъ Авди-бекомъ; Ацхурская крѣпость также находится въ осадѣ. Если хотите я согласенъ на капитуляцію, а впрочемъ,—воля ваша“.

Бебутовъ промедлилъ отвѣтомъ цѣлый день, и только 3 го марта отвѣчалъ беку слѣдующее.

„Предложеніе ваше весьма удивляетъ меня. Русскіе не иначе сдаютъ крѣпости, какъ на основаніи мирныхъ трактатовъ и то изъ великодушія. Имѣя подъ начальствомъ храбрый гарнизонъ и все для обороны крѣпости въ изобиліи, я не помышляю ни о чемъ болѣе, какъ объ отчаянномъ сопротивленіи, къ чему я уже давно готовъ. Авди-бекъ не можетъ удержать стремленія нашихъ войскъ: они пройдутъ вездѣ и проложатъ себѣ дорогу штыками. Я со всѣхъ сторонъ ожидаю войскъ, въ которыхъ, впрочемъ, никакой

надобности не имѣю, ибо весьма достаточно у меня собственныхъ силъ для отраженія вашихъ полчищъ“.

Между тѣмъ въ эти три дня въ крѣпость по прежнему не приходило ни одного утѣшительнаго извѣстія; казалось, гарнизонъ былъ брошенъ на произволъ судьбы. Изнуренные физически, солдаты не теряли, однако, бодрости духа и соревнованіе было общее; даже больные становились во фронтъ, зная какъ дорого каждое лишнее ружье при подобныхъ обстоятельствахъ.“ И князь Бебутовъ,—говоритъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи,—личнымъ примѣромъ одушевлялъ всѣхъ, и солдаты, видя его всегда на крѣпостныхъ стѣнахъ, клялись умереть, а не сдавать крѣпости“.

3-го марта, въ то самое утро, когда князь Бебутовъ отправилъ свое послѣднее посланіе къ Ахмедъ-беку, въ Ахалцыхъ услышенъ былъ наконецъ слабый гулъ пушекъ со стороны Боржома. Въ крѣпости, впрочемъ, предполагали, что это отбивается Ацхуръ, и потому день начался обычною перестрѣлкой. Часовъ въ 7 пополудни, когда совершенно стемнѣло, опять начались томительныя ожиданія взрыва и штурма. Вдругъ кто-то подбѣжалъ къ нижнимъ воротамъ и крикнулъ: „турки бѣгутъ!“ Ему тотчасъ подали веревку и втащили въ крѣпость. Оказался еврей. Онъ сообщилъ, что Ахмедъ-паша получилъ извѣстіе о пораженіи своего брата въ Боржомскомъ ущельѣ и что Авди-бекъ, не заходя даже въ Ахалцыхъ, бѣжалъ прямой дорогой въ Аджарію. Въ то же время турецкіе разъѣзды дали знать Ахметъ-беку, что полковникъ Бурцевъ уже идетъ отъ Ацхура форсированнымъ маршемъ.

Нельзя было повѣрить одному голословному заявленію еврея и въ крѣпости рѣшились оставаться въ выжидательномъ положеніи до утра. Но вотъ наступило утро и съ крѣпостныхъ стѣнъ замѣтили необычайную суматоху, происходившую въ городѣ. Тогда баталіонъ Ширванскаго полка сдѣлалъ вылазку и, пройдя черезъ всѣ мусульманскіе кварталы, встрѣтилъ слабое сопротивленіе только въ завалахъ передъ городскими воротами. Держалась еще нѣкоторое время батарея у католической церкви, но ширванцы быстро разсѣяли прикрытіе, взяли два знамя и отбили оба орудія. Ахмедъ-паша напрасно старался возстановить среди бѣгущихъ какой нибудь порядокъ.

Спасая награбленную добычу, аджарцы не внимали его призывамъ и только въ двухъ верстахъ отъ города, на переправѣ у Суфлиса ему удалось собрать изъ своего конвоя триста чело­вѣкъ съ двумя орудіями, чтобы задержать преслѣдованіе. Но остановка и тутъ не была продолжительна; ширванцы рас­сѣяли стрѣлковъ и захватили опять оба орудія. Дальше Суфлиса преслѣдовать безъ кавалеріи было невозможно; но 12 ка­заковъ и шесть пѣхотныхъ офицеровъ, у которыхъ были верхо­вые лошади, проникли въ самыя горы и въ Посховскомъ ущельѣ нашли двѣ остальные пушки, брошенныя уже безъ лафетовъ. Та­кимъ образомъ, изъ шести орудій, бывшихъ при войскахъ Ахмедъ­паши, турки не спасли ни одного и вернулись домой безъ артил­леріи. Между тѣмъ часть аджарцевъ и жителей-магометанъ, не успѣвшихъ присоединиться къ общему бѣгству, были отрѣзаны и, оставшись въ городѣ, заперлись въ домахъ. „Трудно было удер­жать ярость солдатъ,—доносилъ Паскевичъ государю,—ожесточен­ныхъ избіеніемъ городскихъ христіанъ, коего они съ крѣпостныхъ стѣнъ были свидѣтелями», а потому ширванцы зажгли дома, и защитники ихъ погибли въ пламени. Къ полудню городъ былъ уже совершенно очищенъ отъ непріятеля.“

Покончивъ съ турками, солдаты принялись разыскивать мины, которыя оставлять было опасно. Ихъ оказалось двѣ. Подъ нижними воротами работы были только еще начаты, но подъ верхними галлерей была уже готова, и если не послѣдовало взрыва, то только потому, что въ наличности не оказалось нуж­наго количества пороху; за нимъ послали въ Аджарію, но оттуда привезти его не успѣли.

Въ 3 часа пополудни 4-го марта въ Ахалцыхъ вступилъ от­рядъ полковника Бурцева, а черезъ три дня стали подходить и войска генералъ-маіора Муравьева.

Ахалцыхъ представлялъ теперь, послѣ второй осады, совер­шенную пустыню. Дома были разрушены и представляли только груды развалинъ, а лужи крови краснорѣчиво говорили о мно­жествѣ погибшихъ здѣсь жертвъ. Жителей не было. Семейства магометанъ, опасаясь отъ справедливаго мщенія русскихъ, бѣжали въ

предѣлы непокорныхъ санджаковъ. Христіане были вырѣзаны или уведены въ неволю, —и только 700 семействъ, принятыхъ въ цитадель, представляли остатокъ прежняго многочисленнаго населенія Ахалцыха. Но и эти семьи, потерявшія все свое достояніе, не имѣли никакихъ средствъ къ жизни.

Изъ официальныхъ данныхъ видно, что во все время продолженія осады, гарнизонъ потерялъ четыре офицера и 90 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Трофеи русскихъ составляли два знамени и шесть орудій.

Защита Ахалцыха безспорно составляетъ, по своему внутреннему смыслу, одинъ изъ высокихъ военныхъ подвиговъ. И на Кавказѣ, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ,¹⁾ много дивились тогда, что князь Бебутовъ не получилъ георгіевскаго креста на шею, а былъ награжденъ только очередною анненскою лентою. Бурцевъ за свой отважный походъ былъ произведенъ въ генералы. Георгіевскій крестъ 4-й степени присужденъ былъ думою только одному штабсъ-капитану Горячко, и въ высочайшей граматѣ сказано было, что онъ „жалуется за полезный совѣтъ, данный имъ въ военномъ совѣщаніи, —не дѣлать вылазки въ первый день нападенія на крѣпость, дабы не подвергать малочисленный гарнизонъ сомнительному успѣху, что впослѣдствіи совершенно оправдалось какъ по многочисленности, такъ и по необыкновенно отважному нападенію непріятеля, который безъ сомнѣнія вмѣстѣ съ вылазкою могъ ворваться въ крѣпость.“²⁾

Паскевичъ отдалъ должную справедливость мужеству гарнизона и благодарилъ его слѣдующимъ приказомъ по корпусу:

„Защитники Ахалцыха! Среди суровой зимы огромныя непріятельскія силы облегли крѣпость,—храбрости вашей ввѣренной. Подражая примѣру, вами самими указанному, онѣ мнили, что достаточно одного приступа, чтобы овладѣть Ахалцыхомъ. Но вашъ отпоръ явилъ различіе между русскимъ войскомъ и разъяренными толпами турокъ. Ваше единодушіе, неусыпность и

¹⁾ Кавказскій сборникъ т. I, статья Андреева „Кавказская Старина“.

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 39. Журналъ осады Ахалцыха

мужество, оказываемая въ теченіи 12-ти дней, замѣнили твердость крѣпостныхъ стѣнъ и были причиной пораженія непріятеля. Искренно благодарю васъ, храбрые воины! Нынѣшній подвигъ достоинъ васъ. Вы доказали, что умѣете побѣждать въ полѣ; умѣете брать крѣпости и умѣете оборонять ихъ".¹⁾

Одновременно съ тѣмъ, какъ турки среди суровой зимы осадили Ахалцыхъ, грозовая туча стала надвигаться и на Гурію со стороны Батума, гдѣ турки также сосредоточили значительный отрядъ, подъ начальствомъ Османъ-Хазандаръ-оглы трапезондскаго. Военнымъ дѣйствіямъ предшествовала усиленная агитація, и край былъ наводненъ множествомъ прокламацій, призывавшихъ народъ подняться единодушно на защиту правъ своей старинной владѣтельской династіи. Носились даже слухи, что княгиня Софія намѣревается сама появиться въ Гуріи съ турецкими войсками и овладѣть правленіемъ. Но расчеты турокъ на этотъ разъ оказались невѣрными и противъ политической миссіи правительницы, былъ выдвинутъ самимъ народомъ вопросъ,—также политическій и традиціонный,—это исконная вражда гурійцевъ къ магометанамъ туркамъ. И вотъ, едва пронеслась молва, что турки займутъ гурійскую землю, какъ лучшіе князья и вліятельные люди страны, тотчасъ собрали милицію въ 1300 человекъ, и сами предложили ее въ распоряженіе генерала Гессе. Съ этихъ поръ большинство прокламацій, попадавшихъ въ руки гурійскихъ князей, отсылались ими назадъ или представлялись къ русскому начальству даже не распечатанными.

Столь явное сочувствіе къ намъ гурійцевъ и фактическая помощь милиціи были какъ нельзя болѣе кстати, потому что Гессе, несмотря на опасность, грозившую Гуріи, приходилось немедленно начать наступательныя дѣйствія, чтобы облегчить положеніе осажденнаго Ахалцыха. Такимъ образомъ цѣлью для его нападенія должна была послужить Аджарія. Опустошеніемъ этой провинціи

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1829 года № 39 и 99. Журналъ осады Ахалцыха и донесенія князя Бебутова.

имѣлось въ виду вразумить окрестныхъ горцевъ, насколько опасно было для нихъ покидать собственныя свои жилища, и съ этою же послѣдней цѣлью генераль Гессе уполномочивался графомъ Паскевичемъ дать гурійской милиціи широкое право свободного и неограниченнаго грабежа въ земляхъ непріятельскихъ.

Войска, находившіяся въ Приріонскомъ краѣ, занимали тогда четыре пункта: въ Чехатаури стояли двѣ роты Мингрельскаго полка съ двумя орудіями; въ Нагомари — рота; на посту св. Николая—двѣ роты 44-го Егерскаго полка со взводомъ артиллеріи и, наконецъ, въ крѣпости Поти—3 роты егерей также съ двумя орудіями. За ними, въ видѣ подвижнаго резерва, находились въ Мингреліи и Имеретіи баталіонъ егерей и два баталіона мингрельцевъ, изъ которыхъ одна рота занимала карауль въ Кутаисѣ.

Остальныя четыре роты были въ Абхазіи и на помощь ихъ рассчитывать было нечего. Нужно сказать, что это было первое наступательное движеніе русскихъ, въ такъ называемую турецкую Гурію, подъ именемъ которой разумѣлись тогда Верхняя и Нижняя Аджарія, Кобулеты и Батумъ. Опорный пунктъ назначенъ былъ на границѣ Гуріи въ Чехатаури. Тамъ уже стояли двѣ роты; туда же собиралась полутора-тысячная гурійская милиція, и шелъ самъ Гессе съ баталіономъ мингрельцевъ, съ двумя полевыми и двумя горными пушками. Чрезвычайно ненастная погода и разливы рѣкъ до того замедляли движеніе, что отрядъ собрался только 1-го марта. Рекогносцировка, произведенная отсюда по дорогѣ въ Аджарію, показала совершенную невозможность продолжать маршъ въ этомъ направленіи. У подошвы первой горы снѣгъ оказался глубиною въ шесть аршинъ; чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился глубже и, наконецъ, образовывалъ такіе сугробы, которые совершенно преграждали путь черезъ горы. А на самой вершинѣ открытаго и безлѣснаго хребта бушевали опасныя вьюги.

Быть можетъ Гессе съ испытанными кавказскими войсками и попробовалъ бы преодолѣть всѣ эти препятствія, но едва онъ тронулся на Аскану, какъ былъ остановленъ извѣстіемъ, заставившимъ его отказаться отъ этой экспедиціи. Причиною тому былъ Османъ-Хазандаръ-оглы, который, узнавъ о сборѣ русскаго

отряда въ Чехатаури, самъ вышелъ изъ Батума и сталъ на р. Кинтришѣ всего въ шести верстахъ отъ Николаевского поста.

Здѣсь къ войскамъ, пришедшимъ изъ Батума, присоединилось еще пять тысячъ лазовъ, и паша ожидалъ только прибытія сильнаго турецкаго корпуса изъ Трапезонда, чтобы занять Гурію. Съ нимъ вмѣстѣ должна была прибыть и княгиня Софія. При такихъ условіяхъ набѣгъ въ Аджарію являлся уже несвоевременнымъ. Гессе нужно было подумать о защитѣ собственнаго края,—и колебанію не могло быть мѣста. Князя, сапровождавшіе княгиню, могли оказать вліяніе на извѣстную часть населенія и если не успѣли бы поднять его противъ русскихъ, то все-таки могли вызвать въ странѣ опасную смуту. Чтобы спасти страну отъ разоренія, оставалось одно—разбить авангардъ непріятеля прежде, чѣмъ подойдутъ къ нему главныя силы. И Гессе остановился на этомъ рѣшеніи, тѣмъ болѣе, что дорога на Кинтриши могла привести его, если не въ Аджарію, то въ Кобулеты, гдѣ результаты экспедиціи, въ концѣ концовъ, были бы тѣже, что и въ Аджаріи. Множество кобулетцевъ, участвовавшихъ въ ахалцыхскомъ походѣ, конечно, тотчасъ же вернулись бы назадъ, чтобы спасать свои дома и тѣмъ поселили бы смущеніе въ остальныхъ войскахъ Ахметъ-бека. И вотъ, отрядъ, перемѣнивъ направленіе, повернулъ къ посту св. Николая; къ нему присоединились еще три роты 44-го Егерскаго полка съ двумя орудіями и въ распоряженіи генерала Гессе собралось до 1200 штыковъ и полутора-тысячная туземная милиція,—силы, которыя, по мнѣнію его, были совершенно достаточны для разгрома восьми-тысячнаго турецкаго корпуса. Дорога отъ Николаевского поста до непріятельскаго лагеря, на разстояніи шести-семи верстъ, шла узкою прибрежною полосою, почти недопускавшею развернуться боевому фронту: справа отъ насъ—страшный обрывъ, подъ которымъ бушуетъ Черное море; слѣва—крутыя горы, одѣтыя дремучимъ, едва проходимымъ болотистымъ лѣсомъ. Три ряда заваловъ, протянутыхъ поперекъ дороги, прикрывали подступъ къ турецкому лагерю, который былъ раскинутъ на небольшой полянкѣ, носившей названіе „Лимани“. Высокій брустверъ изъ деревянныхъ срубовъ, заваленныхъ камнями и окопанный

рвомъ, прикрывалъ его съ фронта, а фланги, упиравшіеся съ одной стороны въ море, съ другой—въ бездорожный и дремучій лѣсъ были неприступны. Но крѣпкая непріятельская позиція не измѣнила рѣшенія Гессе, и 5-го марта въ тотъ самый день, когда Ахалцыхъ торжествовалъ свое освобожденіе, гурійскій отрядъ пошелъ атаковать непріятеля. Пѣхота съ артиллеріею двигалась берегомъ моря; милиція пробиралась въ тылъ по болотамъ и чащамъ вѣкового лѣса. Но чтобы дойти до лагеря, предварительно нужно было выдержать еще огонь изъ непріятельскихъ заваловъ; и дѣйствительно, пѣхота не прошла двухъ-трехъ верстъ, какъ уже очутилась передъ первымъ ихъ рядомъ. Сильнѣйшій огонь остановилъ колонну. Къ счастью, въ это время гурійская милиція уже успѣла пробраться лѣсомъ въ тылъ непріятеля, и турки, быстро очистивъ передовой завалъ, зашли за слѣдующимъ рядомъ. Такимъ же образомъ, атакуя пѣхотой съ фронта и посылая милицію въ обходъ, пришлось русскимъ дѣйствовать и при дальнѣйшемъ своемъ наступленіи, заставляя турокъ послѣдовательно бросать завалы одинъ за другимъ. Постепенно подвигаясь впередъ, отрядъ остановился наконецъ передъ непріятельскимъ лагеремъ. Пологій, узкій, совершенно открытый скатъ, разстилавшійся къ сторонѣ непріятеля, и крѣпкая ограда лагеря, грозили русскимъ большими потерями; но отступать было уже невозможно, и Гессе не задумался штурмовать лагерь. Онъ приказалъ приготовить атаку артиллерійскимъ огнемъ, и только тогда, когда часть передового ретраншаменты уже была разбита, пѣхота съ барабаннымъ боемъ пошла на приступъ; милиція, укрытая въ лѣсу, опять зашла въ тылъ, и лагерь былъ атакованъ съ двухъ сторонъ. Турки защищались отчаянно. Четыре часа продолжался штурмъ, и хотя непріятель буквально былъ уничтоженъ, но эта первая побѣда въ Гуріи, стоила и малочисленному русскому отряду двухсотъ десяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ были 9 офицеровъ и 14 гурійскихъ князей,—потеря по тому времени весьма значительная. Особенной похвалы заслуживало поведеніе въ бою гурійской милиціи; она, по словамъ Паскевича, превзошла всякое ожиданіе, и это было тѣмъ замѣчательнѣе, что многіе гурійскіе князья, теперь запечатлѣвшіе

кровью вѣрность свою русскому дѣлу, еще недавно считались сторонниками турокъ и дѣйствовали противъ насъ при осадѣ Поти. Вся добыча, взятая въ непріятельскомъ лагерѣ, была отдана милиціи.

Выбитые изъ окоповъ, ничтожные остатки турецкихъ войскъ съ самимъ Хазандаръ-оглы укрылись въ лѣсу. Гессе не рѣшился однако вступить въ этотъ болотистый, никому неизвѣстный лѣсъ и остановилъ преслѣдованіе. Полагаютъ, что при томъ безпорядкѣ и ужасѣ, который наведенъ былъ на турокъ пораженіемъ ихъ авангарда, Гессе могъ овладѣть Кинтришинскою поляною и Кобулетомъ, лежавшимъ по дорогѣ къ Батуму. Но занятіе этихъ пунктовъ, по мнѣнію Гессе, не принесло бы намъ въ то время существенной пользы. Захвативъ Кобулеты, мы все равно не могли въ нихъ удержаться и, слѣдовательно, напрасно потеряли бы время и силы. Упорная защита турокъ въ бою при Лимани невольно наводила на мысль, что каждый шагъ въ непріятельскую землю будетъ окупаться большими потерями, и при отсутствіи резервовъ самыя побѣды только ослабляли бы и безъ того малочисленный русскій отрядъ. Такъ именно думалъ Гессе, а потому, приказавъ срыть непріятельскіе окопы, отошелъ обратно къ Николаевскому укрѣпленію. Паскевичъ вполнѣ одобрилъ образъ дѣйствій Гессе и только приказалъ занять Николаевскій постъ цѣлымъ баталіономъ 44-го Егерскаго полка съ четырьмя полевыми орудіями¹⁾.

Блестящая побѣда при Лиманѣ не имѣла, такимъ образомъ, для насъ серьезнаго значенія, такъ какъ Кинтришинская поляна осталась въ рукахъ непріятеля, давая ему возможность попрежнему грозить оттуда вторженіемъ въ русскіе предѣлы. Но за то нравственное значеніе этой побѣды, совпавшей какъ разъ съ бѣгствомъ аджарцевъ изъ-подъ Ахалцыха, было громадно. Она показала туркамъ всю несбыточность надеждъ ихъ найти себѣ союзниковъ въ русскихъ предѣлахъ, смирила тѣ беспокойные элементы, которые еще таились въ Гуріи, да и въ другихъ смежныхъ съ нею христіанскихъ земляхъ, склонныхъ слѣдовать турецкимъ внуше-

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 4 и акты Кавказской арх. комиссіи ст. 779 и 780. Всеподданнѣйшіе рапорты графа Паскевича.

ніямъ и наконецъ устранила немедленную опасность со стороны турецкихъ границъ, если не на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, то на его отдаленныхъ окраинахъ. Только теперь Паскевичъ могъ сосредоточить все свое вниманіе и всю свою энергію на персидскихъ дѣлахъ, создавшихъ для него неимоვნю трудное положеніе. Надо припомнить, что одновременно съ извѣстіемъ о наступленіи турокъ къ Ахалцыху и приготовленіи ихъ къ нападенію на Гурію,—Паскевичъ узналъ, что русское посольство въ Тегеранѣ поголовно вырѣзано возмущившеюся чернью, и что войска шаха не дали ей никакого отпора. Произошло одно изъ неслыханныхъ нарушеній международнаго права. Но прежде чѣмъ говорить о дальнѣйшихъ событіяхъ, вернемся назадъ и скажемъ о томъ, что произошло въ самыхъ стѣнахъ Тегерана.

Глава XI.

Назначеніе Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при Тегеранскомъ дворѣ.—Дѣятельность его въ Тавризѣ. — Поѣздка въ Тегеранъ и аудіенція у шаха. Политическая программа Грибоѣдова.—Исторія Мирзы-Якуба. Возмущеніе тегеранской черни и истребленіе русскаго посольства.—Смерть Грибоѣдова.—Могила погибшихъ въ Тегеранѣ.—Торжественное перенесеніе праха Грибоѣдова въ Тифлисъ и погребеніе его въ церкви св. Давида. — Милости Государя, оказанныя его семейству.

Съ вѣстью о заключеніи Туркменчайскаго мира и для поздравленія государя съ блестящимъ окончаніемъ персидской войны, Паскевичъ отправилъ Александра Сергѣевича Грибоѣдова, знаменитаго автора безсмертной комедіи „Горе отъ ума“, принимавшаго при томъ самое живое участіе во всѣхъ переговорахъ съ Персіей. Какъ вѣстникъ славнаго мира, онъ былъ осыпанъ почестями и милостями государя. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный алмазами и четыре тысячи червонцевъ; а вслѣдъ затѣмъ, 25-го апрѣля 1828 года, Грибоѣдовъ указомъ правительствующему сенату назначенъ былъ на постъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ. Высокое служебное назначеніе, открывавшее Грибоѣдову широкую дипломатическую карьеру, вызвало зависть у многихъ, но самого его вовсе не радовало: какое то мрачное предчувствіе видимо тяготило его душу. „Не поздравляйте меня съ этимъ назначеніемъ, сказалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей, вы не знаете этого народа (персіянъ), но вы увидите, что насъ тамъ всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяръ-ханъ (первый министр) — мой личный врагъ и никогда не подаритъ мнѣ туркменчайскаго договора“ ¹⁾).

¹⁾ Біографія Грибоѣдова.

10-го іюля онъ снова возвратился въ Тифлисъ, гдѣ встрѣченъ былъ у городской заставы со всѣми почестями, приличными его высокому званію, и почетный конвой сопровождалъ его до самой квартиры, отведенной во дворцѣ главнокомандующаго. Паскевичъ рассчитывалъ, что молва объ этихъ почестяхъ не замедлитъ дойти до персидскаго правительства и еще болѣе подниметъ въ его глазахъ значеніе русскаго полномочнаго министра, „а на здѣшнихъ жителей, особенно на персіянъ, добавлялъ онъ, произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе.“

Окруженный такими же почестями, Грибоѣдовъ, спустя нѣсколько дней, отправился въ главную квартиру Паскевича, находившуюся подъ Ахалцыхомъ и, получивъ нужныя инструкціи и приказанія, вернулся въ Тифлисъ 4-го августа. Здѣсь, приготавливаясь къ отъѣзду въ Персію, онъ обвѣнчался съ извѣстной красавицей, тогда еще шестнадцатилѣтнею княжною Ниной Александровной Чавчавадзе, дочерью извѣстнаго покорителя Баязетскаго пашалыка. Обрядъ вѣнчанія происходилъ въ Сіонскомъ соборѣ 22-го августа, въ присутствіи лишь небольшого круга родныхъ, но празднество тѣмъ не менѣе было народное, и, какъ говоритъ Аделунгъ, въ немъ приняло участіе все населеніе города, гдѣ имя князя Александра Чавчавадзе было однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ, какъ воина и поэта.

Время до отъѣзда въ Персію прошло въ самыхъ разнообразныхъ увеселеніяхъ, закончившихся торжественными и шумными проводами. 9-го сентября Грибоѣдовъ выѣхалъ наконецъ изъ Тифлиса, вмѣстѣ съ молодою женою и свитою. Но мрачныя думы не покидали его, и суевѣрныя примѣты встрѣчались на каждомъ шагу. За снѣговымъ Безобдаломъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сел. Амамлы, тамъ, гдѣ начинается узкая долина, обставленная невысокими горными кряжами, онъ увидѣлъ могильный, полуразвалившійся памятникъ, стоявшій среди невозмутимой тишины захолустья. Это была могила маіора Монтрезора, погибшаго здѣсь со всѣмъ своимъ отрядомъ въ кампанію 1804 года. Ни одинъ разъ приходилось Грибоѣдову проѣзжать мимо этого памятника, но никогда еще онъ не производилъ на него такого удручающаго впе-

чатлїнія. Оставя экипажъ и свиту, онъ медленными шагами свернулъ съ дороги къ этой грудѣ развалившихся камней, долго моллился тамъ и возвратился въ глубокомъ раздумьѣ, навѣянномъ на него посѣщеніемъ одинокой могилы. Думалъ ли тогда Грибоѣдовъ, что, спустя очень короткое время и онъ, подобно Монтрезору, отдастъ свою жизнь, защищая свой постъ, достоинство и честь своего отечества.

Поѣздка Грибоѣдова по Персіи намѣренно обставлена была, по приказанію Паскевича, пышностью и блескомъ, шумными народными оваціями, офиціальными встрѣчами и церемоніями. „Путешествую съ огромнымъ караваномъ—110 лошадей и муловъ,—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей—ночуемъ подъ шатрами на высокихъ горахъ, гдѣ холодъ зимній... Для перемѣны бываютъ блестящія встрѣчи, конница несется во весь опоръ, пылитъ, спѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ пріѣздомъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось.“ Такъ Грибоѣдовъ достигъ наконецъ Тавриза.

Здѣсь ему предстояло прежде всего разрѣшить щекотливый вопросъ о скорѣйшемъ очищеніи Хойской провинціи, все еще занятой русскими войсками, въ обезпеченіи уплаты шахомъ восьмого курура контрибуціи. Дѣло въ томъ, что Аббасъ-Мирза еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ началъ переговоры объ очищеніи Хоя, предлагая тогда же внести триста тысячъ тумановъ, т. е. 1,200,000 рублей серебромъ, а остальные, прося разсрочить на семь мѣсяцевъ безъ залога. Паскевичъ не согласился и требовалъ или уплаты полностью, или обезпеченія такими вещами, „сбытъ коихъ, какъ онъ выражался, не доведетъ правительство наше до убытковъ“. Въ этомъ видѣ переговоры тянулись до глубокой осени, а контрибуція между тѣмъ мало-по-малу уплачивалась. Въ то время, какъ Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Тавризъ денежные счета были въ слѣдующемъ положеніи: ¹⁾ къ 21-му ноября внесено было персіянами 1,512,000 рублей; на 60,000 въ рукахъ русскаго правительства имѣлись векселя англійскаго полномочнаго министра; на 400,000

---

¹⁾ Письмо Грибоѣдова графу Нессельроде 30-го ноября 1828 г. Куруръ—два милліона рублей.

приняты были отъ Аббасъ-Мирзы его собственные драгоценные камни, шали и жемчугъ; оставались неуплаченными и необезпеченными только 28 тысячъ, достать которыя Аббасъ-Мирзѣ однако было негдѣ. Тогда Грибоѣдовъ потребовалъ въ обезпеченіе этихъ 28-ми тысячъ тронъ Ага-Магометъ-хана, въ которомъ одного золота, не считая эмали и художественной работы, по оцѣнкѣ считалось на 36 тысячъ рублей. „Я принимаю его всего въ 28-ми тысячахъ,—писалъ Грибоѣдовъ Паскевичу,—чтобы понудить персидское правительство скорѣе его выкупить, тѣмъ болѣе, что персіяне разстанутся съ нимъ весьма неохотно, ибо тронъ этотъ почитается государственной регаліей ... Если же при окончательныхъ счетахъ и окажется какая нибудь незначущая недоимка, то мы въ драгоценныхъ камняхъ Аббасъ-Мирзы имѣемъ полное обезпеченіе и даже съ избыткомъ.“

Паскевичъ согласился, но онъ не хотѣлъ возвратитъ тронъ назадъ персіянамъ, находя, что этотъ историческій памятникъ могъ бы послужитъ знаменитымъ трофеемъ и украшеніемъ Московской грановитой палаты. Поэтому онъ поручилъ Грибоѣдову настаивать, чтобы тронъ остался навсегда въ Россіи и былъ бы доставленъ не въ видѣ залога, а въ уплату 28-ми тысячъ, или даже, какъ онъ писалъ: „съ нѣкоторою не весьма значительною надбавкою.“ Чѣмъ кончились переговоры и за какую именно сумму онъ былъ уступленъ персіянами—свѣдѣній нѣтъ; но дѣло уладилось; тронъ былъ доставленъ въ Аббасъ-Абадъ, а русскія войска получили приказаніе выйти изъ Хойской провинціи.

Покончивъ дѣла въ Тавризѣ и отправляясь въ Тегеранъ, чтобы представиться шаху, Грибоѣдовъ рассчитывалъ немедленно возвратиться назадъ, такъ какъ Тавризъ назначенъ былъ резиденціею обоихъ полномочныхъ министровъ — русскаго и англійскаго. Судьбѣ угодно было, чтобы онъ вернулся изъ Тегерана въ гробу.

Фетхъ-Али-шахъ принялъ русскаго посланника съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Грибоѣдовъ торжественно поднесъ ему драгоценные подарки им-

ператора Николая I— хрустальныя канделябры и посуду изъ яшмы, составлявшіе справедливую гордость русскихъ императорскихъ заводовъ. Шахъ самъ возложилъ на нашего посла орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а всѣмъ членамъ миссіи отправилъ богатые подарки и тѣже ордена 2-й и 3-й степеней.

Не такова была однако встрѣча и сношенія А. С. Грибоѣдова съ персидскими министрами, старавшимися противодѣйствовать ему на каждомъ шагу. „Друзей здѣсь я не имѣю и не хочу,—писалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей —Здѣсь прежде всего должны бояться Россіи. И я увѣренъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую дружбу. Всѣмъ я кажусь грозенъ и меня прозвали *Сах-тиръ* (твердое сердце).“

Такова была политическая программа, которую начерталъ для себя Грибоѣдовъ и которой держался уже неуклонно. Его настойчивость побѣдила всѣ извороты хитрыхъ азіатскихъ вельможъ, и трактатъ, въ силу котораго всѣ уроженцы русскихъ провинцій могли свободно возвратиться на родину, былъ наконецъ подписанъ. Этимъ Грибоѣдовъ покончилъ дѣла въ Тегеранѣ и началъ готовиться къ отъѣзду; состоялась уже прощальная аудіенція у шаха; лошади и катера были готовы, какъ вдругъ, одинъ неожиданный, повидимому даже ничтожный случай далъ нашимъ дѣламъ совершенно иной оборотъ и повелъ за собою неслыханную катастрофу.

Нѣкто, армянинъ Мирза-Якубъ, евнухъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ казначеемъ при шахскомъ гаремѣ, ночью явился къ посланнику и выразилъ желаніе вернуться въ Эриванъ, откуда былъ родомъ. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что ночью ищутъ убѣжище только одни преступники, и что министръ русскаго императора оказываетъ свое покровительство не тайно, а явно. Якубъ удалился, но на слѣдующій день явился снова. Грибоѣдовъ, предвидя большія затрудненія, пробовалъ уговорить его отказаться отъ своего намѣренія, представляя, что здѣсь онъ человѣкъ знатный, тогда какъ въ Россіи потеряетъ все и не будетъ имѣть никакого значенія; но

Якубъ остался непреклоннымъ, и Грибоѣдовъ не могъ уже безъ ущерба достоинства русскаго посланника отказать ему въ покровительствѣ.

Весь персидскій дворъ взволновался. Якубъ въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ при шахѣ должность главнаго евнуха и, поселившись внѣ Персіи, конечно могъ дать полнѣйшую огласку всѣмъ тайнамъ шахскаго гарема. Къ Грибоѣдову то и дѣло стали являться посланцы изъ дворца, требуя выдачи Якуба, такъ какъ, по обычаямъ Персіи, гаремы считались неприкосновенными, а Мирза-Якубъ, какъ евнухъ, былъ принадлежностью гарема. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Якубъ явился къ нему добровольно, и что посланникъ, на основаніи только что заключеннаго трактата, не имѣетъ права отказать ему въ покровительствѣ, какъ русскому подданному. Тогда персіяне прибѣгли къ другому средству и предъявили на Якуба огромную денежную претензію въ 50 тысячъ тумановъ,¹⁾ заявляя, что онъ обворовалъ шахскую казну и потому не можетъ быть отпущенъ на основаніи того же трактата. Чтобы разъяснить это обстоятельство, Грибоѣдовъ отправилъ Якуба въ шахскій дворецъ, но въ сопровожденіи своего переводчика. Комната, куда они вошли, наполнена была хаджами, которые всѣ сразу накинулись на Якуба съ бранью и угрозами. Тотъ не остался въ долгу, и, такимъ образомъ, кромѣ новаго скандала ничего не вышло.

Тогда персіяне обратились къ Грибоѣдову съ требованіемъ, чтобы надъ Якубомъ назначенъ былъ духовный судъ. Грибоѣдовъ изъявилъ согласіе и на это, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы на судѣ присутствовалъ и секретарь русскаго посольства. Вѣроятно послѣднее обстоятельство и было причиною того, что судъ не состоялся, такъ какъ въ рукахъ у него не было никакихъ доказательствъ виновности Мирзы-Якуба.

Между тѣмъ къ Грибоѣдову явились еще двѣ плѣнныя грузинки, бѣжавшія изъ гарема Аллаяръ-хана и просили покровительства посланника для отправленія ихъ на родину. Это пере-

---

¹⁾ Туманъ четыре рубля.

полнило чашу негодованія персидскихъ вельможъ и не безъ ихъ подстрекательства, конечно, вспыхнулъ въ городѣ мятежъ, скоро достигшій крайняго ожесточенія.

Во главѣ его сталъ самъ муджтехидъ, верховный тегеранскій мулла, Мирза-Мессихъ, извѣстный изувѣръ и фанатикъ. Онъ пустилъ слухъ, разнесшійся по всему городу, что Якубъ ругаетъ магометанскую вѣру, а въ домѣ посланника задерживаютъ женщинъ, принуждая ихъ силою къ вѣроотступничеству.

Народъ кричалъ: „Не мы писали мирный договоръ съ Россією, но мы не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру и отнимали нашихъ женъ.“ Народъ требовалъ освобожденія задержанныхъ женщинъ; ахунды ходили по улицамъ и кричали: „Правовѣрные! запирайте завтра базары, идите въ мечеть, тамъ вы услышите наше слово.“

Наступило роковое 30-е число января 1829 года. Базаръ былъ запертъ, и народъ съ утра толпился у тегеранской соборной мечети. Муджтехидъ сказалъ зажигательную рѣчь, и толпа, быстро возросшая до нѣсколькихъ тысячъ, бросилась къ дому посланника.

Не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны караульныхъ сарбазовъ, не имѣвшихъ при себѣ даже ружей, толпа вломила въ дворъ. Первою жертвою ея сдѣлался Мирза-Якубъ, которому отрубили голову. Затѣмъ были убиты переводчикъ Дадимовъ и двое прислужниковъ. Персидскій караулъ бѣжалъ. Казаки около часу отстрѣливались отъ наступавшей многочисленной толпы; но ихъ было мало, и всѣ они были наконецъ изрублены. По трупамъ этихъ людей убійцы бросились въ домъ, гдѣ было русское посольство. Тамъ, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, находились князь Меликовъ, родственникъ его жены, второй секретарь посольства Аделунгъ, медикъ и нѣсколько челоуѣкъ прислуги. На крыльцѣ толпа встрѣчена была храбрымъ грузиномъ Хачатуромъ, который нѣкоторое время одинъ держался противъ цѣлой сотни людей, но наконецъ былъ смятъ и буквально растерзанъ на части. Приступъ принималъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ; одни изъ персіянъ ломились въ двери, другіе проворно

разбирали крышу и сверху стрѣляли по свитѣ посланника; раненъ былъ въ это время и самъ Грибоѣдовъ, а его молочный братъ, двое грузинъ и медикъ были убиты. Между тѣмъ свита посланника, отступая шагъ за шагомъ, укрылась наконецъ въ послѣдней комнатѣ и тамъ защищалась, все еще не теряя надежды на помощь шахскаго войска. Смѣльчаки изъ нападавшихъ, хотѣвшіе было ворваться въ двери, были изрублены, но въ эту минуту вдругъ пламя и дымъ охватили комнату: персіане разобрали крышу и подожгли потолокъ. Пользуясь смятеніемъ осажденныхъ, народъ ворвался въ комнату,—и началось безпощадное избіеніе русскихъ. Рядомъ съ Грибоѣдовымъ былъ изрубленъ казачій урядникъ, который до послѣдней минуты заслонялъ его своею грудью. Самъ Грибоѣдовъ отчаянно защищался шашкой, и палъ подъ ударами нѣсколькихъ кинжаловъ. Обезображенный до неузнаваемости трупъ его, вмѣстѣ съ другими, былъ три дня игрищемъ черни и узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной на дуэли пулей Якубовича.

Любопытны слова Пушкина по поводу смерти Грибоѣдова: „Я ничего не знаю, говоритъ онъ, счастливѣе и завиднѣе послѣднихъ дней бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его среди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.“

Поздно, когда разъяренная толпа уже доканчивала свое страшное дѣло, пришла сотня шахскихъ сарбазовъ; но у этого войска не было патроновъ, да и дѣйствовать имъ было приказано только уговорами и краснорѣчіемъ, а не огнемъ и штыками.

Послѣ избіенія посла и его свиты, начался грабежъ. Персіане съ криками и дракой дѣлили между собою деньги, бумаги и разныя цѣнныя вещи. Самое жилище посланника было разрушено, и развалины его существовали долго, какъ памятникъ ужаснаго событія. Теперь ихъ болѣе нѣтъ; владѣлецъ этой земли распродавъ ее по участкамъ, и она застроилась небольшими каменными домиками. Сохранились отъ той эпохи только три кипариса, стоявшіе на первомъ дворѣ дома, гдѣ былъ разбитъ небольшой садикъ, и оттуда шла дорожка къ парадному крыльцу Грибоѣдова.

Въ кровавый день 30-го января погибло 37 человекъ русскихъ и 19 тегеранскихъ жителей.

Изъ нашей миссіи, кромѣ Грибоѣдова, были убиты тогда: второй секретарь посольства Аделунгъ, штабсъ-капитанъ Шахъ-Назаровъ, чиновникъ князь Кабуловъ, переводчикъ князь Меликовъ, ординаторъ Эриванскаго госпиталя Мальмбергъ, грузинъ Ростомъ Дадашъ-бекъ, камердинеръ Грибоѣдова Александръ Димитріевъ, поваръ его Яковъ Захаровъ, нѣсколько казаковъ, составлявшихъ личный конвой Грибоѣдова и другіе, имена которыхъ не сохранились. Спасся только секретарь посольства Мальцевъ и съ нимъ два прислужника. Чудеснымъ избавленіемъ своимъ отъ неминуемой смерти всѣ эти лица обязаны были великодушію одного персидскаго хана, домъ котораго находился рядомъ съ домомъ Грибоѣдова. Мальцевъ часто посѣщалъ этого вельможу, и ханъ до того полюбилъ и привязался къ нему, что въ день катастрофы рѣшилъ во что-бы то ни стало спасти своего молодого пріятеля. Предупрежденный во время обѣ опасности, грозившей русскому посольству, онъ подъ какимъ-то предлогомъ призвалъ къ себѣ Мальцева, а когда началась рѣзня, онъ укрылъ его вмѣстѣ съ двумя служителями въ своемъ собственномъ домѣ. Только такимъ образомъ Мальцеву и удалось избѣжать роковой участи своихъ сотоварищей. Вечеромъ, когда совершенно стемнѣло, въ квартиру хана явился персидскій полковникъ съ вооруженною командою, приказалъ Мальцеву и людямъ его переодѣться въ сарбазское платье, и подъ конвоемъ препроводилъ ихъ во дворецъ одного изъ шахскихъ сыновей Зилли-Султана.

Любопытенъ разговоръ, который Мальцевъ имѣлъ въ скоромъ времени послѣ этого съ каймакамомъ и другими сановниками персидскаго правительства. Всѣ они утверждали, что главною причиною убійства русскаго посланника были женщины. Мальцевъ возразилъ, что это обстоятельство такъ маловажно, что сами персидскіе министры ни слова не говорили объ этихъ женщинахъ, и только уже послѣ убіенія посланника стали о нихъ толковать, какъ бы ища лишняго предлога къ своему оправданію. „Въ вашихъ рукахъ вся переписка по этому поводу,—добавилъ Мальцевъ—

разсмотрите ее, и вы убѣдитесь, что тамъ много говорено о Мирзѣ-Якубѣ, и нѣтъ ни слова о женщинахъ". — „Точно, мы о женщинахъ ничего не писали, сказалъ каймакамъ, но все-таки онѣ задержаны были вами насильно противъ своей воли“. „Это неправда,—горячо возразилъ Мальцевъ,—вамъ и всему Тегерану извѣстенъ случай, когда къ покойному министру привели двухъ женщинъ, принадлежавшихъ одному изъ вашихъ сеидовъ. Одна изъ нихъ была армянка, другая нѣмка, — обѣ захваченныя въ плѣнъ при разграбленіи персіянами въ 1826 году Екатериненфельдской колоніи. Посланникъ самъ допросилъ ихъ, и когда обѣ онѣ изъявили желаніе остаться у сеида, то немедленно отпущены были домой. Не было смысла задерживать и остальныхъ, если бы онѣ сами не просили покровительства нашего министра“. Каймакамъ замолчалъ и болѣе уже не возобновлялъ подобнаго разговора. ¹⁾ Между тѣмъ шахъ самъ пожелалъ видѣть Мальцева, осыпалъ его милостями и даже намѣревался просить государя о назначеніи его полномочнымъ министромъ на мѣсто Грибоѣдова. Съ этимъ однако не согласились ни Аббасъ-Мирза, ни англійскій посланникъ. Да врядъ ли и самъ шахъ былъ искрененъ въ своемъ намѣреніи. По крайней мѣрѣ тогда говорили, что онъ, не менѣе другихъ, желалъ избавиться отъ единственнаго, оставшагося въ живыхъ челоѣка изъ русской миссіи, который, какъ очевидецъ, могъ сообщить дѣлу правдивое и настоящее освѣщеніе. Само духовенство, со своимъ муджтехидомъ, совѣтовало шаху, обласкавъ Мальцева, отправить его скорѣе въ Тавризъ и на дорогѣ убить, подъ видомъ нападенія туркменъ, чтобы такимъ образомъ окончательно свалить всю вину съ персидскаго правительства на буйную и непокорную чернь. Слухъ объ этомъ дошелъ однако до Тавриза, и англійскій посолъ, опасаясь за безопасность Мальцева и не желая дальнѣйшихъ осложненій, немедленно отправилъ за нимъ въ Тегеранъ офицера англійской службы капитана Макдональда, въ сопровожденіи котораго Мальцевъ и прибылъ въ Тавризъ. ²⁾ На-

¹⁾ Донесеніе Мальцева графу Паскевичу 18-го марта 1829 года.

²⁾ Письмо Макдональда графу Паскевичу 8-го февраля 1829 года.

пасть на англійскаго офицера персіане не осмѣлились, и заговоръ ихъ разстроился. ¹⁾

Одновременно съ этимъ Амбургеръ настаивалъ и требовалъ, чтобы тѣло министра и другихъ членовъ миссіи, павшихъ жертвами злодѣянія, были отправлены изъ Тегерана въ русскіе предѣлы. Но по разнымъ соображеніямъ требованіе это не могло быть выполнено персидскимъ правительствомъ, и изуродованные трупы убитыхъ, на другой или на третій день послѣ катастрофы, были вывезены за городскую стѣну, брошены тамъ въ одну общую кучу и безъ молитвъ и религіозныхъ обрядовъ засыпаны землею. Исключеніе сдѣлано было только для Александра Сергѣевича Грибоѣдова, останки котораго были отпѣты армянскимъ духовенствомъ и временно погребены въ тамошней церкви. ²⁾

Прошло послѣ того много лѣтъ, и только въ 1836 году новый полномочный министръ графъ Симоничъ возбудилъ вопросъ о перенесеніи праха несчастныхъ жертвъ, павшихъ 30-го января 1829 года, въ самый Тегеранъ для погребенія ихъ въ христіанской церкви. По этому поводу онъ писалъ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса барону Розену слѣдующее:

„Съ тѣхъ поръ, какъ я съ товарищами живу въ Тегеранѣ, мы неоднократно вспоминали съ грустью, что кости русскихъ людей, погибшихъ при страшномъ возмущеніи тегеранской черни въ 1829 году, понынѣ находятся сложенными внѣ города, вблизи большой дороги, которою мы, къ несчастью, часто должны проѣзжать и едва прикрыты земляною грудю. Заручившись добрымъ расположеніемъ знатнѣйшаго городского духовенства и въ особенности новаго муджтехида, я обратился съ просьбою объ этомъ къ его величеству шаху, который одобрилъ и похвалилъ мою мысль. Затѣмъ по принятіи должныхъ мѣръ осторожности, вечеромъ 12-го августа, членъ нашей миссіи баронъ Боде отправился на мѣсто, гдѣ все было уже приготовлено для отрытія останковъ

¹⁾ Впослѣдствіи Мальцевъ состоялъ при графѣ Паскевичѣ, потомъ временно исполнялъ должность генеральнаго консула въ Тавризѣ и затѣмъ, вернувшись въ Россію въ 1830 году, служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Письмо Амбургера къ Паскевичу 8-го февраля 1829 года.

нашихъ соотечественниковъ, при чемъ присутствовали со стороны муджтехида два назначенные имъ сеида. Народу собралось масса; но въ толпѣ не только не проявлялось какого либо волненія, но даже не было замѣчено и малѣйшаго неудовольствія. Армянскій священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ молитвы во все время производства работъ. Останки на десяти дрогахъ были перевезены въ городъ и сложены въ заранѣе приготовленномъ склепѣ армянской церкви, которая находится около воротъ Шахъ-Абдулъ-Азиза, вблизи мѣста ужаснаго событія. По отслуженіи панихиды, на которой присутствовали и оба сеида, всѣ разошлись около 11 часовъ ночи. Не могу не замѣтить при этомъ, что персіяне, допустивъ перенесеніе христіанскихъ тѣлъ въ городъ, побѣдили свой вѣковой предразсудокъ¹⁾).

Что касается Грибоѣдова, то прахъ его недолго оставался въ Тегеранѣ и черезъ три мѣсяца послѣ его смерти былъ перевезенъ въ Тифлисъ супругой покойнаго министра, Ниной Александровной, свято исполнившей желаніе мужа, сказавшаго ей однажды въ минуты мрачнаго предчувствія: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи и похорони меня въ церкви св. Давида“.

Печальная церемонія перенесенія праха Грибоѣдова въ русскіе предѣлы совершилась 1-го мая 1829 года. Когда тѣло его, переправленное черезъ Араксъ, вступило въ родную землю, его встрѣтили баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго полка съ двумя орудіями, масса народа, духовенство, генераль-маіоръ Мерлини, Эксанъ-ханъ, нахичеванскій, подполковникъ князь Аргутинскій, Амбургеръ всѣ военныя и гражданскія власти Нахичеванской области.

Отслужена была торжественная панихида и по возглашеніи „вѣчной памяти убіенному болярину Александру“, гробъ былъ поставленъ на особыя дроги, подъ великолѣпный балдахинъ, нарочно заказанный для этого случая, и баталіонъ тифлисцевъ от-

---

¹⁾ Письмо графа Симонича къ барону Розену 13 августа 1836 года. Графъ Симоничъ—извѣстный герой войнъ Паскевича въ Персіи и Турціи, командовалъ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, былъ жестоко раненъ подъ Елисаветполемъ, получилъ Георгіевскій крестъ и затѣмъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ минувшаго вѣка назначенъ полномочнымъ министромъ при тегеранскомъ дворѣ.

далъ покойному воинскую честь. Тихо и величественно началось траурное шествіе, направляясь при звукахъ похороннаго марша къ Нахичевани.

Никогда еще окрестнымъ магометанамъ не приводилось видѣть подобные пышные похороны. Черныя дроги, везомыя шестью воронными лошадьми, укутанными съ головы до ногъ черными попонами, люди въ необычайныхъ траурныхъ мантияхъ и шляпахъ, ведущіе лошадей подъ уздцы, длинный рядъ факельщиковъ по обѣ стороны гроба, роскошно убранный балдахинъ, войска, идущія съ опущеннымъ долу оружіемъ, рыдающіе звуки музыки,—все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе. Кромѣ русскихъ священниковъ, на встрѣчу покойнаго вышло все армянское духовенство, во главѣ съ епископомъ Парсехомъ и присоединилось къ процессіи.

Второго мая шествіе приблизилось къ нахичеванскому мосту черезъ рѣчку Аланджа-чай и остановилось. Здѣсь отслужена была короткая литія, и весь городъ, отъ мала до велика, сопровождалъ гробъ Грибоѣдова, несомый на рукахъ офицерами, до самой армянской церкви, стоявшей на площади.

Около храма густыя толпы народа тѣснились всю ночь и трогательно было видѣть, говорить очевидецъ,¹⁾ то живое участіе, которое принимали рѣшительно всѣ въ злополучной участи покойнаго министра.

На слѣдующій день, 3-го мая, отслужена была божественная литургія и панихида, по окончаніи которой епископъ Парсехъ произнесъ прекрасную рѣчь,—и похоронная процессія направилась изъ города; всѣ власти и весь народъ сопровождали ее до второго источника на эриванской дорогѣ, гдѣ гробъ сняли съ колесницы и повезли дальше уже на простой грузинской арбѣ, такъ какъ горная дорога не допускала колеснаго движенія. Поручикъ Макаровъ, со взводомъ Тифлискаго полка, назначенъ былъ сопровождать гробъ до Тифлиса.

17-го іюня тѣло Грибоѣдова прибыло наконецъ къ столицѣ Грузіи и съ печальною торжественностью перевезено въ Сіонскій

---

¹⁾ Изъ письма Амбургера къ Паскевичу отъ 16-го апрѣля 1829 года

соборъ. Сумракъ вечера, озаряемый факелами, крыши, сплошь унизанныя плачущими женщинами, величественное пѣніе, толпы на рода за колесницею, войска, выстроенныя шпалерами и наконецъ самое воспоминаніе объ ужасной кончинѣ того, кто приближался къ городу на вѣчное успокоеніе въ немъ,—все это глубоко западало въ душу тѣхъ, кто научился цѣнить покойнаго, какъ государственнаго дѣятеля и какъ великаго русскаго писателя.

На другой день, 18-го іюля, въ присутствіи всей знати и всего населенія города, происходило торжественное отпѣваніе. Экзархъ Грузіи, митрополитъ Іона, едва могшій говорить отъ слезъ, сказалъ трогательное надгробное слово, и затѣмъ тѣло отвезли для погребенія въ обитель святого Давида. Тысячи народа провожали его до самого монастыря.

Всѣ расходы по перевозкѣ тѣла и погребеніи, составившіе сумму около 2500 рублей, государь императоръ повелѣлъ принять на счетъ государственнаго казначейства.

На западной сторонѣ Тифлиса возвышается крутая гора Мтацминда, по которой въ прихотливыхъ зигзагахъ вьется, подобно лентѣ, узкая тропа для пѣшеходовъ. На одномъ изъ уступовъ этой горы, на половинѣ ея высоты, виднѣется святая обитель съ ея готическою церковью, точно гнѣздо ласточки, прилѣпленное къ скалѣ. Этотъ уголокъ любилъ Грибоѣдовъ и называлъ его „поэтической принадлежностью Тифлиса“. Оттуда, какъ на ладони, виденъ весь городъ, раскинувшійся внизу, и быстрая Кура, и синѣющія вдали горы Кахетіи. Здѣсь, передъ величавою картиною природы, покоится прахъ Грибоѣдова подъ тяжелыми сводами каменнаго грота, имѣющаго видъ красивой часовни. Внутри грота—бронзовый памятникъ. На возвышенномъ пьедесталѣ поставлена прекрасная статуя, работы знаменитаго художника Компіони, изображающая женщину, склонившуюся на колѣни передъ гробовой урной у подножія креста. Въ позѣ молящейся такъ много граціи, такъ живо выражена въ ней глубокая скорбь, что вы не только любуетесь ею, какъ высшимъ проявленіемъ искусства, но вы сочувствуете ей, какъ существу живому. У ногъ колѣно-

преклоненной съ одной стороны крестъ и евангеліе—символы страданія и вѣры; съ другой—раскрытая книга, на корешкѣ которой короткая надпись: „Горе отъ ума“. На лицевой сторонѣ пьедестала барельефомъ сдѣланъ портретъ покойнаго писателя, а подъ нимъ начертано золотыми буквами:

„Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Родился 1795 года января 4-го. Убитъ въ Тегеранѣ 1829 года января 30.“

На другой сторонѣ пьедестала надпись: „Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя.?“

Прошло 28 лѣтъ, подъ тѣмъ же камнемъ, гдѣ покоятся останки творца безсмертной комедіи, рядомъ съ нимъ похоронили и супругу его Нину Александровну. Вѣрная своей первой любви, она осталась вдовой до самой смерти, послѣдовавшей лѣтомъ 1857 году, на 46 году ея прекрасной жизни.

Въ заключеніе скажемъ, что извѣстіе о смерти Грибоѣдова пришло въ Петербургъ 4-го марта 1829 года, т е., по странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ самый день, когда за годъ передъ тѣмъ онъ прибылъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о славномъ туркменчайскомъ мирѣ. Относительно политическихъ видовъ государя по поводу этого событія мы будемъ говорить дальше, а теперь отмѣтимъ только, что императоръ Николай Павловичъ принялъ живѣйшее участіе въ его осиротѣвшей семьѣ, лишившейся всего состоянія, такъ какъ наличныя деньги и банковые билеты, принадлежавшіе Грибоѣдову на сумму 60 тысячъ рублей, были разграблены персіянами. „Государь императоръ,—писалъ графъ Нессельроде Паскевичу,¹⁾—сохраняя глубокое чувство сожалѣнія о преждевременной и бѣдственной смерти министра нашего въ Персіи, Грибоѣдова, изволить принимать тѣмъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его вдовы, столь рано и столь ужаснымъ образомъ лишенной своего супруга. Побуждаемый таковыми милосердными чувствами, Его Величество желалъ-бы найти средства облегчить горестную участь г-жи Грибоѣдовой, сколько сіе возможно. Вслѣдствіе этого я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой почтить

меня извѣщеніемъ о томъ, какія Монаршія щедроты находили бы вы приличными настоящему положенію г-жи Грибоѣдовой.“¹⁾

Въ отвѣтъ своемъ Паскевичъ указалъ, что, кромѣ вдовы, осталась еще мать Грибоѣдова, „которой покойный министръ удѣлялъ часть своего жалованья, и которая со смертью его, лишившись и сей малой помощи, остается при болѣзненности и старости безъ всякихъ средствъ къ жизни.“²⁾ По полученіи этого отвѣта императоръ Николай I соизволилъ назначить вдовѣ и матери Грибоѣдовой по 30 тысячъ рублей единовременно и по пяти тысячъ ежегодной пенсіи.³⁾

Этимъ мы закончимъ печальную исторію Грибоѣдова и перейдемъ опять къ прерванному разсказу о военныхъ событіяхъ, происходившихъ тогда на Кавказѣ.

---

¹⁾ Письмо графа Нессельроде графу Паскевичу 6-го апрѣля 1829 года.

²⁾ Отвѣтъ Паскевича графу Нессельроде 15-го мая 1829 года.

³⁾ Описаніе посольства Грибоѣдова, смерть его и погребеніе заимствованы изъ акт. Кав. Арх. Ком. т. VII и подробнаго изслѣдованія объ этихъ событіяхъ А Берже, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 года, т. VI.

Глава XII.

Волненія вызванныя въ Закавказьи извѣстіемъ о смерти Грибоѣдова.—Народный бунтъ въ Грузіи и мѣры, принятыя Паскевичемъ къ его усмирению.—Персидскія дѣла.—Мнѣнія Паскевича объ участіи въ нихъ англичанъ. Двудичное поведеніе Персіи.—Прекращеніе съ ней дипломатическихъ сношеній.—Затруднительное положеніе Паскевича, въ виду возможности персидской войны.

Въ самый тяжелый моментъ зимнихъ событій 1829 года, когда одновременно съ тѣмъ, русскій гарнизонъ въ Ахалцыхѣ былъ осажденъ Ахметъ-бекомъ, Гурія ожидала вторженія трапезондскаго паши, а въ Эрзерумѣ собирались огромныя турецкія силы,—въ этотъ самый моментъ весь Тифлисъ былъ пораженъ страшною вѣстью, что русская миссія истреблена въ Тегеранѣ. Впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что никто не ожидалъ подобной катастрофы, такъ какъ отношенія между Персіей и Россіей были, повидимому, самыя дружественныя. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Паскевичъ въ торжественной аудіенціи принималъ у себя персидскаго посланника, Мирза-Салеха, привезшаго ему брилліантовый орденъ Льва и Солнца первой степени, какъ знакъ особаго благоволенія Фетхъ-Али-шаха. И самъ Мирза-Салехъ, оставившій Тегеранъ среди невозмутимаго спокойствія, теперь, не менѣе другихъ, былъ пораженъ кровавымъ происшествіемъ, совершившимся среди глубокаго мира, въ столицѣ шаха, который изъ своего дворца не могъ не слышать шумъ, смятеніе и вопли избиваемыхъ жертвъ. Гибель посольства дружественной націи на глазахъ властей, которыя, по всѣмъ международнымъ обычаямъ и законамъ, обязаны были его защищать, являлась такимъ событіемъ, бѣдственнымъ послѣдствіемъ котораго въ ту минуту трудно было даже предвидѣть.

Какъ всегда, внезапное стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ немедленно отразилось и на внутреннемъ состояніи Закавказья, встревоживъ и поколебавъ умы легковѣрнаго населенія. Повсюду возникли толки, что Грибоѣдовъ казнень по приказанію шаха, что персіяне сами открыли военныя дѣйствія и вторглись уже въ Талышинское ханство, что Наги-ханъ съ карапахами и курдами намѣревается напасть на Эривань, и что страшный христіанамъ сардаръ Гассанъ-ханъ скоро прибудетъ въ Макку, чтобы лично организовать и напразлить набѣги на Армянскую область. Среди пограничныхъ жителей поднялась тревога. Нѣскольکو армянскихъ деревень бѣжали за Араксъ. Въ самой Эривани многіе горожане зарывали въ землю свое имущество, и сами укрывались въ горы. Въ мусульманскихъ провинціяхъ всюду замѣчалось безпокойное броженіе умовъ. Въ Шеки и Карабагъ волненіе росло съ каждымъ днемъ и тоже, хотя въ меньшемъ стѣдѣ, повторялось и въ Ширвани. Даже нашъ 3-й конно-мусульманскій полкъ, уже стоявшій на р. Акстафѣ и готовый къ походу, не видя другихъ татарскихъ полковъ, снаряжавшихся теперь неохотно и медленно, обнаружилъ стремленіе разойтись по домамъ. Джарскіе лезгины, еще такъ недавно предлагавшіе Паскевичу поставить отборныхъ всадниковъ, теперь не только уклонялись отъ своего обѣщанія, но разбойничьи партіи ихъ стали показываться на Алазани. Курды прервали переговоры и ждали, что будетъ.

Даже православная Грузія не осталась чужда этому общему глухому движенію. Злонамѣренные люди пустили слухъ, что грузинскій царевичъ Александръ взялъ Ахалцыхъ и идетъ на Карталинію. Зачѣмъ Александру понадобился Ахалцыхъ, паденіе котораго торжествовала вся Грузія,—объ этомъ никто не спрашивалъ. Достаточно, что слухъ былъ пущенъ, и жители, одни изъ тайнаго сочувствія къ царевичу, другіе изъ страха междоусобной войны, кровавымъ призракомъ встававшей предъ глазами грузинъ,—начинали волноваться. Появись царевичъ, и громадное большинство народа, конечно, никогда бы къ нему не пристало, какъ не пристало даже въ болѣе смутное время, когда, готовясь вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, онъ шелъ въ Аллавердскій монас-

тырь, призывая грузинъ подъ свои знамена; но одно имя царевича въ данную минуту могло служить опаснымъ орудіемъ въ рукахъ даже ничтожной численностью партіи. Тревожныя вѣсти шли со всѣхъ сторонъ и Паскевичу прежде всего пришлось обратить свою дѣятельность на внутреннее успокоеніе Закавказья. По его предложенію знаменитый проповѣдникъ Ага-Миръ-Фетъ-Сеидъ, нѣкогда муштехидъ Тавриза, а въ то время глава Закавказскаго духовенства алліевой секты, — объѣхалъ всѣ мусульманскія провинціи и личнымъ вліяніемъ, совѣтами и поученіями въ мечетяхъ много способствовалъ къ успокоенію пылкихъ азіатскихъ умовъ. По крайней мѣрѣ, послѣ его рѣчей, формированіе полковъ въ Шеки и Карабагъ пошло гораздо успѣшнѣе.

Но въ то время, какъ волненіе въ мусульманскихъ провинціяхъ стало затихать, оно вдругъ еще съ большею силою вспыхнуло въ самой Грузіи. Озабоченный политическими дѣлами, Паскевичъ не могъ услѣдить за колеблющеюся волной броженія и случайною мѣрою самъ далъ поводъ къ взрыву. Нужно припомнить, что, когда Паскевичъ вернулся въ Тифлисъ, окруженный ореоломъ побѣды, и ликовавшій городъ въ его лицѣ привѣтствовалъ паденіе ахалцыхскихъ твердынь, стоявшихъ вѣчно черною бѣдою у воротъ Иверіи, грузинскіе князья и дворяне, подъ впечатлѣніемъ этой минуты, просили у него позволенія выставить ополченіе. Паскевичъ отклонилъ тогда просьбу дворянъ. „Грузинская милиція, сказалъ онъ губернскому маршалу, будетъ собрана только тогда, когда потребуется въ ней настоящая надобность“.

И вотъ, теперь, когда надобность эта наступила, когда разрывъ съ Персіей сдѣлался почти неизбеженъ, и Закавказью грозило вторженіе двухъ сильныхъ сосѣднихъ державъ, графъ Паскевичъ издалъ прокламацію, призывавшую грузинъ стать на защиту родного края. 28-го февраля онъ пригласилъ къ себѣ губернскаго маршала со всѣми уѣздными предводителями дворянства и лично объявилъ имъ о созывѣ милиціи. Повидимому всѣ приняли предложеніе сочувственно, и тутъ же было рѣшено образовать изъ грузинъ и армянъ 10 пѣшихъ дружинъ, рассчитывая по одному милиціонеру съ каждыя пяти домовъ или семействъ,

Къ несчастью, эта мѣра не только не принесла ожидаемой пользы, но породила массу хлопотъ и вызвала даже серьезные безпорядки въ Грузіи. Казенная шаблонность, съ которой составлялась инструкція о призывѣ милиціи, желаніе все въ ней опредѣлить и предусмотрѣть, не соображаясь ни съ духомъ, ни съ историческою жизнью народа, послужила первымъ поводомъ къ недоумѣніямъ между народомъ и правительствомъ. Довѣріе темной массы было подорвано и создало убѣжденіе, что собирается не временная милиція,—а постоянные солдаты.

Дѣйствительно, пресловутая инструкція съ такою педантическою точностью опредѣляла ростъ и сложеніе милиціонера, перечисляла всѣ физическіе недостатки, съ которыми нельзя было принимать въ ополченіе и такъ пунктуально указывала предметы и размѣры походнаго снаряженія и даже оружія, что всецѣло являлась сколкомъ съ настоящаго устава о рекрутскомъ наборѣ. Правила эти, кромѣ страха передъ солдатчиною, оскорбляли грузинъ еще и въ ихъ народной гордости. Жилъ въ это время въ Кахетіи, недалеко отъ города Сигнаха, одинъ дворянинъ, по имени Доія; онъ былъ хромъ и плохо владѣлъ одною ногою, но, не смотря на этотъ физическій недостатокъ, слылъ грозою лезгинъ, и на конѣ одинъ управлялся съ нѣсколькими горцами. Сердце его не знало трепета; ружье и пистолеть, какъ заговоренные, не давали ни промаха, ни осѣчки, а его старый „калдынъ“ сокрушалъ все, что попадало подъ его широкое лезвіе¹⁾. Такъ говорили о немъ его современники. Каждый грузинскій подростокъ зналъ въ то время имя Доія; но еще крѣпче, чѣмъ въ Грузіи, знали его въ горахъ Дагестана и въ дикомъ Анцухѣ, и въ вольномъ Ункратлѣ, и даже въ суровой Осетіи.

„Неужели же — спрашивали озадаченные грузины — нашъ Доія, сабля котораго разсѣкаетъ пополамъ двухъ человѣкъ, не можетъ служить отечеству только потому, что онъ хромъ“. И отсю-

---

¹⁾ Калдынъ—особый родъ шашекъ съ широкимъ лезвіемъ, на которомъ съ одной стороны изображена правильная фигура бѣгущаго волка, а съ другой—изъ красной мѣди кругъ и надъ нимъ крестъ. Происхожденіе этихъ клинковъ относятъ къ XV вѣку, когда ихъ начали выдѣлывать въ Генуѣ и южной Германіи.

да шель выводъ — значитъ русскимъ нужны не храбрые люди, не милиціонеры, „джарисъ-каци“, а простые солдаты-сарбазы.

Еще болѣе утверждало народъ въ его убѣжденіи то обстоятельство, что вмѣстѣ съ грузинами призывались на службу и армяне, чего при грузинскихъ царяхъ никогда не бывало. Грузины всегда были тавады (рыцари); армяне мокалаки, купцы, и роль ихъ въ дѣлѣ спасенія отечества, въ дни тяжкихъ испытаній, всегда сводилась къ крупнымъ и щедрымъ пожертвованіямъ. Грузины расходовали кровь, армяне деньги,—и въ общемъ сочетаніи получалась та сила, которая позволяла слабой Иверіи держаться много вѣковъ подъ молотомъ двухъ магометанскихъ державъ. Желаніе Паскевича привлечь на службу армянъ, собственно говоря, было естественно; но оно нарушало вѣковые обычаи грузинъ и потому требовало хотя нѣкоторой подготовки умовъ.

Между тѣмъ всѣ ссылались только на счастливый опытъ 1827 года, когда вмѣстѣ съ Паскевичемъ вышла изъ Тифлиса конная армянская дружина; но всѣ забывали, что этотъ случай былъ исключительный, и что дружина шла тогда на великое дѣло—освобожденія своего первопрестольнаго монастыря Эчміадзина изъ-подъ вѣкового владычества магометанъ.

Теперь обстоятельства были другія. Грузины и армяне призывались къ знаменамъ для одного общаго дѣла,—для защиты Грузіи,—и распоряженіе это не могло не поразить своею новизною. Какъ всякая новизна, она и вкривь, и вкось обсуждалась людьми, незнакомыми съ дѣломъ и порождала все тѣ же зловѣщіе слухи о рекрутскомъ наборѣ. И вотъ, едва раздался первый офиціаль- ный призывъ русскаго правительства, какъ въ самомъ Тифлисѣ начались безпорядки, скоро принявшіе характеръ довольно опаснаго волненія. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

9-го марта тифлисскіе почетные граждане, купцы, мѣщане и ремесленники собрались на площади, называвшейся въ то время „Кхабахъ“. Теперь этой площади уже нѣтъ; она застроилась каменными домами и на ней разбита нижняя часть Александровскаго сада; но тогда это былъ обширный пустырь, служившій излюбленнымъ мѣстомъ для конныхъ ристалищъ и народныхъ схо-

докъ. Здѣсь полицеймейстеръ и объявилъ народу о созывѣ милиціи; но въ толпѣ давно уже шныряло много злонамѣренныхъ людей, и они то первые начали кричать, что собирается не джарискаци (милиція), а постоянное войско. Растерявшійся полицеймейстеръ тотчасъ донесъ о безпорядкахъ военному губернатору. Нѣсколько человѣкъ были арестованы; шумъ сдѣлался общимъ. Народъ устремился къ полицейскому дому, гдѣ составлялись поименные списки милиціонеровъ, угрожая разнести его и выпустить арестованныхъ. На площадь потребованы были войска, явился самъ военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Стрекаловъ, произведено было еще нѣсколько арестовъ,—и только съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, разсѣять толпы и очистить площадь.

Былъ уже вечеръ, когда городскіе жители разошлись по домамъ, а крестьяне возвратились въ деревни и принесли съ собою вѣсть о событіяхъ въ Тифлисѣ. И здѣсь, и тамъ собирались всю ночь большія и малыя сходки, стараясь объяснить себѣ все тотъ же загадочный смыслъ инструкціи. Утромъ 10-го марта толпы крестьянъ, собравшихся въ деревнѣ Коды (имѣніе князей Орбеліани), двинулись къ Тифлису. Но близъ авлабарскаго моста ихъ встрѣтили войска и заставили разойтись по домамъ.

Между тѣмъ въ Тифлисѣ, въ это самое утро, во всѣхъ церквахъ священники читали и разъясняли народу, что опасенія его не имѣютъ никакого основанія, что ополченіе собирается временное, на шесть мѣсяцевъ и по истеченіи этого срока будетъ распущено. Нашлись благоразумные люди, которые сумѣли объяснить народу истинный смыслъ правительственнаго распоряженія, и Тифлисъ мало-по-малу успокоился.

Но одновременно съ тѣмъ безпорядки и сопротивленіе народа широкимъ потокомъ разлились по всѣмъ уѣздамъ и дистанціямъ Грузіи, вызывая повсюду однѣ и тѣ же явленія. Цѣлыя селенія Горійскаго, Тифлискаго, Телавскаго и даже Елисаветпольскаго уѣздовъ рѣшительно объявили, что готовы защищать край поголовно, но не дадутъ милиціи и не пойдутъ за границу. Народъ уже былъ убѣжденъ, что выведенное изъ края ополченіе будетъ обращено въ солдаты и не вернется домой. Жители повсюду соби-

рали сходки и, заставляя другъ друга давать взаимныя клятвы въ томъ, чтобы не подчиняться требованіямъ правительства, употребляли при этомъ, какъ при таинствѣ евхаристіи, хлѣбъ и вино. Послѣднее указывало нѣкоторымъ образомъ на тайное участіе здѣсь духовенства и невольно наводило Паскевича на мысль, не присутствуетъ ли во всѣхъ безпорядкахъ невидимая рука царевича Александра. Замѣчено было, что безпорядки открывались прежде всего въ городахъ и въ одно почти время возникли въ Тифлисѣ, Телавѣ и Елисаветполѣ, когда жители двухъ послѣднихъ городовъ не могли еще знать, что происходило въ первомъ. Могло казаться дѣйствительно, что попытка вызвать въ народѣ мятежъ была результатомъ заранѣе обдуманнаго плана, при чемъ рекрутчина служила только предлогомъ, за которымъ скрывались интересы чисто грузинскаго, династическаго свойства.

Такъ или иначе, сознательно или безсознательно дѣйствовала масса темнаго люда, но безпристрастное изслѣдованіе этихъ событій показываетъ, что началомъ безпорядка вездѣ служило бездѣйствіе и оплошность тѣхъ властей, коимъ надлежало вѣдать этими темными массами.

Одновременно съ объявленіемъ о призывѣ милиціи въ Тифлисѣ, тоже самое было сдѣлано въ Телавѣ окружнымъ начальникомъ полковникомъ Бахманомъ. Онъ собралъ народъ, передалъ ему волю главнокомандующаго, а затѣмъ, не сказавъ ни слова о томъ, что болѣе всего могло интересовать населеніе въ данную минуту, — уѣхалъ изъ города. Жители остались въ совершенномъ недоумѣніи. Теперь уже не къ кому было обратиться за разъясненіемъ, почему именно милиціонеръ долженъ быть такого то, а не другого роста? Почему Доія, гордость цѣлой Кахетіи, не можетъ защищать отечества? Зачѣмъ потребовались одинаковыя походныя суммы? Почему нельзя выйти съ дѣдовскою саблей? и проч. и проч. А тутъ прибавилось и еще одно обстоятельство: жители по стародавнему обычаю желали служить на коняхъ, а имъ объявлено, чтобы они выходили пѣшими. Для разъясненія то этихъ вопросовъ толпы народа и повалили въ имѣніе уѣзднаго предводителя дворянства князя Челокаева. Движеніе массой и желаніе служить на коняхъ

сочтено было за явное противодѣйствіе волѣ начальства, и тѣ, кто болѣе другихъ разговаривалъ, были арестованы. Толпа вернулась назадъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Почва была подготовлена; умы являлись теперь способными принять всякій слухъ за истину и злонамѣреннымъ людямъ уже не трудно было бросить въ этотъ порохъ искру, чтобы вызвать взрывъ. Весь Телавскій уѣздъ поднялся поголовно, и жители, собравшись въ дер. Сагореджіо, присягали въ церкви святого Іакова стоять и не выдавать другъ друга. Безпорядки приняли серьезные размѣры. Нѣсколько грузинскихъ дворянъ, пытавшихся образумить народъ, были избиты разъяренною чернью, угрожавшей даже сжечь ихъ дома и истребить сады,—мѣра, употребляемая только противъ народныхъ измѣнниковъ. До этого, правда, не дошло, но народъ по стародавнему обычаю насыпалъ на площади груды камней, „памятникъ проклятій“, по грузински „часоколави“, показывая тѣмъ, что люди, идущіе противъ народной воли, достойны быть побиты камнями. Высшей мѣры ненависти народной нельзя было придумать.

Еще оплошнѣе полковника Бахмана, распорядился въ этомъ случаѣ елисаветпольскій окружной начальникъ, подполковникъ Беренсъ. Онъ самъ обнародовалъ въ уѣздѣ объ истребленіи персіянами русскаго посольства, о вторженіи Талышинскаго хана, о движеніи среди татаръ, замѣченномъ въ сосѣднихъ дистанціяхъ, объ опасности нападенія, которое грозило самому Елисаветполю. Все это поселило страшное смятеніе въ жителяхъ, и когда опасенія за самихъ себя достигли уже крайней степени,—пришлось объявить о сборѣ милиціи. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ армяне заявили, что считаютъ невозможнымъ отправить лучшихъ своихъ людей въ походъ и требовали, чтобы милиція осталась для защиты ихъ собственныхъ домовъ.

Насколько личность окружного начальника могла въ этихъ случаяхъ благотворно вліять на массы народа, служить доказательствомъ сосѣдній Сигнахскій уѣздъ, гдѣ милиція собралась безъ всякихъ затрудненій и тотчасъ заняла кордонную линію по Алазани. Успѣшно шелъ нѣкоторое время сборъ милиціи и въ Горійскомъ уѣздѣ. Собранные ратники уже выступили въ походъ, когда

среди нихъ въ дер. Карели появились какія-то двѣ загадочныя личности. Оба они, воспользовавшись отсутствіемъ начальниковъ, обратились къ милиціонерамъ съ увѣщаніемъ не отставать отъ общаго движенія и не покидать своихъ земляковъ. Внезапное появленіе этихъ людей и совершеніе ими какого то невѣдомаго, а потому и страшнаго таинства надъ хлѣбомъ и виномъ, подобно тому какъ это бываетъ въ церквахъ при богослуженіи, поразили милиціонеровъ суевѣрнымъ ужасомъ. Собранная дружина повернула назадъ и разошлась по домамъ.

Легкость, съ которою пропагандистамъ удалось произвести возмущеніе въ Карели, служила плохимъ ручательствомъ за удержаніе въ уѣздѣ порядка. И дѣйствительно, вслѣдъ за происшествіемъ въ Карели, поднялась деревня Катесхеви, гдѣ во главѣ движенія стали сами помѣщики, князь Давидъ Циціановъ и отставной маіоръ Тархановъ, требовавшіе даже убійства грузинскихъ князей и исправника, пріѣхавшихъ собирать милицію. Изъ Катесхеви волненіе перешло на сосѣдніе Ахалкалаки; но здѣсь все дѣло кончилось только поголовнымъ пьянствомъ. Старшины наложили на несогласниковъ штрафъ, по тунгѣ вина съ человѣка, а когда всѣ перепились, внезапно явился исправникъ съ своими есаулами и произвелъ поголовную экзекуцію. „По совершеніи ея народъ—какъ выражается донесеніе—пришелъ въ совершенное раскаяніе“.¹⁾

Такимъ образомъ, волненіе, начавшееся въ Тифлисѣ, обошло половину Кахетіи и затѣмъ, спустившись по правому берегу Куры, приблизилось опять къ Тифлису. Здѣсь оно обнаружилось съ особенною силою въ дер. Коды, жители которой разослали отъ себя гонцовъ въ сосѣднія деревни и подняли весь Тифлисскій уѣздъ. 14 селеній пристало къ мятежникамъ, и вооруженная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ двинулась къ Тифлису требовать отмѣны милиціи. Въ то же время такая же толпа приближалась со стороны Катесхеви и остановилась близъ Дигомскаго поля, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ верійскаго предмѣстья.

¹⁾ Акты Кав. арх. ком. т. 7, ст. 287. Докладная записка Стрекалова отъ 4-го ноября 1829 года № 125.

Приближенные Паскевича, зная его рѣшимость въ подобныхъ дѣлахъ, ожидали, что весь вопросъ будетъ рѣшенъ картечью и штыками. Но Паскевичъ хладнокровно принялъ извѣстіе о подступившихъ толпахъ и только не велѣлъ впускать ихъ въ городъ. Тогда губернскій маршалъ, князь Багратіонъ-Мухранскій, самъ поѣхалъ на Дигомское поле, гдѣ стояли катесхевцы и убѣдилъ ихъ вернуться назадъ. Въ то же время тифлисскіе горожане, опасаясь новыхъ безпорядковъ въ городѣ, вышли за авлабарскій мостъ и тѣмъ заставили крестьянъ разсѣяться, «впрочемъ—какъ говорить Паскевичъ—безъ всякой драки и буйства».

При всей пылкости своего характера, не терпѣвшаго прекословій, Паскевичъ принялся за изслѣдованіе этого дѣла съ крайнею осмотрительностью. Онъ видѣлъ, что народъ обмануть и, желая подѣйствовать на его самолюбіе, обнародовалъ слѣдующую прокламацію.

„Злонамѣренные и гнусные люди—писалъ онъ разсѣиваютъ между народомъ вредные и нелѣпые слухи, они говорятъ: будто требуютъ отъ грузинъ солдатъ. Такого намѣренія вовсе не было—ваши солдаты не нужны. Изъ объявленій, всюду разосланныхъ, ясно видно, что отъ васъ назначены милиціонеры, т. е. джарисъ-каци, которые будутъ служить въ теченіи нынѣшняго лѣта шесть мѣсяцевъ. Храбрые воины Всемиловѣйшаго Государя моего, удивившіе знаменитыми побѣдами враговъ вашихъ, васъ прежде порабошавшихъ, выйдутъ за границу. А вамъ неужели тягостно внутри Грузіи охранять порядокъ, спокойствіе и стараться не впускать чумной заразы для блага собственныхъ вашихъ семействъ.

„Грузины! вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками служили татары, подданные нашего Императора, и я былъ признателенъ имъ за ихъ усердіе, къ которому они и теперь стремятся. Нынѣ получено мною извѣстіе, что и гурійцы участвовали въ славной побѣдѣ, одержанной нашими войсками, надъ турецкимъ сераскиромъ, у котораго взять весь лагерь. Гурійцы храбро сражались съ непріателемъ; на васъ же будетъ лежать самая простая обязанность—охрана собственныхъ вашихъ домовъ и семействъ отъ чумы и разбойниковъ“.

Прокламація эта оказала успокоительное дѣйствіе. Явные безпорядки окончились, волненія улеглись; но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ могла таиться цѣлая буря и собирать милицію при такихъ условіяхъ Паскевичъ призналъ неудобнымъ. Онъ обнародовалъ, что непріятель отбитъ отъ Ахалцыха, что въ Гуріи турки разбиты, а потому и сборъ грузинской милиціи откладывается, чтобы жители до наступленія военныхъ дѣйствій свободно могли заняться своими работами.

Такъ мягко и чрезвычайно политично обошелъ Паскевичъ острый вопросъ о сборѣ милиціи въ офиціальномъ обращеніи къ народу; но очевидно, что мотивы отказа прикрывали только то недовѣріе, которое зародилось въ немъ къ грузинамъ, и которое сказалось въ письмѣ его къ начальнику главнаго штаба по поводу послѣднихъ событій.

Сославшись въ письмѣ графу Чернышеву на факты изъ войнъ 1826—1827 годовъ, которые, по мнѣнію Паскевича, показали какъ мало можно было полагаться на завѣреніе дворянъ о готовности ихъ служить въ полѣ,—онъ, переходя затѣмъ къ событіямъ дня, писалъ: „Дворяне и князья грузинскіе оказались ниже своей задачи. Тѣ, которые сами просили о сборѣ ополченія, теперь дѣйствовали безъ усердія и искренности. Изъ значительныхъ имѣній самого губернскаго маршала не было выставлено ни одного ратника. Крестьяне вліятельныхъ грузинскихъ князей, имѣнія которыхъ занимаютъ всю Сомхетію, первые оказали неповиновеніе,—и владѣтели не заявили большаго желанія и готовности успокоить своихъ крестьянъ“. Паскевичъ приходилъ къ заключенію, что въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ края, „должно было надѣяться только на одну храбрость русскаго солдата“.¹⁾

Слѣдствіе, произведенное военнымъ губернаторомъ Тифлиса генераль-адъютантомъ Стрекаловымъ для раскрытія сокровенныхъ пружинъ, двигавшихъ неповиновеніемъ народа, ничего не выяснило; онъ даже пришелъ къ убѣжденію, что ничего политическаго, серьезнаго во всемъ этомъ дѣлѣ не было. Сами жители показы-

---

¹⁾ Письмо Паскевича графу Чернышеву 6-го апрѣля 1829 года № 10. Акт Кавк. арх. ком. т. VI, ст. 284.

вали, что причиной смутъ были ихъ же помѣщики, и что князья Орбеліани, встрѣтивъ жителей Кодъ на авлабарскомъ мосту, когда они въ первый разъ подходили къ Тифлису, вернули ихъ назадъ, говоря, что въ Тифлисѣ войска берутъ рекрутъ и затѣмъ подстрекнули ихъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Ни одинъ изъ этихъ князей не былъ допрошенъ. Стрекаловъ опасался, что допросы ихъ произведутъ неблагопріятное впечатлѣніе на значительное число княжескихъ фамилій въ Грузіи, связанныхъ съ ними тѣсными узами родства и въ своемъ докладѣ Паскевичу указываетъ, какъ на тайную подкладку этого дѣла, на фамильную вражду разныхъ княжескихъ родовъ, изъ которыхъ одни взялись собрать милицію, другіе же пытались создать имъ преграды и затрудненія. Такъ думалъ Стрекаловъ; но Паскевичъ взглянулъ на дѣло иначе, и пять князей Орбеліани: Асланъ, Лаурсабъ, Мамука, Яковъ и Кайхосро, князь Давидъ Циціановъ и помѣщикъ Тархановъ были преданы имъ военному суду.

Неудача при сборѣ милиціи показала Паскевичу, какъ правителю края, какимъ грознымъ призракомъ стоитъ передъ глазами темнаго люда вопросъ о рекрутскомъ наборѣ. И тѣмъ не менѣе, онъ справедливо полагалъ, что жители Грузіи, пользующіеся всѣми преимуществами прочихъ подданныхъ русской имперіи и платящіе сравнительно съ ними ничтожную подать, должны укомплектовывать своими рекрутами, по крайней мѣрѣ, войска, стоящіе на Кавказѣ и назначенныя для охраны ихъ же отечества. „Рекруты эти, писалъ онъ графу Чернышеву¹⁾, родившіеся и выросшіе въ этой странѣ не будутъ подвергаться ни климатическимъ болѣзнямъ, ни губительной смертности и замѣнятъ собою двойное число рекрутъ, присылаемыхъ сюда изъ Россіи“. Но исполненіе этого онъ откладывалъ до окончанія турецкой войны, такъ какъ для побужденія къ тому жителей нужны сильныя мѣры. Таковъ былъ взглядъ Паскевича на современное ему грузинское общество. Но если фактъ малочисленности грузинскихъ милицій во внѣшнихъ войнахъ, о которомъ говорилъ Паскевичъ, остается фактомъ, то

---

¹⁾ Тамъ-же. Всѣ свѣдѣнія относительно возмущенія въ Грузіи заимствованы изъ актовъ Кавк. арх. комиссіи т VII, ст 283, 284, 285, 286, 287, 290, 291 и 292

нужно припомнить, что масса грузинских князей и дворянъ лучшихъ фамилій наполняли тогда ряды русской арміи, и если остальные уклонялись отъ заграничныхъ походовъ, то только потому, какъ они объясняли, что за уходомъ всѣхъ войскъ, некому было бы защищать дома грузинъ, жившихъ въ то время еще подъ угрозой враждебныхъ набѣговъ.

Успокоивъ Закавказье, Паскевичъ могъ наконецъ сосредоточить все свое вниманіе на персидскихъ дѣлахъ, которыя принимали все болѣе и болѣе острый характеръ.

То, что узналъ Паскевичъ изъ донесеній Амбургера объ истребленіи русскаго посольства, казалось ему весьма недостаточнымъ. Онъ справедливо думалъ, что вся тегеранская исторія была обдуманною игрою самаго вѣроломнаго коварства, и что всѣ внѣшніе поводы возмущенія тегеранской черни: исторія съ Якубомъ, женщины и т. п.—были только ширмами, за которыми скрывалась партія явныхъ противниковъ Аббасъ-Мирзы и сильнѣйшая опора враждебныхъ ему братьевъ; замѣшанъ былъ тутъ и Аллаяръ-ханъ, желавшій вовлечь шаха въ войну, чтобы, пользуясь ею въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, низвергнуть съ престола царствующую династію Каджаровъ или отдалить Аббасъ-Мирзу отъ наслѣдства персидскаго престола, въ пользу одного изъ его братьевъ¹⁾.

„При неизвѣстности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можно предположить даже,—писалъ Паскевичъ,—что англичане не были чужды участія въ возмущеніи, хотя можетъ быть и не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій его, ибо они равнодушно смотрѣли на перевѣсъ въ Персіи русскаго министерства и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія“²⁾.

Предположеніе Паскевича объ участіи англичанъ не лишено вѣскаго основанія. Объ этомъ говорили даже въ самой Персіи. Съ тѣхъ поръ, какъ мы перешагнули за главный хребетъ Кавказа, англійская политика, въ интересахъ остъ-индской кампаніи, изъ подъ руки стала поддерживать враждебныя настроенія къ намъ Персіи и въ концѣ-концовъ вовлекла ее въ открытую войну съ

¹⁾ Арх. Шт. Кавк. окр. Письмо Паскевича къ графу Нессельроде 28 февраля 1829 г.

²⁾ Тамъ же

Россіей. Расчеты сенъ-джемскаго кабинета, стремившагося уничтожить транзитную торговлю Европы съ Персіей черезъ наши Закавказскія владѣнія оказались ошибочными. Вынужденное успѣхами русскаго оружія на крайне невыгодный миръ, персидское правительство охладѣло къ своимъ коварнымъ друзьямъ и круто измѣнило свою политику. Этимъ искусно воспользовался Грибоѣдовъ, и, какъ доносилъ Паскевичъ, захватилъ въ свои руки преобладающее вліяніе. При такихъ условіяхъ Англіи приходилось терять слишкомъ много, чтобы примириться съ своею второстепенною ролью, въ которую поставило ее стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ; и естественно, что она должна была пустить въ ходъ свои обычныя интриги. „Если персидское министерство,—писалъ Паскевичъ графу Нессельроде,—знало о готовящемся возмущеніи черни, то несомнѣнно, что это было извѣстно и англійскому посольству, у котораго на откупъ весь Тегеранъ. Странно, что въ кровавый день убійства Грибоѣдова, въ Тегеранъ не было ни одного англичанина, тогда какъ въ другое время они шагъ за шагомъ слѣдятъ за нашими дѣйствіями“.¹⁾

„По ихъ совѣтамъ,—писалъ онъ далѣе,—нашъ консулъ Амбургеръ по смерти Грибоѣдова, покинувъ Тавризь, удалился въ русскіе предѣлы и предоставилъ такимъ образомъ полную возможность англичанамъ вліять уже однимъ и безраздѣльно на Аббасъ-Мирзу и его министровъ; а чтобы поддержать еще болѣе свой престижъ, министръ ихъ Макдональдъ домогался, чтобы Мальцевъ, возвращавшійся тогда изъ Тегерана, въѣхалъ въ Тавризь непременно ночью и остановился въ домѣ англійскаго посольства, дабы показать народу, что русскіе нуждаются въ защитѣ и покровительствѣ англичанъ“. Къ счастью, Мальцевъ проникъ въ ихъ намѣреніе и наотрѣзъ отказался отъ англійскаго гостепріимства.

Даже дальнѣйшее поведеніе ихъ не лишено было нѣкоторыхъ странностей, которыя какъ бы подтверждали эти предположенія. Когда, напримѣръ, тѣло Грибоѣдова привезли въ Тавризь, то никто изъ англичанъ не выѣхалъ къ нему навстрѣчу; по ихъ на-

¹⁾ Князь Щербатовъ. „Фельдмаршалъ князь Паскевичъ.“

стоянію, гробъ не ввезли даже въ самый Тавризъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которую также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ военнаго губернатора Тавриза не было оказано тѣлу покойнаго министра никакихъ почестей; даже не былъ приставленъ почетный караулъ,—и есть поводъ думать, что Аббасъ-Мирза такъ поступилъ въ угодность Макдональду. „Признаюсь, писалъ Мальцевъ, что я такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ. Неужели и въ томъ находитъ онъ пользу для остъ-индской кампаніи, чтобы мстить человѣку даже послѣ его смерти“.)

Все это вмѣстѣ какъ бы подтверждало предположеніе Паскевича объ англійскихъ интригахъ. Правда, желая выразить ужасъ и скорбь по поводу случившейся катастрофы, англійскій министръ Макдональдъ предложилъ всѣмъ великобританскимъ подданнымъ, находившимся въ Персіи, облачиться въ трауръ и даже протестовалъ передъ персидскимъ правительствомъ, говоря, что исторія народовъ не представляетъ примѣра, когда бы миссія дружественной націи погибла среди совершеннаго мира и притомъ въ столицѣ самого государя. Онъ также писалъ Паскевичу, выражая ему глубокое соболѣзнованіе въ этомъ неслыханномъ событіи. „повергшимъ въ скорбь нѣсколько почтенныхъ семействъ, лишившимъ государя слуги даровитаго, ревностнаго и достойнаго, а ваше превосходительство, а равно и меня, любимаго и уважаемаго друга.“¹⁾ Но все это, по словамъ Паскевича, могло быть только простымъ соблюденіемъ внѣшнихъ международныхъ приличій со стороны дипломата, ровно ничего не терявшаго отъ выраженнаго имъ чувства негодованія.

Совсѣмъ иного взгляда и образа дѣйствій держалось наше министерство иностранныхъ дѣлъ, опасавшееся больше всего оскорбить самолюбіе и гордость англійскаго кабинета. Графъ Нессельроде не только не находилъ нужнымъ бороться въ Персіи съ возрастающимъ вліяніемъ англичанъ, но вообще не признавалъ для насъ враждебность образа ихъ дѣйствій на востокъ, и даже скло

---

¹⁾ Смерть Грибоѣдова. Историческое изслѣдованіе Берже. Русская Старина. 1882 г., т. VI.

²⁾ Тамъ же.

ненъ былъ обвинять во всемъ самого Грибоѣдова. „При семъ горестномъ событіи,—писалъ онъ Паскевичу, —Его Величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ и наслѣдникъ персидскаго престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, несоображавшаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями тегеранской черни, которая одна вынудила шаха въ 1826 году начать съ нами войну“... „Я умоляю васъ,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—беречь англичанъ и не вѣрить слухамъ, распускаемымъ про нихъ армянами и другими азіатскими интригами, желающими насъ съ ними поссорить“.¹⁾

Паскевичъ конечно зналъ край и населявшіе его народы гораздо лучше, чѣмъ Нессельроде; но и ему трудно было проникнуть въ двойственную политику персидской державы. Почти не было сомнѣнія, что тегеранскій дворъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Портой, которая употребляла всѣ усилія, чтобы вовлечь Персію въ новую войну съ Россіей. Съ другой стороны, наслѣдный принцъ былъ искренно огорченъ тегеранскимъ происшествіемъ и сожалѣлъ о немъ не менѣе русскихъ.

„Я не знаю, какая злополучная судьба меня преслѣдуетъ,—сказалъ онъ русскому консулу въ минуту полученія этого извѣстія.—Я только что успѣлъ чрезвычайными усиліями и жертвами возстановить дружбу между двумя государствами, какъ это ужасное событіе разрушило все, что мною было сдѣлано. Да будетъ проклятъ Иранъ съ его самовольными жителями! Клянусь передъ вами тѣмъ Богомъ, въ котораго мы оба вѣруемъ,—ибо Богъ одинъ,—что я почелъ бы за счастье возмѣстить пролитую кровь вашей миссіи, кровью своихъ женъ и дѣтей!...“

На замѣчаніе консула, что главную причину несчастья нужно искать въ слабости шаха, принцъ съ горестью замѣтилъ: „Что мнѣ сказать вамъ? Бранить шаха не смѣю, а молчать о слабости его не могу. И это шахъ! Сидитъ въ гаремѣ и не выходитъ даже тогда, когда необходимо привести въ повиновеніе подданныхъ. Я не знаю куда мнѣ дѣваться отъ стыда и позора!...“

¹⁾ Фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Соч. князя ИЦербатова.

Слова эти были сказаны съ несомнѣнною искренностью. Но вслѣдъ затѣмъ, какъ только Амбургеръ покинулъ Тавризъ, на него начинается пріобрѣтать вліяніе партія войны, и Аббасъ-Мирза, подъ давленіемъ совѣтовъ Макдональда, обнаруживаетъ стремленіе къ обычнымъ изворотамъ восточной политики. Весь дворъ его облеченъ въ глубокой трауръ, долженствующій выразить тяжкую скорбь о случившемся, а въ Азербейджанѣ усиленно собираются войска, и услужливая Англія уже везетъ изъ Индіи цѣлые транспорты оружія. Со словами мира на языкѣ, персидское правительство укрѣпляетъ Дарадиское ущелье, на пути къ Джульфѣ, а по дорогамъ отъ Маранды и Хоя, какъ бы въ оправданіе слуховъ, ходившихъ по Грузіи, показываются разѣзды Али-хана макинскаго, и приходятъ извѣстія, что эти войска только передовой отрядъ одного изъ шахскихъ сыновей, который идетъ къ Тавризу съ 50-ти тысячнымъ корпусомъ.

Въ ханствѣ Талышинскомъ военныя дѣйствія персіянъ уже начались фактически вторженіемъ Миръ-Хассанъ-хана. 25-го февраля онъ атаковалъ въ Астарѣ небольшую русскую команду, которая, несмотря на всю нечаянность нападенія, мужественно отстрѣливалась, пока другая команда подоспѣла на выручку,—и тогда соединенными силами Миръ-Хассанъ-ханъ былъ прогнанъ за границу. Несмотря на его отступление, генералъ маіоръ Ралль, командовавшій войсками въ Талышинскомъ ханствѣ, долженъ былъ стянуть къ Ленкорани всѣ свои силы, такъ какъ получилъ свѣдѣніе, что на помощь къ хану идутъ персіяне, и на Гермійскій постъ прибыло уже значительное количество сарбазовъ; въ тоже время Мустафа-ханъ ширванскій появился на границахъ Муганской степи и имѣлъ совѣщаніе съ нѣкоторыми беками. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ трудно было не видѣть простого повторенія того, что было въ минувшемъ году, когда Миръ-Хассанъ-ханъ также напалъ на Талыши съ тѣмъ, чтобы разорить свое бывшее ханство и перегнать его жителей въ персидскія владѣнія. Тогда Аббасъ-Мирза хотѣлъ понудить этимъ Паскевича уступить ему Талыши, какъ разоренную и уже необитаемую область. Но ханъ превысилъ въ то время данную ему инструкцію и предался въ странѣ такимъ неистов-

ствамъ, что персидскія пограничныя власти сами испугались за послѣдствія и послали войска, чтобы заставить его отойти отъ русской границы. Теперь, предпринимая точно такой же походъ, Миръ-Хассанъ-ханъ очевидно не рискнулъ бы дѣйствовать безъ разрѣшенія наслѣднаго принца, и нашъ консулъ Амбургеръ въ письмахъ къ Паскевичу прямо высказывалъ подозрѣнiе въ возбужденiи имъ этихъ безпорядковъ. Но тотъ же Амбургеръ, почти въ тоже самое время, извѣщалъ Паскевича, что Аббасъ-Мирза, опасаясь честолюбiя братьевъ, собралъ въ Тавризѣ всѣхъ своихъ сыновей съ семействами и, по слухамъ, намѣренъ отдаться подъ покровительство русскаго императора. Легко могло быть, однако, что Аббасъ-Мирза распускалъ подобные слухи нарочно, чтобы удерживать русскихъ въ бездѣйствiи и выиграть время для своихъ вооруженiй. Слухи изъ Персiи шли также разнорѣчивые. Одни утверждали, что Аббасъ-Мирза дѣйствительно намѣренъ бѣжать въ Петербургъ и тамъ, испросивъ помощь русскими войсками, уничтожить враждебныхъ ему братьевъ, домогавшихся новою войною лишить Аббасъ-Мирзу покровительства русскаго императора и самимъ завладѣть престоломъ въ Персiи. Съ другой стороны выходило и такъ, что при тогдашней войнѣ нашей съ Турцiей, надежда возвратить потеряныя въ прошломъ году провинцiи легко могла возбуждать шаха и самого Аббасъ-Мирзу къ враждебнымъ противъ насъ дѣйствiямъ. Увѣряли, что шахъ писалъ наслѣдному принцу, что русскiе, какъ онъ узналъ достовѣрно, не оставятъ смерти своего министра безъ отмщенiя и что Россiя, будучи занята теперь войною съ Турцiей, быть можетъ не обратитъ еще вниманiя на Персiю, но что по заключенiи мира, война неизбежна, и русскiе или завладѣютъ Азербейджаномъ или потребуютъ огромный денежный штрафъ за кровь Грибоѣдова. И шахъ рассчитывалъ, что выгоднѣе теперь же вступить въ сношенiе съ Турцiей и вмѣстѣ съ нею самимъ напасть на русскiя владѣнiя. Молва указывала на Макдональда, какъ на тайнаго агента, черезъ котораго велись всѣ сношенiя съ Константинополемъ.

Разобраться во всей этой сложной интригѣ было чрезвычайно трудно, тѣмъ болѣе, что Амбургеръ, покинувъ Тавризъ безъ приказанiя

Паскевича. прервалъ дипломатическія сношенія съ Персіей. Последнее обстоятельство особенно тревожило Паскевича. „Главная политическая цѣль вашего пребыванія въ Тавризѣ послѣ смерти министра,—писалъ онъ Амбургеру, — состояла въ томъ, чтобы узнать настоящія намѣренія персидскаго правительства и удерживать его отъ какого либо рѣшительнаго шага. Удаляясь же оттуда, вы потеряли на него всякое вліяніе и предоставили оное враждебной партіи, которая желаетъ войны и Англіи, которой довѣрять не слѣдуетъ. Мы находимся теперь не въ такомъ положеніи, чтобы страхомъ оружія заставить Персію дѣлать то, что намъ желательно. Не могли вы не видѣть сего. А потому вамъ слѣдовало не подавать ультиматумовъ, а только политически угрожать своимъ отъѣздомъ и такимъ образомъ достигать исполненія нашихъ требованій. Теперь же изъ вашего поведенія можетъ произойти то, что персидское правительство, оставаясь въ страхѣ и недоумѣніи относительно вашего отъѣзда, само бросится въ руки турокъ и въ войну съ нами. Выѣздъ вашъ изъ Тавриза подаетъ справедливый поводъ къ заключенію, что между Россіей и Персіей произошелъ полный разрывъ, а это составляетъ весьма важное обстоятельство при теперешней войнѣ нашей съ турками“.)

Сѣтованія Паскевича на отъѣздъ Амбургера были вполне основательными. Турецкая война, поглощавшая всѣ наши силы, заставляла дѣйствовать по отношенію къ Персіи съ величайшею осторожностью, чтобы не скомпроментировать за Кавказомъ все русское дѣло. Паскевичъ былъ опытный энергичный полководецъ; но обстоятельства требовали отъ него теперь не только боевыхъ доблестей, но тонкихъ дипломатическихъ расчетовъ и соображеній. Необходимо было принять твердый, настойчивый тонъ по отношенію къ Персіи, чтобы силой одного убѣжденія образумить тегеранскій дворъ и въ то же время показать готовность къ войнѣ, чтобы не выдать свою собственную слабость. Прежде всего надо было возстановить дипломатическія сношенія, прерванныя Амбургеромъ, но возстановить ихъ было не легко. „Я заключаю, писалъ

¹⁾ Архивъ Штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла о турецкой войнѣ. Предписаніе Паскевича Амбургеру, 6-го марта 1829 года № 36.

Паскевичъ къ графу Нессельроде,—что Амбургеръ или совсѣмъ растерялся, вслѣдствіе своихъ болѣзненныхъ припадковъ, или же не признаетъ себя ни въ какой зависимости отъ здѣшняго главнаго начальника. Для отвращенія подобныхъ ошибокъ впредь, признаю необходимымъ просить ваше сіятельство учинить распоряженіе, чтобы всѣ наши дипломатическіе чиновники, находящіеся въ Персіи, были бы поставлены въ военное время въ совершенную подчиненность и зависимость отъ здѣшняго главнокомандующаго. Не надѣясь болѣе на Амбургера, я намѣреваюсь послать, подъ благовиднымъ предлогомъ, одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, что такое тамъ дѣлается.“¹⁾

Эта мучительная неизвѣстность тяготѣла надъ всѣми „Персія дѣлаетъ большія приготовленія къ открытію военныхъ дѣйствій,—писалъ Паскевичъ къ государю,—но при настоящемъ числѣ войскъ за Кавказомъ и тѣхъ значительныхъ силахъ, которыя турки собираютъ въ Азіи, дабы остановить и даже уничтожить наши прошлогдніе успѣхи, не только наступательную, но и оборонительную войну на два фронта вести невозможно.“ И Паскевичу волей неволей приходилось просить подкрѣпленія, на которыя такъ неохотно шли въ Петербургѣ.

„Лучшимъ оправданіемъ для меня въ настоящемъ требованіи—писалъ онъ министру иностранныхъ дѣлъ,—служить то, что двѣ персидскія кампаніи я окончилъ тѣми войсками, которыя мнѣ были поручены, не испрашивая новыхъ усиленій. Передъ началомъ прошлогдней турецкой войны изъ войскъ, находившихся подъ моею командою, четыре тысячи были отправлены обратно въ Россію, и до сихъ поръ я никогда не жаловался на недостатокъ средствъ. Но теперь, когда обстоятельства перемѣнились столь разительнымъ образомъ, долгъ и обязанность моего званія заставляютъ меня принять всѣ мѣры къ охраненію ввѣреннаго мнѣ края отъ бѣдствій, которыя могутъ быть тѣмъ ужаснѣе, что всякая помощь, отправленная тогда, когда наступитъ дѣйствительная опасность, будетъ слишкомъ поздно!... Будьте увѣрены,—писалъ

---

¹⁾ Тамъ же. Отношеніе Паскевича къ графу Нессельроде 6-го марта 1829 года № 39.

онъ въ заключеніи,—что я не пощажу своей жизни, но одинъ безъ войскъ я мало что могу сдѣлать“... По мнѣнію Паскевича нужна была по крайней мѣрѣ дивизія пѣхоты въ полномъ составѣ и два донскіе казачьи полка съ конною батареею. Кромѣ того, онъ полагалъ необходимымъ имѣть подъ рукою на Кавказской линіи, или по меньшей мѣрѣ въ Астрахани, еще двѣ бригады пѣхоты, которыя служили бы резервомъ, „ибо,—какъ писалъ онъ графу Несельсрде,—если требовать войска изъ Россіи въ минуту надобности, то они никогда не поспѣютъ“. Въ Петербургѣ полагали, однако, что усиленное вооруженіе Персіи объясняется скорѣе страхомъ возмездія за убійство посланника, чѣмъ наступательными замыслами, но тѣмъ не менѣе, въ распоряженіе Паскевича назначена была 14-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей. Дивизія эта, расположенная во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, не могла подойти однако ранѣ лѣта и даже осени, когда кампанія могла уже закончиться. Такимъ образомъ, Паскевичу въ данную минуту надо было рассчитывать только на то, что имѣлось у него подъ рукою.

Съ этою цѣлью для обороны всей пограничной черты отъ Арарата до Ленкорани назначены были пѣхотные полки: Апшеронскій, Тенгинскій и Тифлиссскій, третьи баталіоны 41-го и 42-го Егерскихъ полковъ, Каспійскій морской баталіонъ и двѣ роты севастопольцевъ, всего 10 баталіоновъ пѣхоты, три казачьихъ полка и 30 орудій; а для прикрытія Дагестана остался всего одинъ Куринскій полкъ и двѣ роты апшеронцевъ при 10-ти орудіяхъ. Оба эти отряда поручены были генералъ-лейтенанту князю Эристову.

Въ то же время генералу Панкратьеву предписано оставить въ крѣпостяхъ Баязетскаго пашалыка только Козловскій и Нашебурскій полки съ 8-ю орудіями, а остальные войска—Кабардинскій полкъ, шесть ротъ севастопольцевъ, два казачьи полка и 12 орудій передвинуть на Арпачай къ селенію Ахъ-узюмъ. Расположеніе отряда именно въ этой позиціи имѣло ту стратегическую выгоду, что одновременно прикрывало турецкую границу со стороны Карса и армянскую область со стороны Персіи.

Независимо отъ этого, усилены были и средства мѣстной народной обороны. Эчміадзинъ былъ укрѣпленъ, а для защиты его формиро-

вался полубаталіонъ эриванскихъ сарбазовъ. Но къ удивленію, армяне Эриванской области, такъ много обѣщавшіе на словахъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могли составить даже небольшого гарнизона для защиты своей священной обители, тогда какъ армяне турецкіе въ Карсѣ и въ Баязетѣ, охотно шли въ ополченіе и формировали въ помощь русскимъ войскамъ конныя и пѣшія дружины. Многіе отказывались даже отъ жалованья и служили на собственномъ иждивеніи. Въ Баязетѣ одинъ изъ почетныхъ армянъ, нѣкто Меликъ-Мартирось, на собственный счетъ сформировалъ цѣлый баталіонъ армянъ, безъ всякой платы и содержанія, прося только отпустить ему 300 ружей въ добавокъ къ тѣмъ, которыя у него уже имѣлись. Ружья были отпущены, баталіонъ сформированъ въ нѣсколько дней, и Паскевичъ назначилъ Мартироса его командиромъ.

Народныя ополченія, включая сюда и конно-мусульманскіе полки, конечно не могли замѣнить собой регулярнаго войска, но это были наши послѣдніе ресурсы, и въ виду угрожающаго положенія, занятаго Персіей, приходилось пока довольствоваться и ими. Переговоры однако возобновились, и скоро обстоятельства сложились для насъ такимъ выгоднымъ образомъ, что Аббасъ-Мирза, а за нимъ и шахъ, сами пошли навстрѣчу желаніямъ графа Паскевича.

Глава XIII.

Возобновленіе переговоровъ съ Персіей.—Интрига англичанъ и разнорѣчіе во взглядахъ на нихъ Паскевича и графа Нессельроде. Прибытіе Мирзы-Массуда въ Тифлисъ. Секретное сношеніе Аббасъ-Мирзы съ Паскевичемъ.—Неудовольствіе графа Нессельроде. Назначеніе въ Тавризъ князя Долгорукова.—Политика, принятая имъ относительно Персіи.—Возстановленіе дружескихъ отношеній между Россіей и Персіей.—Посольство принца Хосровъ-Мирзы въ Петербургъ.—Торжественный пріемъ его императоромъ Николаемъ I.—Пребываніе принца въ Петербургъ.—Дальнѣйшая его судьба.

Въ Петербургъ ясно сознавали необходимость избѣжать войны, не теряя притомъ достоинства имперіи, и графъ Нессельроде писалъ Паскевичу, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, Россія почтетъ себя удовлетворенной, если шахъ, наказавъ смертью главныхъ виновниковъ возмущенія, пришлетъ одного изъ своихъ сыновей или внуковъ съ письмомъ къ государю и торжественнымъ извиненіемъ передъ лицомъ монарха докажетъ всѣмъ непричастность персидскаго правительства въ гибели русской миссіи. Никакихъ иныхъ требованій къ Персіи не предъявлялось. Вопросъ заключался лишь въ томъ,—согласится ли шахъ, находившійся всецѣло подъ вліяніемъ англичанъ и турокъ, принять эти условія? Уладить это дѣло поручено было самому Паскевичу, хорошо знакомому съ характеромъ Аббасъ-Мирзы, въ рукахъ котораго по прежнему сосредоточивались всѣ нити персидской политики. Такимъ образомъ, графу Паскевичу пришлось возобновить дипломатическія сношенія и на первый разъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ. ¹⁾

¹⁾ Арх. шг. Кан. воен. округа. Дѣла 1829 года о сношеніяхъ съ Персіей. Акты Кавказск. Арх. комиссіи, т. 7-й. Историческія изслѣдованія Берже. Русская Старина, т. XV и біографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ

6-го марта прибылъ въ Тифлисъ статсъ-секретарь наслѣднаго принца Мирза-Массудъ и предъявилъ шахскій фирманъ, повелѣвавшій ему, вмѣстѣ съ Мирза-Салехомъ, находившемся уже въ Грузіи, отправиться въ Петербургъ для принесенія торжественнаго извиненія въ убійствѣ русскаго министра. Графъ Нессельроде, получивъ объ этомъ извѣстіе, изъявилъ готовность принять ихъ, какъ полномочныхъ посланниковъ Персіи, но Паскевичъ рѣшительно этому воспротивился. Онъ отвѣчалъ Аббасъ-Мирзѣ категорически, что не второстепенные сановники, а только лицо изъ царствующаго дома согласуется въ данномъ случаѣ съ достоинствомъ Россійской Имперіи, и Мирза-Салехъ и Массудъ оба задержаны были имъ въ Тифлисъ. Тогда Аббасъ-Мирза, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился наконецъ отправить въ Тифлисъ одного изъ своихъ сыновей; но этотъ первый шагъ къ дружескому сближенію съ Россіей вызвалъ цѣлую бурю въ англійской миссіи. Макдональдъ заявилъ открыто, что если поѣздка эта состоится, то ему въ Тавризѣ дѣлать больше нечего, что онъ поѣдетъ въ Керманшахъ, гдѣ соберетъ партію и будетъ дѣйствовать въ пользу одного изъ братьевъ Аббасъ-Мирзы, Хассанъ-Али, управлявшаго тогда Ширазскою областью. Угроза эта возымѣла свое дѣйствіе и отправленіе принца въ Тифлисъ начало задерживаться со дня на день. Между тѣмъ Персія продолжала вооружаться, и Паскевичъ предвидѣлъ уже неизбѣжность войны, какъ вдругъ одно обстоятельство побудило Аббасъ-Мирзу сдѣлать такой рѣшительный шагъ, послѣ котораго поворота назадъ уже быть не могло.

Въ исходѣ марта, почти вслѣдъ за Мирза-Массудомъ, въ тифлискій карантинъ прибылъ нѣкто Али-юзбаши и сообщилъ, что имѣетъ открыть графу Паскевичу одно важное дѣло. Оказалось, что Али-юзбаши былъ присланъ отъ Аббасъ-Мирзы безъ всякаго письма, но съ тайнымъ словеснымъ порученіемъ. Главнокомандующій въ тотъ же день лично посѣтилъ карантинъ и изъ разговоровъ съ посланнымъ узналъ о крайне затруднительномъ положеніи наслѣднаго принца. Шахъ, подстрекаемый другими сыновьями и англійскою миссіей, требовалъ отъ него немедленнаго начатія наступательныхъ дѣйствій, угрожая въ противномъ случаѣ прислать въ

Адербейджанъ другого намѣстника. Не зная какъ поступить, равно опасаясь шаха и русскихъ, Аббасъ-Мирза, не разъ испытавшій на себѣ и силу нашего оружія, и великодушіе своихъ побѣдителей, рѣшилъ просить совѣта и помощи у русскаго главнокомандующаго. Паскевичъ нашелъ этотъ моментъ чрезвычайно удобнымъ, чтобы окончательно склонить Аббасъ-Мирзу на нашу сторону и отправилъ къ нему своего адъютанта князя Кудашева съ секретнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Высочество спрашиваете меня какъ поступить въ трудныхъ обстоятельствахъ, предстоящаго разрыва съ Россією? Разсмотрите внимательно въ какомъ положеніи находитесь вы и подвластная вамъ провинція.

„Высокоповелительному шаху угодно начать войну. Предположимъ, что, исполняя державную волю отца и по тайнымъ проiskамъ братьевъ, вы откроете военныя дѣйствія. Съ цѣлаго государства вы не можете собрать теперь болѣе 60-ти тысячъ войска. Наши провинціи со стороны Персіи, дѣйствительно, въ настоящее время не имѣютъ достаточнаго прикрытія; войска остались тамъ только въ крѣпостяхъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ вы можете вторгнуться въ незащищенный край, можете разорить его,—но крѣпостей не возьмете, ибо вашему высочеству хорошо извѣстно, что русскіе крѣпостей не сдаютъ; продовольствія же у насъ достаточно. И такъ успѣхи ваши остановятся неподалеку отъ границы; итти впередъ вы, конечно, не рѣшитесь, потому что не безопасно было бы оставлять у себя въ тылу непокоренныя крѣпости.

„Съ своей стороны я собираю, между тѣмъ, 25 тысячъ войска на границахъ турецкихъ, иду противъ турокъ, разбиваю ихъ на Соганлугѣ, беру Эрзерумъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда горы покроются снѣгомъ и никакого сообщенія у васъ съ сераскиромъ не будетъ, я обращаюсь черезъ Баязетъ на Хой и Тавризъ. Въ это время, т. е. осенью, войска шахскія и братьевъ вашихъ расходятся по своимъ провинціямъ, и вы останетесь только при собственныхъ адербейджанскихъ войскахъ. Я завоюю Адербейджанъ, и онъ уже никогда вамъ не достанется; а безъ него ваше высочество не можете наслѣдовать престола. Не употребляйте во зло долготер-

пѣнія русскаго императора. Одно слово моего государя,—и я въ Адербейджанѣ, за Кафланъ-кухомъ; и, можетъ быть, не пройдетъ и года, какъ династія Каджаровъ совершенно уничтожится. Не полагайтесь на обѣщанія англичанъ и увѣренія турокъ. Султанъ самъ въ затруднительномъ положеніи; флотъ нашъ не допускаетъ къ нему жизненныхъ припасовъ; адмиралъ Кумани уже за Бурга-сомъ; Адрианополь дожидаетъ съ трепетомъ своего паденія. Воля государя исполняется повсюду единодушно, а исполненіе возложено на войска, неустрашимость которыхъ извѣстна въ Европѣ. Англичане васъ не защитятъ, ибо ихъ политика относится только къ остъ-индскимъ владѣніямъ; въ Азіи мы можемъ завоевать государство, и никто не скажетъ ни слова; это не въ Европѣ, гдѣ за каждую сажень земли можетъ возгорѣться война кровопролитная. Турція нужна для поддержанія политическаго равновѣсія Европы; но для державъ европейскихъ все равно кто бы не управлялъ Персією. Все ваше политическое существованіе въ рукахъ нашихъ; вся надежда ваша на Россію; она одна можетъ васъ свергнуть, и она одна можетъ поддержать васъ.

„Если ваше высочество желаете знать мое мнѣніе, то со всею искренностью скажу, что нѣтъ другого исхода загладить плачевную утрату, какъ просить великаго государя моего о прощеніи за неслыханный поступокъ тегеранской черни. Лучшій способъ для этого прислать ко мнѣ въ Тифлисъ одного изъ принцевъ крови для отправленія его посломъ въ Петербургъ“.

Затѣмъ князь Кудашевъ имѣлъ порученіе лично объясниться съ наслѣдникомъ престола относительно тѣхъ предположеній, которыя были сдѣланы имъ еще при самомъ началѣ разрыва. И только въ томъ случаѣ, если бы Аббасъ-Мирза снова подтвердилъ свою готовность начать войну съ Турціей, Кудашевъ долженъ былъ предъявить ему другое, тоже секретное письмо главнокомандующаго, въ которомъ Паскевичъ писалъ: „Для большаго доказательства приверженности вашей къ Россіи, какъ вы всегда сіе утверждали, должно дать другое направленіе намѣреніямъ шаха;—объявить войну Турціи, вторгнуться въ ея предѣлы и напасть на Ванъ; съ моей стороны я обѣщаю вамъ пособіе въ ружьяхъ и

пушкахъ и буду содѣйствовать войсками сему завоеванію. Этимъ вы ясно докажете, что всѣ происшествія были не въ вашей и не въ шахской волѣ. Объявите, на какихъ условіяхъ вы захотите сіе предпринять: оно будетъ имѣть для васъ неоцѣненныя выгоды. Вашему высочеству извѣстно, что я никогда не измѣнялъ своему слову. Буду имѣть честь ожидать вашего отзыва“.

Копіи съ обоихъ писемъ доставлены были графу Нессельроде, и, по словамъ князя (Цербатова¹⁾), вызвали въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ взрывъ негодованія и опасенія. Графъ Нессельроде немедленно написалъ нашему послу при лондонскомъ дворѣ князю Ливену, поручая ему сообщить англійскому правительству неодобреніе государя и рѣшительное несогласіе русскаго правительства съ содержаніемъ писемъ, посланныхъ графомъ Паскевичемъ Аббасъ-Мирзѣ черезъ князя Кудашева. Изъ этого письма, выяснившего особую заботливость русскаго министра „оберечь политическую обидчивость Англіи и успокоить ея раздражительность и ревнивое недовѣріе“ князь Ливенъ могъ также усмотрѣть, что государь, якобы не довѣряя графу Паскевичу, отправляетъ въ Тавризъ и Тегеранъ для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Персіей свиты Его Величества генераль-маіора князя Долгорукова²⁾.

Такъ ли было, или иначе, но самъ Государь ни единымъ словомъ не намекнулъ Паскевичу о своемъ неудовольствіи, да и самъ гр. Нессельроде писалъ только, что князь Долгоруковъ назначенъ по высочайшей волѣ для употребленія его при Аббасъ-Мирзѣ или же по усмотрѣнію Паскевича. Личное неудовольствіе Нессельроде сказалось въ депешѣ его 11-го мая, гдѣ, выражая опасеніе, чтобы письмо гр. Паскевича не попало въ руки Макдональда, Нессельроде восклицалъ: „Какъ приметъ тогда англійскій министръ намеки ваши относительно политики Англіи, именно въ то время, когда онъ выказалъ относительно насъ столь почтенныя и честныя намѣренія“³⁾. Паскевичъ не зналъ въ чемъ заключаются эти „почтенныя и честныя намѣренія“, но зналъ, что Макдо-

---

¹⁾ „Фельдмаршалъ князь Паскевичъ“, т. III.

²⁾ Письмо гр. Нессельроде къ князю Ливену 20-го мая 1829 г.

³⁾ Письмо его же къ Паскевичу 11-го мая 1829 г.

нальдъ еще на дняхъ отправилъ депешу своему правительству, „что сокровища остъ-индской кампаніи раскрыты для сохраненія какими бы то ни было средствами могущества Англіи въ Персіи“. Не раздѣляя такимъ образомъ взглядовъ министерства, Паскевичъ рѣшился твердо держаться разъ принятой имъ политики и даже задержалъ князя Долгорукова въ Тифлисъ, находя что отправка его въ Тавризъ была бы преждевременна. „Я надѣюсь,— писалъ онъ по этому поводу графу Нессельроде,—что ваше сіятельство ничего не возразите, если я на время не исполню высочайшаго повелѣнія и задержу при себѣ князя Долгорукова. Я полагаю, что отправленіе его въ настоящее время въ Персію можетъ дать поводъ персіянамъ къ тщеславнымъ увлеченіямъ. Пріѣздъ его въ Тавризъ можетъ вызвать у персіянъ подозрѣніе въ нашемъ безсиліи потребовать удовлетворенія вооруженною рукою. Въ такомъ случаѣ они несомнѣнно обратятся за совѣтомъ къ англичанамъ, которые не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы усложнить отношенія наши съ Персіей“, и гр. Паскевичъ былъ правъ. Пока Нессельроде старался смягчить рѣзкости письма Паскевича, послѣдній своею настойчивостью и твердою волей привелъ все дѣло къ желаемому результату.

Получивъ угрожающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дружеское письмо русскаго главнокомандующаго, Аббасъ-Мирза уже не сталъ совѣтоваться болѣе съ англичанами и тотчасъ разослалъ приказаніе ко всѣмъ пограничнымъ начальникамъ—удерживать подвластные имъ кочевыя племена отъ набѣговъ на русскія земли, а русскимъ позволилъ закупать пшеницу въ Салмастѣ, и Макинскій ханъ, уже готовый къ открытію военныхъ дѣйствій и занимавшій своею конницей Дарадиское ущелье, теперь съ тою же конницею долженъ былъ доставить въ Баязетъ къ русскимъ войскамъ нѣсколько сотъ четвертей хлѣба, а джемалинскимъ курдамъ, обитавшимъ на землѣ Макинскаго ханства, дозволено вступать въ формировавшійся тогда въ Баязетѣ Куртинскій кон.-ир. полкъ. Даже самъ Аббасъ-Мирза изъявилъ желаніе ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично испросить у русскаго императора забвенія прошлаго и возстановленіе дружескаго покровительства его Персіи. Высочайшаго соизволенія

на прїѣздъ Аббасъ-Мирзы въ Петербургъ однако не послѣдовало. „Постигая пагубное вліяніе коварныхъ замысловъ, которые колеблютъ спокойствіе Персіи,—писалъ государь наслѣдному принцу, —я признаю присутствіе ваше въ Тавризѣ необходимымъ для усмиренія буйства и предупрежденія происковъ, а потому приглашаю васъ не удаляться изъ вашихъ предѣловъ въ столь сомнительное время. Я почту достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской Имперіи, когда шахъ пришлетъ торжественное извиненіе черезъ одного изъ сыновей своихъ или вашихъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ довѣренныхъ вельможъ“.

Выборъ Аббасъ-Мирзы палъ тогда на пятнадцатилѣтняго сына своего Хосровъ-Мирзу, который и былъ отправленъ имъ въ Тифлисъ, не ожидая на то разрѣшенія шаха. Со стороны наслѣднаго принца это былъ шагъ чрезвычайно важный и крайне рискованный въ томъ случаѣ, если бы тегеранскій дворъ, подъ вліяніемъ враждебныхъ Россіи партій, не призналъ это посольство законнымъ. Но Аббасъ-Мирза видѣлъ, что для него другого исхода не было.

Въ половинѣ мая мѣсяца 1829 года Хосровъ-Мирза, въ сопровожденіи Мамедъ-хана, одного изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи, начальника регулярныхъ войскъ (эмиръ-низама), прибылъ въ Тифлисъ. У городской заставы его встрѣтилъ начальникъ корпуснаго штаба баронъ Остенъ-Сакенъ. Принцъ пересѣлъ въ коляску и отправился прямо къ графу Паскевичу. Аудіенція была короткая. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, графъ въ открытомъ экипажѣ самъ проводилъ принца до приготовленной для него квартиры въ домѣ военнаго губернатора и тамъ сообщилъ ему только что полученное извѣстіе о новомъ пораженіи турокъ въ Посховскомъ санджакѣ.

—„Радуюсь,—сказалъ Паскевичъ,—что это событіе совпало съ днемъ вашего прїѣзда“.

—„Смѣю увѣрить васъ, что въ Тавризѣ несравненно болѣе меня будутъ радоваться этой побѣдѣ“, отвѣтилъ принцъ.

Въ секретномъ разговорѣ съ Паскевичемъ, Хосровъ-Мирза, между прочимъ, жаловался на интриги и недоброжелательство англійской миссіи. Макдональдъ, по его словамъ, разглашалъ повсюду,

что если Персія войдетъ въ союзъ съ Россіей противъ турокъ, то англичане объявятъ войну и пойдутъ противъ Персіи. Французъ Семино, находившійся въ свитѣ принца и имѣвшій большія связи въ англійской миссіи, передалъ Паскевичу также, что онъ не ручается даже за то, чтобы англичане не покусились на жизнь самого Аббасъ-Мирзы. Хосровъ-Мирза просилъ Паскевича ничего не разглашать объ этихъ событіяхъ для спокойствія своего отца; но графъ Паскевичъ нашелъ необходимымъ сообщить обо всемъ министру графу Нессельроде.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ, происковъ и запугиваній, Хосровъ-Мирза не былъ уполномоченъ ни шахомъ, ни Аббасъ-Мирзою ѣхать въ Петербургъ, а потому не имѣлъ ни вѣрительныхъ грамотъ ни письма къ государю, ни даже денежныхъ средствъ для такого далекаго путешествія. При такихъ условіяхъ онъ являлся скорѣе простымъ заложникомъ, нежели чрезвычайнымъ посломъ, акредитованнымъ своимъ государемъ. Обстоятельство это однако не смутило Паскевича. Онъ былъ убѣжденъ, что если принцъ, вмѣстѣ со своею свитою, будетъ отправленъ имъ въ Петербургъ, то шахъ не осмѣлится не послать вслѣдъ за нимъ нужныхъ полномочій и письма къ государю. Иначе непризнаніе Хосровъ-Мирзы своимъ посланникомъ явилось бы равносильнымъ объявленію войны, а на это никогда бы шахъ не рѣшился послѣ поражений, нанесенныхъ туркамъ подъ Ахалцыхомъ, въ Гуріи и Посховскомъ санджакѣ. Эти пораженія излечили его отъ воинственныхъ замысловъ противъ Россіи, и намъ оставалось только дѣйствовать съ прежней энергіей, чтобы освободить его отъ вліянія англійской миссіи.

Только теперь, когда Хосровъ-Мирза находился уже въ Тифлисѣ, Паскевичъ нашелъ своевременнымъ отправить въ Тавризъ князя Долгорукова, назначеннаго находиться при тегеранскомъ дворѣ со всѣми правами и обязанностями министра, хотя и безъ этого офиціального титула. Пребываніе въ Тавризѣ такого лица являлось теперь совершенно необходимымъ, чтобы руководить дѣйствіями Аббасъ-Мирзы, безхарактерность котораго была хорошо извѣстна Паскевичу. Одаренный отъ природы чрезвычайно живымъ

темпераментомъ, пылкій и нервный, онъ всегда находился подъ впечатлѣніемъ минуты, и ничего не было легче, какъ заставить его слѣдовать чужимъ указаніямъ. Князь Долгоруковъ былъ именно изъ такихъ людей, которые могли вліять на Аббасъ-Мирзу и направлять его дѣйствія къ обоюдной пользѣ Россіи и Персіи.

Политическія обстоятельства того времени были такъ сложны, такъ запутаны, что на долю Долгорукова досталась тяжелая миссія. Онъ имѣлъ двѣ инструкціи: „Охраняя съ твердостью достоинство русскаго имени, — говорилось въ одной изъ нихъ, данной графомъ Нессельроде, — вы должны по самому ходу событій избѣгать излишней настойчивости тамъ, гдѣ дѣло касается предметовъ второстепенной важности. Обходить все, что можетъ задѣвать народное самолюбіе, касаться его вѣры или коренныхъ обычаевъ и раздражать духовенство, которое въ тѣхъ странахъ сильнѣе самого правительства“.

Эта инструкція заканчивалась тѣмъ, что князю Долгорукову рекомендовалось вѣрить въ искреннее доброжелательство къ намъ Англіи и стараться прежде всего пріобрѣсти расположеніе и дружбу англійскаго министра Макдональда. Совсѣмъ въ иномъ родѣ являлась инструкція графа Паскевича. „Прежде всего, — говорилось въ ней, — не довѣряйтесь англичанамъ, поддерживайте хорошее сношеніе съ ихъ миссіей, но зорко слѣдите за дѣйствіями Макдональда, что сдѣлать вамъ тѣмъ удобнѣе, что вы его намѣреніе знаете, а ваши отъ него скрыты“.

Князь Долгоруковъ придерживался послѣдней инструкціи. По прибытіи въ Тавризъ онъ объявилъ рѣшительно, что въ Тегеранъ, гдѣ былъ убитъ его предшественникъ, онъ не поѣдетъ и потребовалъ, чтобы назначили ему для аудіенціи другое мѣсто. Свиданіе состоялось въ Хамаданѣ, гдѣ въ то время находился шахъ. „Достоинству Россіи, — говорилъ князь Долгоруковъ, — нанесено тяжкое оскорбленіе, которое должно быть торжественно заглажено признаніемъ верховной персидской власти въ совершенной ея невиновности въ означенномъ случаѣ, а для этого единственный способъ — послать лицо царствующаго дома съ извиненіемъ къ русскому императору.“ Онъ твердо настаивалъ, чтобы принцъ

Хосровъ-Мирза, вопреки совѣтамъ англичанъ, немедленно былъ снабженъ полномочіями и письмомъ къ государю. Шахъ безусловно подчинился этому рѣшенію, и особый курьеръ повезъ всѣ нужныя бумаги въ Тифлисъ для передачи ихъ Хосровъ-Мирзѣ. Но Хосровъ-Мирзы въ Тифлисъ уже не было. Паскевичъ поторопился отправить его въ Петербургъ, и курьеръ, посланный въ догонку, настигъ его уже въ Новгородъ. Персидскій инцидентъ былъ исчерпанъ. Предусмотрительность графа Паскевича и твердость князя Долгорукова успѣли парализовать интригу Англіи, и доставили Россіи торжество дипломатической побѣды. Вопросъ объ удовлетвореніи ея оскорбленной чести былъ рѣшенъ безповоротно.

Между тѣмъ, пока совершались эти событія, турки открыли военныя дѣйствія, и графъ Паскевичъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія къ скорѣйшей отправкѣ Хосровъ-Мирзы въ Петербургъ, выѣхалъ изъ Тифлиса въ дѣйствующій корпусъ. Но прежде чѣмъ говорить о ходѣ военныхъ событій, dokonчимъ исторію персидскаго посольства, вліяніе котораго несомнѣнно отразилось и на нашихъ военныхъ операціяхъ въ Турціи.

Отъѣздъ Хосровъ-Мирзы изъ Тифлиса назначенъ былъ на 23-е мая. Въ этотъ день принцъ сдѣлалъ прощальный визитъ графинѣ Паскевичъ и поднесъ ей двѣ драгоцѣнныя шали, а сыну ея полное собраніе персидскаго поэта Саади въ богатомъ переплетѣ. Самому Паскевичу еще ранѣе отправленъ былъ въ подарокъ прекрасный жеребецъ чистой арабской крови. Погода съ утра стояла ненастная, а къ вечеру мелкій дождь превратился въ совершенный ливень, примѣта, по повѣріямъ персіянъ, хорошая. Ровно въ шесть часовъ пополудни принцъ сѣлъ въ экипажъ, и поѣздъ тронулся. Хосровъ-Мирзу сопровождало болѣе сорока человѣкъ свиты, а съ русской стороны назначенъ былъ состоять при немъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ, въ распоряженіи котораго находилось двѣнадцать казаковъ. Переѣздъ черезъ Кавказскія горы по военно-грузинской дорогѣ совершился не безъ приключенія. Въ тѣснинѣ, между Дарьяломъ и Ларсомъ, на поѣздъ едва не напала

партія горцевъ, внезапно спустившаяся съ горъ Осетіи. Казаки, сопровождавшіе посольство, завязали перестрѣлку, и осетины, видя готовность къ отпору, скоро отступили. Но страхъ, обуявшій персіянъ при этомъ нападеніи, былъ такъ великъ, что, по словамъ Ренненкампа, они не разбѣжались только по тому, что ихъ собственные выюки загроздили ущелье съ обѣихъ сторонъ и бѣжать было некуда. Самъ принцъ при первыхъ выстрѣлахъ вышелъ изъ экипажа и пересѣлъ на коня. Нѣкоторые удивлялись его отвагѣ, но дѣло въ томъ, что молодой азіатецъ, не привыкшій къ каретѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Отъ Владикавказа поѣздъ сопровождался уже постояннымъ конвоемъ, перемѣнявшимся на линіи въ каждой казачьей станицѣ. Выѣзжалъ навстрѣчу къ принцу привѣтствовать его и старый кабардинскій валий Кучукъ Джанхотовъ съ тремястами лучшихъ кабардинскихъ наѣздниковъ, одѣтыхъ въ панцыри. Самъ командовавшій войсками на Кавказской линіи, генераль Емануель ожидалъ его въ Пятигорскѣ, гдѣ Хосровъ-Мирза остановился на нѣсколько дней, чтобы видѣть минеральные источники.

Въ память пребыванія его въ этомъ городѣ, тогда же на вершинѣ Машука, поставленъ былъ обелискъ на пьедесталѣ изъ сѣраго песчаника на фронтонѣ столба вырѣзанъ былъ стихъ одного изъ персидскихъ поэтовъ: „Добрая слава, оставляемая послѣ себя; лучше золотыхъ палатъ;“ а подъ ней принцъ собственноручно начерталъ слѣдующую арабскую надпись:

Любезный братъ! Міръ здѣшній не останется ни для кого;
Привяжись сердцемъ къ Создателю
И не полагайся на блага мірскія,
Ибо много, подобныхъ тебѣ, онъ сотворилъ и уничтожилъ.
Хосровъ-Мирза. 1244 года.

Замѣчательно, что этотъ стихъ, какъ бы пророчески изобразилъ судьбу самого несчастнаго принца, о чемъ будетъ сказано дальше. Къ сожалѣнію, надпись эта, при нашемъ общемъ небреженіи къ историческимъ памятникамъ, исчезла вмѣстѣ съ обелискомъ, отъ котораго нынѣ не осталось даже слѣдовъ.

Изъ Пятигорска дальнѣйшій путь посольства лежалъ черезъ Ставрополь, Новочеркасскъ, Воронежъ и Рязань. Встрѣчая вездѣ широкое русское гостепріимство, персіяне могли убѣдиться, какъ русскіе люди легко забываютъ обиды, даже затрогивающія ихъ національную честь и самолюбіе. Послѣ шестинедѣльнаго путешествія, 14-го іюля, вечеромъ посольство достигло наконецъ Коломны и здѣсь ночевало.

Отсюда на слѣдующій день назначенъ былъ торжественный въѣздъ принца въ первопрестольную русскую столицу. Хосровъ-Мирза ѣхалъ въ богатой каретѣ, запряженной шестью лошадьми цугомъ, предшествуемый и сопровождаемый конными отрядами казаковъ и жандармовъ. На всемъ пути его слѣдованія до серпуховскихъ воротъ и далѣе по тверскому бульвару стояли войска, отдававшія воинскія почести съ музыкой и орудійною пальбою, которая прекратилась только тогда, когда высокій гость остановился наконецъ передъ домомъ графини Разумовской, гдѣ было приготовлено для него роскошное помѣщеніе. Здѣсь его ожидали почетный караулъ, городскія власти и именитое купечество, встрѣтившее его съ хлѣбомъ и солью. Спустя короткое время, пріѣхалъ и московскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, который, какъ хозяинъ города, привѣтствовалъ принца съ благополучнымъ прибытіемъ.

Едва отдохнувъ отъ пути и никого не предупредивъ о своемъ намѣреніи, Хосровъ-Мирза отправился къ матери Грибоѣдова, — чтобы выразить ей скорбь, которую причинила Персіи смерть ея сына. Разстроганный слезами матери, принцъ началъ утѣшать и, какъ рассказываютъ, самъ горько плакалъ. Такой поступокъ сразу расположилъ москвичей въ пользу юнаго принца.

Осмотрѣвъ въ Москвѣ всѣ ея историческія достопримѣчательности, Хосровъ-Мирза продолжалъ дальнѣйшій путь и 4-го августа прибылъ въ Петербургъ. Помѣщеніе для него было приготовлено въ Таврическомъ дворцѣ. Императорская фамилія жила въ то время въ Петергофѣ, и потому пріемъ принца состоялся только 12-го августа, когда императоръ Николай I возвратился въ столицу.

Въ этотъ день, въ 10 часовъ утра, генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ(извѣстный покоритель Ардебиля) явился въ посольскій домъ, чтобы привѣтствовать Хосровъ-Мирзу отъ лица государя и затѣмъ пригласилъ его отправиться въ Зимній дворецъ. Процессію открывалъ дивизионъ конно-гвардейцевъ въ своей парадной рыцарской формѣ, съ распущеннымъ штандартомъ, музыкой и литаврами; далѣе, въ предшествіи дворцовыхъ служителей, тянулся длинный рядъ придворныхъ экипажей, и уже за ними ѣхала посольская карета, окруженная царскимъ конвоемъ; дивизионъ кавалергардовъ въ латахъ замыкалъ торжественное шествіе. Всѣ улицы, по которымъ проѣзжалъ принцъ, были запружены народомъ, а окна и балконы домовъ украшены коврами, фестонами и разноцвѣтными флагами.

Императоръ Николай I въ парадной формѣ, съ цѣпью Андреевскаго ордена, принялъ принца въ Георгіевскомъ залѣ, стоя у ступеней трона; по обѣ стороны его стояли: вся царская фамилія, государственный канцлеръ графъ Нессельроде, весь государственный совѣтъ, сенатъ, главный штабъ, дипломатическій корпусъ, генералитетъ и всѣ офицеры гвардіи. Въ сосѣднихъ комнатахъ размѣстились офицеры арміи и флота, лица, имѣющія пріѣздъ ко двору и именитое купечество.

Хосровъ-Мирза самъ несъ шахскую грамоту и, приблизившись къ императору на нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ глубокій поклонъ и отъ лица персидскаго монарха произнесъ слѣдующую извинительную рѣчь.

„Могущественнѣйшій Государь Императоръ!

„Спокойствіе Персіи и священный союзъ, существующій между вашимъ Императорскимъ Величествомъ и великимъ обладателемъ Ирана, моимъ повелителемъ и дѣдомъ, были противны духу зла. Онъ воздвигъ въ Тегеранѣ толпу неистовую, совершившую неслыханное злодѣяніе, жертвою котораго сдѣлалась російская миссія. Такое злополучное происшествіе покрыло глубокимъ мракомъ скорби весь нашъ домъ и всѣхъ его подданныхъ. Ужаснулось праведное сердце Фетхъ-Али-Шаха при мысли, что горсть злодѣевъ можетъ привести къ разрыву мира и союза между его величествомъ и великимъ монархомъ Россіи.

„Онъ повелѣлъ мнѣ, внуку своему, поспѣшить въ столицу Вашей державы. Онъ увѣренъ, что голосъ мой, голосъ правды, обратитъ на себя милостивое вниманіе Вашего Императорскаго Величества и вновь содѣлаетъ дружбу между двумя величайшими и могущественными государями міра—незыблемою.

„Мнѣ поручено именемъ могущественнаго моего повелителя просить о сѣмъ Васъ, Великій Государь! Предайте вѣчному забвенію происшествіе, оскорбившее равно дворъ російскій и дворъ персидскій. Пусть познаетъ вселенная, что при самомъ ужасномъ случаѣ, два мудрые монарха откровенно объяснились, и всѣ недоумѣнья, всѣ подозрѣнія исчезли—всему положенъ конецъ вождельный.“

Затѣмъ началось чтеніе шахской грамоты, которую императоръ самъ принялъ изъ рукъ Хосровъ-Мирзы и передалъ графу Нессельроде.

Шахъ выражалъ живѣйшее участіе по поводу случившагося событія, говорилъ, что персидское правительство передъ правительствомъ русскимъ „покрыто пылью стыда, и что лишь струя извиненія можетъ омыть лицо его. Отъ обширнаго ума великаго нашего благопріятеля, украшающаго вселенную, зависѣтъ будетъ принять милостиво или отринуть извиненіе.“ Грамата оканчивалась даже стихами Саади.

Положивъ грамоту на приготовленный для нея столъ, покрытый богатой парчей, графъ Нессельроде отвѣтилъ принцу отъ лица императора слѣдующею рѣчью:

„Его Императорское Величество повелѣваетъ мнѣ увѣрить ваше высочество въ томъ совершенномъ удовольствіи, съ какимъ онъ внималъ объясненіямъ вашимъ и изъявленію праведнаго сѣтованія отъ лица вашего государя. Движимый чувствами великодушными, его величество шахъ не могъ, конечно, безъ ужаса взирать на злодѣйства, имѣвшія цѣлью расторгнуть дружественныя связи между двумя державами, еще недавно помирившимися

„Посольство ваше долженствуетъ разсѣять всякую тѣнь, которая могла бы помрачить взаимныя отношенія Россіи съ Персіей послѣ происшествія столь плачевнаго.

„Да будетъ увѣреніе это передано вами его величеству шаху. Да будетъ онъ убѣжденъ въ непоколебимой волѣ Его Императорскаго Величества хранить миръ и утверждать узы взаимной дружбы.

„Избраніе вашего высочества для этихъ объясненій весьма пріятно Государю Императору. Въ этомъ вы благоволите удостоверитья тѣми чувствами, которыя выражены мною отъ имени всемилостивѣйшаго моего Государя.“

По окончаніи рѣчи императоръ подалъ руку Хосровъ-Мирзѣ и сказалъ ему;

—Я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе..“

На слѣдующій день принцъ имѣлъ частную аудіенцію у государя въ Елагинскомъ дворцѣ, на которомъ просилъ о сложеніи съ Персіи оставшихся еще неуплоченными двухъ куруровъ контрибуціи. Ему отвѣчали черезъ министерство, что Россія, послѣ тегеранскаго событія и безъ того показала довольно умѣренности, чтобы теперь, когда объясненія по этому обстоятельству едва приведены къ благополучному концу, думать о новыхъ снисхожденіяхъ.

Въ это время изъ Персіи были получены письма князя Долгорукова, и императоръ Николай I съ удовольствіемъ узналъ изъ нихъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Тегеранѣ, для наказанія всѣхъ, участвовавшихъ въ истребленіи посольства. Желая выразить свою признательность шаху, государь подарилъ Персіи одинъ куруръ, а уплату другого отсрочилъ еще на пять лѣтъ.

Такимъ образомъ, миссія Хосровъ-Мирзы увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Два мѣсяца прожилъ онъ въ Петербургѣ, окруженный вниманіемъ государя и высшаго общества. „Это былъ красивый юноша,—говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Д. Блудовъ,—съ такими большими прекрасными глазами, что я помню ихъ и по нынѣ черезъ сорокъ лѣтъ времени.“ Не многіе изъ русскихъ могли предвидѣть тогда грустную судьбу, которая ждала его на родинѣ.

Прощальная аудіенція дана была принцу 6-го октября и сопровождалась новыми милостями императора. Подарковъ посоль-

ству роздано было болѣе, чѣмъ на 89 тысячъ. Самому Хосровъ-Мирзѣ пожалованъ былъ брилліантовый орелъ для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ и брилліантовое перо съ изумрудами; эмиръ-низаму богатый кинжалъ и орденъ Бѣлаго Орла; всѣмъ остальнымъ членамъ посольства драгоцѣнные перстни.

Вполнѣ счастливый, со свѣтлыми надеждами на будущее, оставилъ Хосровъ-Мирза Петербургъ и ровно черезъ три мѣсяца 18-го января 1830 года пріѣхалъ въ Тифлисъ. Отсюда обратный путь его въ Персію лежалъ черезъ Карабахъ. Мусульманскій край, еще недавно пережившій смутное время персидскаго вторженія, встрѣтилъ и проводилъ принца горячими оваціями. За цѣлый мѣсяцъ до его пріѣзда стали съѣзжаться сюда агалары и беки Шекинской и Ширванской провинцій; баталіонъ 41-го Егерскаго полка, съ военно-окружнымъ начальникомъ мусульманскихъ провинцій генераломъ Абхазовымъ, расположился на рѣкѣ Тертерѣ, а карабахскій комендантъ съ татарскою конницею ожидалъ его на самой границѣ бывшаго Ганжинскаго ханства. Здѣсь, среди обширной степи, подъ склономъ высокихъ горъ, близъ небольшого дубоваго лѣса, разставлены были 60 лачугъ, и между ними огромный, бѣлый, шелковый шатеръ для самого принца.

При этой встрѣчѣ со своими единовѣрцами, принцу, еще слишкомъ молодому и неопытному, приходилось обдумывать каждый свой шагъ, чтобы не подать поводъ къ какимъ нибудь превратнымъ толкованіямъ, никого не оскорбить и въ тоже время удержаться вдали отъ излишняго быть можетъ усердія мусульманскихъ бековъ, еще такъ недавно и такъ легко измѣнившихъ Россіи. Надо отдать принцу полную справедливость: онъ держалъ себя въ высшей степени осторожно и тактично.

Въ концѣ февраля 1830 года Хосровъ Мирза прибылъ въ Тегеранъ и вручилъ Фетхъ-Али-шаху отвѣтную грамоту русскаго императора. „Мнѣ пріятно,—писалъ въ ней государь,—что принцъ Хосровъ-Мирза былъ избранъ вашимъ величествомъ для укрѣпленія союза Персіи съ Россіею. Похвальные качества его и продолжительное пребываніе въ Россіи пріобрѣли ему не токмо Мое благоволеніе, но любовь всеобщую. Я поздравляю васъ, державный государь,

совнукомъ, подающимъ блестящія надежды: онъ явился здѣсь достойнымъ сыномъ любимаго наслѣдника вашего. Въ заключеніе я долгомъ считаю поручить Хосровъ-Мирзу особенному вниманію и милостямъ вашего величества“.

Къ дипломатическимъ заслугамъ принца вскорѣ прибавились и боевыя отличія, оказанныя имъ въ хоросанской экспедиціи. Въ началѣ 1831 года, когда Аббасъ-Мирза предпринялъ походъ въ восточныя провинціи Персіи, „чтобы стереть, какъ онъ писалъ государю, нечистый прахъ мятежа съ лица того края“, Хосровъ-Мирза, двигавшійся къ нему на соединеніе, съ горстью своихъ всадниковъ разбилъ значительную текинскую конницу и вообще оказалъ такія услуги шахскому правительству, что былъ назначенъ самостоятельнымъ начальникомъ гор. Акъ-Дербента.

Такъ жизнь Хосрова складывалась сначала необыкновенно счастливо; но люди востока, рѣдко умѣютъ удерживаться въ предѣлахъ благоразумія и въ принцѣ, какъ говорятъ, мало-по-малу возникли честолюбивыя стремленія. Самое расположеніе и вниманіе, которыми императоръ Николай I отличилъ молодого принца, съ одной стороны поставили его въ глазахъ народа чрезвычайно высоко; съ другой они же создали противъ него цѣлую враждебную лигу, во главѣ которой сталъ Мамедъ-Мирза, старшій братъ, боявшійся потерять черезъ него шахскій престолъ. Имѣлъ ли дѣйствительно Аббасъ-Мирза намѣреніе сдѣлать Хосровъ-Мирзу своимъ наслѣдникомъ—объ этомъ документы говорятъ различно. Но Аббасъ-Мирза внезапно скончался въ Мешхедѣ на пути къ Гератъ 10-го октября 1833 года, не сдѣлавъ никакого распоряженія, и шахъ, лишившись въ немъ испытаннаго помощника и друга, перенесъ все свое расположеніе на старшаго сына Мамедъ-Мирзу, который тотчасъ былъ вызванъ въ Тегеранъ и объявленъ наслѣдникомъ престола.

Изъ Тегерана Мамедъ-Мирза отправился въ Тавризъ, постоянную резиденцію наслѣдниковъ каджарскихъ вѣнценосцевъ, куда по приказанію шаха, послѣдовалъ за нимъ и Хосровъ-Мирза. Со стороны шаха это было невольное, но злополучное распоряженіе, отразившееся слишкомъ тяжело на дальнѣйшей судьбѣ молодого

принца. Опасаясь интригъ брата, опиравшагося на расположеніе къ нему русскаго государя, Мамедъ-Мирза задумалъ отдѣлаться отъ него разъ навсегда, но не рѣшаясь употребить открытую силу въ своей резиденціи, онъ пригласилъ его однажды къ себѣ на обѣдъ въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ Тавриза.

Ничего не подозрѣвавшій Хосровъ-Мирза прибылъ одинъ безъ конвоя и былъ измѣнническимъ образомъ схваченъ, отведенъ въ Ардебиль и заключенъ въ темницу.

Извѣстіе объ этомъ событіи быстро дошло до Тегерана, и шахъ, встревоженный самоуправствомъ своего наслѣдника, тотчасъ отправилъ гонца съ приказаніемъ немедленно освободить заключеннаго. Мамедъ-Мирзѣ оставалось только исполнить категорическое предписаніе повелителя, какъ вдругъ является новый гонецъ съ громовымъ извѣстіемъ, что самъ Фетхъ-Алишахъ, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ Испагани 8-го октября 1834 года. Мамедъ-шахъ вошелъ на престолъ Ирана.

Новое царствованіе жестоко отозвалось на судьбѣ Хосровъ-Мирзы и его младшаго брата Джехангира. Нашлись люди, представившіе новому шаху въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ опасность для Персіи въ томъ случаѣ, еслибы Россія потребовала освобожденія Хосрова. И шахъ, чтобы лишить обоихъ братьевъ всякой возможности когда нибудь играть политическую роль, приказалъ своимъ феррашамъ ослѣпить несчастныхъ. Произошла безчеловѣчная сцена, достойная подземелій Востока, и міръ Божій навсегда закрылся для обоихъ братьевъ. Освобожденные затѣмъ изъ заключенія, оба они поселены были въ Тусиргани, близъ Хамадана и здѣсь безвыѣздно жили въ теченіе многихъ лѣтъ вмѣстѣ со своими семействами въ особомъ замкѣ, отданномъ въ ихъ исключительное владѣніе. Хосровъ-Мирза пережилъ многими годами самого шаха и умеръ въ 1875 году 63-хъ лѣтъ отъ роду.

Глава XIV.

Первые слухи о наступлении турокъ — Движеніе генерала Бурцева къ Ахалцыху. Бой у д. Цурцкаби — Приготовленія къ кампаніи 1829 года — Планы и намѣренія непріятеля. — Сосредоточеніе главныхъ силъ Паскевича подъ Карсомъ. — Вторичная попытка турокъ овладѣть Ахалцыхомъ. — Блестательная побѣда Муравьева и Бурцева при Дигурѣ и Чаборіо. Празднованіе этой побѣды въ главномъ лагерѣ. Составъ дѣйствующаго корпуса и наступленіе Паскевича.

одоходилъ конецъ апрѣля мѣсяца 1829 года. Въ Тифлисѣ, послѣ долгаго ожиданія, прибыло наконецъ персидское посольство, сопровождавшее принца Хосровъ-Мирзу, — и только тогда можно было сказать, что острый персидскій вопросъ, принесшій съ собою столько тревогъ и обѣщавшій чрезвычайно усложнить дѣла Закавказскаго края, пришелъ къ благополучному исходу. Только теперь графъ Паскевичъ могъ обратить все свое вниманіе и всѣ русскія силы Закавказья на турокъ.

Еще ранѣе пріѣзда Хосровъ-Мирзы, когда персидскія дѣла не могли еще считаться окончательно улаженными, въ Тифлисѣ получены были тревожныя свѣдѣнія о готовящемся наступленіи турокъ одновременно на Карсъ, Ахалцыхъ, Баязетъ и Гурію. Говорили, что 80-ти тысячная турецкая армія при 60-ти орудіяхъ уже сосредоточена въ Эрзерумѣ, и сераскиръ выдвинулъ два сильные авангарда на карсскую дорогу. Въ то же время 70-ти-тысячный корпусъ трапезондскаго паши готовился напасть на Гурію и Имеретію; аджарскій бекъ съ 20-ти тысячнымъ скопищемъ стоялъ въ приграничныхъ санджакахъ, угрожая Ахалцыху; а на лѣвомъ флангѣ — ванскій и мушскій паши собирались итти къ Баязету. Опасность угрожала намъ со всѣхъ сторонъ; и хотя слухи о непріятельскихъ силахъ, шедшіе черезъ армянъ, могли быть преувеличены, но, во

всякомъ случаѣ, защищать одновременно всѣ эти пункты, при не-обезпеченности еще персидской границы, намъ было невозможно. Обстоятельства усложнялись тѣмъ, что надъ самымъ Ахалцыхомъ тяготѣло въ то время страшное бѣдствіе: тамъ появилась чума, занесенная, какъ полагаютъ, во время осады, и всѣ мѣры, приня-тые для борьбы съ нею, оказывались безсильными; стѣсненное положеніе гарнизона, вынужденнаго держаться въ крѣпостныхъ стѣнахъ, мѣшало¹⁾ подвергнуть войска карантиннымъ правиламъ, и чума почти безпрепятственно уносила въ могилу и храбрыхъ шир-ванцевъ, и еще большее число несчастныхъ разоренныхъ жите-лей города. Довольно сказать, что въ короткое время, въ теченіе 6—8-ми недѣль послѣ осады, одинъ Ширванскій полкъ, изъ двухъ своихъ баталіоновъ, похоронилъ 250 человѣкъ, и только необычай-ная энергія остальныхъ людей поддерживала бодрость духа въ за-щитникахъ Ахалцыха. Въ Баязетѣ зараза вырывала жертвы почти въ такихъ же размѣрахъ¹⁾).

„Сии несчастныя обстоятельства,—доносилъ Паскевичъ госу-дарю,---могутъ совершенно измѣнить весь планъ кампаніи. Я не могу итти съ центромъ впередъ, оставляя на флангахъ отряды, истребляемые заразой и угрожаемые многочисленнымъ и упорнымъ непріателемъ. Сообразуясь съ начертаніями Вашего Величества, сдѣлаю все, что обстоятельства позволяютъ, но долженъ предва-рительно обезпечить фланги мои пресѣченіемъ заразы или раз-сѣяніемъ направленныхъ противъ нихъ турецкихъ войскъ²⁾).

Между тѣмъ въ Карсѣ и Баязетѣ начались уже военныя дѣйствія. Стало извѣстнымъ, что султанъ отправилъ къ эрзерум-скому сераскиру два милліона піастровъ съ тѣмъ, чтобы купить спокойствіе курдовъ, начинавшихъ уже съ минувшей зимы коле-баться на чью сторону перенести свое оружіе. Турецкое золото, а можетъ быть и сомнѣнія, чтобы русскіе вышли побѣдителями изъ-подъ ударовъ двухъ мусульманскихъ державъ, склонили куртин-скихъ старшинъ искать сближенія съ Турціей, и они первые от-крыли рядъ разбойничьихъ набѣговъ и нападеній на мирныя села.

¹⁾ Князь Щербатовъ. „Фельдмаршалъ Паскевичъ“.

²⁾ Донесеніе графа Паскевича государю 16-го мая 1829 года.

Но какъ только выяснилось, что дальше этихъ дѣйствій они не пойдутъ, Паскевичъ, успокоенный за безопасность лѣваго фланга и центра, сосредоточилъ все свое вниманіе на положеніи ахалцыхскаго гарнизона, сообщеніе съ которымъ, вслѣдствіе весенней распутицы, становилось еще затруднительнѣе, нежели зимою.

Поэтому генералу Бурцеву приказано было немедленно выступить изъ Гори съ двумя баталіонами Херсонскаго гренадер. полка, съ восьмью орудіями и стать впереди Ацхура, чтобы служить ближайшимъ резервомъ Ахалцыху. Бурцевъ съ трудомъ добрался до боржомскаго ущелья, но здѣсь долженъ былъ остановиться у нижней переправы, такъ какъ разлившаяся Кура уничтожила даже признаки дороги, по которой онъ еще недавно прошелъ на помощь Ахалцыху. Долго пытались войска переправиться черезъ Куру на паромѣ, и каждый разъ рѣка бѣшеннымъ напоромъ воды разрывала канатъ и уносила паромъ, при чемъ нѣсколько гренадеръ утонуло. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, въ концѣ концовъ, удалось таки переправить пѣхоту съ горнымъ единорогомъ; но весь обозъ и полевая артиллерія остались на томъ берегу, подъ прикрытіемъ роты. Другія двѣ переправы были еще труднѣе, и за каждую изъ нихъ приходилось расплачиваться человѣческими жертвами. Тѣмъ не менѣе, 17-го апрѣля, Бурцевъ миновалъ Ацхуръ и сталъ въ 40 верстахъ впереди его, въ окрестностяхъ Абастумана. Цѣлью движенія на этотъ разъ была простая рекогносцировка, но князь Бебутовъ, желая воспользоваться присутствіемъ нашихъ войскъ у Абастумана, поручилъ ему строго наказать нѣкоторыя деревни, наиболѣе волновавшіяся во время осады Ахалцыха. Бурцевъ грозою прошелъ почти вплоть до подошвы аджарскихъ горъ, и населеніе, лишившееся всего имущества и загнанное имъ въ горныя ущелья, еще заваленныя снѣгомъ, вынуждено было просить о пощадѣ. Бурцевъ взялъ аманатовъ и отошелъ къ Ацхуру ¹⁾).

Вѣсть, что русскія войска уже подходятъ изъ Грузіи, ускорила наступленіе турецкихъ войскъ, и 25-го апрѣля авангардъ ихъ подъ личнымъ начальствомъ Ахмедъ-бека, спустившись съ горъ,

---

¹⁾ Арх. штаба Кавк. воен. окр. Дѣло 1829 г № 68. О движеніи Бурцева на помощь къ Ахалцыху.

занялъ деревню Квели. Лазутчики сообщили, однако, что аджарцы пришли на легкѣ, безъ артиллеріи, которую не могли перетащить черезъ горы и потому рассчитываютъ ограничиться пока только разореніемъ христіанскихъ деревень въ Ардаганскомъ санджакѣ. Князь Бебутовъ съ своей стороны поспѣшилъ воспользоваться неосторожнымъ движеніемъ Ахмедъ-бека, чтобы разбить его прежде, чѣмъ подойдутъ остальные турецкія войска, и поручилъ экспедицію генералу Бурцеву.

30-го апрѣля Херсонскій полкъ съ 5-ю орудіями выступилъ изъ-подъ Ацхура къ д. Квели и по пути соединился еще съ двумя ширванскими ротами и казачьимъ полкомъ Леонова, высланными изъ Ахалцыха. На дорогѣ получены были свѣдѣнія, что непріятель уже выступилъ изъ д. Квели къ Ардагану, и Бурцевъ, быстро сообразивъ возможность отрѣзать его отъ горъ, форсированнымъ маршемъ двинулся къ деревнѣ Цурцкаби. Удастся это движеніе,—и непріятель, отброшенный внутрь пашалыка, могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Къ счастью для турокъ, это опасное движеніе было открыто во время, и Ахмедъ-бекъ вернулся назадъ съ такою поспѣшностью, что когда Бурцевъ подошелъ къ деревнѣ, она уже была занята пятитысячнымъ турецкимъ отрядомъ.

Цурцкаби—большая обмусульманившаяся въ конецъ деревня, не сохранила отъ старины ни малѣйшихъ признаковъ, которые свидѣтельствовали бы о томъ, что и она нѣкогда принадлежала къ общей семьѣ грузинской народности. Православная церковь, гдѣ въ старые годы все населеніе Посховскаго бассейна собиралось слушать пастырское слово, давно обращена въ мечеть, и съ ея плоской кровли мулла призывалъ правовѣрныхъ къ намазу. Отъ прежняго величественнаго храма, какъ отъ большей части церквей этой злополучной мѣстности, остались только голыя стѣны, да нѣсколько камней, сохранившихъ неясные слѣды грузинскихъ надписей.

Подходя къ Цурцкаби, войска увидѣли передъ собою рядъ высотъ, которыя, заслоняя деревню, громоздились амфитеатромъ одна выше другой и были усыяны турецкими стрѣлками. Расчи-

тывая на крѣпость позиціи, Ахметъ-бекъ намѣревался отстаивать одну высоту за другою и затѣмъ, когда русскій отрядъ уже будетъ ослабленъ значительными потерями, дать рѣшительный бой подъ самою деревнею, гдѣ были укрыты его резервы.

Теперь положеніе самого Бурцева, очутившагося внезапно передъ сильною позиціей непріятеля, стало опаснымъ. Обойти высоты было нельзя, а штурмовать ихъ съ фронта значило рисковать большими потерями. Но Бурцевъ все-таки предпочелъ лучше итти впередъ, чѣмъ отступать на протяженіи 50-ти верстъ, подъ ударами противника, дерзость котораго возрастала бы по мѣрѣ его успѣховъ. Приступъ начался въ два часа пополудни. Первая позиція турокъ скоро была взята херсонцами, но послѣдующія оборонялись такъ упорно и требовали такого напряженія силъ, что когда ширванскія роты овладѣли послѣдней высотой—отрядъ остановился всего въ полтора шагахъ отъ Цурцкаби. Потеря была уже огромная, а передъ войсками стояла еще деревня, окруженная прочной деревянной стѣной, оборона которой усиливалась нѣсколькими ярусами огня изъ всѣхъ домовъ селенія. Въ эту то роковую минуту непріятель вдругъ выдвинулъ свои резервы и всѣми силами перешелъ въ наступленіе. Жестокій бой не разъ переходилъ въ рукопашную схватку и длился до самаго вечера. Бурцевъ удержалъ за собою позицію, но и деревня осталась въ рукахъ Ахметъ-бека.

Наступила темная апрѣльская ночь. Положеніе обоихъ противниковъ, измученныхъ боемъ, понесшихъ большія потери, было настолько критическое, что трудно было даже сказать, что произойдетъ поутру: русскіе-ли попытаются овладѣть деревнею, турки ли еще разъ атакуютъ русскую позицію, или, наконецъ, одна изъ сторонъ, слабѣйшая духомъ, воспользуется ночью, чтобы заблаговременно уйти изъ-подъ ударовъ противника? Случилось именно послѣднее. Турки покинули деревню и въ полночь быстро отступили въ горы. Бурцевъ съ разсвѣтомъ пошелъ по слѣдамъ непріятеля и предалъ огню всѣ встрѣчавшіяся ему на пути непокорныя деревни.

Между тѣмъ въ Ахалцыхъ получены были извѣстія, что другой турецкій отрядъ, спустившійся съ горъ, заходитъ Бурцеву въ тылъ. Князь Бебутовъ отправилъ немедленно къ нему навстрѣчу еще баталіонъ Ширванскаго полка, и въ крѣпости остались всего три роты гарнизона. Ахалциху пришлось пережить нѣсколько тревожныхъ дней, пока наконецъ не получились извѣстія, что Ахмедъ-бекъ бѣжалъ изъ Цурцкаби, и что турецкій отрядъ, стремившійся къ нему на помощь, поспѣшно удалился въ Аджарію. Въ краѣ водворилось спокойствіе.

Не заходя въ зачумленный Ахалцыхъ, Бурцевъ съ Херсонскимъ полкомъ возвратился обратно въ Боржомское ущелье, и тамъ, гдѣ грозно сдвинувшіяся скалы образуютъ такъ называемый Страшный Окопъ, столько лѣтъ стоявшій дозоромъ на русской границѣ, поставилъ сильное укрѣпленіе, подъ прикрытіемъ котораго коммуникація съ Грузіей была вполнѣ обезпечена.¹⁾

Эти двѣ экспедиціи Бурцева въ Абастуманскій санджакъ и къ Цурцкаби, помимо успѣховъ русскаго оружія, были важны еще въ томъ отношеніи, что послѣ нихъ край, гдѣ турецкія войска прежде находили обильное продовольствіе и удобныя квартиры, теперь былъ совершенно опустошенъ,—и Ахалцыхъ, еще разъ вырученный изъ опаснаго положенія, находилъ для себя въ этомъ обстоятельствѣ новую защиту.

Но приближалось время, когда на тѣхъ же самыхъ поляхъ готовились совершиться болѣе грозныя и важныя событія,—открывалась кампанія 1829 года.

У турокъ шла необычайная дѣятельность. Войска ихъ со всѣхъ сторонъ тянулись на сборные пункты: одни въ крѣпость Гасанъ-кала, гдѣ находился уже самъ Гагки-паша, фактически вступившій въ роль турецкаго главнокомандующаго; другія—на Нариманъ и Ольты, гдѣ формировался особый 15-ти тысячный корпусъ сераскирскаго Кягъи-бека (начальника штаба), который имѣлъ порученіе принять подъ свое начальство всѣ войска, бывшія въ Аджаріи и дѣйствовать съ ними противъ Ахалцыха; туда

¹⁾ Тамъ же. Рапортъ Бурцева отъ 1-го іюня 1829 года № 71.

же направлялись по горнымъ дорогамъ множество аробъ и длинные верблюжьи транспорты, перевозя изъ Эрзерума различные боевые запасы. Соединеніе между Карсомъ и Ардаганомъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ; турецкая конница, прошедшая изъ Ольты въ Гельскій санджакъ, стала въ верховьяхъ Куры и наводила окрестность своими легкими партіями. Жители, объятые страхомъ, не знали что дѣлать и чьей стороны держаться. Магометане приостановились съ посѣвомъ хлѣба; нѣкоторые совсѣмъ ушли въ непріятельскую землю; другіе намѣревались послѣдовать за ними, но предварительно желали разграбить армянъ, защита которыхъ ложилась новымъ бременемъ на войска карскаго гарнизона.

Обширныя средства, дававшія сераскиру возможность открыть кампанію разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ, требовали и со стороны графа Паскевича такого распредѣленія силъ, чтобы непріятель повсюду могъ встрѣтить отпоръ. Весь планъ кампаніи приходилось передѣлывать. Теперь нечего было и думать о наступленіи противъ турокъ съ двухъ сторонъ отъ Карса и Баязета, какъ это предполагалось въ минувшемъ году. Баязетскій пашалыкъ самъ уже требовалъ помощи, ибо, съ удаленіемъ оттуда отряда Панкратьева, въ немъ осталось только четыре баталіона.

Инициатива наступленія очевидно переходила къ туркамъ, и объектами ихъ дѣйствій на первый разъ являлись Карсъ и Ахалцыхъ. Стратегическая обстановка указывала намъ на необходимость обезпечить оба названные пункта и, сверхъ того, имѣть сильный подвижной резервъ, который, въ случаѣ надобности, могъ бы дать помощь тому или другому изъ передовыхъ отрядовъ. Съ этою цѣлью колонна Бурцева, (Херсонскій полкъ) опять перешла къ Ахалцыху и прикрыла его со стороны Ардагана; отрядъ Панкратьева—Кабардинскій полкъ, шесть ротъ севастопольцевъ, два слабые казачьи полка и двѣнадцать орудій передвинуты были съ береговъ Арпачая къ Карсу и туда же направлены изъ Грузіи весь 42-й и по одному баталіону отъ 40-го и 41-го Егерскихъ полковъ, вмѣстѣ съ 12-ю батареями и 8-ми легкими орудіями; наконецъ, генералъ Муравьевъ съ Кавказской гренадерской бри-

гадой при 28-ми орудіяхъ образовалъ резервъ и сталъ въ Ахалкалакахъ. Кавалерія раздѣлена была на двѣ части: Сводный уланскій полкъ, Черноморскій казачій, первый и второй конно-мусульманскіе полки вошли въ составъ карскаго отряда генерала Панкратьева, а полки: Нижегородскій драгунскій, Сборный линейный, Донской казачій Карпова и третій конно-мусульманскій поступили въ резервную ахалкалакскую колонну генерала Муравьева.

Затѣмъ въ Тифлисѣ остался только Крымскій пѣхотный полкъ въ кадровомъ составѣ, да батарейная рота 20-й артиллерійской бригады,—и это было все, чѣмъ могла располагать Грузія для собственной защиты.¹⁾ Пришлось по необходимости обратиться къ сбору грузинской милиціи. „Передъ вами, грузины,—писалъ въ своемъ возваніи военный губернаторъ генералъ Стрекаловъ,—открыто нсвое поле для дѣйствій. Съ появленіемъ вашимъ въ рядахъ безстрашнаго русскаго воинства, вы становитесь участниками великихъ событій и дѣлъ нашего времени, удивляющихъ современниковъ, заслуживающихъ благодарность потомства.“ По этому возванію грузины Горійскаго, Душетскаго, Телавскаго и Сигнахскаго уѣздовъ выставили двѣ тысячи ратниковъ, которые, разбившись на дружины, заняли Боржомское ущелье и протянули кордонную цѣпь по Карталиніи, а частью по р. Алазани. Только Тифлисъ съ его уѣздомъ оказались внѣ патріотическаго движенія. Стрекаловъ доносилъ графу Паскевичу, что во всемъ Тифлисскомъ уѣздѣ не оказалось не только поселянъ, желавшихъ добровольно служить въ ополченіи, но даже не нашлось и помѣщиковъ, готовыхъ стать противъ непріятели.²⁾ Графъ Паскевичъ обошелся безъ нихъ.

Войска уже стояли на сборныхъ пунктахъ, когда главнокомандующій, принявъ въ Тифлисѣ персидское посольство, поспѣшилъ къ войскамъ и 16-го мая прибылъ въ Ахалкалаки. Здѣсь получены были извѣстія, что корпусъ Кягъи-бека уже прошелъ долину Геля и подходитъ къ Ардагану. Это заставило Паскевича двинуться навстрѣчу къ нему со всей колонной Муравьева; но Кягъи-бекъ

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 40.

²⁾ Докладная записка генералъ-адъютанта Стрекалова графу Паскевичу 4-го ноября 1829 г. № 125.

уклонился отъ боя и скрылся въ Аджарскія горы. Съ отступленіемъ Кягьи-бека опасность для Ардагана однако не уменьшилась. Главнокомандующій отлично понималъ что стоитъ русскимъ войскамъ отойти отъ крѣпости, какъ турки снова появятся передъ нею, а потому, чтобы поставить гарнизонъ въ положеніе вполнѣ самостоятельное, онъ потребовалъ изъ Карса еще баталіонъ 40-го Егерскаго полка съ 4-мя орудіями. Баталіонъ пришелъ форсированнымъ маршемъ. Но вслѣдъ за нимъ отъ Панкратьева прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что авангардъ главной турецкой арміи, подъ начальствомъ Османъ-паши, перешелъ Согаѣлугъ и сталъ по южную сторону горъ въ окрестностяхъ Бегли-Ахмета. Въ тоже время Кягьи-бекъ, испытавшій неудачу подъ Ардаганомъ, двинулся къ Ахалцыху, а ванскій паша стягивалъ войска къ Баязету.

Вся эта обстановка заставила графа Паскевича раздѣлить свои силы.

„Движеніемъ моимъ къ Ардагану,— писалъ онъ государю, — я думалъ разбить непріятеля на правомъ флангѣ, а потомъ направиться къ Карсу. Но непріятель отступилъ въ неприступныя горы Аджаріи. По всѣмъ извѣстіямъ, число войскъ его, по соединеніи всѣхъ отрядовъ, можетъ простираться здѣсь до 30-ти тысячъ. Генераль Бурцевъ съ однимъ Херсонскимъ полкомъ не можетъ держаться въ полѣ противъ такихъ силъ и долженъ будетъ отступить подъ самыя стѣны Ахалцыха,—а это подвергнетъ его войска опасности получить чумную заразу, свирѣпствующую еще между гарнизономъ.“ Чтобы выйти изъ такого положенія, Паскевичъ приказалъ Муравьеву со всѣмъ Ардаганскимъ отрядомъ соединиться съ Бурцевымъ около Дигура и закрыть туркамъ выходъ изъ Посховскаго ущелья. а самъ въ тотъ же день, 30-го мая, въ сопровожденіи лишь Нижегородскаго полка, линейныхъ казаковъ и двухъ ротъ пѣхоты, поспѣшилъ къ Карсу. „Въ Карсѣ,—доносилъ онъ государю,¹⁾—я съ большими затрудненіями могу собрать всего 8 баталіоновъ противъ всѣхъ силъ сераскира. Помочь лѣ-

---

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 3-го іюня 1829 года

вому флангу нечѣмъ. Но если намъ удастся разбить непріятеля въ центрѣ, то опасность съ той стороны разсѣется сама собою. Обстоятельства побуждаютъ меня дѣйствовать немедленно, не ожидая укомплектованія, и я начинаю кампанію на главномъ пунктѣ менѣе, нежели съ прошлогодними силами.“

„Донося о семъ затруднительномъ моемъ положеніи, сдѣлавшимся по неожиданнымъ обстоятельствамъ даже критическимъ,— заключалъ онъ всеподданнѣйшій рапортъ—присовокупляю, что я буду стараться выйти изъ онаго, употребляя всѣ усилія, дабы заслужить высочайшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе.“

1-го іюня Паскевичъ былъ уже въ Карсѣ. Здѣсь, на тѣсной площадкѣ передъ домомъ, приготовленнымъ для главнокомандующаго, онъ встрѣченъ былъ генераломъ Панкратьевымъ со всѣми офицерами отряда. Послѣ короткаго представленія, Паскевичъ вошелъ въ домъ и занимался до самаго вечера, то принимая доклады, то выслушивая лазутчиковъ и провѣряя ихъ показанія съ тѣми свѣдѣніями, которыя имѣлись въ главной квартирѣ. Въ полночь онъ потребовалъ къ себѣ коменданта и сказавъ ему: „Я хочу, чтобы турки еще сегодня же узнали о моемъ прибытіи, а потому сейчасъ откройте бѣглый огонь со всѣхъ орудій крѣпости и цитадели.“ И вотъ, разомъ загудѣли десятки орудій и гулъ ихъ, какъ предвѣстникъ идущей грозы, глухо докатился до передового турецкаго стана.

На слѣдующій день, 2-го іюня, отрядъ Панкратьева двинулся впередъ къ Бегли-Ахмету; но турки, узнавъ о прибытіи Паскевича, въ ту же ночь отошли за Соганлугъ. Два дня не было никакихъ извѣстій ни изъ-за Соганлуга, ни изъ Ахалцыха, а на третій день прискакалъ курьеръ отъ генерала Муравьева съ донесеніемъ о совершенномъ пораженіи Кягьи-бека. Курьеръ привезъ съ собою и отбитыя турецкія знамена. Это было первое блестящее дѣло въ сткрывающейся кампаніи, и графъ Паскевичъ, окруженный всѣми офицерами отряда, съ живымъ интересомъ разспрашивалъ о подробностяхъ боя, успѣхъ котораго превзошелъ его ожиданіе. Событіе это произошло въ раіонѣ праваго фланга слѣдующимъ образомъ.

Въ то время, какъ Муравьевъ шелъ на соединеніе съ Бурцевымъ, въ Ахалцыхъ не имѣли никакихъ свѣдѣній о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ главнокомандующимъ. Курьеръ, посланный съ этою депешей, встрѣчая повсюду непріятельскія партіи, долженъ былъ пробираться горами, безъ всякихъ дорогъ и опоздалъ на цѣлыя сутки. Тѣмъ временемъ генераль Бурцевъ, по соглашенію съ княземъ Бебутовымъ, предпринялъ экспедицію совершенно въ другую сторону, въ Кобліанскій округъ, для усмиренія возмущенныхъ жителей.

Былъ праздникъ байрамъ; въ горахъ не ожидали появленія русскихъ, и безпечные жители оставили границу почти безъ наблюденія. Бурцевъ нагрязнулъ врасплохъ и пошелъ жечь деревню за деревню. Въ это самое время курьеръ съ депешами главнокомандующаго прискакалъ въ Ахалцыхъ и, не заставъ тамъ Бурцева, пустился за нимъ въ догонку. Онъ настигъ его ночью 30-го мая на бивакъ и передалъ депеши. Бурцевъ очутился въ положеніи весьма затруднительномъ. Немедленно исполнить приказанія было невозможно, потому что большая часть его отряда осталась подъ Ахалцыхомъ, а между тѣмъ, всякое промедленіе могло быть гибельнымъ для Муравьева, который могъ очутиться одинъ подъ ударами всего турецкаго корпуса. ¹⁾

— „Ну, Николай Яковлевичъ, обратился Бурцевъ къ своему баталіонному командиру полковнику Гофману берите все что есть,—а это все, было три роты Херсонскаго полка, 200 казаковъ, и 4 орудія—и сейчасъ же выступайте къ Дигуру. Я вернусь въ Ахалцыхъ и немедленно прійду вслѣдъ за вами съ остальнымъ отрядомъ.“ ²⁾

Гофманъ выступилъ въ полночь кратчайшей дорогой и къ 10-ти часамъ утра 1-го іюня подошелъ къ Посховъ-чаю. Прямо передъ нимъ, по ту сторону рѣчки, виднѣлась деревня Дигуръ, а далѣе шла большая дорога къ селенію Чаборію, возлѣ которой стоялъ огромный непріятельскій лагерь, расположенный на полу-горѣ, возлѣ какого то стараго христіанскаго кладбища.

¹⁾ Тамъ же Дѣло 1829 года № 68

²⁾ Кавказскій Сборникъ, т. I. Андреевъ, „Кавказская Старина“.

Едва казаки переправились черезъ рѣчку, какъ въ непріятельскомъ станѣ поднялась тревога. Черезъ минуту турецкая конница уже скакала къ Дигуру. () Муравьевъ не было никакого извѣстія, и Гофманъ, спѣшившій къ нему на помощь, самъ очутился неожиданно лицомъ къ лицу со всѣми силами непріятеля. Приказавъ казакамъ остаться на высотахъ по ту сторону рѣчки, чтобы держать въ своихъ рукахъ переправу, онъ выслалъ къ нимъ на помощь еще 60 стрѣлковъ, а три роты херсонцевъ съ четырьмя орудіями расположилъ на правомъ берегу Посховъ-чая — и сталъ выжидать нападенія.

Въ половинѣ 12-го часа шесть тысячъ турокъ повели атаку разомъ по обѣ стороны рѣки и на херсонскія роты, и на высоты, занятые казаками. Спѣшившіеся казаки вмѣстѣ со стрѣлками отбивались геройски. Отстаивая самихъ себя, они въ то же время помогали и гренадерамъ, обстрѣливая огнемъ атакующую ихъ конницу. Въ свою очередь, орудія, бывшія при херсонцахъ, помогали казакамъ,—и эта замѣчательная взаимная поддержка, доходившая до самоотверженія, спасла и тѣхъ и другихъ. Свернувшись въ каре, гренадеры держались стойко. Гофманъ, старый солдатъ, дравшійся еще подъ Краономъ, гдѣ подъ страшнымъ натискомъ французской кавалеріи, ему доводилось отступать „тихимъ учебнымъ маршемъ“—самъ управлялъ огнемъ, не позволяя никому выпустить лишняго заряда. Молча, съ ружьемъ у ноги, стояли ротныя каре, и только когда турецкая конница налетала на нихъ со всѣхъ сторонъ, какъ шумная лавина,—каре окутывались бѣлымъ дымомъ, гремѣлъ залпъ, и поле покрывалось людскими и конскими трупами. Кровавою баррикадою громоздились передъ ними тѣла враговъ; чѣмъ дальше—тѣмъ выше росъ этотъ страшный барьеръ, и тѣмъ труднѣе становились атаки для кавалеріи. Съ 12-ти часовъ до трехъ пополудни держалась горсть русскихъ подъ напоромъ шеститысячной конницы. И нельзя сказать, чтобы эта конница дралась нерѣшительно, вяло или колебалась бы въ минуты опасности. Подъ градомъ пуль, устилая путь своими тѣлами, она налетала на русскія каре и, съ размаху ударившись о стѣну склоненныхъ штыковъ, съ минуту кружилась на

мѣстѣ и обезсиленная, уносилась назадъ съ тѣмъ, чтобы повторить ударъ. Былъ даже случай, что турки врубались въ каре, и одинъ байрактаръ, со знаменемъ въ рукахъ, бросившись на ротнаго командира капитана Рябинина, выстрѣломъ изъ пистолета въ упоръ положилъ его на мѣстѣ. Но солдаты быстро сомкнулись надъ тѣломъ своего офицера — и каре устояло. Байрактаръ былъ поднятъ на штыки, и знамя его взято. Отброшенные назадъ, турки успѣли, однако, увезти съ собою четыре русскія головы, но зато оставили внутри каре болѣе десятка своихъ наѣздниковъ.

Въ четвертомъ часу пополудни подошелъ наконецъ Бурцевъ съ двумя баталіонами Херсонскаго и Ширванскаго полковъ, и почти въ тоже время показался авангардъ Муравьева. Непріятель тотчасъ прекратилъ бой, и баталіонъ 40-го Егерскаго полка, вмѣстѣ съ 3-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ, тотчасъ присоединились къ генералу Бурцеву ¹⁾).

Въ то время какъ полковникъ Гофманъ сражался подъ Дигуромъ, генералъ Муравьевъ только что прибылъ въ Цурцкаби и здѣсь услышалъ отдаленные раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Не было сомнѣнія, что отрядъ Бурцева столкнулся съ турецкимъ корпусомъ, и Муравьевъ, покинувъ обозы, двинулся къ нему на помощь. Онъ прибылъ въ сумеркахъ, когда бой уже окончился и сталъ отдѣльно на правомъ берегу Посховъ-чая, напротивъ Чаборію. Поручивъ свою колонну казачьему полковнику Сергѣеву, онъ самъ прибылъ къ Бурцеву и, какъ старшій, принялъ начальство надъ обоими отрядами. На общемъ совѣщаніи, происходившемъ въ тотъ же вечеръ, рѣшено было на слѣдующій день, 2 го іюня, атаковать непріятельскій лагерь одновременно двумя колоннами: генерала Бурцева со стороны Дигура и полковника Сергѣева — отъ Посховъ-чая. Время для движенія рассчитано было вѣрно, но не была принята во вниманіе трудность переправы черезъ Посховъ-чай, и бой произошелъ при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ предполагалось.

Солнце стояло довольно уже высоко, когда колонна Бурцева начала наступленіе. Впереди шелъ баталіонъ 40-го Егерскаго

---

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1829 года № 68. Рапортъ генерала Бурцева отъ 1-го іюня.

полка съ горными орудіями и донскимъ полкомъ Студеникина, подъ общею командой маіора Забродскаго, который долженъ былъ взять высоты, командовавшія непріятельскимъ лагеремъ; за ними, въ качествѣ частнаго резерва, двигался баталіонъ Ширванскаго полка съ двумя батарейными орудіями, а еще далѣе—два баталіона херсонцевъ и 2-й конно-мусульманскій полкъ съ остальною артиллеріею.

На небольшой полянѣ, между двумя деревнями Нижнимъ и Верхнимъ Чаборіо, стоялъ непріятель. И едва баталіонъ Забродскаго началъ подниматься на высоты, какъ турки обрушились на него всѣми своими силами. Войсковой старшина Студеникинъ бросился на помощь съ казачьимъ полкомъ, но долженъ былъ спѣшиться, чтобы отбиваться отъ массы, нахѣвшей на него кавалеріи-- и дѣло приняло неблагопріятный для насъ оборотъ. Колонна Сергѣева, долженствовавшая по расчету времени уже быть на мѣстѣ, еще не показывалась; баталіонъ ширванцевъ, задержанный тяжелой артиллеріей, отсталъ далеко; Забродскій и Студеникинъ въ продолженіи часа держались одни, возбуждая удивленіе даже въ самомъ непріятелѣ. Видя отчаянное положеніе передовыхъ частей, Бурцевъ приказалъ ширванцамъ бросить орудія; но ширванцы, понимая важность наступившей минуты, на рукахъ вытаскивали ихъ на горы и вмѣстѣ съ ними явились на поле сраженія.

Прибытіе свѣжаго баталіона заставило Кягъи-бека ослабить нападеніе на нашу первую линію; но за то онъ выдвинулъ резервъ и направилъ его къ Дигуру, чтобы, захвативъ деревню, отрѣзать русскимъ отступленіе. Положеніе отряда становилось опаснымъ. Правда, двѣ роты херсонцевъ, выдвинутыя изъ главнаго резерва, успѣли предупредить непріятеля и остановить его въ Дигурскомъ ущельѣ; но за то остановились и оба херсонскіе баталіона, не зная гдѣ нужна будетъ ихъ помощь, здѣсь или въ Чаборіо. Такимъ образомъ, на главномъ пунктѣ сраженія вся тяжесть боя легла на два баталіона нашихъ, которые не только выдержали натискъ цѣлаго корпуса, но стрѣлки Ширванскаго полка, подъ командой подпоручика Левицкаго, сбивъ турецкую цѣпь, ворвались

было въ самую дер. Чаборію, стремясь захватить орудія, но въ это время турецкая конница отрѣзала ихъ отъ колонны, и стрѣлки очутились окруженные непріятельскими войсками. Весь казачій полкъ Студеникина понесся на выручку. Донцы ударили сомкнутымъ фронтомъ, смяли турокъ и на ихъ плечахъ, вскочивъ въ деревню, захватили оба орудія, которыя такъ соблазняли Левицкаго. Ширванцы также пробились, но прибѣжали въ деревню тогда, когда донцы уже увозили орудія.

Рѣшительная атака казаковъ произвела въ рядахъ непріятеля минутное замѣшательство, и Бурцевъ, воспользовавшись этимъ, двинулъ въ штыки послѣднія шесть ротъ херсонцевъ. Наступила роковая минута. Непріятель, въ десять разъ превосходившій насъ своими силами, приготовился встрѣтить атаку дружнымъ ударомъ. Но тутъ случилось обстоятельство, безповоротно рѣшившее судьбу турецкаго корпуса. Изъ-за фланга нашей пѣхоты, вдругъ лихо вынесся 3-й конно-мусульманскій полкъ и, напутствуемый добрымъ пожеланіемъ Бурцева, съ рѣзкимъ крикомъ „Аллахъ!“ ринулся на турокъ... Почти въ ту же минуту въ тылу непріятеля появилась и колонна голковника Сергѣева.

Не выдержавъ стремительной атаки мусульманъ, поддержанныхъ полкомъ Студеникина, смущенная появленіемъ русскихъ войскъ у себя въ тылу, вся непріятельская линія обратилась въ безпорядочное бѣгство. Русская конница понеслась въ погоню, и мусульмане на легкихъ и быстрыхъ коняхъ, опередивъ донцовъ, нещадно рубили своихъ единовѣрцевъ. Это была еще первая служба мусульманъ въ русскомъ отрядѣ, и честь перваго блистательнаго боя выпала на долю борчалинскихъ, казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ. Они взяли три знамени, заставили непріятеля бросить двѣ пушки, отбили множество вьюковъ и, наконецъ, захватили весь лагерь со всѣмъ имуществомъ, снарядами и продовольствіемъ. Побѣда была полная, — весь корпусъ разсѣялся, и самъ Кягъи-бекъ едва успѣлъ ускакать въ Аджарію ¹⁾).

---

¹⁾ Дѣло № 68. Рапортъ Муравьева 2-го іюня № 114 и рапортъ графа Паскевича отъ 6-го іюня.

Уронъ турокъ, по ихъ показаніямъ, простирался до тысячи двухсотъ человекъ одними убитыми; но убитыхъ было бы еще больше, если бы мусульманскій полкъ не остановился въ покинутомъ лагерѣ. Находясь впереди, мусульмане больше всѣхъ и поживились добычею. Кромѣ разныхъ цѣнныхъ вещей, они набрали тамъ цѣлыя груды турецкихъ червонцевъ, цѣлые табуны верблюдовъ, которыхъ распродавали потомъ по рублю серебромъ, а въ палаткѣ паши нашли его повелительный жезлъ и четыре русскія головы—тѣ, которыя турки успѣли увезти изъ каре капитана Рябина. По своимъ обычаямъ татары устроили на своемъ бивакѣ національный праздникъ и тутъ же поднесли полковому командиру есаулу Мещеринову лучшую палатку, увѣшанную дорогимъ оружіемъ. Этотъ первый „чапауль“ (пожива) чрезвычайно ободрилъ ихъ и заставилъ забыть о понесенныхъ потеряхъ. Въ русскомъ отрядѣ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, было изъ строя 12 офицеровъ и до 100 нижнихъ чиновъ.

Какъ только окончился бой, двѣ роты Эриванскаго полка, изъ колонны Сергѣева, посланы были въ Цурцкаби за вагенбургомъ. На пути они узнали, что по ту сторону горъ тянется большой турецкій транспортъ, успѣвшій ускользнуть изъ Чаборіо. Эриванцы быстро перебрались черезъ хребетъ, еще покрытый снѣгомъ, и, разсѣявъ прикрытіе, захватили обозъ. Къ сожалѣнію, его нельзя было переправить черезъ горы, по отсутствію колесныхъ дорогъ, а потому раздавъ по рукамъ и навьючивъ на лошадей и быковъ все, что было возможно, остальную добычу эриванцы сожгли вмѣстѣ съ арбами. Этимъ эпизодомъ и закончилась экспедиція генерала Муравьева.

Полковникъ Гофманъ, войсковой старшина Студеникинъ и маіоръ Забродскій получили ордена св. Георгія 4-й степени; графъ Паскевичъ ходатайствовалъ о награжденіи тѣмъ же орденомъ и подпоручика Левицкаго, но государь замѣнилъ эту награду чиномъ и золотою саблею. Празднованіе этой первой побѣды, Паскевичъ обставилъ особою торжественностью и съ донесеніемъ о ней къ государю отправилъ адъютанта Муравьева штабсъ-капитана Кирилова.

3-го іюня войска, собранныя подъ Карсомъ, выстроились на обширной равнинѣ вокругъ церковнаго намета, у входа котораго были поставлены пять турецкихъ знаменъ. Одно изъ нихъ, выдѣлявшееся изъ всѣхъ множествомъ красивыхъ, узорчатыхъ надписей изъ корана, все было покрыто запекшимися пятнами крови. Это было знамя, стоившее жизни храброму капитану Рябинину и видно было, что турки разстались съ нимъ нелегко; другое было оранжевое, съ вышитою луною; третье зеленое, порванное въ клочки, быть можетъ въ минуту борьбы, когда его брали донцы или татары; остальные два были брошены турками во время бѣгства. Всѣ войска были одѣты въ парадную форму. Графъ Паскевичъ на бѣломъ арабскомъ жеребцѣ, въ голубой андреевской лентѣ, только что полученной имъ за покореніе Ахалцыха въ минувшемъ году, проскакалъ по фронту при громѣ барабаннаго боя и крикахъ „ура“. Когда поданъ былъ сигналъ на молитву, онъ сошелъ съ лошади и, окруженный знаменами, приблизился къ аналою. Дежурный штабъ-офицеръ прочелъ реляцію о побѣдѣ Муравьева,—и началось благодарственное молебствіе, закончившееся при пѣніи: „Тебѣ Бога хвалимъ“ громомъ пушечныхъ залповъ.

Церемоніальнаго марша не было. Паскевичъ просто обходилъ войска, останавливаясь передъ каждымъ баталіономъ, привѣтствуя и воодушевляя солдатъ короткою рѣчью. „Немногосложна и не краснорѣчива была эта рѣчь,—говорить одинъ современникъ,—но въ ней было все, что можетъ расшевелить и заставить сильно биться солдатское сердце“.

—„Вотъ какъ славно наши дерутся,—говорилъ онъ, указывая на турецкія знамена,—одинъ клочокъ нашъ въ пухъ разбилъ и разсѣялъ многочисленнаго непріятеля. Вы, ребята, конечно, не уступите имъ!—„Рады стараться!“ кричали солдаты.—„Я отъ васъ не требую, братцы, больше того, какъ вы дрались подъ Карсомъ и въ Ахалцыхѣ.“—«Еще лучше будемъ!» восторженно отвѣчали солдаты.

Передъ 42-мъ Егерскимъ полкомъ Паскевичъ сказалъ: „вы не поспѣли, ребята. Сороковые (т. е. 40-й полкъ) выпросились у меня и отличились: разбили на голову! тамъ впереди (онъ по-

казаль рукою на Соганлугскій хребетъ), говорятъ собираются какіе-то; вы ихъ также сомнете штыками.“— „Позвольте! Будемъ стараться! кричали егеря. Казакамъ рассказывалъ онъ о подвигѣ Студеникина, саперамъ напоминалъ Ахалцыхъ; артиллерійстамъ сказалъ: „У Муравьева отличились ваши товарищи; они на себѣ везли пушки на высокую гору, и оттуда засыпали турокъ картечью. Вы также сдѣлаете при случаѣ“. Мусульманскіе полки на привѣтствіи Паскевича отвѣчали русскимъ „ура“. Главнокомандующій сказалъ имъ, что и отъ нихъ ожидается такую же доблесть, какую показалъ третій полкъ въ дѣлѣ подъ Чаборіо. Мусульмане отвѣчали черезъ переводчика: „Сардаръ! наша жизнь до послѣдней капли крови принадлежитъ государю.“ Вспомнивъ, что съ Кириловымъ пріѣхалъ всадникъ третьяго полка, который взялъ турецкое оранжевое знамя, Паскевичъ потребовалъ его къ себѣ и тутъ же навѣсилъ на него собственноручно знакъ отличія военнаго ордена и подарилъ десять червонцевъ.

Пушинъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Черезъ десять дней послѣ отдѣленія отъ насъ Муравьева, онъ прислалъ реляцію о своей побѣдѣ вмѣстѣ съ Бурцевымъ: у турокъ отбиты знамена, вся артиллерія, множество плѣнныхъ, такъ что подъ Ахалцыхомъ нѣтъ непріятеля, и что онъ съ Бурцевымъ возвращается въ Карсъ. Кажется, что слѣдовало бы праздновать побѣду, но вмѣсто того Паскевичъ разразился гнѣвомъ на Сакена и Вольховскаго, упрекая ихъ въ томъ, что они своею интригою вырвали у него побѣду; а когда возвратился Муравьевъ и Бурцевъ, то вмѣсто солдатскаго «спасибо» сталъ критиковать ихъ маневры, выговаривать за значительную потерю людей, которая, напротивъ была самая ничтожная». Мы сочли нужнымъ привести эту выписку, потому что многіе военные писатели ссылаются въ своихъ сочиненіяхъ на свидѣтельства такихъ крупныхъ людей, какъ Пушинъ и Муравьевъ, но ихъ записками нужно пользоваться съ большою осторожностью; въ нихъ слишкомъ часто проглядываетъ пристрастное отношеніе къ дѣлу и желаніе выставить

---

¹⁾ Русскій Архивъ. 1884 г., т. 41. стр. 327. „Декабристы на Кавказѣ.“

собственное я. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Ничего подобнаго, о чемъ говоритъ Пущинъ, не было. Быть можетъ при свиданіи съ Муравьевымъ, Паскевичъ и сдѣлалъ ему рѣзкое замѣчаніе за не совсѣмъ удачныя распоряженія его подъ Чабсрію, вслѣдствіе чего цѣлая половина отряда не попала въ дѣло, и Бурцевъ, на котораго обрушилась вся тяжесть боя, понесъ не ничтожную, какъ утверждаетъ Пущинъ, а напротивъ, какъ мы видѣли, весьма значительную потерю. Но это не помѣшало Паскевичу дать надлежащую оцѣнку блистательной побѣдѣ. Выше сказано какимъ военнымъ торжествомъ она была отпразднована въ русскомъ корпусѣ, и Паскевичъ, желая выставить ее передъ государемъ въ особомъ блескѣ, послалъ съ донесеніемъ о побѣдѣ адъютанта Муравьева штабсъ-капитана Кирилова, да и самому Муравьеву исходатайствовалъ анненскую ленту «за благоразумныя его распоряженія и оказанную имъ храбрость ¹⁾».

Пораженіе Кягъи-бека было настолько рѣшительно, что Паскевичъ успокоенный на счетъ ахалцыхскаго пашалыка, притянулъ къ себѣ не только отрядъ генерала Муравьева, но и Херсонскій полкъ. Теперь подъ его начальствомъ сосредоточилось въ дѣйствующемъ корпусѣ 14 баталіоновъ пѣхоты, 12 полковъ кавалеріи и 70 орудій.

Пѣхоту составляли полки: Эриванскій карабинерный, Грузинскій и Херсонскій гренадерскіе, Кабардинскій пѣхотный, 42-й Егерскій и сводный—изъ баталіона севастопольцевъ и баталіона нахичеванскихъ сарбазовъ (армянъ), затѣмъ баталіонъ 41-го и двѣ роты 40-го Егерскихъ полковъ, 8-й піонерный баталіонъ—всего 12,340 штыковъ.

Кавалерія: Нижегородскій драгунскій и Сводный уланскіе полки, донскіе полки Сергѣева, Карпова, Фомина и Басова Сводный изъ черноморскихъ казаковъ, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й конно-мусульманскіе полки и конница Кянгерлы—всего около 6-ти тысячъ всадниковъ.

Артиллерія: 16 батарейныхъ орудій, 30 легкихъ, 12 донскихъ казачьихъ, 6 линейной казачьей роты, 4 горныхъ единорога и двѣ

---

¹⁾ Акты Кавк арх ком., т. VII, ст. 789. Всеподданнѣйшее донесеніе графа Паскевича 6-го іюня 1829 года

турецкія пушки, приспособленныя къ русской запряжкѣ - всего 70 орудій. ¹⁾

Изъ этихъ войскъ особенное вниманіе обращали на себя четыре конно-мусульманскіе полка и конница Кянгерлы, сформированные по мысли Паскевича. Первый полкъ составленъ былъ весь изъ коренныхъ жителей Карабага; второй—изъ жителей Ширванской и Шекинской провинцій; третій—изъ татаръ грузинскихъ дистанцій; четвертый—изъ эриванскихъ мусульманъ и конница Кянгерлы изъ особаго воинственнаго племени, обитавшаго въ Нахичеванской области. Всѣ эти полки сохраняли національный костюмъ и отличались другъ отъ друга только суконными звѣздами, нашитыми на ихъ высокихъ остроконечныхъ папахъ; у перваго полка онѣ были красныя, у второго—бѣлыя, у третьяго—желтыя, у четвертаго—голубыя, и конницы Кянгерлы—зеленыя. Такого же цвѣта были и полковыя знамена, богато украшенныя гербами Россійской Имперіи. Командовали полками русскіе офицеры, а сотнями—беки или почетные агалары. Въ общемъ, полки являли собою превосходный видъ; всадники были опрятны и красиво одѣты, отлично вооружены и, кромѣ 3-го полка, сидѣли на кровныхъ же ребцахъ карабахской породы. Третій полкъ, по замѣчанію Паскевича, отставалъ отъ другихъ по наружности, но онъ уже отличился въ сраженіи и зарекомендовалъ себя наилучшимъ образомъ.

Еще оригинальнѣе смотрѣли армяне, бывшіе персидскіе сарбазы, въ своей полуармянской и полуперсидской одеждѣ. Тутъ же находилось и челоуѣкъ 12 курдовъ, въ живописныхъ костюмахъ, на маленькихъ, но быстрыхъ лошадакахъ. Они пришли изъ Баязета. Это старшины вновь покорившихся племенъ, готовые воевать противъ турокъ съ надеждою «почапаулить». Но ихъ присутствіе въ арміи имѣло своего рода политическое значеніе: это были кадры, вокругъ которыхъ должны были собираться мусульмане, покоренныхъ турецкихъ земель.

¹⁾ Тамъ же. Всеподданнѣйшія донесенія графа Паскевича 6-го іюля 1829 года.

Глава XV.

Расположеніе русскаго корпуса у с. Катанлы въ виду Соганлугскихъ горъ.—Первыя извѣстія о непріятелѣ.—Лагерь Гагки-паши у Милидюза.—Переходъ черезъ Соганлугъ.—Движеніе Паскевича въ тылъ Гагки-паши. Пораженіе передоваго отряда у Бардуса —Неожиданная встрѣча съ сераскиромъ.—Бой у Каинлы. Разгромъ сераскирской арміи

Стромъ 9-го іюня 1829 года, когда въ русскій лагерь вступили побѣдоносные отряды Бурцева и Муравьева, весь дѣйствующій корпусъ, сильный не числомъ, а тѣмъ несокрушимымъ духомъ мужества, который ведетъ къ побѣдѣ расположился на пути изъ Карса въ Эрзерумъ, у сел. Котанлы, на самомъ рубежѣ своихъ прошлогоднихъ завоеваній. Впереди его высились мрачные хребты лѣсистыхъ Соганлугскихъ горъ, а за ними лежали невѣдомыя страны, гдѣ еще никогда не бывала русская нога. Войска знали, что имъ предстоитъ перейти этотъ заоблачный хребетъ, и что послѣднимъ словомъ въ маршрутѣ ихъ стоитъ Эрзерумъ столица Анатоліи. Ожидали только пріѣзда главнокомандующаго, оставшагося въ Карсѣ, чтобы сдѣлать послѣднія распоряженія. Онъ прибылъ въ тотъ же день передъ вечеромъ, облеченный новымъ довѣріемъ государя, съ чрезвычайными правами, властью и всѣми преимуществами главнокомандующаго большой дѣйствующей арміею. Войска встрѣтили его, впрочемъ, по домашнему, запросто, выбѣгая передъ палатки въ шинеляхъ и безъ ружей. Графъ Паскевичъ ѣхалъ шагомъ, поминутно останавливался и шутилъ съ солдатами¹⁾.

¹⁾ Записки Раджицкаго. Военный Журналъ 1857 г.

Положительныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не было, и только на слѣдующій день въ сумеркахъ явились двое нашихъ лазутчиковъ, возвратившихся изъ турецкаго лагеря, гдѣ имъ посчастливилось даже украсть нѣсколько лошадей; съ ними выбѣжалъ и плѣнный русскій солдатъ, взятый лезгинами еще при Ермоловѣ. Всѣ они согласно показывали, что въ Соганлугскихъ горахъ, верстахъ въ 50, у Милидюза стоитъ сильный турецкій корпусъ, подъ начальствомъ самого Гагки-паши, котораго они видѣли собственными глазами, когда онъ съ чубукомъ въ рукахъ сидѣлъ передъ своей палаткой. Высланная по тому направленію партія линейныхъ казаковъ дѣйствительно открыла турецкіе пикеты.

Корпусу Паскевича предстояло движеніе по большой дорогѣ изъ Карса въ Эрзерумъ, которая шла черезъ Котанлы и затѣмъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой деревни поднималась на Соганлугскій хребетъ двумя вѣтвями: лѣвая тянулась на Милидюзъ и Меджингертъ, правая—на Каинлы и замокъ Зивинъ. Спустившись съ горъ къ Араксу, обѣ дороги опять соединялись вмѣстѣ и у Кепри-кея выходили на гранзитный персидско-эрзерумскій путь. Меджингертская дорога была короче, нежели зивинская, зато послѣдняя удобнѣе и легче для движенія, но обѣ онѣ покрыты были густыми сосновыми лѣсами и пересѣкались множествомъ глубокихъ овраговъ.

Турецкій корпусъ стоялъ на меджингертской дорогѣ, занимая одинъ изъ пологихъ уступовъ горъ. Но это были только передовыя войска сераскира, а главныя силы его сосредоточены были за Кепри-кеемъ, у Гасанъ-кала, готовыя во всякую минуту двинуться оттуда къ Зивину.

Такимъ расположеніемъ войскъ сераскиръ преслѣдовалъ довольно сложный планъ дѣйствій, въ успѣхъ котораго однако не сомнѣвался. Онъ рассчитывалъ заманить Паскевича по зивинской дорогѣ вглубь Соганлугскихъ горъ и тогда, бросивъ весь корпусъ Гагки-паши въ тылъ русскимъ войскамъ, запереть ихъ въ горныхъ тѣснинахъ. Паскевичъ отчасти предугадывалъ планъ сераскира, и потому у него уже созрѣло рѣшеніе броситься по зивинской дорогѣ во флангъ или въ тылъ Гагки-пашѣ, разбить его

и затѣмъ со всѣми силами устремиться на сераскира, который по расчету времени никогда не успѣлъ бы предупредить пораженіе своего авангарда. Планъ былъ смѣлый и при неудачѣ могъ поставить Паскевича въ безвыходное положеніе, — но другого пути къ побѣдѣ не было. Вся задача теперь заключалась въ томъ, чтобы скрыть отъ Гагки-паши направленіе движенія нашихъ войскъ и заставить его думать, что нападеніе будетъ произведено по меджингертской дорогѣ.

Съ этою цѣлью, въ ночь на 12-е іюня, изъ лагеря выступилъ небольшой кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Бековича-Черкаскаго. Ему поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать и зивинскую дорогу, о которой у насъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Паскевичъ самъ проводилъ отрядъ и потомъ, какъ рассказываетъ Раджицкій въ своихъ запискахъ, въ глубокой задумчивости долго ходилъ передъ своей палаткой, обдумывая планъ предстоящихъ дѣйствій.

Князь Бековичъ дошелъ до самаго подножія хребта и выслалъ влѣво, къ лагерю Гагки-паши, казачій полкъ Басова, а вправо на Зивинь — гребенскую сотню съ поручикомъ Пушинымъ. Басовъ, дѣлая видъ, что рекогносцируетъ окрестность, какъ бы нечаянно приблизился къ турецкимъ аванпостамъ; но едва въ непріятельской цѣпи поднялась тревога — казаки повернули назадъ и исчезли, какъ ночныя тѣни, оставивъ турокъ въ полномъ убѣжденіи, что подходила казацкая партія съ цѣлью осмотрѣть пути, ведущіе въ лагерь, и что имъ именно отсюда слѣдуетъ ждать нападенія. Движеніе Пушина, напротивъ, тщательно было скрыто. Пользуясь темнотою ночи, онъ перебрался на зивинскую дорогу глухими оврагами и прошелъ по ней до опушки лѣса, нигдѣ не встрѣтивъ даже слѣдовъ турецкихъ разъѣздовъ. Подъ утро отрядъ вернулся назадъ, — и Паскевичъ рѣшилъ тогда же не откладывать далѣе переходъ черезъ Согоанлугскія горы. Войскамъ приказано готовиться къ походу.

13-го іюня, въ пять часовъ по полудни, весь дѣйствующій корпусъ, налегкѣ, безъ вагенбурга, выступилъ изъ лагеря. Пройдя верстъ пять, онъ остановился въ глухой лощинѣ, закрытой со

всѣхъ сторонъ утесами и глыбами скалъ. Здѣсь войска раздѣлились: Херсонскій гренадерскій полкъ съ казачьей бригадой и 10-ю орудіями, подъ командою генерала Бурцева потянулся влѣво, на Меджингертъ и, выдвинувшись на высоты, остановился на ночлегъ верстахъ въ 15-ти отъ турецкаго лагеря. Зарево, разведенныхъ имъ громаднхъ костровъ, озарившее широкимъ полукружіемъ вершины темныхъ горъ, озадачило турокъ. Остальныя войска Паскевича остались въ лощинѣ, чтобы, подъ покровомъ сумерокъ, когда вечерніе туманы закроютъ окрестность, быстрымъ движеніемъ скрытно перейти на зивинскую дорогу.

Между тѣмъ, Донской полкъ Фомина, посланный впередъ, скрытно пробрался по дремучему лѣсу, сбилъ передовые посты и въ погонѣ за ними едва не ворвался въ самый лагерь. Вся турецкая конница вскочила на коней, чтобы отразить ночное нападеніе, и казакамъ пришлось отступать подъ натискомъ громадной конной толпы. Въ лѣсу завязалась сильная перестрѣлка. Отступая, донцы тянули за собою всю турецкую конницу, пытавшуюся нѣсколько разъ отрѣзать ему отступление или прижать къ болотамъ. Потери росли; одиннадцать человѣкъ, отбившіеся въ лѣсу отъ полка, пропали безъ вѣсти, около 10 казаковъ было изрублено. Заря уже разливалась по небосклону, когда грохотъ лѣсной перестрѣлки заставилъ Бурцева двинуть всю остальную кавалерію на выручку Фомина. Но едва казаки Карпова и татарскій полкъ развернулись на опушкѣ лѣса,—какъ всѣ высоты надъ лѣвымъ флангомъ вдругъ зачернѣлись русскою конницей. То былъ корпусъ Паскевича, уже поднявшійся на Соганлугъ. Эффектъ, произведенный этой сценой, былъ поразительный. Турки, не ожидая появленія съ той стороны русскихъ войскъ, потеряли голову: пѣхота бросилась въ ружье, кавалерія, преслѣдовавшая Донской полкъ Фомина, поскакала назадъ, и корпусъ Гагки-паши сталъ выстраиваться къ бою на своей укрѣпленной позиціи.¹⁾

Переходъ Паскевича на зивинскую дорогу совершился безпрепятственно. Въ глухую ночь отрядъ подошелъ къ какой-то ра-

¹⁾ Арх. штаба Кавк. воен. окр. Д. 1829 г. № 65 Предписаніе графа Паскевича генералу Бурцеву отъ 13-го іюня № 744 и рапортъ Бурцева 14-го іюня № 1052.

зоренной дереvушкѣ, лежавшей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ подъема на Соганлугъ и сдѣлалъ привалъ. Пока пѣхота отдыхала, вся иррегулярная конница, подъ командой генерала Сергѣева, двинулась дальше, чтобы захватить опушку лѣса, въ которомъ могли находиться турки. Казачья сотня, высланная осмотрѣть дороги, дала знать, что непріятеля нигдѣ не видно, но что къ сторонѣ Миліюза слышна сильная ружейная перестрѣлка и, судя по ея направленію, можно заключить, что наши отступаютъ. Встревоженный Сергѣевъ извѣстилъ объ этомъ графа Паскевича, и изъ главной квартиры пришелъ на помощь къ нему весь Нижегородскій драгунскій полкъ съ шестью орудіями. Тогда кавалерія тронулась впередъ и стала подниматься на горы. Вмѣстѣ съ нижегородцами прибылъ знаменитый русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, пріѣхавшій въ дѣйствующій корпусъ, въ качествѣ простаго туриста, въ самый день выступленія его изъ Котанлы. Вотъ какъ онъ описываетъ это движеніе:

«Мы подъѣхали къ горамъ,—говоритъ онъ,—поросшимъ лѣсомъ и въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: „смотри, братъ, держись — какъ разъ картечью хватаютъ“. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцева, не воспользовались этими выгодами. Мы благополучно прошли опасныя ущелья и стали на высотахъ Соганлуга, верстахъ въ десяти отъ непріятельскаго лагеря. Природа около насъ была угрюма; воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами, снѣгъ лежалъ въ оврагахъ» ¹⁾).

Начинался разсвѣтъ 14-го іюня, когда при первыхъ лучахъ восходящаго солнца кавалерія Сергѣева взобралась на послѣднюю кручу и передъ нею открылся, какъ на ладони, весь раскинутый внизу турецкій лагерь Гагки-паши. Вотъ эта та кавалерія, внезапно повисшая надъ непріятельскимъ станомъ и вызвала у турокъ страшный переполохъ.

Въ 8 часовъ утра на высоты, занятыя Сергѣевымъ, прибылъ Паскевичъ, а вслѣдъ за нимъ стали подходить остальные войска

¹⁾ Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина „Путешествіе въ Арзерумъ“.

дѣйствующаго корпуса и располагались лагеремъ на голой, безлѣсной вершинѣ хребта, у самыхъ верховій рѣчки Инджа су. Цѣлые четыре часа оставался графъ Паскевичъ на высотахъ, обозрѣвая окрестность и только послѣ полудня, вмѣстѣ со всею кавалеріею, спустился внизъ и возвратился въ лагерь. На горахъ, въ видѣ передовой цѣпи, остались только двѣ сотни казаковъ, подъ командой подполковника Басова¹⁾.

Войска требовали отдыха. Они прошли въ эту ночь 39 верстъ съ двумя лишь небольшими привалами, а горныя дороги были трудны, и ночь была такъ темна, что авангарду приходилось время отъ времени оставлять небольшіе костры, чтобы обозначать путь слѣдовавшей за нимъ пѣхотѣ. Но отдыхать въ этотъ день никому не пришлось. Въ два часа пополудни, когда солдаты только что успѣли отобѣдать, на горахъ послышалась сильная ружейная перестрѣлка. Оказалось, что турецкая конница (делибаши), скрытно пробравшись ложиной, вдругъ кинулась на казачьи пикеты. Басовъ вывелъ навстрѣчу къ нимъ сотню своего полка и, отстрѣливаясь, медленно сталъ отходить назадъ. Въ лагерь ударили тревогу. Три конные полка, подъ командой Раевского, стали выѣзжать на дорогу; за ними выстраивались два баталіона пѣхоты съ пушками,— и все это двинулось впередъ, чтобы поддержать сбитые аванпосты; но непріятель не сталъ упорствовать и скрылся за горы. Аванпосты опять заняли свои мѣста.

Стычка эта осталась памятной, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней участвовалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, выѣхавшій изъ лагеря вмѣстѣ съ нижегородцами²⁾. Вотъ какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Я поѣхалъ съ Семичевымъ³⁾, говоритъ онъ, посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака под-

¹⁾ Арх. шт. Кавк. воен. окр. Д. 1829 г. № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича отъ 16-го іюня.

²⁾ По прибытіи въ дѣйствующій корпусъ А. С. Пушкинъ остался при Нижегородскомъ полку, которымъ командовалъ старый другъ его Н. Н. Раевскій; въ томъ же полку служилъ и родной братъ его Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

³⁾ Семичевъ командовалъ въ Нижегородскомъ полку 3-мъ эскадрономъ.

держивали его. „Много ли турокъ“? спросилъ Семичевъ. — „Свиньемъ валить, ваше высокоблагородіе“, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Прорѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склонѣ противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву и надъ ними около 500 турокъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большою дерзостью. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруею казаковъ. Человѣкъ 15 нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались, но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный“.

Варварскій обычай отсылать въ Константинополь головы, а кистями отрубленныхъ рукъ отпечатывать на знаменахъ кровавые знаки, сохранился еще тогда у делибашей во всей своей силѣ, и вообще повелѣніе султана плохо прививалось тамъ, гдѣ войска въ большинствѣ носили свой живописный старовосточный костюмъ и крѣпко держались стародревнихъ обычаевъ.

Пушкинъ не былъ только зрителемъ этого сраженія; но самъ вмѣшался въ казачью цѣпь и, схвативши пику раненаго казака, устремился на турокъ. Семичевъ, которому Раевскій поручилъ слѣдить за Пушкинымъ, зная горячій темпераментъ нашего поэта, съ трудомъ вывелъ его изъ рукопашной свалки. Не мало дивились наши донцы, увидѣвъ передъ собою незнакомаго героя въ круглой шляпѣ и въ буркѣ поверхъ статскаго сюртука. Пушкинъ одинъ въ цѣломъ лагерѣ носилъ статское платье и писалъ въ Москву, что солдаты, видя его верхомъ, величали „пасторомъ“. Впечатлѣнія этого дня вылились изъ-подъ пера поэта прекраснымъ стихотвореніемъ, озаглавленнымъ „Делибашъ“.

Въ тотъ же день случилось и другое происшествіе. Въ лагерь привели трехъ плѣнныхъ турокъ, изъ которыхъ одинъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашего лагеря, пасутся огромныя турецкія стада. Ему повѣрили,

и одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ Остенъ-Сакенъ былъ посланъ туда съ двумя линейными сотнями. Никакого стада они не нашли, но наткнулись на приготовленную засаду и вынуждены были отступить съ урономъ. Самъ Остенъ-Сакенъ былъ раненъ пулею въ ногу. О потеряхъ линейцевъ свѣдѣній не имѣется; но у Басова, кромѣ убитаго казака, ранено 12 человекъ, изъ которыхъ пять въ ту же ночь умерли.

Пока происходили эти стычки, турки, сбившіе наши пикеты, успѣли подняться на гору, и Гагки-паша лично осмотрѣлъ расположение русскаго корпуса. Но то, что онъ увидѣлъ было для него далеко не утѣшительно: по обоимъ берегамъ быстрой горной рѣчки Инджа-су бѣлѣло множество русскихъ палатокъ, и яркіе лучи солнца играли то на длинныхъ рядахъ пѣхотныхъ ружей, составленныхъ въ козлы, то на мѣдныхъ орудіяхъ артиллеріи; дальше, внизу, въ зеленой чащѣ кустарника чернѣлись драгунскія коновязи и пестрѣли флюгера уланскихъ пикъ, а еще ниже—живописно раскидывался бивакъ казачьей и мусульманской конницы. Передъ Гагки-пашею стоялъ весь русскій корпусъ, угрожая его сообщеніямъ съ сераскиромъ.¹⁾

Подкрѣпленія, высланныя изъ лагеря къ Басову, заставили его отступить; но цѣль рекогносцировки была достигнута. Онъ убѣдился, что Паскевичъ ночью обошелъ его съ лѣваго фланга, пройдя по дорогамъ, черезъ такія тѣснины, гдѣ даже небольшой отрядъ легко могъ задержать значительныя силы. Въ свою очередь и Паскевичъ былъ недоволенъ своею рекогносцировкой, результаты которой были для него далеко не благопріятны. Оказывалось, что съ мѣста, занимаемаго русскими, атаковать непріятеля было нельзя. Турецкій лагерь отдѣлялся отъ нашего тремя грядами коническихъ высотъ, а за ними, огибая весь лагерь Гагки-паши и уходя вдаль почти до самаго Зивина, тянулось Ханское ущелье—лѣсистое и окаймленное скалистыми, совершенно отвѣсными ребрами. Дорога обрывалась надъ самымъ ущельемъ, и артиллерію пришлось бы спускать на канатахъ. Очевидно, что атака съ этой стороны, если и была возможна, то стоила бы громаднѣхъ

¹⁾ Дѣло архива штаба Кавказскаго военнаго округа 1829 года № 99.

потерь уже по тому, что непріятель могъ употребить въ дѣло всю свою артиллерію, тогда какъ наша осталась бы на рукахъ отряда бесполезнымъ бременемъ. Только въ тылу Гагки-пашинскаго лагеря со стороны Зивина имѣлось къ нему сравнительно удободоступная полоска земли, проходившая подобно плотинѣ, между двумя оврагами. Но и эта плотина обстрѣливалась сильнымъ редутомъ, устроеннымъ въ серединѣ лагеря на высокомъ холмѣ, гдѣ стояла ставка главнокомандующаго. Ни одинъ стратегъ не выбралъ бы болѣе крѣпкой позиціи, и турки были увѣрены, что на высотахъ Соганлуга русское войско найдетъ себѣ гробъ. Такимъ образомъ, Паскевичъ могъ убѣдиться, что его движеніе не достигло желаемой цѣли, и ему оставалось одно — двигаться дальше, чтобы зайти въ тылъ непріятельскаго лагеря. Но предпріятіе это было уже слишкомъ рисковано: приходилось дѣлать трудное, 50-ти верстное обходное движеніе, бросить на глазахъ непріятеля свою коммуникаціонную линію и, можетъ быть, на Эрзерумской дорогѣ столкнуться съ самимъ сераскиромъ, передовыя войска котораго уже выступили изъ Гасанъ-кала и приближались къ Зивину.

Трудность движенія увеличивалась еще громаднымъ обозомъ, который нельзя было оставить на мѣстѣ, не раздѣляя войскъ, — а ихъ и безъ того было недостаточно. Паскевичъ сознавалъ свое положеніе и донесъ государю: „что только имѣя необходимость дѣйствовать немедленно и видя невозможность атаковать ни съ фронта, ни съ лѣваго крыла, рѣшаюсь я на сіе предпріятіе“. ¹⁾

Пять дней простоялъ корпусъ на высотахъ Соганлуга, поджидая свой вагенбургъ, покинутый имъ въ Котанлахъ. Огромный обозъ, болѣе чѣмъ въ три тысячи повозокъ и въ 10 тысячъ головъ вьючныхъ лошадей и порціоннаго скота, тянулся цѣлые три дня, задерживаемый трудными подъемами на горы. Чтобы прикрыть его движеніе, графу Паскевичу пришлось предпринять цѣлый рядъ демонстрацій къ сторонѣ турецкаго лагеря. Ежедневно половина корпуса поднималась на горы и выстраивалась противъ Милидюза. Бригада регулярной кавалеріи выдвигалась еще

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Военный журналъ Паскевича, книга V.

впередъ и располагалась ближе всѣхъ къ непріятелю. Казаки вели перестрѣлку. Турки прекрасно понимали, какое рѣшающее значеніе для цѣлой кампаніи имѣла бы гибель, или хотя-бы только разстройство русскихъ обозовъ, но выйти изъ лагеря съ рискомъ потерять его было невозможно. Демонстраціи графа Паскевича приковывали ихъ къ мѣсту. Русскія войска, между тѣмъ, были убѣждены, что ихъ не сегодня-завтра поведутъ брать непріятельскій лагерь, и, съ любопытствомъ всматривались въ турецкую позицію, дѣлали свои заключенія, какъ будутъ ее брать. При каждомъ появленіи главнокомандующаго солдаты просились въ бой. Но графъ Паскевичъ не хотѣлъ принимать на себя нравственную отвѣтственность за большія потери и сдерживалъ общее желаніе обѣщаніемъ побѣдъ въ недалекомъ будущемъ. „Многіе изъ васъ, — говорилъ онъ въ послѣдствіи въ своемъ приказѣ по корпусу, когда побѣдные лавры уже увѣнчали чело его, — просили меня вести испытанныя войска этимъ труднымъ путемъ; но я не повелъ васъ онымъ, щадя кровь вашу. Тамъ мы купили-бы побѣду слишкомъ дорогою цѣною, а каждый изъ васъ дорогъ мнѣ и по заслугамъ, принесеннымъ отечеству, и по чувствамъ личной моей къ вамъ признательности.“ ¹⁾

Между тѣмъ громадный русскій обозъ 15-го и 16-го іюня медленно подвигался по предгоріямъ Соганлуга, конвоируемый всего двумя егерскими ротами и неполною сотнею казаковъ. «Дорога, — говоритъ одинъ участникъ похода, ²⁾ — была очень дурная, каменистая, ухабистая и довольно крутая. Мы съ удивленіемъ увидѣли здѣсь, на югѣ, сосновые лѣса, напоминавшіе намъ Россію. Мои канониры набрали грибовъ, а я нашелъ чернику. Казалось, мы идемъ по Валдайскимъ горамъ перемѣнять квартиры, а вовсе не для войны и не передъ непріателемъ, который сидѣлъ отъ насъ въ десяти верстахъ за своими окопами. О непріятелѣ дѣйствительно какъ будто никто и не думалъ. Едва обозъ вошелъ въ горныя тѣснины, какъ повозкамъ пришлось вытянуться

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Приказъ графа Паскевича 25-го іюня 1829 года

²⁾ Полковникъ Раджицкій командиръ артиллерійскаго подвижнаго парка. Записки его Военный Журналъ 1857 г. кн 1—6.

въ нитку, и порядокъ слѣдованія нарушился; началась безконечная ломка осей, колесъ и оглоблей; опрокинувшіяся фуры загорали, жгли дорогу, а между тѣмъ маркитанты, не хотѣвшіе никому подчиняться, протискивались со своими арбами и вьюками впередъ, ползли вверхъ по горамъ, путались между собою и окончательно мѣшали движенію. Крикъ, шумъ и гамъ стояли въ воздухѣ и доносились до турецкаго лагеря. Тѣмъ не менѣе, вечеромъ обозъ соединился съ главными силами, и ни одна арба, ни одинъ вьюкъ не были потеряны. Почти одновременно съ нимъ на позицію пришла и колонна генерала Бурцева. Дѣйствующій корпусъ былъ теперь на высотахъ Соганлуга въ полномъ составѣ».

Не зная еще, что предприметъ графъ Паскевичъ, Гагки-паша съ своей стороны повсюду усилилъ осторожность, а на зивинскую дорогу, откуда графъ Паскевичъ могъ обойти его съ тылу, выставилъ особый небольшой отрядъ въ 1600 человѣкъ, подъ начальствомъ Османъ-паши, который расположился въ живописной Бардусской долины, за рѣчкой Хункеръ-су, въ каменныхъ завалахъ.

Графъ Паскевичъ получилъ объ этомъ донесеніе ночью, и тутъ же у бивачнаго огня приказалъ командиру 1-го конно-мусульманскаго полка подполковнику Ускову собрать болѣе точныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Усковъ выступилъ утромъ 17-го іюня и, перейдя рѣчку Хункеръ-су, спѣшилъ часть своего полка и завязалъ перестрѣлку. Взять каменные завалы онъ, конечно, не могъ, а потому извѣстилъ обо всемъ графа Паскевича. Часа черезъ два, когда весь полкъ уже былъ разсыпанъ и патроны были на исходѣ, изъ лагеря прибылъ баталіонъ эриванцевъ съ казачьимъ полкомъ и четырьмя орудіями, подъ командой полковника барона Фридрикса. Эриванцы, перестроившись въ густую колонну, тотчасъ безъ выстрѣла двинулись впередъ; слѣва отъ нихъ шелъ конно-мусульманскій полкъ, справа — донскіе казаки Карпова. Непріятель встрѣтилъ насъ батальнымъ огнемъ, но въ отвѣтъ на это грянуло „ура“, — и конно-мусульманскій полкъ, ринувшись карьеромъ, первый вскопчилъ въ непріятельскіе завалы. Произошла кровавая рѣзня. Половина турецкой пѣхоты, отброшенная влево, была прижата къ отвѣсной скалѣ, и раздраженные татары рубили ее безпощадно.

Болѣе 300 человѣкъ было убито, ранено, или сброшено въ кручу только на одномъ этомъ мѣстѣ. Фридериксъ самъ прискакалъ, чтобы унять бесполезное кровопролитіе, и при помощи офицеровъ ему удалось наконецъ спасти отъ гибели около ста человѣкъ, сдавшихся въ плѣнъ. Самъ Османъ паша успѣлъ ускокаты, но всѣ восемь знаменъ были взяты татарами. Русскіе потеряли двухъ офицеровъ и 14 всадниковъ.¹⁾

Пораженіе Османъ-паши, какъ первая побѣда на пути къ Эрзеруму, имѣло особое значеніе. Героемъ этого дня былъ подполковникъ Усковъ съ его мусульманскимъ полкомъ. Чтобы поощрить храбрыхъ татаръ, Паскевичъ самъ выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу за черту аванпостовъ, благодарилъ всѣхъ и поѣхалъ во главѣ полка, ласково разговаривая съ ихъ беками и агаларами. Онъ восторгался ихъ храбростію, хвалилъ ихъ усердіе, обѣщалъ награды. Отбитыя знамена мусульмане везли за главнокомандующимъ. Графъ подарилъ татарамъ, взявшимъ ихъ, 50 червонцевъ, а знамена приказалъ съ особымъ курьеромъ отправить къ государю, какъ живое свидѣтельство славной службы татаръ. Усковъ получилъ орденъ Георгія 4-й степени. Въ лагерь войска встрѣчали и провожали татаръ дружнымъ крикомъ „ура“. Однако, къ большому огорченію ихъ, въ лагерь полкъ не оставили, а провели дальше и помѣстили въ особый карантинъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними очутились и плѣнные турки. Избѣжать этого было нельзя. Кромѣ знаменъ, они привезли съ собой много оружія, платья и вещей, награбленныхъ въ турецкомъ станѣ, а недавнія бѣдствія отъ страшной заразы научили русскихъ быть осторожными.

Полезная служба татаръ въ рядахъ русскаго корпуса всецѣло была дѣломъ Паскевича, сумѣвшаго организовать изъ нихъ отличную конницу. Еще кампанія только началась, а два мусульманскіе полка уже отличились—одинъ подъ Чаборію, другой — подъ Бардусомъ. Этотъ послѣдній былъ составленъ изъ карабахцевъ, изъ тѣхъ людей, которые два года тому назадъ дрались противъ насъ вмѣстѣ съ персіянами, — и тѣмъ рельефнѣе выдѣ-

---

¹⁾ Тамъ же. Дѣло № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича отъ 17-го іюня.

вигалась теперь заслуга полка въ войнѣ съ другою магометанскою державой.

Отбитые трофеи графъ Паскевичъ приказалъ выставить на высокой горѣ такъ, чтобы ихъ видѣли въ нашемъ и въ турецкомъ лагеряхъ. Эти живые свидѣтели кроваваго боя служили какъ-бы предвѣстниками тѣхъ побѣдныхъ лавровъ, которые войскамъ Кавказскаго корпуса удалось добыть на высотахъ Соганлуга.

Послѣ разгрома Османъ-паши къ барону Фридериксу подошелъ еще баталіонъ эриванцевъ съ казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Муравьева. Оба отряда, соединившись, произвели дальнѣйшую рекогносцировку и на урочищѣ Чохиръ-баба, гдѣ начинался крутой спускъ въ Загинскую долину, наткнулись на сильную турецкую кавалерію. Ея появленіе не могло быть случайнымъ, и потому Муравьевъ, имѣвшій приказаніе не ввязываться въ бой, отправилъ впередъ только сотню донскихъ казаковъ. Но и этой сотнѣ двигаться дальше было уже невозможно, такъ какъ и замокъ Загинъ и окрестныя поля его были заняты турецкою конницей, а далѣе на лѣсистыхъ горахъ, за р. Каинлы-чай, бѣлѣли палатки пѣхоты. Одинъ изъ лазутчиковъ за большія деньги скоро доставилъ свѣдѣнія, что это передовыя войска сераскира; ихъ было около 12-ти тысячъ, но черезъ день или два ожидали прибытія главныхъ силъ корпуса, который шелъ изъ Гасанъ-кала.

Паскевичу предстояло теперь рѣшить трудный вопросъ, что дѣлать дальше: броситься ли на сераскира и разбить его прежде, чѣмъ подойдутъ къ нему главныя силы, или же, обойдя миліюзскій лагерь съ тыла, управиться съ Гагки-пашею и затѣмъ уже обратиться на сераскира? Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ рискъ былъ огромный, и Паскевичъ, ставъ между двумя сильными арміями, дѣйствительно могъ найти себѣ тотъ гробъ, о которомъ турки пророчили ему съ начала кампаніи. Выходило такъ, что куда бы не обратился Паскевичъ, противная сторона могла зайти ему въ тылъ и запереть въ тѣснинахъ. Но такъ или иначе, а надо было рѣшиться на что нибудь теперь же, и Паскевичъ остановился на лагерѣ Гагки-паши. Извѣстіе о появленіи сераскира получено было ночью 17-го числа, а утромъ 18-го

войскамъ уже былъ объявленъ походъ. «Медлить мнѣ нельзя,—доносилъ Паскевичъ государю,—если я пропущу одинъ день, то се-раскирь стянетъ свои войска, соединится съ Гагки-пашею, и тогда я самъ буду атакованъ 50-ти тысячною арміею съ фронта, съ фланга и тыла»¹⁾).

Чтобы скрыть свое движеніе отъ Гагки-паши, графъ Паскевичъ въ полдень 18-го іюня выдвинулъ шесть баталіоновъ пѣхоты съ 20-ю орудіями на тѣ высоты, которыя въ послѣдніе три дня постоянно занимались русскими. Увидѣвъ эти войска въ обычное время и на обычномъ мѣстѣ, турки не имѣли повода думать о какомънибудь новомъ предпріятіи со стороны Паскевича, а между тѣмъ въ часъ пополудни всѣ остальные войска уже двигались по зивинской дорогѣ на Каинлы. Выступая изъ лагеря, Паскевичъ сказалъ окружающимъ его генераламъ: „Теперь мой корпусъ похожъ на корабль; я отрубилъ якорь и пускаюсь въ открытое море, не оставляя себѣ обратнаго пути“. Эти слова весьма характерны и ярко рисуютъ передъ нами то положеніе, въ которомъ онъ находился²⁾). Дорога на Каинлы—Зивинъ, была такъ узка, что обозамъ приходилось слѣдовать въ нитку, и когда голова ихъ прибыла на ночлегъ, хвостъ только что трогался съ мѣста. Первый переходъ по-этому сдѣлали лишь въ десять верстъ и остановились за рѣчкой Хункеръ-су, на томъ самомъ полѣ, гдѣ наканунѣ мусульманскій полкъ имѣлъ прекрасное дѣло. Къ разсвѣту подошла сюда и колонна Панкратьева, которая до сумерокъ стояла на высотахъ въ виду непріятеля, а затѣмъ, спустившись внизъ и разложивъ на горахъ большіе костры, ушла вслѣдъ за главными силами корпуса.

19-го іюня, едва забрезжилъ свѣтъ, войска тронулись дальше. Дорога сдѣлалась шире и лучше. Впереди шла гренадерская бригада; за нею въ восемь рядовъ тянулся вагенбургъ, прикрытый Херсонскимъ полкомъ съ четырьмя орудіями и кавалерійской бригадой генерала Раевского съ конною батареею; за ними, въ разстояніи полуверсты, двигался отрядъ Панкратьева.

¹⁾ Арх. шт. Кавк. воен. окр. Военный журналъ графа Паскевича.

²⁾ Ушаковъ. Война въ Азіатской Турціи 1828 и 1829 годовъ.

Въ 10 часовъ утра весь корпусъ стянулся у Чахиръ-баба и остановился надъ спускомъ въ Загинскую долину, окаймленную съ сѣвера и запада рѣчкой Каинлы, а съ юга-Ханы-чаемъ, протекающимъ въ труднодоступномъ Ханскомъ ущельи. Вся долина прорѣзывалась, сверхъ того, съ востока на западъ четырьмя крутыми оврагами съ топкими ручьями и рѣчками. Дорога на Зивинъ, спустившись съ Чахиръ-бабы, тотчасъ раздваивалась и шла по двумъ направлениямъ; верхняя (круглая)—черезъ селеніе Каинлы; нижняя (ближайшая) пересѣкала оврагъ Загинъ-кала-су и по лѣвому берегу его выходила къ замку Загинъ и деревню Али-бегри-ограмъ у самого входа въ ханское ущелье, за которымъ стоялъ лагерь Гагки-паши.

Непріятельскіе разѣзды, непрерывно появлявшіеся то на горахъ за рѣчкой Каинлы-чай, то по эту сторону ея на береговыхъ высотахъ, свидѣтельствовали, что непріятель близко. Поэтому гренадерская бригада Муравьева съ двумя полками конницы и 20-ю орудіями, тотчасъ спустилась внизъ и, занявъ позицію на верхней дорогѣ, образовала сильный заслонъ, подъ прикрытіемъ котораго саперы принялись разрабатывать крутой и каменистый спускъ для обозовъ. Но уже можно было предвидѣть, что бой начнется ранѣе, и что обозовъ мы спустить не успѣемъ. Дѣйствительно, къ полудню вся долина покрылась большими толпами турецкой конницы, которая, перейдя рѣчку Каинлы-чай, растянула свой фронтъ до ханскаго ущелья. Турецкая пѣхота, подкрѣпляя конницу, стояла за рѣчкой на скатѣ горы; резервы были скрыты въ густыхъ перелѣскахъ. Никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не было, и графъ Паскевичъ предполагалъ сначала, что эти войска вышли изъ лагеря Гагки-паши съ цѣлю преградить намъ путь въ тѣснинахъ, начинавшихся за Загиномъ. Такимъ образомъ, главнокомандующему казалось, что представляется случай дать полевое сраженіе и затѣмъ, быть можетъ, на плечахъ непріятеля войти въ милидюзскій лагерь. Войскамъ приказано было спускаться въ долину.

Между тѣмъ бригада Муравьева развернулась въ боевой порядокъ, а лѣвѣе за оврагомъ Загинъ-кала-су, уже на нижней дорогѣ расположился генералъ Бурцевъ съ Херсонскимъ полкомъ и 12-ю

орудіями, для прикрытія лѣваго фланга нашего расположенія со стороны Загина и Ханскаго ущелья. Затѣмъ, въ общій резервъ назначены были: 42-й Егерскій полкъ, баталіонъ 40-го, кавалерійская бригада Раевского съ линейнымъ казачьимъ полкомъ, Донской полкъ Карпова и два конно-мусульманскіе полка, также съ 20-ю орудіями; остальные войска остались на отрогахъ Чахирь-баба въ прикрытіи вагенбурга.

Едва мы успѣли приготовиться къ бою, какъ непріятель уже повелъ атаку—и сраженіе началось. Противъ Муравьева наступала сильная конница; но дѣло на этомъ пунктѣ ограничилось лишь сильною артиллерійскою канонадою. Только теперь изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что русскій корпусъ имѣетъ дѣло съ передовыми войсками самого сераскира, и что Гагки-паша долженъ выслать сюда же часть своей кавалеріи. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ изъ Ханскаго ущелья вдругъ вынеслось пять или шесть тысячъ всадниковъ. То была кавалерія милидюзскаго лагеря. Громкій крикъ, разнесшійся по толпамъ непріятеля, привѣтствовалъ ея появленіе, на что вся эта масса отвѣтила страшнымъ гикомъ—и ринулась на колонну Бурцева. Часть сераскирской конницы, переброшенной за рѣчку Загинъ-кала-су, поддержала атаку. Въ колоннѣ Муравьева видѣли опасное положеніе херсонцевъ, отрѣзанныхъ отъ нее бездорожнымъ оврагомъ, и общее вниманіе невольно обратилось въ ту сторону, гдѣ два баталіона, свернувшіеся въ каре, приняли ударъ 10-ти или 12-ти тысячъ турокъ. Была минута, когда всѣ думали, что колонна Бурцева погибла: пѣхотная цѣпь была прорвана, и за дымомъ, и пылью неясно мелькали только массы несущихся всадниковъ. Но едва дымъ разсѣялся, Паскевичъ увидѣлъ, что каре стоитъ, а вражеская конница уносится отъ нихъ въ разныя стороны. «Мы всѣ, окружавшіе Паскевича,—разсказываетъ Пущинъ,—закричали „ура“!

Такимъ образомъ, первый натискъ турокъ былъ отраженъ, и главнокомандующій тотчасъ воспользовался этой минутой, чтобы перейти въ наступленіе. Онъ вызвалъ изъ резерва всю артиллерію и, образовавъ изъ нея одну батарею, сильнымъ огнемъ заставилъ непріятельскій центръ податься назадъ. Тогда графъ Симоничъ съ

Грузинскимъ полкомъ бросился впередъ и занявъ промежутокъ, образовавшійся между непріятельскими крыльями, разрѣзалъ турецкую линію на двое. Въ эту минуту появилась кавалерійская бригада Раевского. Два дивизіона нижегородскихъ драгунъ и двѣ сотни линейныхъ казаковъ первые понеслись въ атаку; ихъ поддерживалъ слѣва Донской казачій полкъ Карпова, а справа 2-й конно-мусульманскій Мещеринова¹⁾.

Одинъ изъ свидѣтелей этого боя говоритъ, что болѣе красивой и стройной кавалерійской атаки, онъ никогда ни прежде, ни послѣ не видѣлъ. Подъ тяжкимъ ударомъ ея, непріятельскій центръ былъ окончательно прорванъ, а лѣвый его флангъ отброшенъ къ горамъ. Грузинцы, между тѣмъ, не давая непріятелю время устроиться, быстро прошли всю долину и остановились только на западной окраинѣ ея, у рѣчки Каинлы-чай. Раевскій въ горячей погонѣ перескочилъ даже рѣчку, но также остановился на краю оврага, замѣтивъ скрытую въ лѣсахъ пѣхоту. Два эскадрона,—говоритъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ,—отдѣляясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи, но были выручены грузинцами.

Въ то время какъ центръ и лѣвый флангъ непріятеля были уже сбиты съ поля сраженія,—на правомъ крылѣ его бой принималъ все болѣе серьезный характеръ: сераскирская конница надвигалась на Бурцева съ фронта, милидюзская—охватывала херсонцевъ съ тыла. 12 орудій бѣглымъ огнемъ встрѣтили непріятельскій натискъ, но не остановили удара. „Сіи войска,—говоритъ въ своемъ донесеніи Паскевичъ,—съ толикимъ упорствомъ, пролагавшіе себѣ путь къ побѣдѣ, по истинѣ заслуживаютъ доброе имя“. Чередуясь, какъ на морѣ грозныя волны, конныя массы съ гикомъ устремлялись на русскія каре; и какъ разъяренный валъ, ударившись о твердый гранитъ, рассыпается мелкими брызгами,—такъ, дробясь и рассыпаясь на части, уносилась назадъ и турецкая конница. Но ударъ, однако, слѣдовалъ за ударомъ. Увлечение съ обѣихъ сторонъ было такъ велико, что въ рукопашномъ бою нерѣд-

¹⁾ Военный журналъ Паскевича кн. V.

ко сходились грудь съ грудью, и въ одинъ изъ такихъ моментовъ гренадеры отбили у турокъ два знамени. Херсонцы держались, но положеніе ихъ было крайне опасно, и Паскевичъ отправилъ на помощь къ нимъ другую часть кавалеріи, подъ начальствомъ барона Остенъ-Сакена. Сводный уланскій полкъ, дивизіонъ нижегородцевъ и Донской полкъ Фомина, линейцы и мусульмане Ускова съ конною батареею пошли на рысяхъ, но бездорожье и частыя переправы черезъ топкіе овраги задерживали ихъ на каждомъ шагу, а турки, между тѣмъ, были уже въ тылу у Бурцева, хватали вьюки, разбивали патронные ящики, рубили прикрытія... Въ эту то критическую минуту помощь подоспѣла съ той стороны, откуда ее не ожидали.

Генераль Панкратьевъ, прикрывшій вагенбургъ, увидѣлъ отчаянное положеніе колонны генерала Бурцева и выслалъ на помощь къ нему два казачьихъ полка — Донской и сводный Черноморскій. Генераль Сергѣевъ двинулся съ ними прямо по гребню высотъ и внезапно очутился надъ головами турокъ. Едва казаки съ гикомъ ринулись внизъ, какъ по сю сторону рѣчки Загинъ-кала-су уже за колыхались флюгера уланскихъ пикъ, и показалась колонна барона Остенъ-Сакена. Непріятель, охваченный съ трехъ сторонъ, моментально очистилъ долину и скрылся въ ханскомъ ущельѣ. Для прикрытія своего отступленія турки выставили два орудія, но одно изъ нихъ тотчасъ же было взято казаками, которые энергично преслѣдовали непріятеля.

«Въ зрительную трубу,—разсказываетъ Раджицкій,—мы любовались съ Чохиръ-баба, какъ наши донскіе казаки нагоняли чалманосцевъ, ссаживали ихъ пиками и, проворно соскакивая съ коней, обирали. На одномъ изъ убитыхъ нашли мѣшокъ съ золотомъ, около трехъ тысячъ червонцевъ, которые казаки раздѣлили между собою. Турки уходили такъ быстро, что уланы, высланные впередъ изъ колонны Сакена, даже ихъ не видѣли. Убѣдившись, что конница Гагки-паши ушла черезъ ханское ущелье обратно въ свой лагерь, кавалерія вернулась къ Паскевичу».

Сраженіе, казалось, оконченнымъ; солнце склонялось къ западу, и войска уже располагались на ночлегъ на берегахъ Каин-

Пораженіє турецької армії сераскира на Согоанлугських горах, у сел. Каинлы
19-го юня 1829 года.

Картина Машкова.

лы-чая, въ окрестностяхъ сел. Каинлы, когда графъ Симоничъ, остававшійся съ гренадерами на занятой имъ передовой позиціи, прислалъ донесеніе, что турки остановились и начинаютъ укрѣпляться на горахъ за Каинлы-чаемъ. Въ то же время казаки привели къ главнокомандующему плѣннаго турецкаго пашу Мамишъ-агу, нѣкогда бывшаго главою янычаръ, а теперь командовавшаго въ бою сераскирскою конницею. Онъ подтвердилъ, что эрзерумскій сераскиръ Гаджи-Салехъ-паша дѣйствительно укрѣпляетъ позицію, въ ожиданіи главныхъ силъ, которыя ночуютъ въ Зивинѣ, въ одномъ переходѣ отсюда. По его словамъ сераскиръ вовсе не предполагалъ въ этотъ день принимать сраженія, и бой произошелъ случайно. Когда колонна Муравьева спустилась съ Чахиръ-баба въ долину, сераскиръ былъ введенъ въ заблужденіе ея малочисленностью и, предполагая, что передъ нимъ только рекогносцировочный отрядъ, выслалъ противъ него свою конницу; изъ лагеря Гагки-паши также потребована была только кавалерія. Увѣренность сераскира, что весь русскій корпусъ не могъ подоспѣть сюда, была такъ велика, что вся пѣхота его осталась на горахъ за Каинлы-чаемъ и не приняла участія въ дѣлѣ. Только разгорѣвшійся бой выяснилъ наконецъ Гаджи-Салехъ-пашѣ, что передъ нимъ самъ графъ Паскевичъ со всѣмъ русскимъ корпусомъ. „Къ утру, —добавилъ Амишъ-ага,—подойдутъ остальные войска, и тогда послѣдуетъ рѣшительная битва. Гагки-паша уже предупрежденъ, чтобы по первому сигналу выходилъ изъ лагеря въ тылъ русскаго корпуса“. Выслушавъ это извѣстіе, Паскевичъ сказалъ: «сераскиръ впадаетъ въ большую ошибку, рѣшаясь укрѣпиться въ виду нашихъ войскъ. Я покажу ему, что это не такъ легко, когда у меня пять тысячъ кавалеріи».

Но прежде чѣмъ исполнить это намѣреніе, графъ Паскевичъ приказалъ вагенбургу спуститься въ долину и стать у сел. Каинлы, брошеннаго уже непріателемъ. Обозы, тронувшись съ мѣста, покрыли собою весь скатъ Чахиръ-баба и издали могли представляться туркамъ многочисленнымъ войскомъ. По мѣрѣ того, какъ повозки стягивались и становились лагеремъ, баталіоны одинъ по одному скрыто передвигались впередъ, и Паскевичъ

формировалъ изъ нихъ штурмовыя колонны: правая, изъ кавказской гренадерской бригады, была поручена Муравьеву; лѣвая, изъ трехъ баталіоновъ егерей—Панкратьеву; третья, центральная, подъ начальствомъ генерала Раевского, составлена была изъ восьми полковъ кавалеріи, при 18 конныхъ орудіяхъ.

Въ тоже время, чтобы обезпечить себя со стороны Гагки-паша, который со всѣми силами могъ выйти на каинлыньскую долину, Паскевичъ приказалъ генералу Бурцеву стать у дер. Али-бегри-ограмъ, запиравшей ханское ущелье, и служившей ближайшимъ путемъ для выхода изъ милидюзскаго лагеря. Кромѣ Херсонскаго полка, Бурцеву подчинены и всѣ войска вагенбурга.

Въ семь часовъ все было готово къ движенію,—но главнокомандующій медлилъ, откладывая нападеніе до наступленія темноты. Онъ дѣйствовалъ съ вѣрнымъ расчетомъ, понимая, что ночью Гагки-паша не можетъ пройти черезъ Ханское ущелье, а всякая попытка его къ обходному движенію, по болѣе удобнымъ дорогамъ, не могла принести сераскиру никакой пользы.

Большіе огни, расположенные вокругъ вагенбурга, совершенно усыпили вниманіе сераскира, и онъ былъ убѣжденъ, что русскіе становятся на ночлегъ, а потому спокойно продолжалъ укрѣплять позицію. Между тѣмъ главнокомандующій собралъ къ себѣ частныхъ начальниковъ и отдалъ имъ послѣднія приказанія, „Нельзя — сказалъ онъ въ заключеніе — дозволить сераскиру разбить еще новый лагерь; надобно отнять и тотъ, который онъ уже поставилъ“.

Было уже 8 часовъ; совершенно стемнѣло, какъ вдругъ разомъ грянула музыка, забили барабаны, и весь русскій корпусъ выдвинулся изъ лощины. Свернувшись въ густыя колонны, восемь конныхъ полковъ шли прямо на центръ непріятеля, имѣя впереди себя 18 конныхъ орудій, развернутыхъ въ линію; пѣхота двумя колоннами обходила непріятельскую позицію справа и слѣва. Сераскиръ совсѣмъ не ожидалъ ночного боя, и въ его войскахъ при первыхъ крикахъ «ура»! воцарилась такая паника, что побѣда досталась русскимъ легче, чѣмъ можно было ожидать. При первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ, турки поспѣшно сняли орудія и стали отступать. Вся русская кавалерія пошла впередъ на рысяхъ.

Это увеличило панику, и отступление превратилось въ безпорядочное бѣгство.—Тогда началась бѣшеная погоня.

Вся русская кавалерія, управляемая лично графомъ Паскевичемъ, неслась на плечахъ непріятеля и рубила бѣгущихъ,¹⁾ пѣхота двигалась за нею; но, достигнувъ Караургана, откуда дорога поворачивала на Милидюзь, остановилась. Цѣль боя была достигнута—пѣхота держала теперь въ своихъ рукахъ ключъ къ милидюзскому лагерю. А вся наша кавалерія вмѣстѣ съ самимъ главнокомандующимъ скакала все дальше и дальше. Она гнала непріятеля до самаго Зивина, гдѣ стоялъ 18-ти тысячный турецкій корпусъ, составлявшій главныя силы сераскира. Казалось бы, что свѣжій и многочисленный противникъ долженъ былъ положить конецъ успѣхамъ русскаго оружія; но вышло совершенно иное. Бѣглецы съ каинлынскаго поля, явившись въ лагерь, внесли съ собою ужасъ пораженія,—и турецкая армія предалась безпорядочному отступленію. Мусульманскіе полки и казаки, захвативъ весь лагерь, скакали дальше. Вся дорога отъ Зивина была загромождена брошенными пушками, зарядными ящиками, разными вещами, обломками оружія, вьюками, трупами людей и лошадей. Сераскиръ, потерявшій въ этотъ день 12 орудій и два знамя, самъ едва избѣгнулъ плѣна, ускакавъ изъ Зивина въ сопровожденіи только двухъ всадниковъ.²⁾

Паскевичъ прибылъ въ Зивинъ вмѣстѣ съ кавалерійскою бригадою Раевского и послалъ приказаніе остановить преслѣдованіе. Много было уже сдѣлано имъ сегодня. Нужно было поберечь силы людей на завтра.

Пока собралась кавалерія, Паскевичъ съ своею свитой расположился на плоской кровлѣ одной изъ сакель, стоявшихъ бокъ-о-бокъ со старымъ Зивинскимъ замкомъ. Оказалось, что въ этой саклѣ сложено большое количество пороха, и что, отступая, турки успѣли бросить въ нее зажженный фитиль. Къ счастью, онъ не успѣлъ еще догорѣть до пороха, когда, отыскивая фуражъ, одинъ драгунъ случайно замѣтилъ и потушилъ стопинъ. Такимъ обра-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Военный журналъ Паскевича.

²⁾ Дѣло 1829 г., № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 23-го іюня.

зомъ, только счастливый случай спасъ жизнь русскаго полководца. Паскевичъ тотчасъ оставилъ Зивинъ. Но не отъѣхалъ онъ и съ полверсты, какъ вся окрестность дрогнула отъ страшнаго взрыва:— сакля, гдѣ отдыхалъ Паскевичъ, взлетѣла на воздухъ; нѣсколько татаръ и казаковъ были задавлены разметанными камнями. Потомъ узнали, что взрывъ произошелъ не отъ стопина, который былъ потушенъ, а отъ неосторожности татаръ, искавшихъ съ огнемъ добычу²⁾.

Событіе дня, такъ неожиданно разыгравшееся полнымъ разгромомъ сераскира, служило неистощимою темою для бесѣды на нашихъ бивакахъ. Войска рассчитывали, что нынѣшній день, они будутъ брать милидюзскій лагерь, а завтра пойдутъ на сераскира. Вышло, что они сегодня побили сераскира, а милидюзскій лагерь будутъ брать завтра. Участникамъ 1812 года, которыхъ тогда еще было много въ рядахъ Кавказскаго корпуса, невольно вспоминалась тогдашняя пѣсенка о томъ, какъ:—

. . . . . Удино
Помѣшалъ бить Макдональда,—
Но не все-ли намъ равно,
Мы побили Удино.

И дѣйствительно, не все-ли равно было кого бить—Гагки-пашу или сераскира? Для цѣли и славы кампаніи такая перестановка была безразлична.

---

²⁾ Записка Радожицкаго. Военный журналъ 1857 года, кн 1—6

Глава XVI.

Ночь послѣ побѣды. — Сосредоточеніе войскъ въ Караурганѣ. — Движеніе Паскевича къ Милидюзу. — Штурмъ гагки-пашинскаго лагеря. — Бѣгство турокъ и плѣненіе Гагки-паши — Дѣйствія въ бою русской кавалеріи. — Трофеи побѣды. — Неудовольствіе Паскевича за малое число ихъ. — Возраженіе Сакена. — Назначеніе офиціального слѣдствія. — Заключеніе по этому дѣлу графа Паскевича.

Было далеко за полночь, когда утомленная кавалерія вернулась въ Караурганъ, чтобы, сдѣлавъ короткій привалъ и окончивъ одинъ бой, черезъ нѣсколько часовъ вступить въ другой. Штурмъ лагеря Гагки-паши съ разсвѣтомъ 20-го іюня графомъ Паскевичемъ былъ уже рѣшенъ.

Въ Караурганѣ все уже спало. Войска были утомлены, мѣсто ночлега выдалось тѣсное, усѣянное камнями; обозы остались далеко; ни у кого не было съ собою ни палатки, ни водки, ни хлѣба; офицеры бивакировали вмѣстѣ съ солдатами на голой землѣ. Не спалъ только одинъ главнокомандующій, ходившій взадъ и впередъ по биваку. Онъ также не имѣлъ пріюта и долженъ былъ провести холодную ночь на открытомъ воздухѣ. Но у одного изъ батарейныхъ командировъ нашлась маленькая палатка, въ которую надо было войти согнувшись. Эту палатку и предложили Паскевичу; онъ легъ на коверъ, завернувшись въ свою шинель и тотчасъ заснулъ. Два карабинера, ростомъ вдвое выше палатки, стали на часахъ и сторожили покой графа Эриванскаго.

Съ разсвѣтомъ 20-го іюня, на бивакахъ все поднялось на ноги, и русскій корпусъ двинулся къ Милидзюзу. Часовъ въ 9 утра войска поднялись на послѣднія высоты и стали строиться въ боевой порядокъ. «Избранная мною позиція,—говоритъ Паске-

вичъ,—была самая выгодная; ее защищали непроходимые овраги, и я могъ итти къ непріятелю, точно какъ по широкой плотинѣ, не опасаясь за фланги»¹⁾). Непріятель уже былъ предупрежденъ о движеніи русскихъ, и какъ только линія его аванпостовъ была опрокинута, передъ нами ясно обрисовались турецкіе шанцы съ толстымъ брустверомъ, сложеннымъ изъ камня и бревенника. Эти шанцы, упираясь своими флангами въ крутые лѣсистые овраги, совершенно замыкали плато, на которомъ стоялъ турецкій корпусъ и были доступны для атаки только съ лица. Двѣ батареи, вооруженныя семью орудіями, усиливали ихъ оборону и, въ свою очередь, поддерживались огнемъ еще трехъ батарей, расположенныхъ частью на правомъ флангѣ, а частью въ редутѣ, у самой ставки Гагки-паши. Непріятель, повидимому, не обнаруживалъ намѣренія отступить, а напротивъ готовился къ оборонѣ; палатки и обозы его оставались на мѣстѣ, а въ войскахъ не замѣчалось ни суеты, ни безпорядка. Главнокомандующій уже съ первой минуты увидѣлъ необходимость взять лагерь штурмомъ и медлилъ только въ ожиданіи генерала Бурцева, шедшаго со стороны Загина съ Херсонскимъ полкомъ и восемью батарейными орудіями.

Такая самоувѣренность Гагки-паши, послѣ уничтоженія наканунѣ цѣлаго турецкаго корпуса, казалась ему однако нѣсколько загадочною; но вскорѣ одинъ изъ плѣнныхъ объяснилъ, что въ Миллиюзѣ еще ничего не знали о совершенномъ пораженіи сераскира. Бой, который видѣли войска Гагки-паши, представлялся имъ только стычкою передовыхъ отрядовъ, а то, что происходило дальше, послѣ пяти часовъ пополудни, имъ было неизвѣстно. Поэтому Гагки-паша спокойно ожидалъ русской атаки, полагая, что громъ канонады привлечетъ сюда сераскира, и русскій корпусъ взятый съ тыла на узкой плотинѣ, поставленъ будетъ въ безвыходное положеніе. Понимая, какое нравственное потрясеніе при такихъ условіяхъ должна была произвести вѣсть о томъ, что сераскирской арміи уже не существуетъ, и жалкіе остатки ея, бросая пушки, бѣгутъ въ Эрзерумъ графъ Паскевичъ приказалъ отпра-

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа Дѣло 1829 г. № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 23-го іюня

вить къ Гагки-пашѣ нѣсколько плѣнныхъ, которые, какъ очевидцы ночного боя передали бы ему всѣ подробности роковой катастрофы. Разказы плѣнныхъ произвели въ турецкомъ станѣ необычайное смятеніе. Десятки всадниковъ, крича и махая шапками, скакали съ позиціи въ лагерь и затѣмъ опять на позицію; конныя и пѣшія толпы безпорядочно передвигались съ мѣста на мѣсто; артиллерія, начавшая было уже пальбу, смолкла. Такъ прошло 15—20 минутъ, и изъ лагеря выѣхалъ парламентаръ съ бѣлымъ флагомъ на пикѣ. Отрѣзанный отъ Эрзерума, лишенный всякой надежды на помощь, запертый теперь въ своемъ собственномъ лагерѣ, Гагки-паша не видѣлъ никакихъ средствъ къ сопротивленію и пытался только смягчить условія сдачи. «Турецкому корпусу положить оружіе безъ всякихъ условій», коротко отвѣчалъ главнокомандующій и отправилъ парламентера назадъ. Но турки, не выждавъ даже его возвращенія, вдругъ открыли бѣглый огонь со всѣхъ своихъ батарей. Такая, совсѣмъ не отвѣчающая обстановкѣ, поспѣшность выдала затаенную цѣль непріятеля. Стало очевиднымъ, что турки подъ прикрытіемъ этого огня хотятъ отступить, и Паскевичъ тотчасъ приказалъ штурмовать непріятельскій лагерь, не ожидая уже прибытія колонны генерала Бурцева.

Войска раздѣлены были на пять колоннъ: первая—Грузинскій гренадерскій полкъ, при которомъ находился самъ главнокомандующій, направилась прямо на турецкій лагерь; вторая—генерала Панкратьева, баталіонъ 40-го и весь 42-й Егерскій полкъ, вмѣстѣ со Сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ, двинулась влѣво, чтобы отрѣзать непріятеля отъ Ханскаго ущелья и, наконецъ, третья,—генерала Муравьева (Эриванскій полкъ) повернула вправо, чтобы захватить меджингертскую дорогу, гдѣ стояли уже двѣ кавалерійскія колонны: одна, барона Остенъ-Сакена (Нижегородскій драгунскій, Сводный уланскій, 1-й и 4-й конно-мусульманскіе полки); другая,—походнаго атамана Леонова, донскіе полки Фомина и Карпова.

Бой начали грузинцы. Встрѣченные сильнымъ пушечнымъ огнемъ, они безъ особыхъ усилій овладѣли непріятельскими шанцами и захватили въ нихъ еще дымившіяся орудія. Турки бѣжали.

Колонна Панкратьева также не встрѣтила серьезнаго сопротивленія. Прорвавшись черезъ окопы и овладѣвъ батареями, стоявшими на правомъ флангѣ, она быстро прошла черезъ плато и по слѣдамъ непріятеля вступила въ густые лѣса, по меджингертской дорогѣ. Тамъ, по расчету времени, уже должна была быть колонна Муравьева и вся кавалерія. Но, къ сожалѣнію, расчетъ этотъ не удался. Муравьевъ, встрѣтившій на пути глубокіе овраги, не могъ воспрепятствовать бѣгству непріятеля, а кавалерія опоздала. Турецкій корпусъ искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ и, бросивъ всю артиллерію и имущество, успѣлъ спастись безъ большого урона¹⁾.

На дѣйстви нашей кавалеріи въ этотъ день необходимо нѣсколько остановиться. Обѣ колонны ея, при самомъ началѣ боя, стояли на высотѣ, у подошвы которой пролегала меджингертская дорога. Слѣдовательно имъ стоило только спуститься внизъ, чтобы пересѣчь непріятелю путь и заставить его или положить оружіе, или быть истребленнымъ, такъ какъ никакихъ другихъ путей къ выходу изъ Милидюза не было.

Къ сожалѣнію, Сакенъ, увидѣвъ непріятеля, бѣгущаго изъ лагеря, не рѣшился спуститься по крутому склону, гдѣ подъ копытами почти ползущихъ лошадей сыпалась земля и обрывались камни, а повелъ свою конницу къ другому болѣе пологому спуску, который выходилъ на ту же дорогу, но уже гораздо дальше, почти у самаго турецкаго лагеря. Съ нимъ вмѣстѣ пошли два конно-мусульманскіе полка и кавалерійская бригада Раевского; казаки со своимъ атаманомъ и 3-й мусульманскій полкъ, только что прибывшіе изъ отряда Бурцева, остались на мѣстѣ, чтобы попытаться спуститься съ кручи. Двѣ донскія сотни полка Карпова тронулись первыми; остальные стояли еще у спуска, когда отъ барона Сакена прискакалъ офицеръ съ приказаніемъ, чтобы вся казачья бригада шла вслѣдъ за нимъ и догоняла бы его на меджингертской дорогѣ. Леоновъ, ясно видѣвшій ошибочность напавленія, взятаго барономъ Сакеномъ, приказалъ сказать, что онъ

¹⁾ Военный журналъ графа Паскевича, кн. V, ст. 236.

имѣетъ особое приказаніе главнокомандующаго, и самъ отвѣчаетъ за свою бригаду. Но когда Сакенъ, опасавшійся, что казаки въ своей рискованной переправѣ потеряютъ много времени и вовсе не примутъ участія въ преслѣдованіи, прислалъ вторичное приказаніе уже отъ имени начальника корпуснаго штаба. Генералъ Леоновъ повиновался и, послѣдовавъ за нимъ, очутился въ самомъ хвостѣ кавалерійской колонны. Донскія сотни Карпова вернуть однако было уже нельзя, и донцы одни перерѣзали путь непріятелю. Много сдѣлать они не могли, но появленіе и этой горсти всадниковъ послужило еще къ большому разстройству непріятели.

Между тѣмъ Сакенъ, слѣдуя окольными путями, значительно опоздалъ и вышелъ на дорогу только тогда, когда вся масса турокъ была уже далеко впереди. Ему оставалось одно—пустить кавалерію по слѣду, но и здѣсь распоряженія его были не совсѣмъ удачны. Впереди всѣхъ скакали 1-й и 4-й конно-мусульманскіе полки а за ними, въ видѣ поддержки на случай неудачи, слѣдовали только первый дивизіонъ нижегородцевъ съ маіоромъ Марковымъ, да два эскадрона уланъ съ маіоромъ Парадовскимъ. Вся остальная кавалерія двигалась сзади одною общею колонною. Опасаясь такимъ образомъ окончательно упустить непріятели, Леоновъ вновь отдѣлился отъ главной колонны и кинулся съ казаками въ лѣсъ, а 3-й конно мусульманскій полкъ выслалъ влѣво къ колоннѣ Панкратьева, чтобы взять во флангъ тѣ войска, которыя не успѣли еще выйти изъ лѣса на поляну меджингертской дороги. Самъ Леоновъ скоро настигъ безпорядочно бѣгущія толпы пѣхоты и конницы и, тотчасъ извѣстивъ объ этомъ барона Сакена, просилъ направить сюда хотя одинъ дивизіонъ драгунъ. Но въ отвѣтъ на это Сакенъ потребовалъ отъ него самого донской полкъ Фѣмина, и Леоновъ остался только съ тремя казачьими сотнями. Настойчиво сидѣть на плечахъ тысячныхъ массъ съ такимъ слабымъ отрядомъ, конечно, было нельзя, и тѣмъ не менѣе Леоновъ все-таки захватилъ 120 человекъ плѣнныхъ; мусуль-

†) Всѣ подробности заимствованы изъ дѣлъ архива шт. Кавк. в. окр. 1829 года и слѣдственнаго дѣла о дѣйствіи кавалеріи въ бою 20-го іюля.

мане же его, дѣйствовавшіе отдѣльно, вернулись назадъ съ двумя отбитыми знаменами, въ числѣ которыхъ находился бунчукъ самого Гагки паши.

Такимъ же путемъ преслѣдованіе продолжалось и далѣе. Подполковникъ Усковъ съ первымъ и капитанъ Эссенъ съ четвертымъ мусульманскими полками, настигнувъ пѣхоту, рубили бѣгущихъ; дивизіоны Маркова и Парадовскаго двигались за ними, но, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлѣ, забирали только плѣнныхъ, бросаемыхъ татарами; за ними слѣдовала главная колонна: 3-й дивизіонъ нижегородцевъ, дивизіонъ уланъ маіора Хандакова и Донской полкъ Фомина. Второй дивизіонъ нижегородцевъ вовсе не принялъ участія въ преслѣдованіи, оставленный на мѣстѣ съ конной артиллеріей, которая въ густомъ лѣсу не могла пспѣвать за конницей. Сакенъ взялъ съ собою только два казачьи орудія, но и тѣ скоро пришлось оставить, такъ какъ пушки на каждомъ шагѣ задерживали движеніе, то путаясь своею длинною упряжью между деревьями, то останавливаясь передъ крутыми спусками. Для прикрытія ихъ баронъ Сакенъ вынужденъ былъ отдѣлить цѣлый дивизіонъ уланъ,¹⁾ и въ главной колоннѣ остались только два эскадрона драгунъ, да казачій полкъ, которыхъ Сакенъ уже не рисковалъ разсыпать по сторонамъ, опасаясь самъ быть атакованнымъ въ лѣсу какою нибудь засадою.

Но вотъ дорога раздвоилась, и лѣвая вѣтвь, круто уклонившись въ сторону, потянулась къ Араксу; по ней и бросилась бѣжать большая часть непріятеля. Колонна барона Остенъ-Сакена повернула на ту же дорогу. Густой лѣсъ задерживалъ бѣгство турокъ и подполк. Усковъ, со своими карабахцами, успѣлъ отбить одно за другимъ девять знаменъ; съ одного изъ нихъ турки успѣли однако сорвать полотнище, и намъ досталось только древко съ кистями и булавою. Тѣмъ временемъ Эссенъ продолжалъ скакать къ Меджингерту и занялъ покинутое селеніе безъ боя. Здѣсь найдены были большіе запасы хлѣба, пороха и снарядовъ.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло № 99. Докладная записка генералъ-маіора князя Голицына.

Скоро преслѣдованіе прекратилось по обѣимъ дорогамъ. Усковъ скакалъ подѣ конецъ уже только съ 12-ю карабахскими бекками, а потому Сакенъ приказалъ трубить „сборъ“. Но пока татары, уланы и драгуны, разсыпавшіеся по лѣсу, стягивались къ мѣсту, гдѣ остановился баронъ Сакенъ, разъѣзды дали знать, что влѣво отъ дороги турки засѣли въ старомъ укрѣпленіи и стрѣляютъ по нашимъ патрулямъ. Сакенъ послалъ туда уланскій дивизіонъ маіора Парадовскаго, а въ то-же время съ другой стороны показалась запоздавшая колонна Муравьева, во главѣ которой на полныхъ рысяхъ шелъ другой дивизіонъ уланъ, успѣвшій сдать свою артиллерію на руки пѣхоты. Уланы соединились и, спѣшившись, съ двухъ сторонъ бросились на укрѣпленіе. Изъ числа 400 защитниковъ, 60 были изрублены, столько же взято въ плѣнъ, и уланы отбили знамя, - единственный трофей регулярной кавалеріи.

Этимъ эпизодомъ и закончилось преслѣдованіе бѣжавшаго турецкаго корпуса.

Такимъ образомъ изъ восьми конныхъ полковъ, брошенныхъ за непріателемъ, дѣйствительно преслѣдовали только два конномусульманскіе полка; остальная кавалерія или оставалась въ резервѣ или-же дѣйствовала отдѣльно, частями, безъ взаимной поддержки и связи. Отъ этого число плѣнныхъ не превышало 1200 человекъ; убитыхъ, какъ говоритъ Сакенъ въ своемъ донесеніи, было не меньше. Но если это было и такъ, то, во всякомъ случаѣ, потеря для 20 - ти тысячнаго корпуса была совершенно ничтожная. Но общая паника турокъ была такъ велика, что тѣ 17—18 тысячъ, которыя успѣли спастись отъ погрома, разсѣялись по деревнямъ и надолго были потеряны для турецкой арміи.

Паскевичъ былъ крайне недоволенъ результатами преслѣдованія. Изъ числа доставленныхъ къ нему 19-ти знаменъ, 17 были отбиты татарами, и главнокомандующій справедливо полагалъ, что если бы преслѣдованіе велось съ большимъ умѣньемъ и энергіею, то драгуны и уланы также могли принять участіе

въ дѣлѣ, а тогда трофеевъ было бы больше и результаты сраженія полнѣе¹⁾).

Впрочемъ, блескъ милидюзской побѣды во многомъ увеличился тѣмъ, что среди плѣнныхъ находился самъ главнокомандующій Гагки-паша, а среди взятыхъ знаменъ — его знамя съ бунчукомъ. Плѣненіе Гагки-паши произошло однако совершенно случайно. Въ то время, когда колонна Панкратьева вступила въ лѣсъ, и Сборный линейный казачій полкъ, слѣдовавшій въ головѣ ея, рассыпался вслѣдъ за бѣгущими турками, два урядника Горскаго казачьяго полка Александръ Венеровскій и Борисъ Атарщиковъ случайно наѣхали въ лѣсу на партію плѣнныхъ, только что захваченныхъ казаками. Зная по-татарски, они шутя спросили ихъ: «А гдѣ же вашъ паша?» — «Да вонъ онъ», отвѣчали турки и указали на пеструю кучку, которая одна среди общаго бѣгства стояла въ глубинѣ лѣса, не трогаясь со мѣста. То былъ дѣйствительно самъ турецкій главнокомандующій со своею свитою. Старый, испытанный воинъ, надежда эрзерумскихъ жителей, онъ первый разъ въ жизни переживалъ столь страшный позоръ своей арміи и, будучи отрѣзанъ отъ всѣхъ, быть можетъ считалъ для себя унижительнымъ бѣжать и скрываться въ лѣсныхъ трущобахъ.

Оба урядника, извѣстные на Кавказской линіи своимъ удаливствомъ, бросились по тому направленію, и черезъ нѣсколько секундъ Гагки паша, выхваченный изъ толпы его окружавшей, уже находился въ рукахъ казаковъ. Нѣсколько человѣкъ, пытавшихся заслонить своего начальника, были изрублены, и, можетъ быть, таже участь постигла бы самого пашу, если бы онъ не назвалъ себя по имени,

¹⁾ Изъ остальныхъ двухъ знаменъ, — одно, какъ сказано, взято уланами, другое — Эриванскимъ полкомъ, при слѣдующей, не совсѣмъ обычной обстановкѣ. Когда эриванцы двигались по густому лѣсу, унтеръ-офицеръ Назаръ Казанцевъ, отбившись отъ полка съ 12-ю рядовыми, внезапно очутился передъ высокою саклей, на которой, въ наскоро сложенномъ завалѣ, засѣло до 150 турокъ со знаменемъ. Не раздумывая долго, Казанцевъ и его отважные товарищи бросились въ штыки и произвели страшную рѣзню: до 50 турокъ были заколота, 25 взяты въ плѣнъ, и рядовой Семень Доякинъ отбилъ турецкое знамя. Это было еще первое знамя, которое въ тотъ день принесли къ Паскевичу, и главнокомандующій самъ возлѣзъ на Доякина знакъ ордена; Казанцеву же, какъ имѣвшему этотъ крестъ, подарилъ восемь червонцевъ. Но императоръ Николай, получивъ объ этомъ извѣстіе, произвелъ Казанцева въ офицеры. (Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло о наградахъ за 1829 годъ и рапортъ управляющаго главнымъ штабомъ генераль-адъютанта Чернышева графу Паскевичу отъ 28-го ноября за № 187).

и тѣмъ не отвелъ направленного на него удара. Его взяли въ плѣнъ. Прибывшій въ эту минуту, командиръ линейнаго полка подполковникъ Верзилинъ хотѣлъ его обезоружить; но Гагки-паша не отдалъ своей сабли. «Вы можете убить меня, но саблю я отдамъ только вашему главнокомандующему,» сказалъ онъ гордо. Верзилинъ приказалъ отвести его къ графу Паскевичу.

Все это произошло такъ быстро, что свита паши, какъ испуганное стадо, потерявшее своего вожака, кинулась къ выходу изъ страшнаго лѣса. Но было уже поздно—выходъ сторожилъ 3 й конно-мусульманскій полкъ, высланный сюда, какъ сказано, Леоновымъ. Увидя выскочившую изъ лѣса пеструю толпу и посреди ея красивый бунчукъ, татары бросились на перерѣзъ, и черезъ секунду славный трофей,—бѣлое, съ массивными кистями и съ золотою луною на древкѣ, знамя находилось уже въ ихъ рукахъ. Потерявшая голову свита повернула назадъ, опять наткнулась въ лѣсу на линейцевъ, и почти вся полегла подъ ударами шашекъ. Вообще, въ томъ небольшомъ участкѣ, гдѣ дѣйствовали линейные казаки, въ короткое время было изрублено болѣе 200 турокъ и сто человѣкъ взято въ плѣнъ.

Было уже 11 часовъ утра, когда Атарщиковъ и Венеровскій привели Гагки-пашу къ графу Паскевичу, который тутъ же поздравилъ ихъ офицерами. Гагки-паша по восточному обычаю присѣлъ на колѣни и подалъ главнокомандующему свою саблю.

«Судьба войны—сказалъ онъ—непостоянна. За нѣсколько часовъ я повелѣвалъ 20-ти тысячнымъ корпусомъ, теперь, къ стыду моему, я плѣнникъ. Но имя твое, христіанскій вождь, славится между нами высокими качествами. Говорятъ, что умѣя побѣждать, ты умѣешь быть и великодушнымъ». Графъ Паскевичъ отвѣтилъ ему, что милосердіе русскаго царя не имѣетъ предѣловъ, и что въ русскомъ станѣ Гагки-паша встрѣтитъ уваженіе, приличное его высокому сану.

Разсуждая о несчастномъ исходѣ сраженія, Гагки-паша, между прочимъ, сказалъ: «Я умѣлъ бы умереть на мѣстѣ, но удержать буйныя толпы было не въ моей власти.» Онъ жаловался на сержантъ, который обѣщалъ соединиться съ нимъ двумя днями

раньше и не исполнилъ обѣщанія, а между тѣмъ въ эти то два дня и рѣшилась участь кампаніи. «Азіатская война мнѣ хорошо извѣстна — прибавилъ онъ—и другого Гагки-пашу они не найдутъ». Паскевичъ просилъ его указать продовольственные и боевые запасы милидюзскаго лагеря. «Избавьте меня отъ тягостнаго униженія,—отвѣтилъ Гагки-паша,—вы сами найдете ихъ.»

Въ два часа пополудни стали получаться отъ частныхъ начальниковъ донесенія о совершенномъ разсѣяніи непріятеля. Побѣда была полная. Въ два дня двѣ сильныя турецкія арміи были уничтожены, и только небольшіе остатки ихъ укрылись теперь въ Эрзерумѣ. Путь въ сердце Малой Азіи былъ совершенно открытъ. «Не много можно найти примѣровъ столь полной и совершенной побѣды, какую войска Вашего Императорскаго Величества одержали нынѣ въ Азіатской Турціи,» доносилъ графъ Паскевичъ государю.

Потеря въ русскомъ корпусѣ въ оба дня не превышала ста человѣкъ и большею своею долей легла на мусульманскіе полки, которые всегда были впереди. «Я не долженъ умолчать,—писалъ графъ Паскевичъ къ государю,—о похвальномъ усердіи, находящихся со мною мусульманскихъ полковъ. Во всѣхъ сраженіяхъ они дерутся съ отличною храбростью, въ атакахъ бываютъ впереди, мужественно и твердо бросаясь даже на непріятельскую пѣхоту, и большая часть знаменъ, пушекъ и плѣнныхъ отбиты ими».

Въ числѣ мусульманъ, павшихъ во время преслѣдованія турокъ, былъ одинъ извѣстный карабагскій наѣздникъ Умбайбекъ, имя котораго, какъ имя страшнаго разбойника, гремѣло за годъ передъ тѣмъ по всему Закавказскому краю. По дорогамъ не было отъ него проѣзда: казенныя почты, если не сопровождались сильнымъ конвоемъ, рѣдко достигали до мѣста своего назначенія; купеческіе караваны, мелкіе торговцы и даже частные проѣзжающіе—все платило ему посильную дань. Войска, высылаемая противъ него, были для него не опасны, потому что его стерегла народная любовь, крѣпче карауловъ. Но то чего не

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича отъ 23-го іюня.

могла сдѣлать сила, сдѣлало золото. Умбай-бекъ, выданный во время одного изъ своихъ ночлеговъ, былъ брошенъ въ тюрьму и приговоренъ къ висѣлицѣ. Графъ Паскевичъ сумѣлъ однако подмѣтитъ въ характерѣ его нѣсколько хорошихъ, благородныхъ чертъ и понялъ, что такой человѣкъ могъ быть чрезвычайно полезенъ въ военное время. Онъ объявилъ ему помилованіе, взялъ съ собою въ походъ, и Умбай-бекъ цѣлымъ рядомъ отличій заслужилъ прощеніе. Смертельно раненый въ послѣднемъ бою, онъ просилъ передать графу Паскевичу, что умираетъ вѣрнымъ слугою русскихъ. О немъ упоминаетъ, между прочимъ, въ своихъ запискахъ и А. С. Пушкинъ, который, попавъ въ сумятицу этого боя, описываетъ его слѣдующимъ образомъ:

„На слѣдующій день (послѣ пораженія сераскира) въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступать. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. — „Вы очень устали вчера?“ — «Немного, графъ». — „Мнѣ васъ очень жаль, потому что мы идемъ опять противъ паши и должны будемъ преслѣдовать непріятеля еще 30 верстъ“.

„Мы тронулись и къ восьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гагки-пашы виденъ былъ, какъ на ладони. Скоро все пришло въ движеніе. Съ одной стороны колонны шли на турецкій лагерь, съ другой стороны конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ уже за нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала и я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ Вальховскій проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполненъ непріателемъ. Я воротился и встрѣтилъ генерала Муравьева съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, чтобы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ татарскихъ бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла стоя на колѣняхъ, читалъ молитвы. Умирающій бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пятьсотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ турокъ подзывали меня знаками, вѣроятно

принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ 15-ти нашель я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки“.

Наступилъ вечеръ. На берегахъ Аракса давно прогремѣлъ и замеръ послѣдній выстрѣлъ милидюзскаго боя. Войска ночевали на отбитыхъ ими позиціяхъ: кавалерія и колонна Муравьева—на меджингертской дорогѣ, тамъ гдѣ окончилось преслѣдованіе; колонна Панкратьева, впереди турецкаго лагеря, въ самой опушкѣ милидюзскаго лѣса; колонна Бурцева, прибывшая уже по окончаніи битвы, получила приказаніе итти назадъ въ Караурганъ и занять большую зивинскую дорогу, по которой двигались русскіе транспорты. Предосторожность эта по отношенію къ вагенбургу являлась настоятельною необходимостью. Весь день 20 го іюня по дорогѣ отъ Каинлы къ Караургану обозы тянулись почти безъ прикрытія и, при непрерывной ломкѣ колесъ и осей, останавливались чиниться и отдыхать, гдѣ кому приходилось. При подобныхъ условіяхъ появленіе и небольшой турецкой шайки могло произвести въ нихъ страшную суматоху. Наконецъ, гренадеры расположились на самомъ плато, взятомъ ими съ боя. Тамъ, на холмѣ, гдѣ еще недавно высилась ставка турецкаго паши, теперь раскинутъ былъ шатеръ русскаго главнокомандующаго. Девятнадцать разноцвѣтныхъ знаменъ осѣняли ставку, а невдалекѣ стояла отбитая турецкая артиллерія. Русскіе офицеры не безъ любопытства разсматривали турецкія орудія, которыя на своихъ желѣзныхъ осяхъ оказывались лучше и подвижнѣе нашихъ. Всѣ пушки имѣли клейма, и на ихъ тѣлахъ красивымъ рельефомъ отчеканены были гербъ и вензелевое имя султана. Графъ Паскевичъ распорядился хранить ихъ въ вагенбургѣ, чтобы въ случаѣ надобности образовать изъ нихъ новыя батареи.

Плѣнный Гагки-паша былъ помѣщенъ тутъ же при главной квартирѣ, и для него разбита была особая зеленая палатка. Любопытные, подходившіе къ ней, видѣли передъ собою суроваго сорокалѣтняго человѣка, молча сидѣвшаго на коврѣ и кутившаго трубку съ восточнымъ равнодушіемъ. Глубокое спокойствіе и по-

Пораженіє турецької армії Гагки-паши на Соганлугських горахъ при уроч.
Мелидюзъ 20-го іюня 1829 года

Картина Маврова.

корность судьбъ отражались во всей его сановитой фигурѣ. Противъ палатки паши, на другомъ бугрѣ, расположились плѣнные турки, глядѣвшіе съ нѣмою грустью и на своего униженного пашу, и на свои утраченныя пушки и знамена. Еще сегодня утромъ эти самыя пушки сторожили ихъ лагерь, и у этихъ знаменъ съ полною надеждою и вѣрой въ гибель врага стояли ихъ баталіоны. «Кесметъ—судьба, говорили они, что должно было совершиться, то и совершилось Аллахомъ».

«Столь полною побѣдой,—писалъ Паскевичъ въ приказѣ по корпусу,—обязанъ я вамъ, храбрыя войска Кавказскаго корпуса, и на мнѣ лежитъ священный долгъ повергнуть всемилостивѣйшему государю ваши безпримѣрные труды и мужество. Вы истребили врага совершенно; для васъ открытъ теперь путь въ нѣдра тѣхъ странъ Азіи, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ живетъ слава побѣдъ великаго Рима. Идите туда съ радостью, достойные воины! Она, услышавъ громъ вашего оружія, станетъ вамъ во стрѣтеніе, и позднѣйшее потомство съ воспоминаніемъ римскихъ побѣдъ въ Азіи, соединить и ваше доблестное имя».

Бой 20-го іюня, открывшій русскимъ войскамъ путь къ Эрзеруму, въ тоже время лишилъ ихъ одного изъ крупныхъ дѣятелей турецкаго похода: начальникъ корпуснаго штаба, генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ долженъ былъ оставить свой постъ и впослѣдствіи покинуть дѣйствующій корпусъ.

Пущинъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ связываетъ это обстоятельство съ тѣми личными отношеніями, которыя уже давно сложились между графомъ Паскевичемъ и барономъ Сакенымъ. Онъ рассказываетъ, что однажды появилось въ «*Journal des Debats*» корреспонденція изъ Петербурга, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что графъ Паскевичъ, чловѣкъ самыхъ обыкновенныхъ способностей, и что успѣхъ его кампаніи должно приписать дарованіямъ его начальника штаба. Пущинъ утверждаетъ, что статья эта при из-

---

¹⁾ Русская Старина 1884 г., т. 41.

вѣстной подозрительности и крайне самолюбивомъ характерѣ графа Паскевича, ревниво оберегавшаго все, что касалось его личной славы, и послужила поводомъ сперва къ неудовольствіямъ на Сакена, а потомъ и къ удаленію его изъ арміи. Но если это было и такъ, то во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ причина эта могла имѣть лишь косвенное и при томъ далеко второстепенное значеніе. Здѣсь вопросъ шелъ о разности взглядовъ между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба на предметы чисто военного характера—на дѣйствія въ бою кавалеріи и на достиженіе ею наилучшихъ боевыхъ результатовъ.

Энергичное преслѣдованіе разбитаго непріятеля графъ Паскевичъ ставилъ вѣнцомъ военного искусства и требовалъ отъ своей конницы—погони бѣшенной, дѣйствій самоотверженныхъ, напряженія силъ—крайняго. Онъ понималъ, что только такое преслѣдованіе и можетъ довершить побѣду, деморализовать врага, разрушить его армію и сдѣлать ее надолго неспособною къ военнымъ дѣйствіямъ. Такое именно преслѣдованіе было 9-го августа подъ Ахалцыхомъ и 19-го іюня при пораженіи сераскира. Но тогда командовалъ кавалеріею Раевскій. Сакенъ же, человѣкъ высокообразованный, храбрый и талантливый, не выдѣлялся однако въ этомъ случаѣ изъ общаго уровня тѣхъ кавалерійскихъ генераловъ, которыхъ создала въ нашихъ рядахъ послѣ отечественной войны такъ называемая нѣмецкая парадная школа. Онъ признавалъ тезисы Паскевича въ принципѣ, но никогда не рискнулъ бы примѣнить ихъ на дѣлѣ, опасаясь изнурить кавалерію. Подобный взглядъ рельефнѣе всего выразился въ одномъ изъ его донесеній къ Паскевичу 19-го іюня, когда, желая остановить преслѣдованіе, онъ писалъ, что считаетъ лучше сохранить кавалерію, чѣмъ взять нѣсколько сотъ лишнихъ плѣнныхъ и заставилъ Паскевича самого прибыть къ кавалеріи, чтобы лично руководить ея преслѣдованіемъ. Разладъ въ убѣжденіяхъ неоднократно обнаруживался и прежде, но 20-го іюня онъ былъ уже заключительнымъ. Вполнѣ понятно, что при полномъ разгромѣ турецкаго корпуса, 19 знаменъ и тысяча плѣнныхъ—результатъ преслѣдованія кавалеріи, не могли удовлетворить графа Паскевича. Онъ былъ недоволенъ

распоряженіями барона Сакена и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Быть можетъ замѣчаніе это, при извѣстной нервности графа Паскевича, облечено было въ рѣзкую форму; но, во всякомъ случаѣ, оно не имѣло бы дальнѣйшихъ послѣдствій, если бы обиженный Сакенъ самъ не потребовалъ отъ главнокомандующаго или гласнаго оправданія, или преданія себя суду.

Паскевичъ назвалъ требованіе его „неосмотрительнымъ,“ но слѣдствіе назначилъ, приказавъ генералу Панкратьеву войти въ разсмотрѣніе вопросовъ: почему въ бою 20-го іюня регулярная кавалерія взяла такъ мало знаменъ и плѣнныхъ, гдѣ она находилась и до какого мѣста гналась за непріателемъ¹⁾. И слѣдствіе окончилось не въ пользу барона Остенъ-Сакена.

„Изъ предъявленнаго ко мнѣ слѣдственного дѣла, изъ вашихъ объясненій и моихъ личныхъ замѣчаній, — писалъ графъ Паскевичъ барону Сакену, — я нахожу слѣдующее: ²⁾

«Непріатель бѣжалъ изъ укрѣпленнаго лагеря, отдавая намъ свой флангъ, болѣе чѣмъ на десять верстъ, а потому по *вашей просьбѣ* я поручилъ вамъ регулярную кавалерію съ тѣмъ, чтобы атаковать непріателя на всемъ десятиверстномъ протяженіи. Мы стояли гораздо ближе къ дорогѣ, которую непріатель долженъ былъ взять для своего отступленія, — и несмотря на то, вы опоздали. Въ оправданіе свое вы ссылаетесь на крутизну спуска и глубокой скалистый оврагъ. Но если могъ спуститься Карповъ съ двумя казачьими сотнями, то нѣтъ сомнѣнія, что могла пройти и вся кавалерія.

«Вы сдѣлали важную ошибку и превзошли даже власть вашу, перемѣнивъ мое распоряженіе и присоединивъ къ себѣ донской казачій полкъ Фомина изъ бригады генерала Леонова, вамъ не подчиненнаго и имѣвшаго отъ меня особое назначеніе. Этимъ вы сгустили войска тамъ, гдѣ ихъ было съ избыткомъ и лишили Леонова способа исполнить мое приказаніе. За такое присвоеніе власти и измѣненіе моего распоряженія вы уже достойны замѣчанія.

¹⁾ Арх. штаба Кавказск. воен. окр. Предписаніе Паскевича генералу Панкратьеву 21-го іюня № 100.

²⁾ Тамъ же. Рапортъ барона Сакена Панкратьеву 21-го іюня № 61. Рапортъ Панкратьеву генерала Раевского № 49 и предписаніе Паскевича барону Сакену 7-го іюля № 492.

«Вы не поняли, что непріятель бѣжитъ параллельно нашему движенію, подставляя вамъ флангъ, и потому распоряженія ваши были ошибочны. Вы начали преслѣдовать одной общей колонной, въ головѣ которой былъ у васъ одинъ мусульманскій полкъ, оставшійся на послѣдокъ въ числѣ 12-ти человекъ. Одинъ этотъ полкъ и взялъ у непріятеля превосходное число знаменъ; прочія войска за нимъ только слѣдовали, вовсе не участвуя въ пораженіи непріятеля. Вамъ слѣдовало раздѣлить кавалерію на пять или по крайней мѣрѣ на три колонны, составивъ каждую изъ одного или двухъ дивизіоновъ регулярной кавалеріи, съ конными сотнями мусульманъ во главѣ. Въ такомъ порядкѣ вы атаковали бы непріятеля разомъ на протяженіи всей его линіи и брали бы въ плѣнъ на 10 верстъ.

«Густота лѣса не могла служить препятствіемъ къ преслѣдованію, ибо если могла уходить по немъ непріятельская кавалерія, то тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могла преслѣдовать ее наша. Если бы непріятель сталъ защищаться въ лѣсу, вы должны были спѣшить драгунъ и удерживать его, пока подоспѣла бы пѣхотная колонна Муравьева, высланная вслѣдъ за вами, о чемъ вамъ было извѣстно. Впрочемъ, опасаться сопротивленія со стороны испуганнаго, разсѣяннаго и преслѣдуемаго непріятеля вамъ не было основанія. Сборный линейный полкъ, посланный 20-ю минутами позже, опередилъ васъ, изрубилъ до 200 человекъ, взялъ пашу и до 100 плѣнныхъ, потерявъ съ своей стороны только двухъ раненыхъ. Я увѣренъ, что войска, вамъ порученныя, сдѣлали бы тоже если бы получили лучшее направленіе.

«Вы говорите, что во время преслѣдованія непріятеля, регулярная кавалерія ходила неоднократно въ атаку на пѣхоту, и что знаменщики, бывшіе на лучшихъ лошадяхъ, не могли быть настигнуты ни ею, ни казаками; но изъ донесеній всѣхъ частныхъ начальниковъ не видно, чтобы таковыя атаки были дѣлаемы въ дѣйствительности. Былъ только одинъ случай, и то на возвратномъ пути, когда непріятель засѣлъ въ старомъ укрѣпленіи и былъ уничтоженъ уланами, съ частью пѣхоты, изъ колонны Муравьева.

«Вы утверждаете, что преслѣдовали непріятеля до совершеннаго изнуренія лошадей и говорите, что если мусульманскіе беки на лучшихъ карабахскихъ жеребцахъ не могли далѣе гнаться, то регулярная кавалерія, на лошадяхъ менѣе легкихъ и обремененныхъ тяжелымъ вьюкомъ, конечно, должна была пристать несравненно прежде. Однако, о такомъ изнуреніи лошадей, кромѣ васъ, генерала Раевского, маіора Маркова и подполковника Ускова—изъ коихъ послѣдніе два точно были далеко впереди васъ—никто болѣе не говоритъ. Я также не могу принять за основаніе донесеніе ваше, ибо на такомъ разстояніи, какъ 10—25 верстъ лошади не могли быть изнурены до такой степени, взявъ еще въ соображеніе, что преслѣдованіе продолжалось въ теченіе пяти часовъ времени.

«Что-же касается до испрашиваемаго вами суда,—говоритъ въ заключеніе Паскевичъ,—то на сіе скажу вамъ, что судъ наряжается противъ умышленно виновныхъ; за незнаніе же распорядиться дѣлаются замѣчанія, которыя должны служить наставленіемъ и предостереженіемъ впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ ошибокъ.»

Назначеніе слѣдствія, вызваннаго по желанію самого же Сакена, и было естественной причиной сдачи имъ должности начальника штаба генераль-маіору Жуковскому, тогда только что прибывшему на Кавказъ изъ артиллерійскаго департамента, гдѣ онъ занималъ должность управляющаго счетною артиллерійскою комиссіею. По мнѣнію государя, Сакенъ, «яко лишившійся довѣрія главнокомандующаго и упорствующій въ непризнаніи сдѣланныхъ имъ ошибокъ, не могъ занимать никакой должности въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, а потому государь предоставлялъ Паскевичу право отправить его въ Россію. Но Сакенъ въ это время уже былъ назначенъ начальникомъ Ахалцыхскаго пашалыка, и высочайшая воля могла быть исполнена только по окончаніи войны.

Раевскому также былъ сдѣланъ выговоръ. Въ своемъ желаніи оправдать кавалерію, онъ распространился о блистательномъ дѣйствіи ея 19-го числа и затѣмъ сослался на изнуреніе лошадей, два дня не выходившихъ изъ-подъ сѣделъ. Раевскій рѣзко замѣ-

тилъ при этомъ въ своихъ показаніяхъ, что «регулярная кавалерія наша не можетъ уступать ни въ храбрости, ни въ усердіи мусульманамъ, хотя на сей разъ и не отбила ни знаменъ, ни пушекъ. Паскевичъ на этомъ объясненіи наложилъ слѣдующую резолюцію: «Напрасно генераль-маіоръ Раевскій повѣствуетъ о 19-мъ числѣ, о которомъ его не спрашиваютъ, и могъ бы все получше писать, за что дѣлается замѣчаніе.» Выговоръ объявленъ былъ формально, въ предписаніи. — «Я прежде васъ знаю состояніе лошадей Нижегородскаго полка, который былъ со мною въ походахъ въ прошедшіе три года,---писалъ онъ Раевскому, ---и знаю, что движеніе 19-го числа и неимѣніе на ночь травяного корма, при хорошей, впрочемъ дачѣ ячменя, не могли привести лошадей въ такое изнуреніе, чтобы онѣ на слѣдующій день не могли проскакать 20 верстъ въ продолженіи 5-ти часовъ. За таковую неосмотрительность въ донесеніи дѣлаю вамъ выговоръ, оставаясь увѣреннымъ, что ваше превосходительство впредь по дѣламъ службы будете внимательнѣе.»

Такъ строго и такъ требовательно, даже и при блестящихъ успѣхахъ нашего оружія, относились въ тѣ отдаленныя времена къ дѣйствіямъ русской кавалеріи на поляхъ сраженія.

Глава XVII

Дорога къ Эрзеруму — Зивинскій замокъ — Графъ Паскевичъ въ Гасанъ-кала. — Тревожная ночь и внезапный походъ. — У воротъ Эрзерума — Посольство князя Бековича-Черкаскаго. — Переговоры его съ сераскиромъ. — Народный мятежъ въ Эрзерумѣ. — Геройское поведеніе князя Бековича. — Штурмъ Эрзерума. — Сдача города и плѣненіе сераскира. — Русскіе въ Эрзерумѣ. Трофеи побѣды.

Ослѣ пораженія главныхъ силъ при Каинлы и Милидюзѣ, Турція была безсильна остановить наступленіе русскаго корпуса: войска Гагки-паши разсѣялись и образовали шайки грабителей, не имѣвшихъ никакой охоты вновь становиться подъ знамена; самъ сераскиръ, едва избѣжавшій плѣна, бѣжалъ въ Гасанъ-кала, гдѣ стоялъ 10-ти тысячный отрядъ пѣхоты, еще не участвовавшій въ сраженіи; но и этотъ отрядъ, видя кругомъ себя общій погромъ, поспѣшно отступилъ къ Эрзеруму; на другой день туда же выѣхалъ и сераскиръ, сопровождаемый лишь небольшимъ конвоемъ.

Присутствіе его во многолюдномъ Эрзерумѣ становилось тогда настоятельною необходимостью. Съ одной стороны ему нужно было предупредить смятеніе въ народѣ, до котораго могли дойти тревожные слухи, съ другой — предстояло возбудить въ населеніи рѣшительность къ защитѣ и въ самой численности его найти для себя источникъ новой вооруженной силы. Въ Эрзерумѣ было свыше 30 тысячъ жителей, способныхъ носить оружіе, и сераскиру на первый разъ достаточно было опереться на эту массу, чтобы задержать русскихъ подъ стѣнами столицы. А тамъ подойдутъ новыя войска изъ внутреннихъ областей Азіи, призваны будутъ лазы, соберутся курды — и шансы войны могутъ измѣниться.

Въ интересахъ русскаго главнокомандующаго, напротивъ, естественнымъ желаніемъ являлось не дать непріятелю время опомниться, и графъ Паскевичъ, дѣйствительно, не терялъ ни минуты. Съ зарею 21-го іюня весь русскій корпусъ уже двигался по слѣдамъ бѣжавшаго непріятеля. Колонна Бурцева, оставивъ на мѣстѣ обозъ, шла изъ Караургана по большой эрзерумской дорогѣ на Зивинъ и Ардостъ; генераль-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій, съ бывшею колонною Панкратьева, двигался черезъ Меджингертъ на Хоросанъ, гдѣ имѣлись большіе турецкіе магазины; наконецъ, главныя силы—гренадерская бригада и вся кавалерія,—подъ личнымъ начальствомъ Паскевича, выступили изъ Милидюза въ Караурганъ на соединеніе съ вагенбургомъ, и только баталіонъ Грузинскаго полка съ частью линейныхъ казаковъ, подъ командой графа Симонича, остался на Милидюзѣ, чтобы очистить окрестныя лѣса отъ турецкихъ шаекъ, бродившихъ въ нихъ послѣ своего пораженія. Главнокомандующій ѣхалъ верхомъ и, обгоняя по пути войска, поздравлялъ ихъ съ побѣдой. Солдаты кричали «ура», и одушевленіе вливало въ нихъ новыя силы, заставляя забывать труды и лишенія предыдущихъ дней.

Въ Караурганѣ графъ Паскевичъ ночевалъ, а на зарѣ 22-го числа, вмѣстѣ съ тяжелою артиллеріею, на случай осады Эрзерума двинулся къ Ардосту. На пути миновали живописный зивинскій замокъ, получившій такую печальную извѣстность въ кампанію 1877 года и недалеко отъ него на одномъ изъ притоковъ Аракса сдѣлали привалъ.

Старинный замокъ былъ полуразрушенъ; но стѣны его были еще такъ крѣпки, а положеніе на голой скалѣ такъ неприступно, что Паскевичъ рѣшилъ учредить въ немъ складочный пунктъ на пути своихъ сообщеній съ Карсомъ. Двѣ роты егерей 40-го полка тотчасъ заняли замокъ, а остальные войска двинулись дальше и ночевали въ Ардостѣ. Городъ уже былъ занятъ колонною Бурцева, и сюда-же прибыли отряды: князя Бековича изъ Хоросана и графа Симонича изъ Милидюза. Весь дѣйствующій корпусъ соединился и далѣе двигался уже въ полномъ составѣ. 23-го іюня войска ночевали у селенія Кепри-кея, на берегу Аракса возлѣ древняго

моста, постройку котораго относятъ къ временамъ Дарія Гистаспа. Здѣсь, въ виду этого историческаго памятника, Паскевичъ получилъ извѣстіе, что наступленіе русскихъ войскъ вызвало страшную панику во всемъ Эрзерумскомъ пашалыкѣ, и что кр. Гасанъ-кала—«этотъ стражъ Эрзерумской долины», какъ называли его турки, покинуть своимъ гарнизономъ; самъ сераскиръ бѣжалъ и, желая спасти хотя что-нибудь изъ огромныхъ запасовъ, находившихся въ крѣпости, приказалъ собрать арбы со всѣхъ окрестныхъ деревень и на нихъ перевозить запасы въ Эрзерумъ.

Отъ Кепри-кея до Гасанъ-кала всего 15 верстъ, а потому главнокомандующій, не теряя времени, двинулся со всею кавалеріею къ покинутой крѣпости, рассчитывая захватить по крайней мѣрѣ то, что не успѣли еще вывезти. Войска пошли налегкѣ, форсированнымъ маршемъ. Солнце уже склонялось за горы, когда кавалерія поднялась на высокій гребень, и передъ нею открылась широкая долина, въ концѣ которой рельефно вырисовывались бѣлыя стѣны Гасанъ-калы. Съ горъ было видно, какъ турецкія войска, обозы и жители спѣшили уходить къ Эрзеруму. Часть кавалеріи тотчасъ пустилась въ преслѣдованіе и, проскакавъ за ночь верстъ 25, отбила 50 армянскихъ семействъ и до двухъ тысячъ головъ скота. Тѣмъ временемъ графъ Паскевичъ занялъ покинутую крѣпость безъ боя и нашелъ въ ней 29 орудій, порохъ, снаряды и нѣсколько хлѣбныхъ магазиновъ. 80 армянскихъ семействъ, оставшихся въ городѣ и составлявшихъ теперь все его населеніе, встрѣтили русскихъ съ крестами и иконами

Гасанъ-кала—одна изъ древнѣйшихъ крѣпостей Турецкой Арменіи, служила въ послѣднее время резиденціею бека Верхне-Пассинскаго санджака. Самъ бекъ бѣжалъ вмѣстѣ съ гарнизономъ, и Паскевичъ занялъ его покинутый, богато убранный дворецъ. На слѣдующій день сюда подошла и пѣхота. Осмотрѣвъ крѣпость, Паскевичъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ исправленіи ея поврежденныхъ стѣнъ и объ установкѣ на нихъ новыхъ орудій. Онъ рѣшилъ перевезти сюда изъ Зивина всѣ транспорты, чтобы сблизить ихъ съ корпусомъ, и Гасанъ-кала получала, такимъ образомъ, для насъ значеніе важнаго опорнаго и складочнаго

пункта на самомъ соединеніи дорогъ изъ Карса и Баязета. «Симъ важнымъ приобрѣтеніемъ,—писалъ Паскевичъ государю,—я сталъ твердою ногою на челѣ Эрзерума.»¹⁾

Обстоятельства слагались для насъ весьма благопріятно, но главнокомандующій замедлилъ походъ на цѣлыя сутки, желая покорить многолюдный городъ моральной, а не физической силой. Мысль эта, повидимому, давно уже занимала графа Паскевича; по крайней мѣрѣ, отправляя послѣ милидюзскаго дѣла плѣнныхъ, онъ оставилъ изъ нихъ тѣхъ, которые были уроженцами Эрзерума и теперь отпустилъ ихъ домой, щедро одаривъ на дорогу деньгами. Эти люди и должны были первые расположить умы народа въ пользу побѣдителей. Въ числѣ ихъ находился и извѣстный намъ Мамишъ-ага, человѣкъ умный и пользовавшійся большимъ вліяніемъ на жителей. Онъ то и вызвался добровольно распространить по городу прокламаціи графа Паскевича.

«Подъ державою русскихъ монарховъ,—говорилось въ этихъ прокламаціяхъ,—цѣлые милліоны мусульманъ пользуются полною свободою вѣроисповѣданія, законовъ и обычаевъ. Эти мусульмане, довольные справедливымъ правленіемъ, молятъ Бога о продолженіи славы и могущества Россіи; они добровольно спѣшатъ подъ знамена ея и съ мужествомъ сражаются противъ враговъ своего государя. Обѣщаю, что въ случаѣ добровольной сдачи, вамъ сохранятся вполнѣ обряды вашей религіи, честь вашихъ семействъ и собственность; если же станете упорствовать, то напрасное пролитіе крови падетъ на васъ самихъ. Истреблю всѣхъ, кто подниметъ противъ меня оружіе, пощажу тѣхъ, которые изъявляютъ покорность и мирно останутся въ домахъ своихъ. Ожидаю отвѣта, который не замедлите доставить».

Въ ожиданіи этого то отвѣта и результата своихъ прокламацій, графъ Паскевичъ и назначилъ на слѣдующій день дневку.

Ночью, когда все заснуло и успокоилось, на главной гауптвахтѣ ударили тревогу. Въ городѣ вспыхнулъ пожаръ, грозившій

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа, дѣло 1828—1830 г.г. № 99. Всеподданнѣйшій рапортъ 28 іюля 1829 г.

страшными бѣдствіями, такъ какъ изъ горѣвшаго зданія солдаты успѣли выкинуть большое количество пороха. Если бы огонь успѣлъ дойти до него—взрывъ стоилъ бы многихъ десятковъ жизни русскихъ, работавшихъ на пожарищѣ. Между тѣмъ вѣтеръ дулъ прямо на сосѣдній домъ, гдѣ ночевалъ главнокомандующій. Бросились будить графа Паскевича,—и къ общему ужасу въ самыхъ дверяхъ его спальни наткнулись на два большіе боченка пороха, которыхъ съ вечера никто не видѣлъ. Злой умыселъ былъ виденъ, такъ какъ порохъ оказался турецкій. Но кто могъ затѣять это адское дѣло, когда въ городѣ не было ни одного мусульманина? Пришлось предположить, что шайка злодѣевъ скрывалась гдѣ нибудь въ подвалѣ и пользовалась потайными ходами, которыхъ въ Гасанъ-кала было не мало. Только благодаря Промыслу здѣсь, какъ и въ Зивинѣ, графъ Паскевичъ избѣжалъ явной опасности*).

Ночная суматоха, пожаръ и тревога не помѣшали однако торжеству, назначенному на 25-е число іюня. Это былъ день рожденія императора Николая Павловича, и войска въ 10 часовъ утра уже стояли подъ ружьемъ въ красивой долиинѣ, надъ которой уединенно и угрюмо возвышала Гасанъ-кала свои ветхія стѣны. Отслужили молебствіе, а затѣмъ передъ полками прочитанъ былъ новый приказъ главнокомандующаго.

«Снова обращаю къ вамъ благодарный голосъ мой, войска закавказскія, храбрые товарищи мои! Едва переступили въ предѣлы прошлогоднихъ завоеваній, какъ многочисленный врагъ истребленъ уже вами.

«Трофеи двухъ достопамятныхъ битвъ, славно исполненныхъ въ продолженіе 25-ти часовъ времени, свидѣтельствуютъ о вашемъ мужествѣ неодолимомъ. Вы отняли у непріятеля всю его артиллерію, всѣ снаряды и запасы боевые и продовольственные. 19 знаменъ, до 1500 плѣнныхъ и самого военачальника турецкаго Гагки-пашу, перваго сановника по сераскирѣ, славнаго въ Азіи и личною храбростью, и военными способностями—взяли въ плѣнъ. Столь полною побѣдою обязанъ я вамъ, и на мнѣ лежитъ

---

*) Записка Радожицкаго. Военный журналъ 1857 г., кн. 1—6.

священный долгъ повергнуть всемилостивѣйшему государю ваши труды и мужество. Вы истребили врага совершенно; для васъ открытъ теперь путь въ нѣдра тѣхъ странъ Азіи, гдѣ двѣ тысячи лѣтъ живетъ слава побѣдъ великаго Рима. Идите туда съ радостью, достойные воины! Она, услышавъ громъ вашего оружія, станетъ вамъ во срѣтеніе, и позднѣйшее потомство съ воспоминаніемъ римскихъ побѣдъ въ Азіи соединитъ и ваше доблестное имя»¹⁾.

Чтеніе приказа закончилось громкимъ «ура!» пронесшимся по рядамъ торжествующаго войска, и полки прошли церемоніальнымъ маршемъ. Въ этотъ день всѣ генералы и штабъ-офицеры корпуса были приглашены къ обѣденному столу главнокомандующаго. При громѣ пушекъ провозгласилъ онъ тостъ за здоровье государя, потомъ за храбрую русскую армію и, наконецъ, *за будущія надежды*. Но едва смолкли обычные звуки музыки, какъ главнокомандующій всталъ и объявилъ, что дневка отмѣняется, и черезъ часъ корпусъ идетъ въ Эрзерумъ. Въ лагерь послали приказаніе бить сборъ и выступать, оставя обозы и парки на мѣстѣ²⁾.

Поводомъ къ столь быстрому и неожиданному походу, какъ оказалось, послужила записка, доставленная Паскевичу во время самого обѣда. Она была изъ Эрзерума, отъ Мамишъ-аги, который писалъ: «Муллы и почетные жители принимаютъ ваши предложенія; граждане готовы покориться, но сераскирь и войска возбуждаютъ въ народѣ волненіе. Идите и не давайте разгораться мятежнымъ страстямъ, съ которыми послѣ трудно будетъ управиться».

Къ пяти часамъ пополудни войска стояли уже въ совершенной готовности къ движенію. По прибытіи графа Паскевича, колонны тронулись съ надеждой завтра стать у воротъ Эрзерума³⁾.

Вѣсть о пораженіи турецкой арміи долетѣла до Эрзерума и поразила населеніе его страхомъ неожиданной и близкой опасности. Всѣ иллюзіи горожанъ были разрушены. По слѣдамъ быстрой молвы появились бѣгущія изъ Гасанъ-кала турецкія войска,—и пре-

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Приказы графа Паскевича за 1829 г

²⁾ Записка Радожицкаго. Военный журналъ за 1857 г., кн. 1—7.

³⁾ Тамъ же.

слѣдующая ихъ русская конница остановилась всего лишь въ 15-ти верстахъ отъ города. Тогда сераскирь, не скрывая болѣе горькой истины, обратился къ народу съ горячимъ воззваніемъ и сумѣлъ затронуть въ немъ чувство національной гордости и чувство религіозное. Но одновременно появились въ городѣ и прокламаціи Паскевича, приглашавшія народъ къ порядку и къ повиновенію русскому вождю, который одинъ располагалъ судьбами Анатолиі.

Мамишъ-ага, посланный Паскевичемъ, прежде всего обратился къ Аянъ-агѣ, губернатору Эрзерума, который созвалъ городскихъ старшинъ и прочиталъ передъ ними воззваніе русскаго главнокомандующаго. Мамишъ-ага съ своей стороны, какъ очевидецъ, разъяснилъ, что средства русскихъ велики, войска непобѣдимы, искусство полководца неимовѣрно. Живой разсказъ соплеменника, уважаемаго всѣми за его прямодушіе, твердость и умъ, не могъ не произвести впечатлѣнія, и старшины рѣшили единодушно склонить народъ къ безусловной покорности.

Однако же явиться къ буйнымъ толпамъ, ходившимъ по улицамъ съ крикомъ: «умремъ за вѣру и пророка!» съ категорическимъ предложеніемъ сдачи было бы безразсудно, и губернаторъ прибѣгнулъ къ хитрости. Далеко за городомъ, на обширной полянѣ, стояли цѣлые ряды палатокъ, занятыхъ, какъ увѣрялъ сераскирь, подходившими войсками; но Аянъ-ага, зналъ отлично, что палатки были пусты и никакихъ войскъ въ нихъ не было. Ночью онъ приказалъ потихоньку снять ихъ, а на утро, когда проснувшіеся жители не увидѣли на обычномъ мѣстѣ военныхъ шатровъ, имъ тотчасъ объявили, что войска разбѣжались, и самъ сераскирь намѣревается покинуть городъ, оставя жителей на произволъ судьбы и побѣдителей. Въ городѣ произошло всеобщее смятеніе. Военный караулъ, стоявшій на городскомъ валу, бросилъ свои мѣста; толпы запрудили площадь, наполнили всѣ улицы и видимо не знали, что дѣлать. Тогда эрзерумскіе старшины явились среди нихъ съ воззваніемъ русскаго вождя, убѣждая народъ пощадить кровь своихъ собратій,—и народъ, отуманенный страхомъ, съ восточнымъ фанатизмомъ покорился этому рѣшенію.

Нѣсколько почетныхъ старшинъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ города, тотчасъ отправились къ сераскиру и объявили, что жители желаютъ сдать городъ на капитуляцію. Пораженный сераскиръ долго старался отклонить ихъ отъ этого рѣшенія и, наконецъ, сказалъ: «Дѣлайте что хотите; но я и мои паши не будемъ видѣть этого несчастья: мы покинемъ городъ».—«Ты и твои паши въ дни мира и спокойствія были нашими правителями и теперь въ дни бѣдствія должны раздѣлить нашъ жребій», отвѣчали старшины и объявили, что никого не выпустятъ изъ города. У сераскирскихъ воротъ тотчасъ поставленъ былъ караулъ, а Мамишъ-ага тайно отправилъ въ русскій лагерь гонца съ извѣстіемъ о томъ, что происходитъ въ городѣ.

Русскій корпусъ, выступившій изъ Гасанъ-кала, ночевалъ въ этотъ день на рѣчкѣ Неби-чай, въ 20-ти верстахъ отъ Эрзерума. Съ разсвѣтомъ онъ уже готовъ былъ двинуться дальше, какъ дали знать о прибытіи двухъ турецкихъ чиновниковъ. Одинъ былъ Мамишъ-ага, другой Капиджа-баши, т. е. начальникъ городскихъ воротъ. Они привезли главнокомандующему письмо отъ эрзерумскихъ жителей.

«Мы совершенно поняли смыслъ присланной намъ прокламаціи—сказано было въ этомъ письмѣ,—чувство великодушія и челоуѣколюбія внушаютъ вамъ намѣреніе сохранить мусульманъ и невинныя семейства, живущія въ Эрзерумѣ. Поэтому просимъ прислать къ намъ уполномоченнаго, дабы сераскиръ, паши, улемы и вельможи эрзерумскіе могли вступить съ нимъ въ переговоры». Но Капиджа-баши просилъ при этомъ графа Паскевича остановить войска и отсюда вести переговоры, опасаясь, что буйная чернь, увидя русскихъ у воротъ Эрзерума, легко можетъ воспламениться фанатизмомъ, и тогда трудно будетъ ручаться за послѣдствія. Слова эти показались графу Паскевичу подозрительными, и онъ отвѣтилъ, что только именно у стѣнъ Эрзерума онъ и предложитъ свои условія. Войска тронулись дальше и за рѣчкой Неби-чай, гдѣ оканчивается гасанкалинская равнина, стали подниматься на хребетъ Деве-бойну. Теперь Деве-бойну, со времени кампаніи 1877 года, приобрѣло уже историческую извѣстность, но тогда оно

осталось въ памяти войскъ только порывистымъ сильнымъ вѣтромъ, поднимавшимъ цѣлыя тучи такой ѣдкой известковой пыли, что въ 20-ти шагахъ ничего не было видно. Но вотъ, войска поднялись наконецъ на хребетъ Деве-бойну, и передъ ихъ глазами развернулась картина обширной столицы Анатолиі. Впереди слышались выстрѣлы. Турецкая конница, выѣхавшая въ поле, перестрѣливалась съ нашими казаками; войска, между тѣмъ, разбили лагерь въ четырехъ верстахъ отъ города, и графъ Паскевичъ послалъ князя Бековича въ Эрзерумъ заключить капитуляцію. Съ нимъ вмѣстѣ отправились оба турецкіе чиновника, переводчикъ, два офицера: поручикъ Миницкій и сотникъ Медвѣдевъ, 15 линейныхъ казаковъ и пять узденей Большой Кабарды, служившихъ при князѣ тѣлохранителями.

Проводивъ посольство, графъ Паскевичъ легъ на бурку и устремилъ внимательный взоръ на окрестности. Рѣзкій, холодный вѣтеръ, вырываясь изъ ущелья, порывисто проносился надъ его головой, но, казалось, не могъ вывести его изъ задумчивости — онъ весь ушелъ въ созерцаніе лежавшей передъ нимъ столицы. И ему невольно должна была представляться мысль, что при единоплеменіи жителей не легко будетъ преодолѣть стотысячное, на половину вооруженное населеніе, стоявшее подъ защитою полутора-ста пушекъ, которыми были вооружены оборонительные верки Эрзерума.

Опасенія Паскевича дѣйствительно имѣли свое основаніе. Въ короткій промежутокъ времени, пока турецкіе парламентары ѣздили въ русскій лагерь, въ настроеніи жителей опять произошла большая перемѣна. Голытьба, которой терять было нечего, нашла себѣ опору въ распущенныхъ, на половину деморализованныхъ солдатахъ сераскира и успѣла взволновать жителей, распуская слухъ, что въ городѣ измѣна, что сераскиръ арестованъ, и подкупленные старшины готовятся сдать Эрзерумъ невѣрнымъ. Въ городѣ во второй разъ началось смятеніе. Обывательскій караулъ, поставленный у воротъ сераскирскаго дома, былъ прогнанъ, и сераскиръ опять получилъ свободу. Бушевавшая чернь угрожала теперь смертію всѣмъ, кого подозрѣвала въ сношеніяхъ съ русскими.

При такихъ то обстоятельствахъ князь Бековичъ вѣхалъ въ Эрзерумъ и встрѣченъ былъ у городскихъ воротъ сераскирскимъ чиновникомъ, пригласившимъ его остановиться во дворцѣ. Князь Бековичъ учтиво отклонилъ это предложеніе и занялъ домъ Семедъ-аги, одного изъ сыновей прежняго эрзерумскаго губернатора. Въ домѣ этомъ, приготовленномъ для русскихъ предусмотрительностью Мамишъ-аги, князь Бековичъ и вся его свита помѣстились въ обширной комнатѣ, гдѣ, по обычаю востока, имъ тотчасъ предложили шербетъ, кофе и трубки. Нѣсколько турокъ, присутствовавшихъ здѣсь, держали себя скромно и сдержанно. Но едва все общество, послѣ взаимныхъ привѣтствій, разсѣлось на тахтахъ какъ на улицахъ послышался шумъ; народъ окружилъ домъ, занятый Бековичемъ и дерзко кричалъ: «Подайте намъ посланника!» Отъ этой критической минуты зависѣло многое. Князь Бековичъ неторопливо подошелъ къ окну и, обратясь къ народу, спросилъ, чего онъ хочетъ?—«Мы никому не позволимъ попирать наши законы и вѣру!» кричала толпа.—«Хорошо сдѣлаете», отвѣтилъ ей князь Бековичъ,—но разсудите, если русскія войска войдутъ со штыками, они не оставятъ камня на камнѣ. Что тогда будетъ съ вашими семьями? Неужели вы хотите подвергнуть себя, женъ и дѣтей вашихъ убійству, когда сераскиръ только и думаетъ какъ бы уйти отъ васъ».—«Какъ уйти? Куда?» слышались недоумѣвающіе возгласы.—«Пойдите, убѣдитесь сами», сухо сказалъ князь Бековичъ и отошелъ отъ окна.

Слова князя окончательно озадачили чернь. Толпа повалила ко дворцу, и убѣдившись, что имущество сераскира, болѣе чѣмъ на милліонъ піастровъ, дѣйствительно вывезено изъ Эрзерума, тотчасъ распорядилась снова поставить караулы на всѣхъ заставахъ и никого не выпускать изъ города.

Наступилъ вечеръ, и помѣщеніе генерала Бековича наполнилось опять агаларами, кадіями, муфтіями и старшинами. Князь Бековичъ, въ совершенствѣ владѣвшій турецкимъ языкомъ, употребилъ всѣ перлы восточнаго краснорѣчія, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости безусловной покорности и обѣщалъ на слѣдующій же день сообщить имъ результатъ своихъ переговоровъ съ сераскиромъ.

На другой день, еще не взошло солнце, а толпы мусульманъ въ полномъ вооруженіи уже снова мрачно бродили по улицамъ Эрзерума. Безпокойное ожиданіе роковой минуты живо изображалось на всѣхъ лицахъ. Въ 8 часовъ утра 27-го іюня сераскирь прислалъ за княземъ Бековичемъ отличнаго арабскаго жеребца подъ богатымъ сѣдломъ, что служило знакомъ особенной почести. Вся русская свита отправилась также верхами. Ее сопровождало множество сераскирскихъ слугъ и нѣсколько чиновниковъ, шедшихъ пѣшкомъ у стремени князя Бековича. Гаджи-Салехъ-паша ожидалъ посольство во внутреннихъ покояхъ дворца, окруженный пашами улемами и знатнѣйшими сановниками. При входѣ князя Бековича всѣ встали, и сераскирь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ настрѣчу генералу. Проговоривъ обычное привѣтствіе, князь Бековичъ вручилъ сераскиру письмо главнокомандующаго и потребовалъ нѣсколькихъ минутъ аудіенціи. Когда они остались наединѣ, печать рокового письма была сломана,—и сераскирь, быстро пробѣжавъ первыя строки, измѣнился въ лицѣ: русскій главнокомандующій требовалъ, чтобы онъ, паши и войска признали себя военно-плѣнными. Категорическое требованіе это смутило стараго 60-ти лѣтняго воина. Облеченный почти царской властью, повелитель всей Турецкой Арменіи и Анатоліи, сераскирь былъ пораженъ предстоявшею ему участію плѣнника.—«Это невозможно, сказалъ онъ, мы сдадимъ городъ, но я и мои паши должны быть свободны».

— Если вы надѣетесь на свои силы,—отвѣчалъ князь Бековичъ,—то защищайтесь; но знайте, что тогда подвергнете и городъ, и жителей истребленію. Примѣръ Ахалцыха у васъ передъ глазами. Графъ не желалъ кровопролитія; онъ требовалъ покорности, но жители упорствовали и были наказаны».

— «Хорошо сказалъ сераскирь, но я прошу три дня на размышленія».

— «Къ сожалѣнію, возразилъ князь Бековичъ, въ моемъ распоряженіи только два часа. Если къ этому времени крѣпость не сдастся, графъ будетъ штурмовать городъ».

— «Что же мнѣ дѣлать?» спросилъ сераскирь дрогнувшимъ голосомъ.

— «Примите честный плѣнъ, отвѣчалъ князь Бековичъ. Жребій войны противъ васъ; но если вы безусловно отдадитесь покровительству графа Паскевича, то не лишитесь ни вашего достоинства, ни вашего имущества».

Послѣ недолгаго колебанія сераскиръ согласился. Но согласіе это было притворно, и мысли совершенно другого рода занимали турецкаго военачальника; онъ вознамѣрился искать послѣдняго спасенія въ народномъ возстаніи.

Было уже 10 часовъ утра, когда, по настояніямъ князя Бековича, старшины отправили отъ себя депутата къ Паскевичу съ извѣстіемъ, что сдача Эрзерума во всякомъ случаѣ послѣдуетъ не позже четырехъ часовъ пополудни. Срокъ этотъ показался однако главнокомандующему слишкомъ отдаленнымъ; онъ увидѣлъ въ немъ тайное намѣреніе затянуть время до вечера, чтобы отнять у русскихъ возможность штурмовать Эрзерумъ въ тотъ же день, а потому отправилъ депутата назадъ и къ прежнимъ условіямъ прибавилъ еще два новыя: 1) что крайній срокъ сдачи назначается въ три часа пополудни, и если къ этому времени не будутъ доставлены городскіе ключи, то и самая покорность не спасетъ города отъ занятія его войсками по праву войны, и 2) чтобы сераскиръ приказалъ войскамъ немедленно очистить Топъ-дагъ—главную батарею, командовавшею городомъ и цитаделью. Эти условія повезъ въ Эрзерумъ капитанъ Коргановъ, которому было приказано передать ихъ Бековичу.

Князь Бековичъ тотчасъ отправился къ сераскиру и объявилъ ему волю главнокомандующаго. Но въ городѣ начался уже общій мятежъ и сообщить ее бушующей черни, а тѣмъ болѣе очистить Топъ-дагъ, занятый войсками, вышедшими изъ повиновенія, оказалось невозможнымъ. Тогда Бековичъ приказалъ Корганову ѣхать назадъ и доложить Паскевичу, что если къ тремъ часамъ пополудни депутація съ городскими ключами не будетъ въ русскомъ лагерѣ, то штурмъ неизбеженъ. «Обо мнѣ лично, добавилъ Бековичъ, пусть графъ не беспокоится: городъ защищаться долго не можетъ, а домъ, въ которомъ я нахожусь, настолько крепокъ, что дастъ мнѣ возможность съ двадцатью храбрыми това-

рищами выдержать въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ нападеніе черни».

Между тѣмъ смятеніе въ Эрзерумѣ все болѣе усиливалось. Уже прошли два часа, данные сераскиру на размышленія, а десятки тысячъ гражданъ, движимыхъ то страхомъ, то фанатизмомъ, не могли еще притти ни къ какому соглашенію. Тайныя подстрекательства разжигали массу, и безъ того уже крайне возбужденную. Дикіе крики поднялись во всѣхъ концахъ города. На улицахъ появились какіе-то дервиши, требовавшіе выдачи имъ головъ русскаго посла и его свиты; старшины уже не находили мѣръ къ обузданію мятежниковъ, и сами вынуждены были прибѣгнуть подъ защиту русскаго посольства. Турецкія власти, опасаясь, чтобы князь Бековичъ не сдѣлался жертвою неистовства черни, совѣтывали ему тайно бѣжать изъ города, пока еще было время. Но князь съ презрѣніемъ отвергнулъ эти предложенія. Какъ уроженецъ Кабарды, выросшій среди воинственнаго племени, онъ не боялся смерти; какъ русскій генералъ, онъ долженъ былъ твердо довести до конца свою миссію и въ случаѣ надобности отдать свою жизнь при исполненіи священнаго долга.

Вдругъ по городу пронеслась вѣсть, что русскіе штурмуютъ передовыя укрѣпленія, и возбужденіе народной ярости достигло крайнихъ предѣловъ. Толпа бросилась къ дому Бековича, требуя его головы. Нѣкоторые взбирались подъ самыя окна, чтобы стрѣлять въ нихъ, другіе ломили ворота. Конвой Бековича приготовился къ защитѣ. Замѣчательно, что хозяинъ дома Семедъ-ага, свято соблюдая права гостепріимства, вмѣстѣ съ братьями и вооруженною прислугой, явился къ Бековичу и сказалъ ему: «Вы ѣли съ нами хлѣбъ, и мы будемъ защищать васъ въ нашемъ домѣ до послѣдней капли крови». Минута дѣйствительно была роковая. Тѣнь дѣда князя Бековича, погибшаго въ Хивѣ, почти при тѣхъ-же условіяхъ, растерзанный трупъ Грибоѣдова въ бою съ неистою тегеранскою чернью,—кровавымъ призракомъ вставали передъ глазами русскихъ. Но князь умѣлъ презирать опасность. Съ полнымъ присутствіемъ духа онъ вышелъ на балконъ и громкимъ, спокойнымъ голосомъ сказалъ народу:

«Слушайте! я вижу направленные въ меня дула вашихъ ружей; но я не боюсь ихъ. Знайте, что потеря меня ничего не значить для русскихъ — на мѣсто мое найдутся тысячи; но отъ штыковъ ихъ вы никуда не уйдете и испытаете злосчастную участь Ахалцыха. Сообразите, что русскіе возьмутъ Топъ-дагъ и придутъ сюда прежде, чѣмъ вы успѣете одолѣть моихъ защитниковъ и даже убить меня самого. Я знаю законъ вашъ и напому вамъ слова священнаго корана: Противно магометанской вѣрѣ, которую вы исповѣдуете, напрасно проливать кровь правовѣрныхъ и подвергать мечети и храмы Магомета разрушенію;—а это случится неминуемо, если вы будете упорствовать. Теперь поступайте какъ знаете».

Величіе и твердость духа въ опасности, какъ и всегда, подѣйствовали на толпу обаятельно, она была поражена мужествомъ русскаго генерала и силой его убѣдительнаго слова. Ревъ бури сразу перешель въ тихій рокотъ—и волненіе пало. Въ эту самую минуту на высотахъ Топъ-дага блеснули русскіе штыки и, какъ отдаленная зарница, обѣщая грозу, напомнила безумной толпѣ, какъ близка ея гибель. И народъ въ страхѣ пустился бѣжать по домамъ. ¹⁾

Заря 27-го іюня застала Паскевича уже на конѣ и въ полѣ. Онъ съ видимымъ волненіемъ ожидалъ результата посольства князя Бековича, такъ какъ разсвѣтъ этого дня назначенъ былъ имъ предѣльнымъ срокомъ для сдачи Эрзерума. Но солнце поднималось все выше и выше, а отъ князя Бекзвича не было никакого извѣстія. Между тѣмъ съ Топъ-дага стали стрѣлять батареи. Кто-то сказалъ Паскевичу, что 27 іюня—годовщина полтавскаго боя, и что въ этотъ день русское оружіе должно увѣнчаться новыми лаврами. «Дай Богъ, чтобы только обошлось безъ крови», замѣтилъ на это главнокомандующій. Прошло еще нѣсколько часовъ томительнаго ожиданія. Но вотъ ему доложили о пріѣздѣ турецкаго депутата, присланнаго старшинами города. Графъ выслушалъ его объясненія и отправилъ назадъ вмѣстѣ съ капитаномъ Коргановымъ, потребовавъ, какъ выше сказано, чтобы сдача совершалась не позже трехъ часовъ пополудни, и чтобы Топъ-дагъ не-

¹⁾ Сдача Эрзерума. „Кавказъ“ 1853 года и записки Радожицкаго.

медленно былъ очищенъ. Время опять потянулось съ необычайною медленностью; никто не зналъ, что происходитъ въ городѣ, и хотя главнокомандующій вполнѣ полагался на мужество и политическій тактъ князя Бековича, однако войскамъ приказано было быть въ готовности къ бою. Наконецъ, когда вернулся Коргановъ съ извѣстною запискою Бековича, и графъ Паскевичъ убѣдился, что турки добровольно Топъ-дага не очистятъ, онъ приказалъ взять его штурмомъ.

Колонна генерала Панкратьева,—три баталіона егерей, Кабардинскій и Севастопольскій пѣхотные полки, казачья бригада и 42 орудія—двинулись на приступъ. Они шли съ музыкой и развернутыми знаменами. Турки встрѣтили ихъ орудійнымъ огнемъ, но русскіе шли безъ выстрѣла, и непріятель, послѣ нѣсколькихъ минутъ колебанія, бросивъ топъ-дагскія высоты, побѣжалъ въ городъ; на валу мы нашли пять брошенныхъ орудій, которыя турки не успѣли увезти съ собою. Топъ-дагъ былъ взятъ, и русская 40-ка орудійная батарея, развернувшись въ линію, направивъ свои грозныя жерла на городъ. Съ полчаса длилось съ обѣихъ сторонъ гробовое молчаніе какъ вдругъ непріятель опять открылъ огонь изъ городской батареи, и ядра стали ложиться возлѣ свиты Паскевича. Генералъ Гилленшмидтъ, подъѣхавъ къ главнокомандующему, доложилъ, что батареи готовы, и спросилъ: не прикажетъ ли онъ начинать? «Подождите, отвѣчалъ Паскевичъ, я далъ сераскиру слово ждать до трехъ часовъ и сдержу его». До условленнаго срока оставалось только шесть минутъ. Ровно въ три часа дня 42 орудія загремѣли по городу. Въ этотъ самый моментъ изъ воротъ сѣвернаго предмѣстья показался князь Бековичъ съ городскою депутаціею. Онъ не могъ проѣхать ближайшимъ путемъ, занятымъ мятежниками и опоздалъ на нѣсколько минутъ противъ назначеннаго срока. Невольное промедленіе это однако едва не стоило жизни сотнямъ эрзерумскихъ гражданъ. При видѣ депутаціи, Паскевичъ приказалъ прекратить огонь, но турки продолжали стрѣлять, и депутатамъ, оставившимъ своихъ лошадей у подошвы Топъ-дага, пришлось подниматься наверхъ подъ турецкими ядрами. Это имъ не понравилось, и они сами просили графа Паскевича за-

ставить замолчать батареи. Новый залп разогнал мятежников; но, покидая предмѣстье, они, какъ-бы въ отомщеніе жителямъ, бросили огонь въ пороховой погребъ—и взорванная батарея, взлѣтѣла на воздухъ.

Когда выстрѣлы смолкли, губернаторъ Аянъ-ага, какъ старѣйшій изъ депутатовъ, поднесъ Паскевичу городскіе ключи и въ краткой рѣчи выразилъ чувства эрзерумскаго народа, совершенно отдающаго себя на волю побѣдителя. Какъ разъ въ это время изъ города показались еще какіе-то два всадника; оба были въ монашеской одеждѣ и одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ серебряное распятіе. Это былъ знаменитый армянскій архіепископъ Карапетъ. Какъ христіанскій пастырь, онъ не могъ принять участія въ общей депутаціи мусульманскаго города и ѣхалъ одинъ, сопровождаемый только монастырскимъ слугою. Поднявшись на Топъ-дагъ, онъ съ высоты холма благословилъ христіанское войско и приблизился къ Паскевичу. Главнокомандующій съ благоговѣніемъ приложился къ святому кресту, обнялъ маститаго архіепископа и затѣмъ снова обратился къ турецкой депутаціи. Аянъ-ага просилъ, чтобы графъ утвердилъ своею подписью условія капитуляціи. Актъ, составленный въ Эрзерумѣ, былъ совершенно тождественъ съ условіями, которыя предлагалъ Паскевичъ, за исключеніемъ одного только пункта, выговаривавшаго свободу пашамъ и сераскиру. Прочитавъ бумагу, главнокомандующій написалъ собственноручно: «Утверждаю всѣ пункты, исключая свободы сераскира и пашей—они должны оставаться военно-плѣнниками». Никто изъ депутатовъ противорѣчить не осмѣлился.

Около пяти часовъ вечера, какъ только капитуляція была подписана, колонна генерала Панкратьева, заблаговременно одѣтая въ парадную форму, вступила въ Эрзерумъ. Войска вошли черезъ карсскія (южныя) ворота и двинулись съ музыкой, въ боевомъ порядкѣ, имѣя впереди густую цѣпь стрѣлковъ, которая очищала дорогу. Кабардинскій полкъ тотчасъ занялъ наружныя укрѣпленія, а Севастопольскій остался въ резервѣ у карсскихъ воротъ. Генералъ Панкратьевъ по извилистымъ и тѣснымъ улицамъ города лично повелъ егерей къ воротамъ цитадели. Но ворота ея оказа-

лись запертыми. Толпа возмущившихся арнаутовъ, стоя у пушекъ, кричала, что не отдастъ цитадели безъ боя. Панкратьевъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Паскевича. «Очистить дорогу штыками,» коротко отвѣчалъ главнокомандующій. Войска пошли впередъ, и глухіе перебаты барабановъ, разомъ смѣнившіе въ полкахъ веселую музыку, настолько смутили духъ арнаутовъ, что они, покинувъ пушки, сами открыли ворота. Было семь часовъ вечера, когда христіанское знамя впервые послѣ падшаго здѣсь много вѣковъ тому назадъ, владычества римлянъ, опять развернулось на башнѣ Эрзерума. Съ Топъ-дага увидѣли его—и привѣтствовали крикомъ «ура!» и пушечнымъ салютомъ.

Занявъ цитадель, Панкратьевъ тотчасъ отправился въ домъ сераскира, чтобы объявить его военноплѣнникомъ. Шестидесятилѣтній старикъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, самовластно повелѣвавшій судьбами Азіатской Турціи, принялъ его въ глубокомъ уныніи. Панкратьевъ отнесся къ нему съ подобающимъ уваженіемъ, однако поставилъ при немъ караулъ и объявилъ, что отнынѣ всѣ его распоряженія должны согласоваться съ волею русскаго главнокомандующаго.

«Да будетъ такъ, если то угодно року,» отвѣчалъ Гаджи-Салехъ-паша и передалъ Панкратьеву свой повелительный жезлъ, знамя съ принадлежащими къ нему бунчуками и знамена трехъ бывшихъ подъ его начальствомъ пашей.

30-го іюня плѣненный сераскиръ и трое находившихся при немъ пашей отправлены были изъ цитадели въ русскій лагерь и доставлены прямо къ ставкѣ главнокомандующаго. Весь Эриванскій полкъ стоялъ подъ ружьемъ въ качествѣ почетнаго караула, а передъ фронтомъ его четыре орудія, снятыя съ передковъ, наведены были на городъ. Множество офицеровъ въ парадной формѣ и нѣсколько турокъ, одѣтыхъ весьма нарядно, толпились передъ ставкою; тутъ же солдаты держали сераскирскій штандартъ и турецкія знамена въ кожаныхъ чехлахъ. Какъ только сераскиръ и паши сошли у ставки главнокомандующаго съ коней, четыре арнаута подхватили подъ уздцы прекрасныхъ арабскихъ жеребцовъ, на которыхъ они прибыли и отвели ихъ въ сторону. Знаменитый

плѣнникъ былъ принятъ въ лагерь со всѣми почестями, подобающими его высокому сану. Графъ Паскевичъ вышелъ къ нему навстрѣчу въ полномъ парадномъ мундирѣ и голубой андреевской лентѣ; сераскирь, напротивъ, одѣтъ былъ запросто въ красномъ халатѣ и пестрой чалмѣ, съ длинными, распущенными сзади концами. Послѣ короткой бесѣды Паскевичъ самъ проводилъ его въ особый зеленый шатеръ и приказалъ подать трубку и кофе. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вышелъ и распорядился, чтобы тотчасъ же доставили сераскиру всѣ его вещи, но никого къ нему не допускали.¹⁾ Почетный караулъ обратился въ обыкновенную стражу. Трехъ остальныхъ пашей помѣстили вмѣстѣ въ особой палаткѣ, разбитой вблизи сераскирской. Это были: Абутъ, Ахмедъ и Османъ паши, послѣдній знакомъ уже нашимъ войскамъ современи бардузскаго дѣла.

1-го іюля, въ день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны, подѣ стѣнами покореннаго города, отслужено было молебствіе, глубоко врѣзавшееся въ памяти присутствующихъ тѣмъ, что въ этотъ день звонъ церковнаго колокола впервые, послѣ вѣкового молчанія, огласилъ окрестныя поля Эрзерума, и плавный гулъ его съ каждымъ ударомъ возвѣщалъ правовѣрнымъ торжество надъ ними христіанскаго оружія. Послѣ молебствія передъ войсками прочитанъ былъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Друзья-товарищи! ваши труды, ваши славныя побѣды 19-го и 20-го іюня увѣнчались самымъ блистательнымъ образомъ. Вы не дали отдохнуть и опомниться врагу, вами разбитому. Быстро преслѣдуя его, вы на четвертый день явились передъ стѣнами крѣпости Гасанъ-кала, нѣкогда твердыни римской. И врагъ не осмѣлился поднять безславнаго меча своего; онъ бѣжалъ, оставивъ вамъ крѣпость со всѣмъ вооруженіемъ и запасами. Еще два дня, — и вы подѣ стѣнами Эрзерума, и гордый старѣйшина городовъ Азіатской Турціи униженно палъ передъ вами. Знаменитый день Полтавской битвы отмѣтится въ лѣтописяхъ отечественной исторіи новымъ, славнымъ событіемъ... Сераскирь, глава зем-

---

¹⁾ Тамъ же.

ли здѣшней и воинство его съ четырьмя своими пашами въ рукахъ вашихъ; болѣе полутора ста орудій и всѣ многочисленные запасы боевые и продовольственные отняты вами. Радуйтесь доблестью вашею, храбрые товарищи мои! Чувство благодарности моей къ вамъ превыше выраженій!»

Затѣмъ главнокомандующій со всѣми офицерами направился къ турецкимъ знаменамъ, развѣвавшимся передъ его палаткой. Ихъ было семь: одно изъ нихъ, главное, служившее символомъ власти самого сераскира — богатый зеленый штандартъ, сдѣланный на подобіе знамени Магомета, съ бахромою и золотымъ бордюромъ, на которомъ красовалась вышитая малиновымъ шелкомъ надпись изъ корана. Древко его съ большими висячими шелковыми кистями оканчивалось вызолоченною ручкою, къ которой привязанъ былъ ковчежецъ, сдѣланный изъ чистаго золота и хранившій въ себѣ небольшой коранъ, какъ талисманъ побѣды.

При этомъ знамени находились три бунчука, принадлежавшіе также къ сераскирскимъ регаліямъ; и украшенные розовыми хвостами, переплетенными бѣлымъ, чернымъ и краснымъ волосомъ. Далѣе стояли три знамени пашей—два малиновые и одно зеленое съ золотомъ.

—«Смотрите на эти трофеи, говорилъ Паскевичъ окружающимъ: это плоды славныхъ побѣдъ, приведшихъ васъ къ Эрзеруму.»

3-го іюля сераскиръ со всѣми пашами отправленъ былъ въ Тифлисъ, а 7-го графъ Паскевичъ праздновалъ взятіе Эрзерума большимъ военнымъ парадомъ. Пока войска строились къ параду главнокомандующій принималъ въ сераскирскомъ дворцѣ весь генералитетъ, всѣхъ офицеровъ и знатнѣйшихъ турецкихъ сановниковъ. По окончаніи выхода, главнокомандующій отправился къ войскамъ, гдѣ ожидали уже тысячныя массы народа, привлеченныя любопытствомъ невиданнаго зрѣлища. Молебствіе совершалось на открытомъ воздухѣ, и армянское духовенство, участвовавшее въ сослуженіи съ нашимъ, впервые развернуло свои хоругви и украсилось ризами, чего не смѣло дѣлать при турецкомъ правительствѣ. Два григоріанскіе епископа въ богатыхъ митрахъ, съ краси-

выми жезлами, безмолвно и неподвижно стояли по сторонамъ русскихъ священниковъ, ихъ взоры были опущены долу и они молились о тѣхъ, кто далъ имъ право молиться всенародно передъ лицомъ своей паствы, подъ небомъ своей родины.

За молебствіемъ послѣдовало торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Эрзерумъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ графъ Паскевичъ въ сопровожденіи начальника артиллеріи генерала Гилленшмидта и князя Бековича-Черкаскаго; за нимъ шли полки и по тѣснымъ улицамъ выходили на единственную въ городѣ площадь, гдѣ были собраны всѣ старшины, беки, кадїи и муллы. Здѣсь главнокомандующій еще разъ благодарилъ войска и приказалъ ихъ развести по квартирамъ.

У графа Паскевича, въ обширныхъ залахъ сераскирскаго дворца, былъ въ этотъ день парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали весь русскій генералитетъ, начальники отдѣльных частей, армянскіе епископы, турецкіе сановники и представители различныхъ азіатскихъ народностей, входившихъ въ составъ дѣйствующаго корпуса. И посреди этихъ блестящихъ мундировъ, посреди пестрыхъ и яркихъ восточныхъ костюмовъ, невольно бросались въ глаза скромный фракъ русскаго поэта, и рядомъ съ нимъ грубая черкеска простого чеченскаго наѣздника. Этотъ поэтъ — былъ А. С. Пушкинъ, а наѣздникъ — знаменитый Бей Булатъ, гроза Кавказской линіи, убійца полковниковъ Грекова и Лисаневича, добровольно явившійся въ Эрзерумъ служить подъ знаменами графа Паскевича. «Вотъ какъ судьба играетъ людьми — замѣчаетъ по этому поводу Раджицкій въ своихъ запискахъ, — думалъ-ли я когда нибудь сидѣть въ Эрзерумѣ за однимъ столомъ съ тремя историческими лицами: великимъ полководцемъ, знаменитымъ поэтомъ и славнымъ разбойникомъ». День закончился блестящею иллюминаціей и фейерверкомъ.

«Славная столица Анатоліи, Эрзерумъ съ стотысячнымъ населеніемъ, съ его высокой, крѣпкой цитаделью и огромной крѣпостью, — доносилъ государю графъ Паскевичъ, — пала къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, 27-го іюня, въ день достопамятной битвы Полтавской».

Отвѣтомъ на это донесеніе послужилъ Высочайшій рескриптъ на имя графа Паскевича, и покорителю столицы Анатоліи пожалованъ былъ орденъ св. Георгія перваго класса.

Такъ отпраздновалъ русскій корпусъ цѣлый рядъ побѣдъ, вѣнцомъ которыхъ служилъ Эрзерумъ, покорно склонившійся передъ неодолимою силой русскаго оружія.

Въ Эрзерумѣ досталось намъ много трофеевъ, украсившихъ собою православные храмы, военные арсеналы, императорскіе музеи и сокровищницы. Такъ, кромѣ знаковъ сераскирской власти и его пашей въ Эрзерумѣ взяты еще булава и два жезла, принадлежавшіе Кягъи-беку, 29 войсковыхъ знаменъ и бунчуковъ, 150 орудій, двѣ огромныя мѣдныя мортиры, изготовленныя для двѣнадцатипудовыхъ бомбъ, обширные магазины и арсеналы, наполненные оружіемъ. Къ этимъ памятникамъ надо прибавить еще драгоцѣнную библіотеку съ рѣдкими, восточными манускриптами, которую графъ Паскевичъ отправилъ частью въ Академію Наукъ, а частью въ Императорскую публичную библіотеку; потомъ англійскіе часы, снятые съ главной городской мечети, и теперь красующіеся въ Тифлисъ надъ фронтономъ зданія Кавказскаго военно-окружного штаба. Судьба этихъ часовъ весьма любопытна. Они были подарены городу англійскими купцами, и жители выстроили для нихъ даже особую красивую башню. Но затѣмъ, когда часы были завѣдены и ихъ первый ударъ гулко пронесся по цѣлому городу, возмущенные муллы увидѣли въ этомъ соблазнъ для правовѣрныхъ и стали пророчествовать, что бой часовъ, возвѣщавшій торжество христіанскаго колокола, будетъ причиною паденія города. Часы тогда же были испорчены, и до прихода русскихъ въ огромныхъ колесахъ ихъ заброшеннаго механизма, голуби вили гнѣзда. Графъ Паскевичъ приказалъ ихъ снять и приобщить къ трофеямъ.

Затѣмъ у восточныхъ воротъ Эрзерума стояли развалины византійскаго храма, который считалъ за собою 14 вѣковъ существованія. Въ свое время храмъ этотъ былъ однимъ изъ величественнѣйшихъ памятниковъ византійскаго зодчества. Теперь онъ былъ въ развалинахъ, но и то, что сохранилось отъ него,— было прекрасно. Всѣ боковыя стѣны древняго храма и весь полъ

были выложены большими бѣлыми мраморными плитами; своды, карнизы, ниши, пилястры, рѣзныя украшенія, - все было высѣчено изъ драгоцѣннаго мрамора. Турки, разрушивъ храмъ, обратили его въ арсеналъ и поставили по сторонамъ воротъ двѣ высокія колонны, красиво украшенныя по красному кирпичу голубыми изразцами; но они оставили безъ вниманія цѣнныя лѣпныя украшенія, предоставивъ ихъ произволу времени и людскому невѣжеству. И то и другое довершили свое истребленіе. Графъ Паскевичъ приказалъ разобрать этотъ дивный храмъ, и камни его на трехстахъ подводахъ увезли въ Тифлисъ. Остатки христіанскаго храма составили боевой трофеей пришедшаго сюда христіанскаго войска.

Наконецъ, близъ тавризскихъ воротъ стояло еще одно древнее зданіе, украшенное прекрасно сохранившимися величественными портиками съ гербами Восточной Римской имперіи. Турки обратили это роскошное зданіе въ хранилище стариннаго оружія висѣвшаго здѣсь, какъ говорятъ, со временъ Готфрида Бульонскаго. Всѣ эти панцыри и шлемы съ золотыми насѣчками или съ серебряными сирійскими надписями, мечи и сабли съ клеймами извѣстнѣйшихъ европейскихъ и азіатскихъ мастеровъ, щиты съ изображеніемъ черныхъ орловъ, съ распростертыми крыльями въ хищномъ полетѣ - безспорно принадлежали то римскимъ легіонамъ, то крестоносцамъ, то арабамъ въ эпоху ихъ завоеванія. Все это драгоцѣнное по старинѣ оружіе, графъ Паскевичъ причислилъ также къ военной добычѣ и вмѣстѣ съ римскими портиками отправилъ въ Тифлисъ ¹⁾).

---

¹⁾ На сколько извѣстно все это оружіе составляетъ нынѣ достояніе Императорскаго Эрмитажа.

Глава XVIII.

Заботы графа Паскевича объ административномъ устройствѣ Эрзерумскаго пашалыка.—Занятіе передовыми отрядами Хныса и Бейбурта.—Ожиданіе Паскевичемъ подкрѣплений.—Письмо его къ государю. Событія въ Лазистанѣ.—Новый анатолійскій сераскирь—Бейбуртская катастрофа и смерть генерала Бурцева.—Движеніе графа Паскевича къ Бейбурту.—Бой подъ сел. Хартомъ и разгромъ сераскира

Въ занятіемъ столицы Анатолиі, главнѣйшею заботою Паскевича было возстановить въ покоренномъ городѣ порядокъ, спокойствіе и безопасность. Эта трудная задача была возложена имъ на генерала Панкратьева, облеченнаго въ званіе военного губернатора Эрзерумской области. Въ то же время комендантомъ города и старшимъ членомъ областного правленія назначенъ князь Бековичъ-Черкасскій. Гражданское управленіе въ Эрзерумѣ учреждено было на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Карсѣ, но значительное пространство эрзерумскаго пашалыка вынудило графа Паскевича учредить восемь санджаконъ, примѣнительно къ нашимъ уѣздамъ. Вызванные въ Эрзерумъ беки-правители добровольно приняли присягу на вѣрность русскому правительству, и главнокомандующій роздалъ имъ почетныя шубы и подарки; но въ санджакахъ, лежащихъ на сообщеніи съ Карсомъ, назначены были русскіе офицеры для совмѣстнаго управленія съ мусульманскими чиновниками. Судебная власть дѣйствовала самостоятельно, но въ уголовныхъ дѣлахъ была подчинена наблюденію областного правленія. Одновременно съ этимъ инженеръ генералъ-маіоръ Эспехо устраивалъ казармы для зимняго расквартированія гарнизона и приспособлялъ оборону крѣпости для малочисленнаго отряда¹⁾.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 76.

И въ городѣ, и въ окрестныхъ санджакахъ, повидимому, все было тихо и спокойно. Въ половинѣ іюля прибыла депутація изъ отдаленнаго Хныса, главнаго города санджака того же имени, и привезла съ собою ключи Хнысской крѣпости, прося принять ее въ русское подданство. Сосѣдство этого санджака съ Мушемъ дѣлало пріобрѣтеніе его чрезвычайно важнымъ, и главнокомандующій немедленно отправилъ туда баталіонъ 41-го Егерскаго полка, двѣ сотни казаковъ и 4 орудія, подъ командою полковника Лемана, поручивъ ему войти черезъ посредство жителей въ сношеніе съ мушскимъ пашею. Въ самый Мушъ также отправленъ былъ инкогнито капитанъ Вачнадзе, чтобы склонить пашу исполнить свое обѣщаніе и сформировать въ помощь русскимъ нѣсколько конныхъ полковъ изъ тамошнихъ курдовъ. Впрочемъ, графъ Паскевичъ и самъ сомнѣвался въ успѣхѣ этого посольства.

— «Надо полагать, — писалъ онъ государю, — что мы отъ курдовъ не получимъ тѣхъ выгодъ, которыя они обѣщали, но будетъ весьма полезно и то, если мы добьемся ихъ нейтралитета и обезпечимъ нашъ правый флангъ до Муша, а можетъ быть и до Вана»¹⁾.

Предвидѣніе Паскевича относительно курдовъ не замедлило оправдаться. При приближеніи Лемана куртинскій гарнизонъ вмѣстѣ съ шестью полевыми орудіями, покинулъ крѣпостцу, но тщательно разграбилъ городъ и удалился къ Мушу, куда отступилъ также и Эминъ-паша, стоявшій съ небольшимъ турецкимъ отрядомъ въ окрестностяхъ Хныса. Князь Вачнадзе нашелъ его уже въ Бетлисѣ и писалъ Паскевичу, что паша находится «все въ той же нерѣшимости и колебаніи».

Нѣсколькими днями ранѣе Лемана выступилъ изъ Эрзерума другой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Бурцева, для занятія Бейбурта, лежащаго въ 120-ти верстахъ по пути къ Трапезонду¹⁾. Городъ этотъ очень старый и въ древности назывался Исперети, что значитъ: «городъ крайняго предѣла», такъ какъ здѣсь нѣкогда сканчивались владѣнія Грузіи. За Бейбуртомъ начинались же земли

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 99. Донесеніе графа Паскевича отъ 7-го іюля.

¹⁾ Тамъ же. Дѣло № 74.

обитаемая воинственнымъ племенемъ лазовъ, о замѣчательной храбрости которыхъ молва оглашала всю Азію, и даже перешла въ пословицу, что лазъ за маленькимъ камешкомъ высидитъ пять дней и отобьется отъ пятерыхъ противниковъ.

Уже изъ этой характеристики населенія, жившаго за Бейбуртомъ, ясно какъ было важно для русскихъ занятіе этого пункта, стоявшаго на рубежѣ Лазистана, гдѣ въ послѣдствіи могли образоваться противъ насъ сильныя ополченія изъ среды воинственныхъ горцевъ. Бейбуртъ въ русскихъ рукахъ обезпечивалъ безопасность не только Эрзерума и праваго фланга, опиравшагося въ то время на побережье Чернаго моря въ Гуріи, но и угрожалъ самому Трапезонду оружіемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ пушки,—моральнымъ вліяніемъ, которое онъ могъ приобрѣсти на окрестное населеніе лазовъ.

Когда отрядъ Бурцева подходилъ къ Бейбурту, городъ былъ еще занятъ пяти тысячнымъ турецкимъ отрядомъ Кягъи-бека, отступившимъ сюда почти изъ-подъ стѣнъ Эрзерума. Передовыя войска его, собранныя преимущественно изъ грековъ, стояли въ ближайшихъ окрестностяхъ всего въ двухъ часахъ пути отъ Бейбурта. Но Кягъи-бекъ не рассчитывалъ на слишкомъ большую стойкость этого отряда и, не желая рисковать послѣдними, еще кое-какъ держащимися кадрами турецкой арміи, раздѣлилъ свои войска на нѣсколько колоннъ и отступилъ съ ними въ горы.

Генералъ Бурцевъ безъ боя занялъ Бейбуртъ и расположилъ въ немъ свой отрядъ, состоявшій изъ шести ротъ херсонскихъ гренадеръ, двухъ ротъ эриванцевъ, 2-го конно-мусульманскаго полковъ, сотни донцовъ и 8-ми орудій. Городская депутація, встрѣтившая его у воротъ, поднесла ему городскіе ключи, и въ три часа пополудни 7-го іюля русское знамя развивалось надъ обветшавшими стѣнами бейбуртской цитадели. Въ крѣпости достались намъ четыре пушки, одно знамя и большіе запасы провіанта. Кроме того, при осмотрѣ города, въ подвалахъ стараго замка найдена была замѣчательная по своей археологической древности коллекція оружія, очевидно составленная большимъ знатокомъ и любителемъ. Это былъ сборъ оружія почти всѣхъ временъ и наро-

довъ, начиная съ до пороховой эпохи и кончая образцами ружей и сабель со всѣми ихъ видоизмѣненіями до послѣдняго времени¹⁾. Куда дѣвалась потомъ эта замѣчательная коллекція,—нѣтъ никакихъ свѣдѣній; но надо думать, что она безслѣдно погибла позже, во время военныхъ событій разразившихся тогда надъ Бейбуртомъ. Мирное занятіе такихъ опорныхъ пунктовъ, какъ Хнысь и Бейбуртъ, позволило графу Паскевичу стать твердою ногою въ завоеванномъ краѣ. Съ другихъ отдѣльныхъ театровъ военныхъ дѣйствій также получались благопріятныя извѣстія. Острый аджарскій вопросъ, казалось, близился къ своему разрѣшенію; въ Гуріи все было спокойно; князь Вачнадзе велъ переговоры съ мушскимъ пашою; Ольты, Нариманъ и Шавшетъ просили нашего покровительства. Самъ Паскевичъ только ожидалъ прибытія Ширванскаго полка изъ Ахалцыха и рекрутъ, направленныхъ изъ Тифлиса, чтобы начать наступленіе къ Сивасу. «Дай Богъ,---писалъ онъ государю,---чтобы всѣ предначертанія, данныя мнѣ, я могъ исполнить къ удовольствію Вашего Величества».

Но время шло, подкрѣпленія не подходили, а безъ нихъ невозможно было съ горстью людей углубиться еще дальше въ самое сердце Анатоліи, покинувъ на произволъ судьбы, посреди фанатическаго населенія, двухсотверстную операціонную линію безъ должнаго обезпеченія. Графъ Паскевичъ волновался. «На войнѣ все зависитъ отъ благопріятной минуты; ее надобно не упускать,---писалъ онъ государю, развивая мысль, что по взятіи Эрзерума необходимо было итти впередъ, не останавливаясь, ибо, какъ выражался графъ Паскевичъ, если непріятелю дать время опомниться, то онъ соберетъ новыя силы и возстановитъ духъ народа».

И дѣйствительно, случилось то, что предсказывалъ графъ Паскевичъ. Пока мы стояли почти цѣлый мѣсяцъ въ Эрзерумѣ въ бездѣйствіи, турки продолжали готовиться къ новой борьбѣ и собирали новыя силы въ недоступномъ для насъ Лазистанѣ.

Подкрѣпленія стали подходить къ намъ только во второй половинѣ іюля мѣсяца. Первымъ прибылъ Ширванскій полкъ, смѣ-

¹⁾ Кавказская Старина, Андреева. Кавказскій Сборникъ, т. I-й.

ненный въ Ахалцыхъ полками 14-й дивизіи: Бородинскимъ, Тарутинскимъ и 28-мъ Егерскимъ, прибывшими наконецъ изъ Россіи. За нимъ явились и давно ожидаемая партіи рекрутъ, обученныхъ уже настолько, что ихъ можно было поставить во фронтъ. Теперь оставалось укомплектовать полки, и графъ Паскевичъ уже рассчитывалъ быстрымъ движеніемъ къ Сивасу наверстать потерянное время, какъ вдругъ случились такія обстоятельства, которыя заставили его измѣнить весь планъ начертанной имъ кампаніи. Много за это время успѣло измѣниться. Впечатлѣніе грозныхъ битвъ понемногу ослабло; разбитые остатки турецкихъ войскъ опять соединились вмѣстѣ, и скоро на горизонтѣ появилось небольшое облачко, которое быстро стало расти въ грозовую тучу и нависло надъ головою слабаго бейбуртскаго отряда.

Въ это именно время турецкія войска, удалившіяся въ горы при появленіи генерала Бурцева, теперь опять сосредоточились на поль-пути къ Трапезонду, у селенія Гюмишъ-хана. Тамъ производилась усиленная вербовка сосѣднихъ горцевъ, туда явились волонтеры, подходили свѣжія войска изъ Трапезонда, и наконецъ пріѣхалъ самъ Османъ-Чатырь-оглы, бывший защитникъ Анапы. Назначенный сераскиромъ Анатолійской арміи на мѣсто плѣннаго Гаджи-Салехъ-паши, онъ принялъ подъ свое начальство всѣ войска, вновь формировавшіяся въ Лазистанѣ. Въ распоряженіи его находилось уже отъ 7-ми до 8-ми тысячъ пѣхоты. Съ каждымъ днемъ силы турокъ росли, подвозилась артиллерія, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась на неприступныхъ утесахъ Гюмишъ-хана грозная позиція, въ которой, какъ въ каменномъ гнѣздѣ, прочно засѣли турки.

Близость непріятельскаго корпуса тотчасъ же отразилась и на поведеніи окрестныхъ жителей, которые не только сочувственно отнеслись къ сбору турецкаго отряда, но и фактически готовы были оказать ему помощь съ оружіемъ въ рукахъ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія генерала Бурцева. Опасаясь дробить и безъ того малочисленный отрядъ для обширной терри-торіи, онъ предложилъ, чтобы жители сами защищали свои границы отъ покушенія турецкихъ партій; но старшины безусловно от-

казались отъ этого требованія, ссылаясь на страдную пору, которая заставляла ихъ спѣшить уборкою бейбуртскихъ полей.

Между тѣмъ 17-го іюля у насъ замѣчены были большія толпы народа, стекавшіяся къ селенію Хартъ, лежавшемъ верстахъ въ двадцати отъ города. Конные разъѣзды, высланные мусульманскимъ полкомъ, открыли въ деревнѣ присутствіе непріятельской пѣхоты и дали знать генералу Бурцеву. Отъ старшинъ потребовали объясненій. Тѣ отвѣтили, что въ Хартъ непріятеля нѣтъ, а что сборъ вооруженныхъ людей производится единственно для охраны жатвы. Объясненію ихъ, разумѣется, не повѣрили, и въ Бейбуртъ приняты были всѣ мѣры осторожности, такъ что, когда на слѣдующій день непріятель внезапно бросился на русскіе пикеты, войска встрѣтили его уже въ полной боевой готовности и отразили нападеніе.

Измѣна жителей теперь не подлежала сомнѣнію, и положеніе генерала Бурцева становилось опаснымъ. Правда, онъ имѣлъ приказаніе въ случаѣ крайней надобности требовать войска изъ резерва, для чего былъ выдвинутъ къ селенію Ашъ-кала особый отрядъ генерала Муравьева; но событія складывались такъ неожиданно, развивались такъ быстро, что просить помощи почти за сто верстъ, было уже не время. И Бурцевъ, быть можетъ подъ обаяніемъ постоянныхъ успѣховъ, рѣшился дѣйствовать одинъ, чтобы разсѣять замыслы непріятеля прежде, чѣмъ они успѣютъ окрѣпнуть.

18-го іюля, какъ только глубокая ночь спустилась на землю, войска вышли изъ Бейбурта двумя колоннами: главная—двѣ роты херсонскихъ гренадеръ, рота эриванцевъ, ¹⁾ второй конно-мусульманскій полкъ и 4 орудія,---подъ личнымъ начальствомъ генерала Бурцева, направились по большой дорогѣ на Хартъ; другая, подъ командой маіора Засса, изъ двухъ ротъ Херсонскаго полка и трехъ орудій, пошла окольнымъ путемъ черезъ горныя ущелья, чтобы напасть на селеніе съ тыла. Остальныя двѣ роты херсонцевъ съ однимъ орудіемъ остались охранять самый Бейбуртъ. Казалось, время для

---

¹⁾ Другая рота эриванцевъ еще 17-го числа отправлена была для разработки дороги къ Эрзеруму, и хотя 18-го ей послано приказаніе вернуться, но къ дѣлу она уже не поспѣла. (Исторія Эриванскаго полка, Бобровскаго).

движенія обѣихъ колоннъ расчитано было вѣрно; но къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, расчеты не оправдались на дѣлѣ. На разсвѣтѣ 19-го іюля Бурцевъ уже стоялъ передъ Хартонъ, а Засса еще не было—дурныя дороги задержали его въ горахъ, и онъ опоздалъ. Бурцеву, такимъ образомъ, предстояло рѣшить вопросъ—ожидать ли прибытія обходной колонны и этимъ дать время непріятелю изготovitъся къ бою, или же атаковать селеніе немедленно, расчитывая лишь на внезапность и быстроту удара? Бурцевъ остановился на послѣднемъ.

Селеніе Хартъ, раскинутое на крутыхъ высотахъ, охранялось нѣсколькими башнями, которыя, ютясь по крутизнамъ, обстрѣливали перекрестнымъ огнемъ всѣ подступы; самое селеніе было обнесено бревенчатымъ заваломъ и колючею засѣкой, а низкія, углубленныя въ землю сакли, недоступныя пожару, представляли собою такой лабиринтъ безпорядочныхъ азіатскихъ построекъ, въ которыхъ три русскія роты легко могли совершенно затеряться. Мертвая тишина царила въ Хартѣ и наводила на мысль, что непріятель застигнутъ врасплохъ. Но едва роты бросились на приступъ, какъ лазы встрѣтили ихъ почти въ упоръ такимъ огнемъ, что потеря на первыхъ же порахъ оказалась у насъ весьма значительною. Тѣмъ не менѣе, войска ворвались и, выбивъ непріятеля изъ крайнихъ домовъ, проникли почти до половины деревни.

Но тутъ успѣхи ихъ остановились; бой пошелъ одиночный, и войскамъ, посреди узкихъ и глухихъ переулковъ, на каждомъ шагу переграждаемыхъ саклями, пришлось вести десятки отдѣльныхъ штурмовъ. Напрасно гренaдeры, прикладами выбивая двери или разбирая крыши, врывались въ эти подземныя жилища,—лазы перебѣгали въ другія, и солдаты опять встрѣчали тѣ же препятствія, ту же отчаянную защиту. Бурцевъ убѣдился наконецъ въ невозможности овладѣть селеніемъ съ тѣми слабыми силами, которыя находились въ его распоряженіи; но у него все еще мелькала надежда, что вотъ-вотъ появится колонна Засса. Но проходили часы, Зассъ не являлся, а жестокой огонь, направляемый изъ бойницъ въ упоръ, не давалъ между тѣмъ солдатамъ ни шагу подаваться впередъ. Роты стали разстраиваться. Офицеры на пря-

гали всѣ силы, чтобы удержать ихъ въ порядкѣ; самъ Бурцевъ находился впереди, и рядомъ съ нимъ виднѣлась фигура стараго священника Херсонскаго полка Николая Шіанова, явившагося съ крестомъ въ рукахъ, чтобы подкрѣпить слабѣющія силы людей высокимъ словомъ молитвы. ¹⁾ Но если человѣческому духу нѣтъ на землѣ предѣловъ, то физическія силы имѣютъ свои границы, и три слабыя роты не могли сломить отчаянной защиты тысячной массы враговъ, гнѣздившихся въ подвалахъ. Напрасно артиллерія громила деревню: снаряды легкихъ пушекъ не пробивали стѣнъ, а сами артиллеристы несли большія потери. Орудія стали стрѣлять все рѣже и рѣже и скоро замолчали совсѣмъ, когда прислуга ихъ почти вся была перебита. Бой хотя уже безнадежный, все еще продолжался, какъ вдругъ около 10-ти часовъ утра показались новыя непріятельскія толпы и стали заходить намъ въ тылъ. Теперь, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, отряду грозила неминуемая гибель,—и Бурцевъ приказалъ отступать. Съ трудомъ, штыками прокладывая путь, выбирались солдаты изъ тѣсныхъ переулковъ; но непріятель насѣдалъ такъ горячо, что большую часть раненыхъ пришлось оставить въ рукахъ разъяренныхъ лазовъ.

Выходя изъ деревни, генералъ Бурцевъ приказалъ армянской сотнѣ 2-го конно-мусульманскаго полка, случившейся у него подъ рукою, броситься въ шашки, чтобы задержать преслѣдованіе. Сотня тронулась, но тотчасъ же остановилась. Замѣтивъ колебаніе, Бурцевъ самъ поскакалъ къ армянамъ, но въ это время лазы кинулись впередъ и захватили русскую пушку. Подоспѣвшая рота херсонцевъ выручила ее штыками,—и отрядъ послѣ пятичасового боя, отошелъ на старое кладбище, лежавшее въ двухстахъ саженьяхъ отъ деревни. Здѣсь, подъ защитой каменной ограды и частыхъ могильныхъ памятниковъ, отрядъ по крайней мѣрѣ могъ нѣсколько отдохнуть и оправиться.

Былъ уже полдень. Положеніе генерала Бурцева становилось критическимъ, такъ какъ вновь подходившіе лазы готовились штурмовать кладбище. Къ счастью, въ эту роковую минуту показалась

¹⁾ Кавказскій Сборникъ т. 1. Кавказская Старина Андреева

наконецъ давно ожидаемая, запоздавшая колонна Засса. Приближеніе свѣжихъ силъ одушевило всѣхъ новымъ мужествомъ. Къ Зассу тотчасъ поскакалъ офицеръ съ приказаніемъ заходить въ тылъ непріятелю; самъ Бурцевъ двинулся съ фронта отъ стороны кладбища, а весь конно-мусульманскій полкъ на рысяхъ сталъ огибать правый флангъ непріятеля. Взятые съ трехъ сторонъ, лазы засѣли было въ оврагахъ, но скоро были выбиты и обратились въ бѣгство. Жители Харта теперь уже не могли рассчитывать удержать за собою деревню и, покинувъ ее, бросились въ горы. Бурцевъ съ мусульманскимъ полкомъ понесся въ погоню. Но бой уже затихалъ, силы борцовъ истощились; отступающія толпы рѣдѣли, слабо мѣняясь выстрѣлами съ преслѣдующею ихъ конницею, какъ вдругъ разнеслась по рядамъ роковая вѣсть:—Бурцевъ убитъ. Находясь впереди, онъ наскочилъ на лаза уходящаго со знаменемъ въ рукахъ, и повидимому, раненаго, потому что отставалъ отъ другихъ. Это былъ старикъ, съ бѣлою по поясъ бородою. Бурцевъ кинулся на знамя, но лазъ въ упоръ выстрѣлилъ изъ пистолета, и генералъ упалъ съ коня, пробитый пулею въ грудь на вылетъ. Въ эту минуту возлѣ него находился только одинъ деньщикъ его Максимъ Пономаревъ. Видя, что лазы съ дикимъ ревомъ уже бѣгутъ на мѣсто катастрофы, чтобы добыть голову раненаго генерала, онъ схватилъ его на руки и успѣлъ, презирая опасность, вынести къ отряду. Главнокомандующій высоко оцѣнилъ самоотверженіе вѣрнаго деньщика и въ примѣръ другимъ пожаловалъ ему знакъ отличія военнаго ордена. ¹⁾

Смертельная рана генерала Бурцева остановила преслѣдованіе и вырвала побѣду изъ рукъ нашего отряда. У всѣхъ, какъ говоритъ очевидецъ, ²⁾ опустились руки, а лазы между тѣмъ остановились снова на крѣпкой позиціи. Командиръ артиллерійской роты подполковникъ Линденфельдъ, принявшій команду послѣ Бурцева, не рѣшился продолжать атаку и приказалъ отступать. Непріятель не преслѣдовалъ, и войска 20-го числа возвратились въ Бейбуртъ.

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло о наградахъ за 1829 годъ.

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 258. Рапортъ подполковника Линденфельда 20 іюня № 1246 и донесеніе графа Паскевича.

Кровавый день 19-го іюля стоилъ русскимъ одного генерала, 13-ти офицеровъ и болѣе 300 нижнихъ чиновъ.

Генералъ Бурцевъ не пережилъ раны и послѣ тяжкихъ мученій скончался въ Бейбуртѣ 23-го іюля. Тѣло его отправлено было въ Гори, въ штабъ-квартиру Херсонскаго полка и нынѣ покоится въ Горійскомъ соборѣ подъ большимъ гранитнымъ саркофагомъ. Надъ этою гробницей, на мѣдной дощечкѣ выбита надпись:

«Господь спаситель мой,—кого убоюся?»

Такъ, подобно вечернему метеору, яркимъ свѣтомъ блеснулъ и исчезъ на горизонтѣ Кавказской войны, храбрый и даровитый генералъ Бурцевъ оставивши послѣ себя память человѣка высокообразованнаго, умнаго и храбраго до дерзости. Съ производствомъ въ генералы, казалось, что передъ нимъ развѣртывалась широкая будущность; но судьба судила иначе—и бейбуртскій походъ является послѣднимъ заключительнымъ эпилогомъ его славныхъ подвиговъ: онъ палъ во главѣ своихъ гренадеръ и былъ нелицемѣрно ими оплаканъ.

Въ самый день похоронъ, утромъ 25-го іюля, въ Бейбуртѣ вступили главные силы дѣйствующаго корпуса, и съ ними прибылъ графъ Паскевичъ. Какъ разъ въ это время гробъ Бурцева выносили изъ квартиры въ походную церковь. Главнокомандующій принялъ участіе въ печальной церемоніи и, сопровождая гробъ, сказалъ офицерамъ Херсонскаго полка: «Господа! Вы хороните фельдмаршала.»¹⁾ Такъ высоко цѣнилъ Паскевичъ военныя дарованія Бурцева.

---

¹⁾ Воспитанникъ извѣстной въ то время Муравьевской школы колонновожатыхъ, Иванъ Григорьевичъ Бурцевъ началъ службу въ 1812 году въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части, потомъ былъ адъютантомъ у начальника штаба 2-й арміи генерала Киселева и на десятомъ году офицерской службы былъ уже полковникомъ и командиромъ Украинскаго пѣхотнаго полка, въ одной дивизіи съ Пестелемъ и въ одной бригадѣ съ Абрамовымъ. Всѣмъ извѣстна та роль которую играли оба эти лица въ декабрьскихъ событіяхъ 1825 года, — и печальная участь, постигшая ихъ, не могла косвеннымъ образомъ не отразиться на Бурцевѣ, бывшимъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ. У него взяли полкъ и перевели на Кавказъ подъ команду младшаго.

Въ персидскую кампанію, не смотря на свое приниженное положеніе, Бурцевъ своими блестящими способностями обратилъ на себя вниманіе Паскевича, который и предоставилъ ему болѣе широкую дѣятельность. Подъ Карсомъ И. Г. Бурцевъ заслужилъ орденъ св. Георгія 4-й степени; на штурмѣ Ахалцыха, когда былъ убитъ командиръ Ширванскаго полка, храбрый полковникъ Бородинъ, онъ принимаетъ команду надъ штурмовою колонной, и георгиев-

Какъ ни былъ онъ огорченъ исходомъ бейбуртскаго боя и его послѣдствіями, но онъ не высказалъ и тѣни упрека достойной памяти погибшаго генерала. Духъ безпримѣрной отваги и самоувѣренности былъ сильно развитъ тогда въ войскахъ Кавказскаго корпуса, и это настроеніе графъ Паскевичъ цѣнилъ даже при его злоупотребленіи.

Катастрофа, постигшая русскій отрядъ при штурмѣ Харта, хотя и носила характеръ частной неудачи, но тѣмъ не менѣе, она ослабила въ туркахъ тотъ нравственный гнетъ, который вселило въ нихъ побѣдоносное шествіе русскихъ войскъ къ Эрзеруму, а вмѣстѣ съ тѣмъ неудача подъ Хартомъ вызвала и такія осложненія въ нашихъ операціяхъ, которыя не только замедлили движеніе впередъ, но и совершенно измѣнили предназначенія главнокомандующаго. «Всѣмъ было жаль храбраго Бурцева, — говоритъ А. С. Пушкинъ въ своихъ запискахъ объ эрзерумскомъ походѣ, — но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго далеко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ». И эти слова ближайшаго участника похода, служившія лишь отголоскомъ мнѣнія большинства военныхъ людей, скоро нашли себѣ въ грядущихъ событіяхъ полное оправданіе. Теперь уже нечего было мечтать о быстромъ покореніи Трапезонда, Сиваса или Токата, являлась необходимость прежде всего упрочить шаткое положеніе нашего праваго фланга.

Послѣдній курьеръ повезъ государю донесеніе главнокомандующаго о томъ, что дѣла въ Азіатской Турціи идутъ успѣшно, и что во всѣхъ санджакахъ распространяется покорность русскому правительству, — какъ вдругъ, въ два три дня обстоятельства перемѣнились такъ рѣзко и такъ неожиданно. Преувеличенные слухи

ское знамя 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона, также георгіевскія трубы Ширванскаго полка добыты ими подъ командою И. Г. Бурцева. Государь снова назначаетъ его командиромъ Херсонскаго гренадерскаго полка, съ которымъ онъ рядомъ блистательныхъ дѣлъ и ознаменовываетъ себя въ кампанію 1829 года. Ему два раза обязанъ Ахалцыхъ своимъ спасеніемъ: ему же принадлежала честь первыхъ побѣдъ въ открывающуюся кампанію — подъ Дигуромъ и Чаборію; его искуснымъ маневромъ пользуется Паскевичъ, чтобы спокойно подняться на Соганлугскій хребетъ и, наконецъ, на его же плечахъ выносятся вся тяжесть боя 19-го іюня; Бейбуртскимъ боемъ закончилась боевая дѣятельность даровитаго генерала Бурцева.

о неудачномъ исходѣ бейбуртской экспедиціи, электрической искрой облетѣли край и вызвали повсюду несбыточныя надежды. Сплотившіяся отчасти турецкія войска стали быстро усиливаться: ванскій паша опять грозилъ Баязету, весь мушскій пашалыкъ волновался и значительныя массы курдовъ уже двигались къ нашимъ границамъ. Безпокойные люди готовы были возжечь духъ возмущенія въ самой столицѣ Анатолиі, а возмущеніе въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ Эрзерумъ, могло поставить русскихъ въ опасное положеніе. Такова мрачная картина, начертанная самимъ графомъ Паскевичемъ въ письмѣ его къ государю.

Паскевичъ не любилъ однако разбрасываться, а потому, отправивъ на помощь къ лѣвому флангу одинъ Севастопольскій полкъ, онъ обратилъ все свое вниманіе на правое крыло, существенно вліявшее на главныя операціи. Генералъ Муравьевъ, стоявшій у Ашъ-калы съ 3¹/₂ баталіонами Кавказской гренадерской бригады¹⁾, кавалерійскіе полки генерала Раевского, два конно-мусульманскіе полка и 12 орудій,—получили приказаніе немедленно итти къ Бейбурту, куда въ то же время выступили изъ Эрзерума Ширванскій полкъ, два казачьи полка и 18 орудій, подъ начальствомъ, только что прибывшаго тогда на Кавказъ генералъ-адъютанта Потемкина, присланнаго государемъ «для командованія отдѣльными отрядами въ случаяхъ болѣе важныхъ, или тамъ, гдѣ личное присутствіе главнокомандующаго будетъ невозможно»²⁾). Самъ Паскевичъ остался въ Эрзерумѣ еще на нѣсколько дней. Передъ выѣздомъ онъ собралъ къ себѣ эрзерумскихъ старшинъ, долго бесѣдовалъ съ ними и, наконецъ, заявилъ категорически, что благоденствіе жителей будетъ зависѣть отъ ихъ поведенія, и что въ случаѣ малѣйшихъ безпорядковъ городъ испытаетъ страшную кару. Въ Эрзерумѣ, подъ командой генерала Панкратьева, оставлены были Кабардинскій полкъ, три баталіона егерей, три сотни казаковъ и 24 орудія. Этихъ силъ полагали достаточнымъ, чтобы удержатъ за собою передовые пункты и наблюдать за спокойствіемъ въ самомъ городѣ.

¹⁾ Грузинскій полкъ и шесть ротъ Эриванскаго

²⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 6

Опередивъ войска, Паскевичъ 25-го іюня прибылъ въ Бейбуртъ, а на слѣдующій день весь дѣйствующій корпусъ расположился лагеремъ на трапезондской дорогѣ, верстахъ въ десяти за Бейбуртомъ.

Изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя доставляли лазутчики, было извѣстно, что ядромъ турецкихъ войскъ служить часть трапезондскаго корпуса, около котораго и группируются лазы. Непріятель занималъ нѣсколько укрѣпленныхъ селеній, облежавшихъ Бейбуртъ полукругомъ и расположенныхъ такъ, что если бы русскіе атаквали одну изъ нихъ—другіе брали бы самихъ атакующихъ въ тылъ или во флангъ. Всѣми войсками командовалъ Османъ-паша, главная квартира котораго находилась въ Балахорѣ, а въ прочихъ пунктахъ начальствовали храбрѣйшіе и опытнѣйшіе старшины по выбору самого народа. Слухъ о прибытіи самого Паскевича нѣсколько поколебалъ ихъ рѣшимость, однако всѣ дали клятву взаимно помогать другъ другу, и многіе, какъ обречшіеся на смерть, одѣлись въ бѣлые саваны.

Графъ Паскевичъ не сталъ ожидать болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній и рѣшилъ прежде всего наказать жителей Харта, кичливые рассказы которыхъ о смерти русскаго генерала волновали умы сосѣднихъ лазовъ. Нужно было унижить гордость врага на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ считалъ недоступнымъ и пролитую здѣсь русскую кровь возместить сторицей.

Большое селеніе Хартъ ютилось въ сѣверномъ углу обширной равнины и съ трехъ сторонъ окружено высокими горами. Горы эти, наполняющія собою весь трапезондскій пашалыкъ, упираются своими подошвами въ сѣверную окраину селенія и, охватывая его съ востока и запада, образуютъ къ югу равнину, простиравшуюся почти до Бейбурта. Само селеніе снаружи опоясанное садами и огородами, а внутри укрѣпленное баррикадами и перекопанное рвами, представляло одинъ изъ тѣхъ крѣпкихъ пунктовъ, атака которыхъ всегда сопровождается большими потерями. Штурмовать Хартъ со стороны равнины заставляло опять рисковать жизнью сотенъ людей, тогда какъ лазы, даже выбитые изъ селенія, нашли бы себѣ опору въ горахъ, гдѣ природа на

каждомъ шагу представляла имъ крѣпкія, оборонительныя позиціи. Паскевичъ рѣшилъ обойти деревню, чтобы атаковать ее съ тыла, со стороны горъ и отбросить непріятеля въ открытую равнину, гдѣ стояла русская конница.

27-го іюня, въ 2 часа пополудни, весь дѣйствующій корпусъ двинулся къ Харту. Въ одной верстѣ отъ него, въ виду кладбища, нѣмого свидѣтеля геройскихъ усилій генерала Бурцева, четыре полка кавалеріи съ четырьмя орудіями остановились, и подъ ихъ заслономъ вся пѣхота потянулась вправо въ обходъ селенія. Непріятель замѣтилъ это движеніе но, казалось, нисколько не былъ смущенъ имъ, и по всему протяженію наружныхъ шанцевъ, въ самомъ Хартѣ на скалахъ, гдѣ возвышались его грозныя башни,—вездѣ стояли вооруженныя толпы, спокойно наблюдавшія за нашею пѣхотой. Когда весь корпусъ, обогнувъ селеніе, сталъ на восточныхъ высотахъ, графъ Паскевичъ выдвинулъ впередъ 12 батарейныхъ орудій и открылъ огонь по селенію. Грохотъ канонады разнесъ тревогу по окрестнымъ селеніямъ, и непріятельская пѣхота, поспѣшно двинутая на помощь къ Харту, показалась двумя большими отрядами.

Позади позиціи, къ сѣверу отъ нея, возвышался скалистый, остроконечный пикъ, рѣзко выдѣлявшійся изъ массы горъ своей оригинальной формой и своимъ положеніемъ. Этотъ то пикъ и занялъ одинъ изъ турецкихъ отрядовъ, тогда какъ другой остановился на одномъ изъ горныхъ уступовъ, лежавшихъ почти въ тылу нашей позиціи. «Если-бы я не щадилъ людей,—говоритъ Паскевичъ,—то ударомъ въ штыки могъ-бы сейчасъ-же вытѣснить лазовъ изъ Харта; но было очевидно, что они, при поддержкѣ извнѣ, крайне дорогою цѣною уступятъ побѣду, а потому я хотѣлъ сначала отогнать всѣ секурсы, потомъ окружить деревню, и, постепенно приближаясь къ ней, истребить артиллерією всѣ непріятельскія оборонительныя средства.» На этомъ рѣшеніи графъ Паскевичъ и остановился.

Было уже шесть часовъ пополудни, и главнокомандующій, торопясь покончить дѣло до наступленія темноты, приказалъ баталіону Грузинскаго гренадерскаго полка сбить непріятеля съ высотъ, находившихся у насъ въ тылу, а баталіону Ширванскаго

полка овладѣть остроконечнымъ пикомъ и отрѣзать защитникамъ Харта путь въ сѣверныя горы. Грузинцы, подъ покровительствомъ огня огромной 24-хъ орудійной батареи, первыми начали атаку и, поддержанные двумя эскадронами спѣшенныхъ драгунъ, быстро овладѣли горнымъ уступомъ, отбросивъ лазовъ на самый гребень, откуда имъ спуститься внизъ было уже невозможно. Тогда, обезпеченные съ тыла, двинулись впередъ и ширванцы. Но исполнить задачу имъ было гораздо труднѣе, нежели грузинцамъ, такъ какъ здѣсь приходилось дѣйствовать безъ помощи артиллеріи, снаряды которой даже не долетали до вершины пика. Въ первый разъ послѣ Ахалцыха, ширванцы шли въ бой на глазахъ своего шефа и, желая показаться достойными славнаго имени, двинулись на приступъ безъ выстрѣла. Сильный ружейный огонь, встрѣтившій ихъ съ пика, замеръ въ громовомъ крикѣ «ура!» — и черезъ полчаса шанцы, вѣнчавшіе гору, были взяты штыками. Сброшенные внизъ, лазы моментально были окружены русскою конницею. Два конно мусульманскіе полка и двѣ сотни линейцевъ неслись на нихъ слѣва, дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ съ двумя донскими орудіями—справа. Смѣлый ударъ нижегородцевъ разорвалъ лазовъ на двое, а тѣмъ временемъ подоспѣли мусульманскіе полки, и лазы очутились въ отчаянномъ положеніи. Видя невозможность пробиться, непріятель дрался съ такимъ ожесточеніемъ, что цѣлыя партіи, растрѣлявъ патроны, рѣзали кинжалами другъ друга, чтобы избѣгнуть плѣна. Бой, почти небывалый по кровопролитію, происходилъ, на такомъ тѣсномъ пространствѣ, что даже зарядные ящики артиллеріи, оказались избитыми пулями. Долина была завалена трупами, и только немногимъ изъ лазовъ удалось, проравшись укрыться въ горы; но еще и тамъ ихъ долго преслѣдовалъ конвой главнокомандующаго съ полковникомъ Верзилинымъ.

Этимъ кровавымъ эпизодомъ закончился день 27-го іюля. Темная ночь быстро спустилась на окрестности, и густой туманъ, заслонившій отъ глазъ даже ближайшіе предметы, остановилъ дальнѣйшія дѣйствія противъ Харта. Войска окружили селеніе со всѣхъ сторонъ: съ востока и сѣвера стояла пѣхота, съ юга и запада—конница.

Часовъ въ 9 вечера, уже въ совершенной темнотѣ, вернулись линейцы, и полковникъ Верзилинъ доложилъ Паскевичу, что верстахъ въ десяти за Хартомъ, онъ неожиданно наткнулся на сильныя турецкія колонны и долженъ былъ отступить. Извѣстію однако не придали серьезнаго значенія, полагая, что турки не осмѣлятся ночью приблизиться къ Харту. Въ русскихъ лагеряхъ все успокоилось, какъ вдругъ часовъ въ 11 ночи сильная ружейная трескотня на сѣверныхъ высотахъ подняла всѣхъ на ноги, и ширванцы внезапно были атакованы съ тыла значительными силами. Это были войска Османъ-паши, явившагося изъ Белохора съ тѣмъ, чтобы помочь жителямъ Харта вырваться изъ тѣсной блокады. Мракъ ночи и неизвѣстность, въ какомъ положеніи находятся ширванцы, поставили Паскевича въ нѣкоторую нерѣшимость, что предпринять? Но скоро прискакалъ офицеръ съ донесеніемъ, что нападеніе отбито, и ширванцы удержали позицію. Но едва перестрѣлка смолкла на сѣверной сторонѣ, какъ началась на западной и южной.

Прибытіе Османъ-паши дало надежду лазамъ, окруженнымъ въ деревнѣ, воспользоваться ночью суматохою, чтобы прорваться въ поле. Толпы ихъ, хлынувшія изъ западныхъ и южныхъ воротъ, стремительно ударили на нашу кавалерію и стали пробиваться. На западной сторонѣ это однако не увѣнчалось успѣхомъ. Кавалерія Раевского со всѣхъ сторонъ окружила лазовъ—и часть ихъ была изрублена, а остальные отброшены обратно въ селеніе. На южной сторонѣ успѣхъ, напротивъ, былъ на сторонѣ непріятеля: тамъ лазы прорвали конно-мусульманскую цѣпь, и пока подспѣли резервы—они уже миновали равнину и скрылись въ горахъ. 10 изрубленныхъ тѣлъ, 16 плѣнныхъ и три знамени—вотъ все, чѣмъ заплатились лазы на этомъ пунктѣ за свою отчаянную вылазку.

Этотъ эпизодъ ускорилъ однако общую развязку. Пѣхота, двинутая графомъ Паскевичемъ, ворвалась въ Хартъ съ разныхъ сторонъ и остававшіеся тамъ защитники были истреблены поголовно. При осмотрѣ Харта въ немъ найдено было до 80-ти тѣлъ замученныхъ русскихъ солдатъ—кровавый слѣдъ послѣдняго штурма

Бурцева; большая часть ихъ была обезглавлена, съ нѣкоторыхъ содрана кожа, иные, обугленные, висѣли надъ потухшими кострами. Всѣ эти 80 изуродованныхъ труповъ, безмолвно свидѣтельствовавшихъ о томъ фанатическомъ разгулѣ дикихъ страстей, которымъ предавались лазы, торжествуя побѣду, были собраны вмѣстѣ и преданы землѣ въ одной общей братской могилѣ.

Пока пѣхота со всѣхъ сторонъ зажигала Хартъ и солдаты, пренебрегая добычей, бросали въ огонь имущество жителей,—кавалерія съ первыми лучами восходящаго солнца, двинулась преслѣдовать непріятеля. Полковникъ Анрепъ съ своими уланами и вторымъ конно-мусульманскимъ полкомъ двинулся къ Белохору. Раевскій съ нижегородцами и полкомъ карабахцевъ принялъ нѣсколько въ сторону, чтобы осмотрѣть сосѣднія горы. Но пока послѣднему встрѣчались на пути лишь одиночныя бѣгушія партіи, за которыми гоняться было бесполезно, Анрепъ открылъ у Белохора лагерь, гдѣ находилось до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы. 2-й конно-мусульманскій полкъ понесся въ атаку, но, встрѣченный сильною конницею, былъ опрокинутъ. Устроившись, татары повторили атаку—и снова были отбиты. Между тѣмъ въ тылу у непріятеля замѣчено было усиленное движеніе: тянулись обозы, отступала пѣхота. Какъ разъ въ это время на выстрѣлы подоспѣла кавалерія генерала Раевского, и 2-й Конно-мусульманскій полкъ въ третій разъ, бросившись въ атаку, ворвался въ турецкій лагерь. Большая часть турецкаго отряда успѣла уже отступить, но то, что осталось, подверглось полному истребленію. Два орудія, знамя, лагерь, артиллерійскій паркъ, цѣлыя табуны скота, наконецъ, имущество жителей нѣсколькихъ деревень, спѣшившихъ удалиться въ горы вслѣдъ за войсками,—все сдѣлалось добычею татаръ. Въ плѣнъ взято болѣе 150 человекъ и въ томъ числѣ нѣсколько важныхъ турецкихъ чиновниковъ.

Общій уронъ русскаго корпуса въ эти два дня состоялъ изъ 4-хъ офицеровъ и 66-ти нижнихъ чиновъ.

Такимъ образомъ всѣ силы турокъ, съ такимъ трудомъ собранныя ими въ Лазистанѣ, были разбиты и разсѣяны. «Имѣя счастье донести объ этомъ Вашему Императорскому Величеству,—пи-

салъ Паскевичъ государю,—повергаю къ стопамъ Вашимъ четыре знамени лазовъ, народа храбрѣйшаго между всѣми азіатскими племенами»¹. Съ этимъ донесеніемъ былъ посланъ карабагскій султанъ Фараджъ Улларъ-бекъ, особенно отличившійся въ послѣднемъ сраженіи. Графъ Паскевичъ хотѣлъ въ лицѣ его обратить вниманіе государя на мусульманскіе полки, боевая служба которыхъ высоко имѣ цѣнилась.

---

¹) Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло № 99. Рапортъ Паскевича отъ 9-го августа 1829 года.

Глава XIX

Попытка гр. Паскевича проникнуть къ Трапезонду или Сивасу.—Занятіе Кялкитъ-чифтлика — Извѣстія о тревожномъ положеніи дѣлъ въ тылу и на флангахъ.—Возвращеніе гр. Паскевича къ Балахору.—Экспедиція въ Гюмишъ-хана.—Оставленіе Паскевичемъ Бейбурта и возвращеніе въ Эрзерумъ — Заговоръ въ Эрзерумѣ.—Сношенія его жителей съ курдами.—Борьба съ курдами въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ

Графъ Паскевичъ не остановился на истребленіи Харта, развернувшего раньше другихъ мятежное знамя, и 4-го августа весь русскій корпусъ, перейдя къ Балахору, произвелъ оттуда рекогносцировку къ сторонѣ Куансъ-кале—небольшой крѣпостцы, закрывавшей собою путь къ Трапезонду. Носились слухи, что тамъ собираются разбитые лазы; но дорога туда шла по ущельямъ съ такими косогорами, кручами и обрывами, что на десятой верстѣ пришлось оставить всю полевую артиллерію, а далѣе не было пути даже для конницы. Одинъ надъ другимъ громоздились горные хребты, пересѣкавшіе дороги къ Гюмишъ-хана и Трапезонду и не было, казалось, этимъ хребтамъ ни конца, ни предѣловъ. Не подлежало сомнѣнію, что здѣсь пройти съ обозами невозможно, и войска вернулись къ Балахору.

На слѣдующій день, 6-го августа, главнокомандующій, оставивъ въ сторонѣ Трапезондъ, рѣшился сдѣлать нѣсколько переходовъ по сивасской дорогѣ, чтобы этимъ движеніемъ, какъ онъ писалъ государю, прикрыть покорные санджаки Эрзерумскаго пашалыка и позволить жителямъ убрать свой хлѣбъ, обезпечившій бы намъ продовольствіе на все зимнее время. Продовольственный вопросъ дѣйствительно выдвигался тогда на первую очередь. Приближалась пора, когда Соганлугскія горы покрываются снѣгомъ,

и доставка провіанта должна была прекратиться не только изъ Грузіи, но и изъ ближайшаго Карскаго пашалыка. На третій день похода, 8-го августа, войска прибыли въ Кялкитъ-чифтликъ, большое мѣстечко, лежавшее въ двухстахъ верстахъ отъ Сиваса. Мѣстечко было покинуто жителями и, несмотря на то, зажиточность его выказывалась на каждомъ шагу, вполне гармонируя со всею окружающею его природою. Весь путь, по которому прошли войска, представлялъ собою богатые пахоти. Въ сторонѣ виднѣлось много большихъ селеній, изъ которыхъ въ самыхъ дальнихъ вѣроятно еще оставались жители, потому что тамъ паслись стада и ходили отары овецъ. Поля были засѣяны пшеницею; повсюду виднѣлись каналы, говорившія объ искусственномъ ихъ орошеніи, — а кругомъ, замыкая горизонтъ, стояли все тѣ же безлѣсныя горы, не представлявшія никакой растительности, кромѣ травы, давно уже выгорѣвшей отъ солнца.

Въ Кялкитъ-чифтликѣ узнали черезъ лазутчиковъ, что невдалекѣ стоитъ девятитысячный турецкій корпусъ, надняхъ прибывшій сюда изъ Трапезонда съ цѣлю прикрыть дороги къ Сивасу и Токату. Донской казачій полкъ Фомина, высланный по тому направленію, имѣлъ довольно горячую стычку и, оттѣснивъ передовые турецкіе пикеты, дѣйствительно открылъ непріятельскій лагерь, стоявшій на укрѣпленныхъ высотахъ за рѣчкою Шень-су. Сгущавшіяся сумерки заставили графа Паскевича отложить атаку до утра; но непріятель въ глухую полночь снялся съ позиціи и отступилъ по разнымъ направленіямъ такъ быстро, что посланная за нимъ кавалерія едва успѣла настигнуть его обозы. Теперь передъ русскимъ корпусомъ открывался почти безпрепятственный путь до самаго Сиваса, и главнокомандующій уже намѣревался занятіемъ его завершить кампанію, — какъ вдругъ получились новыя извѣстія о тревожномъ положеніи дѣлъ въ тылу и на флангахъ. Генералъ Панкратьевъ писалъ графу Паскевичу, что курды простираютъ свои набѣги почти до самыхъ стѣнъ Эрзерума; Баязеть со дня на день ожидалъ блокады. Генералъ Берхманъ доносилъ изъ Карса о поголовномъ возмущеніи жителей въ Ольтѣ, Нариманѣ и даже въ Ардаганскомъ санджакѣ, а генералъ Гессе извѣщалъ о

безпокойномъ настроеніи аджарцевъ и кобулетцевъ. Все это очевидно находилось въ связи съ тѣми слухами, которые ходили повсемѣстно о назначеніи Османъ-паши трапезондскаго сераскиромъ анатолійскимъ и о намѣреніяхъ Порты вести войну до послѣдней возможности.

При такихъ условіяхъ, когда начинались волненія кругомъ въ покоренныхъ пашалыкахъ, удаляться отъ русскихъ границъ было невозможно, и графъ Паскевичъ рѣшилъ отказаться отъ покоренія Сиваса. Но прекращая наступательныя дѣйствія и, такъ сказать, измѣняя весь планъ своей кампаніи, онъ не хотѣлъ дать этого замѣтить туркамъ и вознамѣрился диверсіей къ сторонѣ Трапезонда принудить сераскира заботиться болѣе о собственной защитѣ, а не помышлять о нападеніяхъ. «Сими дѣйствіями,—писалъ онъ государю,—я долженъ буду кончить здѣшнюю кампанію, ибо наступающая осень заставляеть меня заботиться о возвращеніи части войскъ въ Грузію».

12-го августа главнокомандующій лично передалъ полковнику графу Симоничу приказаніе занять городъ Гюмишъ-хана, лежавшій всего въ 75-ти верстахъ отъ Трапезонда и славившійся въ краѣ богатыми серебряными рудниками, на которыхъ работали исключительно греки. Поэтому христіанское населеніе въ Гюмишъ-хана было весьма значительно, и тамъ же находилась каеэдра греческаго митрополита. Къ походу назначены были два баталіона Грузинскаго полка, три роты піонеръ, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ, Донской Фомина и 2-й конно-мусульманскій полки, 4 горные единорога и 4 кегорновыя мортиры. Этимъ войскамъ и суждено было достигнуть крайняго пункта, до котораго доходилъ корпусъ графа Паскевича въ кампанію 1829 года.

Дорога къ Гюмишъ-хана, начинаясь равниною, входитъ потомъ въ ущелье и становится до того затруднительною, что, по выраженію графа Симонича, превосходитъ всякое описаніе. Почти на всемъ протяженіи ея легкіе горные единороги приходилось поддерживать веревками, чтобы они не скатились съ утесовъ, и все-таки одинъ изъ нихъ сорвался и придавилъ двухъ артиллеристовъ; три раза срудія разбирали совсѣмъ и несли на рукахъ. Въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ невозможно было проѣхать верхомъ и даже привычные къ горамъ мусульмане спѣшивались, проводя лошадей въ поводу. На самомъ перевалѣ, занимая вершину Гяуръ дага, стоялъ наблюдательный непріятельскій постъ. Выдвинутая впередъ кавалерія скоро прогнала его и, преслѣдуя 17 верстъ, захватила нѣсколькихъ плѣнныхъ. Между тѣмъ наступила ночь, а отрядъ все продолжалъ подвигаться впередъ ощупью, за невозможностью остановиться на тропинкѣ, висѣвшей надъ бездною. Наконецъ кое какъ разыскали небольшую площадку, и весь отрядъ ночевалъ на ней, сбившись въ тѣсную кучку.

Съ разсвѣтомъ 13-го августа двинулись дальше. До Гюмишъ-хана оставалось уже верстъ пять или шесть, какъ по дорогѣ показалась торжественная процессія: греческое духовенство съ хоругвями и иконами, сопровождаемое народомъ, вышло навстрѣчу, оглашая воздухъ священными гимнами на древнемъ эллинскомъ нарѣчій. Послѣ краткаго молебствія, городскіе ключи были поднесены графу Симоничу самимъ митрополитомъ.

Посреди дикой природы Гюмишъ-хана, тонувшій въ густыхъ, фруктовыхъ садахъ и виноградникахъ, производилъ самое пріятное впечатлѣніе. Городъ большой, красивый, съ домами большею частью европейской архитектуры, построенъ однако на такой гористой мѣстности, что жители совсѣмъ не держали у себя повозокъ или аробъ, по невозможности употреблять ихъ въ домашнемъ быту; даже въ окрестностяхъ города не нашлось ровной площадки, гдѣ бы можно было стать лагеремъ, и войска размѣстились у жителей: пѣхота стала въ домахъ, а кавалерія заняла сады. Легкія казачьи партіи, ходившія развѣдывать, куда отступилъ непріятель, возвратясь, рассказывали, что за Гюмишъ-хана дорога еще хуже пройденной и не вездѣ доступна даже для вьюковъ.

Турецкія войска, занимавшія Гюмишъ-хана, отступили только за нѣсколько часовъ до прихода русскихъ; за ними бѣжали и жители-мусульмане, предварительно разграбивъ дома христіанъ и предавъ смерти нѣсколько человѣкъ, пытавшихся прибѣгнуть къ самозащитѣ. Всѣ эти неистовства прекратились только съ появленіемъ передовой русской кавалеріи, которая разогнала грабите-

лей. Изъ военной добычи въ Гюмишъ-хана найдено было одно чугунное орудіе, да нѣсколько вьюковъ свинца и пороха,— все остальное турки увезли съ собою; частное имущество бѣжавшихъ магометанъ осталось неприкосновеннымъ, дома и лавки ихъ были тщательно опечатаны.

Занятіе русскими города совпало какъ разъ съ праздникомъ Успенія Пресвятыя Богородицы, и 15-го августа въ соборѣ была совершена торжественная литургія; старинный съ почернѣвшими иконами храмъ, величественное служеніе митрополита, греческіе напѣвы, сохранившіеся здѣсь едва ли не съ первыхъ временъ христіанства, наполняли сердца присутствующихъ чувствомъ неизъяснимаго восторга. Въ первый разъ послѣ четырехъ-мѣсячныхъ походовъ, посреди отдаленныхъ горъ, молились русскіе солдаты въ стѣнахъ православнаго храма, окруженные многочисленнымъ единовѣрнымъ населеніемъ. И самъ маститый митрополитъ, преклонявшій колѣна во время чтенія благодарственныхъ молитвъ, и духовенство, и весь народъ плакалъ отъ умиленія. Имъ, незнакомымъ съ политикою, казалось, что пробилъ часъ ихъ освобожденія, и что, подъ охраною русскихъ штыковъ, начнутся для нихъ теперь вѣка счастья и благоденствія. Громъ артиллеріи, огласившій пустынные скалы при возглашеніи многолѣтія русскому императору, какъ-бы закрѣпилъ въ народѣ эти свѣтлыя надежды и всѣ разошлись по домамъ счастливые, радостные.

Но часъ народной скорби, страха и общаго бѣдствія уже тяготѣлъ надъ городомъ. Вечеромъ прискакалъ курьеръ и привезъ графу Симоничу приказаніе оставить Гюмишъ-хана и отступить къ Балахору.

Нельзя описать того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвело это извѣстіе на жителей. Митрополитъ, сохранившій болѣе другихъ присутствіе духа, именемъ цѣлаго народа умолялъ главнокомандующаго не покидать ихъ въ жертву мщенія лазовъ. Но при всемъ желаніи покровительствовать христіанамъ, графъ Паскевичъ долженъ былъ подчиниться важности военныхъ соображеній, и все что онъ могъ сдѣлать въ пользу города,—это продлить пребываніе отряда въ Гюмишъ-хана еще на два дня. Нѣсколько

десятковъ городскихъ семействъ вызвалось однако же слѣдовать за русскими войсками; но большинство не знало на что рѣшиться: съ одной стороны ихъ пугала неизвѣстность будущаго, съ другой—грознымъ призракомъ вставало мщеніе турокъ; да и самая краткость времени мѣшала изготавиться имъ къ выступленію. Митрополитъ, при всей опасности своего положенія, какъ добрый пастырь, рѣшился раздѣлить судьбу остающихся жителей. Попеченіе о благѣ народа внушило ему мысль ѣхать въ турецкій станъ и заявить, что русскіе насильно увели съ собою нѣсколькихъ гражданъ, и что остальные просятъ у сераскира защиты. Графъ Симоничъ одобрилъ это рѣшеніе, и поѣздка митрополита, хотя до нѣкоторой степени, ослабила ужасы мщенія.

18-го числа утромъ графъ Симоничъ выпроводилъ изъ города обозъ переселенцевъ, подъ прикрытіемъ кавалеріи, а въ сумеркахъ выступила за ними и пѣхота. Слухъ о томъ, что русскіе покидаютъ Гюмишъ-хана, въ тотъ же день дошелъ до сераскира, и къ вечеру войска его стояли уже въ десяти верстахъ отъ города. Передовой турецкій отрядъ подвинулся еще ближе, и бивачные огни его ясно были видны съ русскихъ пикетовъ. Ночь, однако же, прошла спокойно; непріятель не преслѣдовалъ, и графъ Симоничъ на слѣдующій день благополучно соединился съ графомъ Паскевичемъ.¹⁾

Причины, заставившія главнокомандующаго такъ внезапно оставить Гюмишъ-хана, заключались въ тѣхъ неблагоприятныхъ свѣдѣніяхъ, которыя на этотъ разъ были получены имъ уже со стороны Бейбурта. Командиръ Херсонскаго полка полковникъ Бахманъ, преемникъ Бурцева, доносилъ, что сильныя партіи лазовъ угрожаютъ нападеніемъ на городъ, и что сообщеніе его съ Эрзерумомъ прервано шайками, которыя захватываютъ нашихъ курьеровъ, разбиваютъ транспорты и нападаютъ даже на небольшія военныя команды.

Возстаніе въ тылу очевидно росло, и Паскевичъ былъ поставленъ въ необходимость перенести свои дѣйствія съ сивасской

¹⁾ Дѣло 1829 г. № 92. Рапортъ графа Симоича и военный журналъ за августъ.

дороги опять въ окрестности Харта и Балахора. Но отступая изъ Кялкитъ-чифтлика, онъ въ то же время не хотѣлъ отказаться отъ мысли угрожать Трапезонду. Опытные лазутчики посланы были имъ въ горы развѣдать о настроеніи трапезондскихъ жителей и въ особенности ихъ бековъ. Если бы это настроеніе оказалось въ пользу Россіи, онъ имѣлъ намѣреніе, несмотря ни на какія преграды, итти налегкѣ и овладѣть Трапезондомъ. Съ этою цѣлью онъ оставилъ отрядъ у Балахора и рѣшился сдѣлать отсюда еще одну послѣднюю рекогносцировку.

Мѣстечко Балахоръ лежитъ на развѣтвленіи двухъ главныхъ дорогъ къ Трапезонду, изъ которыхъ одна идетъ на западъ, черезъ Гюмишъ-хана, другая на сѣверъ, черезъ Каракабанскій переваль. Первая изъ нихъ уже была изслѣдована колонной графа Симонича и оказалась крайне неудобной. Оставалось сдѣлать попытку пройти на Каракабанъ, тѣмъ болѣе, что эта дорога почему то носила названіе большого пушечнаго пути. Но едва корпусъ вытянулся изъ лагеря, какъ оказалось, что эта дорога совсѣмъ не оправдывала своего громкаго названія; даже конная казачья артиллерія могла слѣдовать только до перваго перевала, гдѣ должна была оставить орудія; далѣе остановилась и регулярная конница. Графъ Паскевичъ продолжалъ путь съ одними мусульманами и казаками. При всякомъ новомъ подъемѣ всѣ съ любопытствомъ всматривались вдаль, надѣясь окинуть взоромъ отдаленную синеву моря и увидѣть Трапезондъ. Но гряды горъ вздымались одна выше другой, а между тѣмъ исчезла и послѣдняя тропа, по которой пробирались татары. Графъ Паскевичъ остановился и отправилъ впередъ одну легкую партію, которая, возвратившись часа черезъ два, привезла извѣстіе, что на Каракабанѣ стоитъ турецкій лагерь, и до Трапезонда считается еще 80 верстъ. Вечеромъ графъ Паскевичъ спустился съ горъ и соединился съ остальными войсками.

«Неоднократно доносилъ я Вашему Величеству,—писалъ графъ Паскевичъ государю,—о трудностяхъ трапезондской дороги. Я говорилъ тогда по показаніямъ лазутчиковъ и по разнымъ собраннымъ свѣдѣніямъ, но то, что я увидѣлъ теперь на самомъ мѣстѣ, превзошло всѣ мои ожиданія. Чтобы пройти къ Трапезонду съ ар-

тиллеріей, надо употребить на разработку дороги не менѣ трехъ тысячъ людей и четыре недѣли времени». ¹⁾

Теперь вопросъ о невозможности похода къ Трапезонду былъ рѣшенъ уже безповоротно, тѣмъ болѣе что и надежды на сочувствіе жителей не оправдались. Новый сераскирь успѣлъ приобрести большую популярность, а безъ содѣйствія народа пройти къ Трапезонду съ шестью баталіонами нельзя было и думать. При такомъ положеніи дѣлъ, графу Паскевичу ничего не оставалось болѣе, какъ отступить къ Бейбурту, а такъ какъ послѣдній терялъ уже въ это время значеніе передового пункта для движенія къ морю, то главнокомандующій рѣшилъ отвести войска къ Эрзеруму.

Покидая Бейбуртъ, русскіе взорвали на воздухъ древнія стѣны его цитадели и вывезли все военное имущество и даже хлѣбъ, собранный у жителей. Въ Эрзерумѣ войска возвращались, окруженные уже со всѣхъ сторонъ легкими непріятельскими партіями; одна изъ нихъ отрѣзала часть подвижного госпиталя, другая напала на обозъ гюмишъ-ханинскихъ грековъ. Въ первомъ случаѣ рота Ширванскаго полка, запертая въ ущельѣ, болѣе сутокъ одна отбивалась отъ лазовъ; въ другомъ—особенно отличился первый конно мусульманскій полкъ, во время поспѣвшій на тревогу и выручившій грековъ. Такъ какъ главнымъ притономъ для всѣхъ этихъ шаекъ служила большая деревня Катанлы, то посланный для ея наказанія отрядъ сжегъ деревню и разграбилъ имущество жителей. Такимъ же образомъ приказано было поступать со всѣми придорожными селеніями, замѣченными въ укрывательствѣ хищниковъ.

Съ возвращеніемъ изъ Бейбурта графъ Паскевичъ съ главными силами расположился въ Эрзерумѣ, а два передовые отряда выдвинуты были: на трапезондскую дорогу гренадерская бригада Муравьева - въ Ашъ-калу, къ сторонѣ Эрзингяна, а вся кавалерія, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Голицына—къ

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича отъ 26-го августа 1829 года.

Мегмансуру, къ сторонѣ Бейбурта.¹⁾ Такъ закончился на главномъ театрѣ второй періодъ кампаніи, далеко уступавшій своими превратностями побѣдоносному шествію русскихъ войскъ въ Эрзерумъ, и графъ Паскевичъ вынужденъ былъ обратить все свое вниманіе на успокоеніе самого Эрзерумскаго пашалыка.

Въ то время, какъ главныя силы дѣйствующаго корпуса стремились проникнуть въ глубь Анатоліи и совершали трапезондскій походъ, остальнымъ войскамъ, занимавшимъ покоренныя области, выпало на долю быть можетъ менѣе видная, но не менѣе трудная роль удержать за собою добытыя кровью пріобрѣтенія. Они боролись съ мятежемъ въ Эрзерумѣ, сражались съ курдами близъ Хныса и Баязета, бились подъ Карсомъ и Ардаганомъ, отстаивали границы Гуріи и ходили въ Аджарію.

Пламя, которое въ началѣ кампаніи угрожало охватить всѣ русскія границы, казалось погасло съ паденіемъ столицы Анатоліи; но искры продолжали тлѣть и вспыхнули страшнымъ пожаромъ, какъ только катастрофа разразилась надъ головою генерала Бурцева. Этому движенію не осталось чуждо населеніе и самого Эрзерума. Давно уже фанатики, преимущественно муллы, возстановляли магометанъ противъ гяуровъ, но страхъ передъ подавляющею русскою силою сковывалъ страсти. Теперь минута казалась удобной. Большая часть войскъ ушла съ графомъ Паскевичемъ въ Бейбуртъ, и въ Эрзерумѣ остались только пять баталіоновъ, которые естественно не могли защищать всѣ пункты обширнаго стотысячнаго города. Патрульная и караульная служба, требовавшая усиленныхъ нарядовъ, разсѣивала значительную часть гарнизона по всѣмъ уголкамъ Эрзерума и давала заговорщикамъ заманчивую надежду отрѣзать ихъ въ минуту возстанія отъ цитадели и истребить по одиночкѣ. Къ счастью для насъ, какъ ока-

---

¹⁾ Генераль-маіоръ князь Голицынъ (Андрей Борисовичъ), бывшій флигель-адъютантъ императора Александра I-го, былъ присланъ на Кавказъ лѣтомъ 1829 года для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и послѣ трапезондскаго похода назначенъ былъ командиромъ Сводной кавалерійской бригады, на мѣсто Раевского, уволеннаго по болѣзни въ отпускъ.

залось въ послѣдствіи, у мятежниковъ не было никакого опредѣленнаго, строго обдуманнаго плана, и они не знали даже того, что въ самый день отъѣзда графа Паскевича изъ Эрзерума, въ городъ прибылъ новый 2-й Сборный линейный казачій полкъ, экстренно вытребованный съ Кавказской линіи.

Русскія власти давно уже слѣдили за развитіемъ этого заговора, даже держали въ своихъ рукахъ его нити, и если не принимали никакихъ мѣръ къ его прекращенію, то только потому, что осуществленіе этого заговора казалось просто невѣроятнымъ. Турки были безоружны, да и вообще неспособны къ шумнымъ демонстраціямъ, къ борьбѣ на баррикадахъ, къ тѣмъ бурнымъ порывистымъ движеніямъ, которыя можно наблюдать въ народахъ, живущихъ страстною политическою жизнью. Даже возстаніе эрзерумской черни, грозившее 27-го іюня кровавыми уличными сценами, ничего не доказываетъ, потому что оно имѣло свои особенныя причины. Тогда передъ воротами города впервые стояло иностранное войско, и народъ доведенъ былъ до отчаянія страхомъ неизвѣстнаго будущаго. Это будущее наступило для него съ того момента, какъ русскіе вошли въ цитадель; но съ тѣхъ поръ народъ давно уже примирился съ своимъ положеніемъ, былъ даже доволенъ своею судьбою, и увлечь его на скользкій путь возстанія могли развѣ только угрозы какихъ нибудь необычайныхъ каръ въ будущемъ. Но для этого нужно было уже, чтобы страхъ такого возмездія былъ сильнѣе страха передъ всеокрушающею русскою силою.

Тѣмъ не менѣе, 24-го іюля, на другой же день послѣ отъѣзда графа Паскевича, весь городъ пришелъ въ какое-то необычайное движеніе. Армянъ вовсе не было видно на улицахъ, а турки оживленно ходили по базарамъ и глядѣли на русскихъ съ вызывающею наглостью. Наступилъ вечеръ. Давно была пора потухнуть огонькамъ, едва-едва мерцавшимъ сквозь затянутыя пузыремъ окна турецкихъ домовъ, а они не потухали. Турки не ложились спать и мало-по-малу стали собираться на улицахъ толпами, видимо о чемъ-то совѣщаясь. Это привлекало вниманіе русскихъ, уже съ утра бывшихъ на сторожѣ, и генералъ Панкратьевъ

приказалъ немедленно арестовать 12 главныхъ заговорщиковъ, имена которыхъ давно уже были извѣстны полиціи. Ихъ всѣхъ захватили въ домахъ безъ шума, безъ всякой огласки, и въ ту же ночь, подъ сильнымъ конвоемъ, увезли въ Эривань. Толпа народа, напрасно ожидавшая своихъ руководителей, еще нѣкоторое время слонялась по улицамъ, но, видимо не зная что дѣлать, разошлась по домамъ. На другой день броженіе повторилось слабѣе, а на третій, когда на площадяхъ появились войска, а по улицамъ заходили конные патрули, городъ притихъ, и жизнь мало-по-малу пошла обычною колеєю.

Возстаніе не состоялось; но во всемъ этомъ дѣлѣ было слишкомъ много загадочнаго. Трудно было предположить, чтобы народъ рѣшился съ голыми руками итти на войска и брать укрѣпленные пункты. Но откуда у него могло появиться оружіе? Самый тщательный обыскъ, произведенный въ городѣ и въ окрестностяхъ, далъ только возможность открыть въ одномъ селеніи спрятанное турецкое знамя, увеличившее собою число русскихъ трофеевъ; но ни складовъ оружія, ни пороха—ничего, о чемъ такъ много говорили армяне, найдено не было. На разграбленіе арсенала мятежники также рассчитывать не могли уже потому, что арсеналь находился внутри цитадели и прежде чѣмъ овладѣть имъ, нужно было покончить съ русскимъ гарнизономъ. Оставалось предположить одно—расчеты на какую-то постороннюю помощь. И дѣйствительно, секретное слѣдствіе, произведенное генераломъ Панкратьевымъ, выяснило нѣчто посерьезнѣе домашняго заговора: открыты были тайныя сношенія эрзерумскихъ жителей съ мушскимъ пашею и съ ванскими курдами, при посредствѣ которыхъ только и могъ осуществиться безумно затѣянный планъ истребленія русскихъ.

Главкомандующій получилъ извѣстія объ этихъ происшествіяхъ уже за Балахоромъ. «Объявите въ прокламаціи жителямъ,—писалъ онъ къ генералу Панкратьеву изъ Кялькитъ-чифтлика, что многочисленныя скопища лазовъ, соединившіеся противъ насъ въ окрестностяхъ Бейбурта, разсѣяны нынѣ, какъ прахъ отъ сильнаго вѣтра. Хартъ, гордившійся смертью русскаго генерала, истребленъ вмѣстѣ со всѣми защитниками его, и въ самой де-

ревнѣ не осталось камня на камнѣ. Сады и сакли—все обращено въ пепель и сравнено съ землею. Три бывшія тамъ знамени достались побѣдителямъ и вы, показавъ сіи знамена обывателямъ Эрзерума, сообщите имъ о семъ жестокомъ наказаніи. Да научатся они изъ сего примѣра, что русскіе столь же великодушны къ покореннымъ, сколько строги къ буйнымъ мятежникамъ». Знамена эти по приказанію генерала Панкратьева возились по улицамъ города, и на всѣхъ перекресткахъ глашатаи читали его прокламацію.

Надежда на лазовъ такимъ образомъ исчезла, но оставался еще другой источникъ, питавшій мечты заговорщиковъ — это курды.

Какъ уже извѣстно Эминъ-паша мушскій еще зимою началъ искать покровительства русскихъ, и поводомъ къ такому сближенію послужили внутреннія смуты въ его пашалыкѣ. Возстановивъ противъ себя почти все населеніе и страшась готовившагося бунта, онъ предложилъ графу Паскевичу свои услуги съ тѣмъ, чтобы русскіе поддержали его пошатнувшуюся власть. Эти сношенія не укрылись тогда отъ сераскира, который, не имѣя войскъ чтобы наказать пашу, поручилъ родному дядѣ его, Ибрагимъ-беку, составить себѣ въ народѣ собственную партію и съ помощью ея овладѣть правленіемъ. Ибрагимъ-бекъ явился въ Мушъ весною 1829 года, но сторонниковъ себѣ не нашлъ, «ибо,—какъ говоритъ офиціальное извѣстіе, — былъ нелюбимъ въ народѣ столько-же, сколько и его племянникъ». Тогда онъ пріѣхалъ въ Эрзерумъ къ графу Паскевичу. Главнокомандующій принялъ его ласково; но такъ какъ переговоры уже велись съ Эминъ-пашею, то мѣнять одного на другого пока не было причины, тѣмъ болѣе что поддержка Ибрагима во всякомъ случаѣ потребовала бы съ нашей стороны вооруженнаго вмѣшательства. Ибрагиму тѣмъ не менѣе дали надежду и оставили его при главной квартирѣ, рассчитывая, что этимъ путемъ понудятъ Эминъ-пашу, если не принять нашу сторону, то по крайней мѣрѣ оставаться въ бездѣйствіи, не допуская курдовъ усиливать собою турецкія полчища. Но положеніе Эминъ-паши было таково, что ему приходилось стоять между двухъ огней.

Возможность увидѣть передъ собою конкурента въ лицѣ Ибрагимъ-бека, опиравшагося на русскіе штыки, заставляла его поддерживать связи съ графомъ Паскевичемъ, а между тѣмъ ему положительно писали изъ Константинополя о близкомъ заключеніи мира, и что Франція и Англія уже объявили, что не позволяютъ Россіи удержать за собою ни одной пяди изъ числа завоеванныхъ ею земель. Послѣднее обстоятельство, ставившее всю будущность паши опять въ зависимость отъ Турціи, принуждало его заблаговременно изыскивать средства снискать расположеніе турецкаго правительства. Въ этихъ то видахъ онъ вошелъ въ сношенія съ эрзерумскими жителями, и какъ только главныя русскія силы выступили къ Бейбурту, онъ, оставаясь самъ въ сторонѣ, выслалъ на помощь къ нимъ сильныя партіи курдовъ. Объ этихъ сборахъ курдовъ мы узнали только тогда, когда 2-го августа, ѣхавшій изъ Эрзерума въ Хнысь, штабсъ-капитанъ Юматовъ внезапно былъ атакованъ на дорогѣ сильною непріятельскою партіею. Съ конвоемъ изъ 29-ти черноморскихъ казаковъ, Юматовъ нѣкоторое время держался на мѣстѣ, но когда половина конвоя была перебита, онъ ускакалъ въ Эрзерумъ.

Появленіе такой значительной партіи почти подъ самымъ городомъ не могло быть случайнымъ и дѣйствительно въ тотъ же день доставлены были свѣдѣнія, что на границѣ Мушкаго пашалыка стоятъ 15 тысячъ курдовъ съ шестью орудіями. Это извѣстіе заставило генерала Панкратьева тревожиться не только за участь небольшой команды, стоявшей на покосѣ въ лугахъ, верстахъ въ 35-ти отъ Эрзерума, но и за самый отрядъ полковника Лемана, занимавшій Хнысь. Послѣднему тотчасъ приказано было отступить въ деревню Кюлли, ближе къ Эрзеруму, а навстрѣчу фуражирамъ отправили Донской полкъ Басова съ ротой пѣхоты и двумя орудіями. Леманъ отступилъ безпрепятственно; но Басову пришлось выдержать жаркую схватку. Колонна его, 3-го августа, вмѣстѣ съ фуражирами возвращалась назадъ и была уже въ 15-ти верстахъ отъ Эрзерума, какъ около 3-хъ тысячъ курдовъ внезапно атаковали насъ изъ засады. Въ одно мгновеніе арьергардъ былъ смятъ, боковые патрули отрѣзаны, обозъ разбитъ, и Басовъ очу-

тился въ отчаянномъ положеніи. Еще никогда не дрались курды съ такою отвагою и дерзостью. Но въ это время орудійная пальба услышана была въ Эрзерумѣ, и пока на помощь оттуда подоспѣлъ генераль Сергѣевъ съ казачьимъ полкомъ и частью пѣхоты, Басовъ потерялъ уже 35 казаковъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти.

Съ прибытіемъ Сергѣева курды тотчасъ прекратили бой и поскакали назадъ. Преслѣдовать ихъ въ горы было бесполезно. Но Сергѣевъ зналъ, что за этими горами лежала небольшая поляна, на которой находилось нѣсколько армянскихъ деревень и рассчиталъ, что если курдовъ оставить въ покоѣ, то они непременно застрянутъ въ этихъ деревняхъ и тогда накрыть ихъ будетъ легко. Съ этою цѣлью, соединившись съ Басовымъ, онъ сдѣлалъ привалъ и, выждавъ нѣкоторое время, отправилъ пѣхоту назадъ, а самъ, съ двумя казачьими полками, кинулся въ горы. Не ожидая возвращенія русской конницы, курды спокойно предались грабежу окрестныхъ селеній. Уже весь скотъ и все имущество жителей перешло въ руки хищниковъ, какъ вдругъ показались казаки. Сотня за сотнею, быстро спускаясь съ горъ, во весь карьеръ неслись по равнинѣ, охватывая деревни. Ошеломленный непріятель бросилъ добычу и, преслѣдуемый казаками, былъ загнанъ въ горныя трущобы, гдѣ курдамъ пришлось спасаться уже пѣшкомъ. Въ рукахъ казаковъ осталось много лошадей, оружія и переметныхъ сумъ со всѣмъ походнымъ куртинскимъ хозяйствомъ. Вечеромъ оба полка вернулись въ Эрзерумъ съ богатою добычею.

Всѣ эти происшествія, такъ неожиданно нарушившія спокойствіе Эрзерумскаго пашалыка, угрожали принять еще большіе размѣры, такъ какъ одновременно съ Мушемъ поднялся Ванъ, и на помощь къ Баязету пришлось отправить весь Севастопольскій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями. Съ уходомъ севастопольцевъ у генерала Панкратьева остались только три слабые баталіона. Очевидно, что этихъ силъ было далеко недостаточно для рѣшенія той многосторонней задачи, которая лежала тогда передъ генераломъ Панкратьевымъ, и ему пришлось искать опоры въ христіанскомъ населеніи самого Эрзерума. По его предложенію армяне

выставили цѣлый баталіонъ, въ который поступили люди самыхъ богатыхъ и извѣстныхъ фамилій. Панкратьеву чрезвычайно хотѣлось создать изъ нихъ нѣчто похожее на французскую національную гвардію, и чтобы возбудить въ армянахъ чувство самолюбія, онъ просилъ графа Паскевича разрѣшить имъ, въ отличіе отъ прочихъ, носить на лѣвой сторонѣ груди крестъ, нашитый изъ краснаго сукна и дать баталіону бѣлое знамя. Тогда же одинъ изъ армянскихъ патріотовъ, нѣкто Микиртычъ-ага, на собственный счетъ собралъ армянскую конницу, а призванные на службу греки выставили пѣшую сотню, помогавшую войскамъ нести конвойную и посыльную службу. Явились и еще охотники, уже изъ эрзерумскихъ турокъ—Дели и Гайты; но отъ нихъ Панкратьевъ поспѣшилъ отдѣлаться самъ и былъ очень доволенъ, когда могъ отправить ихъ въ лагерь Паскевича, гдѣ они были настолько же полезны, насколько могли быть вредными въ мирной обстановкѣ городской жизни. Это были уже чистокровные османлы, подданные султана, еще такъ недавно стоявшіе подъ бунчукомъ сераскира. Они считались лучшею конницею въ Турціи, славились своимъ патріотизмомъ, и ихъ появленіе въ русскомъ станѣ не могло не имѣть громаднаго вліянія на окрестное населеніе.

Сформированіе новыхъ частей дало генералу Панкратьеву возможность сдѣлать экспедицію въ Хнысь, чтобы вывести оттуда большіе запасы хлѣба, покинутые при поспѣшномъ отступленіи Лемана. Непонятно, какимъ образомъ курды до сихъ поръ не заглянули въ Хнысь и не уничтожили эгихъ запасовъ. Но посланный туда отрядъ генерала Сергѣева нашелъ ихъ въ цѣлости и перевезъ въ Кюлли, а казаки мимоходомъ сдѣлали еще удачный набѣгъ и отогнали изъ куртинскихъ кочевокъ до полуторы тысячи головъ овецъ и рогатаго скота.

Съ окончаніемъ экспедиціи, въ Кюлли по прежнему остался одинъ баталіонъ пѣхоты, мало обезпечивавшій даже ближайшія къ нему окрестности. Частые и повсемѣстные набѣги курдовъ, которымъ мы не могли противодѣйствовать по малочисленности нашей конницы, продолжали разорять плодороднѣйшую часть пашалыка и колебали преданность жителей. Постоянное гнѣздо кур-

тинскихъ сборищъ находилось частью въ Кыгинскомъ санджакѣ,¹⁾ а частью въ санджакѣ Терджанскомъ²⁾, гдѣ главнымъ возмутителемъ являлся Махметъ-бекъ, прежній начальникъ Терджана. Оставлятъ дѣла въ такомъ положеніи было невозможно, и генераль Панкратьевъ ожидалъ прибытія только резервовъ, чтобы принять рѣшительныя мѣры къ обузданію курдовъ.

Въ половинѣ августа, какъ только изъ Грузіи пришелъ одинъ изъ маршевыхъ баталіоновъ, а вслѣдъ за нимъ и Крымскій пѣхотный полкъ, экспедиція въ Кыгинскій санджакъ была рѣшена, и войска, подъ общею командою генерала Сергѣева, выступили 21-го августа двумя колоннами: лѣвая, самого Сергѣева, шла отъ Кюлли, правая, полковника Миклашевскаго—отъ Эрзерума. Въ деревнѣ Бармаксизѣ, почти у подошвы снѣгового Кошмуръ-дагскаго хребта, оба отряда должны были соединиться и дѣйствовать дальше одною общею колонною. Мѣстность, по которой приходилось итти, была въ полномъ смыслѣ слова пустынною. Все населеніе этого края, напуганное разбоями курдовъ, бѣжало, и въ покинутыхъ деревняхъ не было ни души. Полное безлюдье не позволяло ничего разузнать о курдахъ, и наши отряды шли, такъ сказать, ощупью, не зная что ожидаетъ ихъ впереди, даже на слѣдующемъ переходѣ. 24-го числа, когда колонна Миклашевскаго подходила къ д. Чогондуръ, казаки замѣтили какіе-то слѣды и дали знать, что не-вдалекѣ, по направленію къ Кошмуръ-дагскимъ горамъ, прошла небольшая партія, возвращавшаяся, какъ видно, изъ набѣга съ большою добычею. Миклашевскій тотчасъ-же отправилъ въ ту сторону сотню донцовъ и роту пѣхоты съ подполковникомъ Басовымъ. Отрядъ двинулся быстро и накрылъ партію, отдыхавшую въ дер. Чогондуры безъ всякой осторожности. Изъ ста человѣкъ курдовъ половина легла подъ казацкими дротиками, часть перестрѣляла пѣхота, а остальные, успѣвшіе спастись, разнесли тревогу по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ. И вотъ, на слѣдующій же день, когда отряды соединились въ Бармаксизѣ, передъ ними явился сильный непріятельскій разѣздъ, видимо старавшійся высмотрѣть силы

¹⁾ Кыгинскій санджакъ съ главнымъ городомъ Кыги—граничитъ съ Дерсимомъ.

²⁾ Главный городъ санджака Терджанъ—гор. Мамахатунт.

отряда. Курды подошли такъ близко, что сдвинули даже наши пикеты, и на помощь къ нимъ Сергѣевъ повелъ сотню своего полка и весь казачій полкъ Басова. На глазахъ отряда произошла лихая кавалерійская стычка. Обѣ стороны, почти равныя силами, одинаково одушевленные, разомъ понеслись навстрѣчу другъ другу, столкнулись, и черезъ минуту курды уже скакали назадъ, оставивъ въ рукахъ казаковъ четырехъ плѣнныхъ.

Тревога по всѣмъ предгорьямъ, гдѣ только были куртинскія кочевья, поднялась сильная. Все, что оставалось въ нихъ безпомощнаго: старики, женщины, дѣти—все кинулось спасаться за недоступный Кошмуръ-дагскій хребетъ; а изъ за этого хребта въ то же самое время стремились сюда вооруженныя партіи, спѣшившія занять всѣ горные проходы и даже тропы, по которымъ можно было подняться. Отрядъ, между тѣмъ, быстро подвигаясь впередъ, захватывалъ стада, жегъ брошенныя кочевки, вытапывалъ поля. 27-го августа войска остановились наконецъ у самого подножья Кошмуръ - дага, за которымъ лежалъ уже Мосульскій или Мейданскій пашалыкъ. 600 человекъ куртинской конницы и часть пѣхоты, при которой находился кыгинскій бекъ, заслоняли горный проходъ и открыть дорогу надлежало оружіемъ. Сергѣевъ тотчасъ двинулъ впередъ кавалерію. Казачій полкъ Басова понесся слѣва, Сергѣева—справа, и курды, стиснутые съ двухъ сторонъ казацкою лавою, обратились въ бѣгство. Стычка продолжалась лишь нѣсколько минутъ, но изъ числа казаковъ 15 были изрублены, а курды оставили на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ и 30 плѣнныхъ.

По слѣдамъ бѣжавшихъ, отрядъ тронулся дальше. Передъ нимъ высокою стѣною вставалъ, увѣнчанный снѣгами Кошмуръ-дагъ, и чѣмъ выше поднимались на него войска, тѣмъ недоступнѣе становились горы, и скоро измученный отрядъ остановился передъ отвѣсными скалами. Сергѣевъ пришелъ къ убѣжденію, что подняться съ артиллеріей на эти страшныя кручи и перейти снѣговыя вершины хребта—невозможно. Уже войска готовились къ отступленію, какъ на горахъ появилась какая то партія съ большимъ бѣлымъ значкомъ впереди. Посланные навстрѣчу къ ней казаки

дали знать, что это ѣдетъ депутація отъ куртинскихъ племенъ, обитавшихъ въ Мосульскомъ пашалыкѣ. Сергѣевъ принялъ ее на бивакѣ. Курды просили пощады, обѣщая прекратить набѣги и даже прибыть въ Эрзерумъ для принесенія присяги. «Единственно изъ уваженія къ вашей покорности я останавливаю войска, — отвѣчалъ имъ Сергѣевъ, — но помните, что русскіе были на Кошмуръ-дагѣ и если придутъ опять, то уже затѣмъ, чтобы истребить ваши дома и семьи». Курды дали аманатовъ, и отрядъ, принявъ подъ свою защиту нѣсколько христіанскихъ семействъ, желавшихъ удалиться изъ мѣстъ, подверженныхъ набѣгамъ, возвратился назадъ къ Бармаксизу. Такъ неожиданно счастливо закончилась для насъ эта экспедиція. Войска, отдохнувъ въ Бармаксизѣ, повернули въ Терджанъ; но на пути Сергѣевъ встрѣтилъ правителя этого санджака съ эфендіями и старшинами, которые, какъ представители законной власти, объявили, что старый бунтующій бекъ бѣжалъ, и въ народѣ водворилось спокойствіе. Они просили Сергѣева остановить войска и не подвергать разгрому обманутый народъ, обѣщая поставить все количество реквизиціоннаго хлѣба, который съ нихъ слѣдовалъ. Генераль Сергѣевъ отмѣнилъ экспедицію и направился къ Эрзеруму. Но едва отрядъ сдѣлалъ два три перехода, какъ курды напали по близости на греческое селеніе. Два казачьи полка тотчасъ-же поскакали на помощь и случайно выѣхали какъ разъ на перерѣзъ возвращавшейся партіи. Къ счастью курдовъ, гористая мѣстность, мало знакомая казакамъ, покровительствовала ихъ бѣгству и спасла отъ истребленія, но плѣнные и добыча были отъ нихъ отбиты.

На слѣдующій день едва отрядъ миновалъ д. Чогондуры, какъ двѣсти курдовъ опять налетѣли на обозъ переселенцевъ, слѣдовавшій за отрядомъ.

Ударить, схватить, что можно и ускакать—было дѣломъ одного мгновенія. Дерзость ихъ была изумительная. Сергѣевъ пустилъ за ними оба казачьи полка. Курды на отличныхъ лошадяхъ летѣли, какъ вѣтеръ; но казаки на этотъ разъ не отставали. Въ бѣшенной погонѣ, разгоряченные скачкой, казаки неслись все дальше и дальше, не обращая вниманія на то, что пѣхота давно уже

скрылась у нихъ изъ виду. Скоро начались горы, балки, овраги, и казаки внезапно были окружены сильною партіею. Охваченные со всѣхъ сторонъ, они не устояли, были опрокинуты и жестоко преслѣдуемы курдами. Одинъ офицеръ, урядникъ и 10 казаковъ были убиты. На плечахъ опрокинутой конницы, курды налетѣли на нашу пѣхоту, но, встрѣченные залпомъ въ упоръ, остановились. Тогда казаки въ свою очередь опять наскочили на курдовъ и гнали ихъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Послѣ этого дѣла, казалось, что можно бы было рассчитывать, по крайней мѣрѣ, на относительное спокойствіе; но едва Сергѣевъ вернулся въ Эрзерумъ— курды уже стояли передъ Кюлли и Хнысомъ.

Сводный баталіонъ изъ ротъ 41-го Егерскаго и Кабардинскаго полковъ при двухъ орудіяхъ, расположенный въ Кюлли, подъ командою майора Демьяненкова, сдѣлалъ смѣлую вылазку и разбилъ непріятеля наголову. Удачное дѣло это не стоило бы намъ ни одного человѣка, если бы сотникъ Князевъ не повторилъ ошибки Сергѣева: въ горячей погонѣ онъ попалъ на засаду, потерялъ нѣсколько человѣкъ убитыми и на своихъ плечахъ опять принесть непріятеля къ лагерю.

Два наѣздника, не успѣвшіе во время сдержать лошадей, провалились черезъ цѣпь и доскакали до самыхъ орудій. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой захваченъ въ плѣнъ. Отъ него узнали, что партіею предводительствовалъ братъ мушскаго паши Хуршидъбекъ, а что самъ паша съ значительными силами стоитъ противъ Хныса, гдѣ русскихъ войскъ не было; но жители заперлись въ замкѣ и на требованіе сдачи, отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Паша блокировалъ замокъ нѣсколько дней, но, узнавъ о пораженіи Хуршидъ-бека, снялъ блокаду и отошелъ назадъ.¹⁾

Такимъ образомъ экспедиція генерала Панкратьева вовсе не оправдала тѣхъ громкихъ надеждъ, которыя на нее возлагались: курды безчинствовали попрежнему.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Паскевичъ вернулся изъ своего трапезондскаго похода. Послѣднія событія окон-

---

¹⁾ О борьбѣ въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ съ курдами — Журналы военныхъ дѣйствій графа Паскевича за іюнь, іюль и августъ.

чительно выяснили ему наши отношенія къ курдамъ, такъ какъ въ измѣнѣ мушскаго паши не оставалось уже болѣе никакого сомнѣнія, то графъ Паскевичъ рѣшилъ изгнать Эминъ-пашу и на его мѣсто въ званіе паши возвести Ибрагимъ-бека, все еще проживавшаго при главной квартирѣ. Съ этого момента дальнѣйшія дѣйствія противъ курдовъ происходятъ уже въ предѣлахъ Мушскаго пашалыка и находятся въ тѣсной связи со всѣми операціями лѣваго фланга. Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ событіямъ, необходимо указать на событія, происходившія въ Баязетѣ со времени открытія кампаніи 1829 года.

Глава XX.

Дѣйствія на лѣвомъ флангѣ.—Положеніе Баязетскаго пашалыка при началѣ кампаніи 1829 года.—Генералы Поповъ и Панютинъ.—Намѣреніе Ванскаго паши овладѣть Баязетомъ въ іюнѣ 1829 года. Начало осады.—Крѣпость и ея оборонительныя средства.—Двухъ-дневный кровопролитный штурмъ. Продолженіе блокады.—Отчаянное положеніе гарнизона Паскевичъ и его распоряженія.—Внезапное отступленіе турокъ отъ Баязета.—Вторичная осада въ августъ мѣсяцѣ.—Новый начальникъ баязетскаго отряда генераль Реутъ.—Движеніе его отъ Эрзерума къ Баязету. Выручка крѣпости.—Экспедиція въ Мушъ и покореніе мушскаго пашалыка.—Послѣдняя стычка на р. Мурагъ

Въ Баязетскомъ пашалыкѣ зима съ 1828 на 1829 годъ прошла совершенно спокойно. Энергичныя дѣйствія князя Чавчавадзе осенью 1828 года сохранили намъ весь Баязетскій пашалыкъ и дали возможность пользоваться средствами богатой Алашкертской долины. Непріятель насъ не тревожилъ. Войска отдыхали и готовились съ раннею весною къ далекому походу, такъ какъ Паскевичъ по общему плану кампаніи предполагалъ итти на Эрзерумъ съ двухъ сторонъ—отъ Карса и Баязета. Но обстоятельства скоро измѣнились. Внезапное наступленіе турокъ, открывшихъ военныя дѣйствія противъ Ахалцыха среди глубокой зимы, волненіе, начавшееся въ Гуріи и, наконецъ, политическія осложненія съ Персіей нарушили всѣ расчеты графа Паскевича. Явилась необходимость усилить дѣйствующій корпусъ, и войска баязетскаго отряда—Кабардинскій и Севастопольскій полки, казачій полкъ Басова и 10 орудій—подъ личною командою генерала Панкратова, были передвинуты къ Карсу.

Такимъ образомъ, во всемъ Баязетскомъ пашалыкѣ оставалось только три съ половиною баталіона пѣхоты, казачій полкъ Шамшева и 12 орудій; изъ нихъ Нашебургскій полкъ и баталіонъ коз-

ловцевъ составляли гарнизонъ Баязета; двѣ роты Козловскаго полка были расположены въ Топрахъ-кале, сборная команда изъ пѣхоты и казаковъ въ Діадинѣ.¹⁾ Непрístupное положеніе послѣднихъ двухъ пунктовъ, имѣвшихъ крѣпкія цитадели, не требовало сильнѣйшихъ гарнизоновъ; но для защиты Баязета, гдѣ за неимѣніемъ крѣпости приходилось оборонять обширную городскую черту, не менѣе пяти верстъ въ окружности, трехъ баталіоновъ было недостаточно. На этомъ основаніи графъ Паскевичъ еще передъ выступленіемъ генерала Панкратьева считалъ необходимымъ взорвать укрѣпленные замки въ Топрахъ-кале и Діадинѣ, чтобы имѣть войска сосредоточенными на одномъ главномъ пунктѣ; однако, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, мѣра эта оказалась неудобною и замѣнъ того баязетскій гарнизонъ былъ усиленъ вновь сформированнымъ армянскимъ баталіономъ изъ туземныхъ жителей. Была также попытка сформировать конный полкъ изъ баязетскихъ курдовъ; но отъ этой мѣры пришлось отказаться, хотя сами курдскіе старшины, повидимому, готовы были помогать русскимъ въ сборѣ людей самымъ искреннимъ образомъ. «Богомъ клянусь вамъ,—наивно писалъ одинъ изъ нихъ генералу Панкратьеву,—что буду очень радъ, когда вы возьмете ихъ съ собою въ походъ, потому что они безчинствуютъ и никого не слушаютъ.» Но конница изъ такихъ непослушныхъ людей, конечно, могла принести болѣе вреда, нежели пользы, и Панкратьевъ отъ нея отказался.

За отъѣздомъ генерала Панкратьева начальство надъ войсками Баязетскаго пашалыка принялъ генералъ-маіоръ Поповъ—офицеръ замѣчательной храбрости и энергіи. Сынъ памятнаго въ русской исторіи Василія Семеновича Попова, бывшаго любимымъ секретаремъ Екатерины Великой, онъ началъ службу въ гвардейской артиллеріи, участвовалъ во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ, потомъ былъ на Кавказѣ адъютантомъ Ермолова и, наконецъ, получилъ въ командованіе, на 26-мъ году отъ роду, Херсонскій гренадерскій полкъ. Съ нимъ онъ заслужилъ подъ Ахалцыхомъ георгіев-

¹⁾ Матеріаломъ для описанія блокады Баязета служилъ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло № 5 и военный журналъ за іюнь мѣсяца.

скій крестъ и золотую, украшенную брилліантами, саблю и затѣмъ съ производствомъ въ генералы назначенъ былъ командиромъ первой бригады 20-й пѣхотной дивизіи. Человѣкъ молодой, съ значительнымъ состояніемъ, любившій пожить на широкую ногу, онъ съ нѣкоторою безпечною характера соединялъ истинныя военныя дарованія и, главное, имѣлъ способность не терять головы ни при какихъ серьезныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ. Такой именно человѣкъ и нуженъ былъ тогда въ Баязетѣ.

Нѣкоторую противоположность съ нимъ по характеру составлялъ его помощникъ, командиръ 2-й бригады той же дивизіи генералъ-маіоръ Панютинъ, только что переведенный на Кавказъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Это былъ человѣкъ тихій, скромнаго образа жизни, вездѣ вносившій съ собою тѣ гуманныя идеи, которыя отличали офицеровъ стараго Семеновскаго полка, гдѣ Панютинъ служилъ 11 лѣтъ, вплоть до извѣстной катастрофы, постигшей этотъ славный полкъ въ командованіе Шварца. Новое лицо въ своеобразной обстановкѣ Кавказской войны, Панютинъ не былъ новичкомъ военнаго дѣла, участвуя съ Семеновскимъ полкомъ во всѣхъ сраженіяхъ отъ Бородина до самого Парижа. Съ этими боевыми задатками, при извѣстной долѣ гуманности и любви къ солдату, которыя исключали въ немъ возможность сухого служебнаго педантизма, явился онъ на Кавказъ, и ему не трудно было стать сразу старымъ кавказцемъ по духу. Онъ, какъ увидимъ, и сдѣлался вмѣстѣ съ Поповымъ душою баязетской обороны.

Нетрудно было угадать, что сераскиръ воспользуется первой благопріятною минутой, чтобы угрожать Баязету и тѣмъ отвлечь въ ту сторону часть главныхъ русскихъ силъ, обезпечивъ себѣ такимъ образомъ успѣхъ своихъ предпріятій въ центрѣ. Все это и было возложено имъ на Ванскаго пашу, который еще до наступленія весны сталъ собирать значительныя силы. Поповъ просилъ разрѣшеніе сдѣлать движеніе къ Вану, чтобы выяснить положеніе дѣлъ и затѣмъ дѣйствовать уже смотря по обстоятельствамъ. Графъ Паскевичъ такого разрѣшенія не далъ, но предоставилъ генералу Попову войти въ секретное сношеніе съ сыномъ паши Дефтердеръ-бекомъ, который съ давнихъ поръ нахо-

дился во враждѣ съ отцомъ и обѣщать ему Ванскій пашалыкъ и даже вооруженную помощь, если онъ только согласится на подданство Россіи. Но пока разыскивали этого Дефтердеръ-бека пришло извѣстіе, что изъ Вана выступилъ уже къ Баязету сильный отрядъ, въ числѣ 15-ти тысячъ курдовъ и турокъ съ 12-ю орудіями.

Пришлось готовиться къ оборонѣ. Между тѣмъ поднялись и алашкертскіе курды. 6-го іюня толпы ихъ прошли мимо Топрахъ-кале и мимосходомъ сдѣлали нападеніе на его форштадтъ, лежавшій внизу подъ самою крѣпостью. Комендантъ встрѣтилъ непріятеля пушечнымъ огнемъ и сдѣлалъ вылазку съ частью гарнизона. Непріятель былъ выбитъ изъ форштадта, но все-таки успѣлъ разграбить нѣсколько домовъ, отхватилъ стада, ходившія на пастъбѣ, и увелъ съ собою въ плѣнъ до 70 армянъ. Удовольствовавшись этою добычей, курды оставили въ покоѣ крѣпостцу, которая по малочисленности своего гарнизона не могла внушать имъ серьезныхъ опасеній и мимо нее потянулись къ Баязету.

Первое извѣстіе о появленіи непріятеля Поповъ получилъ 17-го іюня, когда ванскій паша, приблизившись по эрзерумской дорогѣ, остановился лагеремъ верстахъ въ 20-ти отъ города у д. Кизигель. На другой день конница его, поднявшись на горы, появилась въ виду Баязета. Высланный на встрѣчу казачій полкъ заставилъ ее отступить, но попытка казаковъ самимъ осмотрѣть турецкій лагерь не удалась. Сильная конница заставила ихъ отойти назадъ, и курды по ихъ слѣдамъ заняли тѣ мѣста, на которыхъ передъ тѣмъ стояли русскіе аванпосты.

Хотя въ распоряженіи Попова было только 1480 штыковъ, но укрѣпленія Баязета могли устоять противъ значительныхъ силъ даже и съ небольшимъ гарнизономъ. Уже два замка баязетскихъ пашей представляли собою такіе два укрѣпленные пункта, которые взять открытою эскалодою было почти невозможно.

Старый замокъ стоитъ на громадной высотѣ. Прикрѣпленный, какъ гнѣздо ласточки, къ отвѣсной скалѣ, возвышавшейся въ восточной части города, онъ расположенъ тремя террасами. На первомъ уступѣ, за шести-саженными кирпичными стѣнами, сто-

ить большая каменная мечеть съ красивымъ минаретомъ, а правѣ ея—обширныя надворныя строенія, на плоскихъ кровляхъ которыхъ помѣщались четыре мѣдныхъ пушки; онѣ защищали городъ, но въ то же время и грозили ему истребленіемъ въ случаѣ какогонибудь возмущенія. Семисаженныя стѣны второго уступа сложены изъ тесанныхъ плитъ, и за этими то гигантскими твердынями возвышался дворецъ баязетскихъ пашей, окруженный затѣйливыми постройками. Здѣсь также стояли два большія орудія, оборонявшія самый входъ въ замокъ. Стѣны третьяго уступа—еще грознѣе, еще выше,—но за тѣми стѣнами уже не было пушекъ;—тамъ помѣщался нѣкогда гаремъ паши, и на голыхъ скалахъ разведены были роскошныя цвѣтники, стоившіе громадныхъ трудовъ и денегъ. Въ военномъ отношеніи эта красивая терраса могла служить послѣднимъ редюитомъ и взобраться на этотъ уступъ было дѣломъ не легкимъ.

Новый замокъ, высѣченный изъ бѣлаго камня и носившій уже печать европейской архитектуры, расположенъ гораздо ниже стараго и былъ необитаемъ. Начатый постройкою лѣтъ за сорокъ передъ тѣмъ, еще дѣдомъ тогдашняго Белюль-паши, онъ былъ не доконченъ и заброшенъ послѣднимъ владѣльцемъ, который, по какому-то странному суевѣрію, не захотѣлъ переселяться изъ стараго замка. Тѣмъ не менѣе, новый замокъ могъ постоять за себя, даже и въ этомъ недостроенномъ видѣ. Наконецъ, въ самомъ городѣ со сторны макинской и эзерумской дорогъ, откуда ожидался непріятель, устроены были три батареи: Красная, Новая и Восточная, изъ которыхъ послѣдняя играла особо важную роль въ городской оборонѣ. Но если укрѣпленія Баязета и представляли врагамъ не легко одолимыя преграды, то оборона самого города съ его обширными предмѣстьями ставила малочисленный гарнизонъ въ весьма опасное положеніе. Городъ имѣлъ въ окружности до пяти верстъ и на все это пространство нужны были войска. Тѣмъ не менѣе, Поповъ дѣятельно принялся за организацію защиты. Вся оборонительная линія была раздѣлена имъ на участки, занятыя небольшими командами пѣхоты и армянской милиціей, а казачій полкъ, поставленный внутри караванъ-сарая, составилъ общій резервъ.

Обороною города со стороны эриванской дороги завѣдывалъ самъ Поповъ, а со стороны макинской—генералъ Панютинъ.

20-го іюня, въ 5 часовъ утра, непріятель двинулся къ городу. Передовые русскіе посты со стороны Макинской дороги были тотчасъ сбиты. Поповъ отправилъ туда на подкрѣпленіе весь казачій Шамшева полкъ. Завязалось жаркое дѣло. Шамшевъ пять часовъ задерживалъ непріятеля, оспаривая у него каждый шагъ. Но наконецъ вынужденъ былъ отступить. Чтобы дать ему возможность выйти изъ подъ ударовъ многочисленной конницы, пришлось выслать изъ крѣпости навстрѣчу къ нему двѣ роты пѣхоты. Тогда, оставивъ казаковъ, Ванскій паша перевелъ большую часть своихъ силъ на эриванскую дорогу, чтобы ввести въ заблужденіе русскихъ относительно настоящаго пункта атаки. Къ счастью, демонстрація эта не обманула Попова, и оборона Макинской дороги не была ослаблена. Во второмъ часу пополудни непріятель дѣйствительно выставилъ всю артиллерію противъ Восточной батареи, и двинулся на приступъ. Впереди шла конница, выносившая на себѣ весь огонь русской артиллеріи, а подъ ея заслономъ— пѣхота пробиралась оврагами и косогорами, почти не неся никакой потери. Такъ достигла она окраины мусульманскаго квартала и вдругъ, бросившись съ оглушительнымъ крикомъ на Восточную батарею, сразу овладѣла ея кронированнымъ зданіемъ. Армяне, защищавшіе его, въ безпорядкѣ отступили въ городъ; жители мусульманскаго квартала при первомъ успѣхѣ турокъ, тотчасъ перешли на ихъ сторону и открыли изъ домовъ ружейный огонь въ тылъ войскамъ, занимавшимъ Восточную батарею. Генералъ Панютинъ и командиръ Нашебургскаго полка полковникъ Боровскій скоро были ранены и отнесены на перевязочный пунктъ. Войска на батарее остались безъ начальниковъ. Молодые артиллерійскіе офицеры Опочининъ¹⁾, Радуккій и Селивановъ почти въ упоръ осыпали непріятеля картечью,—но все было напрасно: турки валили впередъ и скоро заняли всю батарею. Изъ 250 защитниковъ ея осталось не ранеными только 60 человекъ и съ ними

¹⁾ Алексѣй Петровичъ, впоследствии извѣстный Кавказскій генералъ.

одинъ офицеръ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады подпоручикъ Селивановъ—совсѣмъ еще юноша, впервые въ этотъ день участвовавшій въ битвѣ; скоро и онъ былъ раненъ пулею въ ногу, но, опираясь на банникъ, продолжалъ переходить отъ орудія къ орудію, и самъ, заряжая ихъ, стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока вторая пуля, раздробивъ плечо, не повергла его на землю. Отступавшіе артиллеристы кинулись было поднять раненаго офицера, но Селивановъ не допустилъ ихъ. «Прочь! крикнулъ онъ,—къ орудіямъ! защищайте не меня, а батарею!» Артиллеристы бросились въ рукопашную свалку; градъ пуль осыпалъ мѣсто, гдѣ лежалъ Селивановъ, и третья пуля поразила его въ сердце¹⁾. Теперь никакія отдѣльныя усилія не могли уже остановить торжествующихъ турокъ. Непріятель твердою ногою сталъ на батарею и не только убитые, но и раненые были имъ обезглавлены.

Въ это самое время Панютинъ, окончивъ перевязку, приказалъ нести себя на батарею; за нимъ двинулась первая гренадерская рота Нашебургскаго полка. Солдаты, предшествуемые носилками, на которыхъ несли въ бой израненаго генерала, шли молча, ускореннымъ шагомъ. Пропустивъ мимо себя отступавшихъ, гренадеры кинулись въ штыки и съ одного удара отбили орудія; но удержать ихъ за собою они не могли. Новый, сильнѣйшій натискъ опрокинулъ ихъ самихъ—и пушки остались за непріателемъ. Черезъ четверть часа сборная команда въ числѣ ста человѣкъ, подъ командой артиллерійскаго офицера штабсъ-капитана Трубникова, возобновила нападеніе. Батарея снова перешла въ русскія руки,—и опять торжество русскихъ было кратковременное. Большая половина людей была перебита вновь нахлынувшими толпами турокъ; самъ Трубниковъ получилъ тяжелую рану въ грудь, но, наскоро перевязавъ ее, остался во фронтѣ и отдалъ назадъ батарею только тогда, когда защищать ее уже было некому. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъ часовъ жестокой битвы, Восточная батарея пять разъ переходила изъ рукъ въ руки и съ наступленіемъ вечера осталась за турками; четыре орудія, стоявшія на ней, достались непріятелю.

¹⁾ Тифлисскія вѣдомости 1829 г. № 35.

Пока бой шелъ на батареѣ, Поповъ съ главными силами отстаивалъ городъ. Съ двухъ часовъ пополудни до самой ночи, и даже ночью, битва продолжалась въ улицахъ Баязета. Полковникъ Поярковъ, смѣнившій раненаго Боровскаго въ командованіи полкомъ, не выпускалъ непріятеля изъ татарскаго квартала; Шамшевъ отстаивалъ высоты у Красной батареи; оба они были ранены, и оба до конца не покидали фронта. Армяне, отступившіе подъ первымъ натискомъ турокъ, теперь, по свидѣтельству Попова, дрались отчаянно, и ихъ начальники почти всѣ были перебиты. Но какъ ни дружны были эти усилія вытѣснить непріятеля изъ татарскаго квартала и отстоять высоту передъ Красною батареею русскіе не могли, и послѣ полуночи турки фактически владѣли уже почти половиною города.

Положеніе защитниковъ Баязета было изъ тѣхъ, гдѣ, при всей непоколебимой твердости войскъ и начальниковъ, спасеніе зависитъ только отъ неисповѣдимыхъ судебъ Провидѣнія. Важнѣйшіе пункты городской обороны были уже въ рукахъ непріятеля—и надо думать, что городъ былъ бы взятъ въ ту же ночь, если бы только ванскій паша съ тою же энергіею продолжалъ наступленіе. Но турки остановились и дали нашимъ войскамъ возможность оправиться.

Ночью Поповъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ: быть или не быть Баязету. На совѣтъ этомъ присутствовали: генералъ Панютинъ, полковники Боровскій, Шамшевъ и маіоръ Кутлянский; остальные штабъ-офицеры гарнизона или оставались при войскахъ, или были настолько тяжело ранены, что не могли явиться. Панютинъ первый сталъ говорить о необходимости дальнѣйшей отчаянной защиты, указывая на то, что какъ ни ужасно было положеніе гарнизона, но отступление можетъ повести за собою послѣдствія еще болѣе ужасныя. Рѣшено было не употреблять новыхъ усилій для овладѣнія Восточною батареею, снять всѣ орудія со стороны эриванской дороги и отстаивать только четыре пункта: Красную и Новую батареи, да высоты, служившія подножіемъ новому и старому замкамъ.

Едва войска размѣстились на названныхъ пунктахъ, какъ непріятель съ разсвѣтомъ 21-го числа уже повелъ атаку на Крас-

ную батарею. Тамъ стояли двѣ роты Нашебургскаго полка, подъ командою храбраго капитана Полтинина, которыя не только отразили нападеніе, но сами кинулись въ штыки и разомъ заняли лежавшую впереди высоту, наканунѣ оставленную Шамшевымъ. Сюда тотчасъ пріѣхалъ Поповъ, и туда же принесли къ войскамъ на носилкахъ раненаго Панютина. Турки между тѣмъ повели атаку уже на новый замокъ, но и здѣсь, какъ и у Красной башни, нападеніе было отбито. Тогда шесть русскихъ орудій сосредоточили свой огонь на татарскомъ кварталѣ, гдѣ стояли главныя силы непріятеля. Скоро большинство домовъ уже лежало въ развалинахъ, и непріятель мало по малу сталъ выбираться изъ предмѣстья, стараясь укрыться отъ огня въ сосѣднихъ блокгаузахъ и башняхъ. Пользуясь такимъ благопріятнымъ моментомъ и общимъ одушевленіемъ гарнизона, Поповъ рѣшился самъ перейти въ наступленіе. Армяне направлены были въ мусульманскій кварталъ, чтобы окончательно очистить его отъ турокъ, а стрѣлки Нашебургскаго полка съ капитаномъ Полтининымъ, поддержанные двумя козловскими ротами, подъ общимъ начальствомъ полковника Боровскаго, пошли на штурмъ Восточной батареи. Бой былъ жестокой; но нашебургцы и козловцы, соревнуя другъ передъ другомъ, отняли батарею у турокъ и возвратили назадъ четыре потерянные орудія. Новая попытка непріятеля овладѣть этимъ важнымъ пунктомъ отражена была блистательно, и батарея окончательно осталась за нами. Въ татарскомъ кварталѣ битва была еще гибельнѣе для непріятеля. Армяне, озлобленные тѣмъ, что нѣсколько семействъ ихъ, жившихъ въ этой части города, были замучены баязетскими турками, не давали пощады никому,— ни дѣтямъ, ни женщинамъ. Болѣе тысячи труповъ, говоритъ очевидецъ, свидѣтельствовали о произведенной здѣсь дикой расправѣ съ измѣнниками.

Въ половинѣ перваго часа турки, сбитые на всѣхъ пунктахъ, отступили отъ Баязета и остановились на горахъ, верстахъ въ девяти отъ города. Ихъ не преслѣдовали. Съ одной стороны, Поповъ опасался, что турки, выманивъ русскихъ изъ укрѣпленій, атакуютъ ихъ въ полѣ, гдѣ все преимущество было бы на сторонѣ

непріятеля, а съ другой—трудно было рисковать преслѣдованіемъ, когда почти третья часть гарнизона выбыла изъ строя, а остальные были до нельзя изнурены боемъ, происходившимъ 32 часа къ ряду. Общая потеря русскихъ въ эти кровавые дни состояла изъ одного генерала, 25 офицеровъ и 396 нижнихъ чиновъ, слѣдовательно болѣе четвертой части отряда ¹⁾).

Объ упорствѣ этого боя можно судить уже по одному числу выпущенныхъ нами ружейныхъ патроновъ и артиллерійскихъ снарядовъ; въ два дня израсходовано первыхъ 120 тысячъ, а вторыхъ 1430. Принимая въ соображеніе малочисленность гарнизона, кремневые ружья и число орудій—всего 12, выходитъ, что каждое ружье сдѣлало до ста, а каждое орудіе до 120 выстрѣловъ,—случай едва ли не единственный въ тогдашнихъ полевыхъ сраженіяхъ.

Отбитіемъ приступа далеко, однако, не кончилась опасность, угрожавшая Баязету. Ванскій паша стоялъ въ виду города, поджидая подкрѣплений, а въ Баязетѣ между тѣмъ среди жителей начиналъ уже свирѣпствовать голодъ. Непріятель угналъ весь скотъ, находившійся въ полѣ, а оставшійся въ городѣ падалъ отъ безкормицы. Армяне и татары являлись къ Попову, прося дневного пропитанія, и имъ раздавали провіантъ изъ казенныхъ магазиновъ, такъ какъ запасовъ у нихъ никакихъ не имѣлось, а поля были вытоптаны куртинскими конями. Почти каждый день приходилось высылать казачій полкъ противъ непріятеля, который одновременно показывался съ разныхъ сторонъ; но для предохраненія жителей отъ новыхъ потерь и этой мѣры оказывалось часто недостаточно. Такъ, напримѣръ, однажды едва казаки вернулись съ тревоги, какъ курды повторили набѣгъ и отхватили весь житейскій скотъ, выпущенный въ поле; 16 армянъ, караулившихъ его, были взяты въ плѣнъ, и на слѣдующій день тѣла ихъ найдены съ отрубленными головами.

«Пока непріятельскій лагерь такъ близко,—писалъ Поповъ въ своемъ донесеніи,—мы можемъ много потерпѣть, ибо если пробудемъ еще двѣ три недѣли въ такомъ положеніи, то жители по-

---

¹⁾ Гизетти. Сборникъ о потеряхъ Кавказскихъ войскъ. Изданіе Воен.-Истр. Отдѣла.

гибнуть отъ голода, и та же участь непременно постигнетъ нашихъ лошадей и быковъ артиллерійскаго парка». Онъ просилъ патроновъ, войскъ и жаловался на крайній недостатокъ офицеровъ. «Снарядовъ,—писалъ онъ Паскевичу,—еще достаточно для двухъ непріятельскихъ штурмовъ, но патроновъ едва ли достанетъ для одного... Въ Козловскомъ полку офицеровъ весьма недостаточно, и нѣтъ ни одного штабъ-офицера; молодые прапорщики командуютъ ротами и за полкомъ смотрѣтъ некому... Чума продолжается; скученность войскъ усиливаетъ болѣзнь и можно опасаться дурныхъ послѣдствій. Если-бы немного подкрѣпленія, то можно-бы было прогнать непріятели изъ его лагеря и освободиться отъ этой тяжелой блокады».

Такъ проходили дни за днями, не принося никакой перемѣны въ положеніи гарнизона. Наконецъ, въ исходѣ іюня къ Баязету неожиданно подошли 300 рекрутъ, высланныхъ изъ Тифлиса, и вмѣстѣ съ ними рота Козловскаго пѣхотнаго полка. Они остановились въ дер. Кара-булахъ недалеко отъ города. Ванскій паша, узнавъ объ этомъ тотчасъ выслалъ всю свою конницу отрѣзать имъ дорогу къ Баязету. Поповъ съ своей стороны отправилъ на встрѣчу къ рекрутамъ три роты пѣхоты и три сотни казаковъ съ однимъ орудіемъ, подъ начальствомъ полковника. Противники однако не встрѣтились. Турки не успѣли отрѣзать сообщенія ихъ съ городомъ, и рекруты благополучно вступили въ Баязетъ. Слабая помощь эта, при столь тяжеломъ положеніи, казалась защитникамъ города ниспосланною свыше; но зато одновременно съ этимъ, подкрѣпленія подошли и къ ванскому пашѣ, который стѣлъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Въ Баязетѣ со дня на день ожидали штурма, и гарнизону пришлось провести нѣсколько безсонныхъ ночей на батареяхъ, какъ вдругъ съ 3 го на 4-е іюня прискакалъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что турки бѣгутъ... «Не знаю причинъ, которыя побудили ихъ къ этому,—доносилъ Поповъ въ тотъ-же день Паскевичу,—но лагерь ихъ почти со всѣмъ имуществомъ брошенъ, и наши казаки уже заняли прежніе свои пикеты».

Отвѣтъ Паскевича не замедлилъ разъяснить въ чемъ дѣло. Главнокомандующій писалъ въ томъ смыслѣ, что лучшею и дѣйстви-

тельною помощью для Баязета должны были служить побѣды, одержанныя имъ въ Соганлугскихъ горахъ, паденіе Гасанъ-кала и взятіе Эрзерума. Первое извѣстіе объ опасномъ положеніи Баязета, графъ Паскевичъ получилъ еще въ Караурганъ, на третій день послѣ милидюзской побѣды. Прискакавшій изъ Баязета армянинъ, посланный оттуда въ первый день штурма, не скрылъ отъ графа Паскевича отчаяннаго положенія гарнизона и передалъ отъ имени Попова просьбу о помощи. Но почти 200 верстъ гористаго пространства отдѣляли тогда дѣйствующій корпусъ отъ Баязета, а другой помощи ему дать было не откуда. Правда, отрядъ князя Бековича, находившійся тогда въ Хоросанъ, могъ бы на третьи сутки поспѣть въ Топрахъ кале, но оттуда до Баязета оставалось еще 130 верстъ, и появленіе секурса въ такомъ далекомъ разстояніи врядъ ли облегчило бы положеніе атакованнаго города. А между тѣмъ съ удаленіемъ колонны князя Бековича съ главнаго театра войны—всѣ наши дѣйствія въ центрѣ были бы страшно ослаблены, и двѣ блестящія побѣды, одержанныя въ Соганлугскихъ горахъ, могли остаться безрезультатными. Съ другой стороны—паденіе Баязета неминуемо должно было отразиться на всѣхъ операціяхъ главнаго корпуса—и въ этомъ смыслѣ положеніе главнокомандующаго являлось крайне отвѣтственнымъ и затруднительнымъ. Баязетскія событія заставили графа Паскевича переживать тяжелыя минуты раздумья и колебанія. Но заслуга его въ томъ именно и заключается, что онъ не допустилъ частному военному обстоятельству увлечь себя въ такую минуту, когда разгромъ сараскира открывалъ передъ нимъ ворота Эрзерума. Вѣрный разначертанному плану, онъ не хотѣлъ измѣнить его исполненія ни при какихъ обстоятельствахъ, и эта настойчивость была совершенно оправдана позднѣйшими событіями. Успѣхи русскаго оружія въ центрѣ дѣйствительно освободили нашъ лѣвый флангъ отъ противника,—и въ Баязетѣ только тогда поняли и причину нерѣшительныхъ дѣйствій, и бѣгство Ванскаго паши почти въ тотъ самый день, когда къ нему подошли свѣжія силы. Слухъ объ участи, постигшей турецкую армію на Соганлугѣ, лишилъ ванскаго пашу необходимой энергіи въ первый день штурма, а затѣмъ па-

деніе Эрзерума, о которомъ въ непріятельскомъ станѣ естественно узнали гораздо позже, чѣмъ въ осажденномъ Баязетѣ, довершило остальное. Пашѣ приходилось теперь заботиться о защитѣ своихъ земель и о собственной своей безопасности,—и въ два дня Баязетскій пашалыкъ очистился отъ непріятели.

Поповъ доносилъ графу Паскевичу, что магометанское населеніе края теперь спокойно и, можетъ быть, осталось бы такимъ даже во время вторженія турокъ, если бы ванскій паша не имѣлъ опоры въ персидскихъ курдахъ и черезъ нихъ не повліялъ бы на тѣ племена, которыя кочевали въ нашихъ предѣлахъ. Дѣйствительно, однимъ изъ главныхъ возмутителей, собственно изъ баязетскихъ жителей, оказался куртинскій Ага-Сулейманъ, членъ областного баязетскаго правленія и человѣкъ, предназначавшійся графомъ Паскевичемъ къ командованію куртинскимъ полкомъ. Братъ этого Сулеймана, находившійся при ванскомъ пашѣ, заблаговременно былъ облеченъ уже въ званіе военнаго губернатора Баязетской провинціи, и его то вліяніе болѣе всего отразилось на нашихъ курдахъ, возставшихъ почти поголовно и потомъ бѣжавшихъ въ Турцію; подъ тѣмъ же вліяніемъ измѣнили намъ баязетскіе турки, и въ числѣ ихъ были даже родственники тѣхъ, которые, находясь при главной квартирѣ, пользовались особыми милостями графа Паскевича. «Армяне, по свидѣтельству Попова, вели себя хорошо; русскимъ преданы и повинуются начальству».

Политическая программа графа Паскевича по отношенію къ этому взволнованному краю выразилась въ слѣдующемъ лаконическомъ наставленіи, данномъ имъ генералу Попову. «Всѣхъ баязетскихъ турокъ, оказавшихся измѣнниками,—писалъ онъ арестуйте; старшинъ куртинскихъ не трогайте, чтобы не вооружить противъ насъ народа; армянамъ не вѣрьте—ихъ преданность можетъ быть происходитъ только отъ страха».

«Армяне, возразилъ на это генераль Поповъ, столько показали приверженности къ намъ въ опасное время, что я долгомъ поставлю себѣ ходатайствовать передъ Вашимъ Сіятельствомъ—они заслуживаютъ добраго о нихъ мнѣнія»... И генералу Попову удалось поколебать недовѣріе графа Паскевича по крайней мѣрѣ

настолько, что въ своихъ позднѣйшихъ инструкціяхъ онъ уже ничего не говоритъ объ армянахъ.

«Геройская оборона Баязета,—писалъ Паскевичъ государю,—являетъ новое доказательство боевыхъ заслугъ Кавказскаго корпуса. Въ эту достопамятную битву войска Вашего Величества показали непоколебимое мужество, и я не долженъ умолчать передъ Вами о славныхъ подвигахъ нашихъ офицеровъ въ минуты самыя критическія и трудныя. Особенному вниманію государя онъ поручалъ отличныя заслуги генераловъ Попова и Панютина, служившихъ душою геройской обороны. Государь обоимъ пожаловалъ ордена св. Георгія 3-го класса, а 4-ую степень того-же ордена получили полковники Баровскій и Шамшевъ, капитанъ Полтининъ и штабсъ-капитанъ Трубниковъ. Донскому полку Шамшева и пѣхотнымъ полкамъ Козловскому и Нашебургскому пожалованы были георгіевскія знамена съ надписью: За оборону крѣпости Баязета 20-го и 21-го Іюня 1829 года. ¹⁾

Дальнѣйшая судьба обоихъ Баязетскихъ защитниковъ была далеко неодинакова.

Поповъ, по окончаніи турецкой войны, вышелъ въ отставку, отказавшись отъ блестящей служебной карьеры, которая ему предстояла. Онъ даже не могъ воспользоваться милостями государя, который, желая удержать на службѣ „храбраго генерала“, предложилъ ему замѣнить отставку продолжительнымъ отпускомъ. Неудовольствіе съ Паскевичемъ, расшатанное здоровье и разстроенныя домашнія дѣла вынудили его поселиться отшельникомъ въ одномъ изъ своихъ крымскихъ имѣній и посвятить остатокъ жизни хозяйственнымъ заботамъ, чтобы спасти хотя часть изъ того огромнаго состоянія, которое принадлежало ему и пришло въ совершенный упадокъ во время его службы.

Боевой товарищъ Попова генералъ Панютинъ вернулся въ Россію и черезъ 20 лѣтъ является однимъ изъ выдающихся героевъ въ Венгерскую войну 1849 года. Со сводною пѣхотною ди-

---

¹⁾ Впослѣдствіи, по переформированіи Кавказскаго корпуса, георгіевскія знамена эти были переданы въ другія части и нынѣ составляютъ принадлежность Севастопольскаго, Крымскаго, Тенгинскаго и Ставропольскаго полковъ.

визією онъ спѣшно направляется въ Вѣну, спасаетъ разбитую австрійскую армію и останавливаетъ успѣхи венгерскаго оружія. Блестящія побѣды его слѣдуютъ одна за другою,— и Панютинъ кончаетъ кампанію въ званіи генераль-адъютанта и командира 2-го пѣхотнаго корпуса. Въ крымскую войну онъ уже начальствуетъ среднею армією, охранявшею спокойствіе юго-западнаго края, потомъ назначается варшавскимъ всеннымъ генераль-губернаторомъ и, наконецъ, членомъ государственнаго совѣта. Скончался онъ въ Вильнѣ 31-го мая 1865 года, 74-хъ лѣтъ отъ роду.

Съ удаленіемъ турецкихъ полчищъ опасность, грозившая Баязету, миновала только на время. Паша, скоро убѣдившись, что русскимъ войскамъ въ Эрзерумѣ и безъ него много дѣла, а баязетскій гарнизонъ остается все въ томъ же малочисленномъ составѣ, ослабленный еще потерями первой осады и свирѣпствовавшей въ городѣ чумою, вновь собралъ до 18-ти тысячъ и двинулся съ ними къ Баязету. Алашкертскіе курды опять поспѣшили къ нему на помощь, и 12-го іюля толпы ихъ появились уже подѣ Діадиномъ.

Нужно сказать, что во все время первой осады ни одинъ непріятельскій всадникъ не показывался въ виду этого укрѣпленія, и Діадинъ, уже привыкшій къ своей относительной безопасности, тѣмъ менѣе могъ ожидать нападенія теперь, когда не было никакихъ извѣстій о сборахъ непріятеля. 12-го іюля, какъ всегда, изъ крѣпости выслали на пастѣбу всѣхъ лошадей и отправили косцовъ, подѣ прикрытіемъ 48-ми человекъ съ прапорщикомъ Римомъ. Но не прошло и часа, какъ въ замокъ прискакало нѣсколько испуганныхъ армянъ съ извѣстіемъ, что по дорогѣ къ Баязету тянется громадная куртинская конница съ пушками. Риму тотчасъ послали приказаніе возвратиться назадъ; но онъ не успѣлъ отступить, какъ часть этой конницы уже обложила крѣпость, чтобы препятствовать вылазкѣ, а другая часть устремила на его команду. Табунъ, испуганный дикими криками и выстрѣлами, шархнулся въ сторону, и люди, скупивая лошадей, въ тоже время должны были отбиваться отъ курдовъ. Изъ крѣпости увидѣли опасное положеніе Рима, и поручикъ Лико съ 60-ю охотниками сдѣлалъ отчаянную вылазку. Ему удалось отогнать курдовъ

отъ стѣнъ и выручить Рима. Непріятель на этотъ разъ дрался не слишкомъ упорно и, удовольствовавшись небольшою добычей, отступилъ. Къ вечеру выяснилось, что это былъ одинъ изъ боковыхъ отрядовъ, а что главныя силы ванскаго паши прошли стороною и 18-го іюля уже стояли въ двухъ переходахъ отъ Баязета.

Городу на этотъ разъ угрожала опасность серьезная. «Положеніе Баязета—говоритъ Паскевичъ въ письмѣ къ государю отъ 3-го августа—становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Поповъ доноситъ мнѣ, что ванскій паша опять приблизился къ крѣпости и уже сдвинулъ наши передовые пикеты. Чума сильнѣе прежняго свирѣпствуетъ въ рядахъ гарнизона, стѣсненное положеніе котораго во время первой блокады было главною причиною распространенія этой страшной заразы. Теперь уже нѣтъ средствъ остановить ее, ибо нѣтъ возможности прервать сообщеніе между нижними чинами, безсмѣнно находящимися на крѣпостныхъ стѣнахъ въ ожиданіи приступа»... «Поповъ,—прибавляетъ Паскевичъ,—не надѣется защитить самый городъ и думаетъ оборонять только замки; но оставить городъ нельзя, ибо съ занятіемъ его турки отнимутъ у него воду».

Извѣстіе о новой блокадѣ Баязета совпало въ главной квартирѣ какъ разъ съ августовскими событіями, когда положеніе самаго Эрзерума казалось крайне тревожнымъ. Какъ ни велика была потребность въ войскахъ, однако на помощь къ лѣвому флангу пришлось, какъ было уже сказано, отправить весь Севастопольскій полкъ, Черноморскихъ казаковъ и 4 орудія. Съ этимъ отрядомъ выѣхалъ и новый начальникъ Баязетскаго пашалыка генералъ-маіоръ Реутъ, назначенный на мѣсто Попова, которому приказано было вступить въ командованіе своею бригадой. Панютинъ въ то время находился для излеченія ранъ въ Россіи. Что побудило графа Паскевича замѣнить въ такую опасную минуту храбраго Попова генераломъ Реутомъ—неизвѣстно. Но Поповъ счелъ себя крайне оскорбленнымъ и, какъ было сказано, не пожелалъ продолжать дальнѣйшую службу.

Отъ Эрзерума до Алашкерта вездѣ по дорогамъ было спокойно; но за Алашкертомъ Реуту начали попадаться уже куртинскія

партіи, и 21-го августа, на переходѣ къ монастырю Сурпъ-Оганесу, произошла совершенно случайная стычка.

Верстахъ въ 12-ти отъ Діадына, изъ-за пологихъ скатовъ небольшой горной возвышенности, виднѣется гранитная церковь, возлѣ которой тѣснятся нѣсколько домиковъ, окруженныхъ глиняною стѣною съ нѣсколькими башнями и купами старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ. Это и есть Сурпъ-Оганесскій монастырь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старой Арменіи. Христіанскія легенды свидѣтельствуютъ, что онъ построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ святой Григорій Просвѣтитель видѣлъ три огненные столпа, сошедшіе съ неба, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они упирались въ землю, построилъ три церкви, въ разстояніи одна отъ другой около пяти верстъ. Поэтому вся мѣстность извѣстна подъ именемъ Учъ-Килиса, что значитъ три церкви. Двѣ изъ нихъ совершенно разрушились; осталась одна въ Сурпъ-Оганесѣ—но и та испытала на своемъ вѣку много превратностей. Въ тѣ отдаленныя отъ насъ цвѣтушія времена Арменіи, когда возникъ монастырь, онъ не стоялъ особнякомъ, какъ стоитъ теперь; вблизи его раскидывался большой 60-ти тысячный городъ Покванъ, развалины котораго и теперь еще можно видѣть на берегу Ефрата. Когда мечъ Тамерлана прошелъ по краю и истребилъ городъ, страна сдѣлалась пустынею, и брошенная церковь долгое время служила пріютомъ въ непогоду для стадъ, бродившихъ здѣсь кочевыхъ народовъ; впоследствии-же, когда изъ Эрзерума черезъ Алашкертъ и Діадинъ легла большая торговая дорога, турки обратили церковь въ каравансарай—и даже теперь еще на внутреннихъ стѣнахъ Господняго храма виднѣются желѣзные кольца, къ которымъ привязывали вьючныхъ животныхъ. Монастырь возсталъ изъ развалинъ недавно, когда послѣ долгихъ усилій армянамъ удалось наконецъ купить у турецкаго правительства право на его возобновленіе, но онъ возникъ далеко уже не въ прежнемъ блескѣ и величіи. Сумрачный храмъ, почернѣвшіе своды, слѣды древней живописи, сохранившейся еще кое-гдѣ по закопченнымъ стѣнамъ и плафонамъ, бѣдное украшеніе алтаря и еще болѣе бѣдная ризница свидѣтельствовали только о томъ, что монастырь существовалъ скудными подаяніями.

Изъ всѣхъ сокровищъ, наполнявшихъ его въ былыя времена, теперь остались только святыя мощи, спасенныя монахами и хранимыя цѣлыя столѣтія въ ожиданіи лучшаго будущаго

Еще въ Діадинѣ отрядъ узналъ, что монастырь уже нѣсколько дней блокируетъ какая-то партія курдовъ.

Въ то смутное время непрерывныхъ нашествій, когда непріятель хозяйничалъ по цѣлому краю, монастырскія стѣны не разъ служили надежнымъ убѣжищемъ для жителей. И теперь также въ немъ укрывалось нѣсколько ближайшихъ деревень, терпѣливо выжидая конца тяжелой блокады. Но и курды, рассчитавъ вѣрно, что болѣзненность, неизбежная въ монастырѣ при скученности людей и животныхъ, голодъ и недостатокъ помѣщеній побѣдятъ въ концѣ концовъ упорство армянъ, не съ меньшимъ терпѣніемъ стояли подъ его стѣнами; въ ожиданіи будущихъ монастырскихъ сокровищъ, они довольствовались пока лишь тѣмъ, что случайно попадало въ ихъ руки по большимъ дорогамъ.

Когда колонна Реута подошла къ Сурпъ-Оганесу, былъ ранній часъ утра, и густой туманъ окутывалъ окрестность. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ немолчнымъ скрипомъ маркитантскихъ аробъ, тянувшихся вслѣдъ за отрядомъ, обмануло непріятеля, и курды, принявъ двигавшуюся въ туманѣ массу за новый армянскій обозъ, спѣшившій подъ защиту монастырскихъ стѣнъ, налетѣли на него со всѣхъ сторонъ. Ихъ встрѣтили картечью—и непріятель, озадаченный своею ошибкой, бѣжалъ по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ монастырь былъ спасенъ, но, убѣгая, курды, повсюду зажигали хлѣбъ, и путь ихъ обозначался цѣлымъ моремъ пламени, въ которомъ гибло все достояніе жителей.

Неожиданное прибытіе русскихъ войскъ заставило ванскаго пашу, державшаго въ блокадѣ Баязетъ поспѣшно очистить край и распустить своихъ курдовъ. Съ этихъ поръ на лѣвомъ флангѣ восстанавливается относительное спокойствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и баязетскій отрядъ получаетъ уже особое назначеніе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, какъ только вопросъ объ экспедиціи въ Мушъ былъ окончательно рѣшенъ, главнокомандующій возложилъ исполненіе его на войска генерала Реута, при чемъ баязетскій отрядъ долженъ былъ

итти изъ Алашкерта прямо на Мушъ, а подполковникъ Кострицкій, стоявшій съ баталіономъ въ Кюли, демонстрировать со стороны Эрзерума.

Курьеръ еще только везъ приказаніе Реуту, а Кострицкій уже занялъ Хнысъ и 11-го сентября сдѣлалъ одинъ переходъ къ Мушу. Страшная тревога распространилась по всему пашалыку; со всѣхъ сторонъ курды устремились навстрѣчу отряда, и даже явился самъ мушскій паша; но Кострицкій, успѣвшій такимъ образомъ привлечь на себя значительныя силы, счелъ задачу свою выполненною и послѣ жаркаго боя въ деревнѣ Хали-Чаушъ отошелъ обратно къ Хнысу. Обманутые этимъ движеніемъ, курды потянулись за нимъ, и паша занялъ крѣпкую позицію въ 15-ти верстахъ отъ города. Такъ прошло нѣсколько дней, какъ вдругъ прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что русскіе идутъ на Мушъ со стороны Баязета и заняли уже крѣпостцу Мелязгердъ. Это извѣстіе такъ озадачило пашу, что онъ со всѣми силами устремился на защиту своей резиденціи; но курды, не слушая никакихъ увѣщаній, разсыпались по своимъ кочевьямъ, и паша, покинутый войсками, бросилъ Мушъ и укрѣпился въ подгородномъ замкѣ Чаурма, куда послѣдовали за нимъ лишь немногіе изъ его приближенныхъ. Но невозможность сопротивляться была такъ очевидна, что 4-го октября, какъ только пронесся слухъ о приближеніи русскихъ, паша бѣжалъ изъ города, который сдался безъ боя. Трофеями русскихъ были семь орудій, изъ которыхъ четыре найдены въ покинутомъ замкѣ, а три отбиты казаками во время преслѣдованія.

Безкровнымъ завоеваніемъ Мушскаго пашалыка заканчивается дѣятельность баязетскаго отряда. Реутъ именемъ главнокомандующаго объявилъ Ибрагима мушскимъ пашею,—и городъ покорно принялъ переменѣну властителя. Не трудно было однако предвидѣть, что положеніе Ибрагима съ удаленіемъ русскихъ войскъ сдѣлается крайне непрочнымъ; но тѣмъ не менѣе, въ виду приближенія уровой зимы медлить обратнымъ походомъ было нельзя, и 10 го октября русскій отрядъ, оставивъ Мушъ, двинулся назадъ въ Мелязгерду. Городъ застали въ большой тревогѣ, такъ какъ

наканунѣ пришло извѣстіе, что три тысячи курдовъ вторглись въ русскія земли и опустошили Алашкертскій санджакъ. Прискорбныя слухи эти скоро подтвердились и донесеніемъ алашкертскаго коменданта; онъ писалъ, что рота Козловскаго полка съ однимъ орудіемъ и конною сотнею армянъ хотя и выслана была по тревогѣ и даже настигла хищниковъ на рѣкѣ Муратъ, но дѣло ограничилось одною перестрѣлкою, такъ какъ курды видимо уклонялись отъ боя. Пользуясь сильнымъ вѣтромъ, они зажгли за собою степь и подъ завѣсою огня и дыма ушли съ добычею въ горы.

Это былъ эпилогъ, закончившій военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ. Въ тотъ-же день пришло извѣстіе о заключеніи мира, и благодатная вѣсть эта, быстро облетѣвшая край, положила предѣлъ безконечнымъ куртинскимъ набѣгамъ. Послѣдній выстрѣлъ ихъ раздался и замеръ на берегахъ Мурата. Послѣдняя удача была на ихъ сторонѣ ').

Теперь обратимся къ правому флангу.

Глава XXI.

Дѣйствія на правомъ флангѣ. — Сношенія наши съ аджарцами — Новый начальникъ Ахалцыхскаго пашалыка баронъ Остенъ-Сакенъ. — Инструкція, данная ему графомъ Паскевичемъ. — Несовременность аджарской экспедиціи. — Бѣдственный походъ и причины его неудачи. — Дѣйствія въ Гуріи. — Усиленіе турецкихъ войскъ въ Кобулетахъ. — Пораженіе турокъ при Муха-Эстате. — Попытка Гессе овладѣть Батумомъ. — Неудачный штурмъ Цихисъ-дзири. — Пораженіе отряда Гессе. — Опасное положеніе Гуріи.

Задѣя блisstательныхъ дѣлъ, быстро приведшихъ русскія войска на путь къ Трапезонду, казалось, устранилъ всякую опасность для праваго фланга со стороны его воинственныхъ сосѣдей. Но едва роковая туча пронеслась надъ Бейбуртомъ, какъ это затишье смѣнилось новымъ волненіемъ, которое въ концѣ кампаніи уже разыгралось въ цѣлую бурю, грозившую бѣдой Гуріи и Ахалцыху.

Слишкомъ незначительныя силы, съ которыми графъ Паскевичъ открылъ походъ къ Эрзеруму, заставили его ограничиться на другихъ театрахъ войны чисто оборонительными дѣйствіями. Но это вынужденное положеніе, успѣхъ котораго во многомъ зависѣлъ отъ удачныхъ или неудачныхъ переговоровъ съ сосѣдями, стоявшими стѣной между нимъ и его слабыми, далеко откинутыми флангами, — не переставало тревожить главнокомандующаго. Опасенія его имѣли свои основанія; раньше уже было видно чѣмъ кончились переговоры съ курдами, теперь необходимо прослѣдить въ той же постепенности за всѣми операціями праваго фланга.

Отношенія наши къ Аджаріи послѣ нашествія турокъ на Ахалцыхъ оставались все въ томъ же шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи. Правитель Аджаріи Ахметъ-бекъ возобновилъ переписку съ

княземъ Бебутовымъ, но въ то же время, не желая терять выгодъ своей двойственной политики, продолжалъ сноситься и съ турками. Лъстивыми письмами и постоянными увѣреніями въ своемъ желаніи искать русскаго покровительства, онъ удерживалъ наши войска отъ вторженія въ Аджарію и свободно посылалъ свои на помощь къ турецкимъ военачальникамъ. Дѣйствія Ахмедъ-бека были облечены такою тайною и, повидимому, такою безыскусственною искренностью по отношенію къ русскимъ, что обманули даже прозорливость князя Бебутова. И въ то самое время, когда послѣдній доносилъ графу Паскевичу объ успѣхѣ переговоровъ и писалъ, что ожидаетъ со дня на день прибытія въ Ахалцыхъ самого Ахмедъ-бека,—случилось происшествіе, разомъ выяснившее и двуличное поведеніе аджарскаго правителя и заблужденіе князя Бебутова. На второй или на третій день послѣ разгрома турецкихъ армій на Согоанлугскихъ горахъ, казаки перехватили курьера, пробиравшагося въ милидюзскій лагерь съ письмомъ отъ аджарскаго бека. Ахмедъ-бекъ извѣщалъ Гагки-пашу, что имѣетъ въ сборѣ до семи тысячъ войскъ и намѣренъ еще разъ напасть на Ахалцыхъ, но выжидаетъ только удобнаго случая. Черезъ часъ того-же курьеръ уже скакалъ назадъ и везъ отвѣтъ русскаго главнокомандующаго.

«Ахмедъ бекъ!—писалъ къ нему Паскевичъ,—письмо ваше къ Гагки-пашѣ получилъ я по праву побѣдителя. Храбрый соотечественникъ вашъ—теперь русскій плѣнникъ. Избавляя его отъ непріятнаго чувства писать о своемъ положеніи, беру на себя трудъ извѣстить васъ, что 19-го числа сераскиръ разбитъ и переброшенъ нами черезъ Согоанлугскія горы, а 20 го числа равномерно нанесено пораженіе Гагки-пашѣ, который и самъ не избѣгнулъ плѣна. У нихъ обоихъ отняты вся артиллерія и всѣ магазины. Побѣдоносныя войска наши идутъ къ Эрзеруму искать подъ стѣнами его новой славы. Измѣряйте послѣ того сами возможность вашихъ успѣховъ.»

Расчитывая, что письмо это заставитъ Ахмедъ-бека сдѣлаться болѣе податливымъ въ переговорахъ, графъ Паскевичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ новыхъ извѣстій изъ Ахалцыха, которыя пришли только въ началѣ іюля мѣсяца. Ахмедъ-бекъ изъяслялъ покорность, но

требовалъ сохранить ему титулъ паши, правителя Аджаріи, а въ отличіе отъ прочихъ пожаловать чинъ генерала и орденскую ленту. Князь Бебутовъ видѣлъ, что это были все тѣже требованія, какія предъявлялись имъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нисколько не подвигая рѣшеніе вопроса, а потому, не выждавъ даже отвѣта главнокомандующаго на это письмо, послалъ въ Аджарію поручика Туркестанскаго съ болѣе категорическимъ требованіемъ. Онъ писалъ, что въ послѣдній разъ входитъ въ сношенія съ Ахмедъ-бекомъ, и что если въ заложники не будетъ присланъ его сынъ, то правитель долженъ ожидать для себя дурныхъ послѣдствій.

Но результата своего ультиматума князь Бебутовъ уже не дождался. Главнокомандующій, недовольный «бездѣятельностью въ переговорахъ», назначилъ его начальникомъ Армянской области, а въ Ахалцыхъ на мѣсто его послалъ генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена. Послѣднему приказано было окончательно выяснить наши отношенія къ Аджаріи и въ случаѣ новаго упорства бека принудить его къ покорности оружіемъ. Однако, рѣшаясь на эту мѣру, Паскевичъ отлично понималъ, что силы, находившіяся въ распоряженіи Остенъ-Сакена, далеко недостаточны для выполненія столь серьезной задачи и потому указалъ ему дѣйствовать съ крайнею осторожностью и не иначе, какъ одновременно съ дѣйствіями генерала Гессе изъ Гуріи. Только во взаимной помощи обоихъ отрядовъ, долженствовавшихъ съ двухъ сторонъ войти въ Аджарію и тѣмъ разъединить силы враговъ, графъ Паскевичъ видѣлъ возможность успѣховъ предполагаемой имъ экспедиціи. Отвѣчая въ то же время на письмо Ахмедъ-бека, главнокомандующій писалъ къ нему, что соглашается оставить въ его управленіи горные санджаки; но такъ какъ генеральскій чинъ и пожалованіе лентой зависятъ непосредственно отъ воли государя, то онъ требовалъ, чтобы Ахмедъ-бекъ отъ лица народа предварительно принесъ присягу на подданство.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ половинѣ іюля мѣсяца Остенъ-Сакенъ прибылъ въ Ахалцыхъ и принялъ въ свои руки переговоры съ аджарцами. Туркестанскій только что возвратился, но результаты его миссіи оказывались крайне неблагоприятными.

гопріятными. Ахмедъ-бекъ продержалъ его у себя 14 дней и отпустилъ съ самымъ уклончивымъ отвѣтомъ. Онъ писалъ, что по случаю возмущенія въ нижней Аджаріи ни онъ, ни сынъ его пріѣхать не могутъ и потому взамѣнъ себя посылаютъ родного дядю Сулейманъ-агу. Но Сулейманъ-ага въ свою очередь отговорился болѣзною и не поѣхалъ. Туркестанскій между тѣмъ рассказывалъ, что возмущеніе въ Аджаріи вымышлено, и что Ахмедъ-бекъ собираетъ войска противъ гурійскаго отряда. Такимъ образомъ дѣло усложнялось, и передъ Остенъ-Сакеномъ вставала трудная задача—такъ или иначе покончить наконецъ съ этимъ, не дававшимся намъ, аджарскимъ вопросомъ.

Письмо главнокомандующаго, въ которомъ предлагались Ахмедъ-беку послѣднія условія, Остенъ-Сакенъ не отправилъ своевременно, не рассчитывая, чтобы оно произвело какое-нибудь благотворное дѣйствіе и отослалъ его только уже послѣ возвращенія Туркестанскаго; при этомъ онъ съ своей стороны прибѣгнулъ въ своемъ письмѣ къ такимъ угрозамъ и выразилъ ихъ въ такой положительной формѣ, которая не допускала мысли о какихъ либо уступкахъ или снисхожденіяхъ.

«Письмо ваше черезъ поручика Туркестанскаго я получилъ,—писалъ онъ Ахмедъ-беку отъ 4-го августа.—Ни вы, ни сынъ вашъ, ни дядя Сулейманъ-ага не явились ко мнѣ для изъявленія покорности. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ войсками великаго государя¹⁾ было бы унижительно для русскаго правительства дѣйствовать слабо и довольствоваться одними обѣщаніями. Вы пишете, что нижняя Аджарія взбунтовалась противъ васъ; на это отвѣчу вамъ, что если черезъ четыре дня вы или сынъ вашъ не явитесь ко мнѣ, то я обязанъ буду двинуться съ войсками въ Аджарію для поданія вамъ помощи или наказанія васъ. Поведеніе ваше рѣшить, какую изъ сихъ мѣръ я предпринять буду долженъ». ¹⁾

Какъ человѣкъ, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ, баронъ Остенъ-Сакенъ понималъ, что угроза должна быть приведена въ исполненіе, и тѣмъ непонятнѣе становится короткій

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 23. Письмо барона Остенъ-Сакена Ахмедъ-беку 4-го августа 1829 года.

срокъ, назначенный имъ для полученія отвѣта. Въ это время нужно было приготовиться къ походу, подтянуть войска изъ Сурама и условиться съ генераломъ Гессе. Но письмо къ послѣднему даже по расчету времени не могло поспѣть своевременно, а между тѣмъ генералъ Гессе могъ встрѣтить какія нибудь затрудненія, и тогда на его помощь пришлось бы рассчитывать только гадательно. Оно такъ и вышло на самомъ дѣлѣ, когда впослѣдствіи, уже во время похода, пришелъ отвѣтъ, что генералъ Гессе занятъ на границахъ Гуріи и въ данное время не можетъ принять участія въ экспедиціи. Такимъ образомъ Остенъ Сакенъ остался одинъ и долженъ былъ на своихъ плечахъ вынести всю подавляющую тяжесть, такъ невыгодно сложившихся для него обстоятельствъ.

Ничѣмъ необъяснимая поспѣшность его имѣла, какъ увидимъ, роковыя послѣдствія и тѣмъ болѣе достойна удивленія, что Сакенъ, готовясь идти въ Аджарію, въ страну, куда не всегда рѣшались вступать даже турки, хозяева края,—не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ главнокомандующаго тѣхъ трудностей, которыя ожидалъ встрѣтить въ горномъ походѣ. Дремучіе лѣса, скалы, пропасти, воинственный духъ населенія—все предвѣщало ему долгую, упорную борьбу, а между тѣмъ онъ не могъ рассчитывать даже на боевой составъ своего отряда. Старые кавказскіе полки Ширванскій и Крымскій еще въ іюлѣ мѣсяцѣ ушли въ дѣйствующій корпусъ, и ихъ смѣнили въ Ахалцыхѣ только что прибывшіе изъ Россіи 14-й дивизіи Тарутинскій и Бородинскій полки. Оба они были въ кадровомъ составѣ и наполнены рекрутами, а главное въ нихъ отъ полкового командира до послѣдняго солдата не было ни одного человѣка, который бы когда нибудь бывалъ въ сраженіяхъ. Третій полкъ той же дивизіи, 28-й Егерскій, вызванный изъ Сурама, оказался въ такомъ же положеніи; артиллерійская рота, находившаяся при этой бригадѣ, хотя по составу людей и была нѣсколько лучше, но зато походъ изъ Россіи привелъ ея лошадей въ такое состояніе, что требовала продолжительнаго отдыха.

«Сначала — доносить баронъ Остенъ-Сакенъ графу Паскевичу — я хотѣлъ взять съ собою четыре полевые орудія, чтобы вооружить

ими окопъ, который предполагалъ поставить въ тѣснинѣ, съ цѣлю обезпечить себѣ отступленіе; но чрезвычайное изнуреніе артиллерійскихъ лошадей и непривычка ихъ довольствоваться подножнымъ кормомъ, заставили меня отказаться отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе, что изъ Ахалцыха въ Аджарію ведутъ три дороги, одна хуже другой, и отъ меня будетъ зависѣть избрать одну изъ нихъ для отступленія; отрядъ же мой устроенъ такъ, что я могу проходить вездѣ, ибо нѣсколько артельныхъ повозокъ и три арбы для поднятія больныхъ, которыя я беру съ собою, въ крайнемъ случаѣ могутъ быть даже брошены». Очевидно онъ представлялъ себѣ экспедицію далеко не въ тѣхъ ужасающихъ картинахъ, которыя ему пришлось увидѣть позднѣе, когда ни на одну изъ этихъ трехъ дорогъ попасть уже было нельзя, а колесный обозъ и даже раненыхъ пришлось покинуть въ горахъ въ добычу непріятеля. Въ послѣднія минуты, передъ выступленіемъ въ походъ, баронъ Остенъ-Сакенъ уже самъ потерялъ значительную долю своей самоувѣренности. «Я буду дѣйствовать, — пишетъ онъ графу Паскевичу, — со всею осторожностью, къ чему въ особенности побуждаютъ меня неопытныя войска; и если кромѣ истребленія нѣсколькихъ деревень не произведу ничего важнаго, то по крайней мѣрѣ отвлеку отъ генераль маіора Гессе значительную часть непріятельскихъ силъ». Объ основной цѣли экспедиціи—о покореніи Аджаріи и даже о серьезномъ наказаніи Ахмедъ-бека, тутъ нѣтъ уже и помина.

Извѣстія, пришедшія изъ Ахалцыха, крайне встревожили графа Паскевича, неожиданшаго такого крутого поворота дѣлъ на аджарской границѣ, и распоряженія Сакена вызвали по этому съ его стороны суровыя порицанія. Приготовленія къ походу въ то время, когда письмо главнокомандующаго съ послѣдними предложеніями Ахмедъ-беку не дошло по назначенію, показались графу Паскевичу крайне несвоевременными, а слабыя силы, съ которыми предпринималась экспедиція, внушали ему серьезныя опасенія за самый успѣхъ предпріятія. Даже тонъ письма ему не понравился. «Письмо ваше къ аджарскому пашѣ, — отвѣчалъ онъ на его донесеніе — написано такъ, что если бы Ахмедъ-бекъ и имѣлъ къ намъ нѣкоторое расположеніе, то долженъ перемѣнить оное, ибо

письмо исполнено колкими выраженіями и тономъ повелительнымъ, какимъ требуютъ отъ подчиненнаго; съ тѣмъ же кто входитъ въ переговоры, разсуждаютъ, соглашаются или отвергаютъ... Медленность въ исполненіи моего предписанія въ разсужденіи отсылки письма и скороспѣшность похода могутъ произвести противное тому, чего я желаю, т. е. спокойствія праваго фланга». Онъ предписалъ ему остановить всѣ приготовленія, выждать отвѣтъ Ахмедъ-бека и прибѣгнуть къ оружію только въ крайней необходимости и то не иначе, какъ по предварительному соглашенію съ начальникомъ гурійскаго отряда. Но письмо это уже не застало барона Остенъ-Сакена въ Ахалцахъ.

Войска двинулись въ походъ утромъ 12-го августа. Въ составъ отряда назначены были по одному баталіону отъ Тарутинскаго, Бородинскаго и 28-го Егерскаго полковъ, — всего около 2700 штыковъ, Донскій полкъ Студеникина, два горныя орудія и 4 кегорновыя мортиры. Уже съ первыхъ шаговъ для непривычныхъ солдатъ обнаружилась вся трудность горнаго похода, а чѣмъ далѣе, тѣмъ дорога становилась все тяжелѣе, требуя для своей разработки неимовѣрныхъ усилій. Но вотъ наконецъ и Аджарія. Передъ войсками встаетъ громада горъ, одѣтыхъ сплошными дремучими лѣсами. Воображеніе невольно настраивается на ожиданіе какой то невидимой, но близкой опасности; всѣ ждутъ перваго выстрѣла, — а кругомъ ни движенія, ни звука, никакого признака жизни. На всемъ лежитъ печать какой то загадочной таинственности, той неестественной тишины, которая въ природѣ встрѣчается только передъ сильною бурей. Страхомъ вѣяли на войска эти каменные громады, принимавшія ихъ въ свои безмолвныя и мрачныя объятія, а между тѣмъ о непріятелѣ нигдѣ ничего не было слышно. Войска встрѣчали на пути только пустыя деревни, и Сакенъ предавалъ ихъ огню, не справляясь съ тѣмъ, кому онѣ принадлежали. Казалось, что аджарцы или не хотятъ, или не могутъ драться; и по мѣрѣ того, какъ это убѣжденіе росло въ русскомъ войскѣ — возрастали и притязанія Сакена. Вообще. эти первые дни экспедиціи весьма характерны по взаимному недоразумѣнію обѣихъ сторонъ, какъ это по крайней мѣрѣ вырисовывается изъ сопостав-

ленія рапортовъ Сакена съ показаніями самихъ аджарцевъ. Ахмедъ-бекъ очевидно не ожидалъ вторженія русскихъ и не былъ готовъ къ оборонѣ, а между тѣмъ всякая попытка его остановить движенія войскъ путемъ переговоровъ принималась Сакеномъ за новую уловку оттянуть изъясненіе покорности. Напрасно жена Ахмедъ-бека, женщина умная, имѣвшая въ народѣ большое вліяніе, послала къ нему письмо, въ которомъ просила не вступать въ ихъ землю; она писала, что мужъ ея исполнитъ всѣ наши требованія, и что причиною его неявки служить только отлучка въ Нижнюю Аджарію. Баронъ Сакенъ отвѣчалъ, что войдетъ въ переговоры только съ ея мужемъ, когда онъ явится въ лагерь и продолжалъ итти впередъ, сжигая селенія. У деревни Чармуръ русскія войска увидѣли въ завалахъ нѣсколько конныхъ и пѣшихъ аджарцевъ. Это былъ казначей Ахмедъ-бека, Мамій-ага, выѣхавшій также для переговоровъ. Онъ прислалъ сказать, что до пріѣзда Ахмедъ-бека аджарцы сопротивляться не будутъ, но что онъ не можетъ не удивляться дѣйствіямъ русскихъ, которые истребляютъ деревни ихъ въ то время, когда правитель ведетъ переговоры съ русскимъ главнокомандующимъ. Въ отвѣтъ на это баронъ Сакенъ приказалъ открыть огонь. Аджарцы удалились, и пустые завалы были размѣтаны русскою артиллеріею. Домъ самого Мамія, находившійся въ Чармурахъ, былъ разрушенъ, деревня разграблена. На слѣдующій день сыновья Ахмедъ-бека, съ нѣсколькими десятками своихъ людей, пытались завязать перестрѣлку въ тѣсномъ ущельѣ —уже послѣднемъ на пути къ ихъ резиденціи, но рота Тарутинскаго полка, двинутая въ обходъ по горамъ, заставила ихъ отступить и очистить дорогу. Опять прискакалъ гонецъ отъ жены Ахмедъ-бека, которая на этотъ разъ прислала ключи отъ своего дворца и писала, что за отсутствіемъ мужа не можетъ сама оставаться въ домѣ, чтобы достойно принять русскаго генерала и уѣзжаетъ въ горы.

Барону Остенъ-Сакену еще представлялась возможность выйти съ честью изъ своего затруднительнаго положенія; если бы онъ объявилъ теперь, что останавливаетъ наступленіе и возвращается назадъ, снисходя на просьбы правительницы и вѣря

ея обѣщаніямъ, то смѣлое движеніе его быть можетъ и не осталось бы совсѣмъ безрезультатнымъ, но онъ пошелъ впередъ,—и черезъ нѣсколько часовъ передъ нимъ на красивой полянѣ открылось большое селеніе Хула, резиденція аджарскихъ бековъ. Войска заняли его безъ боя и, такимъ образомъ, очутились въ самомъ центрѣ непріязненнаго намъ населенія. Богатое селеніе это уже было покинуто жителями, и все казенное имущество изъ него вывезено,—русскіе нашли только одну мѣдную пушку, да небольшое количество пороха. Дворецъ Ахмедъ-бека былъ въ страшномъ безпорядкѣ, свидѣтельствовавшемъ о торопливомъ отѣздѣ правительницы, Сакенъ распорядился поставить вездѣ караулы и воспретилъ грабежъ, дѣлая этимъ послѣднюю попытку къ сближенію съ аджарцами. Онъ написалъ къ Ахмедъ-беку письмо, еще разъ предлагая ему покориться, иначе грозилъ уничтожить его резиденцію; но въ успѣхъ этого письма онъ уже и самъ не вѣрилъ. «Сомнѣваюсь,—доносилъ онъ Паскевичу,—чтобы мои требованія могли быть исполнены». И сомнѣнія его не замедлили оправдаться на дѣлѣ. Ахмедъ-бекъ отвѣчалъ, что, имѣя намѣреніе прибѣгнуть къ покровительству русскаго государя, онъ нарочно оставилъ дорогу къ Ахалцыху открытою; но теперь, когда русскіе сами вошли въ его землю, онъ готовъ защищаться и ожидаетъ ихъ въ горахъ, на мѣстности, извѣстной подъ именемъ Шуа-хевъ.

Одно приближеніе Ахмедъ-бека, конечно, еще не могло бы встревожить барона Остенъ-Сакена, но одновременно съ этимъ получены были съ разныхъ сторонъ извѣстія самаго угрожающаго свойства. Въ то время, какъ отрядъ углублялся въ горы, непріятель незамѣтно обходилъ его фланги и, собравшись въ значительныхъ силахъ, отрѣзалъ ему наконецъ всѣ пути къ отступленію. Положеніе отряда, стѣсненнаго такимъ образомъ въ едва проходимыхъ трущобахъ Аджаріи, становилось опаснымъ. Во что-бы то ни стало надо было разбить это желѣзное кольцо—и Сакенъ рѣшился направить первый ударъ на самого Ахмедъ-бека.

Войска выступили 18-го августа. Но не отошли они и пяти верстъ, какъ остановились передъ отвѣсною скалою, загородившею путь. Это и былъ знаменитый утесъ Шуа-хевъ, слывшій въ на-

родѣ неприступнымъ. Узкая тропа, просѣченная въ скалѣ, извинаясь надъ бездной, уходила изъ глазъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была въ полуаршинъ шириною, такъ что на ней не могъ умѣститься даже человѣкъ въ походномъ снаряженіи. Двинься отрядъ по этой тропинкѣ, аджарцы истребили бы его одними камнями, не прибѣгая даже къ оружію. Передъ очевидною невозможностью атаковать непріятеля, Сакену не оставалось ничего болѣе, какъ возвратиться въ Хула. Теперь только онъ понялъ, что ему надо заботиться уже не о побѣдахъ, а о спасеніи своего отряда, которому грозила тяжкая и безысходная блокада. Между тѣмъ отступать въ Ахалцыхъ прежнею дорогою было нельзя, потому что непріятель собралъ на ней всѣ силы верхней Аджаріи. Въ этомъ-то безвыходномъ положеніи, когда и два другіе пути были захвачены непріателемъ, нашелся аджарецъ, который вызвался провести отрядъ скрытно, но уже не въ Ахалцыхъ, а въ предѣлы нашей Гуріи. Баронъ Остенъ-Сакенъ согласился, потому что другого выхода не было. Ночью, съ 18 го на 19-е августа, отрядъ взорвалъ пороховые магазины, предалъ огню дворецъ Ахмедъ-бека со всѣмъ имуществомъ и при заревѣ огромнаго пожара, объявшаго деревню, двинулся въ путь. Войска были раздѣлены на три части: авангардомъ командовалъ генераль-маіоръ Прянишниковъ, при арьергардѣ остался баронъ Сакенъ, а между ними помѣстился обозъ, подъ прикрытіемъ одной роты Бородинскаго полка.

Въ семи верстахъ отъ Хула начинается узкое, скалистое ущелье, по которому вьючный путь направляется въ Гурію. Занять этотъ пунктъ было чрезвычайно важно, и авангардъ двинулся туда форсированнымъ маршемъ. Но эта-же поспѣшность вызвала безпорядокъ въ обозѣ, который, торопясь за авангардомъ, растянулся на нѣсколько верстъ. Къ счастью, непріятель сторожившій отрядъ на дорогахъ къ Ахалцыху, поздно замѣтилъ его направленіе и успѣлъ преградить ему путь только незначительными силами. Генераль Прянишниковъ ударилъ въ штыки и, пробившись, занялъ ущелье, но обозъ былъ отрѣзанъ. Часть аджарцевъ устремилась на вьюки, другая заняла деревню на высокой скалѣ, нависшей какъ разъ надъ дорогой и, скатывая

внизъ бревна и камни, не позволяла обозу сдвинуться съ мѣста. Бородинская рота, разбившаяся на части, не могла поспѣвать вездѣ, и Сакенъ лично привелъ на помощь къ ней еще двѣ роты: одна—усилила прикрытіе, другая—быстро взобралась на утесъ и овладѣла деревнею. Множество аджарцевъ, не успѣвшихъ покинуть зажженные дома, погибли въ пламени, но и храбрая рота понесла чувствительную потерю. Пожаръ, внезапно озарившій утесъ надъ головами аджарцевъ и летѣвшіе внизъ, вмѣстѣ съ камнями и бревнами, трупы убитыхъ произвели на непріятеля потрясающее дѣйствіе: аджарцы отступили, и въюки кое-какъ соединились съ Прянишниковымъ.

Теперь всю тяжесть боя выносилъ на себѣ одинъ арьергардъ. Задержанный въ пути катастрофой съ обозомъ, онъ долженъ былъ остановиться, а тѣмъ временемъ настигъ его самъ Ахмедъ-бекъ со всѣми силами Нижней Аджаріи. Какъ ни стойко дрались молодая войска, удивляя своимъ поведеніемъ въ бою даже взыскательнаго Сакена, въ концѣ концовъ все же вынуждены были уступить подавляющей силѣ,—и арьергардъ пришелъ въ безпорядокъ. Но Донской казачій полкъ Студеникина, испытанный въ горной войнѣ, искусно устроилъ засаду и, пропустивъ мимо себя разстроенный арьергардъ, вдругъ бросился на непріятеля. 500 аджарцевъ при первомъ налетѣ были сброшены въ кручу, 60 изрублены, остальные остановились. Пользуясь этимъ, арьергардъ ускорилъ отступление и соединился съ отрядомъ.

Такимъ образомъ часть пути пройдена была еще сравнительно благополучно; но осталась другая, труднѣйшая, и войска послѣ короткаго отдыха двинулись опять въ томъ же порядкѣ. Нѣкоторое время ожесточенный бой шелъ только въ арьергардѣ и въ боковыхъ цѣпяхъ; но вотъ, на одномъ изъ поворотовъ ущелья, образуемомъ выступомъ голой отвѣсной скалы, на тарутинцевъ, шедшихъ впереди, опять посыпались сверху бревна и камни. Тарутинцы однако быстро вскочили на утесъ, и черезъ минуту путь былъ очищенъ. Но какъ ни кратковременна была остановка, она тѣмъ не менѣе позволила аджарцамъ прямымъ путемъ черезъ горы, обогнуть отрядъ и запереть ему выходъ изъ ущелья. Растя-

нутыя по узкой дорогѣ, сплошь заваленной убитыми лошадьми и раскиданными вьюками, войска остановились. Передъ ними на полугорѣ лежала деревня Дидъ-Аджара, занятая непріателемъ; справа, съ откосовъ скалъ, съ грохотомъ катились на дорогу огромные камни и цѣлые обломки гранитныхъ утесовъ; слѣва — изъ-за рѣки, тамъ гдѣ опушка сумрачнаго лѣса подходила почти къ самой дорогѣ,—градомъ сыпались пули, а сзади настигалъ Ахмедъ бекъ съ своими главными силами. Отрядъ былъ окруженъ въ тѣснинѣ и долженъ былъ или пробиться, или погибнуть. Взглядъ, брошенный на мѣстность, убѣдилъ барона Сакена въ невозможности итти на проломъ. Тогда онъ приказалъ капитану Левицкому скрытно подняться на горы со взводомъ тарутинцевъ и, обойдя деревню, взять ее въ тылъ, а взводу егерей съ поручикомъ Левицкимъ и сотнѣ спѣшенныхъ казаковъ съ сотникомъ Лазинымъ, очистить правыя скалы. Всѣ трое отлично исполнили свое назначеніе, но двое изъ нихъ, Левицкій и Лазинъ, поплатились тяжкими ранами. Какъ только непріатель, охваченный съ тылу, пришелъ въ замѣшательство, Сакенъ воспользовался этимъ моментомъ и, подъ перекрестнымъ градомъ пуль и камней, ударилъ въ штыки Тарутинцы, бородинцы, егеря и казаки, соревнуя другъ передъ другомъ, грудью пробили себѣ путь, но были минуты, когда казалось, что отрядъ долженъ былъ погибнуть подъ страшнымъ натискомъ непріателя. «Я видѣлъ,—пишетъ въ своемъ донесеніи Сакенъ,—какъ многіе офицеры для ободренія солдатъ въ подобные моменты брали ружья и возвращались изъ боя съ окровавленными штыками».¹⁾ Въ довершеніе опасности, упало съ обрыва горное орудіе и едва не досталось въ руки аджарцевъ его выручилъ казачій полкъ Студеникина. Но это было, такъ сказать, уже послѣднее нравственное напряженіе людей, отрядъ пробился, но большая часть раненыхъ и почти всѣ вьюки остались въ рукахъ непріателя. Занятые добычею, аджарцы оставили преслѣдованіе, а отрядъ продолжалъ отступленіе, направившись кратчайшимъ путемъ въ наши предѣлы. Перейдя затѣмъ трудноступный

---

¹⁾ Тамъ же. Дѣло 1829 г. № 23.

пограничный Аджаро-Ахалцыхскій хребетъ, баронъ Остенъ-Сакенъ занялъ крѣпкую позицію у горы Самомлія, на границѣ Гуріи съ Кобліанскимъ санджакомъ. Простоявъ здѣсь нѣкоторое время, отрядъ черезъ Кобліанскій санджакъ 28-го августа вернулся въ Ахалцыхъ.

Такъ закончилась неудачная для насъ аджарская экспедиція. Но графъ Паскевичъ отдалъ должную справедливость войскамъ, хотя въ то же время и не скрывалъ передъ государемъ всей тяжести испытанной нами неудачи. «Походъ, сдѣланный въ Аджарію для наказанія жителей, — писалъ онъ въ своемъ донесеніи, — вмѣсто ожидаемаго успѣха, совершенно не удался. Аджарскій бекъ теперь разглашаетъ вездѣ, что будто-бы наши войска изгнаны изъ его владѣній, а изъ сего могутъ возникнуть для самого Ахалцыха опасности прошлагодня». Недовольный распоряженіями Сакена, графъ Паскевичъ писалъ ему: «Вы нарушили безъ всякаго повода и причины данное мною вамъ приказаніе. Не дождавшись отвѣта генерала Гессе, вы не должны были, повинуваясь мнѣ, двигаться въ Аджарію; такое своеволіе дозволительно только при обстоятельствахъ, понуждающихъ къ тому, а оныхъ не было». Дѣйствительно, слишкомъ много бѣдствій принесла аджарцамъ экспедиція Сакена, чтобы не вызвать съ ихъ стороны желаніе мести. Путь русскаго отряда обозначался повсюду пепломъ сожженныхъ деревень; въ которыхъ гибло все имущество жителей; да и самъ Ахмедъ-бекъ былъ глубоко огорченъ истребленіемъ своего родового замка, съ которымъ у него соединялись лучшія воспоминанія жизни. Всѣ эти обстоятельства не замедлили отразиться на самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій и повліяли съ особенною силою на судьбы гурійскаго отряда.¹⁾

Въ то время какъ Сакенъ вступалъ въ Аджарію, въ Гуріи готовилась большая экспедиція къ Батуму, и Гессе самъ просилъ ахалцыхскій отрядъ сдѣлать диверсію къ сторонѣ Аджаріи, чтобы удержать Ахмедъ-бека отъ помощи туркамъ. Но Сакенъ находился теперь въ такомъ положеніи, что ничего серьезнаго

---

¹⁾ Всеподданнѣйшія донесенія графа Паскевича 31-го августа и 19-го сентября 1829 г.

предпринять не могъ. Онъ писалъ Паскевичу, что хотя и двинется къ границамъ Аджаріи, но не будетъ углубляться въ горы, а постарается только демонстраціей отвлечь аджарцевъ отъ Батума, чтобы заставить ихъ заботиться объ оборонѣ собственнаго края. Съ этою цѣлью, 23-го сентября, весь отрядъ его занялъ Посховское ущелье и цѣлый день жегъ окрестныя селенія. Ночью войска разложили большіе огни, а сами поспѣшно отступили къ Дигуру. Весь походъ кончился истребленіемъ 18-ти деревень, но въ сущности принесъ весьма мало пользы для общаго дѣла. Въ тотъ же день Сакенъ получилъ письмо отъ Гессе, который писалъ, что помощь опоздала, что отрядъ его 17-го числа потерпѣлъ неудачу подъ Цыхисдири, и теперь надо заботиться уже о спасеніи самой Гуріи.

Гурія, Кобліанскій санджакъ и ахалцыхскій пашалыкъ лежали передъ непріателемъ открытыми. Дѣла на правомъ флангѣ принимали серьезный оборотъ, готовились кровавыя событія, какъ вдругъ 29-го сентября прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о заключеніи мира. Гроза, готовая уже разразиться надъ Гуріей, разсѣялась.

Теперь необходимо обратиться къ событіямъ, происходившимъ въ то же самое время на гурійской границѣ.

Послѣ побѣды при Лимани, одержанной гурійскимъ отрядомъ 5-го марта, Кинтришская поляна попрежнему осталась въ рукахъ непріателя, а это давало туркамъ возможность подвозить изъ Трапезонда все новыя и новыя войска. Воспрепятствовать десантамъ мы не могли, потому что на черноморскихъ берегахъ вовсе не было русской эскадры, а два небольшія судна, находившіяся въ Редутъ-кале, служили только для содержанія брандвахты и сообщенія съ Сухумомъ. Графъ Паскевичъ уже давно указывалъ на это важное обстоятельство; онъ писалъ къ адмиралу Грейгу, что неимѣніе близъ Поти военной флотиліи позволяетъ туркамъ безпрепятственно подвозить изъ Трапезонда не только съѣстные припасы, но даже войска, и что въ концѣ концовъ отрядъ генераль-маіора Гессе

можетъ быть раздавленъ непріятельскими силами. Но свободныхъ судовъ въ Черноморскомъ флотѣ не было. Грейгъ отвѣчалъ Паскевичу, что флотъ занять весь, и что въ его распоряженіе онъ можетъ прислать только одно призовое судно. Такимъ образомъ отъ содѣйствія военной эскадры пришлось отказаться совсѣмъ, а между тѣмъ число непріятельскихъ войскъ, собиравшихся на границахъ Гуріи, быстро росло и скоро достигло 17-ти тысячъ. Главныя силы ихъ стали на Кинтришской полянѣ, а два передовые отряда выдвинулись: одинъ на берегъ Чернаго моря, къ Николаевскому посту, другой—на озургетскую дорогу, къ урочищу Муха-Эстате; резервомъ имъ служилъ отдѣльный 8-ми тыс. отрядъ, занимавшій Кобулетскій санджакъ. Въ непродолжительномъ времени въ Кинтриши ожидали прибытія княгини Софіи съ сыномъ, а вслѣдъ за нею долженъ былъ прибыть и самъ Османъ-паша трапезондскій со всѣмъ своимъ корпусомъ. Такимъ образомъ на границѣ Гуріи собиралась сильная турецкая армія, готовая занять не только Гурію, но вторгнуться въ Мингрелію и Имеретію.

Положеніе генерала Гессе становилось безвыходнымъ. Подъ его начальствомъ находилось всего 13 ротъ пѣхоты, изъ которыхъ семь Мингрельскаго егерскаго полка съ шестью орудіями стояли въ Озургетахъ и шесть ротъ егерей съ четырьмя орудіями—въ укрѣпленіи святого Николая. Если прибавить къ этому нѣсколько сотенъ гурійской милиціи, на которую при всей ея храбрости безусловно положиться было нельзя,—то это будетъ все, что мы могли противопоставить въ данный моментъ сильному турецкому корпусу. Остальныя 11 ротъ занимали Абхазію или были разбросаны малыми частями по небольшимъ укрѣпленіямъ, которыя необходимо было удерживать за нами, такъ какъ въ самой Гуріи начались уже безпорядки. Въ народѣ ходили прокламаціи бывшей правительницы, приглашавшей всѣхъ жителей поднять оружіе противъ русскихъ, а князь Мачутадзе, находившійся уже въ турецкомъ лагерѣ, велъ пропаганду среди гурійскихъ князей.

Все это случилось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда съ одной стороны намъ угрожала опасность потерять все побережье Чернаго моря, а съ другой грозило вторженіе персіянъ въ Армянскую область и на-

шествіе турокъ на Карсъ или Ахалцыхъ. Графъ Паскевичъ, озабоченный тѣмъ, чтобы удержать за собою прошлогоднія завоеванія, не имѣлъ возможности отдѣлать на помощь гурійскому отряду ни одного человѣка,— и генералу Гессе приходилось рассчитывать только на имѣвшіяся силы, да на милицію вѣрнаго намъ мингрельскаго народа. И, дѣйствительно, самъ владѣтельный князь Дадіанъ привелъ въ Озургеты трехтысячное ополченіе и добровольно сталъ подъ начальствомъ младшаго генерала Гессе.

Прибытіе мингрельцевъ было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ атаку ожидали у насъ одновременно и на посту св. Николая и въ Озургетахъ. Но страшная буря, готовая пронестись надъ Гуріей, однако неожиданно разсѣялась. Турки такъ долго медлили своимъ наступленіемъ, что упустили удобное время, когда дѣйствительно могли раздавить слабый отрядъ генерала Гессе, а въ іюнѣ мѣсяцѣ имъ уже было не до Гуріи. Какъ только графъ Паскевичъ открылъ кампанію и сталъ у подножія Сoganлугскихъ горъ,—уже не маленькая Гурія, а Карсъ, Ардаганъ и Эрзерумъ поглотили все вниманіе турецкаго сераскира и заставили его сосредоточить всѣ свои силы къ центру. Передъ генераломъ Гессе остались лишь ничтожные отряды, занимавшіе Кинтришскую поляну.

Для Гуріи наступило время затишья, и генераль Гессе спѣшилъ воспользоваться имъ, чтобы завязать сношенія съ сосѣдями. Какъ изъ Ахалцыха велись переговоры съ Аджаріей, такъ передъ генераломъ Гессе лежала задача склонить на нашу сторону воинственный Кобулетъ. Событія на главномъ театрѣ войны не могли не оказать извѣстнаго давленія на умы народа, и дѣйствительно кобулетскіе старшины сами поспѣшили войти въ переговоры, чтобы въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія, удержать за собою и при новыхъ властителяхъ ту власть и то значеніе, которыя принадлежали имъ при старыхъ турецкихъ порядкахъ. Но они, какъ всегда, дѣйствовали съ большою осторожностью, то предъявляли свои условія, то колебались и медлили,— а генераль Гессе не сумѣлъ, что называется, ковать желѣзо пока горячо и бесполезною перепискою выпустилъ изъ своихъ рукъ инициативу. Послѣ бейбуртской катастрофы вліяніе турокъ значи-

тельно усилилось. Новый сераскиръ, понимая какъ важно удержать за собой Кобулетъ, отправилъ туда 8-ми тысячный корпусъ, подъ начальствомъ Тусчи-оглы, который и сумѣлъ дать всему дѣлу совершенно иное направленіе. Онъ убѣдилъ кобулетцевъ, что война съ Россіей принимаетъ для Турціи болѣе благопріятный оборотъ, что вся Европа обѣщаетъ свое содѣйствіе и совѣтовалъ старшинамъ обдумать заранѣе, чьей стороны выгоднѣе держаться. Слова его произвели сильное впечатлѣніе, и въ концѣ концовъ Тусчи-оглы удалось получить аманатовъ.

Между тѣмъ графъ Паскевичъ, убѣжденный послѣ взятія Эрзерума, что турки, занятые защитой собственныхъ земель, уже не могутъ предпринять ничего серьезнаго противъ нашего праваго фланга, приказалъ генералъ-маіору Гессе содѣйствовать общему наступленію русскаго корпуса къ берегамъ Чернаго моря и завершить кампанію покореніемъ Батума. Такова была программа, поставленная передъ нимъ графомъ Паскевичемъ. Но для выполненія этой программы передъ гурійскимъ отрядомъ возникалъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ, не менѣе важныхъ по цѣли.

Всякое наше наступательное дѣйствіе со стороны Гуріи естественно зависѣло отъ спокойствія сосѣднихъ горныхъ племенъ,—и спокойствія этого нужно было добиться въ Аджаріи и въ Кобулетахъ во что бы то ни стало. Отсюда является неизбѣжная связь между дѣйствіями двухъ отрядовъ. Собираясь итти въ Аджарію, баронъ Сакенъ дѣйствительно обратился къ генералу Гессе съ просьбою о помощи. Но ни графу Паскевичу, ни барону Остенъ-Сакену не было извѣстно о появленіи Тусчи-оглы, который, расположившись на Муха-Эстате, не давалъ возможности исполнить ни ту, ни другую задачу. Положеніе генерала Гессе, въ дѣйствительности было весьма затруднительное. Итти къ Батуму, оставивъ Тусчи-оглы въ сторонѣ, было крайне рисковано, но еще рискованнѣе было итти въ Аджарію, такъ какъ кобулетцы могли взять его въ тылъ, а турецкій корпусъ—вторгнуться въ беззащитную Гурію. Генералъ Гессе рѣшился разрубить этотъ гордіевъ узелъ. Онъ вознамѣрился прежде всего разбить стоявшія передъ нимъ турецкія войска, потомъ покорить Кобулетъ и затѣмъ уже

дѣйствовать въ Аджаріи. Походъ на Батумъ во всякомъ случаѣ откладывался въ далекое будущее. Лучшаго плана при данныхъ обстоятельствахъ придумать было невозможно.

4-го августа гурійскій отрядъ двинулся впередъ одновременно двумя колоннами: съ поста св. Николая, по берегу моря, двигались два баталіона 44-го Егерскаго полка и 500 человѣкъ гурійской милиціи, подъ общею командою полковника Пацовскаго; изъ Озургетъ—два баталіона Мингрельскаго полка съ шестью орудіями и вся мингрельская милиція, подъ личнымъ начальствомъ генерала Гессе. Непріятельскій лагерь, раскинутый на высотахъ Муха-Эстате, былъ сильно укрѣпленъ завалами, и генералъ Гессе рѣшился обойти его. Почти двое сутокъ войска пробирались по едва проходимымъ тропамъ и 5-го августа стали на высотахъ противъ лѣваго непріятельскаго фланга. Милиція продвинулась еще дальше и стала заходить въ тылъ турецкому лагерю. Такимъ образомъ атака поведена была съ двухъ сторонъ—и успѣхъ былъ полный. Предводимая самимъ княземъ Дадіаномъ, милиція смѣло пошла на завалы, взяла ихъ штурмомъ и, поддержанная съ другой стороны мингрельскими баталіонами, ворвалась въ лагерь. Все это произошло такъ быстро, что турки не могли удержаться въ окопахъ и бросились въ горы. Два знамя, одно орудіе и весь лагерь со всѣмъ имуществомъ достались побѣдителямъ. Вся честь этой побѣды принадлежала храброй милиціи, заплатившей за нее кровью ста человѣкъ своихъ лучшихъ воиновъ. На долю мингрельскихъ баталіоновъ работы пришлось сравнительно меньше, и вся потеря ихъ не превышала девяти человѣкъ убитыми и ранеными.¹⁾

Пораженіе Тусчи-оглы навело паническій страхъ и на другую часть его войскъ, стоявшую въ завалахъ у Лимани. Она отступила при появленіи колонны полковника Пацовскаго, и егеря овладѣли тремя турецкими пушками, брошенными въ завалахъ вмѣстѣ съ багажомъ и обозами. Пацовскій преслѣдовалъ бѣгущихъ по морскому берегу до самой крѣпости Кинтриши²⁾; но турки, не надѣясь здѣсь удержаться, зажгли форштадтъ и удалились, бросивъ еще

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 38

²⁾ Крѣпость Кинтриши,—нынѣ сел. Кобулеты (оно же Чурукъ-су).

четыре орудія. 9-го августа полковникъ Пацовскій соединился съ генераломъ Гессе,— и гурійскій отрядъ въ тотъ же день вошелъ въ Кинтриши безъ боя.

Княгиня Софія, находившаяся въ крѣпости съ сыномъ и дочерью, едва не попала въ плѣнъ и спаслась на простой турецкой кочермѣ, доставившей ее въ Трапезондъ.

Блистательное участіе въ бояхъ мингрельской и гурійской милиціи обратило на себя особое вниманіе государя, который, желая почтить обѣ милиціи такою наградою, которая и на будущее время осталась-бы въ народѣ памятникомъ доблестныхъ дѣлъ, пожаловалъ имъ особыя знамена. На красныхъ шелковыхъ полотнищахъ, богато украшенныхъ золотой бахромой и массивными кистями, въ серединѣ изображенъ святой Георгій, а на обратной сторонѣ —черный двуглавый орелъ. Кругомъ по бордюру вышита надпись на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Владѣтельному князю Дадіану пожалованъ орденъ св. Александра Невского, а генераль Гессе получилъ за муха-эстатскую побѣду золотую саблю, украшенную брилліантами. Но эта побѣда была послѣднимъ торжествомъ гурійскаго отряда, которому вслѣдъ затѣмъ пришлось выпить и горькую чашу пораженія.

Легкость, съ которою генералу Гессе удалось овладѣть кр. Кинтриши,—первымъ этапомъ на пути къ Батуму, неожиданно открыла передъ нимъ возможность завершить походъ батумскою экспедиціею. Но, къ несчастью, генераль Гессе не сумѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія и, вмѣсто того, чтобы на плечахъ разбитыхъ враговъ занять Цихисдзири, брошенную турками въ первую минуту паники, онъ остановился въ Кинтриши и сталъ укрѣпляться. Такимъ образомъ первоначальное намѣреніе его покорить кобулетцевъ оружіемъ осталось невыполненнымъ, а вслѣдствіе того осталась не выполненной и другая задача его итти въ Аджарію. Въ то время какъ онъ занимался безплодной перепиской, разсылалъ прокламаціи и увѣщалъ кобулетскихъ старшинъ, -- ахалцыхскій отрядъ уже потерпѣлъ пораженіе. Теперь генераль Гессе въ свою очередь не могъ рассчитывать на помощь барона Остенъ-Сакена и долженъ былъ отложить походъ

въ Аджарію до болѣе благоприятнаго времени. Болѣе мѣсяца простоялъ онъ въ Кинтриши въ непонятномъ бездѣйствіи, а турки между тѣмъ опомнились, собрали новыя силы еще грознѣе на укрѣпленныхъ высотахъ Цихисдзири и звали на помощь аджарцевъ. Обманутый кругомъ въ своихъ надеждахъ покончить кобулетскій вопросъ мирнымъ путемъ, генералъ Гессе вдругъ рѣшается на смѣлый шагъ—овладѣть Батумомъ. Но то, что могло легко удасться ему мѣсяцъ назадъ, теперь являлось предпріятіемъ, не обѣщавшимъ никакого успѣха.

Отъ пограничнаго Аджаро-Ахалцыхскаго хребта отдѣляется въ западномъ направленіи высокій неприступный хребетъ Перанга; послѣдніе уступы этихъ горъ подступаютъ почти къ самому берегу Чернаго моря, оставляя лишь узкую, береговую полосу, по которой пролегаетъ путь до Батума. Но и этотъ путь, преграждался громадною скалою, упирающеюся въ море. На вершинѣ этой то скалы и стоитъ древній замокъ, который турки зовутъ Цыхисдзири¹⁾.

И вотъ, на разсвѣтъ 15-го сентября русскія войска остановились въ виду этого грознаго замка. Но то, что увидѣлъ Гессе, далеко превзошло всѣ его ожиданія. По тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя доставлялись ему лазутчиками, онъ полагалъ гарнизонъ Цыхисдзири гораздо малочисленнѣе, а теперь увидѣлъ, что прямой путь къ скалѣ загражденъ большимъ турецкимъ лагеремъ,

---

¹⁾ Это, какъ полагаютъ, и есть знаменитая крѣпость, носившая въ древности названіе Рѣга. Современные историки оставили о ней полныя интереса сказанія, и одно изъ нихъ до нынѣ живетъ въ народныхъ преданіяхъ. Это было во времена владычества персовъ; они довели стѣны и безъ того неприступнаго Рѣга до гигантскихъ размѣровъ; на цѣлые пять лѣтъ свезли сюда продовольствіе и устроили великолѣпные всдопроводы. Но и римляне повели осаду не съ меньшею энергіею: они преградили къ крѣпости всѣ доступы, и затѣмъ, опустившись колодами въ землю, повели подземные ходы. Пока подкапывали стѣны, метательныя машины дѣлали свое дѣло, и гарнизонъ быстро уменьшался. Съ обѣихъ сторонъ употреблены не человѣческія усилія: съ одной чтобы приблизиться къ крѣпости, съ другой—отдалить ее паденіе. Римляне изобрѣли особый стѣноломъ, отличавшійся необыкновенною силой: онъ отбивалъ отъ стѣны одинъ за другимъ громадные камни, а рабочіе желѣзными крючьями оттащивали ихъ прочь. Въ свою очередь осажденные пускали градъ камней, скатывали бревна и лили на головы осаждающихъ ужасную смѣсь масла и сѣры, называемую „масломъ Меденъ“. Римляне гибли сотнями, но молча и неустанно продолжали работы. Наконецъ стѣны, подкопанныя снизу, едва-едва уже держались, а снаружи образовались проломы. Тогда римляне пошли на приступъ и, какъ говоритъ историкъ, „истребили гарнизонъ, не побѣдивъ его мужества“. Послѣдніе остатки заперлись въ цитадели и погибли въ пламени, не соглашаясь ни на какія условія. „Они умерли, до конца пребывая вѣрными своему властителю“. Таково было прошлое знаменитаго Цихисдзири.

укрѣпленнымъ завалами; съ запада шумѣло море, съ востока и юга тѣснились громады неприступныхъ горъ, отдѣленные отъ вражескаго стана глубокими оврагами. И горы, и эти овраги сплошь заросли дремучими, вѣковыми лѣсами, перевитыми дикими колючими растеніями. Черезъ нихъ лежала одна, едва примѣтная узкая тропинка, но и та преграждена была сильнымъ редутомъ, обойти который не было никакой возможности.

Двѣ батареи, поставленныя на юго-восточныхъ высотахъ и военный бригъ „Пегасъ“ на слѣдующій день начали бомбардировать лагерь съ моря и съ суши. Но при первыхъ же выстрѣлахъ оказалось, что за дальностью разстоянія снаряды наши не причиняли туркамъ никакого вреда, и только громъ канонады безплодно оглашалъ окрестность. Это обстоятельство побудило Гессе рѣшиться на открытый приступъ. Баталіону 44-го Егерскаго полка, поддержанному двумя мингрельскими ротами, приказано было овладѣть редутомъ; остальные шесть ротъ Мингрельскаго полка, назначенныя для демонстраціи съ фронта, должны были въ случаѣ благопріятной минуты взять непріятельскій лагерь. Вся милиція расположилась въ лѣсу въ видѣ резерва.

Приступъ начался 17-го сентября за часъ до разсвѣта. Войска, испытанныя уже въ бояхъ при Лимани и Муха-Эстате, смѣло двинулись впередъ, — и егеря, пренебрегая жестокимъ огнемъ, ворвались въ редутъ, а въ тоже время мингрельцы овладѣли укрѣпленнымъ лагеремъ. Но тутъ успѣхи ихъ остановились; обѣ колонны, что называется, уперлись въ скалу и, осыпаясь градомъ снарядовъ, не могли тронуться дальше. Турки между тѣмъ сдѣлали вылазку изъ Цихисдзири и послѣ двухчасовой кровавой рѣзни русскіе вынуждены, были бросить редутъ и лагерь. Въ эту самую минуту съ горъ начали спускаться огромныя партіи аджарцевъ, и ихъ появленіе рѣшило участь гурійскаго отряда; разстроенные баталіоны были охвачены съ тылу и понесли жестокое пораженіе.

Штурмъ стоилъ намъ десяти офицеровъ и 650 нижнихъ чиновъ, т. е. болѣе трети наличнаго состава. Эта была самая крупная неудача русскихъ во всю войну съ Азіатской Турціей. Графъ

Паскевичъ во всемъ винилъ Остенъ Сакена. Донося объ этомъ прискорбномъ событіи, онъ писалъ государю, что неудача экспедиціи произошла отъ несогласныхъ дѣйствій обоихъ отрядовъ, гурійскаго и ахалцыхскаго, вызванныхъ несвоевременнымъ походомъ Остенъ-Сакена. Послѣдній будучи разбитъ въ Аджаріи, далъ не-пріятелю возможность устремиться на генерала Гессе съ утроенными силами и нанести ему пораженіе. Ошибка же генерала Гессе, по мнѣнію Паскевича, заключалась въ томъ, что онъ началъ штурмъ, даже не зная о приближеніи аджарцевъ

Событіе это безспорно могло имѣть для насъ весьма печальныя послѣдствія. Почти весь Кобулетъ возсталъ поголовно; значительныя партіи отрѣзали сообщеніе отряда съ постомъ св. Николая аджарцы нападали на нашихъ фуражировъ, а между тѣмъ военное судно, блокировавшее крѣпость съ моря, по случаю начавшихся бурь, должно было сняться съ якоря, и турки воспользовались этимъ, чтобы подвезти въ Цихисдзири на легкихъ лодкахъ значительный запасъ продовольствія. Никогда еще положеніе отряда не было такъ опасно, и никогда Гуріи не угрожало еще такое сильное вторженіе. Въ это самое время получено было извѣстіе о заключеніи мира. ¹⁾

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій турецкія войска отошли къ Батуму, а русскія вернулись въ Озургеты. Съ Гуріей тогда же было покончено, и она, утративъ свою автономію, была обращена въ простую русскую провинцію

Глава XII.

Событія въ Ольтахъ и Нариманъ — Дѣйствія полковника Шумскаго.— Прибытіе въ Слыты отряда князя Аргутинскаго-Долгорукова. — Блистательныя дѣла конно-мусульманской бригады при д. Сурпъ-Саркисъ и въ окрестностяхъ Ольты. — Сдача Ольтинской цитадели.—Роспускъ дѣйствующаго корпуса на зимовыя квартиры.—Новый сераскирь Османъ-паша и дѣйствія его въ Терджанскомъ санджакѣ.—Наступленіе сераскира къ Эрзеруму.—Послѣдній бой подъ Бейбуртомъ.—Полный разгромъ сераскира.—Извѣстія о заключеніи мира.

рослѣдивъ шагъ за шагомъ за всѣми событіями кровавой борьбы на главномъ и второстепенныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій, остается теперь заглянуть еще въ одинъ уголокъ очерченнаго раіона — это Ольтинскій и Нариманскій санджаки, которые въ общемъ ходѣ событій играютъ, хотя незначительную, но самостоятельную роль.

Нариманъ и Ольты, по своему географическому положенію находившіеся внѣ пути наступленія русскихъ войскъ, были пройдены мимо, и скоро сдѣлались гнѣздомъ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ, перехватывавшихъ нашихъ курьеровъ и нападавшихъ на наши караваны. Обезпечить свободное сообщеніе по этимъ дорогамъ съ Ахалцыхомъ и Ардаганомъ было необходимо, и главнокомандующій поручилъ усмиреніе горныхъ санджаковъ подполковнику Шумскому, стоявшему въ Ардаганѣ съ 40-мъ Егерскимъ полкомъ и частью карапапахской конницы.

Въ половинѣ іюля мѣсяца 1829 года подполковникъ Шумскій предпринялъ въ горы цѣлый рядъ экспедицій, разсѣялъ турецкія войска, начавшія было формироваться въ бассейнѣ р.р. Чороха, Арданучъ-чая и Куры — въ турецкихъ округахъ Шавшетъ, Гелъ и Ли-

ванъ, наказалъ нѣсколько деревень, укрывавшихъ разбойниковъ и, очистивъ край, насколько было возможно, отъ бродившихъ въ немъ шаекъ, предпринялъ уже большую экспедицію въ Ольты. Городъ однако сдался безъ боя. Тамошній правитель Кучукъ-бей бѣжалъ въ Ливану¹⁾, и на его мѣсто подполковникъ Шумскій поставилъ новаго правителя. На возвратномъ пути, въ Пенякскомъ санджакѣ, двѣ тысячи аджарцевъ пытались преградить ему путь въ крутыхъ лѣсистыхъ горахъ, но егеря взяли завалы штурмомъ и проложили себѣ дорогу оружіемъ.

Спокойствіе, водворившееся послѣ того въ горныхъ санджакахъ, было однако непрочное. Катастрофа, разразившаяся въ августѣ надъ отрядомъ барона Остенъ-Сакена въ Аджаріи, тяжело отозвалась и на дѣйствіяхъ маленькаго ардаганскаго отряда. Какъ только Аджарія открыто стала на сторону Турціи, пускаться въ горы съ такими ничтожными силами, какія находились въ распоряженіи подполковника Шумскаго, было бы крайне рискованно. Экспедиціи пріостановились, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало утрачиваться и наше вліяніе на жителей. Этимъ искусно воспользовался новый турецкій сераскиръ, оцѣнившій вполнѣ ту важную роль, какую могли играть на нашихъ сообщеніяхъ эти пункты, находившіеся на флангѣ нашихъ сообщеній съ Карсомъ. Онъ обратилъ на нихъ особенное вниманіе, и при энергической дѣятельности эмиссаровъ ему удалось возмутить народъ и возстановить въ санджакахъ прежнюю турецкую власть въ лицѣ Гуссейнъ-бека, человѣка весьма энергичнаго и предприимчиваго. Около него стало группироваться все, что было въ населеніи безпокойнаго, празднаго и недовольнаго. Начались убійства всѣхъ сторонниковъ русскихъ; партіи опять появились на дорогахъ, и наши транспорты могли проходить по нимъ только съ большимъ конвоемъ. Обстоятельства значительно усложнялись тѣмъ, что свободныхъ войскъ не было ни въ Эрзерумѣ, ни въ Ардаганѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда графъ Паскевичъ вернулся въ Эрзерумъ изъ своего трапезондскаго похода.

---

¹⁾ Турецкая Ливана — гор. Артвинъ, отчего и весь Артвинскій округъ, въ ущельѣ р. Чо-роха, носитъ названіе „Ливаны“.

Осень въ томъ году наступила ранняя. Сентябрь мѣсяцъ принесъ съ собою пасмурные, дождливые дни и темныя ночи, а утренники стояли такіе холодные, что трава кругомъ покрывалась инеемъ, отчего особенно страдала мусульманская конница съ ея породистыми, но нѣжными лошадьми, невыносившими холода. Трудно было представить, чтобы лазы, лишенные пристанища и вынужденные встрѣчать суровую непогоду въ глухихъ непроходимыхъ тущахъ, отважились бы на новыя предпріятія. Приближалось время зимнихъ квартиръ. Транспортъ за транспортомъ выходилъ изъ Эрзерума по дорогѣ на Гумры, куда перевозили больныхъ и отправляли запасные артиллерійскіе и инженерные парки. Ушла наконецъ и батарейная артиллерія подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ширванскаго полка, а за ними послѣдовали 2-й и 4-й конномусульманскіе полки. Но прежде чѣмъ возвратиться домой, мусульманамъ нужно было сослужить еще одну боевую службу.

Графъ Паскевичъ присоединилъ къ нимъ піонерную роту съ двумя кегорновыми мортирами и, поручивъ этотъ летучій отрядъ подполковнику князю Аргутинскому-Долгорукову,¹⁾ приказалъ ему пройти черезъ Нариманскій и Ольтинскій санджаки съ тѣмъ, чтобы наказать возмущившихся жителей.

11-го сентября отрядъ выступилъ изъ Эрзерума, а 16-го сентября въ одномъ переходѣ отъ Ольты встрѣтили его 800 делибашей, занявшихъ на пути тѣсныя ущелья передъ деревней Сурпъ-Саркисъ. Съ Аргутинскимъ была только одна конница; офицеръ, посланный поторопить піонеръ, отставшихъ въ горахъ, вернулся съ отвѣтомъ, что вьючные верблюды, на которыхъ везлись орудія, совершенно изнурились и едва передвигаютъ ноги, а піонеры не могутъ оставить ихъ безъ прикрытія. Между тѣмъ, бездѣйствіе въ виду непріятели было крайне рисковано, и князь Аргутинскій, подѣхавъ ко 2-му конному полку, стоявшему впереди, сказалъ его командиру: «Сейчасъ начнемъ атаку; нужно имѣть впереди отборныхъ людей—вызовите охотниковъ.» Выдвинулись всѣ четыре сотни разомъ. Самолюбіе татаръ было задѣто, и никто не хотѣлъ

---

¹⁾ Впослѣдствіи знаменитый кавказскій генералъ, начальникъ войскъ Прикаспійскаго края.

оставаться сзади. Тогда командиръ полка майоръ Кувшинниковъ, старый серпуховскій уланъ, два раза раненый въ наполеоновскихъ войнахъ, самъ повелъ первую сотню; за нимъ тронулась вторая, подъ личнымъ начальствомъ Аргутинскаго, а остальные двѣ, поддерживая это движеніе, наступали уступомъ. Весь 4-й полкъ остался въ резервѣ. Но едва головная сотня ринулась въ карьеръ, какъ остальные вырвались, такъ сказать, изъ рукъ своихъ начальниковъ и устремились въ бой безъ всякаго приказанія. Сбитые делибаши втоптаны были въ деревню, гдѣ произошла послѣдняя и самая горячая схватка. Подъ Кувшинниковымъ была убита лошадь, три офицера и 14 татаръ были ранены; но это то упорное сопротивленіе и послужило только къ окончательной гибели непріятеля. Четвертый полкъ, обскакавъ деревню, ударилъ делибашамъ въ тылъ,—и пораженіе было полное. Самъ начальникъ турецкой кавалеріи Асланъ-бей едва успѣлъ ускользнуть, но весь конвой его изъ 54-хъ человѣкъ былъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Два знамя, множество оружія и лошадей составили военную добычу татаръ.

На слѣдующій день отрядъ двинулся къ Ольтамъ, но на пути армяне дали знать, что турки занимаютъ въ городѣ одну цитадель, а самъ начальникъ санджака, Гусейнъ-бекъ, стоитъ въ семи верстахъ отъ Ольты со всею своею конницею. Тогда князь Аргутинскій, приказавъ ротѣ піонеръ наблюдать за крѣпостью, самъ съ двумя полками татаръ двинулся противъ Гусейна. На этотъ разъ впереди шелъ 4-й полкъ, подъ командою капитана Эссена. Онъ съ мѣста тронулся крупною рысью и, далеко опередивъ колонну, втянулся въ глубокое Джуджурусское ущелье; но тутъ приготовлены были засады, и полкъ внезапно со всѣхъ сторонъ былъ атакованъ делибашами. Отбиваться въ тѣсномъ ущельѣ намъ было крайне неудобно. Часть мусульманъ спѣшилась, и подъ ихъ прикрытіемъ Эссенъ медленно, шагъ за шагомъ, сталъ отходить назадъ. Но вслѣдъ за нимъ быстро вынеслась изъ ущелья вся турецкая конница. Впереди скакали знаменщики, и большія полотна, знаменъ, развѣвавшіяся на быстромъ скаку, какъ бы указывали туркамъ путь къ побѣдѣ и славѣ. Таково было общее впечатлѣніе,

говорить одинъ очевидецъ; за этими знаменами красивыми толпами неслись во весь опоръ синіе и красные делибаши. Шелкъ, золото и яркость цвѣтовъ ихъ пестрой одежды,—все показывало присутствіе здѣсь одного изъ тѣхъ турецкихъ начальниковъ, которые любятъ окружать себя восточнымъ блескомъ и сказочною роскошью. И Гусейнъ-бекъ былъ дѣйствительно однимъ изъ такихъ начальниковъ. Все это составляло рѣзкій контрастъ съ нашими татарами, которые еще недавно были такими же нарядными, а теперь дрались въ своихъ отрепанныхъ за походъ черкесахъ. Но, утративъ блескъ и щегольство одежды, они сохранили прежній доблестный духъ и хотя отходили назадъ, но съ достоинствомъ и только поджидали помощи, чтобы броситься на турокъ. Въ эту минуту подоспѣлъ 2-й конный полкъ, — и вся мусульманская бригада разомъ ударила на непріятеля. Пять байрактаровъ, скакавшихъ впереди, были моментально изрублены, и пять знаменъ захвачены ширванскими беками. Загнанные въ ущелье, турки пытались остановить преслѣдованіе, но татары капитана Эссена быстро спѣшились и бросились въ кинжалы; двѣ сотни полка Кувшинникова заскакали въ тылъ, и кровавая рѣзня окончилась совершеннымъ разсѣяніемъ непріятеля.

Между тѣмъ, пока шло кавалерійское дѣло, подпоручикъ Гангеловъ, командовавшій піонерной ротой, поставилъ противъ цитадели кегорновыя мортиры и открылъ бомбардированіе. Изъ цитадели отвѣчали пушечною и ружейною пальбою. Всю ночь шла канонада. Не зная численности гарнизона, князь Аргутинскій дѣйствовалъ осторожно, не рискуя на штурмъ; но такъ какъ двумъ нашимъ мортиркамъ отвѣчало 8 турецкихъ орудій, то борьба для насъ становилась не равной. Тогда князь Аргутинскій прибѣгнулъ къ переговорамъ, обѣщая отпустить весь гарнизонъ съ имуществомъ, хотя и безъ оружія. Непріятель принялъ эти условія и черезъ часъ передъ княземъ Аргутинскимъ предстало 20 аджарцевъ.

—«Гдѣ же остальной гарнизонъ?» спросилъ князь Аргутинскій. Аджарцы переглянулись. — «Мы всѣ тутъ, насъ только и было 20 человекъ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Замокъ тотчасъ былъ за-

нять піонерами и въ немъ взяты двѣ мѣдныя мъртиры и шесть легкихъ пушекъ.

Едва войска покончили съ Ольтами, какъ пришло извѣстіе, что Гусейнъ-бекъ ночуетъ съ небольшимъ конвоемъ недалеко отъ Ольты, въ деревнѣ Карапетъ. Мысль захватить его была такъ соблазнительна, что князь Аргутинскій, несмотря на усталость татаръ, выдержавшихъ двухдневный горячій бой, ночью выступилъ изъ Ольты и къ разсвѣту внезапно нагрянулъ на деревню. Въ это самое время съ противоположнаго конца ея выскочила конная партія и устремилась къ лѣсу. Сотня мусульманъ съ маіоромъ Кувшинниковымъ понеслась за нею, а остальные отрѣзали всѣ пути къ отступленію, чтобы не дать возможности уйти Гусейнъ-беку. Конвой дѣйствительно былъ настигнутъ и истребленъ почти поголовно, но Гусейнъ-бека съ нимъ не было. Онъ пустилъ конвой по большой дорогѣ, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ, а самъ только съ пятью всадниками бросился въ горы по такимъ мѣстамъ, что изъ пяти сопровождавшихъ его нукеровъ три сорвались съ кручъ и вмѣстѣ со своими лошадьми разбились на смерть. Самъ Гусейнъ-бекъ спасся. Набѣгъ такимъ образомъ не удался, но нравственные результаты его сказались тѣмъ, что когда отрядъ вернулся въ Ольты, тамъ уже вполнѣ была восстановлена русская власть и новый правитель былъ избранъ самимъ народомъ. Ольты и Нариманъ смирились.¹⁾

«Долгомъ считаю свидѣтельствовать передъ Вашимъ Величествомъ—писалъ графъ Паскевичъ къ государю,—объ отличной храбрости мусульманскихъ полковъ, которые при всякомъ случаѣ не переставали являть новые опыты привязанности къ русскому правительству и тотъ доблестный духъ, который мнѣ удалось возбудить въ нихъ поощреніями и хорошимъ обхожденіемъ. Добытые ими семь знаменъ и ключи крѣпости Ольты повергаю къ стопамъ Вашего Величества».

Поощреніе и вниманіе, или, какъ выражается графъ Паскевичъ въ письмѣ государю, «хорошее обхожденіе»—вотъ тѣ могу-

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 г. № 80.

чіе двигатели, которые въ рукахъ его создали тѣ превосходныя боевыя части, какими явились конно-мусульманскіе полки въ бояхъ не только противъ турокъ, но въ послѣдствіи, подъ начальствомъ того же графа Паскевича, и противъ такихъ отлично обученныхъ европейскихъ войскъ, какими были венгерскіе гусары. А между тѣмъ нельзя не отмѣтить тотъ фактъ, что на Кавказѣ, послѣ отъѣзда графа Паскевича-Эриванскаго, уже не встрѣчается вовсе подобныхъ милицій: татарскіе полки выходили на службу, но къ старымъ заслугамъ новыхъ они не прибавляли.

Въ то время, какъ описанныя нами событія происходили въ Ольтахъ и Нариманѣ, въ Эрзерумѣ продолжался роспускъ войскъ на зимовныя квартиры. Слухъ, что русскіе уходятъ изъ Эрзерума, мгновенно облетѣлъ весь край,—и общимъ единодушнымъ откликомъ народа было мнѣніе, что пришелъ часъ, когда мусульмане должны возстать поголовно и подъ побѣднымъ знаменемъ пророка, исторгнуть наконецъ этотъ губительный мечъ изъ рукъ страшныхъ гяуровъ. Одушевленію народа много способствовалъ новый сераскиръ Османъ-паша, самъ происходившій изъ воинственнаго племени лазовъ и успѣвшій изъ остатковъ разбитыхъ войскъ быстро сформировать регулярную армію, численность которой достигала 10-ти тысячъ пѣхоты и конницы. Сильные авангарды его, выдвинутые къ сторонѣ Эрзерума, занимали Бейбуртъ и Килкитъ-чифтликъ, а главныя силы стояли въ Гюмишъ-хана, поджидая артиллерію, которую везли изъ Константинополя моремъ.

Первыя свѣдѣнія о сборахъ непріятеля главнокомандующій получилъ около 9-го сентября, когда небольшой отрядъ полковника Миклашевскаго, — шесть ротъ 42-го Егерскаго полка, — былъ посланъ въ Терджанскій санджакъ для сбора реквизиціоннаго хлѣба. Санджакъ однако былъ занятъ уже непріателемъ. Тогда на помощь къ Миклашевскому прибылъ генералъ Муравьевъ съ Кавказской гренадерской бригадой изъ Ашкалы и Нижегородскій полкъ изъ Мегмансура. Войска заняли селеніе Пекириджъ и преслѣдовали непріятеля до самой деревни Пунъ, служившей резиденціей Терджанскаго правителя Мах-

мудъ-бека. Деревня была взята, и домъ правителя разрушенъ до основанія. Въ это время пронесся слухъ, что сераскиръ идетъ на Ашкалу, и Муравьевъ съ своей бригадой и Нижегородскимъ полкомъ поспѣшилъ назадъ, чтобы преградить путь непріятелю къ Эрзеруму. Но едва ушли гренадеры, какъ турки возобновили нападеніе, и Пекириджъ два раза переходилъ изъ рукъ въ руки; егеря отбили знамя, и хотя въ концѣ концовъ удержали за собою деревню, но въ ту же ночь шесть тысячъ турокъ вновь сблжили Пекириджъ и отрѣзали Миклашевскому всѣ пути къ отступленію. Отрядъ очутился въ блокадѣ. Опять на выручку явился генераль Муравьевъ и, подъ прикрытіемъ его бригады, егеря отошли къ Аш-калѣ. Такимъ образомъ задача отряда—сборъ реквизиціоннаго хлѣба, не была исполнена. Но о реквизиціяхъ теперь уже нечего было и думать.

Около 20-го сентября графъ Паскевичъ получилъ извѣстіе, что султанъ прислалъ настоятельный фирманъ, требовавшій овладѣть Эрзерумомъ, и что артиллерія, которую ждали въ Гюмишъ-хана прибыла изъ Константинополя. Самъ сераскиръ переѣхалъ въ Бейбуртъ, чтобы быть ближе къ начинающимся военнымъ дѣйствіямъ. Его прокламаціи, обращенныя къ жителямъ, читались въ городахъ и селахъ, въ мечетяхъ и на площадяхъ, а между тѣмъ делибаши стали уже появляться подъ самымъ Мегмансуромъ, гдѣ стоялъ авангардъ князя Голицына.

Это необыкновенное возбужденіе турокъ заставило графа Паскевича отказаться отъ намѣренія распустить войска на зимовыя квартиры. Нужно было, напротивъ, воспользоваться сборомъ ихъ, чтобы разрушить замыслы непріятеля,— иначе подобное положеніе дѣлъ не могло обѣщать спокойствія въ завоеванномъ краѣ и для охраны Эрзерума пришлось бы оставить почти весь дѣйствующій корпусъ. Примѣръ Ахалцыха, осажденнаго въ глубокую зиму, научилъ графа Паскевича быть осторожнымъ и не слишкомъ довѣряться затишью зимовыхъ квартиръ.

Не теряя времени, главнокомандующій рѣшилъ самъ открыть наступательныя дѣйствія и начать ихъ вторичнымъ походомъ къ Бейбурту. Сборы къ выступленію тотчасъ же были замѣнены жи-

телями, и гонцы поскакали къ сераскиру съ извѣстіемъ, что русскіе уходятъ. Всѣ мысли были настроены такъ, что другого исхода никто не хотѣлъ допустить,—и тѣмъ полнѣе было разочарованіе, когда увидѣли, что русскіе идутъ не назадъ, а прямо къ Бейбурту. Все замерло въ тревожномъ ожиданіи.

Войска двинулись на Бейбуртъ двумя колоннами: одна, генераль-адъютанта Потемкина, полки: Грузинскій и Херсонскій гренадерскіе, Сводный уланскій и пять казачьихъ съ 10 ю орудіями двигалась изъ Ашкалы прямо черезъ гору Копъ-дагъ; другая, генерала Гилленшмидта,—весь Эриванскій полкъ, шесть ротъ Ширванскаго и двѣ роты 41-го Егерскаго полка, Нижегородскій драгунскій, 2-й Сборный линейный казачій и Донской генерала Карпова полки, съ 24 орудіями,—изъ Эрзерума на Мегмансуръ, Хоша-Бунаръ и Джанъ-Уранъ. При этой колоннѣ находился и графъ Паскевичъ. Въ Мисъ-майданѣ (мѣдные заводы), лежавшимъ въ двухъ часахъ пути отъ Бейбурта, обѣ колонны соединились, и въ три часа пополудни войска двинулись дальше по лѣвому берегу Чороха; на правую сторону переброшены были только Нижегородскій полкъ, да конница Гайты, подъ общимъ начальствомъ князя Голицына. Скоро тамъ завязалась перестрѣлка, не умолкавшая уже до самаго Бейбурта.

Когда подходили къ Бейбурту, главнокомандующій, опередивъ войска, поднялся на горы и, осмотрѣвъ при вечернемъ сумракѣ турецкія укрѣпленія, приказалъ расположиться на ночлегъ. Ночью армяне доставили свѣдѣнія, что въ Бейбуртѣ находится 12-ти тысячный корпусъ, и что сераскиръ съ остальными силами идетъ изъ Балахора. Чтобы предупредить соединеніе двухъ корпусовъ, военный совѣтъ рѣшилъ атаковать Бейбуртъ на разсвѣтѣ.

«Я зналъ,—доносилъ графъ Паскевичъ государю,—что сераскиръ находится въ четырехъ или пяти часахъ пути отъ Бейбурта и наканунѣ прислалъ сюда въ подкрѣпленіе двѣ тысячи лазовъ и обѣщалъ самъ притти на другой день со всѣми остальными войсками. Сіе заставило меня ускорить атаку, и я, оставивъ коммуникаціи мои съ Эрзерумомъ, рѣшился обойти городъ слѣва, чтобы повести нападеніе съ западныхъ высотъ, которыя командовали

всѣмъ городомъ и доставляли намъ то важное преимущество, что мы, ставъ на оныхъ, отрѣзывали городъ отъ всякаго сообщенія съ Терджаномъ, Чифтликкомъ и частью съ Трапезондомъ».

Дѣйствительно, съ разсвѣтомъ 27-го сентября весь корпусъ двинулся въ обходъ Бейбурта правымъ берегомъ Чороха на сел. Мануръ и Арузга, чтобы стать на западныхъ горахъ, какъ болѣе доступныхъ и дававшихъ возможность отбросить непріятеля въ противоположную сторону отъ Балахора. Авангардъ генсрала Сергѣева, — Донскіе полки Карпова, Фѣмина и 2-й Сборный линейный, — скоро сбиль передовой турецкій отрядъ, и наша пѣхота поднялась на горы, командующія городомъ. Отсюда былъ виденъ уже весь Бейбуртъ. Старая крѣпость его лежала въ развалинахъ, взорванная во время нашего перваго похода, и теперь оборона города заключалась только въ его крѣпкой мѣстности. Но за то мѣстность эта стоила хорошей цитадели. Со всѣхъ сторонъ вплотную придвинулись къ Бейбурту высокія и крутыя горы, доступныя только лишь съ запада. За этими горами, на востокъ, лежалъ санджакъ Испиръ, на сѣверъ—Хартская долина, памятная своими кровавыми боями. Съ западной стороны, гдѣ стоялъ графъ Паскевичъ, городъ обнесенъ былъ шанцами съ двумя батареями, и тутъ же находился турецкій лагерь, прикрытый двумя редутами Рѣка Чорохъ, огибая городъ съ трехъ сторонъ и разрывая сѣверный кряжъ глубокимъ ущельемъ, несла свои воды черезъ ту же Хартскую долину къ далекому Черному морю. На лѣвомъ берегу этой рѣки, тотчасъ по выходѣ изъ города, находилось старое турецкое кладбище, на которомъ также стояла батарея.

Непріятель, сбитый съ передовыхъ высотъ, остановился въ верстѣ отъ города, откуда стали къ нему подходить подкрѣпленія. Ошибка непріятеля, рѣшившагося выйти изъ своихъ окоповъ, не укрылась отъ графа Паскевича, и онъ тотчасъ подалъ сигналъ къ наступленію. Войска двинулись тремя колоннами: средняя, генерала Муравьева, Грузинскій и Херсонскій полки съ десятью орудіями — шла прямо на Бейбуртъ; ее поддерживали: справа кавалерійская бригада князя Голицына, съ шестью конно-линейными казачьими орудіями, а слѣва — три казачьи полка Сергѣева. Пос-

лѣдній долженъ былъ, выждавъ атаку средней колонны, стать на сообщеніяхъ непріятеля по дорогамъ на Балахоръ, Трапезондъ и Хартъ и принудить его обратиться на востокъ, въ горы, къ сторонѣ Испира. Эриванскій и Ширванскій полки съ остальными казачками остались въ резервѣ.

Бригада Муравьева наступала въ двѣ линіи. Когда Грузинскій полкъ началъ спускаться въ лощину, Херсонскій—со всею артиллеріею подвинулся на самый край спуска и черезъ головы атакующихъ открылъ по непріятелю учащенный огонь. Подъ его прикрытіемъ грузинцы прошли лощину и безъ выстрѣла бросились бѣгомъ на противоположную высоту. Непріятель не выдержалъ этого удара и быстро отступилъ на слѣдующій гребень. Тамъ была также лощина, и повторился тотъ же маневръ: грузинцы переходили оврагъ, херсонцы, занимая ихъ мѣсто, громили непріятеля огнемъ артиллеріи. Турки, тѣснимые съ одной высоты на другую, скоро обратились въ бѣгство, но густыя толпы, заботившіяся теперь только о томъ, чтобы скорѣе вскочить въ свои шанцы, заслонили собою всю линію укрѣпленій. Непріятельскій огонь оборвался. Въ это самое время изъ-за фланга нашей пѣхоты на полныхъ рысяхъ вынеслась кавалерійская бригада князя Голицына. Минута была самая рѣшительная. Уланы съ мѣста во весь опоръ пустились за бѣгущими, отбили часть ихъ отъ города, и погнали по направленію къ Чорохскому ущелью. На долю нижегородцевъ выпала еще болѣе трудная и славная работа, о которой рассказываютъ участники бейбуртскаго боя слѣдующее.¹⁾

Едва полкъ, подъ командой князя Андроникова, выдвинулся въ колоннахъ къ атакѣ, какъ передъ нимъ лицомъ къ лицу очутилась свѣжая непріятельская конница, выѣхавшая изъ окоповъ. Она заслонила собою бѣгущихъ. Обѣ конныя массы приостановились въ безмолвномъ созерцаніи, какъ-бы измѣряя силы другъ друга. Вотъ тутъ-то случилось одно обстоятельство, на первый взглядъ совершенно ничтожное, но которое нерѣдко даетъ совершенно иной оборотъ сраженію.

---

¹⁾ Рукописныя записки князя И. М. Андроникова, командовавшаго въ этотъ день Нижегородскимъ полкомъ.

Турецкій офицеръ, отдѣлившись отъ цѣпи своихъ фланкеровъ, подскочилъ къ драгунскому фронту и почти въ упоръ выстрѣлилъ изъ пистолета. Но онъ не успѣлъ еще повернуть коня, какъ командиръ перваго взвода I-го эскадрона, поручикъ князь Ясонъ Чавчавадзе, кинулся на него съ поднятою плетью. Офицеръ сталъ уходить; Чавчавадзе насѣлъ на него вплотную. Видя, что оба они уже подсакиваютъ къ турецкому фронту, и что Чавчавадзе не остановится,—весь первый взводъ безъ приказанія ринулся за своимъ командиромъ; за взводомъ пустился весь первый эскадронъ, за первымъ второй,—и черезъ мгновеніе всѣ шесть эскадроновъ бѣшенно неслись на турецкіе окопы. Конница, стоявшая передъ ними, была смята; а Чавчавадзе и его противникъ скакали между тѣмъ все дальше и дальше. Уже передъ ними показалась грозная линія батарей и редутовъ. Турецкій офицеръ вскочилъ въ укрѣпленіе. Чавчавадзе пріостановился только на мигъ, далъ шпоры, и бѣлый кабардинскій конь, отдѣлившійся отъ земли и распластавшись въ воздухѣ, какъ птица, перелетѣлъ окопъ и скрылся за брустверомъ. Чавчавадзе очутился одинъ среди тысячи турокъ. Но тѣ еще не пришли въ себя отъ изумленія, какъ уже принесли драгуны. Полковникъ Андрониковъ, вмѣстѣ съ первымъ дивизіономъ Маркова, ринулся на батарею—и черезъ мгновеніе уже сидѣлъ на пушкахъ. Оба орудія сразу попали въ руки драгунъ; одно изъ нихъ было заряжено картечью: тогда другой Чавчавадзе,—богатырь по росту и силѣ, спрыгнулъ съ коня и, повернувъ орудіе, самъ сдѣлалъ изъ него послѣдній картечный выстрѣлъ по бѣгущимъ туркамъ. Такое же славное участіе выпало на долю и остальнымъ эскадронамъ 2-й дивизіонъ капитана Гринфельдта, принявшій нѣсколько влѣво, вскочилъ на другую батарею и, изрубивъ прислугу, также овладѣлъ двумя орудіями. Въ то же время 3-й дивизіонъ, подъ командой маісра князя Баратова, пронесся черезъ весь укрѣпленный лагерь и вырвалъ его изъ рукъ непріятеля, вмѣстѣ съ двумя редутами. Ни ружейный, ни пушечный огонь, ни рвы, ни укрѣпленные шанцы ничто не остановило драгунъ. Они ворвались въ улицы города и захватили еще одно орудіе. Такимъ образомъ не прошло десяти минутъ отъ начала

Бой у Бейбурга и поражение турецкой армии Османъ-паши 24-го сентября 1829 года.

Картина Матковского.

атаки, какъ вся линія городскихъ укрѣплений съ редутами и батареями, пала подъ ударомъ шести эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ — подвигъ достойный быть отмѣченнымъ военною исторіею.

Графъ Паскевичъ съ высокаго холма видѣлъ эту бѣшенную атаку и казался смущеннымъ. Онъ повторялъ съ волненіемъ: «Куда, зачѣмъ они скачутъ?» Онъ опасался, что вотъ-вотъ они попадутъ подъ картечный огонь изъ укрѣплений, но ему и въ голову не приходило, чтобы они скакали именно на эти укрѣпленія. Когда же все кончилось, и турецкія пушки стали бить по своимъ, онъ снялъ фуражку и, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: «Вотъ вамъ мои нижегородцы! — Они не знаютъ что значитъ невозможное». Два адъютанта его — Сумбатовъ и князь Кудашевъ тотчасъ поскакали въ Бейбуртъ передать драгунамъ «спасибо главнокомандующаго».

Бой въ улицахъ города продолжался не долго. Непріятель разбился на части: одни засѣли въ домахъ, другіе бѣжали къ сторонѣ Испира; за ними пошли драгуны и двинулись подоспѣвшіе сюда полки гренадерской бригады съ 10-ю орудіями. Въ то же время Ширванскій полкъ, выдвинутый изъ резерва, вступилъ въ городъ и бросился штурмовать саклю за саклей. Бейбуртъ былъ зажженъ, и подъ развалинами горѣвшихъ домовъ гибли и правые и виноватые, вооруженные лазы и безоружные жители. Картина пожара была такъ ужасна, что лазы не выдержали и, думая найти спасеніе въ горахъ, устремились — одни на сѣверъ къ Чорохскому ущелью, другіе влѣво на дорогу къ Харту. Но гибель ждала ихъ повсюду. Тѣ, которые искали спасенія въ ущельѣ, попали прямо на отрядъ Сергѣева и въ паникѣ бѣжали отъ казаковъ опять къ городскому предмѣстью. Тѣ, которые пошли на Хартъ, столкнулись со своднымъ уланскимъ полкомъ, преградившимъ имъ дорогу. Эскадронъ бѣлогородцевъ первый врубился въ пѣхоту, взялъ знамя и отбросилъ турокъ опять къ городскому форштадту, гдѣ распоряжались ширванцы. Видя и здѣсь неминуемую гибель, неприятели думали пробраться окраиною города къ Чорохскому ущелью; но оттуда уже бѣжали другія толпы, гонимыя казаками. И вотъ, вся эта обезумѣвшая масса ринулась къ единственному

мосту, чтобы перейти на правый берег Чороха и бѣжать къ Испиру. Всѣ перемѣшались вмѣстѣ, всѣ спѣшили уйти, и въ этой общей давкѣ сотни несчастныхъ, срываясь съ моста, гибли въ волнахъ бѣшеннаго Чороха. Въ довершеніе всего подоспѣвшая артиллерія открыла огонь, и картечь валила безъ разбора всѣхъ и лавовъ, аджарцевъ, и турокъ, и цѣлыя семьи бейбуртскихъ жителей.

Въ этотъ моментъ, опять появились уланы. Тогда чувство самосохраненія пересилило страхъ, и вся толпа, неуспѣвшая еще переправиться, кинулась на кладбище, установленное частыми могильными памятниками. Высокая ограда, замкнутая тяжелыми воротами, не давала возможности ворваться на коняхъ, а времени терять было нельзя. Тогда уланы спѣшились и съ двухъ сторонъ ударили въ пики. Серпуховскій эскадронъ ротмистра Хандакова тотчасъ захватилъ орудіе; другіе эскадроны отбили два знамя; сто человѣкъ защитниковъ было переколото, 220 положили оружіе и взяты въ плѣнъ; остальные укрылись опять въ садахъ и жилищахъ зарѣчнаго форштадта. Штурмовать предмѣстье уланамъ было уже не подъ силу; но тутъ подоспѣли шесть ротъ Эриванскаго полка, высланныя графомъ Паскевичемъ изъ резерва. Эриванцы очистили форштадтъ и вмѣстѣ съ уланами пустились преслѣдовать тѣхъ, которые, успѣвъ прорваться, бѣжали по испирской дорогѣ.

Между тѣмъ на томъ же испирскомъ пути, только далеко впереди ихъ, гибла другая толпа, бросившаяся сюда-же непосредственно изъ самаго Бейбурта. Ее настигли драгуны и гренадерскіе полки Муравьева около деревни Дадузаръ, лежавшей въ горахъ къ востоку отъ города. Непріятель вскочилъ на высокій утесъ Егры-гаутъ, висѣвшій надъ страшнымъ обрывомъ и думалъ защищаться. Херсонцы два раза ходили на приступъ, но оба раза были отбиты. Ихъ смѣнилъ Грузинскій гренадерскій полкъ,—и третья атака, покровительствуемая сильнымъ огнемъ артиллеріи, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; часть непріятели была истреблена, остальные забраны въ плѣнъ.

Сюда то, къ этому Егры-гауту, поспѣшно бѣжали теперь толпы, разбитыя уланами. Но они не успѣли взобраться на утесъ,

какъ были настигнуты русскою конницею и, прижатые у подножія скалы къ глубокому оврагу, выкинули бѣлый флагъ и положили оружіе. Это былъ заключительный эпизодъ бейбуртскаго боя.

Чтобы дорисовать картину военныхъ дѣйствій, остается прибавить, что около полудня, когда наши войска преслѣдовали бѣгущихъ турокъ, и подъ рукой у главнокомандующаго оставались только Эриванскій и Ширванскій полки, сераскирь находился всего въ пяти или шести верстахъ отъ города; его пикеты показались уже на гребнѣ сѣверныхъ высотъ. Тогда оба полка, по приказанію графа Паскевича, заняли позицію фронтомъ къ чифтликской дорогѣ и приготовились къ отпору. Но сераскирь, убѣдившись въ страшной гибели Бейбурта, и «не рѣшаясь атаковать крутыя возвышенности, занятыя русскими¹⁾» поспѣшно отступилъ къ Балахору. Поведеніе его вызвало всеобщее негодованіе турокъ, тѣмъ болѣе, что онъ не только не предупредилъ бейбуртскихъ жителей объ опасности, но даже по какимъ то непонятнымъ расчетамъ удержалъ ихъ въ городѣ. Обыватели застигнуты были штурмомъ врасплохъ и вмѣстѣ съ лазами испытали одинаково горькую участь.

„Къ сожалѣнію, — писалъ графъ Паскевичъ въ донесеніи своемъ къ государю, — жители Бейбурта сильно пострадали при штурмѣ; нельзя было уберечь ихъ, атакуя непріятеля, засѣвшаго въ городскихъ стѣнахъ“.

Поздно возвратились войска изъ своего преслѣдованія и стали устраивать лагерь на мѣстѣ бывшихъ турецкихъ окоповъ.

Трофеями побѣды было 1270 плѣнныхъ, 12 знаменъ, 6 полевыхъ орудій, изъ которыхъ пять взяты съ боя нижегородцами и одно уланами. Георгіевскіе кресты только получили за бейбуртскій бой: Нижегородскаго полка полковникъ князь Андрониковъ и капитанъ Гринфельдтъ и Своднаго уланскаго полка ротмистръ Хандаковъ.²⁾

---

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Журналъ военныхъ дѣйствій за сентябрь и октябрь мѣсяцы и всеподданнѣйшій рапортъ графа Паскевича 6-го октября 1829 года.

²⁾ Къ георгіевскому кресту представленъ былъ также Нижегородскаго полка поручикъ князь Чавчавадзе, но Паскевичъ замѣнилъ эту награду орденомъ св. Анны 2-й степени. Поводомъ, послужившимъ къ этому былъ эпизодъ не лишенный интереса для характеристики

Потеря русского корпуса состояла изъ 10-ти офицеровъ и ста человекъ нижнихъ чиновъ.¹⁾

Страшную картину представляла собою темная осенняя ночь съ 27-го на 28-е сентября. Бейбуртъ былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ. Яркое пламя пожара, то отражаясь въ быстрыхъ волнахъ Чороха, то взметаясь тысячами искръ въ густомъ дыму, поднималось къ небу и багровымъ свѣтомъ озаряло скаты окрестныхъ горъ. Въ городѣ слышался гулъ и трескъ разрушающихся зданій. Пожаръ никто не тушилъ, «и черезъ два дня,—говоритъ очевидецъ,—само всесокрушающее время могло бы написать на развалинахъ Бейбурта: *K'et* (былъ)—ни точки болѣе.»

Бейбуртъ былъ разрушенъ до основанія, и спасшіеся жители его разсѣялись по разнымъ селеніямъ. Войска цѣлый день отдыхали на развалинахъ города, а затѣмъ весь корпусъ двинулся къ Балахору противъ сераскира, не успѣвшаго спасти несчастныхъ бейбуртцевъ,—но тутъ пришло извѣстіе о заключеніи мира.

Турецкая война окончилась.

тогдашнего времени и дѣйствующихъ лицъ. Когда Муравьевъ вступилъ въ Бейбуртъ съ своею бригадою, онъ встрѣтилъ поручика князя Чавчавадзе, которому командиръ полка, продолжавшій преслѣдовать турокъ, приказалъ остаться въ городѣ, чтобы собрать отставшихъ людей и какъ можно скорѣе догнать съ ними полкъ Муравьева, встрѣтившій Чавчавадзе, приказалъ ему остаться при пѣхотѣ. Чавчавадзе отвѣтилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ имѣетъ положительное приказаніе спѣшить къ полку, который далеко впереди и можетъ нуждаться въ помощи. Муравьевъ, не отличавшійся мягкостью въ выраженіяхъ, принялся распекалъ Чавчавадзе и сталъ грозить пальцемъ. Чавчавадзе отступилъ два шага назадъ, и молча, положилъ руку на шашку. Это движеніе заставило Муравьева опомниться, но онъ не успѣлъ еще ничего сказать, какъ Чавчавадзе вскочилъ на коня и ускакалъ съ своими драгунами. Муравьевъ тотчасъ подалъ рапортъ и потребовалъ преданія Чавчавадзе суду по законамъ военнаго времени. Этотъ рапортъ испортилъ графу Паскевичу все настроеніе духа послѣ блестящей побѣды. Тѣмъ не менѣе, на другой день утромъ онъ одинъ отправился пѣшкомъ на бивакъ Нижегородскаго полка, чтобы поблагодарить его за вчерашній бой. «Такой атаки я не видѣлъ никогда, сказалъ онъ, въ теченіи всей своей боевой службы». Онъ обнялъ Андроникова и сказалъ: «представь мнѣ того офицера, который на бѣлой лошади первый вскочилъ въ укрѣпленіе. Андрониковъ представилъ князя Чавчавадзе.---Это какой Чавчавадзе? спросилъ графъ Паскевичъ, не тотъ-ли, на котораго жаловался генералъ Муравьевъ?». Тотъ самый, отвѣтилъ Андрониковъ. «Молодой человекъ, сказалъ ему Паскевичъ, знаете-ли чему вы подвергались за вашъ неумѣстный жестъ передъ генераломъ? Вы сто разъ заслужили Георгія, но вы его не получите.» Муравьеву также досталось за его нетактичность, и рапортъ его былъ возвращенъ обратно. Говорили тогда, что это послужило одною изъ причинъ ухода Муравьева съ Кавказа. (Рукописныя записки князя Андроникова и князя Амилохвари).

¹⁾ Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1829 года № 99. Всеподданнѣйшее донесеніе графа Паскевича отъ 6-го октября 1829 года.

Глава XXIII.

Миръ, заключенный въ Адріанополѣ 2-го сентября 1829 года.—Причины поздняго полученія извѣстія о немъ на Кавказѣ. Торжество въ русскомъ лагерѣ. Общественное мнѣніе о побѣдахъ Паскевича въ Европѣ и Россіи. Малая заботливость о выгодахъ Кавказа при заключеніи мира.—Графъ Нессельроде и переписка съ нимъ Паскевича.—Мнѣніе императора Николая.—Неудавшаяся попытка исправить трактатъ.—Производство Паскевича въ фельдмаршала.—Поѣздка его въ Петербургъ.—Возвращеніе войскъ въ Россію.—Памятники турецкой войны

Миръ между Россіей и Турціей былъ заключенъ въ Адріанополѣ еще 2 го сентября 1829 года. Война тогда же окончилась. Но то, что въ Адріанополѣ пріобрѣло право законности и стало совершившимся фактомъ,—долго еще не было извѣстно ни въ Эрзерумѣ, гдѣ находилась главная квартира Паскевича, ни въ суровыхъ горахъ Лазистана, гдѣ сераскиръ собиралъ послѣднія разрозненныя силы Турціи. Потребовался цѣлый мѣсяцъ, чтобы эта благодатная вѣсть пронеслась на другой берегъ Чернаго моря и дошла наконецъ до Кавказа.

А въ этотъ мѣсяцъ сколько напрязно было пролито крови и угасло человѣческихъ жизней! Существой въ то время телеграфная проволока—не было бы ни бейбуртскихъ погромовъ, ни чихисдзирскихъ штурмовъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ такъ много было высказано геройскихъ усилій и совершенно напрасно, потому что они уже безсильны были измѣнить въ судьбахъ Россіи и Турціи то, что еще 2-го сентября 1829 года было рѣшено и подписано въ стѣнахъ Адріанополя.

Графъ Дибичъ, главнокомандующій Дунайской арміей, съ своей стороны не промедлилъ ни минуты, чтобы извѣстить графа Паскевича о заключеніи мира, два курьера немедленно пове-зи

ли къ нему это извѣстіе въ Малую Азію: адъютантъ фельдмаршала, ротмистръ Могучій, сѣлъ на корабль въ Сизополѣ и моремъ отправился въ Трапезондъ, а генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Дюгамель поскакалъ сухимъ путемъ черезъ Константинополь на Сивасъ и Токать.

22-го сентября русскій бригъ, подъ парламентарскимъ флагомъ, появился въ виду Трапезонда. Паша, начальствовавшій въ городѣ, встрѣтилъ однако русское судно пушечными выстрѣлами, и только уже по настоятельному требованію ротмистра Могучаго, рѣшилъ наконецъ допустить его къ рейду. Могучій сѣхалъ на берегъ, но здѣсь ему объявили, что со стороны турецкаго правительства нѣтъ никакихъ извѣстій о мирѣ и потому пропустить его къ русскому главнокомандующему не могутъ. «Да какой главнокомандующіи нуженъ вамъ? спросилъ въ заключеніе паша:— Паскевича нѣтъ уже въ Турціи, а голову его преемника надняхъ привезутъ въ Трапезондъ».— «Это не мое дѣло,—отвѣчалъ ротмистръ Могучій,— нѣтъ главнокомандующаго, такъ есть главная квартира, и я прошу васъ указать мѣсто, гдѣ она находится.» Паша отвѣчалъ, что она была въ Эрзерумѣ, который по всей вѣроятности теперь уже взятъ сераскиромъ, и русскіе находятся гдѣ нибудь на пути къ Карсу или къ Гумрамъ. Тогда ротмистръ Могучій потребовалъ, чтобы его отправили въ лагерь сераскира. «Въ этомъ случаѣ мы обязаны распечатать ваши бумаги сказалъ паша— безъ этого условія пропускъ невозможенъ».— «Вы видите сами— возразилъ ротмистръ Могучій,— что депеши адресованы на имя русскаго главнокомандующаго и что, слѣдовательно, вскрыть ихъ кромѣ его никто не можетъ.»— «Такъ сдѣлаемъ вотъ что—предложилъ любезно паша,—вы подождите въ Трапезондѣ, а мы напишемъ въ Константинополь и потребуемъ оттуда инструкцій»... Видя, что здѣсь добиться ничего нельзя, ротмистръ Могучій рѣшился, не теряя времени, сѣсть снова на судно и отплыть къ другимъ черноморскимъ портамъ.

Посольство штабсъ-капитана Дюгамеля было нѣсколько удачнѣе, но и его продержали въ Константинополѣ цѣлыхъ десять дней, благодаря тому, что турецкій министръ, несмотря на критическое

положеніе государства, ни за что не хотѣлъ отступить отъ стариннаго обычая, требовавшаго, чтобы мирный договоръ, который долженъ подписать султанъ, былъ начертанъ на пергаментѣ и притомъ золотыми буквами.¹⁾ Наконецъ всѣ формальности были окончены, но и затѣмъ штабсъ-капитана Дюгамеля повезли изъ Скутари не прямымъ путемъ на Токать, а кругомъ на Трапезондъ, куда онъ прибылъ только утромъ 26-го сентября. Тутъ онъ узналъ, что сераскиръ и Паскевичъ находятся въ окрестностяхъ Бейбурта, что обѣ арміи стоятъ другъ противъ друга и на дняхъ ожидается большое сраженіе.

Чѣмъ болѣе торопился штабсъ капитанъ Дюгамель отъѣздомъ чтобы успѣть остановить напрасное уже кровопролитіе, тѣмъ болѣе его старались задерживать подъ разными предлогами и выпустили только на слѣдующій день вечеромъ. Сраженіе между тѣмъ началось и кончилось полнымъ пораженіемъ турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Бейбурта къ Гюмюшъ-хана на пути къ Трапезонду.

Впослѣдствіи обнаружилось, что сераскиръ уже нѣсколько дней какъ получилъ султанскій фирманъ, извѣщавшій его о начавшихся мирныхъ переговорахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ константинопольскій дворъ требовалъ, чтобы сераскиръ воздержался отъ всякихъ наступательныхъ дѣйствій, избѣгая сраженій, теперь уже бесполезныхъ. Зналъ объ этомъ, само собою разумѣется, и трапезондскій паша во время пріѣзда ротмистра Могучаго, но молчалъ въ угоду сераскиру, который задумалъ воспользоваться послѣдними днями войны, чтобы разбить графа Паскевича, ослабленнаго, какъ онъ полагалъ, послѣдними неудачами на правомъ флангѣ и роспускомъ войскъ на зимовыя квартиры. На этой побѣдѣ сераскиръ хотѣлъ основать свою личную военную славу. О пріѣздѣ Дюгамеля въ Трапезондъ онъ получилъ извѣстіе въ ночь съ 26-го на 27-е, когда обѣ арміи стояли другъ противъ друга и, слѣдовательно, было еще время остановить кровопролитіе; но въ ожиданіи результатовъ сраженія сераскиръ съ умысломъ задержалъ эти де-

---

¹⁾ Автобіографія Дюгамеля. Русскій архивъ 1885 года Книга первая.

пеши, и только жестокий бейбуртский погромъ заставилъ его не скрывать болѣе извѣстій о мирѣ. Посланный имъ офицеръ явился въ нашу главную квартиру ночью 28-го сентября и представилъ главнокомандующему письмо, въ которомъ сераскиръ писалъ, что миръ заключенъ, и что съ этимъ извѣстіемъ ѣдетъ курьеръ отъ графа Дибича, а до его пріѣзда предлагалъ заключить перемиріе съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы русскія войска не двигались ни шагу впередъ. Такому заявленію сераскира, тотчасъ послѣ проиграннаго имъ сраженія, нельзя было дать полной вѣры. Но тѣмъ не менѣе, графъ Паскевичъ отправилъ къ нему чиновника Влангали и подполковника Яновича съ отвѣтомъ, что онъ соглашается на перемиріе, но съ своей стороны ставитъ условіемъ, чтобы турецкія войска тотчасъ были распущены, а русскій корпусъ подвинется еще на одинъ переходъ. Посланные прибыли въ лагерь сераскира уже передъ вечеромъ и были приняты съ большими почестями. Одинъ изъ турецкихъ пашей съ большою свитой встрѣтилъ ихъ въ трехъ верстахъ отъ лагеря и проводилъ до ставки сераскира между рядами выстроеннаго войска. Но заключить перемиріе оказалось ненужнымъ: Дюгамель уже былъ въ турецкомъ лагерѣ и предъявилъ фирманъ о мирѣ.

Между тѣмъ 30-го сентября весь дѣйствующій корпусъ подвинулся впередъ еще на 15 верстъ отъ Бейбурта и сталъ у деревни Урушты. Сюда то, на зарѣ 1-го октября, въ годовщину славнаго паденія Эривани, и прискакалъ офицеръ съ депешами отъ Дюгамеля. Главнокомандующаго разбудили. Онъ наскоро просмотрѣлъ депеши, обнялъ радостнаго вѣстника и вышелъ изъ ставки. Начинавшееся утро было прекрасно. Весь лагерь еще спалъ, и только здѣсь и тамъ ходили часовые. Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ дежурнаго по отряду и приказалъ дать залпъ изъ всѣхъ полевыхъ орудій. Тотчасъ подняли на ноги всѣхъ артиллеристовъ, и залпъ 70-ти орудій, грохнувшій надъ соннымъ лагеремъ, понесся глухими перекатами по горамъ Лазистана и поздравилъ войска съ заключеніемъ мира. Черезъ четверть часа полки уже стояли на линіи. Графъ Паскевичъ, встрѣченный повсюду громкимъ „ура“, самъ обходилъ лагерь и поздравлялъ войска съ окончаніемъ войны.

Къ вечеру пріѣхалъ и самъ Дюгамель. Тотчасъ же въ вечернихъ сумеркахъ отслужено было благодарственное молебствіе и всѣмъ войскамъ произведенъ былъ общій парадъ. На Дюгамеля кавказскія войска произвели глубокое впечатлѣніе. «Это были войска, говоритъ онъ въ своей автобіографіи,¹⁾ закалившіяся въ битвахъ; онѣ на своихъ плечахъ вынесли три войны къ ряду и теперь, особенно пѣхота, представляли собою удивительно прекрасное зрѣлище. Стоило взглянуть на этихъ молодцовъ, чтобы возымѣть увѣренность, что ничто не въ силахъ противостоятъ имъ,—столько во взглядѣ и во всемъ существѣ ихъ выражалось твердости и увѣренности въ самихъ себя»... Особенно обращали на себя его вниманіе наши линейные казаки и конно-мусульманскіе полки, служившіе превосходнымъ дополненіемъ къ нашей немногочисленной кавалеріи. «Линейцы, говоритъ онъ, такіе же стрѣлки и наѣздники, какъ сами черкесы, а мусульмане, набранные въ Грузіи, въ Ширвани и Карабагѣ, прекрасно вооружены и на своихъ чудныхъ коняхъ удивительно статны. Когда надо преслѣдовать непріятеля или грабить его обозы, они просто неоцѣненны и незамѣнимы»,

«Въ графѣ Паскевичѣ,—продолжаетъ онъ далѣе,—было одно неоспоримое достоинство — это заботливость о продовольствіи войскъ, и этой заботливости онъ былъ обязанъ тому, что больныхъ въ его корпусѣ было всегда незначительное количество, тогда какъ въ арміи графа Дибича горячки, лихорадки и дизентеріи, (не говоря уже о чумѣ, съ которою графъ Паскевичъ боролся такъ успѣшно), производили сильныя опустошенія, доходившія до 80-ти тысячъ больныхъ.» И эта параллель между двумя русскими арміями рѣзко проводилась во всѣхъ иностранныхъ газетахъ: тамъ отдавали заслуженную дань удивленія успѣхамъ русскаго оружія въ Малой Азіи и находили наши побѣды въ Европейской Турціи только уравновѣшенными съ нашими потерями.

Дѣйствительно, въ теченіе четырехмѣсячной кампаніи 1829 г. кавказскія войска прошли болѣе 600 верстъ отъ границы почти

---

¹⁾ Русскій архивъ 1855 года. Книга I.

до Трапезонда, уничтожили многочисленныя турецкія арміи, плѣнили главнокомандующаго и самого сераскира, — правителя обширнаго края, овладѣли столицей Анатолиі, покорили пашалыки: Эрзерумскій, Мушскій и часть Трапезондскаго; взяли 262 пушки, 65 знаменъ, десять бунчуковъ и повелительные жезлы, какъ сераскира, такъ и другихъ знатныхъ пашей. При этомъ нельзя не замѣтить, что всѣ эти успѣхи пріобрѣтены были крайне недорогою цѣною. Издержки на войну простирались всего до шести миллионовъ ассигнаціями, а потери, собственно въ эту кампанію, не превышали четырехъ тысячъ человѣкъ, включая въ это число не только убитыхъ и раненыхъ, но и умершихъ отъ болѣзней, особенно отъ чумы, свирѣпствовавшей въ Ахалцахъ, въ Баязетѣ и Эривани. Потеря въ офицерахъ сравнительно была велика; но зато исторія отмѣчаетъ тотъ фактъ, что офицеры, подавая собою примѣръ, умирали въ переднихъ рядахъ, и за всю войну ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ въ плѣнъ.

Имя графа Паскевича гремѣло тогда не по одной Россіи, но возбуждало удивленіе и цѣлой Европы. Въ Англіи лондонское азіатское общество, въ полномъ собраніи членовъ, признало единогласно, что дѣйствія графа Паскевича въ Арменіи и Анатолиі замѣчательны не только военными успѣхами, но тою системою управленія, которая дала ему возможность удержаться съ горстью войскъ въ завоеванномъ краѣ, при общеизвѣстномъ фанатизмѣ турокъ. Знаменитый противникъ Наполеона, австрійскій эрцъ-герцогъ Карлъ, написалъ къ нему письмо, исполненное самыхъ лестныхъ сужденій на счетъ его азіатскихъ кампаній.

Въ свою очередь и наша императорская петербургская академія наукъ пожелала воздать съ своей стороны дань уваженія побѣдоносному вождю, безсмертнымъ подвигамъ котораго она была обязана значительнымъ обогащеніемъ своихъ книгохранилищъ по востокоевѣднію. Какъ персидская война перенесла на берега Невы ардебильскую бібліотеку, славную на всемъ востокѣ, такъ турецкая — доставила императорской публичной бібліотекѣ рукописи изъ Ахалцыха, Баязета и Эрзерума, давно уже привлекавшія къ себѣ вниманіе извѣстныхъ европейскихъ ученыхъ, — и

единодушнымъ постановленіемъ избрала графа въ число своихъ почетныхъ членовъ.

И тѣмъ не менѣе, польза, пріобрѣтенная Россіей за Кавказомъ, далеко не соотвѣтствовала блестящимъ успѣхамъ Кавказскаго корпуса и ожиданіямъ самого графа Паскевича. Все дѣло ограничилось присоединеніемъ къ Россіи только Анапы съ Черноморскимъ побережьемъ до границъ Абхазіи, крѣпостей Поти, Ацхура, Ахалкалакъ и Ахалцыха, съ частью его пашалыка.

Карсъ, Баязетъ и Ардаганъ возвращались туркамъ, а о Батумѣ не было даже упомянуто ни единымъ словомъ при заключеніи въ Адріанополѣ мирнаго договора.

Дюгамель въ своихъ запискахъ говоритъ,¹⁾ что графъ Паскевичъ, нимало не стѣсняясь, высказалъ передъ нимъ рѣзкое неудовольствіе по поводу столь невыгоднаго мира и, сверхъ того, чувствовалъ себя оскорбленнымъ, что съ нимъ не сочли нужнымъ посовѣтоваться заблаговременно. «Графъ Паскевичъ —прибавляетъ Дюгамель—конечно былъ правъ, но съ другой стороны, благодаря громадному разстоянію, отдѣлявшему другъ отъ друга оба театра военныхъ дѣйствій, графъ Дибичъ никоимъ образомъ не могъ снестись съ графомъ Паскевичемъ, тѣмъ болѣе, что на поспѣшность заключенія мира имѣло вліяніе то, что Европа уже начинала тревожиться успѣхами нашего оружія». Старанія Дюгамеля обѣлить нашу дипломатію слишкомъ наивны, чтобы дать имъ серьезное значеніе, и во всякомъ случаѣ не могутъ снять нравственной отвѣтственности передъ потомствомъ ни съ графа Дибича, ни тѣмъ болѣе съ графа Нессельроде, не позаботившагося даже своевременно сообщить въ Адріанополь всѣ предположенія и виды графа Паскевича, не разъ выражаемые имъ съ такою категорическою ясностью.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ при самомъ началѣ кампаніи, графъ Паскевичъ, опираясь на успѣхи прошлаго похода, счелъ нужнымъ сообщить министру иностранныхъ дѣлъ тѣ свои соображенія, которыя необходимо было имѣть въ виду въ случаѣ прекращенія

---

¹⁾ Русскій архивъ 1885 года. Книга I.

войны и заключенія мира. Это весьма характерное письмо приводится здѣсь въ выдержкахъ. ¹⁾

«Если принять Тифлисъ за основной пунктъ русскихъ владѣній на полуденной сторонѣ Кавказа, то совершенно необходимо и обезпечить это сосредоточеніе нашей власти отъ всякихъ не-пріятельскихъ покушеній. Присоединеніе къ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго уже удалило границы наши отъ Тифлиса и значительно обезопасило его со стороны Персіи. Но со стороны Турціи предѣлы ея подходили такъ близко къ городу, и самое мѣстоположеніе такъ способствуетъ проходу разбойничьихъ шаекъ, что нельзя ожидать ни увеличенія населенія, ни улучшенія хлѣбопашества и промысловъ на всей пограничной чертѣ до тѣхъ поръ, пока самыя гнѣздилища разбойниковъ не перейдутъ въ наши руки».

Графъ Паскевичъ указывалъ тогда же на необходимость отстоять за Россіей всѣ смежныя съ Грузіей турецкія владѣнія, которыя по своей плодородной почвѣ и самому климату, сходному съ климатомъ средней Россіи, представляютъ величайшія удобства для русскихъ поселеній. Онъ ставилъ естественною гранью русскаго государства съ одной стороны—Соганлугъ, съ другой — побережье Чернаго моря съ турецкою Гуріей и Батумомъ включительно. «Тогда спокойствіе Грузіи, — писалъ онъ графу Нессельроде, — будетъ обезпечено; мы приобрѣтемъ провинціи, издревле принадлежавшія грузинскому царству, а поселеніе русскихъ на свободныхъ земляхъ надежнымъ образомъ закрѣпитъ за нами новыя владѣнія.

«Какъ покореніе Ахалцыха и Карса избавитъ наши границы отъ разбоевъ лезгинъ и карапаховъ, такъ отдѣленіе отъ Турціи Баязетскаго пашалыка и объявленіе его независимымъ, но подъ покровительствомъ Россіи, доставитъ намъ вліяніе на Курдистанъ, обезопаситъ дороги, а тогда и весь транзитъ европейскихъ товаровъ станетъ проходить уже безбоязненно черезъ наши Закавказскія области. Самый Карсъ, остающійся теперь въ сторонѣ отъ караваннаго пути, тогда приобрѣтетъ значеніе центрального склада

---

¹⁾ Архивъ Канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ Дѣло 1829 г. № 7.

товаровъ, которыми снабжается вся восточная часть Турціи отъ Эрзерума и до Багдада». Такова картина, рисуемая графомъ Паскевичемъ.¹⁾

Нессельроде отвѣчалъ на это весьма уклончиво. «Успѣхи наши въ настоящую войну безъ сомнѣнія подають надежду къ заключенію выгоднаго мира,—писалъ онъ къ Паскевичу²⁾,—но при всемъ томъ дѣла наши съ Турціей составляютъ звено въ общей системѣ европейской политики, а потому еще нельзя сказать съ увѣренностью, какую черту позволять обстоятельства положить границею между нами и Турціей какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.» Ему казалось удобнѣе воспользоваться настоящимъ положеніемъ, чтобы склонить теперь же жителей завоеванныхъ земель къ добровольному переселенію въ Мингрелію и Имеретію, «изобильныя,—какъ писалъ Нессельроде,—природою, но еще не обработанныя по недостатку рукъ».

Графъ Паскевичъ поспѣшилъ разочаровать его. Онъ отвѣчалъ³⁾, что «изобильная природа» Мингреліи и Имеретіи состоитъ изъ непроходимыхъ и обширныхъ болотъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, или изъ бесплодныхъ горъ, на которыхъ только немногія мѣста удобны для хлѣбопашества. «Въ Имеретіи—разъяснялъ онъ,—даже нынѣшніе обитатели ея не могутъ снискать себѣ пропитанія мѣстными способами и вынуждены зарабатывать хлѣбъ отхожими промыслами; всѣ поденщики, всѣ носильщики тяжестей (муши), всѣ люди, исполняющіе самыя низкія и трудныя работы въ Тифлисѣ и въ другихъ городахъ Грузіи,---имеретины. Нужны многіе годы, чтобы трудолюбіе челоука расчистило вѣковые лѣса, осушило болота и, проникнувъ въ мѣста доселѣ непроходимыя, обратило ихъ въ сады и цвѣтушія нивы. Теперь же переселять жителей изъ благословеннаго климата Турціи въ мѣста, извѣстныя своимъ убійственнымъ вліяніемъ на здоровье, значило бы подвергнуть ихъ неизбѣжной гибели».

Помимо того, по мнѣнію графа Паскевича, переселеніе хри-

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

стіанъ до заключенія мира было бы крайне невыгодно для насъ самихъ не только въ военномъ, но и въ политическомъ отношеніи; въ военномъ — это обезлюдило бы край и лишило бы войска значительныхъ продовольственныхъ средствъ; въ политическомъ — дало бы туркамъ ясное понятіе, что мы не станемъ удерживать за собою покоренныя провинціи, и мусульмане, которыхъ теперь удерживаетъ еще неизвѣстность кому будутъ принадлежать, тогда станутъ противодѣйствовать намъ во всемъ и даже начнутъ открытыя враждебныя дѣйствія»¹⁾).

Давъ этотъ легкій урокъ нашей дипломатіи, такъ мало знакомой съ Кавказомъ и съ условіями жизни его населенія, графъ Паскевичъ еще разъ, уже по взятіи Эрзерума, подробно изложилъ графу Нессельроде свои мнѣнія о проведеніи границы и особенно настаивалъ на присоединеніи Карскаго пашалыка, что навсегда бы обезпечило Россію прочной пограничною чертою по протяженію Соголангускаго хребта. «Сама природа, — пишетъ онъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, — указываетъ гдѣ должны остановиться наши пріобрѣтенія, и рано или поздно непремѣнно придется продвинуть границы до тѣхъ мѣстъ, которыя мною обозначены, — и было бы весьма желательно не ввѣрять неопредѣленной будущности огромныхъ и столь необходимыхъ выгодъ»²⁾).

Но голосъ графа Паскевича былъ по истинѣ «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ»; его депеши клались подъ сукно, и графъ Нессельроде не находилъ даже нужнымъ своевременно сообщать ихъ графу Дибичу. Съ наступленіемъ же осени, когда изъ Константинополя все чаще и чаще стали доходить до графа Паскевича слухи о близкомъ окончаніи войны и заключеніи мира, онъ, какъ бы предвидя, что изъ его переписки съ министромъ иностранныхъ дѣлъ ничего не выйдетъ, отправилъ отъ себя курьера непосредственно къ графу Дибичу. Но, къ сожалѣнію, курьеръ, посланный кругомъ черезъ южную Россію, прибылъ въ Адріанополь, спустя три дня послѣ окончательнаго подписанія мирнаго трактата. Графъ Дибичъ, не зная предположеній графа Паскевича, не имѣлъ осо-

---

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

бенной надобности заботиться о выгодахъ Кавказскаго края,—и эта ошибка прискорбна тѣмъ болѣе, что европейскія державы, настаивая при заключеніи мира на цѣлости турецкихъ владѣній въ Европѣ, мало помышляли о ея азіятской территоріи.

«Крайне сожалѣю, отвѣчалъ Паскевичу графъ Дибичъ, что я во время не получилъ вашихъ предположеній о нашихъ азіатскихъ границахъ. Депешу вашего сіятельства къ графу Нессельроде отъ 3-го іюня 1829 года за № 187, я получилъ только вечеромъ 20 августа, а главныя наши условія составлены были 18 числа»¹⁾.—Идѣ странствовала или покоилась эта важная государственная бумага въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, такъ и осталось невыясненнымъ.

Турецкіе уполномоченные Мехмедъ-Садикъ-Эфенди, дефтердаръ или министръ финансовъ и Абдулъ-Кадиръ-бей, казиаскеръ анатолійскій, занимавшій самый важный постъ послѣ великаго муфтія, дѣйствительно прибыли въ Адрианополь 15-го августа. Ихъ сопровождалъ прусской службы маіоръ Кистеръ, который, вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ посланниками, присутствовалъ на всѣхъ конференціяхъ Дивана. Кистеръ прежде всего сообщилъ графу Дибичу, что въ случаѣ, ежели бы мы пожелали удержать за собою Ахалцыхъ, то это можетъ повести къ большимъ затрудненіямъ, потому что турки дорожатъ этимъ пашалыкомъ, на который смотрятъ, какъ на одно изъ самыхъ древнихъ своихъ владѣній и какъ на ключъ къ своимъ азіятскимъ провинціямъ.

Кистеръ прибавлялъ при этомъ, что и англичане будутъ съ завистью смотрѣть на это пріобрѣтеніе, и что сэръ Гордонъ даже сказалъ, что требованія Ахалцыха выходятъ изъ границъ великодушія, которыя они предполагали со стороны императора Николая I. Крѣпость эта, по его словамъ, будетъ служить намъ базой для наступательныхъ дѣйствій, и занятіе ея указывало бы на предположенія о дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ будущемъ. Графъ Дибичъ отвѣтилъ, что если мы требуемъ уступки Ахалцыха, то единственно съ цѣлью упрочить миръ, лишая турокъ

---

¹⁾ Князь Щербатовъ. «Фельдмаршалъ Паскевичъ» т. 2 стр. 226.

всякаго сообщенія съ кавказскими горцами, и что онъ, Дибичъ, будетъ строго исполнять данныя ему инструкціи. Кистеръ наконецъ согласился, но высказалъ мысль, что можетъ быть мы, во-избѣжаніе всякихъ подозрѣній, удовольствуемся тѣмъ, что турки сроятъ ахалцыхскія укрѣпленія. Графъ Дибичъ возразилъ, что онъ незнакомъ въ достаточной степени съ мѣстностью, чтобы судить объ этомъ, и что наконецъ столь важный вопросъ можетъ быть рѣшенъ только самимъ императоромъ).

Такимъ образомъ Ахалцыхъ удалось отстоять, и Дибичъ тутъ же предъявилъ уполномоченнымъ *maximum* нашихъ требованій, согласованныхъ съ нотой графа Нессельроде, въ которой однако ни о Карсѣ, ни объ Ардаганѣ, ни о Батумѣ и Баязетѣ ничего не упоминалось²⁾. Но эти, болѣе нежели скромныя условія, встрѣтили со стороны турецкихъ уполномоченныхъ оспариванія и пререканія. Тогда, чтобы положить этому конецъ, графъ Дибичъ прибѣгнулъ къ демонстраціи и двинулъ передовыя войска къ Константинополю. Наши разѣзды появились въ 60 верстахъ отъ Царьграда. Императоръ Николай I вполнѣ одобрилъ распоряженія графа Дибича. «При неуспѣшности переговоровъ, писалъ онъ»), вамъ слѣдуетъ немедленно двинуться къ Константинополю и занять Дарданелы, дабы быть увѣреннымъ, что незваные гости не явятся для вмѣшательства и вреда нашимъ дѣламъ... Ставъ у Дарданелъ вы положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего, если же употребятъ силу, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонить насъ Богъ».

Движеніе къ Константинополю вызвало въ немъ общую панику, и турки поспѣшили согласиться на всѣ наши требованія. Вечеромъ 29-го августа въ главную квартиру графа Дибича прискакалъ изъ Стамбула курьеръ и вручилъ графу Дибичу письмо отъ французскаго и англійскаго пословъ, находившихся при Оттоманской Портѣ. Оба они увѣдомляли, что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду, Порта перестанетъ существовать, и

---

¹⁾ Мольке. Кампанія въ Европейской Турціи 1829 года.

²⁾ Шильдеръ. „Императоръ Николай I. Томъ 2-й.

³⁾ Тамъ же. Письма Государя къ графу Дибичу 28 августа и 1 октября 1829 г.

что самое ужасное безначаліе, уничтоживъ власть ея, подвергнетъ безъ защиты самому пагубному жребію не только христіанъ, но и мусульманъ турецкой имперіи). Впослѣдствіи тѣ же послы пытались опровергнуть это письмо, но Дюгамель говоритъ, что онъ самъ читалъ его, а потому не можетъ сомнѣваться въ его подлинности²⁾. Михайловскій-Данилевскій³⁾ въ своихъ запискахъ пишетъ также, что это письмо, въ которомъ представители двухъ сильныхъ державъ, объявляли торжественно, что Порта проситъ пощады и жребій свой представляетъ великодушію побѣдителей, исполнило всѣхъ насъ неописанною радостью, а графъ Дибичъ, читая его, даже прослезился⁴⁾. Если это такъ, то тѣмъ непонятнѣе становится безпричинная уступчивость нашей дипломатіи вопреки достоинствамъ и пользамъ Россіи. Въ послѣдней конференціи турки покорились своей судьбѣ, и адрианопольскій миръ подписанъ былъ окончательно 2-го сентября 1829 года. Оцѣнка его со стороны современниковъ явилась самая разнообразная. Въ заграничной печати восхваляли безконечное великодушіе и крайнюю умѣренность, проявленную императоромъ Николаемъ I. Одна изъ такихъ статей принадлежала перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Гентца, который по поводу этого договора писалъ между прочимъ: «Умѣренность — понятіе относительное; но въ случаѣ, сходномъ съ настоящимъ, оно должно бы распространяться одинаково какъ на побѣдителя, такъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, что могли требовать русскіе и требовать *безнаказанно*, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствію, но они могли потребовать уступки половины Арменіи, и вмѣсто десяти, 50 милліоновъ контрибуціи, при чемъ ни Порты, ни кто либо изъ добрыхъ друзей ея не выказалъ бы серьезнаго намѣренія этому воспрепятствовать. Что руководило императоромъ Николаемъ I — не знаю, но одно остается несомнѣннымъ, что онъ могъ пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ

¹⁾ Тамъ же. Князь Щербатовъ. „Фельдмаршалъ Паскевичъ“, т. 2-й.

²⁾ Автобіографія Дюгамеля. Русскій Архивъ 1885 г. Книга первая.

³⁾ Извѣстный историкъ войнъ царствованія императора Александра I.

⁴⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. 2-й.

дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ право восхвалять его умѣренность» ¹⁾).

Русское общество было недовольно адрианопольскимъ трактатомъ, особенно по поводу кавказскихъ границъ. Графу Дибичу, естественно, это не нравилось, и онъ въ особой оправдательной запискѣ оспаривалъ значеніе для насъ Карса и Батума. Относительно послѣдняго онъ даже находилъ прямо неудобнымъ требовать отъ Турціи уступки города, которому во время кампаніи даже не угрожали наши войска²⁾). Императоръ Николай Павловичъ не вполне однако раздѣлялъ это убѣжденіе, судя по письму флигель-адъютанта Чевкина, присланнаго въ Петербургъ съ депешами о заключеніи мира. Онъ такъ описываетъ этотъ историческій моментъ въ письмѣ къ графу Дибичу³⁾). — «Передавъ депеши графамъ Чернышеву и Нессельроде, адресованныя на ихъ имя, мы втроемъ тотчасъ же отправились къ государю. Императоръ принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ величайшею радостью и послалъ за императрицей, которая явилась въ сопровожденіи наслѣдника, молодыхъ великихъ князей и даже маленькаго великаго князя Константина. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и поздравленій, государь прочиталъ депеши. Онѣ удостоились полного его одобренія, но одна статья казалось возбудила въ немъ сожалѣніе „это возвращеніе Карса. Я осмѣлился высказать нѣкоторыя мысли *относительно незначительности выгоды, представляемыхъ намъ этимъ пріобрѣтеніемъ*“ ⁴⁾). Государь соблаговолилъ меня выслушать; а нѣсколько дней спустя, графъ Нессельроде, бесѣдуя со мною объ этомъ, высказалъ предположеніе, что государь не будетъ настаивать на этомъ пріобрѣтеніи, но что повидимому пожелаетъ имѣть Батумъ и турецкую Гурію“. Но и Чевкинъ, и графъ Нессельроде ошиблись. По требованію государя сдѣлана была попытка склонить турокъ къ тому, чтобы часть денежной контрибуціи замѣнить новыми территоріальными уступками въ Азіи. — „*Батумъ и Карсъ*“, — пи-

¹⁾ Тамъ же, стр. 256—258.

²⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай I. Т. 2-й, стр. 259.

³⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. II.

⁴⁾ Чевкинъ, конечно понималъ въ этомъ случаѣ наставленія, данныя ему графомъ Дибичемъ.

салъ императоръ графу Дибичу по этому поводу,—стоятъ того, чтобы за нихъ пожертвовать нѣсколько милліоновъ“)¹. Но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки, и то, что было подписано въ Адріанополѣ, нельзя было исправлять новыми поправками изъ Петербурга.

Болѣе всѣхъ казался довольнымъ адріанопольскимъ трактатомъ самъ творецъ его, графъ Нессельроде, считавшій его во всѣхъ отношеніяхъ безупречнымъ.

«Иностранныя газеты, писалъ онъ графу Дибичу²), уже начинаютъ болтать всякій вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Но люди разумные, разсуждающіе спокойно и безпристрастно, всѣ они не находятъ ничего, чтобы заслуживало возраженія и полагаютъ, что миръ соединяетъ выгоды, требовать которыхъ даютъ намъ право столько блестящихъ побѣдъ, съ тою благородною умѣренностью, которая характеризуетъ политику нашего императора. Удовольствуемся же, мой дорогой фельдмаршалъ, ихъ одобреніемъ и не будемъ обращать вниманіе на остальное. Придерживаясь подобнаго правила, всегда бываешь увѣренъ, что дѣлаешь хорошее дѣло».

Вопросъ только въ томъ, точно ли понималъ графъ Нессельроде благородную политику императора Николая I?

Что касается графа Паскевича, то его возмущало особенно возвращеніе туркамъ сильнаго Карса. Онъ писалъ по этому поводу Нессельроде: «Остается только надѣяться, что намъ въ будущемъ не придется раскаиваться въ сдачѣ Карса и хребта Соганлугскихъ горъ,—а уступка немаловажная»...³) Онъ съ замѣчательною прозорливостью высказалъ тогда же, что, не удержавъ за собою Карса, мы тѣмъ самымъ будемъ поставлены въ необходимость и на своей границѣ возвести такую же сильную крѣпость. И слова его дѣйствительно оправдались, когда на Арпачаѣ возникъ Александрополь; а крсавыя событія 1855 и 1877 годовъ, стоившія русскимъ войскамъ столькихъ тысячъ человѣческихъ жизней, не разъ на-

---

¹) Тамъ же. Письмо Государя къ Дибичу 10-го сентября 1829 г.

²) Тамъ же. Письмо графа Нессельроде Дибичу 13-го октября 1829 г.

³) Князь Щербатовъ. «Фельдмаршалъ князь Паскевичъ», г. 3-й, стр. 226.

поминали намъ объ ошибкахъ, сдѣланныхъ и графомъ Дибичемъ, и графомъ Нессельроде.

Но такъ или иначе, выгодно или невыгодно проведена была наша новая граница съ Турціей, но адрианопольскій трактатъ окончательно ее санкціонировалъ, и Кавказъ долженъ былъ примириться съ той пограничной чертой, которая ему были начертана.

И такъ, военныя дѣйствія окончились, и русскій корпусъ, стоявшій у д. Урушты, 2-го октября повернулъ назадъ къ Эрзеруму. Проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Бейбуртъ, главнокомандующій, проводивъ войска, остановился въ городѣ на два дня, чтобы щедрою рукою раздать деньги, провіантъ и даже за-лишній скотъ несчастнымъ, разореннымъ бейбуртцамъ. Въ Эрзерумъ онъ прибылъ ночью 4-го октября, а на слѣдующій день началось уже обратное движеніе войскъ въ Россію, которыя выступали по эшелону. Выстраются полки обыкновенно на эрзерумской площади, выслушаютъ теплое слово своего вождя, помолятся Богу, а затѣмъ пронесется по фронту послѣдняя команда, заиграетъ музыка, запоютъ пѣсенники: «Ахъ ты поле мое, поле чистое, турецкое,—мы когда тебя, поле, пройдемъ, всѣ пути твои дороженьки, всѣ мѣста твои прекрасныя...» и идутъ полки, одинъ за другимъ по знакомой соганлугской дорожкѣ. Послѣднимъ выѣхалъ изъ Эрзерума самъ главнокомандующій съ главною квартирой, и, обгоняя войска, напутствовалъ ихъ пожеланіемъ добраго и счастливаго похода.

Не всѣмъ войскамъ однако суждено было ступить въ томъ же году на родную землю. Вся 20-я пѣхотная дивизія, Кабардинскій и 42-й егерскій полки, пять казачьихъ полковъ и 28 орудія остались зимовать въ Эрзерумѣ, Карсѣ и Баязетѣ. Стоянки эти не принадлежали къ разряду веселыхъ, но войска имѣли широкія отличныя квартиры, изобильное продовольствіе,—и не будь только армянскаго вопроса, естественно волновавшаго умы магометанскаго населенія, то кажется между русскими и турками установились бы самыя дружескія отношенія. Много содѣйствовалъ подобному сближенію начальникъ эрзерумскаго гарнизона гене-

ралъ Панкратьевъ, который съ чуткимъ политическимъ тактомъ избѣгалъ малѣйшаго повода къ оскорбленію національной гордости или религіозныхъ вѣрованій турокъ. Онъ даже почелъ неудобнымъ праздновать день святого крещенія обычнымъ водосвятиемъ, установленнымъ православною церковью, въ самомъ Эрзерумѣ, и іордань была устроена на берегахъ пустыннаго Ефрата, верстахъ въ восьми за городомъ. Туда собрались войска со своими знаменами, прибыло духовенство и стеклись громадныя массы народа. По всей дорогѣ отъ города до іордани стояли толпы турокъ, которые любопытствовали видѣть обряды христіанской церкви, но никогда не простили бы русскимъ погруженіе святаго креста въ воды, питающія городъ. «Въ продолженіе многихъ столѣтій берега Ефрата, — доносилъ генералъ Панкратьевъ, — не видѣли торжества вѣры Христовой, и возстановить это событіе было предоставлено побѣдоносному русскому воинству».

Тѣ же самыя пріязненныя отношенія установились и въ другихъ областяхъ, занятыхъ русскими. Карскіе старшины поднесли даже отъ имени народа старшему члену областного правленія маіору Жилинскому саблю, на драгоцѣнномъ клинкѣ которой сдѣлана была надпись: «Въ знакъ признательности», — и графъ Паскевичъ разрѣшилъ принять ее.

Между тѣмъ войска, возвращавшіяся въ Россію, шли бодро и весело, слѣдуя по краю, полному еще историческихъ воспоминаній, гдѣ каждый шагъ былъ купленъ ихъ дорогою кровью и служилъ еще незабытымъ памятникомъ того или другого событія. Это были старые кавказскіе полки, мѣнявшіе только одинъ театръ военныхъ дѣйствій на другой, съ тою же перспективою вѣчныхъ тревогъ, лишеній постоянного ожиданія увѣчій и смерти. Но къ этой обстановкѣ они уже привыкли. Нѣтъ нужды, что они шли не на родину, не въ ту тихую, безмятежно-спокойную Россію, которая возрастила громадное большинство ихъ, — шли на ея далекую, исполненную военныхъ бурь окраину; но этою окраиною былъ Кавказъ, а съ нимъ они уже тѣсно сжились своею долгою службою, и сталъ онъ для нихъ тою же дорогою родиною.

Во время своего переѣзда черезъ Согомугскія горы, графъ

Паскевичъ 17-го октября заночевалъ на Меджингертскомъ посту, куда въ самую полночь прискакалъ изъ Эрзерума казачій урядникъ Василій Кубановъ и лично вручилъ графу Паскевичу пакетъ за императорской печатью. Это былъ высочайшій рескриптъ, которымъ главнокомандующій Кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютантъ графъ Паскевичъ Эриванскій «въ ознаменованіе незабвенныхъ подвиговъ и знаменитыхъ заслугъ, оказанныхъ въ продолженіи войны съ Оттоманскою Портою, возведенъ былъ 22-го сентября 1829 года въ санъ генераль-фельдмаршала». Къ рескрипту было приложено собственноручное письмо государя.

«Чинъ фельдмаршала, мною данный,—писалъ императоръ Николай, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя ваше къ именамъ Румянцева и Суворова; съ сердечною радостью пишу вамъ это, ибо слова сіи въ моихъ устахъ вамъ не лесть, а справедливость... Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте любезный Иванъ Ѳеодоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго. *Николѣй*».

Внизу сдѣлана приписка: Прилагаемая эполеты (съ фельдмаршальскими жезлами) прошу носить, Меня поминая.»

Графъ Паскевичъ далъ 50 рублей уряднику Кубанову и тутъ же поздравилъ его офицеромъ. Вся главная квартира и небольшое прикрытіе, бывшее при ней, приняли живѣйшее участіе въ этомъ новомъ возвышеніи вождя, и пушечные выстрѣлы ознаменовали общую радость на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ за четыре мѣсяца тому назадъ были одержаны столь знаменитыя побѣды надъ сераскиромъ и Гагки-пашою. Въ Тифлисѣ главнокомандующаго ожидалъ уже, присланный по высочайшему повелѣнію, фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами.

Еще большими почестями встрѣтили графа Паскевича тѣ русскія губерніи, черезъ которыя онъ проѣзжалъ въ Петербургъ, куда былъ вызванъ государемъ по окончаніи кампаніи. Не только города, но и деревни высылали своихъ депутатовъ представиться прославленному молвою герою, и народъ, привыкшій видѣть полководцевъ по большей части въ маститыхъ лѣтахъ,

радовался, глядя на молодого и бодраго фельдмаршала, которому исполнилось только 47 лѣтъ отъ роду. Въ мѣстечкѣ Щеглицѣ, Могилевской губерніи, графъ Паскевичъ провелъ три дня у своего отца,—и можно себѣ представить чувства, которыя волновали престарѣлаго родителя, видѣвшаго сына на самыхъ высокихъ ступеняхъ славы и почести. Въ Петербургѣ государь приказалъ заблаговременно приготовить для помѣщенія его Таврическій дворецъ, и тамъ все военное населеніе столицы, имѣя во главѣ наслѣдника цесаревича и великаго князя Михаила Павловича представилось новому фельдмаршалу.

Въ самый день, когда государь подписалъ приказъ о производствѣ графа Паскевича въ фельдмаршалы, въ Петербургѣ на Марсовомъ полѣ состоялся большой парадъ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Петербургѣ и въ его окрестностяхъ. Посреди плаца, въ виду монумента Суворова, воздвигли высокій и обширный помостъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены массою турецкихъ знаменъ, завоеванныхъ въ Европѣ и Азіи, а войска расположились вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя: «на молитву» всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе по случаю заключенія мира. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячное «ура» возвѣстили окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, по свидѣтельству очевидца, знаменіемъ силы прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а въ заключеніи торжества, турецкія знамена и другіе трофеи, жезлы, булавы и ключи покоренныхъ городовъ отнесены были въ Преображенскій всей гвардіи соборъ. А для того, чтобы наружныя украшенія храма тогда только что отстроеннаго послѣ пожара—соотвѣтствовали памятникамъ нашихъ побѣдъ, хранимыхъ въ стѣнахъ его, государь приказалъ окружить соборъ оградой изъ непріятельскихъ орудій.

Такая же точно рѣшетка должна была возникнуть, по мысли государя, въ Тифлисѣ вокругъ Сіонскаго собора, чтобы оставить и въ Грузіи память о знаменитыхъ побѣдахъ Кавказскаго корпу-

са, одержанныхъ подъ предводительствомъ графа Паскевича-Эриванскаго.

Обратить Сіонскій соборъ—эту живую лѣтопись грузинскаго народа, въ лѣтопись славы—мысль достойная императора Николая I, такъ много заботившагося о сохраненіи историческихъ памятниковъ, напоминавшихъ народу его національную славу. Но къ сожалѣнію, мѣстоположеніе Сіонскаго храма, расположеннаго въ старомъ городѣ, на узкой и кривой улицѣ, до такой степени было стѣснено со всѣхъ сторонъ домами азіатской архитектуры, да и самое зданіе подъ тяжестью почившихъ на немъ 14 столѣтій до того вросло въ землю, углубившись почти на пять аршинъ ниже уровня улицы,—что поставить вокругъ него какую бы то ни было ограду оказалось невозможнымъ. Графъ Паскевичъ указалъ для этой цѣли на другую, не менѣе почтенную по своей древности, церковь св. Георгія Кашветскаго. Церковь эта стояла тогда дѣйствительно на открытой довольно просторной площадкѣ, но и она значительно понижалась сравнительно съ той мѣстностью, на которой по чертѣ улицы только и можно было поставить ограду; къ тому же лицевой фасадъ ея приходился бы по отношенію къ оградѣ въ косвенномъ положеніи,—и избѣжать этого можно было только капитальною перестройкою самаго храма. Но такъ какъ подобная передѣлка лишила бы городъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ древностей, то послѣ долгой переписки и колебаній остановились наконецъ на слѣдующемъ: на Авлабарѣ предполагалось тогда строить новую крѣпость, и тамъ же на главной площади соорудить обширный соборъ для войскъ Тифлискаго гарнизона. Вокругъ вотъ этого то собора и казалось удобнѣе всего поставить ограду изъ непріятельскихъ орудій, тѣмъ болѣе что, находясь на самой высшей точкѣ Тифлиса, эти побѣдные трофеи были бы открыты взорамъ цѣлаго города. Но какая то роковая судьба преслѣдовала вопросъ, которымъ такъ живо интересовались тогда современники. Мысль о возведеніи тифлисской крѣпости и войскового собора въ послѣдствіи была оставлена, а вмѣстѣ съ нею мало-по-малу, ни для кого незамѣтно, угасло и самое намѣреніе о сооруженіи памятника. Такъ ровно-таки ничего и не

было сдѣлано въ Тифлисъ, чтобы увѣковѣчить въ народѣ память о войнѣ, выходящей изъ ряда другихъ войнъ, которую по героизму войскъ, по ихъ малочисленности и по громаднымъ результатамъ самыхъ кампаній, одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ современниковъ такъ справедливо назвалъ «эпическою».

Едва окончилась турецкая война, какъ тотчасъ же выдвинулись впередъ вопросы внутренней политики, тѣсно связанные съ минувшею кампанією и съ мирнымъ адрианопольскимъ трактатомъ. Важнѣе прочихъ былъ вопросъ переселенческой, возникшій еще въ 1828 году и значительно теперь осложнившійся, вслѣдствіе невыгодно заключеннаго мира. Вѣсть, что русскіе съ наступленіемъ весны должны очистить завоеванный край, поразила страшнымъ ударомъ все христіанское населеніе Турціи.

«Миръ, дарованный Портѣ Вашимъ Величествомъ—писалъ графъ Паскевичъ государю,—привлекъ августѣйшему имени Вашему благословеніе нѣсколькихъ милліоновъ людей; но посреди всеобщей радости, здѣсь, въ Азіи, вѣсть о семъ мирѣ погрузила въ справедливое уныніе часть народа, заслуживающаго участія и продолжительными бѣдствіями своими и опытами усердія къ успѣхамъ оружія Россійскаго и жалкою будущностью, которая ожидаетъ его, ежели не обрѣтетъ онъ подъ сѣнью могущественной десницы Вашего Величества вѣрное убѣжище отъ грозящихъ ему преслѣдованій.

«Въ сихъ отдаленныхъ странахъ, гдѣ христіанство столько вѣковъ угнетено было несправедливымъ игомъ, армія Вашего Величества не могла опасаться непріятельскихъ дѣйствій со стороны армянъ и грековъ; но тамъ, гдѣ единство религіи могло пріобрѣсти намъ только равнодушныхъ зрителей, примѣрное поведеніе нашихъ войскъ привлекло намъ союзниковъ и ревностныхъ соучастниковъ.

«Въ Бейбуртѣ, въ Гюмюшъ-хане и вездѣ, гдѣ появлялись русскія знамена, христіане разрывали свои вѣковыя отношенія къ туркамъ, и тѣмъ съ большею рѣзкостью выражалась ненависть турокъ къ христіанамъ. Въ Карсѣ составленъ былъ изъ армянъ

баталіонъ, и, сверхъ того, до 800 человѣкъ конницы ихъ охраняли наши границы отъ набѣговъ. И теперь, когда русскія войска возвращаются на родину, жертвы дикаго фанатизма мусульманъ будутъ расти съ каждымъ днемъ. Цѣлыя сотни семей выбѣгали на дорогу, по которой проѣзжалъ я и, бросаясь на колѣни, молили не покидать ихъ на жертву мщенія турокъ и курдовъ.

«Удостоите, Всемилостивѣйшій государь, обратить милосердное вниманіе ваше на сіи несчастныя семьи и не допустите совершиться, чтобы самовластіе отомановъ мстило имъ за ту привязанность, какую они оказали Россіи». Число такихъ семействъ могло, какъ полагалъ графъ Паскевичъ, простираться до 10-ти тысячъ, и онъ предполагалъ отвести подъ ихъ поселенія земли въ Грузіи и въ армянской области, а въ случаѣ крайности даже и на Кавказской линіи. Первоначальное водвореніе въ краѣ турецкихъ переселенцевъ, конечно, должно было потребовать значительныхъ издержекъ, до милліона рублей ассигнаціями; но графъ Паскевичъ указывалъ отчасти и на источникъ для покрытія значительной части ихъ—у него имѣлось до ста тысячъ червонцевъ, которые были отпущены въ его распоряженіе для привлеченія на русскую сторону курдовъ и остались не израсходованными.

Государь вполне раздѣлялъ мнѣніе графа Паскевича и даже находилъ полезнымъ поселить часть армянъ, наиболѣе отличившихся своею храбростью, въ самомъ Ахалцыхъ и его окрестностяхъ, гдѣ, въ составѣ баталіоновъ или конныхъ частей, они могли бы употребляться для защиты нашей границы.

Такую же точно мѣру предположено было распространить и на Армянскую область,¹⁾ но съ тѣмъ, чтобы армяне комплектовали расположенные по ея крѣпостямъ линейные баталіоны. На запросъ объ этомъ начальника Армянской области, князь Василій Осиповичъ Бебутовъ отвѣчалъ, что мѣра эта практически окажется не выполнимой, такъ какъ ни одинъ переселенецъ не согласится промѣнять добровольно свободную жизнь частнаго человѣка и даже жизнь ополченца, призываемаго къ знаменамъ лишь времен-

---

¹⁾ Нынѣшняя Эриванская губернія.

но, на двадцатипятилѣтнюю службу солдата; всякія-же принудительныя мѣры не только не принесутъ ожидаемой пользы, но могутъ взволновать край и затормозить самое дѣло переселенія. Въ виду этого князь Бебутовъ предложилъ сформировать особые поселенные баталіоны, но не иначе, какъ на извѣстныхъ льготныхъ условіяхъ; срокъ службы такого поселеннаго сарбаза онъ полагалъ шестилѣтній; отца и мать освободить на это время отъ всякихъ земскихъ повинностей, а самимъ сарбазамъ отводить въ крѣпостныхъ форштадтахъ дома, гдѣ каждый изъ нихъ могъ бы жить вмѣстѣ со своимъ семействомъ, пользуясь небольшимъ огородомъ и полемъ для хлѣбопашества и сѣнокосовъ. «Съ принятіемъ предлагаемыхъ мною мѣръ,—писалъ онъ,—можно надѣяться на нѣкоторый успѣхъ, но и за всѣми пожертвованіями со стороны правительства эти поселенныя войска, по самому духу здѣшняго народа, всеже останутся далеко ненадежнымъ и слабымъ оплотомъ для области, въ случаѣ непріятельскаго вторженія.» «Было бы гораздо полезнѣе,—говоритъ онъ далѣе,—если бы часть этихъ издержекъ обратить на вспомошествованіе русскимъ солдатамъ, которые пожелали-бы навсегда водвориться въ Армянской области, т. е. основать въ ней русскія военныя поселенія. Мѣра эта не только оградила бы внѣшнее и внутреннее спокойствіе края, но и положила бы въ сей вновь пріобрѣтенной странѣ прочное основаніе владычеству Россіи.» Послѣдняя мѣра, конечно, была бы наилучшею для закрѣпленія за нами покоренныхъ земель; но ни ее, ни сформированіе туземныхъ баталіоновъ не пришлось осуществить на дѣлѣ. Переселенческій вопросъ самъ по себѣ оказался на практикѣ настолько сложнымъ, что потребовалъ массу времени, средствъ и заботъ, а потому всѣ остальные вопросы, касающіеся его непосредственно, были оставлены.

Получивъ разрѣшеніе государя на переселеніе армянъ и грековъ, графъ Паскевичъ учредилъ въ Тифлисѣ особый комитетъ, чрезвычайно заботливо отнесшійся къ своей задачѣ. Онъ раздѣлилъ всѣхъ переселенцевъ на три категоріи: къ первой изъ нихъ были отнесены люди, принадлежавшіе къ торговому сословію, ко второй—мастеровые или занимавшіеся какими нибудь ремеслами и

промыслами, и, наконецъ, къ третьей—хлѣбопашцы. Купцовъ и мастеровыхъ предполагалось водворить въ городахъ или тамъ, гдѣ ихъ торговля и ремесло могли обращаться съ выгодною, а поселянъ—въ деревняхъ, на землѣ удобной для хлѣбопашества и скотоводства. Заботливость комитета простерлась даже до того, что старались принимать въ соображеніе климатическія условія ихъ родины, и жителей горныхъ странъ селили на возвышенностяхъ, а жившихъ на плоскостяхъ—въ равнинахъ. Земли для нихъ отводились казенныя, и только въ исключительныхъ случаяхъ предполагали поселить ихъ на земляхъ церковныхъ или помѣщичьихъ. Въ заключеніе комитетъ предполагалъ поручить новыхъ переселенцевъ въ завѣдываніе особыхъ офицеровъ, которые до окончательнаго устройства ихъ, остались бы надъ ними въ родѣ приставовъ и служили бы посредниками между ними и мѣстнымъ начальствомъ, «которое, какъ деликатно выразился комитетъ, всегда обременено многими другими предметами, и потому едва ли будетъ имѣть о нихъ совершенную заботливость.» Самыя деревни предполагалось строить съ широкими улицами и площадями, а дома въ нихъ должны были имѣть видъ не обычныхъ азіатскихъ землянокъ, а ближе подходить къ типу русской крестьянской избы. Но съ этою послѣднею мѣрою уже не согласился графъ Паскевичъ, предоставивъ армянамъ и грекамъ устраивать ихъ внутренній бытъ, какъ они пожелаютъ сами. Такимъ образомъ теоритически переселенческій вопросъ былъ вполне подготовленъ, но для осуществленія его на практикѣ встрѣтились большія затрудненія.

Турки понимали отлично, что удаленіе грековъ, а тѣмъ болѣе армянъ, нанесетъ имъ чувствительныя потери, потому что почти всѣ земли турецкихъ агаларовъ обрабатывались только христианами, и почти всѣ ремесла и вся торговля находились въ ихъ же рукахъ. Но если переселеніе армянъ наносило тяжкій ударъ общественной жизни во всѣхъ ея направленіяхъ, то переселеніе грековъ, единственныхъ рудокоповъ въ этой странѣ, ставило на карту интересы чисто государственные, такъ какъ съ ихъ удаленіемъ богатѣйшіе серебряные и мѣдные рудники въ окрестностяхъ Гююшъ-

хана и Бейбуртъ оставались въ рукахъ турецкаго правительства мертвымъ капиталомъ. Естественно, что переселеніе такой массы рабочаго люда должно было отразиться на странѣ огромными убытками и даже экономическимъ кризисомъ. Край видимо опустѣлъ, города теряли наиболѣе трудолюбивую часть своихъ жителей, и даже въ самомъ Эрзерумѣ турки затруднялись чинить свои водопроводы и производить самыя простыя ремесла. Не зная какимъ образомъ остановить это начинавшееся движеніе, турки начали распускать самыя нелѣпыя вымыслы, и къ сераскиру и даже въ Константинополь, полетѣли доносы и жалобы, что армянское духовенство, пользуясь присутствіемъ въ краѣ русскаго войска, переселяетъ христіанъ насильно, а русскія власти тайно покровительствуютъ этимъ незаконнымъ мѣрамъ. Въ Портѣ забили тревогу, и генералу Панкратьеву пришлось вести упорную борьбу съ тѣми затрудненіями, которыя противопоставлялись ему турецкими сановниками на каждомъ шагу.

Пока значительная часть русскихъ войскъ зимовала въ завоеванныхъ провинціяхъ, христіане оставались еще на мѣстѣ, и только часть ихъ, несмотря на суровую зиму, рискнула отправиться въ далекій, невѣдомый путь. Изъ Эрзерума вышло тогда до 500, а изъ Карса 400 семействъ. Ихъ всѣхъ водворили близъ Алагеза въ Помбакской дистанціи, или въ окрестностяхъ Гумръ и на Лорійской степи, гдѣ много было пустыхъ деревень, покинутыхъ жителями еще съ послѣдняго персидскаго вторженія. Съ наступленіемъ весны 1830 года тронулись въ путь и всѣ остальные переселенцы, болѣе четырнадцати тысячъ семействъ или до 90 тыс. душъ обоего пола. Такое огромное число, переходившихъ въ наши границы не по частямъ, не партіями, а двинувшихся разомъ, опрокинуло всѣ расчеты, составленные комитетомъ, и ему пришлось озаботиться заблаговременною покупкою хлѣба, открыть попутные магазины и, несмотря на всѣ эти мѣры, совершенно обезпечить переселенцевъ было нельзя. Проходили недѣли, проходили мѣсяцы, а переселенческіе обозы все еще тянулись по горамъ и равнинамъ турецкой земли, по долго бивакируя, то въ знойныхъ долинахъ Аракса, то въ холодныхъ ущельяхъ Согоанлугскихъ горъ,

то въ открытыхъ безлѣсныхъ поляхъ Карскаго пашалыка. Зима застала ихъ на дорогѣ. Бѣдствія переселенцевъ, не имѣвшихъ у себя не только теплой одежды, но даже обуви, увеличивались съ каждымъ днемъ. Множество скота пало отъ голода и изнуренія; приходилось бросать арбы со всѣмъ имуществомъ и совершать путешествіе пѣшкомъ. Мужчины шли навьюченные разнымъ скарбомъ, который могли только забрать; матери несли на рукахъ дѣтей, и подъ вліяніемъ тяжелыхъ страданій, не видя конца своей дороги, народъ началъ предаваться отчаянію. Но во главѣ переселенцевъ судьба поставила тогда выдающуюся личность архіепископа Карапета, стоявшаго во главѣ Эрзерумской епархіи. Высокія качества этого достойнаго служителя церкви, его непрерывная энергичная дѣятельность, заботы о пользахъ народа и тотъ переворотъ, который совершился подъ его вліяніемъ въ жизни турецкихъ армянъ,—представляютъ сами по себѣ такія крупныя явленія, что величавая фигура этого монаха невольно выдвигается впередъ и остановила на себѣ вниманіе даже императора Николая Павловича, удостоившаго, во время путешествія своего по Кавказу въ 1837 году, личнымъ посѣщеніемъ маститаго архипастыря въ то время, когда онъ жилъ въ Ахалцихѣ.

Былъ же седьмой мѣсяцъ пути, когда вся эта громадная масса народа достигла наконецъ русскихъ предѣловъ. Отсюда отделилось до двухъ тысячъ семей и пошли въ Борчалу, Памбакъ и Шурагель; до ста семействъ осѣли въ Ахалкалакахъ, вызвавшись устроить форштадтъ подъ самую крѣпость, а остальные, до 35-ти тысячъ душъ, направились въ Ахалцыхъ.

Но непривѣтливо встрѣтилъ бышій турецкій пашалыкъ своихъ новыхъ христіанскихъ гостей. Помѣщеніе для нихъ приготовлено не было, и большинству пришлось провести суровую зиму въ палаткахъ, наскоро разбитыхъ на тѣхъ самыхъ горахъ, гдѣ впослѣдствіи образовался новый Ахалцыхъ. Не въ лучшемъ положеніи очутились здѣсь и сельскіе обыватели. Нужно сказать, что ахалцыхскій пашалыкъ въ продолженіи войны обезлюдилъ, а потому оставшіяся земли послѣ турокъ, бѣжавшихъ за границу, какъ пустопорожнія мѣста стали считаться казенными. Ихъ то и

отвели теперь переселенцамъ. Но едва на этихъ земляхъ водворились армяне, какъ изъ-за границы начали возвращаться прежніе владѣльцы, чтобы, пользуясь правомъ мирнаго трактата, продать ихъ въ чужія руки и опять удалиться въ Турцію. Мусульмане продавали свои земли только мусульманамъ, и покупщики пріобрѣтали ихъ за ничтожную цѣну. Изъ этого вышло то, что болѣе 1.600 семей неожиданно очутились на землѣ частныхъ владѣльцевъ и лишились всѣхъ дарованныхъ имъ преимуществъ. Новые помѣщики потребовали у нихъ деньги за пользованіе землею и стали взыскивать ихъ при помощи земской полиціи, которая не могла отказать имъ въ этомъ законномъ требованіи. Въ результатъ вышла путаница, вредная и казнѣ и переселенцамъ; пришлось скупать всѣ частныя земли, на которыхъ поселились армяне, платя владѣльцамъ уже двойную сумму, или переселять армянъ съ мѣста на мѣсто.

Если не лучше, то во всякомъ случаѣ гораздо скорѣе и безъ такихъ тревоженій устроились переселенцы изъ Карса и Баязета, размѣстившіеся сразу по такимъ мѣстамъ, гдѣ сидѣло сплошное армянское населеніе. Изъ Карса вышло тогда 2.264, а изъ Баязета 4215 семействъ, изъ которыхъ только часть заняла Карабахъ, а главная масса осѣла въ Армянской области.

Фактъ переселенія христіанъ въ русскіе предѣлы такимъ образомъ совершился, и вопросъ, поднятый передъ тѣмъ о поселеніи на персидской границѣ малороссійскихъ казаковъ, отодвинулся на задній планъ, а потомъ затерялся во времени.

УКАЗАТЕЛЬ.

I.

Личныя имена.

- А**ббасъ-Мирза, наслѣдный принцъ персидскій, 164—165, 197—198, 204, 223—225, 227—228, 232—241, 248—249.
Абдуль-Кадиръ-бей, кази-аскеръ анатолійскій, 439.
Абдуль-Ризахъ-бекъ, 112, 118.
Абутъ-паша, 328.
Абхазовъ, генераль, 248.
Авди-бекъ, 171, 174—176, 182, 185—186.
Ага-Магометъ-ханъ, 198.
Ага-Миръ-Фетъ-Сайдъ, проповѣдникъ, 213.
Ага-Сулейманъ, куртинъ, 383.
Аделунгъ, секретарь посольства 201, 203.
Александра Ѳеодоровна, Императрица, 328.
Александръ Николаевичъ, Цесаревичъ, 153.
Александръ, грузинскій царевичъ, 5, 9, 130, 212, 217.
Али-ханъ макинскій, 227.
Али-Юзбани, 234.
Алдаяръ-ханъ, персидскій министръ, 195, 200, 223.
Амалать-бекъ, 158.
Амбургеръ, русскій уполномоченный въ Тегеранъ, 205—207, 223—224, 227—230.
Амилахвари, генераль-адъютантъ, князь, 428.
Амуратъ III, султанъ, 33.
Андреевъ, поручикъ, 183.
Андрониковъ И. М., князь, подполковникъ Нижегородскаго др. полка, 73, 75, 423—424, 427—428.
Анрепъ, полковникъ, 72, 76, 349.
Аргутинскій-Долгорукой, князь, подполковникъ, 206, 415—418.
Асланъ-бей, начальникъ турецкой кавалеріи, 416.
Атаршиковъ Борисъ, урядникъ Горскаго каз. полка, 300—301.
Ахмедъ-паша, 328.
Ахметъ-бекъ аджарскій, 136, 165, 171, 173, 184—187, 191, 211, 253—256, 391—394, 396—403.
Аянъ-ага, Эрзерумскій губернаторъ, 317, 326.
Багратіонъ-Мухранскій, князь, генераль-маіоръ, 167, 220.
Баратовъ, князь, маіоръ, 424.
Басовъ, подполковникъ, командиръ Донскаго каз. полка, 113, 115—117, 273, 276—278, 363—364, 366—367.
Бахманъ, полковникъ, командиръ Херсонскаго полка, 217—218, 356.
Бебутовъ, Василій Осиповичъ, князь, генераль-маіоръ, 101, 162, 169—170, 172, 177—178, 181—184, 186, 188, 254, 256, 261, 392—393, 450—451.
Безкровный, Алексѣй Даниловичъ, атаманъ Черноморскаго каз. войска, 149, 151—154, 156.
Бековичъ-Черкасскій, князь, полковникъ, 27, 48—49, 52, 103—105, 126.
Бековичъ-Черкасскій, князь, генераль-маіоръ, 273, 312, 319—325, 330, 333, 382.
Беренсъ, подполковникъ, 218.
Берхманъ, генераль-маіоръ, 21, 36, 57, 103, 105, 120, 162, 352.
Бей-Булатъ, чеченскій наѣздникъ, 330.

- Билюль-паша, баязетскій комендантъ, 110—111, 375.
 Блудовъ А. Д., 247.
 Богдановичъ, подпоручикъ, 36.
 Боде, баронъ, 205.
 Боровскій, полковникъ, командиръ На-
 шебурскаго полка, 376, 378—379,
 384.
 Бородинъ, полковникъ, 37, 45, 56,
 62—63, 82, 90—93, 99, 342.
 Бурцевъ, полковникъ, командиръ Хер-
 сонскаго полка, 37, 45, 53, 93, 174—
 176, 186—188.
 Бурцевъ, Иванъ Григорьевичъ, гене-
 ралъ-маіоръ, 253—257, 259, 261,
 263—265, 268—269, 271, 274—275,
 281, 285—288, 290, 294—296, 304,
 312, 334—335, 337—343, 346, 349,
 359.
 Буткевичъ, прапорщикъ, 73.
 Бухгольдъ, генералъ-маіоръ, 145.
 Бѣлицкій Андрей, священникъ, 44, 50.

Вадбольскій, князь, генералъ-лейте-
 нантъ, 21, 40, 42—46, 102.
 Вальховскій, полковникъ, 17, 47, 53,
 303.
 Вальховскій, генералъ-маіоръ, 173, 268.
 Вачнадзе, князь, капитанъ, 166, 334,
 336.
 Венеровскій Александръ, урядникъ Гор-
 скаго каз полка, 300—301.
 Верзилинъ, подполковникъ, командиръ
 Линейнаго каз. полка, 27, 301,
 347—348.
 Верховскій, полковникъ, 158.
 Витгенштейнъ, графъ, 2, 147.
 Врангали, дипломатическій чиновникъ,
 25, 432.

Гагки-паша сивасскій, главнокоман-
 дующій войсками Азіатской Турціи,
 163, 256, 272—275, 278—279, 281,
 283—286, 288—290, 292—295, 298,
 300—304, 311, 315, 392, 446.
 Гаджи-Салехъ-паша мейданскій, эрзе-
 румскій сераскирь, 163, 289, 321,
 327, 337.
 Галибъ-паша, начальникъ азіатскихъ
 областей, 8, 9, 19, 162.
 Гайгеловъ, подпоручикъ, 417.
 Гасанъ-ага, начальникъ курдовъ, 113—
 114.
 Гассанъ-паша анапскій, 145.
 Гассанъ-ханъ, 17, 66, 212.
 Гайты, эрзерумскій турокъ, 335.
 Гедроштъ, поручикъ, 183.
 Гентцъ, австрійскій дипломатъ, 441.
 Гессе, генералъ-маіоръ, 14, 129—130,
 132—133, 136—140, 189, 193, 352,
 393, 395—396, 403—412.
 Гилленшмидтъ, генералъ, 28—29, 45,
 60, 82, 325, 330, 421.
 Гистасъ-Дарій, 313.
 Голицинъ, Андрей Борисовичъ, гене-
 ралъ-маіоръ, 358—359, 420—423.
 Голицинъ, Дмитрій Владиміровичъ,
 князь, Московскій генералъ-губерна-
 торъ, 244.
 Гордонъ, саръ, 439.
 Горячко, штабсъ-капитанъ, 181, 188.
 Гофманъ Николай Яковлевичъ, полков-
 никъ, 261—263, 266.
 Грековъ, полковникъ, 330.
 Грейгъ, вице-адмиралъ, 147, 156,
 404—405.
 Грибоѣдовъ Александръ Сергѣевичъ,
 русскій уполномоченный въ Тегеранъ,
 195—210, 212, 224—226, 228, 244,
 323.
 Гугуновъ Вахтангъ, князь, 139.
 Гугуновъ Симонъ, князь, 139.
 Гудовичъ, графъ, 23, 58—60, 97, 117,
 148.
 Гуріели Георгій, князь, 136.
 Гуріели Давидъ, князь, 134, 138—142.
 Гуріели Екатерина, княжна, 138, 140—
 142.
 Гуріели Мамія, князь, 134, 139.
 Гусейнъ-бекъ, 414, 416—418.

Дадашъ-бекъ Ростомъ, 203.
 Дадіани, князь, генералъ-лейтенантъ,
 130, 132, 134, 406, 408—409.
 Дадымовъ, переводчикъ, 201.
 Дели, эрзерумскій турокъ, 365.
 Демьяненко, маіоръ, 369.
 Дефтердеръ-бекъ, 373—374.
 Джанхоловъ Кучумъ, кабардинскій ва-
 лій, 243.
 Джехангиръ-Мирза, сынъ шаха пер-
 сидскаго, 250.
 Дибичъ, баронъ, генералъ-адъютантъ,
 начальникъ главнаго штаба, 11—12,
 51, 63, 168.
 Дибичъ, графъ, главнокомандующій Ду-

III

- найской арміей, 429, 432—433, 435, 438—443.
- Димитріевъ Александръ, камердинеръ Грибоѣдова, 203.
- Доія, кахетинскій дворянинъ, 214, 217.
- Долгорукій, князь, генераль-маіоръ, 237—238, 240—242, 247.
- Доякинъ Семенъ, рядовой Эриванскаго полка, 300.
- Дюгамель, штабсъ-капитанъ, 430—433, 435, 441.
- Е**катерина II, Императрица, 109.
- Емануель, командующій войсками на Кавказской линіи 243.
- Епифановъ, войсковой старшина, 114.
- Ермоловъ Алексій Петровичъ, генераль-отъ-инфантеріи, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 3—4, 12, 98, 110, 134, 272, 372.
- Ж**плинскій, маіоръ, 445.
- Жуковский, генераль-маіоръ, 309.
- З**абродскій, маіоръ, 264, 266.
- Завадовскій, генераль-маіоръ, 27—28.
- Заасъ, маіоръ, 338—339, 341.
- Захаровъ Яковъ, поваръ Грибоѣдова, 203.
- Зилли-Султанъ, шахскій сынъ, 203.
- Зубковъ, есаулъ, 36, 82, 92.
- И**брагимъ-бекъ, 362—363, 370, 389.
- И**она, митрополитъ, Экзархъ Грузіи, 208.
- К**абуловъ, князь, чиновникъ, 203.
- Казанцевъ Назаръ, унтеръ-офицеръ Эриванскаго полка, 300.
- Казасси, маіоръ, 73, 75—76.
- Кази-Мулла, имамъ Чечни и Дагестана, 41.
- Канделаки Іоаннъ, священникъ, 141.
- Капиджа-баши, начальникъ Эрзерумскихъ воротъ, 318.
- Карапетъ, армянскій архіепископъ, 326, 454.
- Карлъ, австрійскій эрцъ-герцогъ, 434.
- Карповъ, войсковой старшина, 307.
- Кириловъ, штабсъ-капитанъ, 266, 268—269.
- Киселевъ, генераль, 342.
- Кистеръ, маіоръ прусской службы, 439.
- Кишкинъ, капитанъ 174.
- Киосъ-Магометъ-паша, начальникъ персидскаго корпуса, 9, 19—20, 24, 33, 36, 49, 51, 53—54, 68—70, 79, 82—83, 87, 89, 96, 105, 162.
- Князевъ, сѣтникъ, 369.
- Коргановъ, капитанъ, 322, 324—325.
- Корольковъ, генераль, 21, 40, 46, 60, 82.
- Кострицкій, подполко никъ, 389.
- Котляревскій, генераль, 58.
- Кочубрила, гурійская княжна, 135.
- Кошутинъ, подполковникъ, 35, 47, 85.
- Красовскій, генераль, 12, 110, 126.
- Кругловъ, поручикъ, 183.
- Кубановъ Василій, урядникъ, 446.
- Кувшинниковъ, маіоръ, командиръ 2-го Конно-Мусульманскаго полка, 416—418.
- Кудашевъ, князь, адъютантъ Паскевича, 235—237, 425.
- Кумани, адмираль, 236.
- Кутлянскій, маіоръ, 378.
- Кучукъ-бей, ольтинскій правитель, 414.
- Кягъи-бекъ, турецкій начальникъ штаба, 256, 258—260, 264—265, 269, 331, 335.
- Л**абинцевъ, поручикъ, 41—42, 53.
- Лазинъ, сотникъ, 402.
- Лау, ротмистръ, 74—76.
- Лацинниковъ, поручикъ, 183.
- Левицкій, подпоручикъ, 264—266.
- Левицкій, поручикъ, 402.
- Левицкій, капитанъ, Тарутинскаго полка, 402.
- Леманъ, полковникъ, 334, 363, 365.
- Леоновъ, генераль-маіоръ, 22, 296—297, 301, 307.
- Ливень, князь, Лондонскій посолъ, 237.
- Лико, поручикъ, 385.
- Линденфельдъ, подполковникъ, 341.
- Лисаневичъ, полковникъ, 330.
- М**агометъ-Аминъ, 157—158.
- Макаровъ, поручикъ, 207.
- Макаровъ, рядовой, 73.
- Макдональдъ, англійскій уполномоченный, 204, 224—225, 227—228, 234, 237, 239, 241, 292.
- Мальмбергъ, ординаторъ Эриванскаго госпиталя, 203.

Мальцевъ, секретарь посольства, 203—205, 224—225.
 Мамедъ-Мирза (Мамедъ-Шахъ), старшій сынъ Аббасъ-Мирзы, 249—250
 Мамедъ-ханъ, начальникъ регулярныхъ войскъ въ Персіи, 237.
 Мамишъ-ага, начальникъ сераскирской конницы, 289, 314, 316—318, 320.
 Маміи-ага, казначей, 398
 Марковъ, маіоръ, 298, 309, 424.
 Марлинскій (Бестужевъ), 158
 Махмедъ-Садикъ-Эфенди, министръ финансовъ, 439
 Махметъ-бекъ (Махмудъ-бекъ), начальникъ Терджанскаго санджака, 366, 419—420.
 Мачутадзе, князь, 133—135, 138, 141—142, 405,
 Медвѣдевъ, сотникъ, 319.
 Меликовъ, князь, 201, 203.
 Меликъ-Мартиросъ, армянинъ, 232
 Меньшиковъ, князь, чрезвычайный посланникъ въ Персію, 145—146.
 Меньшиковъ, князь, генераль-адъютантъ, начальникъ морскаго штаба, 147—149, 151, 155—156.
 Мерлани, генераль-маіоръ, 13, 206.
 Мейданскій паша, 77.
 Мещериковъ, есаулъ, 266, 287.
 Микиртичъ-ага, армянинъ, 365
 Миклашевскій, подполковникъ 42-го Егерскаго полка, 41—44, 71—72, 74, 366, 419—420.
 Милицкій, поручикъ, 319.
 Мирза-ага, начальникъ іезидовъ, 166
 Мирза-Массудъ, статсъ-секретарь наследнаго принца, 234.
 Мирза-Мессихъ, тегеранскій мулла, 201.
 Мирза-Салехъ, персидскій посланникъ, 211, 234.
 Мирза-Якубъ, шахскій евнухъ, 199—201, 204, 223.
 Миръ-Хассавъ-ханъ, 227—228.
 Миръ-Фетта-Сеидъ, 78.
 Михаилъ Павловичъ, Великій Князь, 447.
 Могучій, ротмистръ, 430—431.
 Монтрезоръ, маіоръ, 196—197
 Музайко, штабсъ-капитанъ, 35.
 Муравьевъ, генераль-маіоръ, 21—23, 25, 28—29, 33, 35—36, 40, 44, 47, 51, 53—54, 78—79, 82—83, 106, 162, 174—176, 187, 257—263, 266—269, 271, 283, 285—286, 289—290,

295—296, 299, 303—304, 307, 338, 344, 358, 419—420, 422—423, 426, 428.

Мусницкій, поручикъ, 153.

Мустафа-ханъ ширванскій, 227.

Мута-бекъ, областной ахалкалакскій начальникъ, 62, 78

Наги-ханъ, 113—114, 212

Накашидзе Георгій, князь, 139.

Накашидзе Лазарь, князь, 138.

Наполеонъ I, Императоръ, 8—9, 434.

Нессельроде, графъ, 5, 18, 20, 135, 209, 223—226, 230—231, 233—234, 237—238, 240—241, 245—246, 435—440, 442—443.

Нико-Батони-швили, князь, генераль-маіоръ, 132, 134,

Николай I, Императоръ, 2, 37, 51, 53, 63, 100—101, 138, 141, 145, 195, 199, 209—210, 244—245, 247, 249, 300, 315, 439—443, 446, 448, 454.

Обуховъ, сотникъ, 61.

Овечкинъ, подполковникъ, 91, 93.

Опочининъ, Алексѣй Петровичъ, 376.

Орбеліани Асланъ, князь, 222

Орбеліани Кайхосро, князь, 222.

Орбеліани Луарсабъ, князь, 222.

Орбеліани Мамукъ, князь, 222.

Орбеліани Соломія, княгиня, 110

Орбеліани Яковъ, князь, 222.

Османъ-бей, 133.

Османъ-паша трапезондскій, 259, 281—283, 328, 345, 348, 353, 405, 419.

Османъ-Хазандаръ-оглы, 189—190.

Османъ-Чатырь-оглы, 337

Остенъ-Сакентъ, баронъ, генераль-маіоръ, 17, 27—28, 34—35, 46—47, 49—51, 53, 62—64, 81, 173, 239, 268, 208, 295—299, 305—307, 309, 393—404, 407, 409, 412, 414

Остенъ-Сакентъ, баронъ, штабсъ-ротмистръ Нижегородскаго др полка, 278.

Панкратьевъ, генераль-маіоръ, 13, 120—121, 126, 128, 162, 231, 257—260, 284, 288, 290, 295—297, 300, 304, 307, 312, 325—327, 333, 344, 352, 360—366, 369, 371—372, 444—445—453.

Панютинъ, генераль-маіоръ, 373, 376—379, 384—386.

Парадовскій, майоръ, 297—298.

Парнаозъ, грузинскій царевичъ, 109.

Парсехъ, армянскій епископъ, 206.

Паскевичъ, графиня, 242.

Паскевичъ И. Ф., генераль-адъютантъ генераль-отъ-инфантеріи, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 1, 3—5, 9—10, 12—21, 24—25, 27—31, 33—35, 37, 43—44, 46—51, 53—57, 59—60, 63—64, 68—72, 74—78, 80—85, 88—90, 95—98, 101—103, 105, 108, 111, 114, 117, 120—129, 131—135, 137—138, 140—141, 159—169, 171—173, 187—188, 190, 192—198, 206—207, 209—213, 215, 217, 220—242, 251—253, 257—260, 266—276, 278—295, 299—301, 303—307, 309—310, 312—319, 322, 324—334, 336—337, 341—346, 348, 350—353, 355—360, 362—363, 365, 369—373, 381—384, 386, 391—393, 395—396, 399, 403—407, 412, 414—415, 418—422, 425—439, 443, 445—452.

Пауллучи, 58, 109.

Пацовскій, полковникъ, 408—409.

Педяшъ, майоръ, 172—173.

Перовскій, полковникъ, флигель-адъютантъ, 146—148, 156.

Побѣдновъ, полковникъ, 22.

Полтининъ, капитанъ, 379, 384.

Пономаревъ Максимъ, денщикъ генерала Бурцева, 341.

Пожковъ, прапорщикъ, 73.

Поповъ, генераль-майоръ, 76—77, 79, 103, 372—376, 378—384, 386.

Потембня, штабсъ-капитанъ, 49.

Потемкинъ, генераль-адъютантъ, 344, 421.

Поярковъ, полковникъ, 378.

Прянишниковъ, генераль-майоръ, 400—401.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, поэтъ, 202, 275—277, 287, 303, 330, 343.

Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, офицеръ Нижегородскаго полка, братъ поэта, 276.

Пушкинъ, подпрапорщикъ, 36, 77, 81, 93.

Пушкинъ, поручикъ, 273.

Радожецкій, полковникъ, командиръ подвижнаго артиллерійскаго парка, 273, 280, 288, 316, 330.

Радуцкій, офицеръ Кавказской Грена-

дерской артиллерійской бригады, 376.

Раевскій, полковникъ, 64, 65, 72, 75, 82—83, 106, 276—277.

Раевскій, генераль, командиръ Сводной кавалерійской бригады, 22, 37, 40, 127, 284, 286—287, 290—291, 296, 306—307, 309—310, 344, 348—349, 359.

Ралль, генераль-майоръ, 227.

Разумовская, графиня, 244.

Резануйловъ, 119—120.

Ренненкампфъ, генераль-майоръ, 242—243.

Реутъ, полковникъ, 42—44, 94, 96.

Реутъ, генераль-майоръ, начальникъ Баязетскаго пашалыка, 386, 388—389.

Римъ, прапорщикъ, 385—386.

Родичъ, юнкеръ, 74.

Розентъ, баронъ, 141—142, 205—206.

Румянцевъ, 30.

Рябининъ, капитанъ, 263, 266—267.

Сатугъ-Ханашъ-Иббинъ-Цака, князь Черкесскій, 149.

Селивановъ, подпоручикъ, 376—377.

Семедъ-ага, сынъ Эрзерумскаго губернатора, 320, 323.

Семино, французъ, 240.

Семичевъ, командиръ 3-го эскадрона Нижегородскаго др. полка, 276—277.

Сергѣевъ, полковникъ, 22, 263—266.

Сергѣевъ, генераль, 21, 22, 275, 288, 364—369, 422, 425.

Сеферъ бей, 157—158.

Симоничъ, графъ, 40, 44, 46, 205—206, 286, 289, 312, 353—357.

Сипягинъ, генераль-адъютантъ, 4, 12, 132, 134.

Софія, княгиня Гурійская, 4, 130, 132, 134—135, 139, 141, 189, 191, 405, 409.

Стефаноса, священникъ 41-го Егерскаго полка, 95.

Стрекаловъ, генераль-адъютантъ, 216, 221—222, 258.

Студеникъ, войсковой старшина, 264, 266, 268.

Суворовъ, генераль-фельдмаршалъ, 160.

Сулейманъ-ага, 118, 394.

Сумбатовъ, адъютантъ Паскевича, 425.

Сухтеленъ, графъ, генераль-адъютантъ, 245.

Тавгеридзе Георгій, 138.
 Тамара, царица Грузіи, 65.
 Тамерланъ, 387.
 Тархановъ, маіоръ, 219, 222.
 Темрюковъ, владѣтельный князь горцевъ, 151.
 Тейфуръ-бекъ, 170.
 Томиловскій, штабсъ-капитанъ, 153—154.
 Тормосовъ, генералъ, 68, 97.
 Трубниковъ, штабсъ-капитанъ, 377, 384.
 Туркестанскій, поручикъ, 393—394.
 Туркуль 2-й, капитанъ, 150.
 Тусчи-оглы, 407—408.

Умбай-бекъ, кабардинскій наѣзникъ, 302—303.
 Усковъ, подполковникъ, 281—282, 288, 298—299, 309.

Фархабъ-бекъ, ахалбалакскій комендантъ, 62.
 Фель-Али-шахъ, 198, 211, 145, 248, 250.
 Фредериксъ, баронъ, полковникъ, 47, 53, 281—283.
 Фураджъ-Улларъ-бекъ, карабагскій султанъ, 350.

Хазандаръ-оглы, 193.
 Хандаковъ, маіоръ, 298.
 Хандаковъ, ротмистръ, 226—227.
 Хассанъ али, 234.
 Хосровъ-Мирза, принцъ, сынъ Аббасъ-Мирзы, 239—240, 242—251.
 Хуршидъ-бекъ, 369.

Циціановъ, князь, генералъ, 109.
 Циціановъ Давидъ, князь 219, 222.

Чавчавадзе Пина Александровна (жена Грибоѣдова), княжна, 196, 206, 209—210.
 Чавчавадзе, князь, генералъ-маіоръ, 23, 106—121, 126—129, 371.
 Чавчавадзе 3-й, прапорщикъ, 73—74.

Чавчавадзе Ясонъ, князь, поручикъ Нижегородскаго др. полка, 424, 427—428.

Чатырь-Османъ-оглы, анапскій комендантъ, 145, 155.

Чевкинъ, флигель-адъютантъ, 442.

Челокаевъ, князь, 217.

Черноглазовъ, капитанъ, 42, 53.

Чернышевъ, графъ, 142, 221—222, 442.

Шабельскій, полковникъ, 110.

Шамшевъ, командиръ Донскаго казачьяго полка, 376, 378—379, 384.

Шахъ-Надиръ, 33—34, 53.

Шахъ-Назаровъ, штабсъ-капитанъ, 203.

Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка, 373.

Шемиръ-Бегляровъ, капитанъ, 69—70.

Шерифъ-ага карапапахскій, 20.

Шіановъ Николай, священникъ Херсонскаго полка, 340.

Штокфишъ, поручикъ, 52.

Шумскій, подполковникъ, 413—414.

Щербатовъ, князь, 237.

Эксанъ ханъ нахичеванскій, 206.

Эминъ-наша мушскій, 20, 23, 37, 47—49, 52—54, 334, 362, 370.

Эристовъ Александръ, князь, 138.

Эристовъ Вахтангъ, князь, 9, 130, 136.

Эристовъ Георгій, князь, 136, 138—139.

Эристовъ Гиго, князь, 136, 138.

Эристовъ Давидъ, князь, 138.

Эристовъ, князь, генералъ-лейтенантъ, 126, 231.

Эристовъ Константинъ, князь, 138.

Эристовъ Симонъ, князь, 136.

Эсепхо, полковникъ, 103.

Эсепхо, генералъ-маіоръ, инженеръ, 333.

Эсепъ, капитанъ, 298, 416—417.

Юдинъ, подполковникъ, 91.

Юматовъ, штабсъ-капитанъ, 363.

Яповичъ, подполковникъ, 432.

VII.

II.

Географическія имена.

- А** бастуманскій санджакъ, 256.
 Абастуманъ, мѣстечко, 253.
 Аббасъ-Абадъ, городъ, 25, 198.
 Абхазія, 3, 4, 14, 130, 157, 190, 435.
 Аджаро-Ахалцихскій хребетъ, 403, 410.
 Азатава, селеніе, 25.
 Азіатская Турція, 7, 8, 11, 16.
 Акзюбіюкъ, хребетъ, 16.
 Акстафа, рѣчка, 212.
 Акъ-Дербентъ, городъ, 249.
 Алагезъ, гора, 453.
 Алазанская линія, 13.
 Алазанъ, рѣка, 212, 218, 258.
 Аланджа-чай, рѣка, 207.
 Алашкертская долина, 160, 371.
 Алашкертскій санджакъ, 112, 161, 190.
 Алашкертъ, городъ, 113, 114, 117—118, 122, 386—387, 389.
 Александрополь, крѣпость, 21, 443.
 Алексѣевское укрѣпленіе, 154.
 Алепа, область, 163.
 Али-бегри-огамъ, деревня, 285, 290.
 Амамы, селеніе, 196.
 Андрианополь, городъ, 429, 435, 438—439, 443.
 Анапа, городъ, 11—13, 130, 143—159, 337, 435.
 Анатолія, 7, 165, 434.
 Англія, 2, 157—158, 224, 226, 229, 238, 241—242, 363, 434.
 Араксъ, рѣка, 206, 212, 272, 298, 304, 312.
 Араратъ, гора, 3, 231.
 Ардаганъ, крѣпость, 24, 51, 53—54, 57, 60, 62, 64, 68—70, 84, 100, 103, 159—160, 162, 181, 254, 257—259, 359, 406, 413—414, 435.
 Ардаганскій санджакъ, 161, 254, 352.
 Арданучъ-чай, рѣка, 413.
 Ардебиль, городъ, 250.
 Ардебиль, область, 11, 25, 98.
 Ардостъ, городъ, 312.
 Арменія, 7, 33, 434, 441.
 Арпачай, рѣчка, 16—17, 20—21, 107, 231, 257, 443.
 Арузга, селеніе, 422.
 Аскано, 138, 190.
 Асландузъ, 10.
 Астара, 227.
 Астрабадъ, область, 11.
 Астраханъ, городъ, 15, 231.
 Ахалкалаки, деревня (Тифлисской губерніи) 219.
 Ахалкалаки, крѣпость, 6, 12, 57—60, 62, 64—65, 68, 97, 103, 137, 159—160, 162, 181, 258, 435, 454.
 Ахалкалакъ-чай, рѣчка, 64.
 Ахалцихскій пашалыкъ, 7, 11, 14, 67—68, 105, 162, 169, 269, 309, 404.
 Ахалцихъ, крѣпость, 5—6, 11—12, 14, 16, 23, 25, 54, 56—57, 59, 62, 64—66, 68, 70—71, 73, 76—77, 83, 85—89, 92, 96—97, 100, 103, 129, 133, 137, 143, 159—160, 162—163, 169, 177, 181, 186—189, 192—194, 196, 211—212, 221, 240, 251—254, 256—257, 259—261, 267—268, 306, 321, 324, 336—337, 342—343, 347, 371—372, 391—393, 395—397, 399—400, 413, 420, 434—436, 439—440, 450, 454.
 Ахалцихъ-чай, рѣчка, 183.
 Ахульго, укрѣпленіе, 142.
 Ахъ-узюмъ, селеніе, 231.
 Аухуръ, укрѣпленіе, 6, 68, 76, 101—103, 162, 174, 176, 181, 185—186, 253—254, 435.
 Ашагъ-Памача, селеніе, 78, 84.
 Ашъ-кала (Ашкала), селеніе, 338, 344, 358, 419—421.
У агдадъ, городъ, 102, 164, 168, 436.
 Базарджикъ, 157.
 Балахоръ, мѣстечко, 345, 348—349, 351, 355, 357, 361, 421—423, 427—428.
 Бамбакъ, 10.
 Батумъ, 6, 135, 137, 189—191, 193, 403—404, 407—410, 412, 435—436, 440, 442.
 Бардусская долина, 281.
 Бармакисъ, деревня, 366, 368.
 Башкичетъ, 16, 64—65.
 Байзетскій пашалыкъ, 7, 10, 114—115, 117, 121, 159, 162, 165, 168, 196, 231, 257, 371—372, 383, 386, 436.

VIII.

- Баязетъ, городъ, 6, 52, 108, 113—114, 116, 122—123, 126, 128, 163, 165, 168, 232, 235, 238, 251—252, 257, 259, 270, 314, 344, 352, 359, 364, 370—375, 378—386, 388—389, 434—435, 440, 444, 455.
- Байрамъ-паша, предмѣстье, 27, 32, 47.
- Бегли-Ахметъ, городъ, 559—260.
- Безобдалъ, горный хребетъ, 16, 196.
- Бетлисъ, 334.
- Бейбуртъ, городъ, 334—336, 338, 341—342, 344—345, 356, 358—359, 361, 363, 391, 419—422, 425—428, 431—432, 444, 449, 452.
- Боржомское ущелье, 3, 14, 68, 77, 102, 171, 174, 176, 182, 185, 253, 256, 258.
- Боржомъ, 76, 174, 186.
- Бородино, 373.
- Бугуръ, рѣчка, 147—151, 156.
- В**алахія, 1 2.
- Ванскій пашалыкъ, 7, 165, 374.
- Ванъ, городъ, 163, 165, 236, 334, 364, 373—374.
- Вильно, городъ, 385.
- Владикавказъ, городъ, 243.
- Воронежъ, городъ, 244.
- Вѣна, городъ, 385.
- Г**анжинское ханство, 248.
- Гасанъ-кала, крѣпость, 55, 122, 256, 272, 279, 283, 311, 313, 315—316, 318, 328, 382.
- Гельскій санджакъ, 257.
- Гендары, селеніе, 59.
- Гендеръ-су, рѣчка, 59—61.
- Гератъ, гора, 249.
- Гермійскій постъ, 227.
- Герюсы, 15.
- Гечеванскій санджакъ, 7.
- Гилянъ, область, 11.
- Гогнія, городъ, 140.
- Гори, городъ, 174, 253, 342.
- Гогіасцихе, замокъ, 174.
- Гракомъ, деревня, 118—119.
- Греція, королевство, 2.
- Грузія, 4—5, 9, 12, 14, 33, 57, 59, 65, 76, 99, 102, 162, 174, 185, 207, 212—213, 216, 222, 227, 234, 257—258, 334, 352—353, 366, 433, 436—437, 447, 450.
- Гумры, городъ, 3, 16—18, 20, 22—24, 30, 40, 64—65, 415, 430, 453.
- Гурія, 3—4, 129, 138, 159, 163, 167, 169, 171, 189, 191, 193—194, 211, 221, 240, 251, 335—336, 359, 371, 391, 393, 395, 400, 403, 404.
- Гюмишъ-ханъ, городъ, 337, 351, 353—357, 419—420, 431, 449, 452.
- Гяуръ-дагъ, гора, 354.
- Д**агестанъ, 6, 13.
- Далузаръ, деревня, 426.
- Деве-бойну, гора, 318—319.
- Дели-баба, 120, 128.
- Джанъ-Уранъ, 421.
- Джарская область, 5, 13.
- Джелаль-оглы, мѣстечко, 17.
- Джемуслинскій бродъ, 23.
- Джультфа, городъ, 227.
- Дигуръ, селеніе, 171, 259, 261—264, 343, 404.
- Дидъ-Аджара, деревня, 402.
- Діадина, крѣпость, 115, 117, 120, 128, 372, 385, 387—388.
- Діарбекирскій пашалыкъ, 7, 165.
- Діарбекиръ, городъ, 166, 168.
- Драмъ-дагъ, 120.
- Дунай, рѣчка, 2, 11, 19, 131, 164.
- Е**вропа, 2, 434—435, 437, 441, 447.
- Египетъ, 9.
- Егры-гаутъ, гора, 426.
- Елисаветполь, городъ, 206, 217—218.
- Ефратъ, рѣчка, 114, 116, 387, 445.
- З**агинъ-кала-су, оврагъ, 285—286, 288.
- Займъ, селеніе, 57.
- Закавказье, 9, 14.
- Зардоба, 17.
- Зивинъ, городъ (замокъ), 272—273, 278—279, 283—285, 289, 291—292, 294, 312—313, 315.
- Зизополь, портъ, 430.
- Зугдиды, селеніе, 130.
- И**нжа-су, рѣчка, 276, 278.
- Имеретія, 3—4, 14, 19, 102, 129, 405, 437.
- Испаганъ, городъ, 250.
- К**авказская линія, 12, 164, 231, 300, 360, 450.
- Кавказъ, 3—4, 12—13, 19

IX.

- Кагызманъ, городъ, 6.
Каинлы, селеніе, 272, 284—286, 289, 304, 311.
Каинлы-чай, рѣчка, 283, 285, 287, 289.
Кая-дагъ, башня, 78.
Кая-дагъ, гора, 89, 182.
Карабагъ, городъ, 1, 13, 17, 212—213, 248, 270, 433.
Кара-Булакъ, деревня, 381.
Карадагскія высоты, 24.
Карадагъ, гора, 27, 32, 37, 40, 46—48.
Каракабанскій перевалъ, 357.
Кара-Қилиса, деревня, 118—119.
Карапетъ, деревня, 418.
Карасъ-Калакъ, городъ, 33.
Караурганъ, селеніе, 291, 293, 304, 312, 382.
Карели, деревня, 219.
Карскій пашалыкъ, 7, 11, 16—17, 52—53, 57, 67, 126, 352, 438, 453.
Карсъ, крѣпость, 5—6, 11—12, 14, 16—20, 22—28, 30—31, 33—34, 37—39, 42, 45, 48—51, 53—55, 57, 69—70, 88, 105, 120, 129, 147, 159—160, 162—163, 168, 231—232, 251—252, 257, 259—260, 267—268, 271—272, 312, 314, 333, 342, 352, 359, 371, 406, 414, 430, 435—436, 440, 442—444, 449, 453, 455.
Карсъ-чай, рѣчка, 23, 25, 30—32, 34, 37, 39.
Карталинія, 3, 10, 14, 66, 76, 172.
Катесхеви, деревня, 219.
Квели, деревня, 254.
Кепри-кей, селеніе, 272, 312—313.
Керчь-Еникале, крѣпость, 145.
Кессарія, область, 163.
Кизигель, деревня, 374.
Кизиль-кай, деревня, 118—119.
Кинтриши, крѣпость, 408—410.
Кинтришъ, рѣка, 191.
Кичикъ-Кева, 30, 50.
Кобліанскій санджакъ, 403—404.
Кобулетскій санджакъ, 405.
Кобулеты, 6, 132—133, 135, 137—139, 190—191, 193, 406—408, 112.
Коды, деревня, 216, 219.
Константинополь, городъ, 8, 54, 168, 228, 277, 363, 419—420, 430, 438, 440, 453.
Конъ-дагъ, гора, 421.
Котанлы, селеніе, 271—272, 275, 279, 358.
Кошмуръ-дагскій хребетъ, 366—368.
Краонъ, городъ, 262.
Крымъ, 14.
Куансъ-кале, крѣпость, 351.
Кубанъ, 6.
Кура, рѣка, 15, 64—65, 70—72, 76, 85, 174, 208, 219, 253, 257, 413.
Кутансъ, городъ, 132, 133, 190.
Кыги, городъ, 366.
Кыгинскій санджакъ, 366.
Кюлли, деревня, 363, 365—366, 369, 389.
Кюмбей, деревня, 58.
Кяликтъ-чифтликъ, мѣстечко, 352, 357, 361, 419, 422.
Лекъ, фортъ, 32.
Ленкоранъ, 227, 231.
Ливанъ (Артвинъ), городъ, 114.
Лихаури, 138.
Лорійская степь, 17.
Магазбертскій санджакъ, 7.
Магазбертъ, городъ, 6.
Макванети, деревня, 137.
Макка, городъ, 212.
Малая Азія, 6.
Манглисъ, мѣстечко, 15, 65.
Мануръ, селеніе, 422.
Мамахатунъ, городъ, 366.
Марага, область, 11.
Маранда, городъ, 1, 227.
Машукъ, городъ, 243.
Мегмансуръ, 359, 419—421.
Меджингертъ, селеніе, 272, 274, 298, 312.
Мезандеранъ, область, 12.
Мелязгердъ, селеніе, 117, 119, 124, 389.
Мешко, селеніе, 22—24.
Мешхедъ, городъ, 249.
Милидюзъ, селеніе, 272, 275, 279, 291, 293—294, 296, 311—312.
Мингрелія, 3, 14, 129—130, 405, 437.
Мокрыя горы, 16.
Москва, городъ, 244, 277.
Моссульскій пашалыкъ, 7, 165, 367—368.
Морея, 1, 2.
Мтацминда, гора, 208.
Муганская степь, 227.
Муратъ, рѣка, 390.

X.

Муха-Эстате, урочище, 405, 407—408, 411
Мушкій пашалыкъ, 7, 115—117, 119, 123, 344, 165, 363, 370, 434.
Муштъ, городъ, 163, 165, 334, 362, 364, 388—389.

Наваринъ, 2.
Наомари, 138, 190
Нариманъ, городъ, 256, 336 352, 413, 418—419.
Нарынъ каа, скала, 31.
Нахичеванское ханство, 13, 168 270, 436.
Нахичеванъ, городъ, 207.
Неби-чай, рѣка, 318
Нева, рѣка, 434.
Нижній Караджуранъ, селеніе, 26.
Николаевскій постъ 138, 190—191, 193, 405—406 408. 412.
Новгородъ, городъ, 242.
Новочеркасскъ, городъ, 244.

Озургеты, 136 - 138, 405—406, 408, 412
Ольты, мѣстечко, 256—257, 336, 352, 413—416, 418—419.
Орта-кши. предмѣстье, 31 32, 37, 40, 46.

Полдырванъ, селеніе, 22 23.
Палеостомъ, озеро, 129—130, 132.
Парижъ, городъ, 8, 373
Патнось, селеніе. 117—120. 124—126.
Пекиридажъ. селеніе. 419—420.
Перянга. хребетъ. 410.
Персія. государство, 1. 3, 5, 7, 10—12. 16, 18. 25, 98, 107, 164—165. 196—198, 204. 206. 211. 223—226. 228—231, 333—235. 237 - 241, 244—350. 371. 486.
Петербургъ. столица, 1, 4. 12. 98. 109—110. 138. 142, 164, 168, 209, 228. 230—231, 233—234, 236, 238—240, 242, 244. 247—248, 305. 442—443, 446—447.
Петергофъ, 244
Пиразы, селеніе, 15
Покванъ, городъ, 387.
Порта, 1. 2, 8, 12, 226, 353
Посховскій санджакъ, 169—170, 239—240.
Посховъ-чай, рѣка, 71—72, 85, 89, 171. 261—263.

Поти, портъ. 6, 11, 130—131, 133—134. 137, 139, 159, 190, 193, 404
Прутъ, рѣка. 147,
Пунъ, деревня 419.
Пятигорскъ, городъ, 243—244.

Редутъ кале. 132, 404.
Римъ, городъ, 305, 316.
Ріонъ. рѣка, 129, 132—133.
Россія, государство. 1, 2. 4. 6—7, 12 - 13, 52, 165, 211, 2-2, 224. 226, 230—231, 233. 240 - 242, 246—248. 250, 309, 314, 337, 357, 363, 373—374, 384, 386, 395, 407, 429, 434—436, 438, 441, 444—445, 450—451.
Рязанъ, городъ, 244.

Саганлугскій хребетъ. 18, 24, 55. 69, 235. 259—260, 268, 271—275, 279—281, 283, 343, 351, 382, 392, 406, 436, 438, 443, 445, 453.
Сагореджіо, деревня, 218.
Салмазъ, городъ, 108.
Сальяны, 15.
Самомлія, гора, 403.
Сардаръ-Абадъ. 25.
Сафарскій монастырь, 65.
Севастополь, городъ, 146—147, 156
Сивасскій пашалыкъ, 7
Сивась, городъ, 168.
Сивась, область, 163, 353.
Сигнахъ, городъ, 214.
Синонь, городъ. 168
Скутари. городъ, 168, 431.
Сомхетія, 3. 10. 63.
Софикентъ, деревня, 115—116.
Ставрополь, городъ. 244.
Стамбулъ, 131, 143
Сулейманъ-Кумбанъ, деревня. 120.
Сурамъ мѣстечко, 162, 174, 395.
Суригъ-Оганесь, монастырь, 387—388.
Суригъ-Саркись, деревня. 415.
Сунсъ, рѣка, 133.
Суфлисъ, селеніе, 78, 82—83, 89. 170, 179, 187
Сухумъ, крѣпость, 3—4, 133, 157, 404.

Тавризь, городъ, 1, 10—11, 18, 25, 126, 197—198, 204, 213, 224—225, 227—229, 234—235, 237—241, 249 - 250.
Талынъ, 3.
Талынъ, провинція, 13. 212, 227.

XI.

- Таушанъ-тапа, холмъ, 71.
Тегеранъ, городъ, 169, 194, 198—199, 201—206, 209, 211, 224, 237, 241, 245, 247, 250.
Тегишъ, селеніе, 54
Телавъ, городъ, 217.
Темиръ-паша, башня, 35, 45.
Терджанскій санджакъ, 366, 368, 419, 422.
Тертеръ, рѣчка, 248.
Тифлисъ, городъ, 1, 3, 9—10, 14, 16—17, 19—20, 64, 100, 110, 117, 125, 128, 160, 172, 176, 196, 206—208, 211, 213, 215—217, 219, 221—222, 234, 236, 238—240, 242, 248, 251, 258, 329, 331—332, 336, 381, 436, 437, 446—448, 451.
Тихнисъ, селеніе, 22—23.
Токато, область, 163.
Токатскій пашалыкъ, 7.
Токатъ, городъ, 168, 431.
Топорванъ-чай, рѣчка, 59.
Тошрахъ-кале, 113, 117, 120—121, 123, 126, 372, 374, 382.
Тошъ-дагъ, главная батарея крѣпости Эрзерума, 322, 324—327.
Трапезондскій пашалыкъ, 7, 345, 434.
Трапезондъ (Исперети), городъ, 135, 138, 140—141, 163, 168, 191, 334—335, 337, 343, 351—353, 357—358, 391, 404, 409, 422—423, 430—431, 433.
Турсиганъ, 250.
Турція, государство, 1, 3, 6, 11, 20, 157—158, 162, 206, 228, 242, 311, 363, 365, 383, 407, 414, 429, 436—437, 442, 444, 449, 455.
Урмія, область, 11, 13, 25.
Урушты, деревня, 432, 444.
Франція, 2, 363.
Хали-Чаушъ, деревня, 389.
Ханское ущелье, 278, 285—286, 288, 290, 295.
Ханы-чай, рѣчка, 285.
Хамаданъ, городъ, 241, 250.
Хартъ, деревня, 338—339, 341, 343, 345—349, 351, 357, 361, 423, 425.
Хертвисъ, крѣпость, 6, 64—65, 68, 162, 172, 181.
Хива, городъ, 323.
Хныскій санджакъ, 334.
Хнысъ, крѣпость, 334, 336, 359, 363, 365, 369, 389.
Хоросанъ, 312, 382.
Хошъ-Бунаръ, 421.
Хоя, 11, 13, 25, 108, 117, 120—121, 125, 197, 227, 235.
Хуло, селеніе, 399—400.
Хункеръ-су, рѣчка, 281, 284.
Цалка, крѣпость, 3, 15, 64—65, 162.
Царскія колодцы, мѣстечко, 12.
Цинубанъ, деревня, 174—175.
Цурукаби, деревня, 169—170, 254—256, 263, 266.
Цхрутъ, селеніе, 78.
Цинра, селеніе, 78.
Цыхидзири, селеніе, 404, 409—412.
Чаборіо, селеніе, 261, 263—266, 269, 282, 343.
Чала, деревня, 71.
Чалдырскія горы, 59.
Чалдырское озеро, 58.
Чармуръ, деревня, 397.
Чаурма, замокъ, 389.
Чахиръ-баба, урочище, 283, 285—286, 288—289.
Чахмахскія высоты, 31.
Чохотаурскій постъ, 3, 136, 139.
Чехатаури, 190—191.
Чечня, 6, 182.
Чилканы, городъ, 113—114.
Чимъ-табія, укрѣпленіе, 45.
Чогондуръ, деревня, 366, 368.
Чорохъ, рѣчка, 24, 413, 421—422, 426, 428.
Чумкескентъ, 41.
Чурукъ-су, селеніе, 408.
Шавшетъ, гора, 336.
Шамхоръ, городъ, 182.
Шахъ-Абдулъ-Азисъ, 206.
Шека, провинція, 13, 248, 270.
Шень-су, рѣчка, 352.
Ширванъ, провинція, 13, 212, 248, 270, 433.
Шорохскія высоты, 31, 33—34, 36.
Шуа-хевъ, 399.
Шурагельская область, 16.
Шурагель, 3, 10, 454.
Шуша, городъ, 42.

XII.

Щеглицъ, мѣстечко Могилевской губерніи, 446	371, 382 383, 385, 387, 389, 391—392, 406 407, 414—415, 419—421, 429—430, 436, 438, 444 446, 453.
Эрзерумскій паталыкъ , 7, 120, 163, 165, 313, 333, 351, 359, 364, 369, 434.	Эрзингянъ, 358.
Эрзерумъ, городъ , 8—9, 19—20, 23—25, 54—55, 68, 105, 116, 160, 161, 163, 168, 171, 211, 235, 251, 257, 271—272, 282, 294—295, 305, 311—314, 316, 318—324, 326 331, 333—336, 338, 343—344, 352, 356, 358—360, 362—364, 366. 368—369	Эриванская область, 12—13, 113. Эриванское ханство, 3, 9, 168, 436 Эриванъ, городъ. 1, 17. 19, 22, 25, 106—108, 113, 119, 121, 124, 126, 199, 212, 361, 432, 434. Эчмиадзинъ, 116, 215, 231.
	Юсуфъ-паша, бастионъ , 32, 47.

ХІІІ

ІІІ

Войсковыя части.

- А**ншеронскій полкъ, 13, 52, 231.
 Армянская конница, (города Эрзерума), 365.
 Армянскій баталіонъ (города Эрзерума), 365, 372.
 7-я артиллерійская бригада, 147.
 14-я артиллерійская бригада, 231
 20-я артиллерійская бригада, 57, 258.
 21-я артиллерійская бригада, 65.
- Б**аталіонъ Нахичеванскихъ сарбазовъ (армянъ), 269.
 Батарея № 1 20-й артиллерійской бригады, 21, 61.
 Батарея № 2 (легкая) 20 й артиллерійской бригады, 21, 45
 Батарея № 1 21-й артиллерійской бригады, 22.
 Батарея № 2 (легкая) 21 й артиллерійской бригады, 138.
 Батарея № 5 резервная 21-й артиллерійской бригады. 22.
 Батарея № 1 Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, 21.
 Батарея № 2 Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, 21.
 Борисоглѣбскій уланскій полкъ, 74.
 Бородинскій пѣхотный полкъ, 337, 395, 397, 400—402.
 Бѣлогородскій драгунскій полкъ, 425.
- Г**орскій казачій полкъ, 300.
 Гребенской казачій полкъ, 273
 Греческая пѣшая сотня (Эрзерумская), 365.
 Грузино-татарская конница, 22, 27.
 Грузинская милиція, 213, 221, 258.
 Грузинскій гренадерскій полкъ, 10, 13, 21, 40, 44, 46—47, 50—51, 58, 72, 89, 96, 176, 206 269, 287, 295, 312, 344, 346—347, 353, 421—423, 426.
 Гурийская милиція, 190, 220, 405, 408—409, 411.
- Д**онская казачья бригада. 57.
 Донская конно-артиллерійская № 3 рота, (Зубкова), 22, 73, 82.
- Донской казачій Басова полкъ, 107, 128, 162, 269, 273, 276, 363, 371.
 Донской казачій Грекова полкъ, 76.
 Донской казачій Измайлова полкъ, 22, 27, 162.
 Донской казачій Иловайскаго полкъ, 22, 27.
 Донской казачій Карпова полкъ, 22, 27, 34, 82, 258, 269, 274, 281, 286—287, 295—297, 421—422.
 Донской казачій Леонова полкъ, 22, 27, 254, 295.
 Донской казачій Сергѣева полкъ, 22, 26—27, 162, 269, 275
 Донской казачій Студенкина полкъ, 264 265, 397, 401—402.
 Донской казачій Шамшева полкъ. 128, 162, 371, 376, 384.
 Донской казачій Өмина полкъ, 269, 274 288. 295. 297—298. 307, 352—353 422.
- 13-й **Е**герскій полкъ, 146—147, 149—152, 156.
 14-й Егерскій полкъ, 146—147, 149—153, 156.
 28-й Егерскій полкъ, 337, 395, 397, 402
 39-й Егерскій полкъ. 21, 25, 40—41, 45, 57, 71, 162.
 40-й Егерскій полкъ, 21, 26, 40, 57, 105, 162, 257, 259, 263, 267, 269, 286, 295, 312, 413.
 41-й Егерскій полкъ, 13—14, 21, 65, 79, 81, 89, 95, 107, 113, 117, 162, 231, 248, 257, 269, 334, 369, 421.
 42-й Егерскій полкъ, 13, 26, 40—42, 52, 60, 71, 79, 82, 88, 94, 162, 231, 257, 267, 269, 286, 295, 419, 444.
 44-й Егерскій полкъ. 14, 130, 132, 138—139, 190—191, 193, 408, 411.
- К**абардинскій полкъ, 13—14, 41, 121, 128, 162, 231, 257, 269, 325—326, 344, 369, 371, 444.
 Кавказская гренадерская артиллерійская бригада, 36, 45, 377,

- Кавказская гренадерская бригада. 10, 22—23, 25, 30, 34, 51, 54, 64, 257, 284, 285, 290, 312, 344, 358, 419—420.
- Кавказский Корпусъ, 12, 164, 173, 283, 292, 305, 343, 384, 435, 446—447, 1-й Кавказский саперный батальонъ, 343.
- Казачья бригада, 21, 27.
- Карапапахская конница, 169—170, 413.
- Карталинская милиція, 176.
- Каспійский морской батальонъ, 13.
- Козловский пѣхотный полкъ, 13, 65, 79, 88, 118, 127—128, 162, 231, 371—372, 379, 381, 384, 390.
- Конница Гайты. 421.
- Конница Кянгерлы. 168, 269—270.
- Конно-армянская дружина. 237.
- Конно-линейная казачья № 5 рота, 22, 36.
- 1-й Конно-Мусульманский полкъ. 168, 258, 269—270, 281, 286, 288, 295—298, 302, 358.
- 2-й Конно-Мусульманский полкъ. 168, 258, 264, 269—270, 286—287, 335, 338, 340, 349, 353, 415, 417.
- 3-й Конно-Мусульманский полкъ. 168, 212, 258, 263, 265, 269—270, 296—297, 301—302.
- 4-й Конно-Мусульманский полкъ. 168, 269—270, 295—298, 302, 415—416.
- Крымский пѣхотный полкъ, 22, 40, 44, 46, 50, 57, 176, 258, 366, 384, 395.
- Куринский полкъ, 13, 231.
- Куртинская сотня, 113.
- Л**ейбъ-Атаманский казачій Цесаревича полкъ, 142.
- Лейбъ-гвардейский Гусарский полкъ. 109.
- Линейный казачій полкъ, 26—27, 34—35, 60, 62, 278, 286—288.
- М**ингрельская милиція. 406, 408—409, 411.
- Мингрельский пѣхотный полкъ, 14, 103, 130, 132, 139, 190, 405, 408, 411.
- Н**авагинский пѣхотный полкъ, 13.
- Нахичеванская мѣстная конная милиція, 13.
- Пашебургский полкъ, 13, 108, 111—112, 114—115, 128, 146, 162, 231, 371, 376—377, 379, 384.
- Нижегородский драгунский полкъ, 11—13, 22, 27, 60, 62, 64, 72—73, 75, 83, 95, 109—110, 127, 162, 258—259, 269, 275—276, 278, 287—288, 295, 297—298, 303—304, 310, 347, 349, 353, 419—421, 423, 425, 427—428.
- О**садная батарея № 1—40.
- Осадная батарея № 2—40.
- Осадная батарея № 3—40.
- Осадная батарея № 4—40, 53.
- П**ионерный батальонъ № 8, 21, 27, 79, 90, 162, 269, 353, 415—416.
- 5-я пѣхотная дивизія, 41.
- 7-я пѣхотная дивизія, 146.
- 14-я пѣхотная дивизія, 231, 337, 395.
- 20-я пѣхотная дивизія, 12—13, 41, 373, 444.
- 1-й пѣхотный корпусъ, 41.
- 2-й **С**борный линейный казачій полкъ, 360, 421—422.
- Сводно-Гвардейский полкъ, 12.
- Сводно-линейный казачій полкъ, 22, 61, 258—259, 295, 300—301, 307, 312.
- Сводно-уланский полкъ, 22, 27—28, 48, 75, 162, 258, 269, 288, 295, 297—299, 303, 349, 421, 423, 425, 427.
- Сводный кавалерійский полкъ, 72.
- Сводный пѣхотный полкъ, 269.
- Сводный Черноморский казачій полкъ, 269, 288.
- Севастопольский пѣхотный полкъ, 13, 107—108, 113, 128, 162, 231, 257, 269, 325—326, 344, 364, 371, 384, 386.
- Семеновский полкъ, 373.
- Серпуховский уланский полкъ, 72, 75, 416, 425, 426.
- Ставропольский егерский полкъ, 384.
- Т**аманский гарнизонный полкъ, 146, 151—152.
- Тарутинский пѣхотный полкъ, 337, 339, 397—398, 401—402.
- Тенгинский пѣхотный полкъ, 13, 231, 384.
- Тифлиский егерский полкъ, 13—14, 206—207, 231.

XV

1-я **У**ланская дивизія, 11.
 2-я Уланская дивизія, 12—13.
 Украинскій пѣхотный полкъ, 342.

Херсонскій гренадерскій полкъ, 10,
 14, 65, 76—80, 84, 88—89, 93—94,
 162, 174, 177—179, 253—257, 259,
 261—265, 269, 274, 284—288, 290,
 294, 335, 338, 340, 342—343, 356,
 421—423, 426.

Черноморская флотилія 150, 156, 168,
 Черноморскій казачій полкъ, 258, 386
 4-й Черноморскій казачій конный полкъ,
 22, 146.
 8-й Черноморскій казачій конный полкъ,
 146, 149, 151—152, 156.
 9-й Черноморскій казачій конный полкъ,
 146, 149, 151—152, 156.

5-й Черноморскій казачій пѣшій полкъ,
 146, 149, 156
 8-й Черноморскій казачій пѣшій полкъ,
 146, 149, 156
 Черноморское казачье войско, 153.

Ширванскій пѣхотный полкъ, 13, 21,
 26, 34, 36—38, 40, 45—46, 49, 56,
 61—63, 79, 82—83, 88—94, 97—
 98, 162, 170, 173, 178, 180, 182—
 183, 186—187, 252, 254—256, 263—
 265, 336, 342—344, 346—348, 358,
 395, 415, 421, 423, 425, 427.

Эриванскій карабинерный полкъ, 14,
 21, 35, 40, 46—47, 49, 65, 72, 79—
 83, 88, 93—95, 266, 269, 281, 283,
 295, 300, 302, 327, 335, 338, 444,
 421, 423, 426—427.

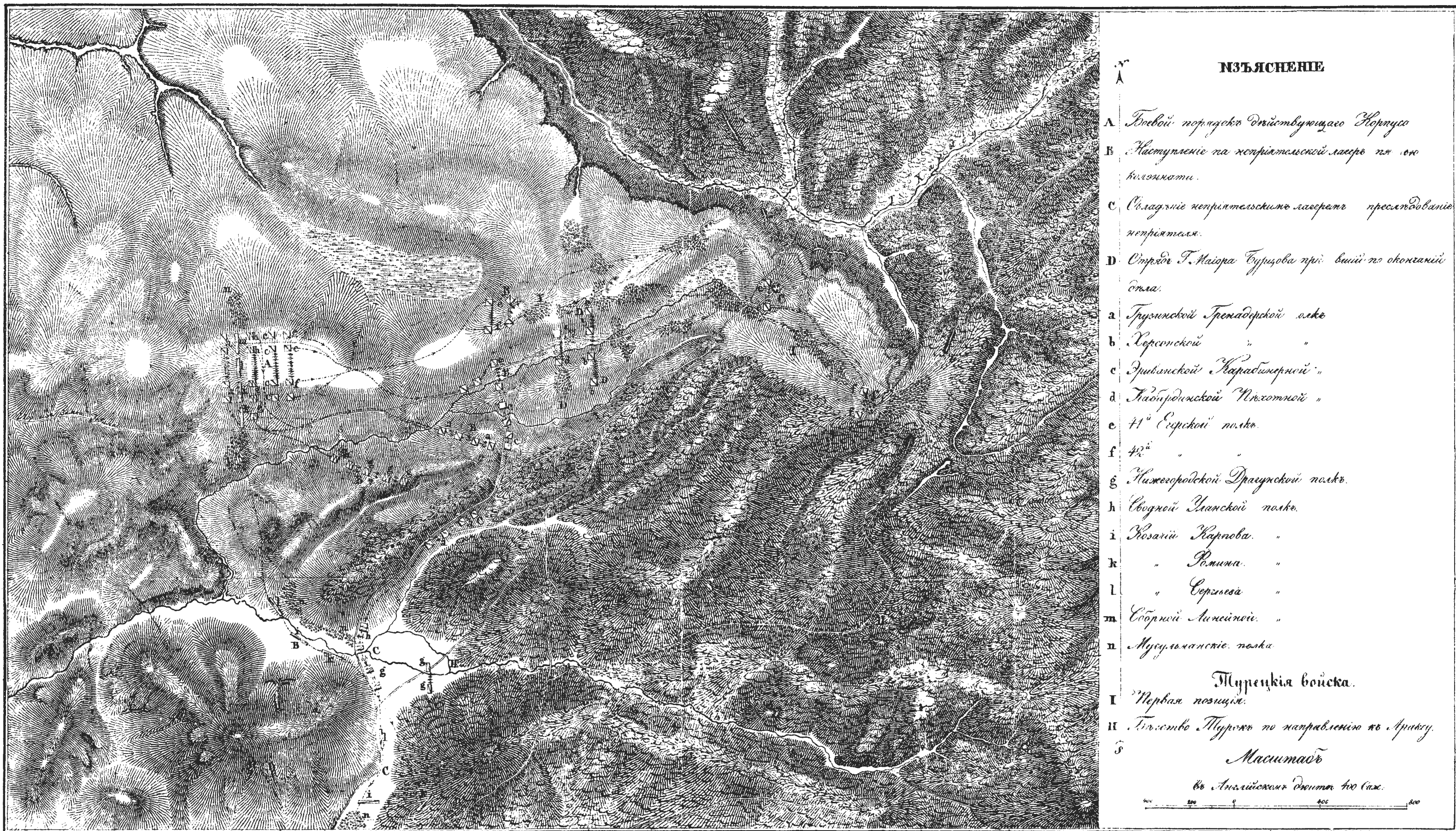

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

При Урошищъ Милидюзъ.

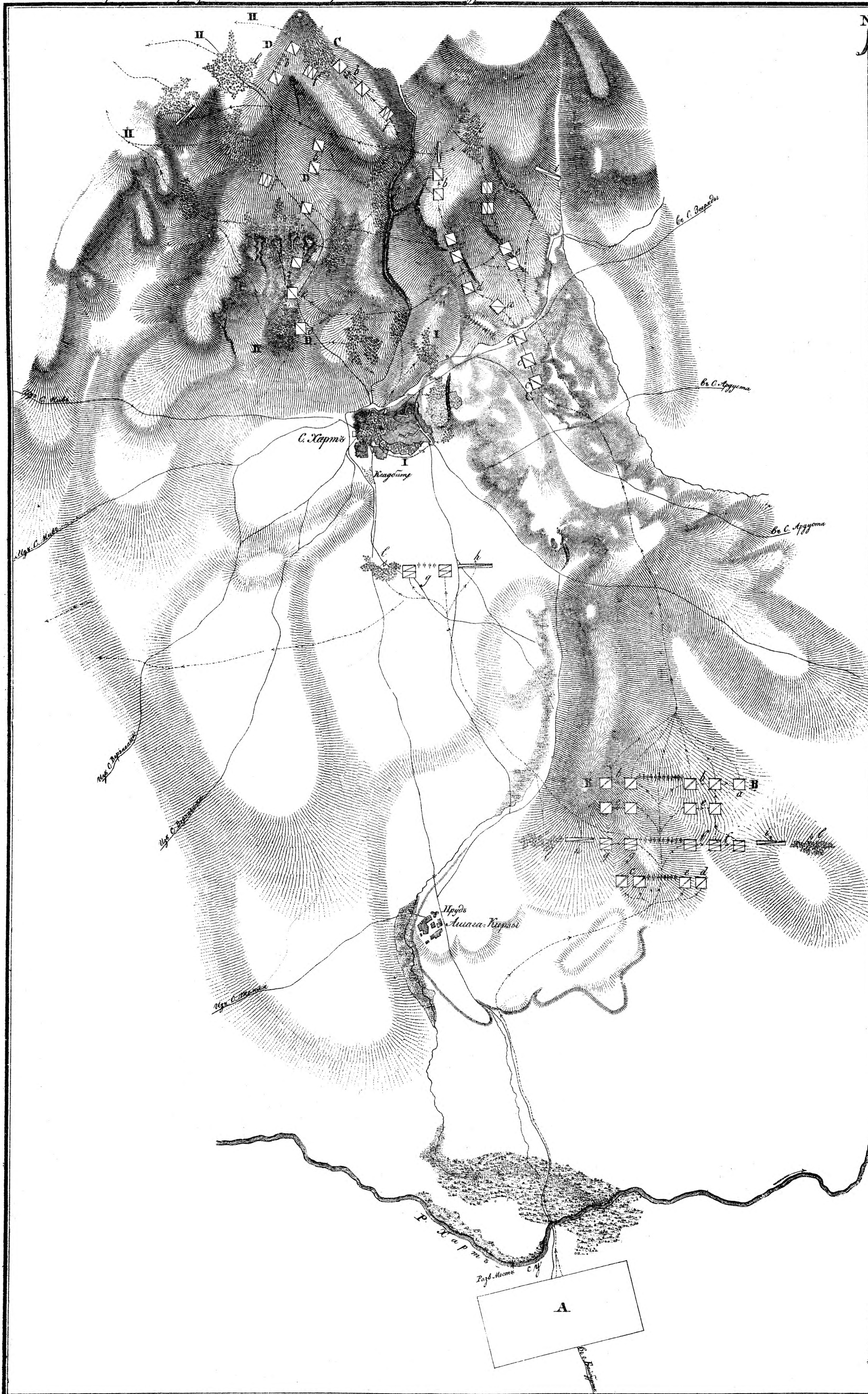
Между Россійскими Войсками подъ предводительствомъ Главнокомандующаго Стрѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Паскевича Эриванскаго и ²⁰мъ Турецкимъ Корпусомъ подъ Начальствомъ Трехъ Бундужнаго Пашы Пашы 20го Июня 1829 года.

При сел. Хартъ

Между Россійскими войсками подъ предводительствомъ Главнѣйшаго начальника Кавказскихъ Корпусовъ Генераль Великаго Князя Михаила Николаевича Гурьева и Турецкими войсками подъ начальствомъ Османъ Паши 26 и 28 Июля 1829 года -

Изъясненіе

Россійскія войска.

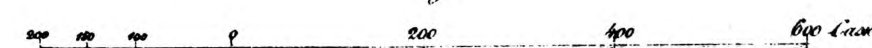
- A. Лазеръ Россійскихъ войскъ.
- B. Боевой порядокъ отступвующаго корпуса.
- C. Первая позиція Россійскихъ войскъ и овладѣніе неприступными завалами на высотахъ позади деревни устроеными.
- D. Занятіе высоты укрѣпленной минцами и преслѣдованіе непріятеля.
- E. Позиція Россійскихъ войскъ въ ночь съ 27 на 28 Июля.
- F. Отрядъ посланный преслѣдовать отступавъ не пріятеля по направленію къ селенію Балмагоръ въ которомъ взять лазеръ Османъ-Паши и два орудія.
- a Три роты 8го піонернаго баталіона.
- b Грузинской Гренадерской полкъ.
- c Шесть ротъ Эриванскаго Карабинернаго полка.
- d Две роты Херсонскаго Гренадерскаго полка.
- e Пехотной Графа Паскевича Эриванскаго полкъ.
- f Нижегородской Драгунской полкъ.
- g Сводный уланскій полкъ.
- h Казачій Флашка п.
- i " Карпова п.
- k Сборный Мухометовскій п.
- l Мусульманскіе полки.

Турецкія войска

- I Первая позиция
- II Отступление гвсти Турецких войск 2^е число.
- III Бегство Турокъ изъ Селеня Харта въ ночь
съ 2^е на 28^е число

Масштабъ

въ Англіискоу дѣлѣ 20 сажень

Планъ Сраженія При городѣ Байбуртѣ

Между Россійскими войсками подъ предводительствомъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генералъ
Адмирала Генералъ Адмирала Графа Паскевича Эриванскаго и ^{т.} Турецкимъ корпусомъ подъ начальствомъ Султанскаго Османъ Паши 22го Сентября 1829.

Изъясненіе

- A Слѣдованіе Россійскихъ войскъ къ городу Байбуртѣ.
- B Первая позиція войскъ въ бою въ порядкѣ.
- C Сбитіе непріятеля съ первой его позиціи.
- D Взятіе штурмомъ непріятельскихъ шанцевъ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ.
- E Атака Своднымъ Уланскимъ полкомъ на кибитки и отраженіе непріятеля на оную находившагося.
- F Иррегулярная кавалерія обкалѣвъ правый флангъ непріятеля отрезываетъ ему дорогу въ Чоркесамъ ущельи.
- G Преслѣдованіе непріятеля.
- H Атака произведенная върѣзъ слѣдованія баталіоновъ Грузинскаго Гренадерскаго и палуобаталіоновъ 41го Сербскаго палковъ противъ непріятеля засѣвшихъ въ рѣзвѣхъ.
- I Баталіонъ палки Графа Паскевича Эриванскаго, отряженный для охрѣненія города отъ непріятеля.
- K Очная атака произведенная на непріятеля по крутому гребню расположеннаго.
- L Окончателное преслѣдованіе непріятеля.
- M Лагерь послѣ сраженія.

- a Керсонскій Гренадерскій палкъ.
- b Грузинскій п.
- c Эриванскій карабинерный п.
- d Генералъ Адмирала Графа Паскевича Эриванскаго п.
- e 41^й Сербскій п.
- f Нижегородскій Драгунскій п.
- g Сводный Уланскій п.
- h Донецкій кизилій Р. палка (————— 4° 26') палкъ
- i ————— Кармиса (————— 4° 30') —
- k ————— Сергеева (————— 1° 31') —
- l 1 Сборно-линейный палкъ
- m 2 —————

- n Сотни 3го Мусульманскаго палка и конница Паши. Каждый присутный батъ солъ рисовывался въ бою въ порядкѣ на 2го баталіона.

Турецкія войска.

- I Первая позиція Турецкихъ войскъ.
- II Вторая позиція.
- III Бѣство Турокъ
- IV Часть непріятеля на крутомъ гребнѣ горы, окруженная Россійскими войсками.
- 1 Пѣхота.
- 2 Кавалерія.

Масштабъ.

Въ Англійской войнѣ одна верста.

200 400 600 800 1000

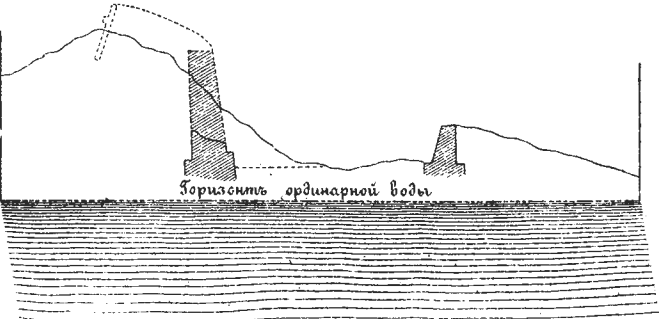
ИЗЪЯСНЕНІЕ

- А. Лазерное мѣсто.
ВВ. Потрошннмѣнта на булавской дорогѣ, прикрывающій тылъ лагеря противу геркесъ.
С. Потрошннмѣнтаи сѣвъ для прикрытія провоза грѣвъ балона къ лагерю.
D. Мостъ на бѣгѣхъ.
E. Вооруженной баркасъ.
F. Предмостное укрѣплѣніе.
G. Рѣдуть для огнищенія поля.
H. Мѣсто высадкн десанта.
I. Пристань для сообщенія съ флотомъ.
K. Телеграфъ для переговоровъ съ флотомъ.

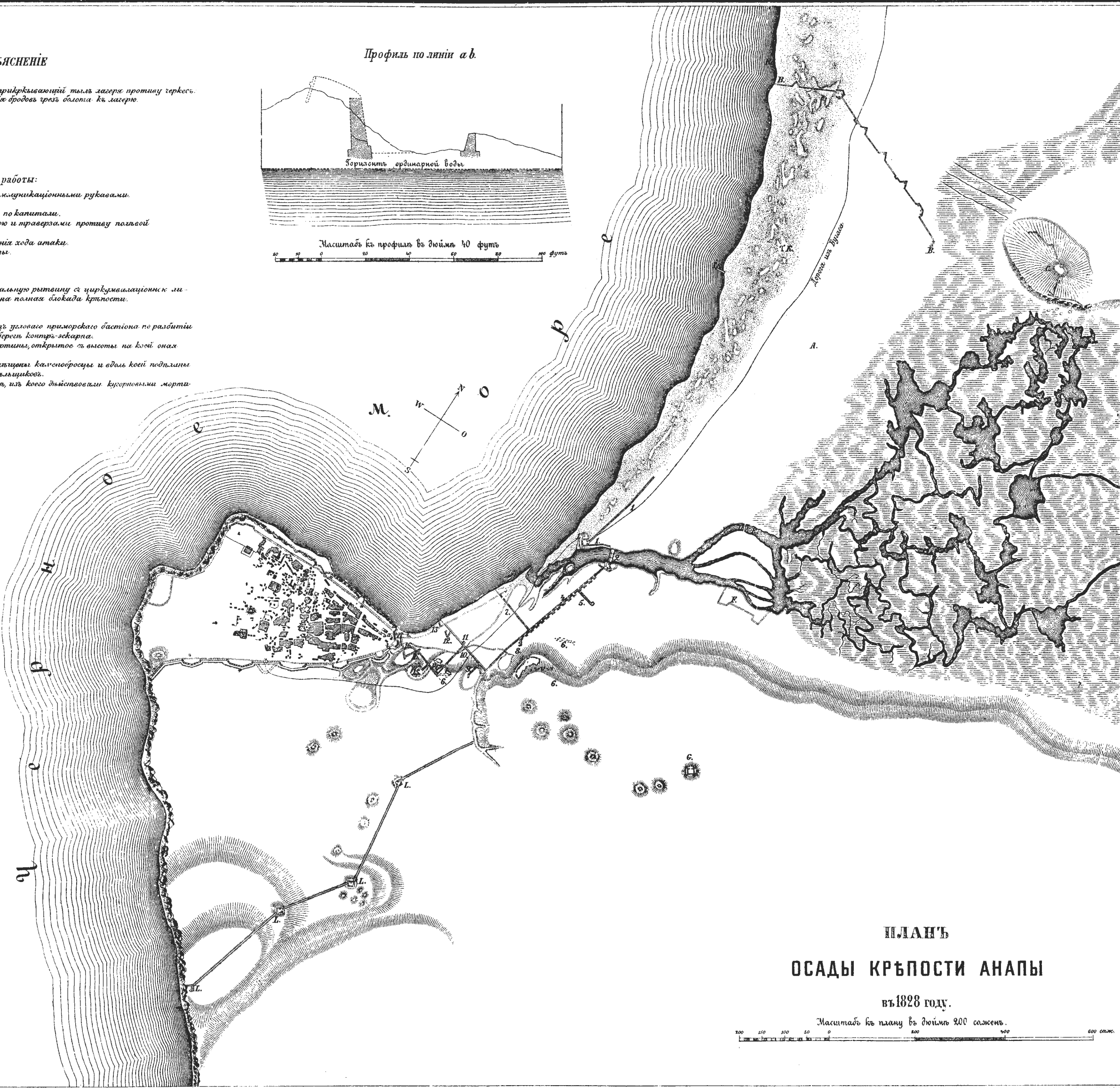
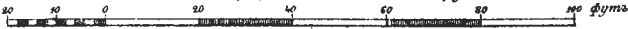
Осадныя работы:

1. Единорожная и кессель батареи съ коммуникационными рукавами.
2. Мостъ съ брустверомъ.
3. Предмостное укрѣплѣніе съ траверсами по капиталамъ.
4. Коммуникаціонная траншея съ десантно и траверсами противу пальмовой непріятельской артиллеріи.
5. Полупараллель съ батареею для огнищенія хода атаки.
6. Трѣхкѣ контръ-инженные ложемента.
7. Вторая полупараллель.
8. Кессель батареи.
9. Демонтиръ батареи.
10. Параллель соединяющаяся чрезъ естественную рѣшетку съ циркумвалаціоннѣмъ мѣстомъ съ 4^{то} редутами L, коими совершена полная блокада крѣпости.
11. Мортирныя батареи.
12. Близкая демонтиръ батареи.
13. Брѣвна батарей, действующихъ на цѣль утѣлого приморскаго бастіона по разбитіи оного не засыпаннаго непріятель при бѣгѣ контръ-эскарпа.
14. Батарея, действующая на основніе куртины, открытоя съ высоты на коей она была построена.
15. Куртинная турецкая жма, въ коей помѣщены каменобросцы и орудія коей подланы были бойницы для изобранныхъ застрѣльчиковъ.
16. Веденный сѣпной ложементъ на мѣстѣ, изъ коего дѣйствовали куртинными мортирами и ружейными отъѣмъ.
17. Платовой спускъ въ рѣку десантно сѣпной.

Профиль по линіи а в.

Масштабъ къ профилю въ дюймъ 40 футъ

ПЛАНЪ

ОСАДЫ КРѢПОСТИ АНАПЫ

въ 1828 году.

Масштабъ къ плану въ дюймъ 200 сажень.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ

Между Россійскими войсками подъ предводительствомъ Главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Генерала Фельдмаршала Графа Паскевича Эриванскаго и ³⁰ Турецкимъ Корпусомъ подъ начальствомъ Серашира Арзрумскаго и частей войскъ Трехъ Бунджанаго Таки Паши при селеніи Каины 19го Июня 1829го года.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

- A** Первая позиція Россійскихъ войскъ.
- B** Отраженіе непріятельскихъ атакъ на правый и на лѣвый флангъ.
- C** Движеніе отрядовъ посланныхъ Господинамъ Главнокомандующаго для преслѣдованія отъ рокинутого непріятеля.
- D** Бѣговой порядокъ для наступленія на непріятельскія шанцы.
- E** Отрядъ наиболѣе сильнѣйшей Таки-Паши.
- F** Обходные непріятельскіе шанцы и преслѣдованіе непріятеля по дорожкѣ къ Дери-Зиванъ.
- G** Вспомогательное и прикрытіе оного по окончаніи дѣла.

Россійскіе войска.

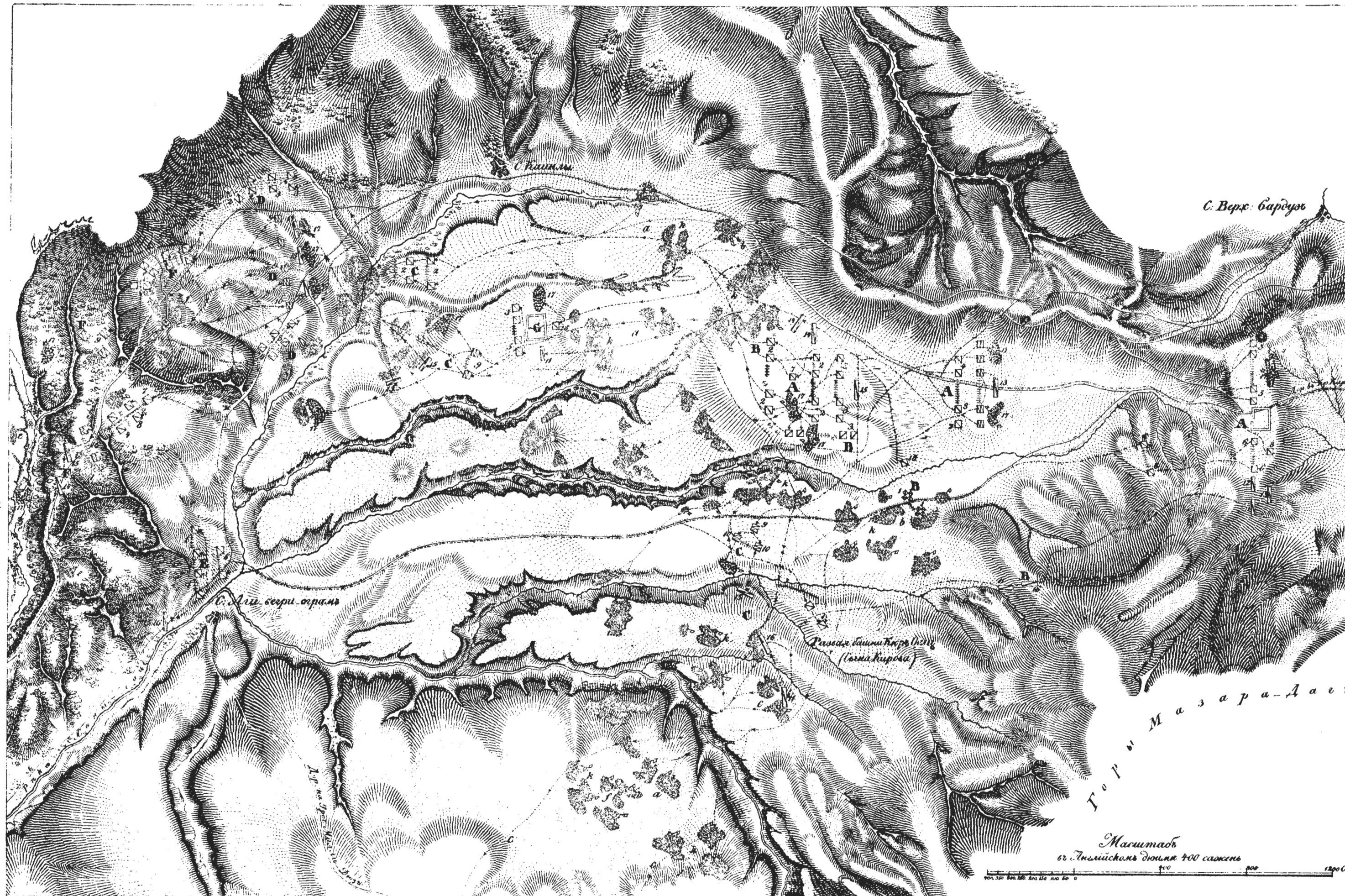
- 1 Херсонскій гренадерскій полкъ.
- 2 Грузинскій гренадерскій полкъ.
- 3 Эриванскій карабинерный полкъ.
- 4 42го егерскаго полка.
- 5 Кавказскій пехотный полкъ.
- 6 Сводный полкъ изъ Севастопольскаго полка и Сербскаго.
- 7 8го Писаревскій батальонъ.
- 8 Батальонъ 11го егерскаго полка.
- 9 Кавказскій драгунскій полкъ.
- 10 Сводный уланскій полкъ.
- 11 Кавказскій Сербскій полкъ.
- 12 Кавказскій Сербскій полкъ.
- 13 Кавказскій Кармелитскій полкъ.
- 14 Кавказскій Флангскій полкъ.
- 15 Сводный линейный полкъ.
- 16 Сводный полкъ изъ Сербскихъ порцубовъ Писаревъ.
- 17 Мушкетерскіе полки.
- 18 2го противъ 40го егерскаго полка.

Каждый пехотный батальонъ разбивается въ бѣговой порядкѣ на два батальона, кромѣ батальоновъ 42го егерскаго полка Севастопольскаго Сербскаго и 8го писаревскаго батальона.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Турецкіе войска.

- a** Первая позиція турецкихъ войскъ.
- b** Нападеніе войскъ Серашира на правый флангъ и войскъ Таки-Паши на лѣвый флангъ Россійскаго корпуса.
- c** Позиція турокъ послѣ отраженія ихъ нападеній и отступленія одной части войскъ къ заваламъ и шанцамъ, а другой по направленію къ лагерю Таки-Паши.
- d** Позиція войскъ Серашира за устроеными во время дѣла шанцами и шанцами.
- e** Вѣсто турецкихъ войскъ изъ шанцовъ.
- f** Турецкая кавалерія.
- h** Турецкая пѣхота.

Освободив и взяв приступом крепости Нар-
са Российскими войсками под предводительством
Генералъ Рендъмаршала Графа Паскевича
Арханскаго Июля 25го дня 1828 года

ИЗЪЯСНЕНИЕ

А	Цудыдобыя
В	Тутласць
С	Прымятае ўрота. капы.
Д	Прымятае вярхавя. пашы.
Е	Вашыя Тамуры. пашы
Г	Вашыя Тамуры. пашы.
Ф	Ужытае Таму. Таму.
Н	Ужытае Таму. Таму.
І	Ужытае Таму. Таму.

[illegible]

а Мускусная бочка.
 б Непрятаевская виллажка 20^ю числ.
 в Виллажка б. пош. на 23^ю числ.
 д Непрятаевская виллажка 23^ю числ.
 е Виллажка непятаевской виллажки.

ПЛАНЪ

Города Баязета и окрестности

Снятый Бусалю во время Турецкой войны въ Декабрѣ 1828 и въ Январѣ 1829 годовъ.

Изъясненіе

Части города

- I. Армянская
- II. Мусульманская
- III. Предмѣстье
- а. Нов. Занкохъ.
- б. Стар. Занкохъ.
- в. Армянская церковь
- г. Караванъ Сарай.
- д. Восточная батарея
- е. Красная батарея
- ж. Новая батарея
- з. Эриванскія батареи
- к. Башни.
- л. Ванскія ворота.

Масштабъ

Въ Английскихъ дюйм. и ф. 200

ПЛАНЪ

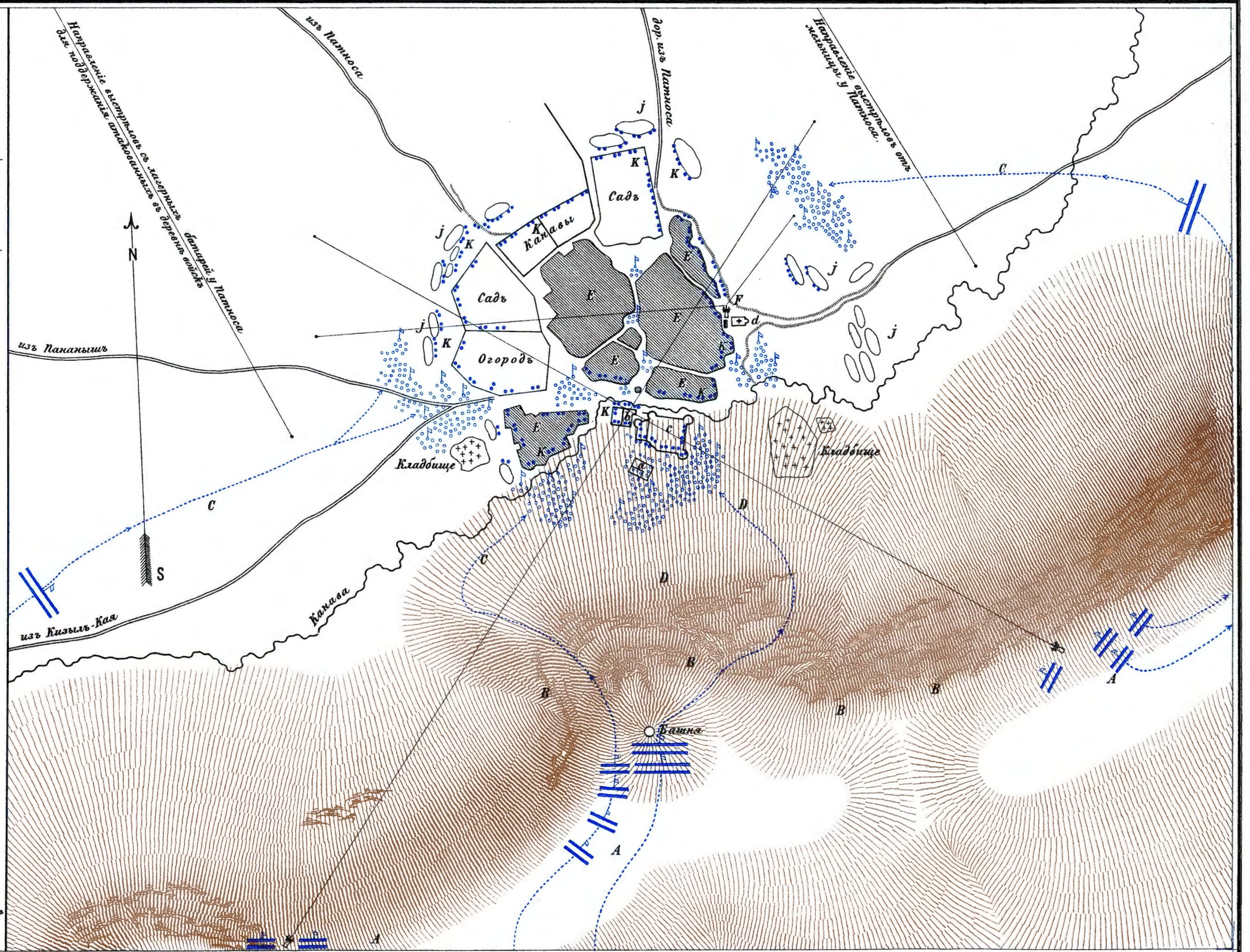
СЕЛ. ГРАКУМЪ,

лежащаго въ Ванскомъ пашалыкѣ близъ Мелезгиртской дороги, съ показаніемъ атакъ отраженныхъ четырьмя пѣхотными ротами противъ 8000 Турокъ предводимыхъ Мушкимъ Эминъ-Пашею 1828го года 18го и 19го чиселъ мѣсяца Октября.

Изъясненіе.

- а. в. — Дома каменные.
- с. — Укрѣпленный домъ.
- д. — Армянская церковь.
- Е. — Дома жителей.
- j. — Куги самана.
- А. — Турецкія войска. ☼☼
- В. — Скалы укрывавшія турецкихъ стрѣлковъ.
- С. — Пути по коимъ Турки 4 раза атаковали кавалерією.
- Д. — Атака Турецкой пѣхоты.
- Ф. — Орудіе Кавк. Гр. Бриг. 2ой легкой.
- К. — Русскіе стрѣлки. ☼☼

10 30 50 100 200 шаговъ

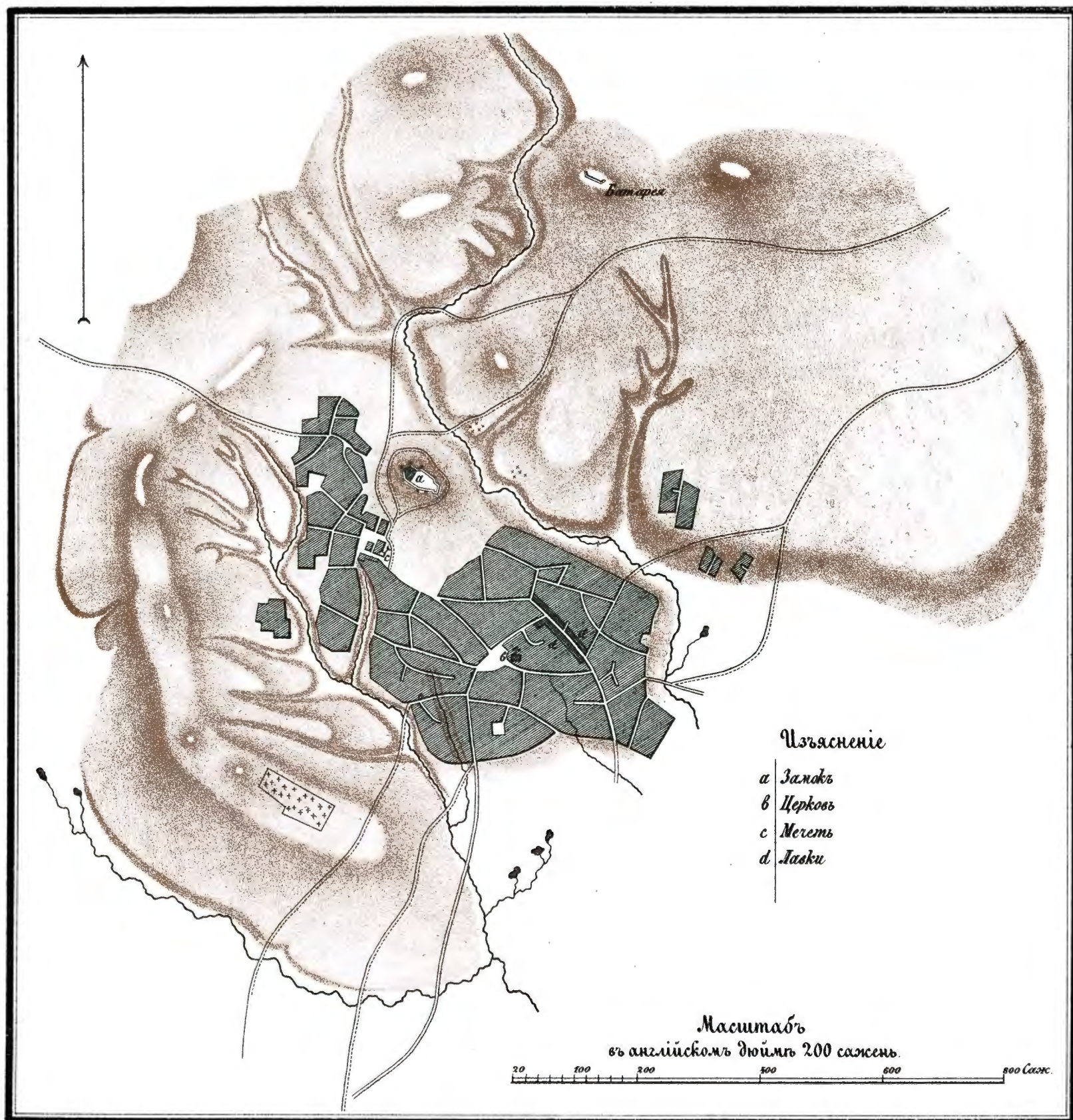

Лит. Кавк. Военно-Топогр. Отдѣла.

ПЛАНЪ

МЪСТЕЧКА ТОПРАХЪ-КАЛЕ [АЛАШКЕРТА].

Лит. Кавк. Военно-Геогр. Отдѣла.

КАРТА ТЕАТРА ВОЙНЫ СЪ ТУРЦІЕЙ

1828-1829 гг.

Масштабъ 40 верстъ въ дюймъ.

вер 40 30 20 10 0 40 80 вер.

